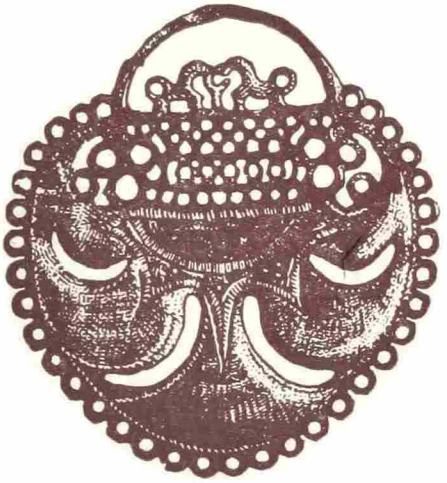
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4
1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1977

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *В. М. Массон,*
М. Г. Мошкова (отв. секретарь), *Р. М. Мунчаев,*
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева,
Б. А. Рыбаков, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Башилов, В. В. Волков (Москва). Советская археология в год 60-летия Великого Октября 5
И. И. Артеменко (Киев). Археологические исследования в Украинской ССР 12
Ю. Н. Захарук (Москва). О понятии «факт» в археологической науке 30
М. А. Итина (Москва). Проблемы археологии Хорезма. (К 40-летию Хорезмской экспедиции) 41
В. Ф. Генинг (Киев). Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен 53
В. И. Гуляев (Москва). Города майя 74
Г. И. Смирнова (Ленинград). О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре) 94
В. С. Ольховский (Москва). Скифские катакомбы в Северном Причерноморье 108
Е. А. Савостина (Москва). Римские имена в ономастике Северного Причерноморья 129
В. Б. Перхавко (Москва). Вопросы раннесредневековой истории Белоруссии (VI—IX вв. н. э.) в польской археологической литературе последних лет (1960—1975 гг.) 146
Б. Л. Альтшуллер (Москва). Бесстолпные храмы XIV века в Коломне 156
Иштван Торма (Будапешт). Археологическая Топография Венгрии . . . 174

Публикации

П. И. Борисковский (Ленинград). Археология во Вьетнаме в наши дни 183
С. И. Татаринов (Артемовск). О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе 192
Ю. В. Буйнов (Харьков). О погребальном обряде племен бондарихинской культуры 208
И. А. Бабаев (Баку). Исследования общественного здания второй половины I в. до н. э. — I в. н. э. на городище Кабала 217
Н. А. Боковенко (Ленинград). Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе 228

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1977 г.

И. И. Лобода (Бахчисарай). Раскопки могильника Озерное III в 1963—1965 гг. 236
П. А. Раппопорт (Ленинград). «Старая кафедра» в окрестностях Владимира — Волынского 253

Заметки

А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов, Л. Д. Сулержицкий (Москва). Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов 267
В. Н. Логвин (Кустанай). Новый памятник каменного века Кустанайской области 270
Ю. С. Гришин (Москва). О бескерамических неолитических стоянках в Забайкалье 275
С. В. Кузьминых (Казань). О химическом составе металла Соколовского могильника 279
Т. Менчинская, Э. Ш. Кудаев (Москва). Наскальные рисунки в Центральных Кызылкумах 283
А. С. Скрипкин, В. И. Мамонтов (Волгоград). Об одном новом типе позднесарматских кинжалов 285
В. И. Шляхова (Москва). Серебряный сосуд из с. Юлдус (Курганская область) 287
В. А. Кучкин (Москва). К изучению текста новгородской берестяной грамоты 138 292
М. Б. Мужухоев (Грозный). Антропоморфные надгробные стелы мусульманских кладбищ Чечено-Ингушетии 295
А. В. Чернецов (Москва). Об одном рисунке Радзивилловской летописи 301
В. А. Буров (Москва). К вопросу о реконструкции нижних приделов Преображенского собора Соловецкого монастыря XVI в. 306

Критика и библиография

А. Д. Резепкин (Ленинград). В. И. Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974 314
С. П. Борисковская (Ленинград). D. A. Amyx, P. Lawrence. Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well. Corinth, v. VII, p. II. Princeton New Jersey, 1975 318
С. А. Плетнева (Москва). И. П. Русанова. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976 321

Хроника

О. М. Давудов (Махачкала). V Крупновские чтения (Махачкала, 1975) 327
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1977 год 332

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.

INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 4 1977

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

V. A. Bachilov, V. V. Volkov (Moscou). L'Archéologie soviétique et le 60ème Anniversaire de la Grande Révolution d'Octobre 5
I. I. Artémenko (Kiev). Les fouilles archéologiques en Ukraine 12
You. N. Zakharouk (Moscou). La notion du «fait» en science archéologique 30
M. A. Itina (Moscou). Les problèmes de l'archéologie du Khorèsme 41
V. F. Ghéning (Kiev). Le champ funéraire de Sintachta et le problème des anciennes tribus indo-iraniennes 53
V. I. Goulaiev (Moscou). Les villes des Mayas 74
G. I. Smirnova (Léningrad). Le rapport chronologique entre les monuments du type de Sakharna-Solontchèny et de Jabotine (d'après les documents fournis par les kourganes de Mervintsy à Dniestr) 94
V. S. Olkhovski (Moscou). Les catacombes scythes dans les steppes de la mer Noire 108
E. A. Savostina (Moscou). Les noms romanisés dans l'onomastique du littoral nord de la mer Noire 129
V. B. Perkhavko (Moscou). Quelques questions sur le haut Moyen Age en Biélorussie (du VIe au IXe s.) dans la littérature archéologique polonaise de 1960 à 1975) 146
B. L. Altschuller (Moscou). Deux églises sans piliers du XIVe s. à Kolomna 156
Istvan Torma (Budapest). Topographie archéologique de la Hongrie . . . 174

Publications

P. I. Boriskovski (Léningrad). L'archéologie au Viet-Nam de nos jours 183
S. I. Tatarinov (Artémovsk). Un centre minier-métallurgique de l'Age du Bronze dans le Donbass 192
You. V. Boulnov (Kharkov). Le rite funéraire des tribus porteuses de la culture de Bondarikha 208
I. A. Babaïev (Bakou). Etude d'un édifice civil dans le goroditché de Kabala (sèconde moitié du Ier s. av. n. è — Ier s. de n. è) 217
N. A. Bokovenko (Léningrad). Typologie des chaudières en bronze d'époque sarmate en Europe orientale 228
I. I. Loboda (Bakhtchisaraï). Les fouilles du champ funéraire d'Ozernoïé III de 1963—1965 236
P. A. Rappoport (Léningrad). L'église Staraïa Kafédra (environs de Vladimir-Volynsk) 253

Notices

A. V. Vinogradov, E. D. Mamédov, L. D. Soulerjitski (Moscou). Premières dates obtenues par la méthode radiocarbonique pour le néolithique au Kyzylkoum 267
V. N. Logvine (Koustanai). Un nouveau monument de l'Age de la Pierre dans la région de Koustanai 270

You. S. Grichine (Moscou). Les stations néolithiques sans céramique du Baïkal 275
S. V. Kouzminykh (Kazan). La composition chimique du métal provenant du champ funéraire de Sokolovski 279
T. Mentchinskaia, E. Ch. Koudaiev (Moscou). Les dessins rupestres dans le Kyzylkoum central 283
A. S. Skripkine, V. I. Mamontov (Volgograd). Un nouveau type de poignard de l'époque sarmate tardive 285
V. I. Chliakhova (Moscou). Un vase d'argent trouvé à Youldouss (région de Kourgane) 287
V. A. Koutchkine (Moscou). Analyse du texte 138 sur écorce de bouleau trouvé à Novgorod 292
M. B. Moujoukhoiev (Grozny). Les stèles funéraires anthropomorphes des cimetières musulmans de Tchétchèno-Ingouchétie 295
A. V. Tchernétsov (Moscou). A propos d'un dessin de la chronique Radziwill 301
V. A. Bourov (Moscou). A propos de la reconstruction des autels inférieurs dans la cathédrale de la Transfiguration du monastère de Solovki (XVIe s.) 306

Critique et bibliographie

A. D. Rézepkine (Léningrad): V. I. Markovine. La culture des dolmens et les questions de l'ancienne ethnogénèse des Abkhaz-Adighé. Naltchik, 1974 314
S. P. Boriskovskaia (Léningrad): D. A. Amyx, P. Lawrence. Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well. Corinth, v. VII, p. II. Princeton New Jersey, 1975 318
S. A. Pletnéva (Moscou): I. P. Rousanova. Les antiquités slaves des VIe et VIIe siècles. Moscou, 1976 321

Chronique

O. M. Davoudov (Makhatchkala). Vème Lectures de Kroupnov (Makhatchkala, 1975) 327

ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. А. БАШИЛОВ, В. В. ВОЛКОВ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ГОД 60-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Советский народ и все прогрессивное человечество торжественно отмечают 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Это важная веха в жизни советской страны, в развитии революционно-освободительного движения во всем мире. Перед славным юбилеем наш народ, как всегда, подводит итоги проделанной работы и намечает новые рубежи для успешного претворения в жизнь программы дальнейшего подъема экономики, культуры и науки, намеченной XXIV и XXV съездами КПСС. Свой вклад в осуществление этой программы вносят и советские ученые, в том числе и археологи. В год 60-летия Великого Октября они оценивают пройденный путь и определяют направление развития своей науки на будущее.

Становление советской археологической науки проходило в активной борьбе с методологическими установками науки буржуазной за создание новой, марксистской археологии. Бурные дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов, когда высказывались самые крайние точки зрения, вплоть до призыва к полной ликвидации археологии, завершились победой взглядов, трактующих ее как науку историческую, науку, изучающую древнейшее прошлое человечества с позиций исторического материализма. С середины 30-х годов начался новый период развития советской археологии, определявшийся огромной по своему масштабу задачей, которая в те годы формулировалась так: «Подготовить и внести свой вклад в историю народов СССР, разработать историю первобытнокоммунистических племен, обитавших на территории нашей страны, разработать историю народов, поздно овладевших письменностью, собрать и обработать полноценный материал по истории — особенно древней истории — культуры всех народов СССР...» [1]. Другими словами, советским археологам предстояло создать конкретную картину древнейшего прошлого нашей Родины.

Решение этой задачи потребовало более чем четырех десятилетий, ведь исследованию подверглись огромные территории, ранее совершенно неизученные. Не следует также забывать, что на этот период пришлись и суровые годы Великой Отечественной войны, и трудное время

[1] Наши задачи в области археологических исследований в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории. Советская археология, т. II. М.— Л., 1937, стр. 4.

восстановления народного хозяйства. Но и в эти тяжелые времена не прекращались археологические изыскания, а в послевоенные годы они достигли небывалого размаха. Сегодня мы можем констатировать, что задачи этого периода в основном выполнены. Археологи проникли в пустыни Средней Азии и степи Казахстана, в таежные районы Сибири и на побережье Тихого океана. Даже такие труднодоступные области, как Заполярье и Памир подверглись археологическому изучению. С археологической карты страны исчезли громадные белые пятна, и хотя на ней остаются еще неисследованные районы, в целом древнейшую историю нашей Родины мы себе уже представляем.

Эта работа потребовала усилий нескольких поколений археологов. В стране была создана разветвленная сеть археологических учреждений — институты археологии академий наук союзных республик, университетские археологические центры, многочисленные центральные и местные музеи. Эта сеть продолжает расширяться. Так, сравнительно недавно возникли коллективы специалистов-археологов в Сибирском отделении и Дальневосточном центре АН СССР, в Иркутском, Томском, Кемеровском, Свердловском, Куйбышевском и других университетах. В 1970 г. создан еще один республиканский институт археологии в Академии наук Узбекской ССР.

По мере накопления археологических материалов началось и их обобщение. Советскими археологами написаны сотни статей и монографий, посвященных реконструкции древней истории отдельных регионов страны в различные хронологические эпохи. В 50-х годах вышли в свет первые тома «Очерков по истории СССР» — фундаментальный труд, посвященный древнейшей истории всего Советского Союза. Задуманное еще до войны, это издание вобрало в себя и впервые обобщило достижения советской археологии за первые десятилетия ее существования. Общая картина прошлого народов СССР по археологическим данным была включена и во «Всемирную историю». К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции Академия наук СССР предприняла издание 12-томной «Истории СССР», первый том которой был подготовлен Институтом археологии АН СССР. В этой книге были подведены итоги работы археологов за 50 лет Советской власти. В последние годы появился и ряд обобщающих работ по большим регионам, таких, как первый том «Истории Сибири», трехтомная «Археология Украинской ССР», «Очерки археологии Белоруссии», «Археология Латвийской ССР» и многие другие.

Все упомянутые издания представляли читателю лишь конечный результат археологического исследования — древнейшую историю нашей страны, реконструированную по ископаемым вещественным источникам. В стороне осталась большая и сложная источниковедческая работа археологов, та система доказательств, на которой базировались исторические построения. Правда, с конца 50-х годов, по инициативе Института археологии АН СССР, началось издание «Свода археологических источников», более 60 выпусков которого уже увидели свет. Но главная задача этого издания — систематизация многообразного археологического материала всей страны — не включает в себя широкие исторические реконструкции.

Восполнить этот пробел призвана новая большая коллективная работа «Археология СССР» в 16-ти выпусках, подготавливаемая Институтом археологии АН СССР. Она задумана как обобщение всех достижений советской археологической науки и должна дать читателям исчерпывающее представление об аналитической базе ее исторических построений. Одновременно здесь будет показан и конечный результат анализа — развернутая картина древнейшего прошлого народов СССР, реконструированная с учетом новейших археологических материалов. Создание «Археологии СССР» является центральной задачей головно-

го археологического учреждения страны в десятой пятилетке. Завершение этого издания будет знаменовать собой выполнение основных задач текущего периода развития советской археологии. На заключительном этапе этого периода, т. е. в последние 10—15 лет, ведущим направлением оставалась, конечно, работа, связанная с решением основной задачи — изучением древней и средневековой истории и культуры СССР по археологическим данным.

В области археологии палеолита получен ряд принципиально новых материалов, характеризующих все этапы развития древнего каменного века в нашей стране. Систематические исследования многослойных памятников как в Европейской, так и в Азиатской части СССР позволили археологам создать четкую и обоснованную систему периодизации палеолита. Открытия палеолитических стоянок на Печоре, в Зауралье и в Северо-Восточной Азии значительно расширили наши представления об ойкумене древнего человека. Широкое изучение палеолитических жилищ и погребений, в том числе уникального сунгирьского, позволило глубже исследовать экономику, социальные отношения и идеологические представления этого периода. Открытие в Каповой пещере настенной живописи, сравнимой с лучшими образцами пещерных рисунков Западной Европы, и исследования палеолитической мелкой пластики по-новому ставят вопрос о путях развития древнейшего искусства.

Значительно увеличилось число изученных мезолитических памятников, особенно на Северо-Западе и в центре Европейской части страны и на Урале. В результате стало возможным исследование хозяйственных зон эпохи мезолита в Восточной Европе и их связей с европейскими и передневосточными культурами этого времени. Разрабатывалась и проблема этнических общностей от их возникновения в палеолите и до окончательного оформления в неолитическую эпоху, что имеет большое значение для понимания последующего развития этнических процессов.

Много сделано для исследования появления и распространения производящего хозяйства на территории нашей страны. Выделены и тщательно изучаются три первоначальных центра — юг Средней Азии, Закавказье и юго-запад Европейской части СССР, откуда производящая экономика распространилась в другие районы. Большое внимание уделялось и изучению охотничье-рыболовческих культур неолита лесной полосы Евразии. На Дальнем Востоке исследуются культуры, оставленные населением со специфическим приморским типом экономики.

Советскими археологами сделан значительный вклад в решение проблем, связанных со временем возникновения древнейшей металлургии и эпохой бронзы. Четко выявлен пласт энеолитических памятников на Кавказе. Их нижняя граница отодвинута в V тысячелетие до н. э. Много сделано для изучения кавказских дольменов. В Средней Азии и Афганистане советскими археологами исследованы памятники, входящие в северо-восточную периферию земледельческих культур Древнего Востока, и получены материалы, отражающие начало процесса урбанизации.

В степной полосе Евразии изучались культуры энеолита и ранней бронзы, тесно связанные с синхронными культурами Балканского полуострова. Установлены крупные этнические общности первых скотоводов и земледельцев. В лесной и лесостепной зоне получены обильные материалы, которые характеризуют процессы, проходившие здесь в эпоху бронзы. Многочисленные находки по-новому освещают историю фатьяновских племен. Выявление абашевской культурно-исторической общности, новые материалы по сейминско-турбинской культуре, самусьские и еловские материалы в Западной Сибири позволили еще раз оценить связи древнего населения на громадных пространствах от Волги до Томи.

В последнее время широкому исследованию подверглись наскальные рисунки эпохи камня и бронзы. Обнаружен ряд новых памятников, созданы обобщающие работы по первобытному искусству, в которых петроглифам отведено значительное место.

Археология раннего железного века тоже достигла значительных успехов. На базе исследования памятников предскифского времени намечены контуры решения киммерийской проблемы. Уникальные находки в богатейших скифских курганах Украины расширили наши представления о культуре степных кочевников I тысячелетия до н. э. Археологические материалы по вопросам социального строя и идеологии скифов интерпретируются на широком фоне истории всего ираноязычного мира. Продолжают изучаться пути и формы взаимодействия скифов с греческими колониями Северного Причерноморья. Решена проблема взаимоотношений Скифии с фракийским миром на западе. На восточной окраине культур скифского круга раскопки царского кургана Аржан позволили по-новому поставить вопрос о ранних этапах их сложения. В лесостепной зоне культур скифского времени проведены широкие исследования, позволившие еще раз обратиться к проблеме их соотношения с этнической картой Геродота. Заметные успехи достигнуты в изучении сарматских племен в степях между Волгой и Уралом.

В последнее десятилетие продолжались интенсивные исследования греческих колоний в Причерноморье. Раскопки ольвийской агоры, работы на сельских территориях Боспора, изучение греческих импортов, открытие богатых анапских склепов с замечательными росписями — все это позволило ставить и решать важнейшие проблемы хозяйственной жизни, торговли и внутренней структуры причерноморских государств. Особое внимание уделялось изучению их культуры и искусства. Подробно исследовались влияние греческой колонизации на варварскую периферию и «варваризация» античных государств Причерноморья. Решение вопросов, связанных с этими процессами, является важным вкладом в конкретизацию сложной методологической проблемы взаимодействия обществ, принадлежащих к различным общественно-экономическим формациям. Специальному изучению подверглась восточная периферия эллинистического мира.

Значительный сдвиг наметился в последнее время в исследовании памятников полей погребений, в частности черняховской культуры. Эти исследования непосредственно связаны с решением важного и чрезвычайно сложного вопроса отечественной истории — начала славянского этногенеза. Самым большим достижением последних лет в этой области было открытие и тщательное изучение славянских памятников середины I тысячелетия н. э.— той базы, на которой сложилась культура Древней Руси. Археологи подвергли систематическому исследованию и многие древнерусские города, как большие — Киев, Новгород, Москву, Псков, так и малые — Изяславль, Новогрудок, Любеч и другие. История этих городов изучалась во всей полноте. Исследовалась и древнерусская деревня. Много сделано в области познания духовной культуры и искусства Древней Руси. Особое внимание привлекала история ее южных соседей — кочевников, с которыми Русь связывали тесные, хотя часто и враждебные, отношения. Активно исследовались средневековые памятники Прибалтики, Кавказа и Средней Азии.

Наряду с конкретными исследованиями по древнейшей истории СССР в советской археологии развивались и другие тенденции, которые, как это можно сейчас предположить, будут в значительной степени определять содержание следующего периода развития нашей науки.

Начиная с 30-х годов огромную роль в расширении археологических работ в Советском Союзе играют исследования в зонах крупных строительств. Но никогда эти новостроечные исследования не достига-

ли такого масштаба, как в последние годы, когда на повестке дня стоит вопрос об изучении и сохранении для науки памятников, находящихся под угрозой уничтожения в результате любой хозяйственной деятельности. Включение в текст новой Конституции СССР — Основного Закона нашего государства специальной статьи делает охрану исторических памятников конституционной обязанностью каждого гражданина СССР. И археологи вместе с историками несут непосредственную ответственность за конкретное претворение в жизнь этих положений Конституции и специального Закона Союза ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Организация больших и малых новостроечных экспедиций, создание в ведущих археологических учреждениях страны специальных подразделений, учреждение особой формы «Открытого листа» для исследования памятников, оказавшихся под угрозой разрушения,— вот те практические меры, которые предприняты советскими археологами для развертывания спасательных работ в зонах строительства. Такие многолетние экспедиции, как Красноярская, Саяно-Тувинская, Донская, Ставропольская, а также крупные экспедиции академий наук союзных республик уже исследовали и сохранили для науки множество памятников. Но нужно отметить, что грандиозный размах строительных работ в нашей стране и их неуклонное нарастание остро ставит вопрос об обеспечении новостроечных экспедиций квалифицированными кадрами. Это требует, с одной стороны, расширения археологической спасательной службы страны, а с другой — ставит перед археологами задачу достижения максимальной эффективности новостроечных работ, усовершенствования и рационализации методики раскопок и научной обработки полученных материалов. Ждет своего решения во всесоюзном масштабе и задача хранения ценнейшего исторического источника — массового археологического материала. В этом плане заслуживает внимания опыт археологов Казахстана и Карелии по организации специальных музеев-хранилищ при соответствующих археологических учреждениях академии наук. Много лет успешно функционирует специальный Археологический музей в Одессе.

В последнее время значительно расширились зарубежные связи советских археологов. Они систематически участвуют в различных международных конференциях, представляя советскую археологическую науку за рубежом и пропагандируя ее достижения. Успешно работают Советско-Афганская, Советско-Болгарская, Советско-Венгерская, Советско-Монгольская экспедиции и Советская археологическая экспедиция в Ираке. Ведутся значительные кабинетные исследования по археологии мира. Вышел ряд работ, посвященных древнейшей истории стран Европы, Азии, Африки и Америки.

Зарубежные исследования развиваются по двум основным направлениям. Одно из них связано с археологическим изучением сопредельных стран, что позволяет рассматривать памятники пограничных областей СССР в тесной связи с древностями прилегающих территорий. Такие работы проходят обычно в тесном контакте с археологами этих стран и чрезвычайно полезны как для понимания прошлого их народов, так и для решения ряда проблем, связанных с древними культурами нашей страны.

Другое направление, нацеленное на изучение общих закономерностей исторического процесса с марксистских позиций, связано с исследованием центров древних цивилизаций Старого и Нового Света. Активное вторжение советских археологов в научные области, где традиционно господствовали западные ученые, является значительным вкладом в идеологическую борьбу с реакционными воззрениями буржуазной науки и служит укреплению международного авторитета советской археологической науки. Это требует от специалистов, занимаю-

щихся зарубежной археологией, неуклонного совершенствования своей теоретической и методической подготовки, повышения уровня профессионального мастерства. Необходимо также, чтобы эти исследования велись с учетом самых передовых достижений археологической методики, с использованием в полном объеме огромного опыта, накопленного советской археологией. В этой связи встает задача совершенствования старых и разработки новых методов, применяемых на всех этапах археологического исследования. Сейчас уже сделаны определенные шаги в этом направлении.

Накопление огромного нового материала в последнее десятилетие особенно остро поставило перед археологами вопрос об оптимальных методах извлечения из него объективной исторической информации. Расширяется интерес к важнейшим вопросам методики и методологии исследования, к археологической теории. К настоящему моменту больше всего сделано в области формализации археологического источника и применения математики в его анализе, хотя и здесь работа лишь начинается. Это направление является по сути дела продолжением традиционного для археологии типологического метода исследования, но на более высоком, количественном уровне. Такой уровень позволяет глубже характеризовать изучаемые комплексы, создает основу для их объективного сравнения и дает возможность выработать новые, максимально экономные формы археологической публикации.

В последние 10—15 лет в нашу практику стали широко внедряться методы естественных наук. Интерес к ним возник давно. Уже в конце 30-х годов советские археологи первыми в мире стали экспериментально исследовать древние орудия. Так называемые естественные методы, с одной стороны, имеют огромное прикладное значение для более полного изучения культурных комплексов, а с другой — дают возможность решать целый ряд вопросов, связанных прежде всего с историей древних производств. В этом направлении за последние годы достигнуты большие успехи. Получена общая картина истории горного дела и металлургии эпохи бронзы на территории СССР. Сделан ряд разработок и по черной металлургии. Исследовались технологические аспекты производства древней керамики. Комплексно, с привлечением данных палеоботаники, изучался советскими археологами процесс появления земледелия на юге нашей страны и его распространения в более северные районы.

Большую роль играют естественные методы для установления абсолютных и относительных датировок археологических памятников. В повседневную практику археологов вошел метод радиоуглеродного датирования. Чрезвычайно важным является создание двух дендрохронологических шкал — одной, абсолютной, для средневековых памятников Восточной Европы и другой — «плавающей», для памятников скифского времени Алтая и Тувы.

В области теории советские археологи ищут решения таких узловых проблем, как роль географического фактора в истории человечества, социологическая интерпретация погребального обряда, археологические признаки появления классового общества и многих других. Большую роль в их обсуждении играют методологические и теоретические семинары Института археологии АН СССР в Москве и Ленинграде. В секции теории и методики Всесоюзных археологических сессий и на специальных конференциях широкому обсуждению подверглись также важные проблемы, как предмет археологии, процедура археологического исследования, историзм археологической науки. Поиски решения сложных теоретических проблем, плодотворные дискуссии в рамках общего материалистического подхода к древнейшей истории ярко демонстрируют творческий характер советской археологической науки.

Сегодняшний день советской археологии характеризуется значительными достижениями и небывалым масштабом исследовательской деятельности. Археологи ставят перед собой большую и важную цель — успешно завершить выполнение задач текущего периода развития своей науки и подготовить ее вступление в следующий. Новый период несомненно будет качественно отличаться от завершающегося. Его содержание скорее всего будут определять такие факторы:

— колоссальное накопление археологических источников в результате планомерного заполнения «белых пятен» на археологической карте страны, размаха новостроечных работ и роста зарубежных исследований советских археологов;

— необходимость совершенствования существующих и разработки новых, оптимальных методов извлечения исторической информации из археологических источников с учетом постоянного и быстрого нарастания объема новых материалов;

— творческая разработка частной методологии и теории археологической науки, определяющих оптимальный выбор целей исследования для наиболее эффективного решения проблем, стоящих перед советской археологией, еще более глубокой и объективной реконструкции прошлого и исследования закономерностей исторического процесса на основании археологических источников.

Замечательную дату 60-летия Великого Октября археологи Советского Союза встречают новыми творческими успехами и научными достижениями. Они ставят перед собой большие задачи и готовы отдать все силы для их выполнения, для дальнейшего развития советской археологии, для более глубокого постижения прошлого, без знания которого в полном объеме невозможно целенаправленное строительство коммунистического будущего.

И. И. АРТЕМЕНКО

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УКРАИНСКОЙ ССР

В последнее десятилетие археологическая наука в Украинской ССР достигла значительных успехов. Головным научно-исследовательским археологическим учреждением в республике является Институт археологии АН УССР, который осуществляет и координирует археологические исследования на территории Украины. В последние годы институт значительно пополнился научными и научно-вспомогательными кадрами. В соответствии с современными требованиями развития археологической науки уточнена структура института, созданы новые отделы — археологии ранних славян, археологии Киева, археологии Северо-Западного Причерноморья (в Одессе), полевых исследований новостроечных экспедиций, а также лаборатории естественнонаучных методов и камеральной обработки археологических материалов. Сейчас в составе института 11 отделов и две лаборатории. В ведении института находятся также заповедник «Ольвия» и заповедная территория «Каменная могила».

Масштабы археологических исследований в республике резко увеличились. Ежегодно здесь работает более 100 археологических экспедиций и отрядов. Кроме Института археологии АН УССР археологические исследования на территории Украины осуществляют отдел археологии Института общественных наук АН УССР (во Львове), ряд вузов (Киевский, Харьковский, Днепропетровский, Одесский, Львовский университеты, а также пединституты) и музеев (Одесский, Киевский, Днепропетровский, Керченский, Николаевский и др.). В содружестве с украинскими археологами в археологических исследованиях на территории республики участвуют также археологи Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми и других научных центров страны.

Археологические исследования на территории республики ознаменовались важными открытиями, дали новый ценный научный материал для освещения истории и культуры населения территории Украины начиная с эпохи палеолита до позднего средневековья. В археологическом отношении территория Украинской ССР является одним из наиболее изученных районов Советского Союза.

Изучение палеолита, особенно мустьерской эпохи, приобрело в последнее десятилетие более широкий и целеустремленный характер. Обнаружено и исследовано значительное количество новых палеолитических памятников, имеющих большое значение для решения проблемы первичного заселения Восточной Европы, изучения древнейших периодов истории Украины.

В Закарпатье В. Н. Гладилиным [1] исследовались ранее известные и 10 новых местонахождений ашельского и мустьерского времени. Среди них особый интерес представляют раскопки стоянки открытого типа

[1] *В. Н. Гладилин.* Итоги пятилетних исследований Закарпатской палеолитической экспедиции. «Новейшие открытия советских археологов», ч. I. Киев, 1975, стр. 14—16.

Королево в Виноградовском р-не Закарпатской обл. Это первое в СССР местонахождение ашель-мустьерского времени с семью стратифицированными культурными слоями. Полученные материалы дают новые сведения о времени и путях заселения человеком Восточной Европы.

В Крыму многолетними работами Ю. Г. Колосова [2] обнаружено и частично исследовано более 20 новых мустьерских памятников. Среди них большой интерес представляют две многослойные стоянки близ г. Белогорска — Заскальное V и VI, в которых найдены кости животных, разнообразный кремневый инвентарь и останки нескольких неандертальцев. Новым в исследовании палеолита Крыма является также исследование Ю. Г. Колосовым мустьерской стоянки открытого типа Красная балка.

Новые мустьерские местонахождения обнаружены и исследованы С. В. Смирновым в Житомирской (Рихта), Н. К. Анисюткиным в Черновицкой (Стинка I—IV, Осыпка, Кетросы и др.), Д. С. Цвейбель в Донецкой (Белокузьминовка), М. Н. Клапчуком и Л. Н. Микитенко в Ивано-Франковской (Антоновка 4, Букивна 13 и др.) областях.

Исследование многослойных мустьерских стоянок в Крыму и Закарпатье позволяет создать хронологическую колонку для мустьерских памятников не только этих территорий, но и всей Украины. Исследователи считают возможным ставить вопрос о более раннем (домустьерском) заселении Крыма, о заселении человеком Северного Причерноморья из Центральной и Южной Европы не позже ашельской эпохи. Не исключается также и более раннее—шельское время появления человека на этой территории. Изучение орудий по технико-типологическим признакам с применением статистического анализа позволило установить много отличий в комплексах кремневого инвентаря мустьерских памятников различных районов Украины и наметить выделение мустьерских культур. Однако эти вопросы требуют дальнейшей разработки и обоснования.

Много сделано и в изучении позднего палеолита. В различных областях Украины ежегодно исследуются новые позднепалеолитические памятники. Особенно интенсивно проводятся археологические раскопки многослойных поселений на Днестре [3] — Оселивка I—II, Кормань IV и др. В Закарпатской обл. В. Н. Гладилин и С. В. Смирнов произвели раскопки на стоянке Берегово II; В. Н. Гладилин исследовал первое в Закарпатье позднепалеолитическое местонахождение в пещере Молочный Камень. Интересные материалы получены П. И. Борисковским и В. И. Красковским при раскопках позднепалеолитической стоянки Каменка в Одесской обл. Стоянки этого времени исследовались также в Ивано-Франковской, Житомирской (Д. Я. Телегин), Одесской (В. Н. Станко) областях и в Нижнем Поднепровье (В. Н. Станко).

Для решения проблемы позднепалеолитических жилищ и поселений большой интерес представляют раскопки позднепалеолитических поселений И. Г. Шовкоплясом — Добраничевского и И. Г. Пидопличко — Межиричского, на которых обнаружены остатки долговременных зимних и легких летних жилищ, а также хозяйственно-бытовых комплексов. Тщательные раскопки и фиксация позволили И. Г. Пидопличко [4] сделать важные наблюдения об особенностях строительных приемов и элементов архитектуры межиричских жилищ.

Представляет интерес новая трактовка известных находок на поселениях в Мезине и Межиричи костей мамонта, украшенных геометри-

---

[2] *Ю. Г. Колосов.* Крымская палеолитическая экспедиция. АО — 1974, М., 1975; АО – 1975, М., 1976; *его же.* Багатошарова мустьерська стоянка Заскальне V. Археологія, 3, 1971.

[3] *О. П. Черниш.* Пізньопалеолітичне населення Південно-Західної Волині. Київ, 1975.

[4] *И. Г. Пидопличко.* Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976.

ческим узором, выполненным красной краской. На основании детального анализа этих костей с применением специальной экспертизы С. Н. Бибиков [5] высказал мнение, что они употреблялись в качестве музыкальных ударных инструментов, а наборный «шумящий» браслет из Мезина являлся своеобразными «кастаньетами». Эти предметы представляют собой первую в мире коллекцию древнейших музыкальных инструментов.

Систематическое изучение большого количества палеолитических памятников в последнее десятилетие делает возможным исследования палеоэкономики, палеодемографии, социального устройства палеолитического общества. Все это позволяет более глубоко и всесторонне осветить конкретную историю населения палеолитической эпохи.

Значительные результаты достигнуты археологами Украины в исследовании мезолитической эпохи. Прежде всего следует отметить широкие исследования А. П. Черныша [6] в Поднестровье. В развитии мезолита этой территории он выделяет четыре этапа: молодовский, оселивский, атацкий и фрумушикский. Новые мезолитические местонахождения обнаружены в Прикарпатье, Верхнем Поднестровье, Южном Побужье, Киевском Поднепровье, на Волыни и в Донецкой обл. В Северном Причерноморье В. Н. Станко обследовал десятки новых стоянок. В результате многолетних раскопок он почти полностью исследовал мезолитическую стоянку близ с. Мирное в Одесской обл. Д. Я. Телегиным начаты систематические раскопки мезолитической стоянки Игрень 8 у Днепропетровска, исследованы остатки шести землянок. Возобновлены работы по изучению мезолита Крыма. Дополнительными раскопками Д. Я. Телегина на стоянке Кукрек подтверждено наличие двух мезолитических горизонтов — нижнего кукрекского и верхнего мурзаккобинского, подтвержден также мезолитический возраст кукрекской культуры. Исследование новых мустьерских памятников позволило установить распространение памятников кукрекского типа в Поднепровье (Игрень 8) и Северном Причерноморье (Арбузова балка, Конецполь, Трановка). В Донбассе выделяется отдельная группа мезолитических стоянок.

Проведена значительная работа по установлению абсолютного возраста мезолитических культур Украины и их периодизации. В развитии мезолита Украины выделяются два основных периода — ранний (X—VIII тысячелетия до н. э.) и поздний (VII—VI—V тысячелетия до н. э.). В дальнейшей разработке нуждается культурно-территориальное членение мезолитических памятников территории Украины, а также вопросы периодизации культур, хозяйства и социального устройства мезолитического населения.

В области изучения истории и культуры населения эпохи неолита полевые археологические исследования в последние годы были сравнительно ограниченными. Среди них представляют интерес раскопки С. С. Березанской [7] поселения Гришевка на Средней Десне, где прослежена стратиграфия, подтвердившая сделанные ранее выводы Д. Я. Телегина о предшествовании памятников днепро-донецкой культуры Левобережья памятникам культуры ямочно-гребенчатой керамики.

На поселении Лизогубовка на Сейме В. И. Неприной прослежены несколько горизонтов. В нижнем обнаружены новые материалы, позволяющие ставить вопрос о выделении памятников лизогубовского типа или культуры. Верхний горизонт представлен материалами культуры ямочно-гребенчатой керамики. По мнению В. И. Неприной, на основа-

---

[5] *С. М. Бібіков.* Нове у вивченні найдавніших форм музично-хореографічного мистецтва. Вісник Академії наук Української РСР, 1974, № 9, стор. 43—55.

[6] *А. П. Черныш.* Хронология мезолитических памятников Поднестровья. СА, 1970, 1.

[7] *С. С. Березанская.* Неолитическая стоянка у хутора Гришевка на Средней Десне. СА, 1975, 2.

нии лизогубовской культуры, памятники которой распространены в Днепро-Донском лесном и лесостепном междуречье, при взаимодействии ее с ранним этапом днепро-донецкой культуры складывается культура ямочно-гребенчатой керамики. Д. Я. Телегин и И. В. Кравец исследовали поселения Засуха на Орели, материалы которого свидетельствуют о сосуществовании на Левобережье населения днепро-донецкой культуры с племенами среднестоговской культуры. В пойме Орели близ с. Иосифовка исследован новый неолитический могильник. В Закарпатье В. С. Титовым и М. Ф. Потушняком исследовались поселения культуры линейно-ленточной керамики, буковогорской и потисской культур.

Основное внимание уделялось анализу и обобщению накопленного большого материала по неолиту Украины. Подготовлены и опубликованы монографические исследования, посвященные днепро-донецкой [8], буго-днестровской [9] культурам и культуре ямочно-гребенчатой керамики [10].

В предшествующие годы на территории Украины были осуществлены большие работы по изучению ранних земледельческо-скотоводческих племен трипольской культуры. Стали известны сотни трипольских поселений, на многих из них осуществлены раскопки на широких площадях, а некоторые раскопаны почти полностью. Массовое изучение трипольских поселений позволило осветить многие стороны истории населения трипольской культуры — установлены границы расселения трипольских племен на разных этапах их развития; создана периодизация трипольских памятников; изучены топография, размеры и планировка поселений, конструкция и внутреннее устройство жилищ; хозяйство и идеология трипольского общества и многие другие вопросы.

В последние годы благодаря применению аэрофотосъемки впервые были обнаружены огромные по площади трипольские поселения. Одно из таких поселений в течение нескольких лет исследуется Н. М. Шмаглием у с. Майданецкого Тальновского р-на Черкасской обл.[11]

Площадь поселения около 300 *га*. Оно расположено на мысу плато, возвышающегося над речной долиной. Археологическими раскопками и геофизической разведкой на поселении обнаружено около 1500 глинобитных домов. По предварительным подсчетам, здесь могло жить около 20 тыс. человек. Геомагнитной разведкой выявлены выходы с поселения и его первоначальное ядро, площади, общинные дома и производственные комплексы. Обращает на себя внимание четкая планировка — улицы расположены по круговой и радиальной системам. Предполагается, что многие дома были двухэтажными. Об этом свидетельствуют остатки обвалившихся межэтажных перекрытий, под которыми найдены орудия труда и домашняя утварь. На поселении найдена разнообразная глиняная посуда, глиняные статуэтки, орудия труда, кости животных. Поселение относится к этапу C_I трипольской культуры по периодизации Т. С. Пассек. Представляет интерес также курган, насыпанный после прекращения жизни на поселении. Основным под насыпью кургана было погребение на спине с подогнутыми ногами, коленями вверх, окрашенное охрой, относящееся к ямной культуре.

Большие трипольские поселения типа Майданецкого являются новым источником для изучения истории трипольских племен, реконструкции социально-экономической структуры трипольского общества. Они позволяют по-новому оценить уровень развития этих племен.

---

[8] *Д. Я. Телегін.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.

[9] *В. Н. Даниленко.* Неолит Украины. Киев, 1969.

[10] *В. И. Неприна.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976.

[11] *П. М. Шмаглий, В. П. Дудкин, К. В. Зиньковский.* Некоторые вопросы социально-демографической реконструкции крупного трипольского поселка (по материалам трипольских поселений Уманьщины). «Новейшие открытия советских археологов», стр. 68, 69.

Для изучения проблемы происхождения трипольской культуры представляют интерес раскопки В. Г. Збеновича на раннетрипольском поселении у с. Бернашевка Могилев-Подольского р-на Винницкой обл. Это поселение является одним из наиболее ранних раннетрипольских поселений Украины и Молдавии. В составе его керамики довольно большой процент посуды с чертами нижнедунайской неолитической культуры Боян. На поселении найдены образцы пластики гумельницкой культуры, а также изделия из специфического добруджского кремня. Материалы с поселения у с. Бернашевка подтверждают существующее мнение о том, что трипольская культура своими корнями связана с энеолитическими культурами Балкан и Подунавья, однако процесс ее сложения еще предстоит выяснить.

Продолжалось изучение проблемы «исчезновения» трипольской культуры. Установлено, что позднетрипольские памятники софиевского, городского и усатовского локальных вариантов генетически связаны с предшествующими этапами трипольской культуры. Исследования новых позднетрипольских памятников в Киевском Поднепровье и на Волыни (В. А. Круц) позволяют говорить о том, что передвижение трипольских племен в эти районы происходило с правобережья Среднего Поднепровья и Верхнего Побужья на этапе C_I трипольской культуры. Оно было вызвано продвижением на трипольскую территорию древнеямных племен и вытеснением трипольцев. На новой территории позднетрипольские племена находились в окружении поздненеолитических и древнеямных племен. В материальной культуре трипольцев происходили изменения, приведшие в результате к формированию своеобразных локальных вариантов трипольской культуры — софиевского и городского. Археологические данные не подтверждают мнение ряда исследователей о крушении и быстрой гибели трипольской культуры.

Вопрос об исторических судьбах позднетрипольских племен еще окончательно не выяснен. На территории Волыни в начале последней четверти III тысячелетия до н. э. расселяются племена культуры шаровидных амфор, а в Киевском Поднепровье в конце III тысячелетия до н. э.— племена среднеднепровской культуры. Поэтому вопрос о судьбе позднетрипольских племен софиевского и городского локальных вариантов, вероятно, может быть разрешен в плане изучения их взаимоотношений с племенами среднеднепровской культуры и культуры шаровидных амфор. Позднетрипольские племена усатовского локального варианта были ассимилированы древнеямными племенами, занявшими в конце III тысячелетия их территорию. Предполагается, что часть позднетрипольских усатовских племен переселилась на территорию Молдовы и вошла в состав новых этнических образований, сформировавшихся в начале бронзового века на территории Молдовы и Мунтении [12].

Одной из важнейших задач изучения трипольской культуры в ближайшие годы является комплексное исследование больших трипольских поселений, типа поселения у с. Майданецкого, и окружающих их сравнительно небольших по площади поселений. Необходимо также дальнейшее изучение проблемы происхождения трипольской культуры, а также памятников позднетрипольских локальных вариантов, особенно относящихся к началу переселения трипольских племен в Киевское Поднепровье и на Волынь. Не менее важно исследование памятников, которые бы позволили судить о нетрипольских компонентах, способствовавших сложению локальных вариантов культуры позднетрипольских племен, а также об их взаимоотношениях с племенами, расселившимися на территории трипольцев. В течение длительного времени трипольские племена находились в тесном контакте с энеолитическими

[12] *В. Г. Збенович.* Позднетрипольские племена Северного Причерноморья, Киев, 1974.

скотоводческими племенами среднестоговской культуры Левобережья, что оказало заметное влияние на развитие обеих культур. В последние годы памятники среднестоговской культуры получили первое монографическое обобщение [13]. Разработаны вопросы хронологии и периодизации среднестоговской культуры, предпринята попытка выяснить ее происхождение, определен антропологический состав населения, уделено внимание выяснению судьбы среднестоговских племен и их роли в древней истории Восточной Европы. Предполагается, что среднестоговская культура была основным компонентом в сложении ямной культуры, а также могла участвовать в формировании среднеднепровской культуры. Однако многие вопросы истории среднестоговских племен требуют уточнения и дальнейшей разработки.

Новое освещение получили культуры бронзового века лесостепной зоны УССР, имеющие большое значение для проблемы этногенеза восточных славян и балтов. Уточнены границы распространения, хронология и периодизация культур шнуровой керамики — среднеднепровской (И. И. Артеменко), подкарпатской, выделенной в последние годы И. К. Свешниковым, городско-здолбицкой и стрижовской. Дана характеристика основных форм хозяйства, погребального обряда и идеологии племен этих культур (И. К. Свешников [14], С. С. Березанская [15], И. И. Артеменко [16]). На основании сходства с другими культурами шнуровой керамики и боевых топоров Европы исследователи объединяют эти культуры в единую культурно-историческую область и рассматривают их племена как отдаленных предков славян, балтов и германцев. Следует отметить, однако, что состояние источников еще не позволяет окончательно решить важнейшие вопросы происхождения культур шнуровой керамики и их абсолютной датировки.

Продолжалось изучение комаровской культуры. И. К. Свешников высказал мнение о ее сложении на основе местных культур шнуровой керамики, а не в результате продвижения племен тшинецкой культуры. Значительная работа проведена по исследованию памятников бронзового века второй половины II тысячелетия до н. э. Северной Украины. С. С. Березанская опубликовала первую сводку этих памятников, дала характеристику материальной культуры, рассмотрела вопросы хозяйства и идеологии племен [17]. Однако культурная принадлежность памятников второй половины II тысячелетия до н. э. Северной Украины, так же как и памятников конца II — начала I тысячелетия до н. э., окончательно еще не определена. С. С. Березанская относит их к восточнотшинецкой и лебедовской культурам, И. И. Артеменко — к сосницкой культуре.

На Левобережной Украине исследованы памятники бронзового века второй половины II тысячелетия до н. э.— малобудковского и бондарихинского типов, которые рассматриваются (В. А. Ильинская) [18] как этапы развития бондарихинской культуры. Но предшествующие им памятники первой половины II тысячелетия до н. э. еще не обнаружены.

До последнего времени немногочисленные памятники с керамикой так называемого марьяновского «неолитического» типа Сейма и Десны, впервые обнаруженные М. Я. Рудинским в 1929 г., выделялись в

---

[13] *Д. Я. Телегін.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.

[14] *І. К. Свешніков.* Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ, 1974.

[15] *С. С. Березанская.* О земледелии в культурах шнуровой керамики на Украине. Сб. «Памятники древнейшей истории Евразии». М., 1975, стр. 192—198.

[16] *И. И. Артеменко.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967.

[17] *С. С. Березанская.* Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев, 1972.

[18] *В. А. Ильинская.* Бондарихинская культура бронзового века. СА, 1961, 1, стр. 26—75.

самостоятельную марьяновскую культуру или рассматривались как этап марьяновско-бондарихинской культуры [19]. Высказывалось предположение о генетической связи их с культурой ямочно-гребенчатой керамики. Раскопки поселений и могильников позднего этапа среднеднепровской культуры в Верхнем Поднепровье (И. И. Артеменко) позволили установить, что в этих памятниках керамика марьяновского «неолитического» типа встречается вместе с типичной среднеднепровской керамикой. От последней она отличается составом глиняного теста, а также некоторыми формами сосудов и напоминает неолитическую керамику. Появление в памятниках позднего этапа среднеднепровской культуры керамики с поздненеолитическими чертами, по нашему мнению, может быть объяснено как результат ассимиляции среднеднепровскими племенами местного неолитического населения Верхнего Поднепровья и включения элементов его культуры в состав среднеднепровской культуры. Поэтому нет необходимости выделять памятники с керамикой марьяновского «неолитического» типа в самостоятельную культуру или рассматривать их как ранний этап марьяновско-бондарихинской культуры.

Одной из важнейших научных задач института являются охранные археологические исследования в зонах новостроек республики. В Украинской ССР осуществляется многолетняя широкая программа строительства электростанций, промышленных предприятий, каналов, водохранилищ и крупных оросительных систем, имеющих народнохозяйственное значение. В районах новостроек расположено большое количество археологических памятников, которые в процессе строительства могут быть подвергнуты разрушению или затоплению.

Объем охранных археологических исследований в зонах новостроек только в последние годы возрос почти в три раза. Крупные многолетние археологические экспедиции работают в зонах сооружения оросительных систем, каналов и водохранилищ в Ворошиловградской, Донецкой, Днепропетровской, Запорожской, Херсонской, Николаевской, Одесской, Киевской и Крымской областях, а также в зоне строительства Могилев-Подольской ГЭС. Несколько новостроечных экспедиций института (Ингульская, Запорожская, Каховская и др.) отметили свое десятилетие.

В результате многолетних исследований в зонах новостроек археологическая наука получила такие источники, которыми она никогда раньше не располагала. Прежде всего, получен массовый археологический материал, без которого невозможны серьезные обобщения по древней истории Украинской ССР.

Новые археологические материалы позволяют проследить исторический процесс, происходивший в степной зоне УССР от эпохи энеолита до средневековья включительно, уточнить хронологию и периодизацию культур, выделить их локальные варианты, установить связи племен различных культур с населением других территорий. Исследование курганов эпохи бронзы позволяет решать проблему освоения открытых степей. Установлено, что курганы древнеямных племен концентрируются в поймах рек и вблизи от них, а на 10—30 *км* в глубь открытой степи преобладают курганы, насыпанные племенами срубной культуры и культуры многоваликовой керамики.

Новостроечными экспедициями получены новые материалы, характеризующие материальную культуру и духовный мир энеолитических племен юга Украины. В Крыму культура этих племен выделена под названием кеми-обинской (А. А. Щепинский), а в Нижнем Поднепровье, в междуречье Ингульца и Южного Буга — памятников нижнего слоя поселе-

---

[19] *С. С. Березанська, В. А. Іллінська.* Мар'янівсько-бондарихинська культура. «Археологія Української РСР», т. І. Київ, 1971, стор. 363—373.

ния Михайловка (О. Г. Шапошникова). Энеолитические памятники этих территорий обнаруживают большое сходство. Энеолитические племена были тесно связаны с центрами древнейшей цивилизации — Кавказом, а через него и Древним Востоком. Одновременно установлены контакты этих племен с древнеземледельческими племенами трипольской культуры. Раскопками Ингульской экспедиции (О. Г. Шапошникова) внесены существенные коррективы в вопрос о времени появления древнейших антропоморфных каменных изваяний, оставленных энеолитическими племенами, в сторону их удревнения примерно на 500 лет.

Рис. 1. Сосуд глиняный и кремневый наконечник копья из погребения катакомбной культуры у с. Антоновка Николаевской обл. (Раскопки О. Г. Шапошниковой, 1975 г.)

В большом количестве исследованы памятники древнеямной культуры, позволяющие не только проследить этапы ее развития, но и выяснить взаимоотношения племен этой культуры с племенами других синхронных культур, а также их роль в древней истории Восточной Европы.

Важные данные получены при исследовании памятников катакомбной культуры (рис. 1). Прежде всего, уточнена граница ее распространения. Если раньше границу катакомбной культуры доводили до Днепра, то работами Ингульской экспедиции она отодвинута до Южного Побужья включительно. При исследовании кургана «Высокая Могила» в Запорожской области было обнаружено погребение древнего земледельца начала II тысячелетия до н. э., в котором наряду с другими предметами находилось хорошо сохранившееся деревянное рало, представляющее собой наиболее древнюю находку орудия пашенного земледелия в Восточной Европе [20]. Это открытие позволяет по-новому ставить вопрос о времени зарождения пашенного земледелия в Восточной Европе и о его древнейших формах.

[20] *В. И. Бидзиля, Э. В. Яковенко.* Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э. СА, 1973, 3, стр. 146—152.

Рис. 2. Каменная статуя скифского воина (IV в. до н. э.). Найдена в кургане у с. Ново-Васильевка Николаевской обл. (Раскопки О. Г. Шапошниковой, 1975 г.)

Продолжались исследования памятников культуры многоваликовой керамики и особенно срубной культуры эпохи бронзы. Получены новые данные для характеристики материальной культуры, экономики, истории срубных племен. В. Д. Рыбалова и И. Н. Шарафутдинова [21] высказали предположение о существовании особой сабатиновской культуры, в которую они выделяют памятники позднего бронзового века к западу от Днепра, считая, что они отличаются от памятников срубной культуры, расположенных к востоку.

Разработку вопросов миграции срубных племен из Заволжья, поставленных О. А. Кривцовой-Граковой, углубил Н. Н. Чередниченко [22]. По его мнению, племена срубной культуры никогда одновременно не занимали территорию между реками Урал и Днестр. Он пришел к выводу, что ранние памятники этой культуры сосредоточены преимущественно на востоке этой территории, а поздние — на западе. Заволжскую прародину срубные племена покинули не позже ранней покровской ступени. В течение сабатиновского времени происходит запустение правобережного Поволжья и почти всего Подонья. В белозерское время срубные племена занимали Причерноморье и Нижнее Подонье, оставаясь здесь почти вплоть до скифского вторжения.

В последние годы А. И. Тереножкин [23], изучая предскифский период, выделил в его развитии две ступени: старшую — черногоровскую (900—750 гг. до н.э.) и младшую — новочеркасскую (750—650 гг. до н.э.), являющиеся, по его мнению, прямым продолжением, а вместе с тем и завершением развития срубной культуры. Он пришел к выводу, что носителями срубной культуры были киммерийцы и их история может быть прослежена от среднего периода бронзового века до начала скифского периода. А. И. Тереножкин считает, что киммерийцы были исконными обитателями юга Европейской части СССР. В VII в. до н.э. на их территории расселились скифы, пришедшие из глубины Азии. В ряде работ А. И. Тереножкин выступил против гипотезы автохтонного причерноморского происхождения скифов. По его мнению, в археологии доскифского времени юга Европейской части СССР в настоящее время уже не существует двух проблем — киммерийской и скифской, а есть лишь одна, киммерийская проблема, которая становится одной из важнейших задач отечественной археологии.

---

[21] *И. Н. Шарафутдинова.* К вопросу о сабатиновской культуре. СА, 1968, 3.

[22] *Н. Н. Чередниченко.* История срубных племен Подонья. Автореф. канд. дис. Киев, 1973.

[23] *А. И. Тереножкин.* Киммерийцы. Киев, 1976.

С нарастающим размахом исследований скифских памятников в зонах новостроек юга Украины, как и на других территориях страны, советское скифоведение вступило в новый этап своего развития. Применение современной техники при археологических раскопках позволило исследовать большие скифские курганы, в которых обнаружены исключительно богатые погребения с уникальными предметами скифо-античного искусства. Широкую известность получили уникальные находки из раскопок скифских курганов IV в. до н. э. — «Толстая могила» у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. (раскопки Б. Н. Мозолевского) [24] и «Гайманова могила» в Запорожской обл. (раскопки В. И. Бидзили) (рис. 3, 4).

В Херсонской области, в зоне строительства Каховской оросительной системы, в погребении скифского воина IV в. до н. э. обнаружено интереснейшее каменное изваяние скифа высотой 1,5 *м* [25]. В могиле сохранился чешуйчатый панцирь и боевые штаны, щит, копье, дротик, топор-клевец, большой бронзовый котел, 80 пращевых камней. У головы погребенного в тайнике найдена серебряная ваза и 14 золотых бляшек.

Особый интерес представляет каменное изваяние скифа, также обнаруженное в погребении воина V в. до н. э. с боевыми доспехами, у с. Ново-Васильевка Снигиревского р-на Николаевской обл. (раскопки О. Г. Шапошниковой, рис. 2). Среди немногочисленных скифских изваяний каменная статуя скифа из этого погребения является наиболее совершенной и реалистичной.

Наряду с исследованием курганов с погребениями скифской знати, воинов раскопаны сотни погребений рядовых скифов. Новые находки представляют собой важный источник для изучения погребального обряда, хозяйства, быта и культуры скифов, связей их с античными городами-государствами Северного Причерноморья. Вместе с тем эти источники характеризуют разные по своему социальному положению группы скифского общества, отражают его социальную дифференциацию. Они открывают новые перспективы в изучении социальной природы скифского общества, позволяют по-новому ставить вопрос о социальном строе скифов и конкретных формах классовых отношений и ранней государственности у кочевых народов. Значительные результаты достигнуты также в изучении локальных подразделений скифской культуры, вопросов их генезиса и этнического состава населения.

В 1974 г. на территории Украины исследованы богатые сарматские погребения начала новой эры с уникальными ювелирными предметами. В Крыму, на трассе строительства Северо-Крымского канала, экспедицией института (руководитель А. А. Щепинский) исследован курган, в котором обнаружено женское погребение с богатым инвентарем: золотая гривна с изображением фантастических птиц и животных; золотые ожерелья, перстни, спиральные ножные браслеты, два наручных браслета, украшенных жемчугом (рис. 5). Последние являются уникальными находками, не имеющими аналогий среди сарматских предметов. Одежда умершей была обшита множеством золотых бляшек. В погребении найдены также золотые и серебряные сосуды и другие предметы. Второе богатое женское сарматское погребение исследовано в кургане у с. Ковалевка Николаевской обл. Южно-Бугской экспедицией (руководитель Г. Т. Ковпаненко). В могиле найдено 1300 разнообразных золотых бляшек, украшавших одежду и обувь, золотое ожерелье, серьги, браслеты (рис. 6), перстни, украшенные драгоценными камнями, два кожаных опахала, серебряные, мраморные и алебастровые сосуды, предметы туалета и культа. Частично сохранились остатки одежды, расшитой орнаментом, из ни-

[24] *Б. Н. Мозолевский.* Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине. СА, 1972, 3.

[25] *А. И. Кубышев, Г. И. Чемакова, Ю. А. Шилов.* Исследование курганов на Херсонщине. АО — 1974, М., 1975, стр. 307, 308.

Рис. 3. Золотая пектораль (IV в. до н. э.) из погребения в кургане Толстая Могила у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. (Раскопки Б. Н. Мозолевского, 1971 г.)

тей пряденого золота. Найдены также остатки покрывала из тончайшей шелковой кисеи в одну кокошную нить.

Большинство предметов, найденных в сарматских погребениях, отличается высоким мастерством изготовления. Многие из них не местной работы и указывают на широкие торговые связи сарматов со странами Средиземноморья и Востока. Новые находки богатых сарматских погребений представляют значительный интерес для изучения истории, культуры и социального устройства сарматского общества.

В последние годы продолжались исследования античных памятников Северного Причерноморья — Ольвии, Херсонеса, Березани, Тиры и периферийных памятников. Ольвийской экспедицией (руководитель С. Д. Крыжицкий) осуществлялись систематические раскопки жилых кварталов и общественных сооружений Ольвии и ее периферии. Новым в исследовании Ольвии являются раскопки на широкой площади древнейших жилищ — землянок и полуземлянок VI в. до н.э., которые до недавнего времени считались нехарактерными для городского строительства и особенно для греков. Открытие углубленных жилищ — землянок и полуземлянок — на различных участках верхней части Ольвии свидетельствует о том, что в начальный период заселения греками Северного Причерноморья было характерно сооружение землянок как в самом городе, так и на поселе-

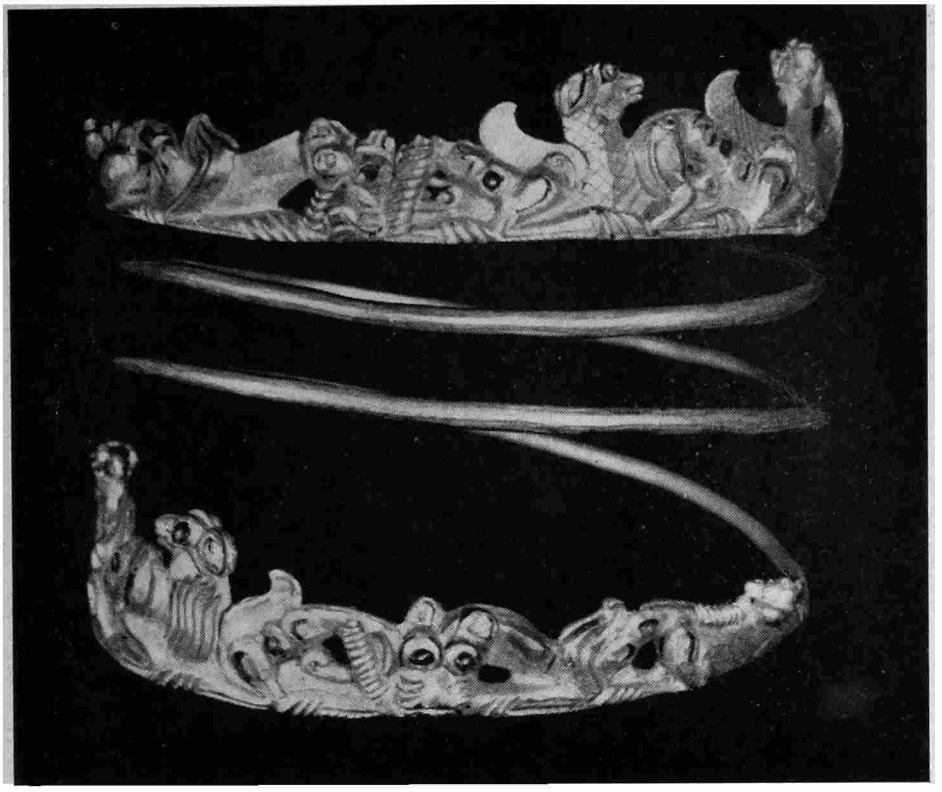


Рис. 4. Гривна золотая (IV в. до н. э.) из погребения в кургане Толстая Могила у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. (Раскопки Б. Н. Мозолевского, 1971 г.)

ниях его округи. Это открытие имеет большое значение для изучения колонизационных и миграционных процессов в Северном Причерноморье.

Значительные работы проведены Ю. И. Козуб по исследованию предместья Ольвии, существовавшего во второй половине VI — начале IV в. до н. э., а также некрополя первых веков новой эры, который позже возник на территории предместья [26]. Исследование предместья Ольвии, упомянутого Геродотом в рассказе об Ольвии и царе Скиле, восполняет недостающее звено в цепи доказательств достоверности сведений Геродота о Северном Причерноморье. Предместье такого рода впервые исследуется в окрестностях крупного античного центра. Археологические данные о нем позволяют ставить вопрос о составных частях античной хоры, о путях формирования города, об экономике, составе и численности населения, культуре античного полиса на раннем этапе существования. Именно в предместье впервые были открыты земляночные жилища греков, существовавшие вплоть до эпохи эллинизма.

Продолжались также работы экспедиции по исследованию Ольвийской хоры. В междуречье Бугского и Березанского лиманов обнаружены и исследовались новые античные поселения, входившие в состав Ольвийского государства. Впервые на территории нашей страны у с. Малая Корениха открыт временный римский лагерь конца I — начала II в. н. э. Разведочными раскопками выявлена система обороны лагеря — ров и вал с каменной крепидой.

Крымской экспедицией института (руководитель С. Н. Бибиков) совместно с Херсонесским музеем-заповедником успешно исследуются жилые кварталы Херсонеса. Завершено многолетнее исследование античного

[26] *Ю. І. Козуб.* Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. э. Київ, 1974.

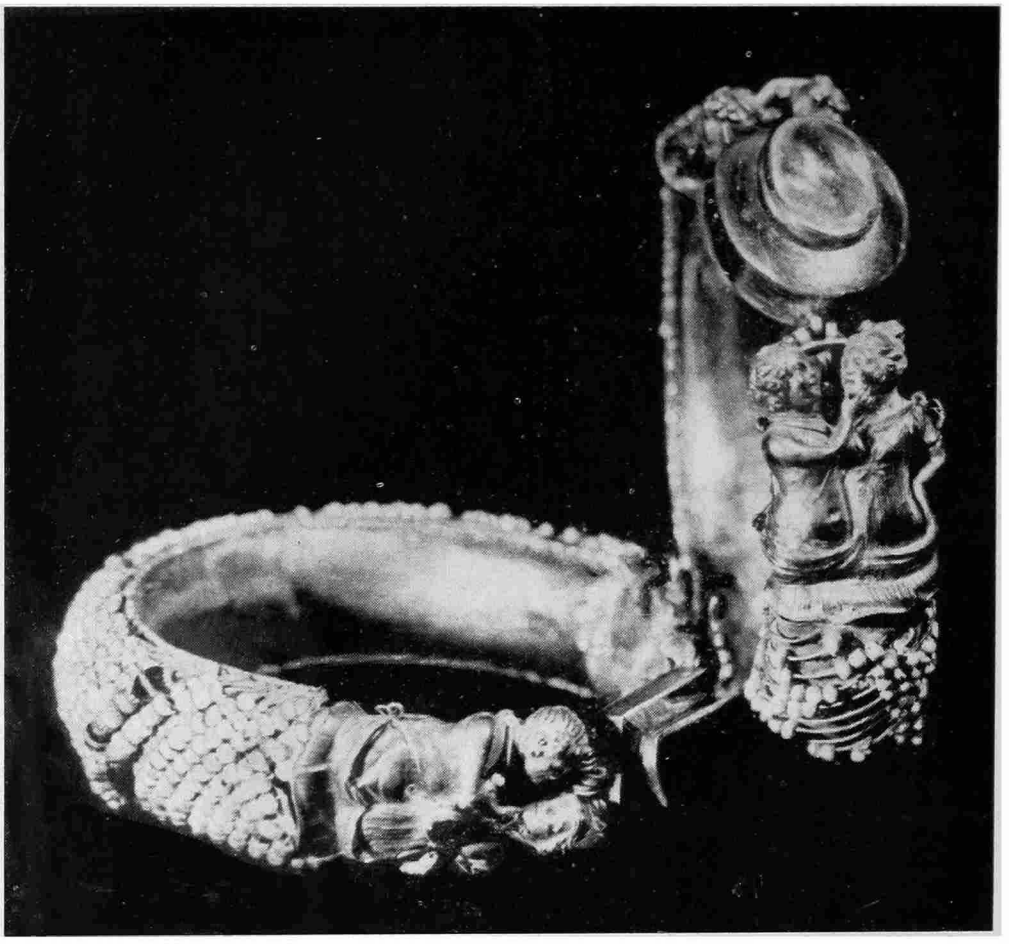


Рис. 5. Браслеты золотые, украшенные жемчугом, из женского сарматского погребения в Крыму. (Раскопки А. А. Щепинского, 1975 г.)

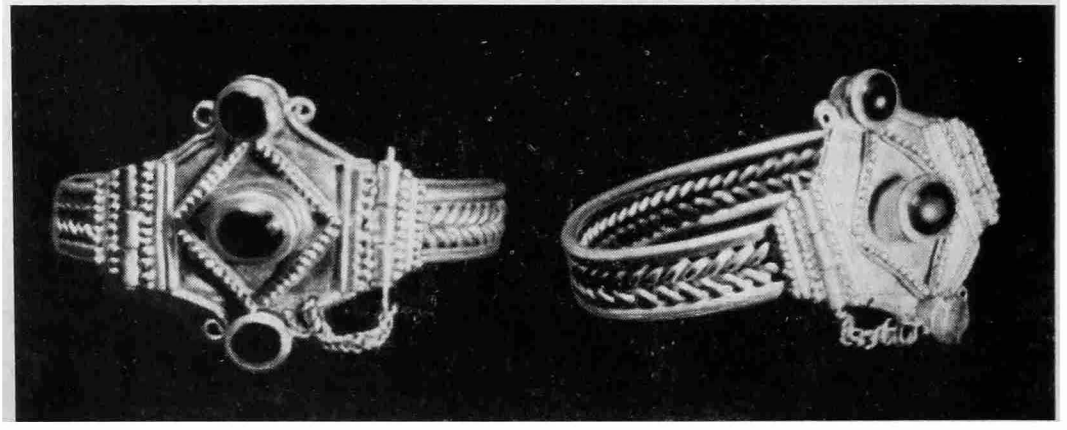


Рис. 6. Браслеты золотые, украшенные драгоценными камнями, из женского сарматского погребения у с. Ковалевка Николаевской обл. (Раскопки Г. Т. Ковпаненко, 1975 г.)

театра в Херсонесе, который был построен в III в. до н. э. и существовал до IV в. н. э. Раскопками открыты остатки внешней ограды, амфитеатр, скамьи для зрителей, барьер, отделявший зрителей от орхестры, что позволило реконструировать пока что единственный в Северном Причерноморье античный театр.

При исследовании Ольвии, Херсонеса и других античных городов изучалась их социально-историческая топография, последовательность развития их как торгово-экономических и политических центров в Северном Причерноморье, а также связи их с племенами Восточной Европы и прежде всего со скифами.

Большое внимание было уделено изучению истории и культуры восточных славян и Киевской Руси. В области славянской археологии в широких масштабах продолжались исследования памятников I тысячелетия н. э. Получены значительные материалы, позволяющие несколько по-новому подойти к решению проблем, связанных с этнокультурными процессами в Восточной и Центральной Европе в указанное время [27].

На Пруте открыты раннесредневековые поселения славян, которые дали хорошо датирующиеся вещи IV—V вв. н. э. (фибулы, серая гончарная керамика) [28]. Еще недавно такие поселения датировались временем начиная с VI в. н. э. Полученный материал позволяет заполнить хронологический вакуум, который искусственно отделял их от памятников первой половины I тысячелетия н. э., что усложняло изучение указанных древностей и задерживало работу по выделению славянских древностей среди археологических культур первой половины I тысячелетия н. э. и определению территории славянских племен в указанное время.

В настоящее время украинские археологи имеют некоторые основания предполагать, что раннеславянские памятники рубежа и первой половины I тысячелетия н. э. надо искать среди черняховских и позднезарубинецких древностей. Если первые известны еще с конца XIX в., то вторые открыты не так давно. В настоящее время сотрудниками института (Е. В. Максимов) интенсивно проводятся разведочные работы и раскопки позднезарубинецких поселений в Киевской и Черниговской областях.

В процессе исследований памятников черняховской культуры между Средним Днепром, Днестром и Верхней Вислой удалось выделить памятники, которые типологически увязываются со славянскими древностями V—VI вв. Наряду с этим ведется работа по выделению неславянских, «чужих», элементов в материальной культуре, принадлежащих позднескифскому, сарматскому, фракийскому и готскому населению, которое занимало смежные территории и нередко смешивалось со славянами.

Кроме того, исследования славянских памятников середины I тысячелетия н. э. привели к очень важным выводам о единстве материальной культуры славян раннего средневековья на огромной территории от Днепра до Эльбы и от Припяти до Дуная (однотипны жилища, погребальный обряд, орудия труда). Некоторые локальные отличия прослежены лишь в типах посуды.

На славянских поселениях Рашков I и II на Среднем Днестре, датирующихся VI—VII и VII—IX вв. [29], где в настоящее время открыто более 100 жилищ, хозяйственные ямы и железоплавильный горн, все типы посуды, характерные для Верхнего Поднепровья, Днепровского Ле-

---

[27] *В. Д. Баран.* Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ, 1972; *С. П. Пачкова.* Господарство східно-слов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ, 1974; *О. М. Приходнюк.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). Київ, 1975.

[28] *И. П. Русанова, Б. А. Тимощук.* Славянское поселение Кодын на Буковине. АО — 1975, М., 1976, стр. 389.

[29] *В. Д. Баран, Д. Н. Козак, Б. В. Магомедов, А. Н. Некрасова.* Раскопки славянских поселений у с. Рашков. АО — 1974, М., 1975, стр. 257, 258; *В. Д. Баран, Б. В. Магомедов.* Славянские поселения у с. Рашков на Среднем Днестре. АО — 1975, М., 1976, стр. 300, 301.

вобережья и правобережной Украины, встречены вместе, в одних комплексах. Как известно, через Среднее Поднестровье проходили пути, по которым славянское население в середине I тысячелетия н. э. двигалось в Подунавье и на Балканы. Результаты исследований позволили В. Д. Барану высказать предположение, что в расселении славян на юг принимало участие славянское население всех славянских земель, переживая единые социально-экономические и исторические процессы. Славянские памятники исследовались также в степной части Поднепровья [30]. Они позволяют решать вопросы о заселении славянами этой территории, об их взаимоотношениях с соседями-кочевниками. Большое количество памятников V—XI вв. исследовано и на Левобережье Днепра [31]. Исследователь выделяет три хронологических этапа в истории северян, отстаивает гипотезу об автохтонности роменской культуры.

В области древнерусской археологии, изучения истории и культуры Киевской Руси сделан значительный шаг вперед в накоплении археологических материалов и их историческом осмыслении.

Раскопки древнерусских городов — Вышгорода, Галича, Звенигорода, Заруба, Дорогобужа (в Ровенской обл.) и др.— дали новые материалы для изучения социально-экономической структуры городов и определения их как оборонительных, культурных и политических центров в системе Древнерусского государства. Исследование городищ, селищ и могильников древнерусского времени в Киевской, Черниговской, Черкасской, Ровенской, Волынской, Львовской и других областях имеет большое значение для изучения феодальных владений и сельских поселений, уровня развития сельского хозяйства, истории и культуры древнерусского населения.

В 1974 г. институт начал исследования Змеевых валов напротив г. Канева, в районе г. Василькова и в междуречье Ирпеня и Тетерева. Археологические материалы, полученные в результате работ М. П. Кучеры, позволяют считать, что эти валы были сооружены в ранний период существования Древнерусского государства, в X—XII вв., для защиты Среднего Поднепровья и Киева от набегов кочевников.

Кроме изучения археологических памятников значительное внимание уделялось исследованию вопросов формирования древнерусской народности, экономических предпосылок возникновения Древнерусского государства, возникновения и развития древнерусских городов, экономики, социального состава и культуры древнерусского общества.

Археологические исследования в Киеве обогатили науку новыми находками и открытиями [32]. Эти исследования были подчинены решению ряда важных вопросов древней истории Киева, в частности проблемы происхождения, места и роли его в сложении и истории Древнерусского государства. Археологические раскопки производились не только в центральных районах города, но и на территории его торгово-ремесленных посадов — на Подоле, Копыревом конце, а также в границах его окольных районов. Исследованы многие объекты, характеризующие процесс формирования и развития города, развитие ремесла, торговли, его архитектуру, культуру и быт древнерусского населения (рис. 7).

Впервые за всю историю изучения Киева на Подоле, в зоне строительства метро, были обнаружены древние кварталы срубных жилых и хозяйственных построек, деревянные заборы, мостовая, которые датируются X—XII вв. Новые раскопки не просто дополнили, но в значительной мере изменили существовавшее представление об архитектурном облике древнерусской столицы. Они убедительно доказали, что Киев в

---

[30] *А. Т. Сміленко.* Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XII ст.). Київ, 1975.

[31] *О. В. Сухобоков.* Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975.

[32] *П. П. Толочко.* Древний Киев. Киев, 1976; Зб. «Археологічні дослідження Стародавнього Киева». Київ, 1976.

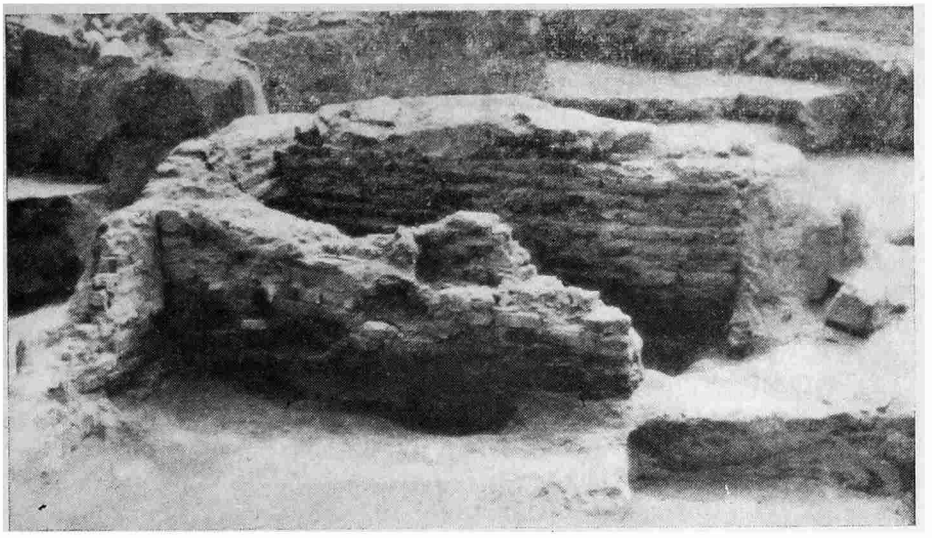


Рис. 7. Остатки печи для обжига кирпича X в. Киев. (Раскопки Киевской археологической экспедиции)

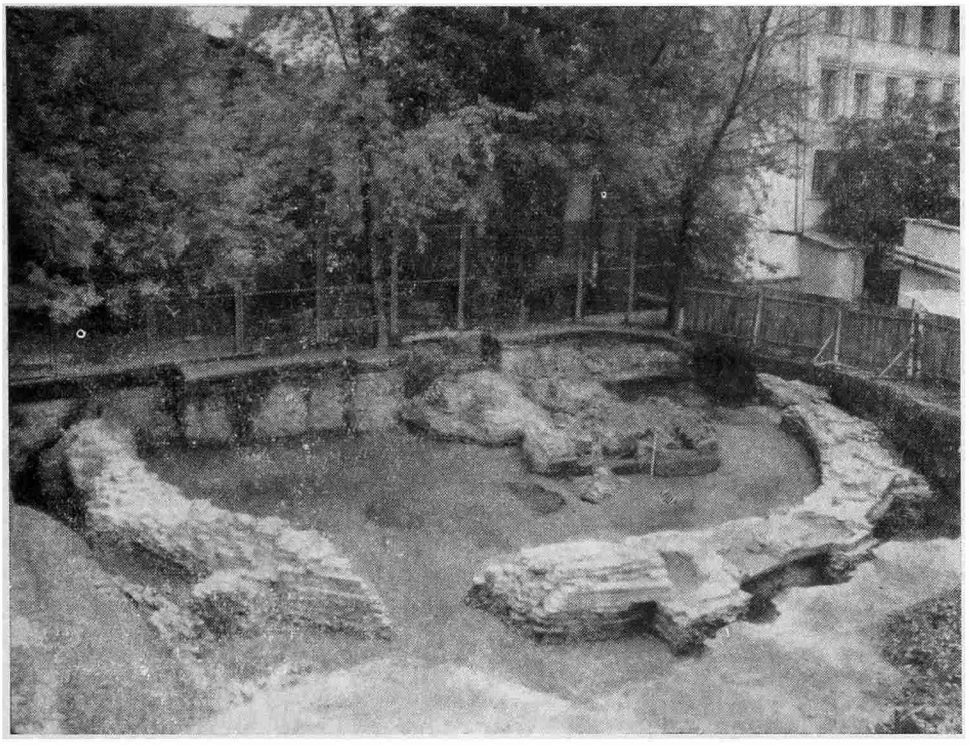


Рис. 8. Остатки ротонды, восточная часть (конец XII — начало XIII в.). Киев. (Раскопки Киевской археологической экспедиции, 1976 г.)

древности был застроен одно- и двухэтажными деревянными срубными домами, что массовая застройка Киева была аналогичной застройке городов северных, северо-западных и северо-восточных районов Древней Руси.

Эти находки свидетельствуют о едином архитектурном стиле и общности исторического и культурного развития всех районов Древней Руси. Они окончательно опровергли устаревшие представления о преобладании в Киеве в X—XII вв. полуземляночных жилых и хозяйственных

сооружений. Значительный интерес представляют раскопки каменной ротонды конца XII — начала XIII в. Постройка такого типа на территории Киева обнаружена впервые (рис. 8).

Новым важным направлением в изучении древней истории и культуры Киева является исследование надписей на стенах древнерусских монументальных сооружений, в частности Софии Киевской [33]. По содержанию исторической информации, как показала работа С. А. Высоцкого, эти надписи в ряде случаев дополняют летопись. Они свидетельствуют о распространении грамотности среди разных слоев населения древнего Киева.

Итоги многолетних полевых археологических исследований на территории УССР подведены в фундаментальном, коллективном трехтомном труде «Археологія Української РСР» [34]. В нем нашли отражение важнейшие достижения археологической науки в Украинской ССР. Создание этого труда подняло археологическую науку в республике на качественно новый уровень, создало прочную базу для дальнейших научных исследований. Историческое обобщение археологических источников по древней истории Украинской ССР осуществлено в первом томе «Історія Української РСР» (кн. I), подготовленном к изданию авторским коллективом института.

В археологических исследованиях на территории республики важное место занимает применение методов естественных наук. В лаборатории естественнонаучных методов института осуществляются исследования по древней истории черной металлургии, палеоботанике, палеозоологии, дендрохронологии. Совместно с Институтом геохимии АН УССР осуществляется датирование археологических материалов по C_{14}, а с Институтом геофизики АН УССР — геомагнитным методом, совместно с Институтом кибернетики разрабатывается система «Археолог» по обработке массового археологического материала на ЭВМ.

Важным условием повышения эффективности научных исследований является улучшение координационной деятельности института как головного археологического учреждения республики. Институтом составлен координационный план археологических исследований в УССР на 1976—1980 гг., осуществляется координация полевых экспедиционных исследований в республике. Археологические исследования в Украинской ССР проводятся в тесном контакте с Институтом археологии АН СССР. Подготовлены совместные планы по изучению истории и культуры античных городов Северного Причерноморья, исследованию проблемы этногенеза славян, истории и культуры Древней Руси.

За годы Советской власти Украина стала крупным центром развития археологической науки. Славный юбилей — шестидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции — археологи республики отмечают новыми достижениями, вносят достойный вклад в развитие археологической науки в нашей стране. Результаты археологических исследований в Украинской ССР за последнее десятилетие значительны. Однако остается еще немало проблем, неразработанных вопросов, решение которых является ближайшей задачей археологов республики. Среди них не только актуальные проблемы, стоящие в каждом из разделов археологической науки, но также и общие методологические и методические проблемы, разработка которых должна стать делом ближайшего будущего.

---

[33] *С. А. Высоцкий.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976.

[34] Археологія Української РСР. Т. I, II. Київ, 1971; т. III, Київ, 1975.

I. I. Artémenko

LES FOUILLES ARCHEOLOGIQUES EN UKRAINE

Résumé

On expose dans cet article les principaux résultats des fouilles archéologiques effectuées sur le territoire de la République Socialiste Soviétique d'Ukraine au cours de ces derniers dix ans. On considère également le niveau atteint par l'étude de certains problèmes, tels que le peuplement par l'homme du territoire actuel de l'Ukraine, et l'histoire ancienne de cette contrée; la segmentation culturo-chronologique du paléolithique; le passage des formes d'économie prédatives à celles de production; les problèmes du développement historique des tribus des époques néolithique, énéolithique et du bronze; ceux concernant l'histoire des Cimmériens et des Scythes; l'ethnogénèse et l'histoire ancienne des Slaves; l'apparition de l'ancien Etat de la Russie kiévienne, son histoire et sa culture. On parle également des tâches qui s'offrent à l'étude ultérieure de ces problèmes.

Ю. Н. ЗАХАРУК

О ПОНЯТИИ «ФАКТ» В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Часто повторяемое положение о том, что наука прежде всего основывается на фактах, что она исследует и описывает факты, обобщает и интерпретирует их, однако, еще никак не свидетельствует об однозначном, общепринятом понимании содержания самых понятий «факт», «научный факт». Не случайно последнее время философы, логики и методологи науки уделяют большое внимание этому основополагающему методологическому понятию науки [1].

Не менее сложна проблема научного факта в рамках каждой отдельной науки. Показательна в этом отношении проблематика научного факта в исторической науке [2]. Проблема научного факта в историческом познании осложнена ее опосредственным характером, связанным с наличием в нем исторических источников. «Чтобы приблизиться к действительной сути исторического события, ученый должен отчетливо видеть разницу между самым событием и его отражением в вещественных памятниках, письменных и иных источниках» [3]. Учитывая двойственный характер понятия факта, их несомненную близость, но и существенные различия, некоторые исследователи предлагают различать «исторический факт» (фрагменты исторического процесса) от «историографического факта» (научно-познавательного образа) [4]. Вместе с тем ряд авторов, отмечая особенности исторических фактов, в качестве последних рассматривают сами исторические источники [5]. Другие исследователи под историче-

[1] *В. В. Косолапов.* Гносеологічна природа наукового факту. Київ. 1964; *его же.* Факты как основания научного знания. Сб. «Логика научного исследования». М., 1965; *А. И. Ракитов.* Статистическая интерпретация фактов и роль статистических методов в построении эмпирического знания. Сб. «Проблемы логики научного познания». М., 1964; *Л. С. Меерзон.* К вопросу о гносеологической природе фактов науки. Уч. зап. Ленингр. педагогич. ин-та им. А. И. Герцена, т. 365, 1968; *В. А. Штофф.* Введение в методологию научного познания. Л., 1972; *А. Ф. Зотов.* Структура научного мышления. М., 1973; *Н. К. Вахтомин.* Генезис научного знания. Факт, идея, теория. М., 1973.

[2] *В. В. Косолапов.* Факти та їх роль в історичному дослідженні. УІЖ, 1963, 2, стр. 78—85; *А. Ф. Килунов.* Про природу історичного факту. УІЖ, 1965, 7, стор. 52—58; *А. Я. Гуревич.* Что такое исторический факт? Сб. «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы». М., 1969, стр. 59—88; *В. С. Бибилер.* Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки). Там же, стр. 89—101; *Г. М. Иванов.* К вопросу о понятии «факт» в исторической науке. ВИ, 1969, 2, стр. 73—87; *О. Л. Вайнштейн.* Марксизм-ленинизм об историческом факте. Сб. «Ленин и проблемы истории». Л., 1970, стр. 9—36; *Н. М. Дорошенко.* К проблеме факта в историческом познании. Сб. «Методологические вопросы общественных наук». Л., 1971, стр. 34—41; *Н. М. Терешко.* Понятие исторического факта и его соотношение с историческим источником (на материалах современной польской методологии истории). Сб. «Проблемы социальных исследований», вып. 3. Томск, 1973, стр. 73—84; *В. И. Салов.* Исторический факт и современная буржуазная историография. «Новая и новейшая история», 1973, 6, стр. 43—56.

[3] *В. А. Дьяков.* Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, стр. 103.

[4] Там же, стр. 113, 114.

[5] Там же, стр. 111. *В. М. Подосетник.* Гносеологическое значение фактов в познании общественных явлений. Сб. «Теория познания и современная наука». М., 1967, стр. 212.

ским фактом понимают реконструируемые факты прошлого[6]. Таким образом, исторический факт трактуется в исторической науке по-разному — и как само историческое событие, и как научная реконструкция этого события. Проблема факта в археологии пока еще не привлекала к себе должного внимания. Единственным исследованием в отечественной литературе, специально посвященным проблемам факта в археологической науке, является работа В. Д. Викторовой[7]. Одно это уже делает исследование интересным, заслуживающим особого внимания. Рассмотрим предложенную В. Д. Викторовой концепцию «археологического факта». Справедливо отмечая сложность и многогранность понятия «факт», В. Д. Викторова, строго следуя требованиям методологии науки, различает две основные категории фактов: фактов **действительности** и фактов **науки.** Факты действительности суть «любой относительно самостоятельный фрагмент реальной действительности», а факты науки — «отражение фактов действительности через систему понятий». В свою очередь факты действительности автор подразделяет на факты природы, которые «связаны с различными уровнями движения материи», и на факты **исторической действительности,** которые «лежат в сфере общественной формы движения, в историческом прошлом человечества»[8]. Данное В. Д. Викторовой определение фактов исторической действительности изложено нечетко и может быть различно истолковано. С одной стороны, автор утверждает, что все факты исторической действительности «имеют единую социальную природу», и в данном случае термин «исторический» выступает как синоним «социальный», «общественный». С другой стороны, фактом исторической действительности, по мнению В. Д. Викторовой, является «любой фрагмент жизни прошлого», и в этом случае термин «исторический» выступает уже как синоним «прошлого», прошлой действительности.

Между тем четкое различение фактов исторической, в смысле общественной, действительности, с одной стороны, и фактов прошлой исторической действительности — с другой, имеет принципиально важное методологическое значение и поэтому должно быть выражено терминологически по-разному. Это особенно важно, когда мы имеем дело с науками, изучающими человеческое прошлое. На необходимость различения прошлого, настоящего и будущего как исторических реальностей уже указывалось в специальной литературе, посвященной философским проблемам истории[9]. Это различение зиждется на таких философских категориях, как «бытие» и «существование». Бытие как историческая действительность охватывает все что было, есть и будет в человеческой истории. Существование — это непосредственное бытие, настоящая историческая действительность, которая реализуется, осуществляется и наполняется реальностью. Прошлая историческая действительность представляет собой «осуществленную действительность, не способную уже ни к каким переменам. Все возможности ее исчерпаны, а потому в прошлом, как известно, уже нельзя ничего изменить»[10]. Различение прошлой и настоящей исторической действительности, равно и их фактов, чрезвычайно важно при определении объекта и предмета исследования наук, изучающих прошлое и настоящее исторической действительности. Настоящая историческая действительность служит объектом непосредственного исследования таких наук, как этнография, новейшая история и социология, осуществляющих конкретные исследования современной исторической действительности.

[6] *Н. П. Французова.* Исторический метод в научном познании. (Вопросы методологии и логики исторического исследования). М., 1972, стр. 247.

[7] *В. Д. Викторова.* Археологический факт. ВАУ, 13, 1975, стр. 17—26.

[8] *В. Д. Викторова.* Ук. соч., стр. 17, 18.

[9] *А. В. Гулыга.* История как наука. Сб. «Философские проблемы исторической науки». М., 1969, стр. 10.

[10] *Б. М. Кедров.* История науки и принципы ее исследования. ВФ, 1971, 7, стр. 81.

Н. Н. Миклухо-Маклай, равно как и советские этнографы сто лет спустя, благодаря прямому наблюдению и изучению жизни, быта и культуры папуасов Берега Маклая (Папуа Новая Гвинея) имели завидную возможность непосредственно зафиксировать всеми доступными им средствами такой объем разнообразной научной информации, которая не идет ни в какое сравнение с данными археологических исследований.

Прошлая историческая действительность не может служить объектом непосредственного познания, поскольку она уже не существует. Бесспорно поэтому утверждение, что «сама мысль, что прошлое как таковое, способно быть объектом науки, абсурдна»[11]. Прошлое **нельзя изучать,** можно изучать только останки, «следы прошлого» и на их основе **реконструировать, воссоздавать прошлое**. Различение прошлой и настоящей действительности, равно и их фактов, имеет важное значение при исследовании вопроса об истоках археологических фактов, которые, как справедливо отмечает В. Д. Викторова, лежат «в историческом прошлом человечества»[12], т. е. имеют прямое отношение только к прошлой, не существующей уже исторической действительности.

В. Д. Викторова справедливо указывает на «единую социальную природу, одинаковый генезис» фактов исторической действительности, а также на то, что они — «результат предметной деятельности человека». В. Д. Викторова также указывает, что «время сохраняет не все, а только некоторую часть их, причем не в виде действий, процессов, обобщений, а только в **вещной форме».** Из этого В. Д. Викторова делает очень важное заключение о том, что «именно эти остатки, фрагменты исторического процесса, как бы застывшие в предметах, вещах, становятся **фактами письменной истории или фактами археологической действительности».** В связи с данным заключением В. Д. Викторовой возникает ряд вопросов. Прежде всего вопрос о том, в чем различие, специфика, содержание фактов «письменной истории» и «археологической действительности». Что такое «письменная история»? Историческая действительность или историческая наука, базирующаяся в своих исследованиях на фактах письменности? Судя по тому, что «письменная история» сопоставляется с «археологической действительностью», В. Д. Викторова, по-видимому, имеет в виду две категории фактов действительности: действительность письменных фактов («факты письменной истории») и действительность археологических фактов («фактов археологической действительности»). И хотя «факты письменной истории» и «факты археологической действительности», как утверждает В. Д. Викторова, реально существуют в вещной форме, как фрагменты, остатки застывшей в вещах, предметах «исторической действительности», тем не менее «факты письменной истории» (литературные произведения, государственные акты) не имеют отношения к особой действительности, противостоящей и существующей наряду с «действительностью исторической». Различные письменные документы («факты письменной истории») как исторические источники справедливо рассматриваются не как факты особой действительности, а как «материальные **реликты** прошлого»[13] (подчеркнуто мной.— *Ю. З*), объективно существующие в рамках настоящей исторической действительности, хранящиеся в специальных архивах или частных коллекциях. Иная природа «фактов археологической действительности». Последние действительно образовывают вещный мир особой действительности, реально существующей вне живой, динамичной, функционирующей исторической действительности. В. Д. Викторова в этом отношении справедливо обращает внимание на то, что мир вещей «ар-

[11] *М. Блок.* Апология истории или ремесло историка. М., 1973, стр. 17.

[12] *В. Д. Викторова.* Ук. соч., стр. 18.

[13] *Г. М. Иванов.* Некоторые вопросы гносеологического анализа исторических источников. Сб. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Тр. Томского гос. ун-та, т. 211, 1972, вып. 7—8, стр. 31.

хеологической действительности» не тождествен миру вещей действительности исторической. По сравнению с последними первые сохраняются только частично и фрагментарно и нередко «деформированы природой и более поздними поколениями» [14]. Последнее обусловлено тем, что «факты археологической действительности» сохраняются в особых условиях в земле, и только в процессе раскопок они предстают перед археологом «как объекты исследования» [15]. Но ведь вещные останки, «следы прошлого» [16] объективно и реально существуют до и независимо от археологического исследования и поэтому должны рассматриваться как факты действительности, а не как факты науки. Если же следы и останки прошлого не являются фактами науки, а фактами действительности, возникает вопрос — какой именно? В. Д. Викторова в отличие от «фактов исторической действительности» именует их «фактами археологической действительности». При пользовании терминами «археологическая действительность», «факты археологической действительности» может создаться ложное впечатление о том, будто бы наряду с объективной реальной действительностью природы и общества существует еще какая-то особая «археологическая» (научная?) действительность, реальность. В философской литературе иногда встречаются такие понятия, как «физическая», «биологическая», «геологическая» и «историческая реальности» [17]. Но в этом случае имеются в виду не **различные** научные **действительности**, реальности, а **различные аспекты** объективной действительности, реальности, исследуемые отдельными науками природы и общества. Во избежание путаницы и возможных недоразумений нельзя признать термины «археологическая действительность», «факты археологической действительности» удачными. Термин «археологический» целесообразнее применять только к понятиям науки, а не действительности. Поэтому представляется более правильным говорить о действительности вещных останков, «следов прошлого», вещном мире не «археологической», а «**ископаемой действительности**». Этот термин представляется более оправданным еще и потому, что различные вещные останки и «следы прошлого» ископаемой действительности служат объектами исследования не одной только археологии, но и палеонтологии, палеоантропологии, геологии, палеоклиматологии и других наук, исследующих прошлое природы и человеческого общества.

Фактам действительности (исторической и «археологической») В. Д. Викторова соответственно соподчиняет научные факты, в частности факты археологии. «Факты археологической действительности, зафиксированные в виде чертежей, рисунков, фотографий, дневниковых записей, описания вещей, есть отражение этой действительности в знаковой системе, **эмпирические факты археологии**»[18]. С этим нельзя не согласиться. Только соответственно зафиксированный факт исследуемой действительности может стать фактом науки, ее эмпирическим фактом. Любые случайно вырытые из земли ископаемые объекты: древний сосуд или окаменевшие останки скелета древних животных, не зафиксированные должным образом, не могут стать фактом науки, ее достоянием. Следовательно, факты науки прежде всего отличаются от фактов действительности тем, что они являются воспринятыми, осмысленными и запечатленными исследователем фактами объективной реальности, ее отражением, образами, знаками, символами. Научный факт является особой субъективной формой отражения факта объективной действительности. Так как «эмпирические факты всегда содержат элементы одиночного, случайного, субъективного» [19], В. Д. Викторова вслед за А. И. Ракито-

[14] *В. Д. Викторова.* Ук. соч., стр. 21.
[15] Там же.
[16] *Н. П. Французова.* Ук. соч., стр. 173–202.
[17] *Н. П. Французова.* Ук. соч., стр. 238.
[18] *В. Д. Викторова.* Ук. соч., стр. 22.
[19] *В. Д. Викторова.* Ук. соч., стр. 22.

вым [20] считает возможным снимать элементы случайного и субъективного с эмпирических фактов путем их статистического анализа. «Научный факт археологии — это статистический факт»,— утверждает далее автор. Данное определение научного факта археологии требует специального разбора. Прежде всего следует отметить некоторое терминологическое несоответствие между понятиями «эмпирический факт археологии» и «научный факт археологии». И «эмпирический факт» и «статистический факт» в равной мере являются научными фактами (в данном случае научными фактами археологии), хотя фактами разного научного порядка. Противопоставление понятия «эмпирического факта» «научному» может создать представление о том, что эмпирические факты не являются научными фактами. В. Д. Викторова права, что остатки погребения из разрушенного могильника являются единичным фактом, «который мы не имеем право распространять на весь погребальный обряд населения» данного времени и района. Бесспорно также, что «элементы субъективного могут вкрасться в процессе описания факта» [21]. Но у науки нет других исходных фактов, кроме эмпирических. Сами факты ископаемой действительности, пока они не исследованы, не описаны, не зафиксированы археологом, не могут стать фактами археологической науки. Эмпирические факты археологии тем и отличаются от объективных фактов ископаемой действительности, что они по своей природе, происхождению объективно-субъективны. Они всегда субъективно фиксируют факты объективной реальности. Именно поэтому эмпирическим фактам археологии всегда предъявляются требования максимально точной фиксации ископаемых объектов. Для археологической науки важно не только обнаружить нужный археологический объект и его исследовать, но и должным образом его зафиксировать. Это особенно важно по отношению к тем ископаемым объектам, которые в ходе раскопок подвергаются полному или частичному уничтожению. Бесспорно также, что и статистические факты являются научными фактами. Однако правомерно ли **только** статистические факты считать научными и противопоставлять им факты эмпирические? Следует отметить, что и в исторической науке также имеет хождение точка зрения, отождествляющая статистические факты с понятием «исторического факта» [22]. Нисколько не отрицая важного значения статистических фактов в археологии и исторической науке, тем не менее следует согласиться с теми исследователями, которые возражают против их абсолютизации. «Если абсолютизация статистической природы факта понятна для естествознания, то для историка, имеющего дело не только с массовыми повторяющимися, но и индивидуальными явлениями, такая абсолютизация недопустима» [23]. Вряд ли кто-либо из археологов будет отрицать исключительную источниковедческую ценность таких уникальных произведений скифской торевтики, как, например, знаменитая пектораль из «Толстой могилы» или чаша с рельефными изображениями скифов из «Гайматовой могилы». Нельзя поэтому отождествлять только статистические факты с фактами науки и противопоставлять их эмпирическим фактам. Представляется более целесообразным считать научными фактами археологии все фиксируемые ею факты, в том числе и «эмпирические» и «статистические».

Эмпирические и статистические факты, однако, не исчерпывают всех категорий научных фактов археологии. К ним следует отнести еще одну важную, очень характерную и специфическую категорию. Археология, если она подлинно историческая наука, не может ограничиваться только фиксацией и обработкой (в том числе и статистической) эмпирических

[20] *А. И. Ракитов.* Ук. соч., стр. 383.
[21] *В. Д. Викторова.* Ук. соч.
[22] *М. А. Барг.* Структурный анализ в историческом исследовании. ВФ, 1964, 10, стр. 85.
[23] *О. Л. Вайнштейн.* Ук. соч., стр. 21.

фактов. Археологические объекты всегда рассматривались большинством исследователей как специфические исторические источники познания прошлого. Эмпирические факты являются поэтому базовыми фактами для реконструкции прошлой исторической действительности. В силу того, что эмпирические факты археологии, как правило, фрагментарны, зачастую сильно искажены, важное значение приобретает проблема их интерпретации и реконструкции. Зафиксированная на фото и в чертежах исследованная трипольская площадка — типичный пример эмпирического факта археологии. Не один десяток лет ушел на дискуссию о назначении «загадочных трипольских площадок», пока наконец было доказано, что трипольские площадки являются останками жилищ. Однако этим не исчерпываются задачи археологического исследования. Для того чтобы трипольская площадка могла послужить полноценным историческим источником, она непременно должна быть реконструирована. Поскольку площадка является ископаемым останком некогда существовавшего жилища, чрезвычайно важно представить это жилище в первозданном виде, когда оно было реальным фактом прошлой исторической действительности. Чем ближе к оригиналу реконструируемое жилище, тем ценнее научное значение реконструируемого исторического факта археологии. Не случайно виднейшие советские исследователи трипольской культуры уделяли большое внимание в своих исследованиях вопросам реконструкции трипольских жилищ и поселений в целом. Различные реконструируемые археологические объекты представляют собой еще одну важную категорию научных фактов — **«реконструированных исторических фактов археологии»**. Громоздкость данного термина обусловлена стремлением возможно точнее раскрыть специфику данной категории научных фактов. В отличие от эмпирических фактов археологии, являющихся фиксированными фактами ископаемой действительности, реконструированные факты археологии в свою очередь базируются на эмпирических фактах археологии и представляют собой особые реконструкции, модели фактов прошлой исторической действительности. **Эмпирические и реконструированные** факты различаются своими исходными данными (фактами), решаемыми на их основе различными задачами и особыми методами их получения.

Реконструированные **исторические** факты связаны с решением общеисторических задач археологии и имеют прямое отношение к ее теоретическому уровню исследования. Археологическое познание, следовательно, предполагает особую систему взаимосвязанных и взаимообусловленных между собой фактов действительности и научных фактов. Схематически они могут быть представлены в таком виде:

	ФАКТЫ		
	действительности	**науки**	
жилище	факты прошлой исторической действительности	реконструированные исторические факты археологии	реконструкции трипольских жилищ
	↓	↑	
площадка	факты ископаемой действительности	→ эмпирические факты археологии	фото чертежи площадки

Некогда существовавшее жилище «трипольского» поселка является реальным «фактом прошлой исторической действительности». Данная категория фактов действительности имеет исключительно важное философское и методологическое значение. Признание существования этой особой категории фактов действительности служит материалистическим свиде-

тельством «объективной реальности предмета исторического познания — исторического развития человеческого общества как реального, объективно протекающего процесса, вне и независимо от сознания познающего субъекта» [24]. Отрицание объективного предмета исторического познания является «отправной точкой всех идеалистических теорий исторического познания» [25] отождествляющих «объективную историческую действительность» («факты прошлой исторической действительности») с «познанием этой действительности» («фактами науки»). Материальными доказательствами реальности трипольских жилищ («фактов прошлой исторической действительности») являются их останки в виде так называемых «площадок» («факты ископаемой действительности»). Только «осознавая „следы прошлого" именно как результат происходивших когда-то процессов» [26], «факты прошлой исторической действительности» обретают свою реальность и достоверность. Вместе с тем, как уже отмечалось, при всей ущербности и фрагментарности «фактов ископаемой действительности» («площадок») по сравнению с «фактами прошлой исторической действительности» («трипольских» жилищ) первые обладают незаменимым «свойством непосредственной действительности», реальным существованием в настоящем. В свою очередь благодаря этим свойствам «площадки» («факты ископаемой действительности») при определенных условиях могут обладать еще и «привилегией непосредственной доступности» [27], т. е. быть непосредственными объектами научного, в данном случае археологического, познания.

Только те «площадки», которые стали объектами непосредственного полевого исследования и которые в ходе раскопок были соответственно зафиксированы, описаны, становятся фактами науки, «эмпирическими фактами археологии». В этом принципиальное отличие «площадок» как фактов ископаемой действительности от «площадок», описанных в полевых дневниках и зафиксированных в чертежах и фотографиях. Различение «фактов ископаемой действительности» и «эмпирических фактов археологии» имеет важное методологическое значение. Оно предъявляет к исследованию «фактов ископаемой действительности» определенные требования, необходимость тщательно «зафиксировать и возможно полнее описать эти факты» [28]. Как об этом справедливо сказано в статье В. Д. Викторовой, адекватность отражения фактов «археологической (ископаемой) действительности» зависит от ряда факторов, в том числе: задач исследования, методики раскопок и субъективных качеств исследователя. Эмпирические факты археологии составляют исходную, опорную категорию научных фактов, которые в большей степени определяют результативность археологических исследований в целом. Научная доброкачественность«эмпирических фактов археологии» зависит не только от состояния, сохранности исследуемых ископаемых объектов, а в значительной степени определяется самой «предметной деятельностью археолога» [29], ее научным уровнем. Один и тот же ископаемый объект может быть зафиксирован с разной степенью полноты и поэтому может иметь разную научную ценность, измеряемую объемом содержащейся в «эмпирических фактах археологии» информацией. Фиксация и описание исследуемых археологических объектов — процедура сложная, во многом зависит от умения видеть, «читать» ископаемые объекты. Каждый археолог из личного опыта хорошо знает, какие трудности возникают в связи с исследованием и фиксацией встречаемых обычно на каждом шагу пятен. В процессе раскопок возникает бесчисленное множество самых нео-

[24] *Н. Ирибаджаков.* Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972, стр. 255.
[25] Там же.
[26] *Н. П. Французова.* Ук. соч., стр. 147.
[27] *М. Блок.* Ук. соч., стр. 33.
[28] *В. Д. Викторова.* Ук. соч., стр. 21.
[29] Там же.

жиданных вопросов и загадок, которые зачастую так и остаются без ответа. В то время как, может быть, именно в неувиденном и непонятом скрывается самое главное — научная проблема. Преобразованию «фактов ископаемой действительности» в «эмпирические факты археологии» мы обязаны важнейшему разделу археологической науки, ее источниковедению, разработка принципов и методики которой и составляет одну из актуальнейших теоретических и методологических задач нашей науки.

«Эмпирические факты археологии» представляют собой особую, специфическую категорию фактов науки. Как и все эмпирические научные факты, они соответствующим образом фиксируют исследуемые археологией факты ископаемой действительности. Однако в отличие от большинства наук этим не ограничивается значение «эмпирических фактов археологии» в археологическом познании. Благодаря специфической природе ископаемой действительности «эмпирические факты археологии», кроме того, служат еще важным источником познания прошлой исторической действительности, т. е. являются **историческими источниками.** «Исторический источник — это любой продукт человеческой деятельности, характеризуемый со стороны выполняемой им в процессе ретроспективного познания функции средства познания прошлого» [30]. Именно потому, что «эмпирические факты археологии» являются важными, незаменимыми средствами познания прошлого, мы вправе рассматривать их еще как особую, специфическую категорию исторических источников.

Двойственный характер «эмпирических фактов археологии» как средства познания ископаемой действительности (1) и прошлой исторической действительности (2) обусловлен особой природой «следов и останков прошлого», их специфическим бытием и происхождением. Непосредственным носителем этой двойственной информации является сама материальная, «субстанциональная» [31] форма этих следов и останков. Их наличная, конкретная материальная форма, с одной стороны, отражает их ископаемую сущность, а с другой — опредмеченную в них прошлую человеческую деятельность. Эта парадоксальность бытия в настоящем и прошлом делает ископаемые археологические объекты незаменимым источником познания прошлого, подлинными историческими источниками. Эта двойственная функция ископаемых археологических объектов обусловила известную поляризацию терминологии и понятийного аппарата археологической науки. Наряду с терминами и понятиями, равно употребляемыми при описании археологических объектов и фактов исторической действительности (например, сосуд, топор, пектораль), в археологической науке формируются, кроме того, чисто источниковедческая терминология и понятия, отражающие специфику археологических объектов («культурный слой», «археологическая культура» и т. п.), а также применяются историко-социологическая терминология и понятия («племя», «миграция», «система производства» и т. п.), связанные с интерпретационным, синтетическим уровнем исследования археологической науки. Для того чтобы «эмпирические факты археологии» могли осуществить свою функцию исторических источников, на их основе формируется особая категория «реконструированных исторических фактов археологии». На основании детального исследования «площадок», их чертежей и фотографий археологи реконструируют «трипольские» жилища («реконструктивные исторические факты археологии»). В результате проведенной реконструкции источниковедческий термин «площадка» уступает место конкретно-историческому термину «жилище».

Исходными данными для реконструкции трипольских жилищ являются, с одной стороны, раскопанные и соответственно зафиксированные трипольские площадки, с другой — общие представления и знания о характере и конструкции наземных жилищ. В свою очередь реконструи-

[30] *Г. М. Иванов.* Ук. соч., стр. 33.
[31] Там же, стр. 35.

руемые трипольские жилища существенно расширяют возможности их исторической интерпретации. Они позволяют, с одной стороны, реконструировать приемы и технику трипольского домостроительства и охарактеризовать его как особую область деятельности трипольского населения. С другой стороны, эти реконструируемые жилища позволяют полнее раскрыть их бытовое и хозяйственное назначение. Реконструируемые трипольские жилища и поселения в свою очередь являются важным источником для восстановления социальной структуры трипольского общества, а также важным источником для палеодемографических исследований. «Реконструированные исторические факты» значительно расширяют возможности исторической интерпретации эмпирических фактов археологии и являются исходной базой для решений большого круга историко-культурных и историко-социологических проблем. Не случайно поэтому некоторые исследователи считают, что «под историческим фактом можно понимать прежде всего реконструкцию событий, процессов прошлого, создаваемую на основе внимательного изучения сопоставления „следов прошлого", исторических документов и их интерпретации на основе знания современных процессов и явлений» [32]. Нельзя, однако, согласиться с отождествлением исторического факта только лишь с «реконструкцией событий прошлого», как равным образом нельзя признать приемлемой любую концепцию факта в историческом исследовании, которая исключала бы реконструированные исторические факты. Саму постановку вопроса о том, что́ следует считать историческим фактом — только ли историческое событие, или только его эмпирическое описание, или только исторический источник, или только реконструкцию исторического прошлого,— также нельзя признать правомерной. В этом отношении представляется вполне оправданной критика, направленная против отождествления таких понятий, как «факт», «научный факт», «исторический факт» [33]. Несмотря на справедливое требование четкого их различения, следует отметить, что само понятие «исторический факт» благодаря различному содержанию, вкладываемому в термин «исторический», может рассматриваться и как факт исторической **действительности,** и как **научный факт** исторической науки, и как **исторический источник.** Поэтому во избежание разночтения понятия «исторический факт» следует избегать его употребления.

В свете изложенного нельзя признать приемлемыми предложенное Я. А. Шером понимание и различение понятий «археологический факт» и «исторический факт». «Исторический факт» в одном случае рассматривается им как «факт прошлой исторической действительности» (ибо он «в принципе ненаблюдаем»), а в другом он, оказывается, «всегда фиксируется языковыми средствами в каком-то тексте» [34], т. е. уже рассматривается как письменный источник. «Археологический факт» Я. А. Шер, по существу, отождествляет с «фактами ископаемой действительности» (он «представлен в вещественных остатках»), но когда он оказывается «зафиксированным средствами научного языка» (т. е. фактически становится «эмпирическим фактом археологии»), Я. А. Шер полагает, что он «может стать историческим фактом», т. е. уже не «фактом прошлой исторической действительности», а «фактом науки».

Четкое различение «факта прошлой исторической действительности», «факта ископаемой действительности», «эмпирического факта археологии» и «реконструированных исторических фактов археологии» не только не исключает каждый из указанных фактов, а наоборот, непременно предполагает и взаимообуславливает их единство. Только реальные события, процессы, явления, имевшие место в прошлом («факты истори-

---

[32] *Н. П. Французова.* Ук. соч., стр. 247.
[33] *О. Л. Вайнштейн.* Ук. соч., стр. 28.
[34] *Я. А. Шер.* Методологические вопросы археологии. ВФ, 1976, 10, стр. 74.

ческой действительности»), могут иметь значение для исторического исследования, но не всегда становятся предметом исторического познания. Для этого они непременно должны оставить после себя какие-либо «следы и остатки прошлого» («факты ископаемой действительности»). Однако для археологического исследования и этого недостаточно. «Факты ископаемой действительности» непременно должны стать объектом непосредственного изучения и должны быть соответственно зафиксированы («эмпирические факты археологии»). Но, как уже отмечалось, и этого мало. Эмпирические факты археологии как исторические источники в свою очередь должны быть определенным образом обобщены в «реконструированные исторические факты археологии». Без наличия всей этой цепочки фактов действительности и фактов науки невозможно археологическое исследование и сама археологическая наука. Без «реконструированных исторических фактов археологии» археологическое исследование не может считаться завершенным, а археологическая наука лишается важнейшего своего качества — историзма.

В специальной литературе, посвященной философским проблемам исторической науки, обращалось внимание на то, что в исторической науке «фактический материал играет особую роль, иную, чем в обобщающих дисциплинах» [35]. В историческом познании научные факты играют двойную роль. Они «являются не только основой, исходным материалом для тех или иных обобщений, но и предметом изложения... Без приведения определенных фактов в самом изложении историк не в состоянии раскрыть и показать конкретно-хронологический ход исторического процесса» [36]. В отличие от других наук, для которых накопление фактического материала необходимо только для установления законов, закономерностей функционирования и развития исследуемых ими объектов, «историческое обобщение не снимает факта» [37]. Всячески подчеркивая особую роль и значение фактов в историческом исследовании, чрезвычайно важно уточнить, какая категория фактов в данном случае имеется в виду. С точки зрения предложенной здесь концепции археологического факта речь может идти только лишь о «реконструированных исторических фактах археологии». Ибо только реконструированные исторические факты являются предметом исторического изложения и имеют отношение к реконструируемой прошлой исторической действительности, и поэтому они не снимаются, а наоборот, обусловливаются историческим обобщением. Эмпирические факты археологии являются только исходным материалом для исторических обобщений, в ходе которых они снимаются. В качестве предмета исторического изложения служит, например, не трипольская «площадка», а трипольское жилище.

Уникальная природа эмпирических фактов археологии, определяющая их специфику как исторических источников, особо заметна при сопоставлении их с письменными источниками, являющимися непосредственными объектами познания исторической науки. Письменные источники в отличие от источников археологических объективно существуют как особая категория памятников, как правило не имеющая отношения к ископаемой действительности. Исключение составляют берестяные грамоты и другие письменные памятники, находимые во время раскопок вместе с другими ископаемыми объектами. Основную массу письменных источников (нарративные памятники, грамоты, документы) не без основания рассматривают как «материальные реликты прошлого, которые существуют объективно» [38] в рамках настоящей исторической действительности. Они являются носителями «своеобразной, социально обусловленной реликтовой информации о событиях прошлого» [39]. В отличие от археологиче-

[35] *А. В. Гулыга.* Ук. соч., стр. 21.
[36] *Н. Стефанов.* Теория и метод в общественных науках. М., 1967, стр. 136—138.
[37] *А. В. Гулыга.* Ук. соч., стр. 21.
[38] *Г. М. Иванов.* Ук. соч., стр. 31.
[39] Там же, стр. 30.

ских источников, у которых источником исторической информации служит, как было уже отмечено, их конкретная материальная форма, последняя у письменных источников не представляет главного познавательного интереса. Письменные источники в отличие от археологических являются «собственными текстами», которые специально создавались как средство хранения и передачи информации. Письменные источники в своей текстуальной форме непосредственно отражают факты прошлой исторической действительности, в то время как археологические источники прямо отражают факты ископаемой действительности («площадки»), и опосредственно некогда существовавшие трипольские жилища. Эта специфика исторических источников археологии и исторической науки сказалась на характере терминологии и системы понятий археологии и исторической науки. Археологу всегда приходится заниматься сложным «переводом» специфического языка археологического источника на язык реконструируемой исторической действительности. Эта специфика археологических и письменных источников, эмпирических фактов науки определяет специфические особенности процедуры, приемов и методов их источниковедческого исследования, с одной стороны, принципов, методов и приемов исторической реконструкции прошлого — с другой.

Проблематика факта в археологической науке относится к числу ее важнейших и актуальных методологических проблем. Она тесно связана с проблемами объекта и предмета археологии, природы археологических источников и их научно-познавательных возможностей, в частности в решении ею общеисторических задач, различия фактов эмпирического и теоретического уровня археологического познания, методики и приемов источниковедческих исследований и их исторического синтеза. Теоретическое исследование специфики и типологии фактов в археологической науке имеет важное значение для решения вопроса о месте археологии в общей системе общественных наук и ее взаимоотношении с другими общественными науками. Эта проблематика, кроме того, тесно связана и с различными философскими аспектами исследования проблем археологической науки. Проблема факта в археологической науке заслуживает поэтому особого внимания и дальнейшего, более углубленного теоретического и методологического исследования.

You. N. Zakharouk

LA NOTION DU «FAIT» EN SCIENCE ARCHEOLOGIQUE

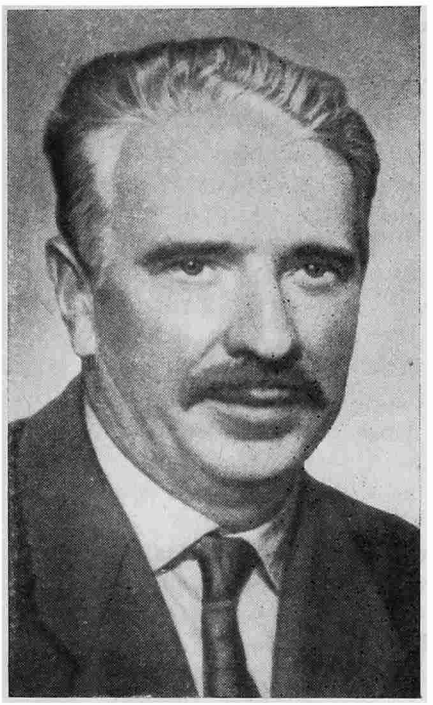
Résumé

La notion du «fait» est au nombre des problèmes méthodologiques d'actualité, mais encore peu étudiés, qui concernent la connaissance scientifique en général, et la connaissance historique et archéologique en particulier. Dans l'article il est donné une analyse méthodologique de l'état actuel de ce problème en archéologie, et on cherche à baser et à définir théoriquement les principales catégories de faits de la science archéologique. Parmi ces derniers, on propose de distinguer, d'une part, «les faits d'une réalité historique passée», et «les faits d'une réalité révélée par les fouilles» (traces et restes de phénomènes de la réalité historique passée); et de l'autre, «les faits empiriques de l'archéologie» (les faits établis scientifiquement de la réalité révélée par les fouilles), et, reconstitués à partir d'eux, «les faits historiques reconstitutifs de l'archéologie». Ces catégories de faits, qui diffèrent par leur nature, leur origine et la place qu'ils occupent dans la recherche archéologique, forment un système déterminé de faits, étroitement liés entre eux et interdépendants, sur la base desquels s'élève tout l'édifice de la science archéologique. C'est pourquoi la problématique des faits en science archéologique mérite une attention spéciale ainsi qu'une étude ultérieure plus approfondie théoriquement et méthodologiquement.

М. А. ИТИНА

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ ХОРЕЗМА

(К 40-летию Хорезмской экспедиции)



С. П. Толстов
(1907—1976)

Исследование многотысячелетней истории народов Средней Азии и их многонациональной культуры, уходящей своими корнями в далекое прошлое,— одно из крупнейших достижений советской археологической науки. Блестящее открытие древнеземледельческой цивилизации в Южной Туркмении и Южном Узбекистане с древнейшими протогородскими центрами эпохи развитой и поздней бронзы, открытие монументальной архитектуры и памятников изобразительного искусства античного и раннесредневекового времени на территории Туркмении, Узбекистана и Таджикистана — это лишь часть той огромной работы, которая ведется особенно интенсивно в послевоенное время силами специалистов из союзных и республиканских научных учреждений. Однако основы успехов среднеазиатской археологии и переживаемого ею расцвета заложены значительно раньше, еще в середине 30-х годов, когда организовались такие экспедиции, как Термезская, Семиреченская, Ферганская, Нижнезеравшанская, перед которыми стояли задачи получения новых источников для воссоздания истории народов Средней Азии, для решения сложных проблем истории социального строя народов Востока и, в частности, общественного строя народов домусульманской Средней Азии. Тогда и позднее исследования в Средней Азии возглавляли и принимали в них участие такие крупные ученые, как А. М. Беленицкий, А. Н. Бернштам, Я. Г. Гулямов, Г. Ф. Дебец, М. М. Дьяконов, Б. А. Куфтин, М. Е. Массон, А. П. Окладников, А. И. Тереножкин, В. А. Шишкин, А. Ю. Якубовский и др.

Большинство из них принадлежали к поколению, юность и формирование мировоззрения которого проходили в первые послереволюционные годы и годы первых пятилеток. Именно это время дало нам ту блестящую плеяду больших ученых и организаторов науки, одним из представителей которой был организатор и руководитель еще одной экспедиции тех лет, Хорезмской, Сергей Павлович Толстов (1907—1976). Он скончался в Москве 28 декабря 1976 года.

С. П. Толстов родился 25 января 1907 г. в Петербурге в семье военного. Среднее образование получил в Москве. В 1930 г. он окончил Московский государственный университет, где учился на физико-математическом и историко-этнологическом факультетах. Именно тогда началась деятельность С. П. Толстова — этнографа, последователя анучинской школы, приверженца комплексных методов исследования. В 1934 г. С. П. Толстов окончил аспирантуру ГАИМК по специальности история и археология Средней Азии. В 1929—1936 гг. он — сотрудник Музея народов СССР, ученый секретарь, а потом заведующий Московским отделением ИИМК АН СССР. Тогда же С. П. Толстов начал педагогическую деятельность, много лет был профессором МГУ, заведующим кафедрой этнографии.

В 1943—1945 гг. он был деканом исторического факультета МГУ. Как только началась Великая Отечественная война, С. П. Толстов вступил в ряды народного ополчения, участвовал в боях под Ельней и Можайском, был ранен в бою за станцию Шалимово. После демобилизации он вновь работает в АН СССР и в 1942 г. назначается директором Института этнографии АН СССР. На этом посту Сергей Павлович проработал 25 лет, совмещая эту работу с деятельностью в качестве ученого секретаря Президиума АН СССР (1949—1954 гг.). В 1944 г. С. П. Толстов вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

В 1953 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Отдавая много сил и времени научно-организационной работе, Сергей Павлович необычайно плодотворно работал и как ученый-исследователь. Его перу принадлежит более 300 работ, освещающих различные вопросы общей этнографии, истории, археологии и этнографии Средней Азии и многие общие вопросы востоковедения. Крупнейшие из них — монография «Древний Хорезм» (1948 г.), за которую С. П. Толстову была присуждена Государственная премия; «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948 г.), полностью переведенная в ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии, сокращенно — во Франции, в виде пересказа — в Японии; «По древним дельтам Окса и Яксарта» (1962 г.). Научная деятельность С. П. Толстова была высоко оценена в нашей стране и за рубежом. Сергей Павлович был удостоен звания заслуженного деятеля науки и техники Узбекской ССР, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР, заслуженного деятеля науки Каракалпакской АССР. В 1956 г. его избрали почетным членом АН Узбекской ССР. Признанием научных заслуг С. П. Толстова было избрание его членом-корреспондентом АН ГДР, Почетным членом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, Парижского азиатского и антропологического общества, Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии, археологического департамента Индии, членом-корреспондентом школы восточных и африканских исследований Лондонского университета.

Но все это было потом, а в 1929 г., впервые попав в Хорезм как этнограф, С. П. Толстов понял, что отныне он навсегда связан с этой своеобразной областью Средней Азии, «Среднеазиатским Египтом», как он ее назвал [1].

В 1937 г. под руководством С. П. Толстова начала работы Хорезмская экспедиция, исследования которой открыли для науки реальный Хорезм Геродота, Страбона, Бируни, Макдиси, Истахри, Якута и принесли ему, автору и вдохновителю крупнейших открытий на землях древнего Хорезма, мировую славу.

Этот древний оазис в низовьях Амударьи благодаря специфическим климатическим условиям превратился в естественный музей под открытым небом, поражающий воображение каждого попадающего туда впервые. «... Повсюду среди застывших волн барханов, то густыми скоплениями, то одиночными островками лежали бесчисленные развалины замков, крепостей, укрепленных усадеб, целых больших городов. Бинокль, расширяя кругозор, открывал все новые и новые руины, то казавшиеся совсем близкими, так что можно было видеть стены, ворота и башни, то отдаленные, рисующиеся нечеткими силуэтами... Мы были у ворот древнего Хорезма, на пороге пути в неизведанное прошлое» [2].

Таким увидел древний Хорезм С. П. Толстов 40 лет назад, таким, только уже на значительно меньшей площади благодаря интенсивному новому освоению земель древнего орошения, можно увидеть его сейчас. Но хотя подымающиеся среди зелени полей и садов развалины крепостей и замков находятся сейчас на фоне естественного природного ланд-

---

[1] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1948, стр. 8.

[2] *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 20.

шафта, близкого к древнему, они не так впечатляют, как те, что стояли среди песков как «величественный памятник трагической борьбы человека и пустыни» [3]. Понять движущие силы тех процессов, которые в отдельные периоды истории Хорезмского оазиса приводили к торжеству природы над человеком, дать периодизацию истории Хорезма, попытаться ответить на вопрос об общественном строе древних хорезмийцев — вот те задачи, которые поставила перед собой Хорезмская экспедиция в начале своего пути.

Первые итоги четырех довоенных лет были подведены С. П. Толстовым в книге «Древний Хорезм», написанной ярко и увлеченно, с присущими ему широтой взглядов, свежестью мысли и удивительной научной интуицией. Достаточно сказать, что в итоге четырех лет работы, подчас на скудном, по нынешним меркам, археологическом материале, но с использованием всех остальных видов исторических источников была дана периодизация истории Хорезма от эпохи неолита до средневековья. Именно тогда были открыты кельтеминарская, тазабагъябская и амирабадская культуры, легшие в основу периодизации первобытной истории населения Хорезмского оазиса и с некоторыми коррективами продолжающие оставаться основой этой периодизации и теперь. Именно в этой книге первостепенное внимание было уделено истории хорезмийской ирригации — основе основ хозяйства и жизни населения не только Хорезма, но и Средней Азии в целом.

Изучение и картографирование античной, раннесредневековой и средневековой ирригационной сети, следы которой в виде крупных магистральных каналов и арычной сети сохранились до наших дней, позволили С. П. Толстову уже тогда сделать ряд важных выводов. К их числу относится заключение о том, что развитие ирригационного земледелия в Хорезмском оазисе в значительной мере способствовало превращению Хорезма в античное время в государственное образование с централизованной властью. Изучение ирригационной сети позволило С. П. Толстову ответить на вопрос о причинах запустения Хорезмского оазиса в тот или иной исторический период, опровергнуть тезис о необратимом усыхании земель древнего орошения Средней Азии. Оказалось, что историческая динамика оросительных систем определяется прежде всего социальными факторами, а не природными, что упадок искусственного орошения и запустение цветущих оазисов обусловлены социальными и политическими причинами — опустошительными войнами, ростом феодальной раздробленности, феодальными усобицами. И именно переживаемый обществом кризис способствовал временному торжеству природных факторов, запустению культурных земель, наступлению пустыни. Это направление исследований Хорезмской экспедиции, задуманное и начатое С. П. Толстовым еще до войны, было впоследствии на совещаниях по археологии и этнографии Средней Азии признано одним из важнейших [4].

В книге «Древний Хорезм» С. П. Толстовым были собраны и систематизированы данные, послужившие основой для тезиса о господстве рабовладельческого уклада в Средней Азии в домусульманское время. Следует сказать, что помимо указанных в книге затронут огромный круг вопросов по истории Хорезма и Средней Азии в целом. В экскурсах книги, каждый из которых является самостоятельным исследованием, рассмотрены вопросы о пережитках родовой организации в древней и средневековой Средней Азии, истории хорезмийского вооружения, падения греко-бактрийского царства, классовой борьбы в Согдиане в VI в. н. э. и др. Самостоятельное значение имеет в этом труде анализ явлений религиозной идеологии. Он вылился во всестороннее и глубокое исследо-

---

[3] Там же.

[4] См., например: Материалы первого совещания археологов и этнографов Средней Азии. КСИЭ АН СССР, XXVI, 1957, стр. 3—15.

вание эволюции средне- и переднеазиатских религий и религиозных течений, начиная с наиболее ранних ее стадий, связанных с дуальной организацией и тотемизмом. Сейчас, через 30 лет, можно сказать, что «Древний Хорезм» выдержал испытание временем, а некоторые спорные его страницы тоже можно отнести к заслуге автора, ибо они по-прежнему будят мысль и свидетельствуют о том непрестанном творческом поиске, который отличал С. П. Толстова-исследователя.

Послевоенные работы Хорезмской экспедиции по инициативе и под руководством С. П. Толстова приобрели большой размах и развернулись на новой методической основе. Хорезмская экспедиция стала одной из самых крупных и наиболее современно технически оснащенных археологических экспедиций нашей страны.

Будучи убежденным сторонником комплексных методов исследований, С. П. Толстов реорганизует экспедицию в комплексную археолого-этнографическую. Это было продиктовано, с одной стороны, стремлением использовать этнографические исследования для наиболее полного воссоздания этнической истории и истории культуры тех народов, которые населяют сейчас Хорезмский оазис, с другой — желанием поставить результаты научных изысканий экспедиции на службу социалистическому строительству. Участие в работах экспедиции, помимо археологов и этнографов, географов, геоморфологов, почвоведов, антропологов значительно расширило рамки исследований и углубило их. С. П. Толстовым впервые в мировой археологической практике в специальных целях и в широком масштабе были применены аэрометоды: визуальная авиаразведка, перспективная и плановая аэрофотосъемка, аэрофотограмметрия, археологические авиадесанты для изучения затерянных в песках памятников (так, например, была первоначально обследована Кой-Крылган-кала), дешифрирование на местности на больших площадях данных аэрофотосъемки. С. П. Толстов, с его большим научным, педагогическим и организаторским талантом и самоотверженной преданностью науке, сумел объединить вокруг себя большое число археологов и этнографов, подготовив из них квалифицированных специалистов по разным разделам археологической и этнографической науки, обеспечив, таким образом, возможность ведения работ в широких тематических и хронологических рамках.

После всех этих преобразований расширился не только и не столько круг проблем, стоявших перед Хорезмской экспедицией, сколько увеличилось число возможных аспектов их решения. Перед экспедицией стояла задача изучения общественного строя населения земледельческих оазисов Средней Азии, истории хорезмийской ирригации, но теперь они решаются по-новому, на основе значительного расширения территории и объема исследований, с помощью комплексных методов. В научных планах экспедиции большое место занимает теперь проблема истории кочевников и полукочевников, их взаимоотношений с населением оазисов, их исторической роли в экономической и культурной жизни страны. Очень важный аспект, являющийся сквозным для всех исследуемых эпох,— этногенетический.

На новой методологической основе и с привлечением широкого круга специалистов были осуществлены комплексные археолого-географические исследования древних русел Амударьи и Сырдарьи, значение которых трудно переоценить [5]. Они продолжаются и поныне и имеют большое научное и практическое значение. В условиях аридной зоны существование человека зависело в первую очередь и главным образом от источников воды, а потому расселение людей в этих условиях зависело от степени обводненности той или иной территории. Таким образом, изучение древней гидрографической сети и расположенных в зоне ее действия

[5] См.: Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. МХЭ, 3, 1960; *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

исторических памятников позволило воссоздать историю древнего населения Южного Приаралья от эпохи неолита до позднего средневековья. Обилие неолитических стоянок на берегах Узбоя, южных заливов Сарыкамыша, на южном берегу Присарыкамышской дельты и в Южной Акчадарьинской дельте — прямые свидетельства обводнения этих территорий. Основной сток вод Амударьи шел по Узбою в Каспий. В то же время была обводнена и заболочена вследствие отсутствия стока в Арал Южная Акчадарьинская дельта. Там, наряду с раскопанной С. П. Толстовым неолитической стоянкой Джанбас 4, ставшей своеобразным эталоном для северного степного неолита Средней Азии [6], были обнаружены сотни стоянок этого и более позднего времени [7]. В последние годы в непосредственной близости от стоянки Джанбас 4 была открыта неразвеянная неолитическая стоянка, названная «стоянка Толстова» (Джанбас-31). Раскопками выявлены остатки сгоревшего наземного жилища, подобного дому на стоянке Джанбас-4, имеющего каркасно-столбовую конструкцию и кровлю, покрытую связками камыша и древесной корой. Культурный слой содержит кремневый и костяной инвентарь, керамику (в том числе ладьевидные сосуды), позволяющие относить эту стоянку к числу ранних кельтеминарских памятников. По-видимому, после завершения раскопок и анализа полученных материалов этот памятник сможет послужить отправным моментом при датировке большого круга неолитических памятников Средней Азии. Сейчас в низовьях Амударьи памятников старше IV тысячелетия до н. э. не обнаружено. В то же время исследованиями экспедиции во Внутренних Кызылкумах, на древних северных протоках Зеравшана и в районах бессточных впадин, выявлено множество стоянок, причем некоторые из них датируются VI тысячелетием до н. э. Стоянки IV—III тысячелетий до н. э. в низовьях Амударьи, Зеравшана и во Внутренних Кызылкумах (Лявляканские озера), судя по сходству кремневого инвентаря и керамики, входили в единую кельтеминарскую этнокультурную общность [8].

В начале II тысячелетия до н. э. направление стока вод Амударьи меняется — река поворачивает в Арал. Присарыкамышская дельта и Узбой начинают усыхать, зато Акчадарьинская сильно обводняется и лишь к середине II тысячелетия до н. э. фиксируются следы интенсивного освоения этой дельты человеком, связанного с процессом ее постепенного дренирования. На территории Акчадарьинской дельты расселяются тазабагъябские племена, культура которых в середине II тысячелетия до н. э. сформировалась в результате смешения культуры пришлого срубно-андроновского населения из степей Южного Приуралья с местной, суярганской. Большим событием явилось открытие экспедицией «заповедника» тазабагъябских поселений с сохранившимися остатками жилищ — полуземлянок в Южной Акчадарьинской дельте [9] и могильника этой культуры [10]. Еще большее значение имеет открытие в районе этих поселений следов древней ирригационной сети, питавшейся водами затухающих дельтовых протоков, и полей [11].

Эти системы датируются серединой — второй половиной II тысячелетия до н. э. и являются древнейшими для северных районов Средней

---

[6] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, стр. 59 сл.

[7] *А. В. Виноградов.* Неолитические памятники Хорезма. МХЭ, 8, 1967.

[8] *А. В. Виноградов.* О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов. КСИА АН СССР, 122, 1970, стр. 31 сл.; *А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов.* Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. МХЭ, 10, 1975.

[9] *М. А. Итина.* История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.). ТХЭ, т. X, 1977.

[10] Могильник бронзового века Кокча-3. МХЭ, 5, 1961.

[11] *Б. В. Андрианов.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969; *М. А. Итина.* Древнехорезмийские земледельцы. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 75 сл.

Азии. Высокий уровень их развития заставляет думать, что переход к производящему хозяйству произошел в Хорезмском оазисе значительно раньше. Весь облик материальной культуры древних тазабагъябцев включает их в ареал культур степной бронзы Евразии, однако развитие орошаемого земледелия на плодородных аллювиальных почвах дельты все же выделяет их из среды этих племен. По типу хозяйства — это земледельцы-скотоводы, а не преимущественно скотоводы, как срубные и андроновские племена. С другой стороны, развитие орошаемого земледелия — свидетельство прямого воздействия южных земледельческих цивилизаций на их северную периферию, проявляющееся не только в культурных заимствованиях, но и в проникновении отдельных групп населения. Эти южные импульсы фиксировались и для более раннего времени, сейчас они проявляются, в частности, и в появлении импортных вещей (керамика типа Намазга VI, литейная форма для отливки булавки с волютами). Таким образом, Южное Приаралье оказывается втянутым и в сферу северных (срубно-андроновских), и южных связей, являясь в то же время в этот период, и особенно позднее, посредником в передаче элементов южной культуры на север. Местный, суярганский, компонент здесь довольно явственно проявляется в культуре поздней бронзы — амирабадской (X—VIII вв. до н. э.) [12], также не свободной от южных влияний. Поразительным феноменом, непосредственно документирующим проникновение элементов южной земледельческой культуры на север, является некрополь того же времени — Северный Тагискен, открытый Хорезмской экспедицией в низовьях Сырдарьи [13]. Сырцовая архитектура его мавзолеев, гончарная посуда при множестве постандроновских признаков в погребальном инвентаре и наличии в нем амирабадской посуды, своеобразная планировка этих сооружений, сочетающая местную традицию эпохи бронзы с привнесенной с юга,— все эти факторы не позволяют решать вопрос о происхождении этого памятника однозначно и рассматривать его, при безусловном наличии черт сходства, как вариант дындыбай-бегазинской культуры Центрального Казахстана. До той поры, пока не будут обнаружены поселения тех, кто хоронил своих покойников в мавзолеях Северного Тагискена, вопрос о культурной принадлежности этого памятника в значительной мере остается открытым.

Установленная работами последних лет возможность обводнения системы русел южнее современной Сырдарьи — Ескидарьялык (Пра-Кувандарья) с эпохи неолита открывает перспективу исследований в этом направлении. На рубеже нашей эры в бассейне Ескидарьялыка расцветает Джетыасарский оазис, памятники которого дают керамику, напоминающую тагискенскую [14]. Находка в культурных отложениях городища Джеты-асар 2, раскопки которого еще не доведены до материка, двудырчатого рогового псалия, датирующегося не позднее V—IV вв. до н.э., с одной стороны, заставляет вспомнить гипотетически предложенную С. П. Толстовым нижнюю дату джетыасарских комплексов — вторая половина I тысячелетия до н. э.[15], с другой — позволяет надеяться, что нижний слой Джеты-асар 2 может дать тагискенский комплекс эпохи поздней бронзы. Одним из доводов в пользу такой возможности служит и вероятная обводненность Ескидарьялыка в эпоху первобытности, ибо тагискенские поселения, так же как и все поселения эпохи бронзы низовий Амударьи и Сырдарьи, несомненно должны были быть привязаны к воде.

---

[12] *М. А. Итина.* История степных племен..., стр. 147 сл.

[13] *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 81 сл.

[14] *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 134, рис. 34; *Л. М. Левина.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии до н. э. ТХЭ, т. VII. 1971, стр. 64—67.

[15] *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 135.

Исследование сырдарьинских русел сочеталось с изучением истории племен, населявших степи к востоку и северо-востоку от Хорезмского оазиса, в нижнем течении Сырдарьи. Эти работы велись в плане решения одной из крупных исторических проблем, поставленных С. П. Толстовым,— истории кочевых и полукочевых племен, территория которых граничила с земледельческими оазисами, истории контактов между населением оазисов и их кочевой периферии. С. П. Толстов всегда подчеркивал экономическую основу и связанную с этим необходимость таких контактов для древнего населения. Сейчас они фиксируются для оседлоземледельческого населения оазисов и подвижного полукочевого населения прилегающей пустыни уже в эпоху поздней бронзы, в конце II тысячелетия до н. э. (низовья Амударьи, Мургаб). В низовьях Сырдарьи была открыта обширная территория расселения сакских племен, существование которых было связано с периодом обводнения одного из молодых сырдарьинских русел — Жанадарьи [16]. Погребальные памятники саков низовьев Сырдарьи, среди которых есть ранние, датируемые VII—VI вв. до н. э. (Южный Тагискен, Уйгарак), их укрепленные оседлые поселения (IV—II вв. до н. э.), наличие ирригационного земледелия наряду с развитым скотоводством, значительное развитие ремесел показали, что перед нами отнюдь не кочевники, как принято было считать, а народ, принадлежавший к хозяйственно-культурному типу полуоседлых скотоводов-земледельцев. Эта специфика исторического развития приаральских саков связана не только с особенностями развития хозяйства на дельтовых аллювиальных равнинах, но и с весьма ощутимым воздействием хозяйства и культуры Хорезмского оазиса.

Очень важный цикл работ, проведенный тоже в свете проблемы взаимодействия земледельческого населения оазиса и скотоводов его пустынной периферии, был осуществлен в последние годы в Присарыкамышской дельте Амударьи. Здесь была открыта новая куюсайская культура, представленная поселениями и могильниками, датирующаяся VII—IV вв. до н. э.[17]. Поселение Куюсай-2, расположенное на одном из дельтовых протоков в южной части дельты, и курганы на близлежащей возвышенности Тумек-Кичиджик демонстрируют ранний этап развития культуры. Ее своеобразие заключается в том, что на раннем этапе в ней отчетливо прослеживаются два компонента: южный, представленный импортной гончарной посудой из юго-западных и южных районов Средней Азии, и северный, сакский в широком смысле этого слова, по-видимому, местный. Не исключено, что южная струя в куюсайской культуре своим происхождением обязана не культурным влияниям, а прямой инфильтрации отдельных групп населения. Степная струя в культуре куюсайцев проявляется не только в отдельных типах лепной посуды, но и в деталях погребального обряда. Это захоронения в грунтовых ямах, вытянутых широтно, под курганами, причем ямы обычно перекрыты настилом из камыша, нередко покрывающим и древнюю дневную поверхность вокруг ямы. Это, равно как и наличие погребений в постройках типа шалаша на древнем горизонте, заставляет нас вспомнить сакский погребальный ритуал. Взаимопроникновение этих двух начал, видимо, и проявилось в наличии наземных жилищ каркасной конструкции и землянок на поселении Куюсай-2, в культурном слое которых содержится местная леп-

[16] О сакских памятниках на Жанадарье см.: *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 136 сл.; *О. А. Вишневская.* Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). ТХЭ, т. VIII. 1973; *С. П. Толстов, М. А. Итина.* Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). СА, 1966, 2, стр. 151 сл.; *О. А. Вишневская, М. А. Итина.* Ранние саки Приаралья. Сб. «Проблемы скифской археологии». М., 1971, стр. 197 сл.

[17] *Б. И. Вайнберг.* Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи. Сб. «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 3. Л., 1975, стр. 42 сл.; *ее же.* Памятник раннего железного века в Северной Туркмении. «Каракумские древности», вып. V. Ашхабад, 1977, стр. 25 сл.

ная и южная гончарная керамика, в отсутствии в погребениях оружия, столь характерного для степных культур сакского круга, наконец, в скотоводческом полуоседлом типе хозяйства куюсайцев.

Взаимопроникновение культур оазиса и степи отчетливо проявляется и позднее, в V—IV вв. до н. э. Исследования памятников куюсайской культуры поднимают большой круг проблем, среди которых вопросы ее происхождения и судеб, этнической принадлежности ее носителей, в том числе этнической принадлежности участвовавшего в ее формировании южного компонента, связь многообразия форм погребального обряда с социальным положением погребенных или с принадлежностью их к разным этническим группам и ряд других — все они находятся в стадии разработки.

Процесс исторического развития оседлого населения низовий Амударьи был по сравнению с южными районами Средней Азии замедленным. Однако и здесь к середине I тысячелетия до н. э. происходит переход к системе классовых отношений, зарождается государственность. Экономической основой этого процесса явился расцвет ирригационного земледелия, в свою очередь связанный с совершенствованием техники сооружения крупных магистральных каналов, забиравших воду непосредственно из Амударьи в связи с отмиранием древних дельтовых протоков. Среди сохранившихся памятников этого времени — городище Кюзели-гыр на территории Присарыкамышской дельты, исследования которого на протяжении ряда лет вел С. П. Толстов [18] и которые теперь экспедиция продолжила [19].

Сейчас датировка этого памятника VI—V вв. до н. э., устанавливаемая по найденным в слое трехлопастным и трехгранным наконечникам стрел с выступающей или скрытой втулкой, представляется несомненной. При этом не исключено и наличие более раннего периода в его жизни, так как основные полы в ряде жилищ перекрывают более ранние ямы. Удалось установить, что внутренняя площадь городища была застроена отдельными жилыми массивами. Городище было окружено мощными оборонительными стенами (с внутристенным коридором) с выступающими полукруглыми башнями с бойницами. Существование здесь развитого ремесленного керамического производства, характер застройки и особенности фортификации позволяют предполагать, что перед нами наиболее ранний из хорезмийских городов, относящийся, по-видимому, к периоду сложения государственности в Хорезме. Возможным подтверждением этого являются начатые раскопками развалины здания, поднятого на кирпичный цоколь, имеющего 1,5-метровую толщину стен с остатками «пилястров», которое в предварительной форме может быть трактовано как дворцовое. Тогда перед нами цитадель, замок правителя, т. е. недостающее звено, которое вкупе с перечисленными фактами может свидетельствовать о наступлении нового периода в истории Хорезма, ознаменовавшегося становлением системы классовых отношений.

В IV в. до н. э.— I в. н. э. Хорезм предстает перед нами как сложившееся государство. К IV—II вв. до н. э. относится система городков-крепостей с мощными оборонительными стенами и сложными предвратными лабиринтами, замыкающих сельскую округу. Они являлись торговыми, ремесленными и культовыми центрами. Такими городками были обследованные С. П. Толстовым Джанбас-Кала и Базар-Кала [20]. На древнем караванном пути, шедшем из Хорезма на юг по левому берегу Амударьи были расположены и другие античные поселения, открытые в основании средневековых городов — Хазарасп, Садвар,

[18] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, стр. 77 сл.; *его же.* По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 96.

[19] *О. А. Вишневская.* Раскопки на городище Кюзели-гыр. АО — 1972, М., 1973, стр. 533, 534.

[20] *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 113 сл.

Джигербент, город Капарас и культовый центр Елхарас — все они исследованы Хорезмской экспедицией во время охранных археологических работ в зоне затопления Тюямуюнского гидроузла [21].

Исследование античных памятников на территории Южного Приаралья — городищ, укреплений, дворцовых и храмовых комплексов, сельских поселений — дало огромный материал по хозяйственной и политической истории, истории общественной организации, культуры, религии Хорезмского государства в VI—V вв. до н. э. — III—IV вв. н. э. Раскопки С. П. Толстовым храма-мавзолея Кой-Крылган-Кала (IV в. до н. э. — IV в. н. э.), связанного с астральным культом, дали интереснейший материал по истории архитектуры, искусства и религии Хорезма этого времени [22]. Мировую известность благодаря работам Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова приобрели памятники хорезмийского искусства первых веков нашей эры, открытые при раскопках дворца Топрак-Кала [23].

Комплекс Топрак-Кала — городище, дворец, Северный комплекс, на протяжении 30 лет, с перерывами, является объектом исследований. Раскопки 1946—1950 гг. открыли во дворце Топрак-Калы удивительные по цветовой гамме и разнообразию сюжетов стенные росписи парадных залов дворца, глиняную полнообъемную и барельефную скульптуру, украшавшую эти залы и тематически зависевшую от назначения каждого из них. В те годы, после открытия Айртамского фриза, это были первые образцы великолепного искусства эпохи Кушанов. Но и сейчас, после раскопок ряда других замечательных памятников этого времени, таких, как Халчаян и Дальверзин, Топрак-Кала остается уникальным ансамблем, углубленная работа над которым открывает все новые его стороны, чрезвычайно важные для характеристики культуры Хорезма и всей Средней Азии первых веков н. э. Дополнительные исследования во дворце, проведенные в последние годы [24], подтвердили, что он был возведен на цоколе высотой 14,5 *м*. Наружные стены имели высоту около 7 *м*, их фасад был обработан системой ниш и пилястров и окрашен в белый цвет. Были найдены алебастровые формы для изготовления барельефов. Вход во дворец вел с востока по лестницам, охватывавшим массив выносной входной башни. Первый этаж содержал более 100 помещений. Просторные и высокие парадные залы и святилища были окружены сравнительно небольшими помещениями, расположенными в два этажа. Нижние комнаты были перекрыты сводами. Центром дворца являлся тронный зал (300 $м^2$), состоявший из парадного двора и айвана, часть которого была отделена трехарочным порталом. Трон царя мог стоять под центральной аркой или в нише позади нее. Вокруг тронного зала группировались парадные залы и святилища. Так, зал «танцующих масок» был святилищем, посвященным культу богини плодородия Наны-Анахиты и двух ее спутников, «зал царей» был святилищем династического культа и т. д. Искусство дворца Топрак-Кала сохранило следы месопотамских традиций (в архитектуре и некоторых барельефных композициях), отражая также приемы эллинистического искусства, часто выступающие в переработанном кушанской культурой виде. По предположению Ю. А. Рапопорта, дворец Топрак-Кала не был жилым, а предназначался для приемов, церемоний и религиозных обрядов, связанных с различными сторонами царского культа.

---

[21] *М. А. Итина.* Основные итоги работ Хорезмской экспедиции в минувшем пятилетии. Сб. «Полевые исследования Института этнографии. 1975». М., 1977.

[22] Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. ТХЭ, т. V. М., 1967; *Ю. А. Рапопорт.* Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах. Сб. «Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)». М., 1977, стр. 58 сл.

[23] *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 204 сл.

[24] *Ю. А. Рапопорт.* Раскопки на городище Топрак-кала. АО — 1970, М., 1971, стр. 416, 417.

Дворец стоял в северо-западном углу городища Топрак-Кала (500×350 *м*), вход в город был в южной стене. Центральная меридиональная улица делила его на две половины, каждая из которых делилась сеткой улиц на кварталы (их всего 10). Город [25] имел мощную оборонительную стену, первоначально с двухэтажным внутренним коридором и стреловидными бойницами, впоследствии коридор стал одноэтажным, а бойницы плоскоперекрытыми, щелевидными. Раскопкам были подвергнуты два квартала, один из них — жилой, другой оказался храмовым. Четыре строительных горизонта, выявленные на городище, охватывают период от II—III до V — начала VI в., причем функциональное назначение кварталов остается на протяжении длительного времени неизменным. Толща культурных напластований в жилом квартале достигает 3,5 *м*. Нижний, I горизонт, соответствующий времени существования дворца, вскрытый на отдельных участках, хранит следы разрушений и пожара. Наиболее полно исследован II горизонт, где открыт большой многокомнатный комплекс с жилыми комнатами, хозяйственными хранилищами и двумя большими залами с плоской кровлей, опиравшейся на две деревянные колонны, поставленные на кирпичные подставки. Этот комплекс от остальных, входящих в квартал, отделен стеной. Можно полагать, что квартал состоял из трех-четырех домохозяйств подобного типа. Анализ топраккалинских документов, прочтенных С. П. Толстовым и В. А. Лившицем, позволил предположить, что основой каждого домохозяйства был крупный родственный коллектив — большая семья [26]. Следует подчеркнуть, что топраккалинский хозяйственный архив дал новые доводы в пользу выдвинутой С. П. Толстовым еще в «Древнем Хорезме» гипотезы о рабовладельческой структуре хорезмского общества эпохи античности. В результате раскопок жилого квартала появилось много нового для освещения социальной и культурной истории древнего города эпохи поздней античности — раннего средневековья, эпохи, столь важной для истории Средней Азии в целом. Раскопки в храмовом квартале, открытие которого имеет принципиально важное значение для понимания истории города, выявили три разновременных здания, возведенные по одной, традиционной, планировочной схеме. Одно из них состояло из трех обширных сводчатых помещений: в крайнем, западном, в середине западной стены была ниша, а в середине южной — очаг-алтарик. Более позднее храмовое здание, возведенное на развалинах описанного выше, было построено не раньше V в. н. э. и посвящено культу барана, бараньих рогов, пронизывавшему верования Хорезма с древнейших времен на протяжении столетий. В его центральном помещении были найдены рога архара, орнаментированные бронзовыми пластинками со следами позолоты. В числе окружающих предметов — стеклянные бусины, обломки стеклянных сосудов, бронзовые украшения, костяная булавка с навершием в виде человеческой головки. Здесь же найдены фрагменты человеческой фигуры из алебастра, покрытой золотой фольгой или росписью, и др.

В VII—VIII вв. город лежал уже в развалинах и бóльшая часть его площади превратилась в оссуарный некрополь. Обряд оссуарных захоронений, связанный с господством зороастризма в Хорезме, фиксируется еще в V—IV вв. до н. э. и продолжает сохраняться вплоть до арабского завоевания [27]. Об устойчивом сохранении в Хорезме традиций зороастризма и в мусульманское время свидетельствует находка святилища с антропоморфным очагом на цитадели средневекового городища

---

[25] Руководитель работ на городище Е. Е. Неразик. См.: *Е. Е. Неразик.* Раскопки городища Топрак-Кала. КСИА АН СССР, 132, 1972, стр. 23 сл.

[26] *Е. Е. Неразик.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. ТХЭ, т. IX, 1976, стр. 214.

[27] *Ю. А. Рапопорт.* Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). ТХЭ, т. VI, 1971; *А. В. Гудкова.* Ток-Кала. Ташкент, 1964.

Джигербент[28]. Раскопки Хорезмской экспедицией этого памятника и городищ Садвара и Хазараспа, датирующихся IX—XI вв. н. э., серии средневековых караван-сараев этого и более позднего времени, расположенных, как и города, вдоль оживленных торговых путей, связывавших Хорезм с Мервом, Бухарой и более южными областями, дали новые материалы для проблемы генезиса средневекового города, позволили увязать археологические материалы с данными письменных источников и восстановить отдельные стороны экономической и политической жизни средневекового Хорезма. Немаловажно и то, что получены данные о культуре населения Хорезма IX—XI вв., которая для территории Средней Азии в целом была известна главным образом лишь по материалам Афрасиаба[29].

Комплексное археолого-этнографическое направление исследований Хорезмской экспедиции, задуманное и осуществленное С. П. Толстовым, открыло, с одной стороны, для этнографов большие возможности ретроспективных исследований проблем этногенеза, типов хозяйства, истории общественного строя, материальной, духовной культуры, семейного быта современных народов Средней Азии; с другой стороны, перед археологами возникла возможность исторических реконструкций и исследования эволюции форм общественной организации и семьи в Хорезме[30], древних традиций национальной архитектуры[31], анализа древних верований с привлечением материалов по современным пережиткам доисламских верований[32], изучения древнейших истоков музыкальной культуры Хорезма[33].

Комплексное археолого-геоморфологическое направление работ Хорезмской экспедиции, возможности практического использования результатов которого С. П. Толстов предвидел с самого начала, дали возможность ее коллективу принять посильное участие в работах, связанных с решением народнохозяйственных проблем. Так, в связи с проектом переброса части стока сибирских рек в Аральское море по заданию «Союзводпроекта» была подготовлена археолого-геоморфологическая карта низовий Сырдарьи и Амударьи с нанесенными на ней ареалами земель древнего орошения, древней ирригационной сетью и историческими памятниками. Геоморфологические и археологические ее характеристики должны помочь оптимально использовать для нужд земледелия и животноводства земли в зоне действия будущего канала[34]. Карта-схема древних ирригационных систем Хорезма, создание которой было задумано и осуществлено С. П. Толстовым[35], уже давно используется местными ирригаторами при освоении новых территорий: нередко вместо того чтобы рыть новые, они расчищают древние каналы и пускают по ним воду. Сейчас в связи с новым освоением земель древнего орошения Каракалпакии перед Хорезмской экспедицией встают серьезные задачи. Большой опыт работ в этом направлении, являющийся прямым результатом научного предвидения и удивительного чувства нового, которые были присущи С. П. Толстову, позволяет надеяться, что с данными задачами экспедиция справится.

---

[28] *О. А. Вишневская.* Раскопки Джигербента. АО — 1975, М., 1976, стр. 544, 545.

[29] Обзор работ на этих памятниках см.: *М. А. Итина.* Основные итоги работ Хорезмской экспедиции.

[30] См., например: *Е. Е. Неразик.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.

[31] *Е. Е. Неразик.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.), стр. 158 сл.

[32] *Ю. А. Рапопорт.* Из истории религии древнего Хорезма.

[33] *Р. Л. Садоков.* Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970.

[34] *Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесь.* Земли древнего орошения Юго-Восточного Приаралья, их прошлое и перспективы освоения. СЭ, 1974, 5.

[35] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, карта-схема, стр. 46, 47; *его же.* По следам древнехорезмийской цивилизации, карта-схема в конце книги; *его же.* По древним дельтам Окса и Яксарта, карта-схема в конце книги; см. также: *Б. В. Андрианов.* Древние оросительные системы Приаралья.

M. A. Itina

LES PROBLEMES DE L'ARCHEOLOGIE DU KHORESME ET LE 40ème ANNIVERSAIRE DE LA MISSION DU KHORESME

Résumé

Les bases sur lesquelles reposent les succès actuels de l'archéologie d'Asie Centrale ont été posées antérieurement, vers le milieu des années 30, lorsque furent organisées les premières expéditions archéologiques, dont la tâche était de découvrir de nouvelles sources de documentation pour établir l'histoire des peuples d'Asie Centrale, l'histoire de leur culture multinationale aux racines plongeant dans la plus haute antiquité. En 1937, Serge Pavlovitch Tolstov fut l'organisateur d'une mission archéologique au Khorèsme, appelée plus tard «Mission complexe archéologo-ethnographique du Khorèsme», dont la tâche, telle qu'elle a été formulée dans son principe par S. P. Tolstov au début de ses travaux, a été mise au point, approfondie et élargie au cours des quarante années d'activité de la mission par S. Tolstov lui-même et ses élèves. Parmi les plus importants problèmes historiques que devait résoudre la mission, et qui avaient été formulés par S. Tolstov, se trouvaient la structure sociale des oasis agricoles d'Asie Centrale; l'histoire des anciens lits de l'Amou-Daria et du Syr-Daria, leur formation et leur peuplement par l'homme, et, s'y rattachant, l'histoire de l'irrigation du Khorèsme; l'histoire des tribus nomades et semi-nomades, leurs rapports avec la population des oasis, leur rôle historique dans la vie économique et culturelle du pays. Le talent de S. P. Tolstov,— tout à la fois savant, organisateur, pédagogue,— a permis de grouper dans la mission du Khorèsme un grand nombre de spécialistes appartenant à diverses branches des sciences archéologique et ethnographique, et la méthode complexe de recherche qu'ils ont élaborée à donne à cette mission la possibilité de contribuer à la solution des problèmes liés à la pratique agricole des populations de cette région.

В. Ф. ГЕНИНГ

МОГИЛЬНИК СИНТАШТА И ПРОБЛЕМА РАННИХ ИНДОИРАНСКИХ ПЛЕМЕН

Проблема происхождения и ранней истории индоиранских (арийских) племен накануне переселения части их из области великих евразийских степей на юг — в Среднюю Азию, Иран, Афганистан и Индию — до недавнего времени была преимущественно монополией исследования лингвистов и историков. Археологические экскурсы по этой проблеме занимают в общем довольно скромное место [1]. По археологическим источникам этнические массивы индоиранцев впервые фиксируются на юге в Средней Азии уже в конце II тысячелетия до н. э. [2] Если принять гипотезу об обитании ариев в евразийских степях до переселения на юг, а против этого как будто бы нет существенных возражений, то следует отметить значительные работы по изучению степных памятников III—II тысячелетий до н. э., проведенные за последние десятилетия. Однако рассмотрению археологического материала этой территории в свете индоиранской проблемы уделено пока очень мало внимания, в частности увязке с ариями конкретных археологических культур или отдельных памятников [3].

Я полагаю, что в этом нет ничего необычного, исходя из следующих соображений.

1. Переселение арийских племен на юг в Среднюю Азию, Иран, Афганистан и Индию не представляло собой, по-видимому, одновременный акт миграций. Исторические источники об иранских племенах свидетельствует о длительности процесса их инфильтрации в среду местного населения и постепенной его иранизации. Аналогичным образом можно рассматривать и заселение других территорий.

2. Продвигаясь на юг, арийские племена должны были пройти из степей через районы периферии ранних ближневосточных цивилизаций,

---

[1] Арийская проблема в археологии породила уже обширнейшую литературу, поэтому укажем лишь несколько работ последних лет, в которых можно найти и библиографические обзоры: *Б. А. Литвинский.* Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1967, 4, стр. 118—127; *Б. Г. Гафуров.* Таджики. М., 1972, стр. 27—43; *Г. М. Бонгард-Левин* и *Г. Ф. Ильин.* Древняя Индия. М., 1969. Наиболее обстоятельный историографический обзор дан в работе Э. А. Грантовского. См. *Э. А. Грантовский.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970; *Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский.* От Скифии до Индии. М., 1974; *Н. Р. Гусева.* Индуизм. М., 1977, стр. 35—51.

[2] Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы» (под ред. В. М. Массона). Л., 1966, стр. 208—259; *А. М. Мандельштам.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968; *Э. А. Грантовский.* Ук. соч., стр. 48—54.

[3] Н. Я. Мерперт, рассматривая ретроспективно преемственность культурных традиций в степях, пришел к выводу об индоиранской принадлежности носителей ямной культурно-исторической области. См. *Н. Я. Мерперт.* Энеолит степной полосы Европейской части СССР. «Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen». Praha, 1961, стр. 172, 173.

имевших высокоразвитую земледельческую культуру. Это в равной мере относится как к Средней Азии, так и Кавказу. В обеих ситуациях у преимущественно скотоводческих арийских племен при соприкосновении или ассимиляции с земледельческим населением, имевшим более развитое ремесленное производство, совершенно естественно значительно трансформировался весь облик материальной культуры (особенно производство керамики и металлических изделий, строительная техника и другие явления, фиксируемые в археологии).

3. Конец II— начало I тысячелетия до н. э. на просторах евразийских степей и близлежащих территорий отмечен такими существенными изменениями в материальной культуре, которые даже в областях, где как будто не происходили значительные передвижения древнего населения, не позволяют достаточно убедительно традиционными методами фиксировать преемственность в развитии археологических комплексов. И несомненно гораздо сложнее проследить это в районах, где происходили массовые передвижения населения. Примеры этому весьма многочисленны, но укажем лишь на степные культуры андроновскую и срубную и сменяющие их на этой же территории скифскую, сакскую, савроматскую, тасмолинскую и другие культуры.

Поэтому, когда мы пытаемся подойти на археологическом материале к решению проблемы ариев, в частности определить тот круг памятников, который можно было бы уверенно связать с ранними индоиранцами времени существования, а главное распада арийского диалектного единства, связанного с движением части из них на юг, трудно ожидать положительных результатов от прямого сопоставления археологических комплексов из области степей и Ирана или Индии. Для такого сравнения необходимы и обширные материалы, и, что еще важнее, все звенья, позволяющие связывать памятники на всем обширном пути движения ариев. Подобные идеальные ситуации в археологии пока крайне редки. Поэтому большинство исследователей обратилось к поискам в степных культурах таких элементов, которые можно бы было с той или иной достоверностью идентифицировать со сведениями о социально-экономической структуре, религии и быте ранних индоиранцев. Эти усилия оказались небезуспешными и в общем, по-видимому, совершенно верно очертили область расселения древних индоиранцев и тот круг памятников, который может быть с ними связан. Однако в этих работах, как правило, анализируются только отдельные явления культуры, выявить которые в археологических материалах удается, лишь привлекая чрезвычайно обширный круг памятников различных эпох — от ранней бронзы до раннего железного века и различных археологических культур евразийских степей от Дуная до Алтая [4]. Подобный подход обусловлен тем, что исследуемые элементы культуры отнюдь не являются массовыми и всеобщими в привлекаемых для анализа памятниках, а скорее наоборот — это явления единичные, чрезвычайно редко встречаемые. Не ставя под сомнение ни правомерность, ни научную ценность таких исследований,

---

[4] *Е. Е. Кузьмина.* Навершие со всадниками из Дагестана. СА, 1973, 2; *ее же.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей. ВДИ, 1974, 4; *ее же.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. Сб. «Средняя Азия в древности и средневековье», М., 1977; *ее же.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. Сб. «Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии». М., 1976; *ее же.* О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе. СА, 1976, 3; *А. М. Хазанов, А. И. Шкурко.* Социальные и религиозные основы скифского искусства. Сб. «Скифо-сибирский звериный стиль...»; *Б. А. Литвинский.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968; *Л. А. Лелеков.* Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н. э. Сб. «История и культура народов Средней Азии». М., 1976; *В. Б. Ковалевская.* Конь и всадник. М., 1977; *Д. С. Раевский.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.

необходимо, очевидно, отметить, что данные явления характеризуют широкую систему культур и связей индоиранцев, а привлекаемые конкретные археологические факты все же не являются сильными аргументами в этническом отождествлении археологических культур или памятников с конкретными группами индоиранцев. Такие факты в силу их единичности могут быть интерпретированы и как заимствования, и как культурная диффузия и т. д. Для этнической идентификации каких-либо археологических материалов с исторически известным этносом необходим массовый материал, и более надежным является отождествление в пределах узкой системы — когда письменные источники сравниваются с археологическими в пределах памятника или археологической культуры, ограниченных во времени и пространстве. Но именно такого сравнения до последнего времени и не удавалось провести, поэтому открытие поселения и могильника Синташта — памятников, в которых большинство массовых элементов культуры может быть сопоставлено и объяснено источниками, характеризующими культуру ранних ариев (Ригведа, Авеста), несомненно представляют исключительный интерес. Ценность этого комплекса состоит в том, что впервые появилась возможность исследовать все эти явления на примере одной низовой социальной ячейки общества, причем достаточно ранней. По находкам костяных дисковидных псалиев микенского типа, медных наконечников копий с несомкнутой втулкой, каменных черешковых наконечников стрел, пастовых бородавчатых бусин и других вещей могильник датируется временем не позднее конца первой половины II тысячелетия до н. э. [5]

Могильник Синташта оказался сравнительно небольшим, содержавшим всего 40 могил, но находки в них керамики, изделий из кости, камня и меди, жертвоприношений животных и конструктивные детали погребальных камер настолько многочисленны и разнообразны, что данный памятник является вообще уникальным для эпохи бронзы степной полосы. В связи с этим едва ли имеет смысл давать беглую и в значительной мере поверхностную общую характеристику, которую позволяет сделать объем одной журнальной статьи. Поэтому в данной публикации автор видит свою задачу в том, чтобы дать подробное описание остатков погребального обряда и, насколько это позволяет объем статьи, привести самые краткие аналогии этой обрядовости в материалах, нашедших отражение в Ригведе и Авесте. Привлечение более широких параллелей как археологических, так и из письменных источников потребовало бы значительного расширения работы, так как почти по всем вопросам, затрагиваемым здесь, накопилась уже достаточно обширная литература.

Исследования комплекса памятников на р. Синташта были осуществлены Уральской археологической экспедицией (Уральский университет, Свердловск) под руководством автора в 1972—1975 гг. [6]

На левом берегу небольшой степной речки Синташта в Южном Зауралье (пос. Рымникский, Брединского р-на Челябинской обл.) в древности находилось крупное поселение, площадью до 5 тыс. $м^2$. На раскопанной части поселения вскрыто до 10 больших жилищ-полуземлянок размером от 6×8 до 7×10 *м* при глубине до 1 *м*. Остатки жилищ прослеживаются в обнажении культурного слоя на всей площади поселения.

---

[5] *В. Ф. Генинг.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э. Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов), ч. I. Киев, 1975.

[6] *Н. А. Алексашенко, В. Ф. Генинг, Т. М. Гусенцова, В. И. Стефанов, Т. Н. Чебакова.* Работы в зоне Брединского водохранилища. АО — 1972, М., 1973, стр. 153, 154; *Л. И. Ашихмина, В. Т. Петрин, Т. Н. Чебакова, Н. Г. Смирнов.* Исследования в Брединском районе Челябинской области. АО — 1973, М., 1974, стр. 132, 133; *В. Ф. Генинг, Л. И. Ашихмина.* Могильник эпохи бронзы на р. Синташта. АО — 1974, М., 1975, стр. 144—147; *В. Ф. Генинг, А. Д. Пряхин.* Синташтинское поселение.— Там же, стр. 147; *В. Ф. Генинг, Н. Б. Виноградов.* Новый могильник середины II тыс. до н. э. на р. Синташта. АО — 1975, М., 1976, стр. 168, 169.

Жилища группируются по четыре-пять в ряд, составляя единый «большой дом», однако без переходов между ними. Внутри жилищ у продольных стенок, друг против друга, расположены остатки больших глинобитных печей.

К северо-западу от поселения находится шесть курганов различного размера (рис. 1), пять из них раскопано. Курганы, III, IV относятся ко времени существования поселения.

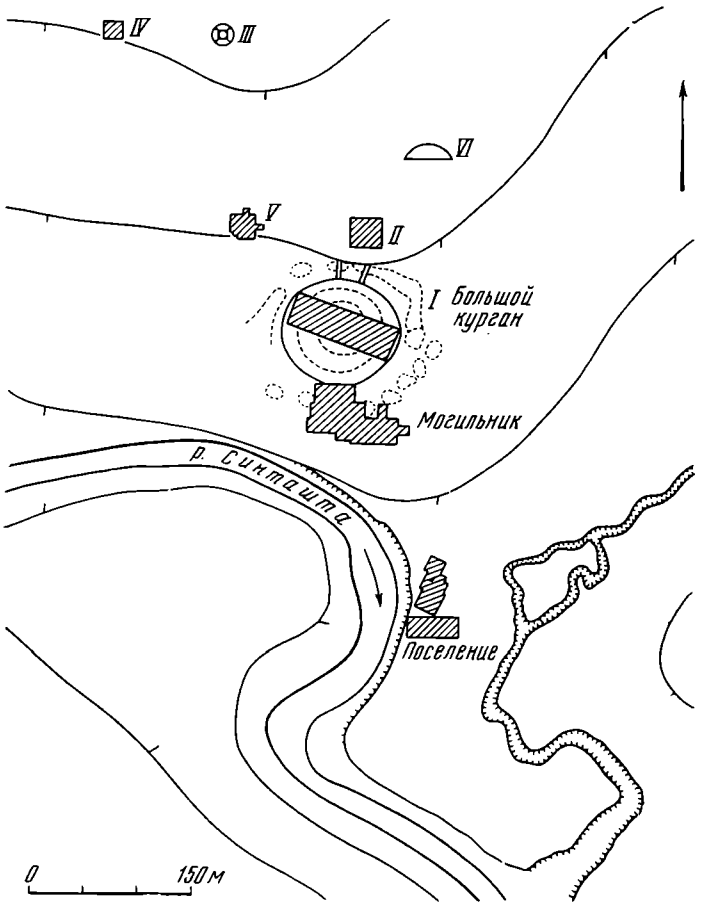


Рис. 1. План расположения памятников на р. Синташта. I — V — раскопанные курганы; VI — нераскопанный курган

Могильник расположен в 200—300 *м* от поселения и в 50—70 *м* к северу от современного левого берега р. Синташта (рис. 1), который постепенно поднимается в сторону плато на междуречье. К северу от площадки могильника был сооружен большой курган (рис. 1), также относящийся к эпохе бронзы [7], не повредивший, однако, более ранние захоронения. В центральной части могильника прослеживалось небольшое, в 15—20 *см*, возвышение, которое, однако, нельзя считать остатками одной курганной насыпи. Раскопки были проведены на площади более 2 тыс. $м^2$, но захоронения находились в основном в центральной части раскопа, занимая не более 500 $м^2$.

Фиксация отдельных элементов погребального обряда зависит в первую очередь от сохранности могил. Из 40 могил 5 оказались сильно разрушенными грабительскими раскопками, в результате чего основные де-

[7] *Н. А. Алексашенко, В. Ф. Генинг и др.* Ук. соч., стр. 153, 154.

тали обряда были уничтожены; 4 могилы нарушены в меньшей степени. Еще хуже сохранились остатки костяков погребенных, которых здесь было не менее 60—65, но сохранилось лишь около 40 костяков.

Могильные ямы и погребальные камеры. Особенностью захоронений могильника Синташта являются исключительно большие размеры могильных ям, несмотря на то что вырыты они в очень плотной глине, часто с примесями щебенки и гальки. Рыли могильные ямы при помощи деревянных кольев, которые забивали в ряд и таким образом отламывали крупные глыбы грунта. Следы таких кольев на стенках могил имели ширину 4—5 *см* и длину до 25 *см*. Расстояние между кольями 6—7 *см*.

Классификация могильных ям по размерам

Группы	Глубина, *см*				Длина, *см*				Ширина, *см*				Всего
	90—135	170—215	225—270	300—340	90—130	150—190	200—270	280—360	65—90	100—140	150—240	270—340	
1	7	1	—	—	8	—	—	—	8	—	—	—	8
2	2	4	1	—	—	6	1	—	—	6	1	—	7
3	—	7	3	1	—	1	10	—	—	2	9	—	11
4	—	—	7	3	—	—	—	10	—	—	10	—	10
5	—	—	2	—	—	—	—	2	—	—	—	2	2
Всего:	9	12	13	4	8	7	11	12	8	8	20	2	38

Представление о размерах могильных ям дает прилагаемая таблица. Частота встречаемости тех или иных размеров позволила выделить в каждой из категорий измерений четыре интервальные группы, а корреляция этих групп между собой — пять групп могил (таблица). Большинство ям имело прямые отвесные стенки, по крайней мере в нижней части. Верхняя треть ямы зачастую разрушена и здесь границы ее прослеживались менее четко.

Из конструктивных деталей могильных ям следует отметить «входы», которые, однако, имели скорее символическое, чем практическое значение. В пяти могилах это были небольшие канавы, шириной менее 1 *м*, примыкавшие к углу или продольной стенке могильной ямы. В могильной яме сооружалась погребальная камера в виде прямоугольного ящика из плах толщиной 5—10 *см* и шириной до 35—40 *см*. Стенки камеры часто сложены из досок, поставленных горизонтально на ребро и реже вертикально. В последнем случае доски поставлены в канавки шириной до 15—26 *см*, выкопанные на дне могилы у стенок (рис. 2). В большинстве могил тлен от деревянных стенок камеры сохранился на высоту 50—60 *см* от дна ямы, а в двух — до 90—110 *см*. Первоначальная высота большинства камер с захоронениями взрослых, как показывает ряд дополнительных расчетов, в частности остатки колесниц (рис. 3), была не менее 120—130 *см*. Размеры камер в плане соответствуют чаще всего размерам могильных ям. В нескольких могилах погребальные камеры имели двойные стенки на расстоянии 10—15 *см* друг от друга, а в восточной поперечной стороне, где находилось скопление костей жертвенных животных, на 30 *см* (рис. 4).

Перекрытие погребальных камер было также устроено из широких досок в два яруса, уложенных друг на друга со значительными просветами между досками в каждом ряду. В 16 случаях из 20 перекрытие состояло из досок, уложенных поперек камер (рис. 4) и в четырех — из продольных. Последнее характерно только для могил малого размера (1 и 2 группы). В большинстве могил 4-й и 5-й групп на дне обнаружены одна или три ямки с отпечатками от вкопанных в них столбов, поддерживавших перекрытие камеры. Расположены они по центральной продольной оси

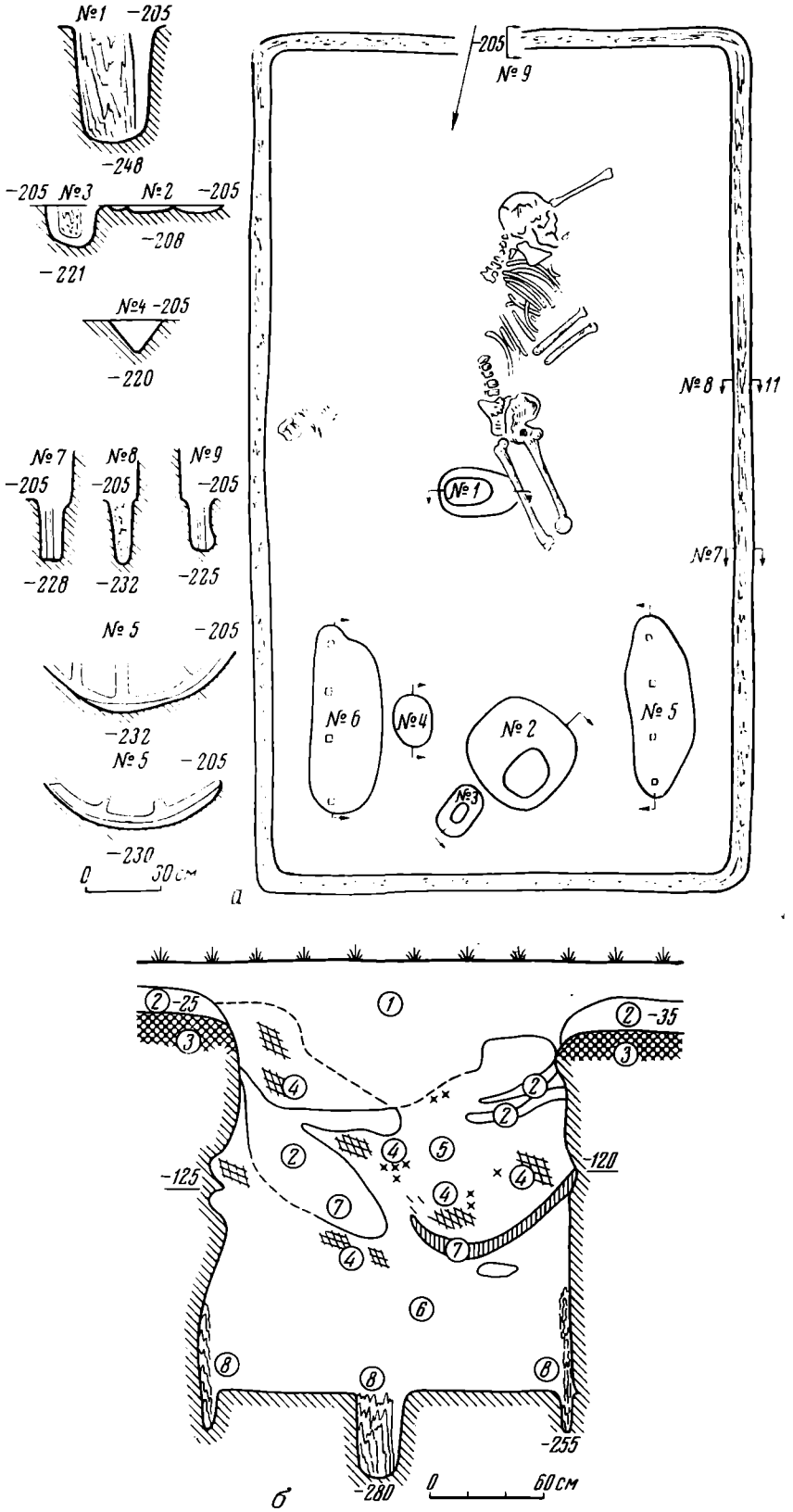


Рис. 2. Могильник Синташта. *а* — План погр. 19; *б* — профиль разреза мог. 19: *1* – темный грунт заполнения впадины над могилой; *2* – глина выкида из могилы; *3* – погребенная почва; *4* – красная прокаленная глина и угли; *5* – глина верхней части заполнения могильной ямы; *6* — глина нижней части заполнения могильной ямы; *7* — темный грунт над перекрытием погребальной камеры (горизонт остатков со скелетами коней); *8* — дерево от облицовки стен погребальной камеры и опорного столба

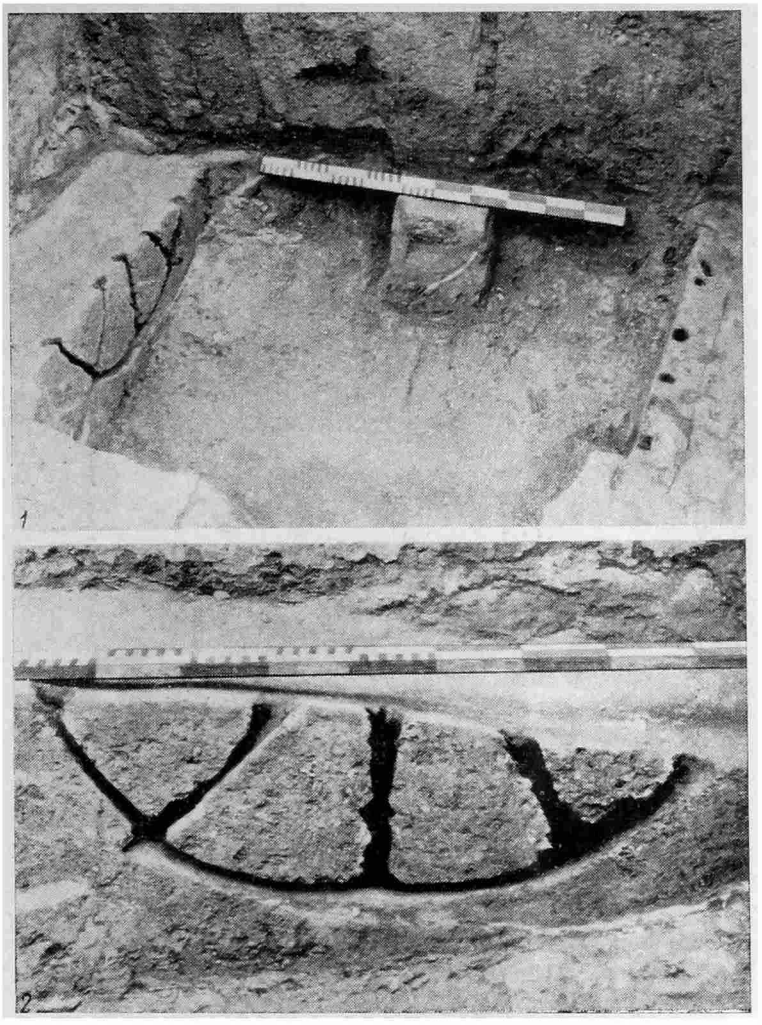
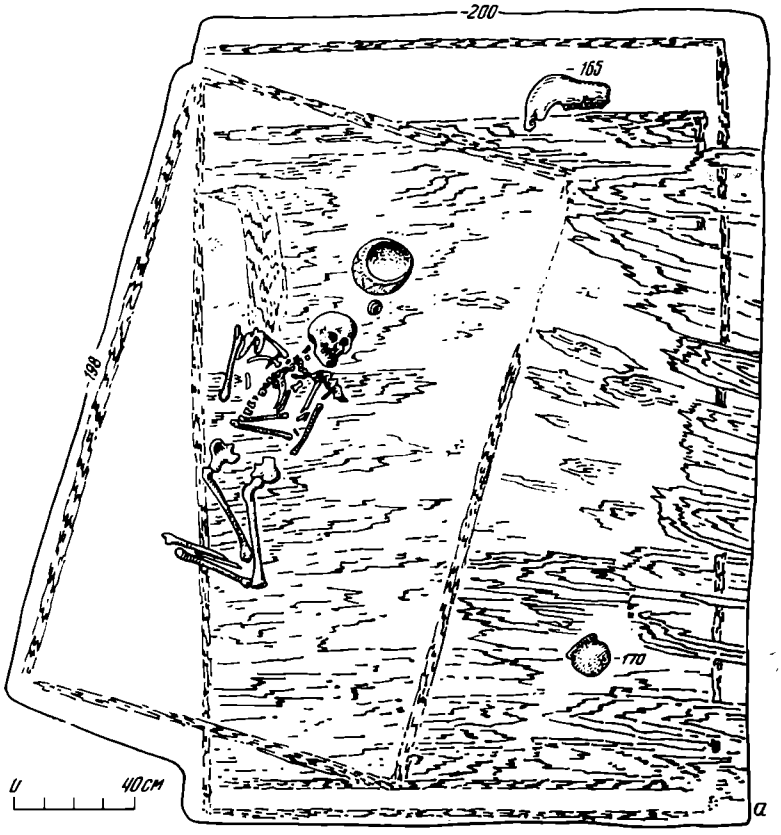
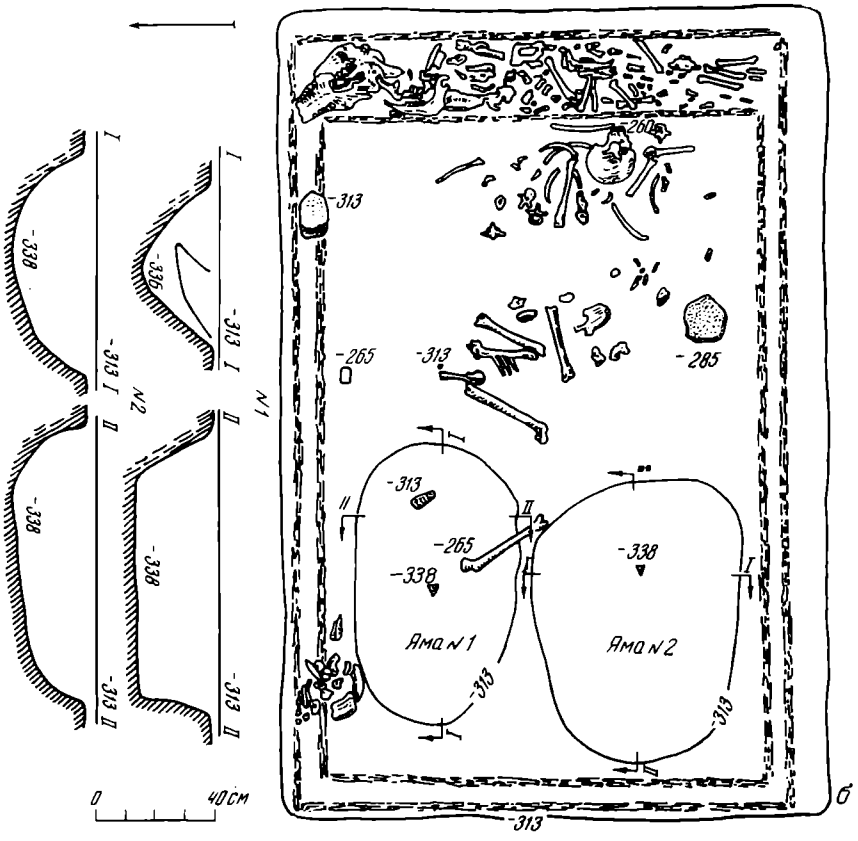


Рис. 3. Могильник Синташта. Отпечатки колес от боевой колесницы в мог. 28

камеры — одна в середине при одностолбовой конструкции (рис. 2) и еще по одной у каждой поперечной стенки при трехстолбовой. В плане ямки округло-овальных очертаний диаметром от 15 до 40—50 *см* и глубиной 14—60 *см*, чаще всего 20—30 *см*. В ямы были вкопаны столбы из брусьев прямоугольного сечения, размерами от 4×7 до 12×22 *см*. На эти столбы опирались балки (или доски), на которые и укладывали поперек ямы плахи перекрытия камер. Концы плах помещались на верхние доски облицовки стен камеры. В могилах без столбов стенки служили основной опорой, в некоторых могилах без столбов также сохранилась средняя продольная балка-плаха.

Ориентировка могильных ям по сторонам света чрезвычайно разнообразна — практически здесь представлены все направления, и интервалы не превышают 8—15°, поэтому при выделении каких-либо групп речь может идти только о большей или меньшей концентрации ориентировок могил в определенном направлении: 1) наиболее многочисленны могилы (18, или 45%), ориентированные в направлении СЗ—ЮВ с вариациями от 295 до 345°, считая по северному концу могильной ямы; 2) ямы, ориентированные в направлении запад—восток с вариациями от 248 до 285° — по западному концу ямы (11 могил, 27,5%); 3) ямы, ориентированные в направлении СВ—ЮЗ с вариациями от 215 до 230° — по юго-западному концу ямы (7 могил, 17,5%); 4) могильные ямы, ориентирован-


200
165
198
170
0
40см
а


260
313
265
285
338
Яма N 1
Яма N 2
N 1
N 2
I
II
0
40см
б

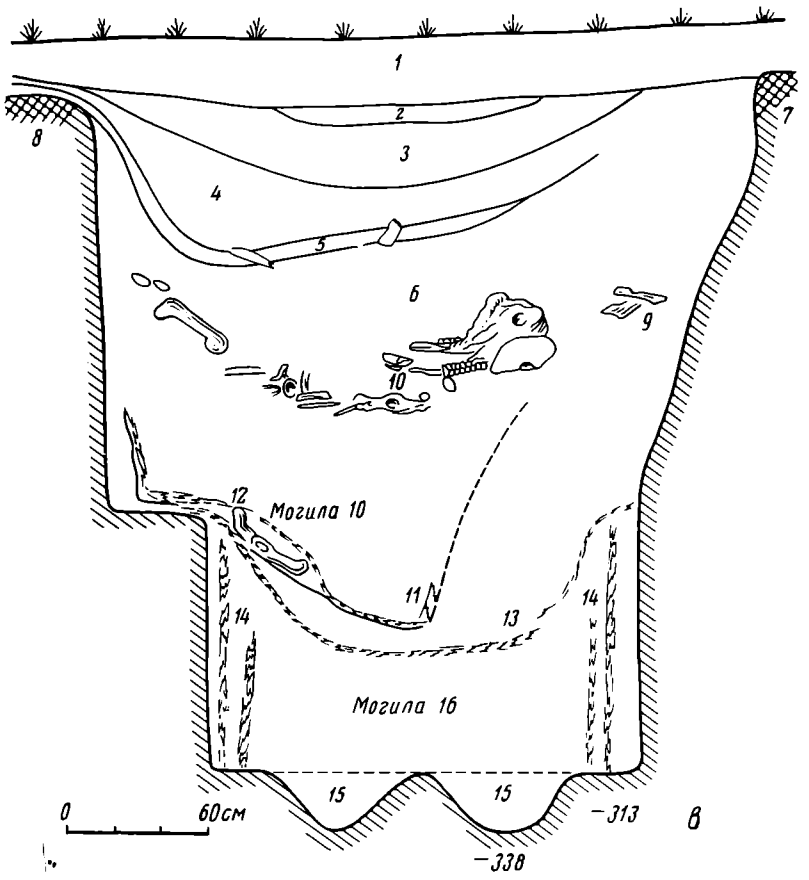


Рис. 4. Могильник Синташта. *а* — План мог. 10 на уровне остатков погребения и мог. 16 на уровне перекрытия погребальной камеры; *б* — план остатков в погребальной камере мог. 16; *в* – профиль разреза могил 10 и 16. *1* – современная почва; *2—4* — прослойки заполнения впадины над могилой; *5* — темный грунт с включением углей; *6* — глина заполнения могильной ямы мог. 10; *7* — погребенная почва; *8* – материк; *9* – кости теленка и собаки в заполнении мог. 16; *10* – кости коней в заполнении мог. 10; *11* — дерево перекрытия и стенок погребальной камеры мог. 10; *12* — костяк погребенного мог. 10; *13, 14* — дерево перекрытия и стенок погребальной камеры мог. 16; *15* — грунт заполнения ям № 1 и 2 на дне мог. 16

ные в направлении север — юг, с вариациями от 0 до 10° — по северному концу ямы (4 могилы, 10%).

Захоронения умерших. В погребальных камерах были обнаружены индивидуальные (26 могил) и коллективные захоронения (12 могил — 32,5% всех могил). Последние чаще всего содержали парные захоронения детей или взрослых. Кроме того, в одной могиле было три захоронения, а в другой — пять. Одна могила представляла собой, очевидно, кенотаф; три крупные ямы, разрушенные грабителями, по-видимому, также содержали коллективные захоронения.

Положение костяков в погребальной камере различно. Для характеристики выделено три основных показателя — поза погребенного, ориентировка его по сторонам света и соотношение ориентировки костяка и ориентировки могильной ямы.

Позу погребенных удалось зафиксировать лишь в 26 могилах для 34 костяков. Преобладает (22 случая, 64,7%) положение, скорченное на боку — левом (17 случаев), правом (5 случаев). Степень скорченности различна, чаще (12) — слабая (рис. 5, *3*), когда бедренные кости по отношению к позвоночнику находились под тупым углом, реже — сильная (7 случаев), иногда настолько, что надо предполагать, что труп был перед захоронением связан (рис. 5, *2*). Во всех случаях (17), когда сохранились кости рук, у костяков, лежавших скорченно на боку, руки

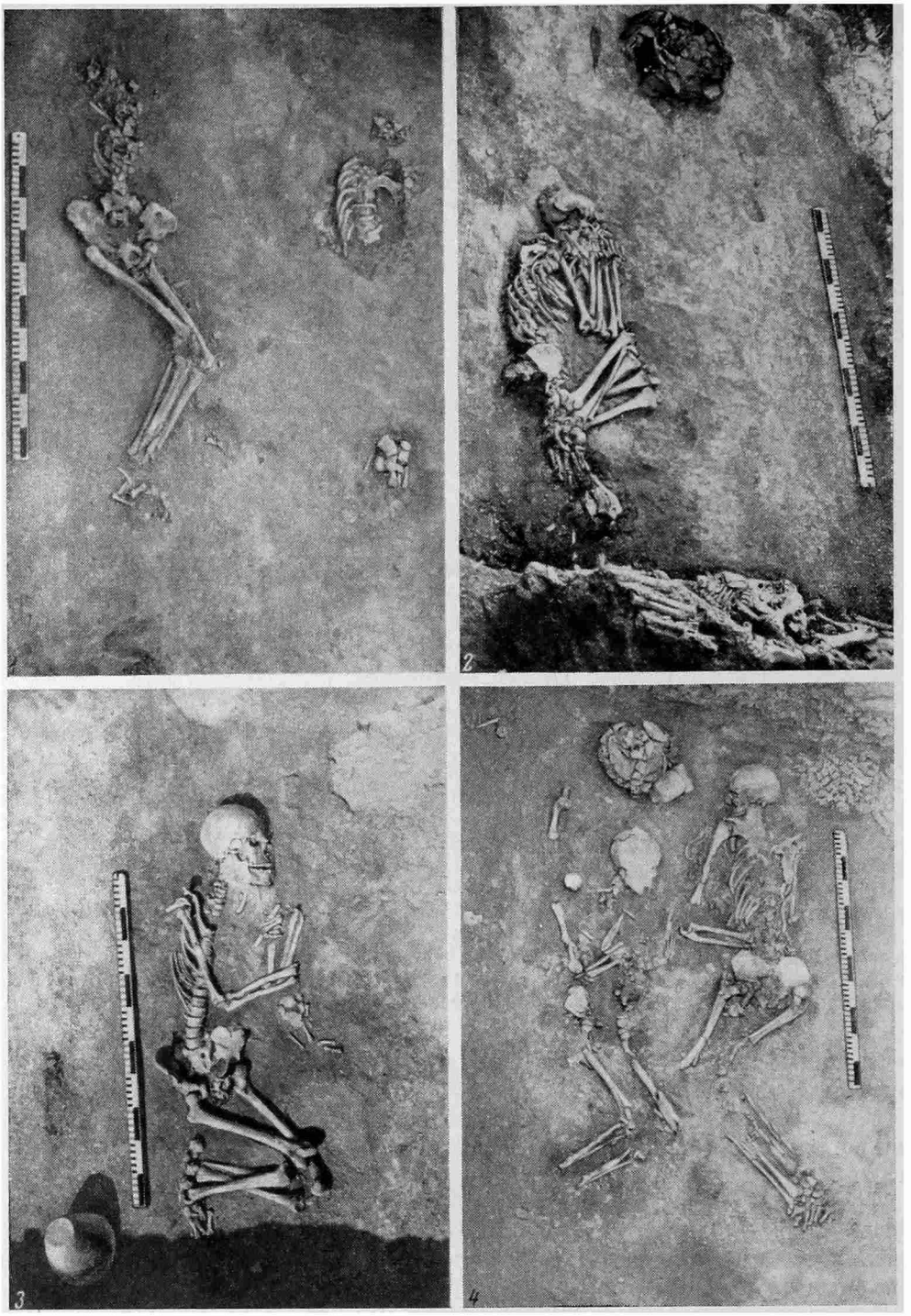


Рис. 5. Могильник Синташта. Остатки погребенных: *1* — мог. 28; *2* — мог. 31; *3* — мог. 17; *4* — мог. 39

согнуты в локтях и кисти сложены перед лицом. В пяти случаях встречены костяки в вытянутом положении на спине и в одном — на животе с подогнутыми (рис. 5, *1*, *4*) в коленях ногами (17,4% общего количества). Наиболее интересна группа расчлененных погребений, когда в могилы были помещены кости человека, очищенные от мягких тканей, хрящей и связок. В двух случаях кости были аккуратно сложены на дне могилы в продолговатую кучку и сверху в одном ее конце поставлен

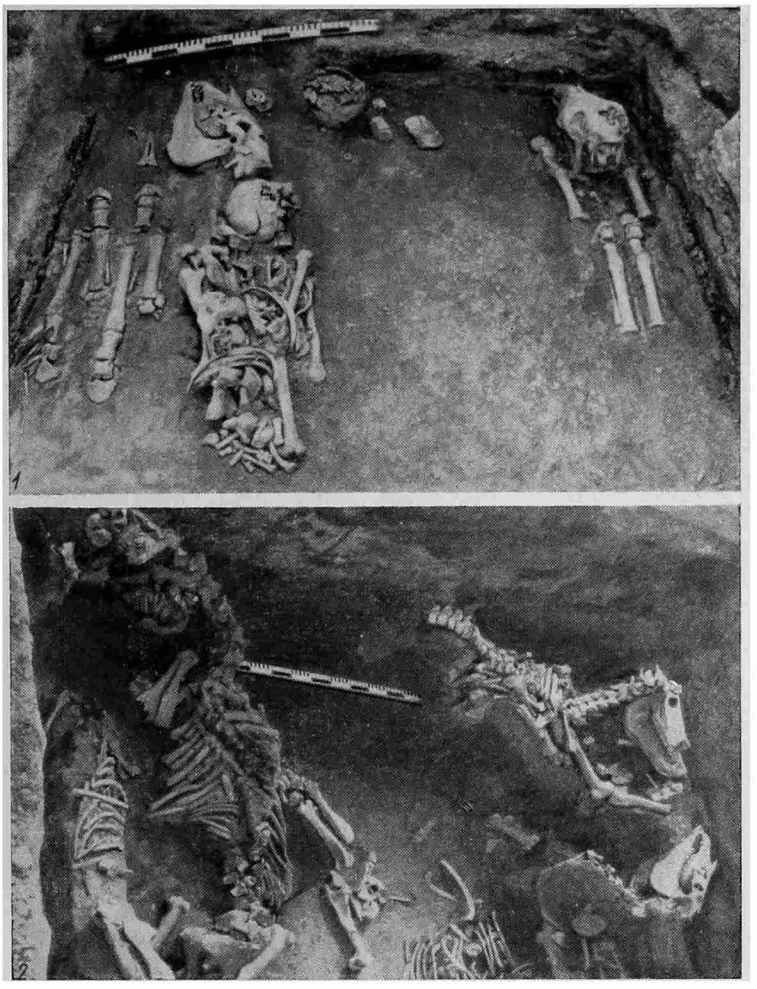


Рис. 6. Могильник Синташта. *1* – расчлененное погребение и черепа коней в мог. 30; *2* – остатки четырех коней на перекрытии погребальной камеры мог. 19

череп (рис. 6, *1*; 7, *2*). В остальных четырех могилах сохранность остатков костей довольно плохая. Особый интерес представляют остатки в могиле 16, где кости человека были разбросаны почти по всей камере и, что особенно важно, многие из них, в том числе череп, лежали намного выше дна могильной ямы (рис. 4). По всей вероятности, в таком виде кости могли сохраниться, если предположить, что они долго лежали на каком-то специальном возвышении и по мере разрушения его, когда дно могилы уже заплыло грунтом, скатывались в разные стороны.

Ориентировка умерших по сторонам света определена для 36 погребенных, которые разделяются на следующие группы: 1) ориентированные головой на северо-запад с вариациями от 305 до 355° — девять могил. К этой же группе можно отнести еще два захоронения, ориентированные головой на север; 2) головой на запад (270—290°) — семь; 3) головой на юго-запад (225—248°) — семь; 4) головой на Ю, ЮЮВ (150—183°) — шесть; 5) головой на северо-восток (35—56°) — шесть; 6) головой на восток — 102° — всего один случай.

По соотношению ориентировки умерших и могильных ям в большинстве случаев (23) наблюдается полное совпадение. Но есть и оригинальные группы. Одна, в которой костяки лежат поперек погребальных камер, т. е. разница в ориентировке 90°. Это коллективные захоронения, и в лучше сохранившейся могиле было три костяка, а в двух других, по-види-

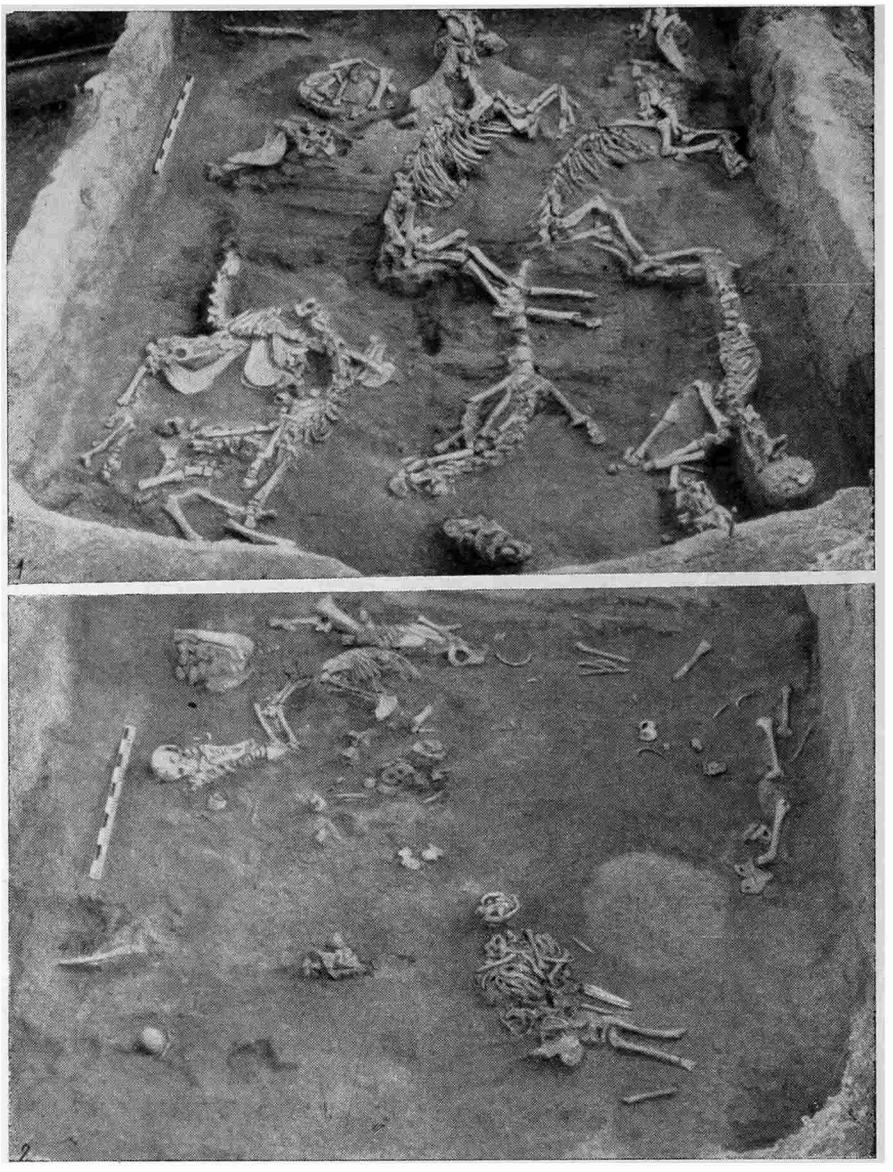


Рис. 7. Могильник Синташта. Могила 5. *1* — остатки семи коней на перекрытии погребальной камеры; *2* — остатки пяти погребенных в могиле

мому, по два. Вторая группа (четыре случая), в которой умершие уложены как бы по диагонали к направлению длинных сторон камеры. Расхождения в ориентировке здесь от 10 до 40°.

На первый взгляд, в описанном здесь обряде погребения трудно найти аналогии с обычаями южных индоиранцев: в Индии широкое распространение имел обряд трупосожжения, а в Иране — расчлененное трупоположение на открытом воздухе. Но именно в Ригведе и Авесте есть указания на иные погребальные обряды. В Ригведе [8] в одном из гимнов встречается такое обращение: «Я не хотел бы, о Варуна, уходить в земляной дом, о царь» (VII. 89. 1). А в другом похоронном гимне довольно подробно, насколько это вообще принято в данном источнике, описана вся процедура помещения умершего в могилу (X. 18):

[8] Тексты из Ригведы цитируются по изданию «Ригведа. Избранные гимны». Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.

10. Сползай в эту мать — землю...
11. Расступись, земля! Не дави (его)!
Дай ему легко и быстро погрузиться
Укрой его краем (своей) одежды,
Как мать (укрывает) своего сына.
12. Растворяясь, будь твердой, о земля!
Ведь тысяча столбов должна быть воздвигнута.
Да будут твои покои окроплены жертвенным маслом!
Да будет ему здесь убежище во веки веков!
13. Я укрепляю землю вокруг тебя.
Да не повредит я тебе, кладя этот ком земли!
Пусть отцы держат тебе этот столб!
Пусть Яма построит тебе здесь дом!

Земляной дом — могила, стенки которой укреплены вокруг досками, столбы в яме, поддерживающие перекрытие камеры, засыпаемой землей,— о такой конструкции, по-видимому, идет речь в Ригведе, и все это достаточно хорошо реконструируется по остаткам могильных сооружений в Синташте (рис. 2, 4).

В Авесте интерес представляют места, где говорится, что в случае непогоды также допускалось захоронение в земле, правда, это рассматривается как временная мера (Видевдат, VIII, 4, 10); поэтому рекомендуется вблизи каждого селения иметь для подобных случаев три небольших домика — мертвецкие, размером ь рост человека, но так, чтобы голова не касалась крыши, а протянутые руки — стен (Видевдат, V). Чем вызваны были такие соображения по поводу размеров домиков-мертвецких — трудно сказать, но интересно, что именно подобные размеры весьма близки могилам 3-й и 4-й групп могильника Синташты (таблица), служивших для захоронения взрослых (рис. 5; 7, *2*). Средняя ширина их 195 *см* при глубине 245 *см* от современной поверхности (соответственно 205—210 *см* от уровня древнего горизонта; рис. 2, 4).

Интересно отметить, что очень близкие размеры имели наземные склепы типа сагона, еще до недавнего времени встречавшиеся у отдельных групп населения Средней Азии и, как отмечало большинство исследователей, связанные с традициями зороастризма [9], а возможно и традициями дозороастрийского периода иранских племен.

Говоря о способе погребения, многие исследователи считают, что в Ригведе трупоположение и кремация рассматривались как два вполне допустимых альтернативных метода [10].

В Авесте имеются сведения о трех способах захоронения, но богоугодным считался обычай выставлять умершего на открытый воздух или на особом сооружении — дахме (Видевдат, V, 7; 45, 49; VIII), где кости трупа очищают от мягких тканей птицы (коршуны, вороны) или собаки [11]. Этот обычай был, по-видимому, достаточно древним и в нескольких могилах Синташты с так называемыми расчлененными погребениями хорошо прослеживалось, что в могилу были помещены кости умершего, очищенные от мягких тканей (рис. 6, *1*; рис. 7, *2*).

Жертвоприношения животных. Одним из самых широко распространенных элементов погребального обряда могильника Синташта было жертвоприношение животных, в абсолютном большинстве домашних — лоша-

---

[9] *Г. П. Снесарев.* Мазденстская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии. М., 1960; *С. П. Поляков, А. И. Черемных.* Погребальные сооружения населения долины Зеравшана. Сб. «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии». М., 1975.

[10] *Б. А. Литвинский.* Археологические открытия в Таджикистане..., стр. 124.

[11] *Ю. А. Рапопорт.* Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. В работе дан подробный обзор источников по этому вопросу.

дей, крупного и мелкого рогатого скота (в основном овцы, реже козы), а также собак. Остатки диких видов животных встречаются как исключение (кабан) [12]. Ритуал жертвоприношения животных был чрезвычайно сложным, судя по разнообразию употреблявшихся здесь для этой цели видов животных и расположению их остатков в могилах. И то и другое имело, несомненно, определенное ритуальное значение и отражало мировоззрение, этническую и социальную структуру общины обитателей Синташты. В могилах встречаются как целые туши (конь, баран, собака) или, что гораздо чаще, только отдельные части их — головы, ноги или другие части туши (все виды животных). Остатки жертвенных животных находились в 25 непотревоженных могилах, где удалось достаточно четко зафиксировать их место в могиле, и в девяти разграбленных могилах, где эти наблюдения были возможны лишь частично. В общем кости животных в том или ином виде и количестве присутствовали в 85% всех могил. Не найдены кости животных только в шести могилах (1 группа, таблица), где были захоронены девочки.

Описание остатков жертвоприношения животных подчинено их месту в погребении: в погребальной камере, на перекрытии камеры или сбоку от нее, в засыпке могильной ямы или уже над могилой сверху насыпи или погребального кострища.

В погребальной камере на дне отдельные кости — трубчатые от ног, лопатки и позвонки барана, коровы или коня встречаются довольно редко и немногочисленны (достоверно шесть случаев). Черепа баранов встречены здесь всего два раза. Гораздо больший интерес представляет обычай, когда у одной из поперечных стенок камеры поставлены на нижней челюсти два черепа коня, а рядом — все четыре ноги, отрубленные в коленных сочленениях (четыре случая). В этих могилах были остатки колесниц, находившиеся в противоположной стороне (рис. 3), а в двух рядом с черепами лежали костяные псалии (рис. 6, *1*).

На погребальной камере, непосредственно на деревянном перекрытии, находились остатки целых костяков коней, лежавшие обычно на боку в различных положениях по отношению друг к другу. Количество костяков различно — в одном случае один; чаще всего два или четыре (по четыре раза) и один раз — семь. Кроме того, в трех ограбленных могилах остатки свидетельствуют о несомненном наличии костяков коней, но количество их установить точно невозможно. По-видимому, к этому же типу жертвоприношений следует отнести остатки двух черепов и кости ног на перекрытии камеры в могиле-кенотафе. Кони чаще всего уложены друг за другом или мордами и ногами друг к другу (рис. 6, *2*; 7, *1*). Рядом с костяками коней, обычно около черепов, находятся глиняные сосуды, количество которых иногда совпадает с количеством коней. Целые костяки коней встречаются в индивидуальных захоронениях мужчин (4 случая) или мальчиков (2), а также в коллективных могилах, где были мужские захоронения (7).

Сбоку погребальной камеры кости жертвенных животных обнаружены в шести могилах. В трех их размещение в могиле совершенно идентично: в восточном поперечном конце могилы находились двойные стенки камеры и пространство между ними было сплошь забито черепами и костями ног коров и баранов (рис. 4, *б*; 5, *2*). В мог. 39—17 черепов, в мог. 16 — более 10 и в мог. 31 — четыре. Вероятно, такого же характера были остатки в ограбленной мог. 35 (пять черепов, пять нижних челюстей и много костей ног барана). К этой же категории остатков жертвоприношений следует отнести череп коня и кости ног у торцовой стенки камеры мог. 10 и два черепа коня и один коровы у торцовой стенки мог. 11, где кости ног лежали на перекрытии могилы.

---

[12] Определение видов животных в полевых условиях во время раскопок для большинства могил было выполнено зоологом Н. Г. Смирновым.

В засыпке могильной ямы над погребальной камерой чаще всего встречаются кости животных (21 могила). Это целые костяки баранов (3 случая), собак (3), теленка и собаки (1), аккуратно уложенные набок с вытянутыми ногами, но гораздо чаще в засыпке могил находятся отдельные кости, обычно трубчатые; черепа баранов — отдельно или с костями ног, или с черепом коровы (12 могил). Интересны находки в засыпке могил нижних челюстей баранов, отделенных от черепов — одной или нескольких (четыре могилы). Единично встречены также скопления: челюстей и черепов коров; черепа, костей ног и других костей козла; черепов, костей ног и позвонков дикого кабана; лопаток и позвонков коня.

Отдельные кости над могилами. В ряде случаев хорошо прослежено, что над погребальными кострищами и над засыпкой, перекрывавшей могильную яму и даже за ее пределами, находились единичные кости животных. Их малочисленность, может быть, объясняется тем, что в свое время они лежали на поверхности. Только в одной могиле над прокалом от кострища были значительные скопления костей, в том числе черепа коня и барана. Всего остатки этой категории жертвоприношений сохранились в 12 могилах.

Жертвенные комплексы. На площадке могильника было обнаружено два скопления костей жертвенных животных, которые не имеют прямой связи с каким-либо погребением. Оба скопления находились в неглубоких ямах (50—56 *см*) четырехугольной формы, размером около 1 *м*. Обе ямы были ориентированы по сторонам света и сплошь забиты костями.

В яме I вдоль восточной стенки в ряд были поставлены на нижних челюстях лицевыми костями к середине пять черепов коней, а у противоположной стенки в таком же положении — четыре черепа безрогих быков и череп коня (крайний с севера). У южной стенки между черепами стоял перевернутый вверх дном крупный сосуд, по обе стороны которого у стенки ямы находились черепа баранов [13]. Между черепами коней и быков по средней линии все пространство было забито костями ног, шейными позвонками коней, быков и баранов. Эти кости находились как над черепами, так и под ними. У дна некоторые кости ног коней сохранили естественное сочленение (рис. 8).

В яме комплекса II находилось четыре черепа быков, также поставленных в ряд лицевыми костями к западу. За затылочными костями и под черепами находилось скопление костей конечностей, а сверху все было перекрыто несколькими ребрами. Во всех случаях черепа быков принадлежали комолым видам и имели на лобных костях пробоины диаметром 2—2,5 *см*.

Массовые и разнообразные по своему назначению жертвоприношения домашних животных — одна из наиболее ярких черт могильника Синташта, не имеющего в этом отношении равных среди других могильников эпохи бронзы степной зоны. Перед нами могильник населения с безусловно высокоразвитым скотоводческим хозяйством именно того периода, когда за счет скотоводства полностью удовлетворялись потребности в продуктах питания. А прибавочный продукт был настолько велик, что его производители могли себе позволить такую роскошь, как захоронение целых туш коней и массовый забой домашнего скота при погребении почти каждого члена общины. Так, при захоронениях находятся обычно два, четыре, а в коллективной могиле и семь коней. В одном парном захоронении было 17 черепов коров, баранов и лошади (рис. 4; 5, *2*; 7, *1*).

Общество ариев, так, как его рисуют письменные источники, выступает в первую очередь как общество скотоводов, где коровы и лошади — главное богатство, и это красной нитью проходит через все тексты Ригведы и Авесты.

---

[13] *В. Ф. Генинг, Л. И. Ашихмина.* Ук. соч., стр. 146.

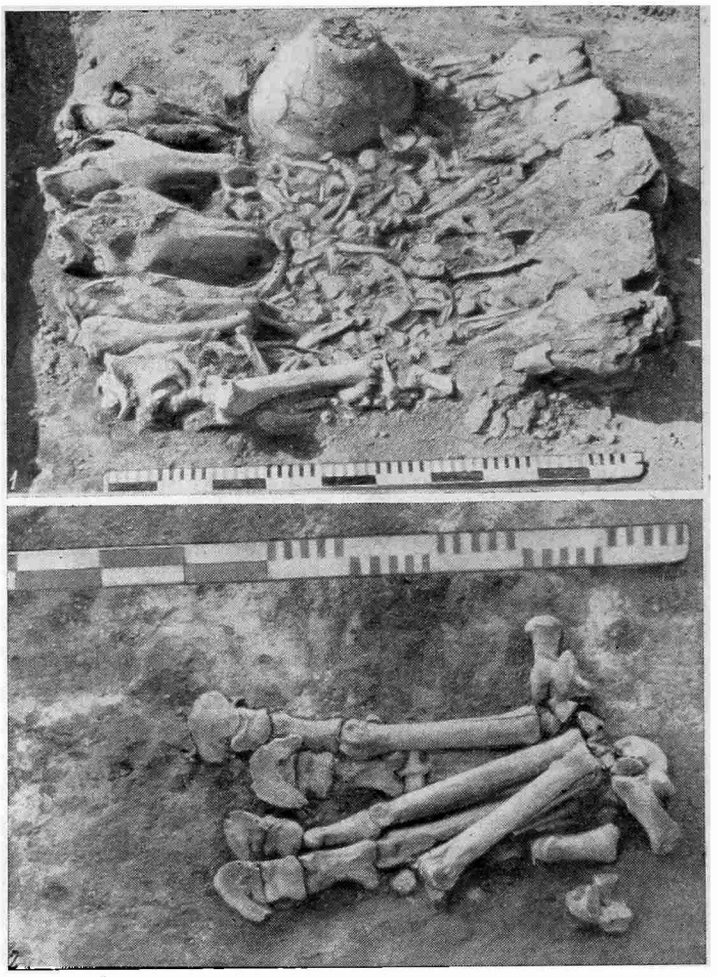


Рис. 8. Могильник Синташта. *1* – жертвенный комплекс I: сосуд, четыре черепа быков, шесть черепов коней, черепа барана и козла и кости ног этих животных; *2* – кости ног коня на дне ямы жертвенного комплекса;

Хорошо известно, что жертвоприношения домашних животных широко практиковались у ариев [14], хотя во времена составления как Ригведы, так и Авесты это уже было пережитком прошлого. Заратуштра, как проводник новой веры, выступил против массовых кровавых жертвоприношений скота и возлияния священного напитка хаомы, которые были в практике старого жречества. У ведических ариев и в более позднее время жертвоприношение животных, называемое пашубандха, сохраняется как один из важнейших и непременных компонентов в общем ритуале жертвоприношений, в том числе и при погребении умерших. Вопросы реконструкции идеологии ранних индоиранских племен представляют собой очень сложную проблематику и в литературе слабо разработаны.

В связи с этим ограничимся пока лишь несколькими предположениями, возможными вариантами толкования отдельных остатков жертвоприношений животных на могильнике Синташта.

Наиболее многочисленны и разнообразны здесь остатки жертвоприношений коней: целые туши были положены на погребальные камеры

[14] *J. Schwab.* Das altindische Thieropfer. Erlangen, 1886; *W. Voight.* Die Wertung des Tieres in der Zarathustrischen Religion. München, 1937; *K. Mylius.* Die Gesellschaftliche Entwicklung Indiens in jungvedischer Zeit nach den Sanskritquellen. III. Der ideologische Überbau. EAZ, 14, Ht. 3. Berlin, 1973.

(рис. 2; 4; 6, *2*; 7, *1*); черепа и ноги в одном случае помещены в камере вместе с колесницами (рис. 6,*1*), в другом — сбоку камеры вместе с черепами других животных и, наконец, единичные кости коня встречаются в погребальной камере и засыпке могильных ям.

Конь (ашва — санскр., асп — др. иран) — одно из самых почитаемых животных в религии ариев: белые небесные кони, сверкающие колесницы с конями — главные аксессуары высших божеств: неба — Варуны, света — Митры, солнца — Сурья и многих других. Жертвоприношению коня посвящены гимны Ригведы (I—162, 163), а один из важнейших обрядов жертвоприношения носит название ашвамедха. По поводу этого обряда высказано мнение, что в своем происхождении он, по-видимому, связан с большими завоеваниями, успех которых был обеспечен благодаря наличию коня и боевых колесниц. В индуистской мифолгии сохранилось описание обычая, по которому какой-либо правитель, намереваясь подчинить соседние страны, выпускал на волю коня, вслед за которым шло войско. Куда заходил конь — те земли и завоевывались. После этого совершался торжественный обряд заклания коня, заканчивавшийся посвящением на царство владыки. Обряд этот мог повторяться многократно и много лет подряд [15].

Возможно, в этом обряде в какой-то мере отражена ранняя история индоиранцев, прошедших огромные пространства от Великих евразийских степей до берегов Индийского океана. В могильнике Синташта целые костяки коней встречались только при захоронениях мужчин, причем никогда рядом с ними нет никаких остатков сбруи (псалий). Может быть, это и есть «вольные кони, ведущие в новые земли» (рис. 6, *2*; 7, *1*).

Существовало, конечно, и много других поверий и ритуалов, связанных с конем. Среди них особенно широко распространено представление, причем не только у индоиранцев, но и других индоевропейских народов, о коне как спутнике бога Смерти, о душе, которая отправляется в потусторонний мир на колеснице, и т. д. [16]. Однако в каком виде эти представления находят свое отражение в погребальном обряде, пока не ясно. В Синташте в ряде могил черепа и ноги коней были уложены в одном конце погребальной камеры (рис. 6, *1*), а в другом поставлена колесница (рис. 3). В таком виде эти остатки как будто бы лучшим образом отражают данное представление о путешествии в загробный мир. Но все это встречается только в мужских могилах, причем с оружием, где, безусловно, были захоронения воинов. Естественно, возникает сомнение в правомерности интерпретации этих остатков как отражения представления о путешествии в загробный мир, так как в религиозных текстах нет указаний, что это относится только к воинам.

Многочисленны среди жертвенных животных на Синташте также кости барана и коров. Остатки коров (быков) представлены обычно черепами и костями ног, которые встречаются рядом с умершим (рис. 5, *2*), сбоку погребальных камер или в жертвенных комплексах (рис. 8, *1*). Баран, то в виде целой туши, то в виде головы и ног или только нижних челюстей, встречается в могилах в тех же местах, где и кости коров.

[15] *R. C. Dutt.* From the earliest time to the sixth century B. C. «A. V. W. Jackson's History of India. 1». London — New York, 1906; *W. Kirfel.* Der Aśvamedha und Puruşamedha. Festschrift für Schubring. Hamburg, 1951; *W. Koppers.* Pferdeopfer und Pferdekult der Indogermanen. «Wiener Beitrag Kulturgeschichte und Linguistik», 4. Wien. 1936; *K. Mylius.* Op. cit., 492—494; *В. В. Иванов.* Древнеиндийские ритуальные и мифологические термины образованные от ašva — конь. Сб. «Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Памяти В. С. Воробьева-Десятовского». М., 1974; *Е. Е. Кузьмина.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. Сб. «Средняя Азия в древности и средневековье». «Махабхарата, книга пятая, Удьйогапарва», М., 1976, стр. 51, 55, 417, 459, 517.

[16] *Б. А. Литвинский.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, стр. 142; *Е. Е. Кузьмина.* Колесный транспорт..., стр. 80; *ее же.* Распространение коневодства и культ коня...

Нередки кости этих животных и в засыпках могил, а также сверху, над могилами.

По Ригведе известно, что при сожжении умершего в жертву ему приносили козла или корову, кусками мяса которых обкладывали умершего и огонь. В гимне погребальному костру (X, 16) в обращении к Агни — богу огня говорится:

«1. Не сжигай его, Агни, дотла не пожирай!
Не испепеляй его кожу и тело!...
4. Козел — (твоя) доля. Жаром испепеляй его!...»

И далее:

«7. Накройся коровьими членами, как панцирем от Агни
Закутайся в жир и топленое масло,
Чтобы дерзкий (Агни), играющий пламенем,
Не охватил тебя, чтобы сжечь дотла».

Корова, предназначенная для этого жертвоприношения, имела специальное название — анустаранья [17]. Возможно, что при захоронении по обряду трупоположения, когда в могилу помещали только голову и ноги коровы, остальные части туши употреблялись во время каких-то других церемоний жертвоприношения в честь умершего и попадали частично в засыпаемую могилу, частично уже над ней, а большей частью вообще оставались где-то на стороне.

Исключительный интерес представляют захоронения собак, встреченные в нескольких случаях в засыпке могильных ям над погребальной камерой. Собаке в верованиях ариев отводится значительная роль, особенно у иранцев. В Авесте собаке посвящены целые главы (Видевдат, XIII), а убийство собаки приравнивается к убийству человека. В Ригведе собака Сарама — спутник бога Индры, помогающая ему найти коров (III, 31, 6; X, 108). В индийском эпосе божественная собака Сарама — одна из дочерей Дакши и мать всех диких животных [18]. Собака теснейшим образом связана с представлениями о смерти человека и переселении его в загробный мир (Ясна, XLVI, 11; LI, 13).

Авеста предписывает приводить желтую четырехглазую собаку к умирающему или только что умершему человеку и заставлять ее глядеть на него, чтобы отогнать нечистую силу — демона Нису, который силится войти в человека, когда отлетает от него душа (обряд сагдид, Видевдат, VIII). По зороастрийским верованиям, собака может, как и коршун или ворон, очистить в дахме кости умершего от мягких тканей [19]. Собака — непременный спутник владыки царства мертвых Ямы (Ригведа, X, 14).

Захоронение собак в Синташте, вероятно, также отражает круг верований, связывавших это животное с представлениями о потустороннем мире.

Перекрытие могильных ям. Могильные ямы засыпались грунтом до уровня дневной поверхности, на котором в 16 могилах обнаружены остатки обугленных жердей, находившихся в сажистом слое (солома ?), сплошь покрывавших могильную яму. Эти остатки сохранились только у могил, перекрытых сверху еще слоем глины, на котором горел мощный костер, почему жерди и оказались обугленными (рис. 2; 9, *1*). Поэтому невозможно решить, был ли настил из жердей и над другими могилами. Настил состоял из жердей толщиной до 4—5 *см*, уложенных сплошь в один ряд. Лишь иногда некоторые жерди нарушают этот порядок.

Над засыпанной могильной ямой и слоем жердей и соломы (?) возвышалась небольшая куполообразная насыпь из светлой глины, высотой до 30—40 *см* и диаметром не более 4—5 *м*. Не прослежены остатки насыпи

[17] *K. Mylius*. Sanskritische Index der Jungvedischen Namen und Sachen. EAZ, 17, Ht. 1, 1976.

[18] «Махабхарата, книга вторая, Сабхапарва». М., 1962, стр. 181.

[19] *Ю. А. Рапопорт*. Ук. соч., стр. 28.

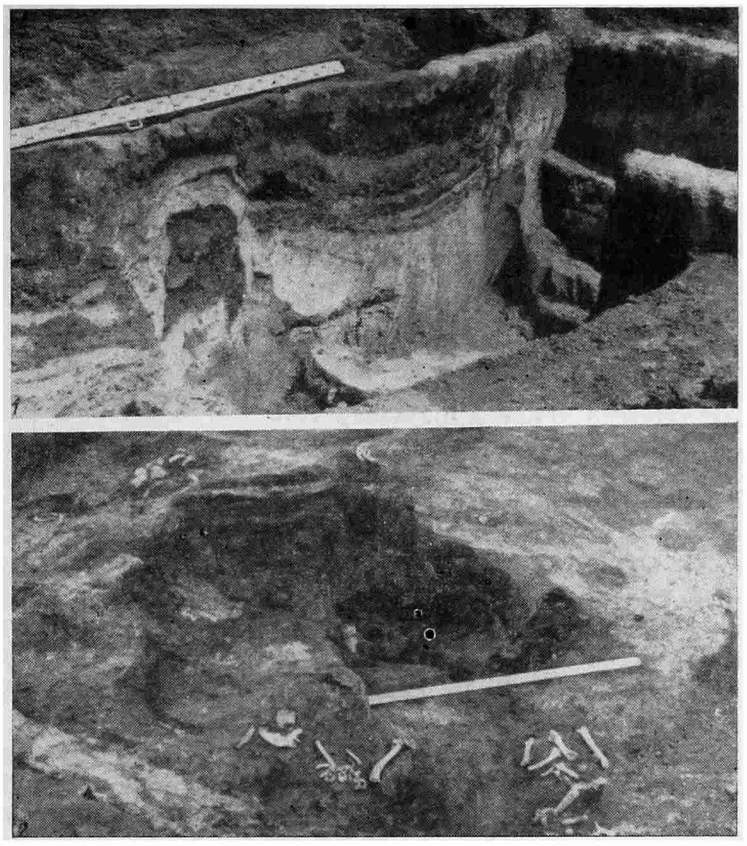


Рис. 9. Могильник Синташта. *1* — Профиль разреза могил 2 и 3 (слева – темный останец погребенной почвы, разделяющий могильные ямы; справа — просевшие в могилу слои — сверху вниз: темный чернозем, заплывший во впадину над могилой, в середине — прокаленное до ярко-красного цвета перекрытие могильной ямы, внизу — слой обугленных жердей и соломы); 2 — кости животных в заполнении могильной ямы 18

лишь у большинства детских могил и в трех могилах с захоронениями взрослых. Насыпи, под которыми сохранились обугленные жерди, имеют сильный прокал ярко кирпичного цвета, толщиной до 30—40 *см*, охватывающий приблизительно $^2/_3$ ее площади (рис. 9, *1*).

Огонь над могилой — это не результат сожжения какого-либо сооружения, а именно ритуальный костер, горевший длительное время. В погребальном ритуале придавалось основное значение огню, его какому-то особому, магическому действию. Возможно, что после того как затухал костер, символом огня, его заменителем оставался красный цвет купола насыпи.

Остатки жердей и соломы (?) под насыпью, перекрывающей могилу, вероятно, следует связывать с часто упоминаемым в Ригведе обычаем застилать место жертвоприношения специальной подстилкой из жертвенной соломы — бархис:

«4. Мягкий, как шерсть, распространись!
Напевы звучат в лад.
Нарядная (бархис), будь нам для достижения цели!
8. Ида, Сарасвати, Махи —
Три богини, приносящие радость,
Садитесь на жертвенную солому, о не допускающие ошибок!»
(Ригведа, V, 5).

И в «Похоронном гимне» (X, 14) в обращении к владыке царства мертвых — Яме звучат те же слова:

«4. ...Яма, садись на солому
в единении с Ангирасами, отцами!...
5. Приди с Ангирасами, достойными жертвы!
О Яма, радуйся здесь с Вайрупами!
Я призываю Вивасвата, кто отец тебе,
Когда (ты) сел на солому при (этом) жертвоприношении».

В Ригведе же сохранились отголоски и обычая, когда над могилой сооружалась насыпь (X, 18, 4):

«Эту преграду я устанавливаю для живых.
Пусть же среди них никто другой не дойдет до этой цели!
Да живут они сотню обильных осеней!
Да закроют смерть (этой) горой!»

Отделение насыпи, на которой горел жертвенный огонь, от могилы настилом из жердей и соломы может рассматриваться в данном случае как одно из частных проявлений традиции покрытия бархис. Более конкретно, в связи с погребальной обрядовостью, интерпретировать настилы между могилами и насыпями могут сведения, извлеченные из одной из младших вед — Шатапахта Брахмана (XIII — 8). Согласно традиции, боги — дэвы сооружали квадратные гробницы, а их последователям рекомендовалось возводить могильную насыпь, «не отделяя ее от земли». Старшие братья дэвов — асуры — строили круглые гробницы, а почитатели их должны были отделять могильную насыпь от земли каменной или кирпичной кладкой. Настил из жердей в Синташте, несомненно, является аналогом этого же обычая. Учитывая, что дэвы были почитаемыми богами у ведических ариев, где им противостояли асуры, а у иранцев, наоборот, почитаемыми были асуры, следует, вероятно, эти традиции в погребальном обряде рассматривать как различия этнического порядка, существовавшие у различных групп арийского населения.

Наконец, достаточно хорошо известно, какую огромную роль играл культ огня как у последователей Заратуштры, так и у ведических ариев [20].

Возможно, передачу богам всего принесенного в жертву, в том числе душ праведных, и выполняли огромные кострища, пылавшие в свое время на могилах Синташты [21].

«Агни, увозящий трупы,
Должен принести жертву отцам, укрепляющим правду,
Да провозгласит он жертвоприношения
И богам, и отцам!»
(Ригведа, X, 16, 11).

— поется в одном из гимнов, посвященных погребальному костру, на котором совершалось сожжение трупа.

В целом погребальный обряд, изученный по материалам могильника Синташта, чрезвычайно разнообразен и, что особенно важно, в нем достаточно хорошо прослеживаются несколько особых традиций. Учитывая также керамику, а на могильнике собрано более 100 сосудов, здесь можно выделить три различающихся по содержанию обряда, каждый из которых связан с традициями определенной этнокультурной группы древнего населения степей. Подобная картина может свидетельствовать о том, что

[20] *Л. А. Лелеков.* Отражение некоторых мифологических воззрений...
[21] Там же, стр. 9, 10.

этнический состав индоиранцев был весьма неоднороден и дальнейшие переселения еще больше усложнили его. Но это иная тема, которая будет рассмотрена нами отдельно.

Проведенный выше сравнительный анализ ряда черт погребального обряда могильника Синташта с верованиями индоиранцев позволил, как нам кажется, выявить немало параллелей, а иногда и прямых совпадений. Если при этом учесть еще некоторые обстоятельства, характеризующие население, оставившее могильник (развитое скотоводческое хозяйство в сочетании с земледелием, остатки боевых колесниц, несомненные следы культа священного напитка — сомы (хаомы), свастика и другие знаки на сосудах), а также датировку могильника по археологическим данным, то постановка вопроса об отождествлении этого населения с какой-то частью индоиранских племен представляется вполне правомерной и в значительной мере обоснованной.

V. F. Ghéning

LE CHAMP FUNERAIRE DE SINTACHTA ET LE PROBLEME DES ANCIENNES TRIBUS INDO-IRANIENNES

Résumé

Dans le Sud de la région de Tchéliabinsk (district de Brédi), près du village de Rymnikski, sur la rivière Sintachta (fig. I), de 1972 à 1974 a été fouillé un champ funéraire de 40 tombes, qui a fourni un ensemble très net de pièces datant du milieu du IIème millénaire av. n. ère. Les fosses funéraires sont de dimensions assez importantes (pl. I); elles contiennent des chambres sépulcrales, aux parois revêtues de planches placées horizontalement ou verticalement (fig. 2, 3). Le plafond, dans les tombes masculines ou collectives, était soutenu par un ou deux poteaux fichés en terre. Les morts avaient été déposés en position latérale fléchie ou étendus sur le dos les genoux repliés. Dans certaines tombes il existe des inhumations introduites aux squelettes démembrés (fig. 6, 1). A Sintachta était largement répandu l'usage du sacrifice rituel d'animaux domestiques, dont les ossements se trouvent dans la chambre sépulcrale, isolés ou bien le crâne et les jambes d'un cheval, déposés aux angles de la tombe, du côté oppusé où se trouvait un char de guerre en partie enterré (fig. 3, 6, I). Sur le toit des chambres funeraires sont en général étendues des carcasses entières de chevaux; il peut y en avoir de une à sept (fig. 6, 2, 7, I). Dans quelques tombes, du côté de l'Est, entre les doublés parois du caveau, avaient été placés des têtes et des jambes de vaches, de taureaux, de béliers et. plus rarement, de chevaux (fig. 4, b; 5, I). Des os isolés se rencontrent dans le tertre des sépultures (fig. 9, 2), parmi lesquels un intérêt particulier est présenté par des squelettes entiers de chiens. Sur la place centrale du champ funéraire on a mis au jour deux autels sacrificatoires, où se trouvaient des crânes et des tibias de chevaux, de taureaux et de béliers (fig. 8). Le sacrifice d'animaux domestiques, en particulier du cheval, constituait le rite le plus important dans beaucoup de cultes des anciens Iraniens et des Aryens védiques. Un grand nombre de traits semblables à ceux des croyances des anciens Iraniens et des Aryens védiques permet de considérer avec vraisemblance que la population qui a laissé ce champ funéraire de Sintachta était un groupe appartenant aux tribus indo-iraniennes.

В. И. ГУЛЯЕВ

ГОРОДА МАЙЯ

«В эпоху древности,— писал в одной из своих недавних работ И. М. Дьяконов,— будь то на Западе или на Востоке, именно город, бесспорно, занимает ведущее положение как центр экономической, социальной и политической жизни. Можно сказать, что древность кончается вместе со смертью древнего города» [1].

То, что города с момента своего появления были основными центрами цивилизации, известно давно. Именно поэтому древний город — неизменный объект археологических исследований. Особенно это касается античных городов Греции и Рима, западноевропейских городов периода развитого феодализма, древнерусских городов и т. д. В гораздо меньшей степени изучены города так называемых раннеклассовых обществ Переднего Востока, Африки и доколумбовой Америки. Отдельные города исследовались не без успеха и там, но теоретическое осмысление роли города во всей социально-экономической структуре древнего государства, его функции, планировка, наконец, его происхождение и определяющие черты — все эти вопросы встали на повестку дня лишь сравнительно недавно.

В настоящее время работами советских (Ю. В. Кнорозов [2], Р. В. Кинжалов [3], В. Н. Никифоров [4], М А. Коростовцев [5], И. К. Самаркина [6]) и зарубежных (Р. Мак-Адамс [7]) ученых убедительно показана принципиальная, **формационная** близость древнеамериканских цивилизаций и раннеклассовых государств Месопотамии, Египта и ряда других областей Старого Света. Из этого следуют два важных вывода: во-первых, мы получаем возможность широко использовать сравнительный метод исследований для анализа древних культур в обоих регионах; а во-вторых, и это особенно ценно, теоретические положения классиков марксизма-ленинизма о природе древневосточного общества и государства вполне могут быть использованы и для доколумбовой Америки.

Для сравнений и выводов в данной работе берутся только материалы двух, **первичных** очагов городской цивилизации: в Старом Свете это Месопотамия (Шумер) и Египет, в Новом — Мезоамерика. Учитывая сте-

---

[1] *И. М. Дьяконов.* Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (по материалам Ура). Сб. «Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.)». Ереван, 1973, стр. 30.

[2] *Ю. В. Кнорозов.* «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланды как историко-этнографический источник. В кн. *Диего де Ланда.* Сообщение о делах в Юкатане. М.— Л., 1955, стр. 37.

[3] *Р. В. Кинжалов.* Культура древних майя. Л., 1971, стр. 5, 6.

[4] *В. Н. Никифоров.* Восток и всемирная история. М., 1975, стр. 247—249.

[5] *М. А. Коростовцев.* О понятии «Древний Восток». ВДИ, 1970, 1, стр. 15, 16.

[6] *И. К. Самаркина.* Община в Перу. М., 1974, стр. 14.

[7] *R. McAdams.* Early civilizations, subsistence and environment. Chicago, 1960, p. 592, 593.

пень изученности соответствующих археологических источников, автор выбрал из всех городских цивилизаций доколумбовой Мезоамерики только культуру майя. Дело в том, что если для большинства других мезоамериканских раннеклассовых государств мы обычно располагаем сведениями по одному-двум городским центрам, то для территории майя это число возрастает до полутора-двух десятков, что дает материал для сопоставления.

Первые города-государства возникли у майя в самом начале I тысячелетия н. э. Их самостоятельное развитие было насильственно прервано испанским завоеванием в XVI в. Таким образом, история майяской цивилизации и государственности насчитывает свыше полутора тысяч лет. В пределах этого продолжительного отрезка времени исследователи выделяют обычно два хронологических периода: **классический** (I тысячелетие н. э.) и **постклассический** (X—XVI вв. н. э.). Письменными источниками освещен более или менее лишь последний из них. Классический период, отражающий начальные и наиболее интересные этапы существования раннеклассовых городов-государств майя, известен пока исключительно по археологическим данным.

Однако одного археологического материала, при всем его обилии и значимости, явно недостаточно, чтобы сколько-нибудь полно судить о социально-политических институтах майя в городах I тысячелетия н. э. Поэтому в моей работе широко использован **ретроспективный** метод исследований, с тем, чтобы, идя от более известных, изученных явлений к менее понятным, «спроецировать» свет исторической традиции кануна Конкисты на «темные века» майяской истории.

Но прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о характере раннего города майя, нужно остановиться на самом понятии «город». Согласно мнению большинства исследователей, единого и абсолютного определения города, годного для всех времен и народов, не существует. В разные эпохи, в разных исторических условиях это понятие меняло свое содержание.

В современной историографии, как советской, так и зарубежной, получила широкое распространение точка зрения о том, что докапиталистический город (т. е. относящийся к рабовладельческой и феодальной формациям) был **прежде всего** центром ремесла и торговли и большинство его жителей не участвовало поэтому в непосредственном производстве пищи (т. е. не занималось земледелием и скотоводством).

Справедливый для современной эпохи и, видимо, для периода античности и развитого феодализма в Европе и Азии, этот тезис вызвает большие трудности в приложении к более раннему времени, особенно к начальным этапам городской цивилизации. Ранний город, по мнению многих авторов, «был теснейшим образом связан с землей. В Месопотамии многие городские жители обрабатывали свои поля или жили за счет своих земельных владений» [8]. Мне представляется, что наиболее удачное определение города для раннеклассовых обществ Древнего Востока сделал И. М. Дьяконов. «Город в рассматриваемое время,—пишет он,— является центром тяготеющей к нему населенной округи: город — центр округи в хозяйственном отношении...; город — центр округи в политическом отношении, как средоточие иерархии общинных органов самоуправления и как резиденция государственной администрации; наконец, город — ее центр в идеологическом отношении...» [9].

Разделяя в целом высказанную выше точку зрения И. М. Дьяконова, я вместе с тем считаю, что в этом определении города необходимо несколько сместить акценты. Древнейший город действительно был и хозяйственным и идеологическом центром округи. Но самое главное и опре-

---

[8] *H. Frankfort.* The birth of civilization in the Near East. L.— N. Y., 1968, p. 58, 64.
[9] *И. М. Дьяконов.* Ук. соч., стр. 31.

деляющее состоит, на мой взгляд, в том, что ранний город — это, **прежде всего,** политико-административный центр округи. Профессиональные ремесло и торговля в раннеклассовых обществах особенно бурно развиваются в городах, служивших столицами небольших государств (т. е. политико-административными и культовыми центрами) и обслуживают на первых порах почти исключительно нужды правящей группы — знати и жрецов, не затрагивая экономических основ «самодовлеющих» сельских общин. Это целиком согласуется и с высказываниями К. Маркса на природу древневосточного города. «Города в собственном смысле слова,— подчеркивает он,— образуются здесь наряду с селами только там, где место особенно благоприятно для **внешней** торговли; или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд...» [10]. И далее: «История классической древности — это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и земледелии... Крупные города могут рассматриваться здесь только *как государевы станы* (курсив мой.— *В. Г.*), как нарост на экономическом строе в собственном смысле...» [11].

Та же самая мысль содержится в трудах крупного американского исследователя-ориенталиста Г. Фрэнкфорта «Необходимо лучше понять природу древнейших городов,— пишет он.— Каковы бы ни были другие их функции, они были прежде всего *местопребыванием светской и религиозной власти* (курсив мой.— *В. Г.*); город был центральным ядром власти, находившейся во дворце и храме... Рынок сам является сопутствующим продуктом концентрации людей и прибавочного продукта в городе. Именно притягательная сила города (напомню, что речь идет о городах Шумера.— *В. Г.*) привела к нему торговца, а не торговец создал город» [12].

Исходя из сказанного выше, можно предложить следующее, сугубо предварительное определение города для раннеклассовых государств Старого и Нового Света: город в рассматриваемую эпоху — это крупный населенный пункт, служивший политико-административным, культовым и хозяйственным центром определенной, тяготеющей к нему округи. Как мы увидим ниже, на практике почти все древнейшие крупные города Месопотамии и Мезоамерики совпадают со столицами небольших государственных образований [13].

Месопотамия (Шумер)

Прежде чем непосредственно обратиться к проблеме мезоамериканских городов доколумбовой эпохи, следует хотя бы кратко рассмотреть структуру раннеклассовых городов-государств в Месопотамии, т. е. в области, несравненно лучше изученной археологически, нежели Мексика или Перу.

Согласно имеющимся сейчас данным, в III тысячелетии до н. э. на территории Шумера (междуречье Тигра и Евфрата от Багдада до Басры на берегу Персидского залива) существовало около полутора десятков небольших независимых городов-государств (рис. 1), причем каждый из них имел свою династию правителей [14]. В раннединастический период письменные источники упоминают 13 таких городов-государств, более или менее точно привязанных к современной географической карте: Сиппар, Киш, Акшак, Ларак, Ниппур, Адаб, Умма, Лагаш, Баб-тибира, Урук.

---

[10] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, 1. стр. 11.

[11] Там же, стр. 5.

[12] *C. H. Kraeling and R. McAdams* (Eds.). City invincible. Chicago. 1960, p. 236.

[13] *B. Trigger.* Determinants of urban growth in pre-industrial societies. In: *P. J. Ucko* (Ed.). Man, settlement, and urbanism. L., 1972, p. 587, 588.

[14] *M. Hammond.* The city in the ancient world. Cambridge, M., 1972, p. 37.

Ларса, Ур и Эриду [15]. Уже на первом этапе их существования между ними наблюдаются соперничество и ожесточенные столкновения из-за спорных земель. Границы шумерских городов-государств тщательно оберегались от посягательств извне и были отмечены особыми знаками — камнями, стелами, деревянными столбами и т. д. [16].

Какова же была внутренняя структура этих маленьких примитивных государств, первых государств в истории человечества?

«В Передней Азии периода ранней древности,— отмечает И. М. Дьяконов,— пределом общинно-государственной интеграции являлось то, что я, по египетскому образцу, в 1950 г. предложил называть «номом»; это территория, которая, включая один, реже — два-три города... с их округой, ограничена определенными естественными условиями сравнительно небольшого масштаба — горной долиной и т. д. Более крупные объединения возможны только в порядке принуждения вполне автономных «номов» к уплате дани более сильному «ному»...» [17].

Таким образом, типичный шумерский город-государство состоял из собственно города — столицы всего государства и его округи, включавшей в себя несколько подчиненных городков и селений, а также определенную территорию с садами, огородами, возделанными полями, рощами пальм, пастбищами и т. д. [18].

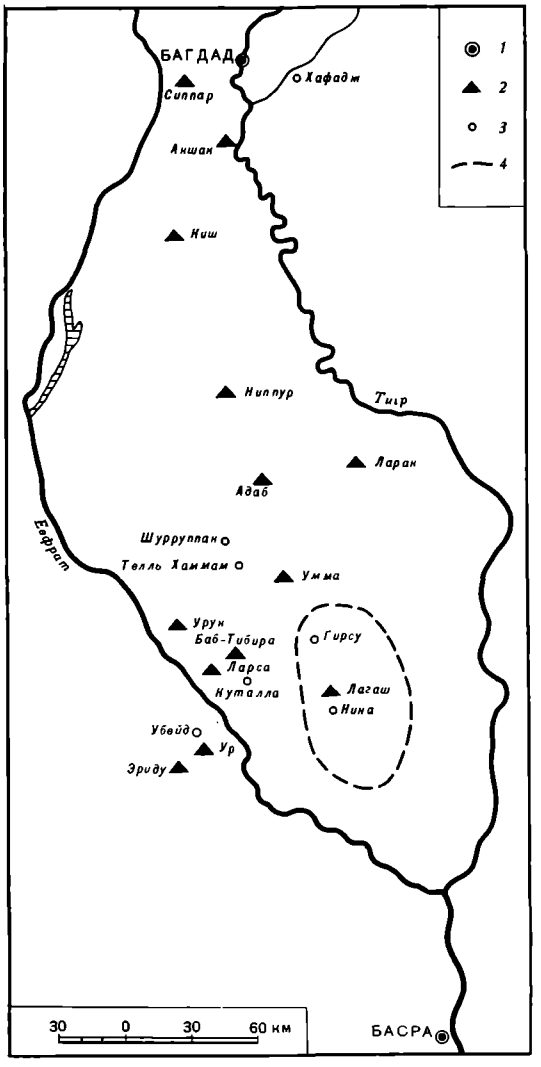


Рис. 1. Города-государства Шумера в III тысячелетии до н. э. *1* — современные крупные города; *2* — столицы древних городов-государств; *3* — прочие древние города и селения; *4* — приблизительные границы города-государства Лагаш

Столица — это прежде всего место пребывания правителя и его двора, храма главного городского божества и обслуживающего его жречества, знати, чиновничества, воинов и обслуживающих их нужды торговцев и ремесленников. Округа столицы не превышала в Шумере, судя по наблюдениям археологов, расстояния, которое может пройти за день в оба конца пешеход, т. е. в среднем 15 *км* [19].

Однако размеры известных нам по письменным источникам шумерских городов-государств были в действительности несколько большими — около 2000 *км*^{2}. Но эта цифра получена чисто гипотетически: вся

---

[15] *G. Roux.* Ancient Iraq. L., 1969, p. 121.

[16] *A. Schneider.* La ciudad-templo sumeria. In: «Historia de la economia por los grandes maestros». Madrid. 1965, p. 36.

[17] *И. М. Дьяконов.* Ук. соч., стр. 31, 32.

[18] *G. Roux.* Op. cit., p. 120.

[19] *R. McAdams.* The study of ancient mesopotamian settlement-patterns and the problem of urban origins. Sumer, vol. XXV, Ns. 1—2. Baghdad, 1969, p. 115.

территория Шумера разделена на примерное число известных городов-государств. Фактически же мы располагаем более или менее надежными сведениями только для одного Лагаша. Судя по письменным источникам, это государство занимало территорию до 3000 *км*^{2} (из них до 1000 *км*^{2} орошаемых земель) и состояло помимо столицы еще из 10 значительных селений и ряда более мелких. Максимальное их удаление от метрополии достигало 45 *км*. Численность населения города-государства Лагаш в 2400 г. до н. э. составляло, по вычислениям И. М. Дьяконова, около 144 тыс. только свободных людей [20].

Размеры самих городов и численность их населения были, по нашим современным понятиям, довольно малы. Так, Ур в пределах своих стен имел в момент наивысшего расцвета площадь 89 *га* и население около 34 тыс. чел. [21], хотя некоторые исследователи определяют общее число его жителей в более скромных пределах — до 24 тыс.[22] и даже 10—20 тыс. чел.[23] Урук занимал 502,2 *га* и имел население 75 тыс. чел.[24], Хафадж — 12 тыс. человек [25]. По расчетам Р. Медоу, средняя плотность населения в Уре и Уруке составляла 125—250 чел. на 1 *га*.

Если говорить о планировке, то обычно центром каждого шумерского города служил «теменос» — «священный квартал», специально огороженное место, где были сосредоточены храмы наиболее почитаемых богов и дворец правителя [26]. Вокруг «теменоса» группировались кварталы жилых домов основной массы горожан. Наиболее полное описание планировки шумерского города можно найти у А. Л. Оппенгейма. «Типичный месопотамский город,— пишет он,— состоял из трех частей: собственно город («внутренний город»); пригороды и окраины («внешний город») и портовая часть. В первом находились дворец правителя, храмы городских богов и частные жилища, теснящиеся вдоль узких улиц. Жилища были разделены на несколько кварталов, каждый из которых имел собственные ворота в городских стенах. Пригороды тоже имели дома, но были заняты главным образом садами, огородами, полями и загонами для скота, обеспечивая горожан пищей и сырьем... Это — «зеленая корона» города, его экономический фундамент, поскольку жители города либо сами трудились на полях, либо были землевладельцами» [27].

Города майя в X—XVI вв. н. э. (по материалам полуострова Юкатан)

Если на Ближнем Востоке сам факт существования городов, начиная с первых этапов зарождения цивилизации, не вызывает сомнений и речь идет лишь об изучении их внутренней структуры и особенностей, то с городами майя в I тысячелетии н. э. дело обстоит гораздо сложнее. Прежде всего, и сейчас еще многие авторитетные исследователи отрицают наличие **«настоящих»** городов у майя в этот период. Они считают культуру майя «цивилизацией без городов», объявляя все крупные населенные пункты классической эпохи только «ритуальными центрами» [28]. С другой стороны, некоторые ученые признают факт существования го-

---

[20] *И. М. Дьяконов.* О площади и составе населения шумерского «города-государства». ВДИ, 1950, 2, стр. 78—82.

[21] *P. Lampl.* Cities and planning in the ancient Near East. N. Y., 1968, p. 15.

[22] *H. Frankfort.* Town planning in ancient Mesopotamia. «The Town Planning Review», vol. XXI, No. 12. Liverpool, 1950, p. 104.

[23] *R. Meadow.* The emergence of civilization. In: «Man, culture and society». Oxford, 1971, p. 160—162.

[24] Ibid., p. 160—162.

[25] *H. Frankfort.* Town planning..., p. 104.

[26] *G. Childe.* Man makes himself. L., 1956, p. 153.

[27] *A. L. Oppenheim.* Mesopotamia.— land of many cities. In: Middle Eastern cities». Berkeley — Los Angeles, 1969, p. 4—6.

[28] *C. H. Kraeling and R. McAdams.* Op. cit., p. 13.

родов на территории Юкатана в X—XVI вв., но связывают его с культурными влияниями чужеземных завоевателей-тольтеков, вторгшихся в X в. н. э. на земли майя [29].

Наконец, третьи объясняют «отсутствие» городов у майя, исходя из сугубо экономических причин. Появление древней городской цивилизации связано, на их взгляд, только с ирригационным интенсивным земледелием, какое издавна существовало в Центральной Мексике. И поскольку майя в основном использовали экстенсивное подсечно-огневое земледелие, то на их территории не было достаточной концентрации населения, а тем самым и городов [30]. С недавних пор приведенные выше взгляды встречают все более серьезную критику со стороны ряда специалистов [31].

В общей дискуссии о природе майяского города существенное место занимают материалы по Юкатану X—XVI вв. н. э. Во-первых, часть этого периода уже освещена письменными источниками. Во-вторых, большинство исследователей признает за крупными населенными центрами юкатанских майя городской статус.

Судя по сведениям испанских и индейских хроник [32], к моменту конкисты большая часть п-ова Юкатан была разделена между 16 небольшими независимыми индейскими государствами, названными конкистадорами «провинциями» (рис. 2). Во главе каждой «провинции» стоял территориальный правитель — «халач виник» (halach uinic — букв. «настоящий человек»), часто носивший титул «ахав» (ahau — букв. «владыка», «царь»). Одновременно он был и «батабом» — местным политико-административным главой столичного города провинции, где находилась его резиденция. Другие «батабы» подчинялись «халач винику» и непосредственно назначались им во все крупные селения и города, за исключением столицы. «Батаб» исполнял в своем городе административные, юридические и военные функции. Он же председательствовал в местном совете, состоявшем из наиболее богатых и влиятельных горожан.

Города делились обычно на кварталы (майяск. «cuchteel», исп. «barrios»), которые возглавлялись специальным должностным лицом — «ах куч кабом» (ah cuch cab). Видимо, каждый квартал обладал известной самостоятельностью: он имел, как правило, своего бога-покровителя (и соответственно его храм), свое название и в случае военных действий выставлял отдельный отряд воинов. В постклассический период у майя, как и в Центральной Мексике (Теночтитлан ацтеков), получила распространение четырехквартальная система разделения города: Чичен-Ица (X—XV вв.), Майяпан (XIII—XV вв.), Ицамканак (до XVI в.) и Тайясаль (XIII—XVII вв.). Однако были города, имевшие по два или три квартала (например, Тиак на юге Центрального Юкатана) [33].

Главный наш источник по культуре майя постклассического периода, испанский автор Диего де Ланда писал по поводу планировки и внутренней структуры типичного майяского города следующее: «Перед тем как испанцы захватили эту страну, местные жители жили вместе в селениях в большом порядке... Их поселения были такого характера: в середине селения находились храмы с красивыми площадями, вокруг храмов были дома сеньоров и жрецов и затем людей наиболее богатых и почитаемых, а на окраине находились дома людей наиболее низших... Они жили так

---

[29] *S. Morley and G. Brainerd.* The ancient maya. Stanford, 1956, p. 261.

[30] *W. Sanders and B. Price.* Mesoamerica. The evolution of a civilization. N. Y., 1968, p. 10.

[31] *W. Haviland.* Tikal, Guatemala and Mesoamerican urbanism. WA, vol. 2, No. 2. L., 1970, p. 193.

[32] Эти сведения обобщены в двух превосходных монографиях североамериканского историка Р. Ройса: *R. L. Roys.* The indian background of colonial Yucatan. CIWP, No. 548, 1943; *idem.* The political geography of the Yucatan Maya. CIWP, No. 613, 1957.

[33] *R. Scholes and R. Roys.* The Maya Chontal Indians of Acalan — Tixchel. CIWP, No. 560, 1948, p. 70.

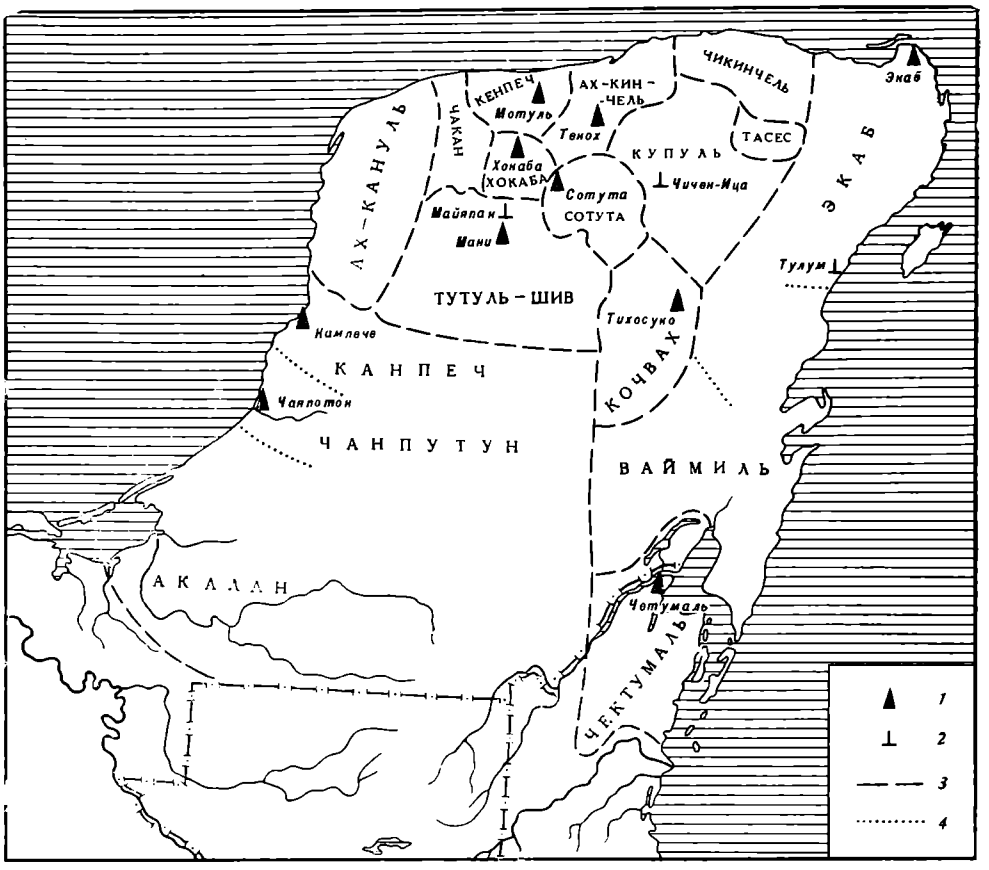


Рис. 2. Города-государства («провинции») майя на Юкатане в XVI в. (по Р. Ройсу, 1957). *1* – столицы «провинций»; *2* – руины древних городов; *3* – приблизительные границы «провинций»; *4* – предполагаемые границы

скученно, боясь врагов, которые брали их в плен, и только во время войн с испанцами они рассеялись по лесам» [34].

Аналогичные сведения приводит и конкистадор Берналь Диас: «Затем... вступили мы в этот город (Чьяпа.— *В. Г.*), и когда мы прибыли в наиболее населенную его часть, где находились их большие храмы и святилища, то дома стояли там так тесно, что нам негде было и повернуться...» [35]. Таким образом, вопреки широко распространенному мнению о разбросанном характере поселений майя на протяжении всей их истории, у нас есть, по крайней мере для X—XVI вв., прямые данные о наличии плотной, скученной застройки в центральной части городов. Это подтверждают и изображения на фресках «Храма Воинов» в Чичен-Ице.

Некоторые юкатанские города постклассического периода были обнесены каменными стенами (Майяпан, Тулум, Чампотон). Что же касается численности населения этих городов, то мы располагаем лишь весьма скудными сведениями испанских хроник. Фернандес де Овьедо упоминает в своем труде о том, что в момент высадки экспедиции Монтехо на восточном побережье Юкатана там имелись селения в 500 и 1000 домов. Селение же Кониль (Conil) имело 5000 домов. В Ицамканаке — столице государства Акалан — насчитывалось в XVI в. до 1000 каменных домов. В Чампотоне (центр одноименной «провинции») конкистадоров вышли

[34] *Диего де Ланда.* Сообщение о делах в Юкатане, стр. 133.

[35] *B. Diaz del Castillo.* Historia verdadera de la conquista de la Nueva España, t. II. La Habana, 1963, p. 207.

встречать «более 15 тысяч человек», т. е., видимо, всё взрослое мужское население города. Здесь в тот момент насчитывалось до 8000 жилищ. Четумаль — столица одноименной «провинции» на юго-восточном побережье Юкатана — состоял к моменту испанского завоевания из 2000 домов [36].

По данным этнографов, средняя семья индейцев майя, проживающая в одном доме, насчитывает обычно пять-шесть человек. Если принять эти сведения за основу при наших расчетах, то, исходя из числа домов, население Четумаля будет равно 10—12 тыс. человек, Чампотона — 40—48 тыс., Ицамканака — 5—6 тыс., Кониля — 25—30 тыс. и т. д. При всей своей внешней условности эти цифры, видимо, близки к действительным, поскольку, как мы увидим ниже, весьма сходную статистику дают и другие виды источников (см. налоговый ценз 1549 г.).

Какова же была внутренняя структура более крупных территориально-политических объединений — юкатанских «провинций»? Как уже отмечалось, всего на полуострове их было около 16. Границы «провинций» неоднократно изменялись на протяжении столетий. Не все «провинции» достаточно полно освещены в источниках, что затрудняет, безусловно, какие-либо точные расчеты и вычисления. Однако задача облегчается тем, что в 1549 г., спустя считанные годы после завоевания, испанская администрация, стремясь наиболее эффективно организовать систему налогообложения в новых владениях, провела поголовную перепись населения. Правда, полученные цифры относятся уже к сильно сократившемуся от войн, болезней и лишений индейскому населению. Но если учесть, что степень потерь в силу различных причин была в разных провинциях далеко не одинаковой, то, на мой взгляд, можно принять за основу выкладки американского исследователя У. Сандерса, который считает показатели ценза 1549 г. уменьшенными по сравнению с доиспанским периодом в среднем в два раза. Ниже следует таблица с данными по 9 из 16 «провинций» Юкатана XVI в., составленная У. Сандерсом [37]. Размеры этих «провинций» колеблются от 1200 до 9000 *км*^{2}, население — от 30 до 120 тыс. чел. Средняя плотность населения составляет от 10 до 34 чел. на 1 *км*^{2} площади.

«Провинция»	Площадь, *км*^{2}	Численность населения, тыс. чел.		
		по цензу 1549 г.	перепись 1940 г.	накануне конкисты (предположительно)
Купуль	9000	54	60	100
Чакан	1500	15	15	30
Кенпеч	2400	40	37	80
Хокаба	1200	15	15	30
Ах-Кин-Чель	5000	40	38	80
Сотута	2000	15	10	30
Чикинчель	5000	Нет данных		70?
Ах-Кануль	5000	26	38	52
Мани	8000	32,5	65	65—120

Наиболее могущественными из этих небольших, постоянно враждовавших друг с другом государств были Ах Кануль, Мани (Тутуль Шив) и Сотута. «Провинция» Мани, названная так по имени столицы — городу Мани, занимала в XVI в. около 8000 *км*^{2} и имела от 65 до 120 тыс. жителей. В структурном плане она состояла из столицы (Мани), где еще в

[36] *G. Fernandez de Oviedo y Valdes.* Historia general y natural de las Indias, Islas y Tierra Firme del Mar Oceano, t. III. Madrid, 1853, p. 227—230, 242—244.

[37] *W. Sanders.* Cultural ecology of the Maya lowlands. «Estudios de Cultura Maya», pt. I, vol. II. Mexico, 1962, p. 94.

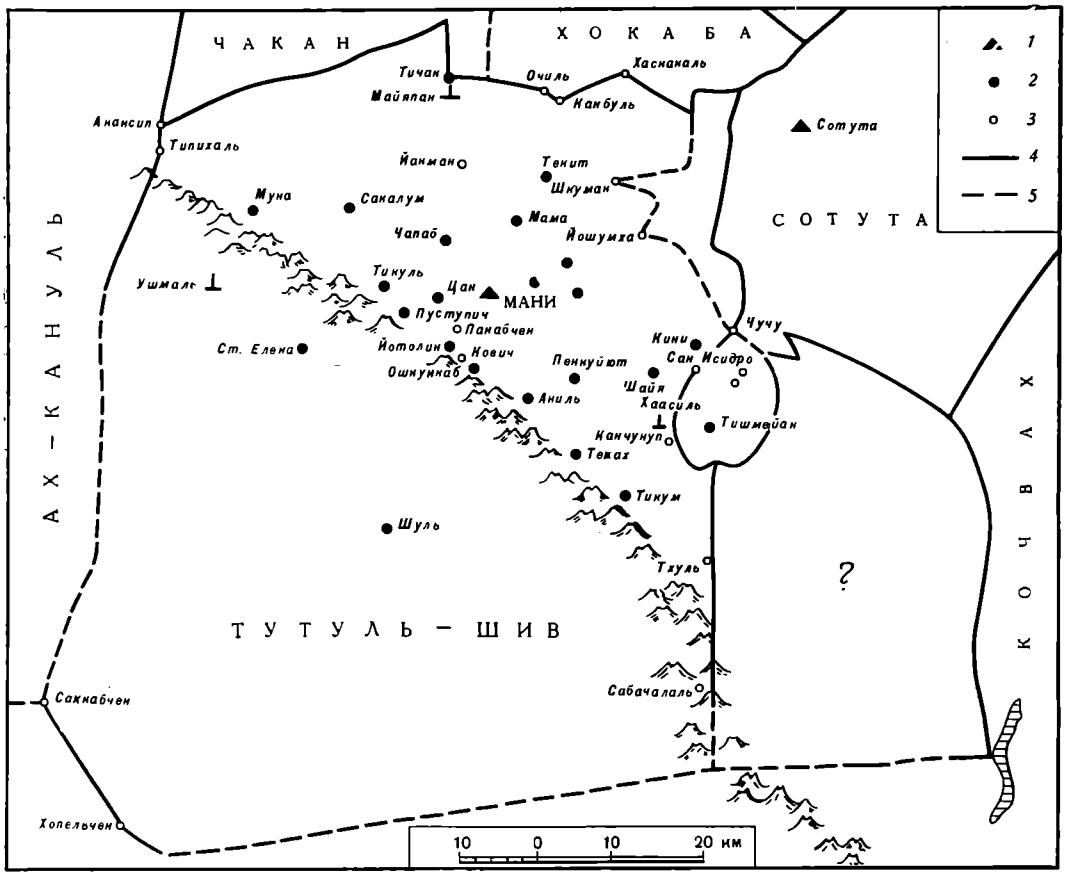


Рис. 3. Карта провинции Мани в XVI в. (по Р. Ройсу, 1957). *1* — столицы государств; *2* – городки, крупные селения; *3* – деревни, мелкие селения; *4* – границы государств; *5* – неясные границы

1549 г. численность населения доходила до 5000 чел., и 25 более мелких городов и селений [38] (рис. 3). «Провинция» Сотута (площадь 2000 *км*^{2}, население до 30 тыс. чел.), хотя и уступала Мани по размерам, также имела в своем составе помимо столицы (город Сотута) еще 17 городков и селений [39].

В глубине девственных тропических лесов Северной Гватемалы, в районе озера Петен-Ица, с XIII и вплоть до конца XVII в. существовало государство майя-ицев, столицей которого был островной город Тайясаль. Судя по описаниям испанских хронистов, в Тайясале находился дворец правителя государства из рода Канека, 21 храм и святилище, а вся остальная площадь острова (окружностью около 4 *км*) была тесно застроена жилищами горожан. Кроме того, в «провинцию» ицев входило еще четыре других острова, меньших по размерам, и ряд владений по берегам озера. Всего, по словам монаха Авенданьо, в 1696 г. здесь насчитывалось 24—25 тыс. чел. [40] Известно также, что в случае необходимости ицы могли выставить до 10 тыс. воинов [41], т. е. практически все взрослое мужское население.

Важные сведения о внутренней структуре небольших государств юкатанских майя в XVI в. дает испанский хронист Овьедо. В его работе

---

[38] *R. Roys.* The political geography..., p. 61—70.

[39] Ibid., p. 93—101.

[40] *P. Means.* History of the spanish conquest of Yucatan and of the Itzas. PPM, vol. VII. Cambridge, Mass., 1917, p. 19—22.

[41] *S. Morley.* The inscriptions of Peten. GJWP, No. 437, vol. 1. Washington, 1938, p. 59.

приводится термин «столица государства» (cabecera de una provincia), часто указываются расстояния, пройденные конкистадорами от одного крупного населенного центра до другого (в среднем это расстояние составляет 2—3 лиги, т. е. 10—15 *км*), подчеркивается, что в каждую «провинцию» помимо метрополии входил ряд меньших по величине городов и селений, образующих подчиненную столице округу [42].

В период конкисты один из крупнейших городов юкатанских майя — Саци (Saçi) имел в своем подчинении до 40 других селений, расположенных в пределах дневного пути, и еще большее число селений в радиусе до 15 лиг (75 *км*). Испанские хроники сообщают о политическом господстве Саци над всем этим обширным районом и часто описывают его центральный храм, стоящий на вершине высокой пирамиды (указание на то, что город был и важным культовым центром). В 1579 г. в «провинции» жило еще до 10 тыс. чел.[43]

Известно, что границы между «провинциями» служили предметом особой заботы со стороны местных правителей. Они часто совершали обходы границ, отмечая их либо специальными искусственными сооружениями (пирамидами из камней, деревянными крестами и т. д.), либо по наиболее заметным природным ориентирам (скала, источник, одинокое большое дерево). Для охраны границ выделялись специальные стражники. На оригинальных картах доиспанского происхождения были тщательно нанесены все города и селения «провинций» вместе с их землями [44].

Прежде чем перейти непосредственно к археологическим данным I тысячелетия н. э., необходимо сказать несколько слов о Майяпане, крупнейшем культурном и политическом центре Юкатана в XIII—XV вв. н. э. Дело в том, что этот город не только описан в письменных источниках, но и детально изучен археологически. Это превращает его в особенно удобный инструмент для связи с памятниками более раннего времени.

Майяпан окружен каменной стеной 9-километровой длины, имеющей 12 ворот. Эти укрепления обрамляют огромный овал площадью в 4,2 *км*^{2}. Примерно посредине его находится компактный ритуально-административный центр, занимающий территорию до 6,4 *га* и состоящий примерно из 100 крупных каменных построек. Он тщательно спланирован в виде четырехугольника вокруг главного городского храма «Эль Кастильо» и отделен от остальной части города невысокой каменной стеной. Помимо храмов сюда входят также жилища знати и жрецов. Ритуально-административные постройки составляют лишь 3,5% от общего числа зданий, выявленных в Майяпане. Подавляющее большинство их, по определению археологов, является жилыми домами. Обычно они группируются по два-четыре здания вокруг небольших прямоугольных двориков. Часто каждая из таких миниатюрных групп ограждена низкой стеной, обрамлявшей, по-видимому, домовые участки. Какого-либо подобия улиц в городе нет. Постройки в целом образуют беспорядочную и хаотичную массу. Но плотность их значительно возрастает по мере приближения к ритуально-административному центру. Единственный источник воды в городе, как и в большинстве других районов Юкатана,— естественные карстовые колодцы (майяск. «сеноты»). Интересно отметить, что из 26 имевшихся в Майяпане «сенотов» подавляющее большинство находилось как раз в пределах центрального «священного квартала». По весьма осторожным подсчетам специалистов, население города в момент его наивысшего расцвета составляло не менее 11—12 тыс. чел. [45]

---

[42] *G. Fernandez de Oviedo y Valdes.* Op. cit., p. 227—230.

[43] *R. Roys.* The titles of Ebtun. CJWP, No. 505, 1939, p. 60.

[44] *A. Villa Rojas.* Notas sobre la tenencia de la tierra entre los Mayas de la antigüedad. ECM, vol. I, 1961, p. 24; *R. Roys.* The indian background..., p. 180—193.

[45] *I. H. Pollock, R. Roys, T. Proskouriakoff, A. Smith.* Mayapan, Yucatan, Mexico. CJWP, No. 619, 1962, p. 205—211.

Города майя в I тысячелетии н. э.

30 лет назад С. Морли назвал только для территории Северной (п-ов Юкатан) и Центральной (Южная Мексика и Северная Гватемала) областей майя 180 известных тогда «ритуальных центров» классического периода. С тех пор это число постоянно росло по мере открытия и изучения новых археологических памятников. Однако 90% из них никогда не подвергалось систематическим раскопкам и в лучшем случае обследовано лишь поверхностно. Обычно работавшие там экспедиции (главным образом из США) наносили на карту наиболее поздние, видимые на поверхности крупные каменные постройки в центральной части города, а также описывали его эпиграфику и скульптуру. За прошедшие полвека более или менее полно раскопано примерно полтора десятка майяских памятников классического времени, но и в этих случаях основное внимание археологов было сосредоточено преимущественно на религиозном и политико-административном аспектах городской жизни. Исследовались, как правило, только храмы и дворцы с их эффектными находками: иероглифические тексты, фрески, каменная скульптура.

В результате такого одностороннего подхода мы располагаем сейчас довольно обширными материалами о жизни верхних слоев майяского общества в I тысячелетии н. э. и почти ничего не знаем о повседневной жизни основной массы населения — земледельцев, ремесленников и т. д.

Учитывая современное состояние источников, сейчас можно говорить лишь о частичной типологии и классификации поселений майя классического периода. В данной работе делается попытка выделить из общей массы известных сейчас «центров» древней культуры майя только столицы вероятных городов-государств (рис. 4). Правда, если исходить из приведенных выше данных по Месопотамии и юкатанским майя X—XVI вв., то можно предполагать, что фактически большинство ранних городов там и состояло как раз из «номовых» столиц.

Методически выделение столичных центров I тысячелетия н. э. на территории майя производится на основе трех видов признаков.

Первый из них связан с тем очевидным фактом, что столица города-государства — это одновременно и место пребывания правителя (царя) и его двора[46]. Таким образом, все археологические сведения, доказывающие наличие в данном «центре» царской резиденции, подходят и для наших целей. К числу таких сведений, на мой взгляд, относятся: а) наличие дворцовых комплексов; б) наличие царских погребений; в) наличие сюжетов и мотивов искусства, связанных с прославлением личности правителя и его деяний и их общее количество на разных видах памятников (стелы, алтари, резные притолоки, настенные росписи и т. д.).

Второй вид признаков—присутствие в данном «центре» значительного числа крупных каменных храмов и святилищ, доказывающих, что перед нами — важный религиозный центр определенной территории.

Третий вид признаков — количественные показатели: для того чтобы данный населенный пункт мог быть отнесен к разряду столиц, он должен иметь достаточно крупные размеры (площадь города, численность населения, общее число монументальных архитектурных сооружений и жилых построек и т. д.).

При выделении столиц необходимо учитывать весь названный выше **комплекс** признаков, а не один из них, произвольно вырванный из общего контекста (например, число резных стел и т. д.). Когда все необходимые сведения будут подвергнуты анализу и систематизированы, следует рассмотреть соотношение каждого такого «центра» с соседними во времени и пространстве.

---

[46] *Р. А. Грибов.* Северомесопотамский город в конце XIX — первой половине XVIII в. до н. э. по текстам из Мари. Сб. «Древний Восток. Города и торговля. III—I тыс. до н. э.». Ереван, 1973, стр. 22.

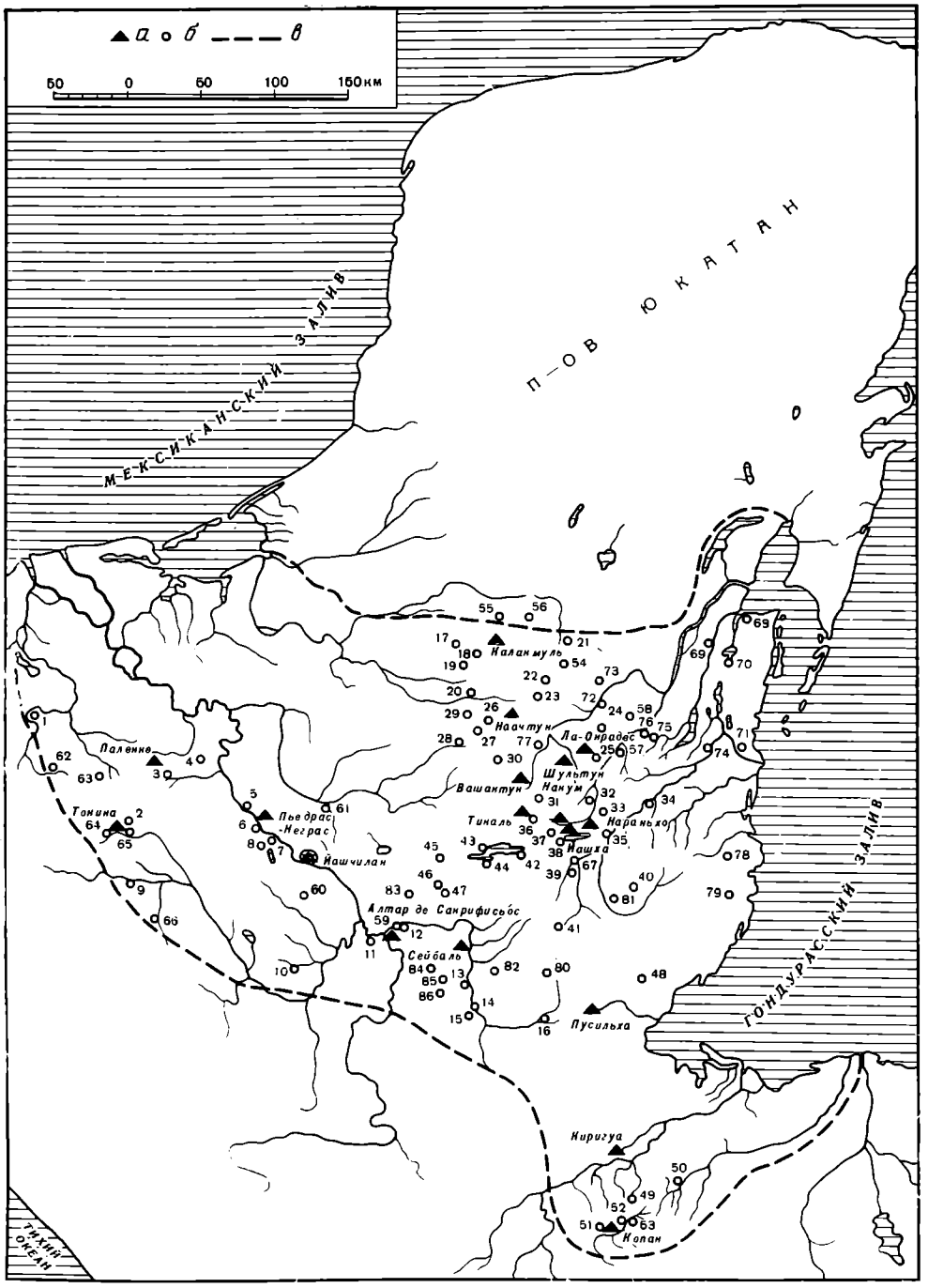


Рис. 4. Города майя в I тысячелетии н. э. (Центральная область). *а* — предполагаемые столицы городов-государств I тысячелетия н. э.; *б* — прочие древние центры; *в* — границы Центральной области майя. 1 — Тортугеро, *2* — Санто Тон, *3* — Шупа, *4* — Чиникиха, *5* — Порвенир, *6* — Будсильха, *7* — Эль Кайо, *8* — Ла Мар, *9* — Санта Элена Поко Виник, *10* — Цендалес, *11* — Эль Пабельон, *12* — Агуас Кальентес, *13* — Ла Реформа, *14* — Канкуэн, *15* — Сан Диего, *16* — Цункаль, *17* — Сасильха, *18* — Паред де лос Рейес, *19* — Лос. Тигрес, *20* — Ушуль, *21* — Пласерес, *22* — Альта Мира, *23* — Балакбаль, *24* — Чочкитам, *25* — Шмакабатун, *26* — Ла Муралья, *27* — Сакаталь, *28* — Насимьенто, *29* — Мирадор, *30* — Санта Роса, *31* — Эль Энканто, *32* — Хольмуль, *33* — Чунхуиц, *34* — Бейкинг Пот, *35* — Бенке Вьехо, *36* — Волантун, *37* — Сан Клементе, *38* — Топоште, *39* — Уканаль, *40* — Цимин Каш, *41* — Ишкун, *42* — Ишлу, *43* — Мотуль де Сан Хосе, *44* — Флорес, *45* — Ицимте, *46* — Пололь, *47* — Чакантун, *48* — Лубаантун, *49* — Параисо, *50* — Лос Игос, *51* — Асьенда Гранде, *52* — Санта Рита, *53* — Рио Амарилья, *54* — Эль Пальмар, *55* — Ошпемуль, *56* — Шамантун, *57* — Кашвиник, *58* — Ла Мильпа, *59* — Ла Амелия, *60* — Бонампак, *61* — Ла Флорида, *62* — Тила, *63* — Чуктиепа, *64* — Кешиль, *65* — Пестак, *66* — Эль Амаро, *67* — Йалтитуд, *68* — Серрос, *69* — Нохмуль, *70* — Сан Эстебан, *71* — Альтун Ха, *72* — Киналь, *73* — Рио Асуль, *74* — Индиан Черч, *75* — Сан Хосе, *76* — Кашаль Виник, *77* — Эль Параисо, *78* — Помона, *79* — Кендаль, *80* — Поптун, *81* — Караколь, *82* — Мачакила, *83* — Ицан, *84* — Дос Пилас, *85* — Тамариндито, *86* — Агуатека

На основе практического применения вышеназванных признаков мною в сугубо предварительном плане выделено 18 таких городов-столиц для Центральной области майя[47]. Не все они в равной мере убедительно обоснованы фактическим материалом, но это целиком зависит от современного состояния источников. Ниже приведен список предполагаемых столиц городов-государств майя для Центральной области в I тысячелетии н. э.: Тикаль, Вашактун, Нараньхо, Шультун, Йашха, Накум, Ла Онрадес, Наачтун, Калакмуль, Копан, Киригуа, Сейбаль, Алтар де Сакрифисьос, Йашчилан, Пьедрас Неграс, Паленке, Тонина, Пусильха.

Поскольку в рамках журнальной статьи невозможно дать подробное изложение материалов по всем названным выше городам, я ограничусь лишь крупнейшим и наиболее изученным столичным центром майя в I тысячелетии н. э.— Тикалем. Он находится в департаменте Петен, (Северная Гватемала), в зоне влажных тропических лесов, и расположен на широкой известняковой равнине, пересеченной цепями каменистых холмов, болотами и оврагами. Осадки (до 135 *см* в год) выпадают здесь преимущественно в дождливый летний сезон (с июня по декабрь). Постоянных источников воды, кроме влажных болотистых низин, здесь нет, и, видимо, в древности в сухое время года жители города пользовались водой, собранной во время дождей в искусственных резервуарах. Судя по данным пыльцевого анализа, за последние 2000 лет климат не претерпел здесь сколько-нибудь существенных изменений.

Первые следы пребывания человека на территории Тикаля относятся к первой половине I тысячелетия до н. э. Если же исходить только из дошедших до нас календарных дат по эре майя, запечатленных на каменных монументах города, то он существовал с 292 г. (стела 29) до 889 г. н. э. (стела 11).

В 1956—1967 гг. в Тикале работала археологическая экспедиция Музея Пенсильванского университета (США). Была составлена подробнейшая карта всех руин, видимых на поверхности, на площади примерно в 16 *км*^{2} и произведены раскопки в различных районах города[48].

При взгляде на карту (см. рис. 5) видно, что в момент своего наивысшего расцвета (VIII в. н. э.) Тикаль занимал довольно значительную территорию и состоял из двух четко выраженных частей: а) политико-административного и ритуального центра (1—1,5 *км*^{2}) и б) районов интенсивной жилой застройки вокруг него (4—4,5 *км*^{2}). В пределах центрального ядра, разбитого вокруг главной площади города, сосредоточены почти все его крупные общественные здания — храмы и дворцы (до 300), подавляющая часть резных монументов (стел, алтарей и притолок) и все известные до сих пор богатые захоронения (рис. 6). Важнейшие ансамбли построек соединены между собой широкими каменными дорогами-дамбами. Они стоят обычно либо на высоких пирамидальных основаниях, либо группируются на вершинах искусственных и естественных холмов с крутыми откосами — «акрополях». Наличие «акрополя» (или нескольких) — характерная черта планировки почти всех крупных классических городов Центральной области майя.

Жилые районы Тикаля распадаются на отдельные скопления и группы построек, общее число которых еще точно не установлено. Есть там и отдельные ритуально-административные здания второстепенного (по сравнению с центром) значения. Очаговый характер планировки Тикаля объясняется прежде всего изрезанным рельефом местности — наличием большого числа болотистых низин, оврагов и холмов. Здесь нет и не

---

[47] Центральная область (см. карту), наиболее изученная археологически, содержит подавляющее большинство важнейших центров майя I тысячелетия н. э. Всего на ее территории выявлено сейчас до 100 различных памятников классического периода.

[48] Наиболее общую сводку об этих исследованиях см.: *W. R. Coe* Tikal. Guia de las antiguas ruinas Mayas. Philadelphia, 1971.

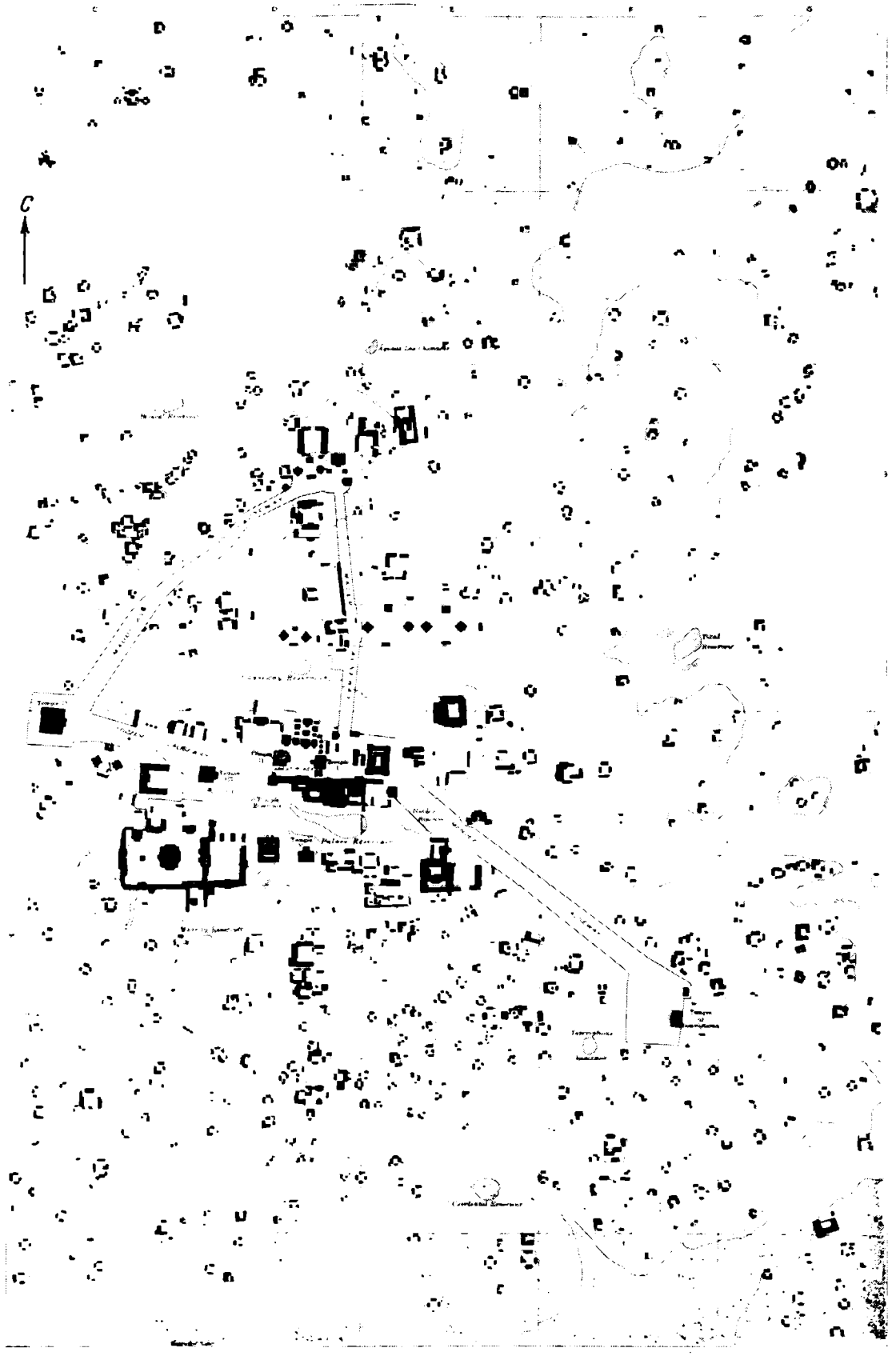


Рис. 5. Общий план Тикаля (М: 1 *см* — 185 *м*)

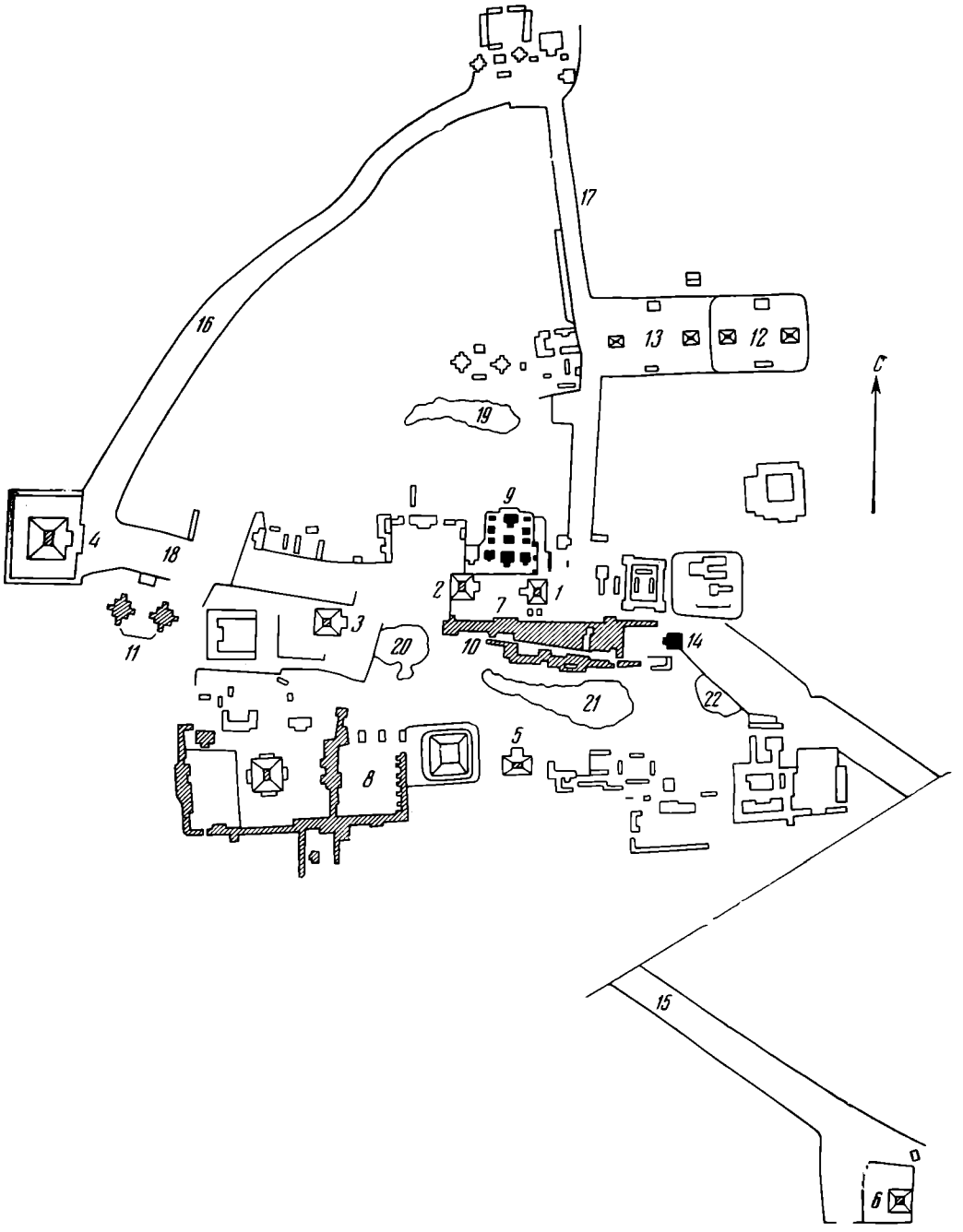


Рис. 6. Схематический план центральной части Тикаля: *1* — храм 1 («Храм Гигантского Ягуара»), *2* — храм 2 («Храм Масок»), *3* — храм 3 («Храм Жреца-Ягуара»), *4* — храм 4 («Храм Двухголовой змеи»), *5* — храм 5, *6* — храм 6 («Храм Надписей»), *7* — Главная площадь, *8* — Площадь семи храмов, *9* — Северный Акрополь, *10* — Центральный Акрополь, *11* — комплекс «N» пирамид-близнецов, *12* комплекс «Q» пирамид-близнецов, *13* — комплекс «R» пирамид-близнецов, *14* — храм теотихуаканского стиля, *15* — дамба Мендеса, *16* — дамба Моудсли, *17* — дамба Малера, *18* — дамба Тоззера, *19* — «Водоем близ дамбы», *20* — «Храмовый водоем», *21* — «Дворцовый водоем», *22* — «Скрытый водоем»

могло быть длинных прямых улиц. Основной связывающей единицей, вокруг которой группируются все жилые постройки, служил прямоугольный дворик, ориентированный, как правило, по странам света. Общее число построек в каждом таком микроансамбле обычно от двух до пяти. Несмотря на внешне беспорядочное расположение этих жилищ на мест-

ности, они, во-первых, имеют тенденцию увеличивать свое число по мере приближения к центру; а во-вторых, ставились в подавляющем большинстве случаев лишь на сухих, возвышенных местах, облегчавших естественный дренаж в сезон дождей (поэтому в болотистых низинах никаких признаков застройки не обнаружено). Важно отметить, что в отличие от ряда других крупных городов майя I тысячелетия н. э. (например, Алтар де Сакрифисьос, Вашактун), где налицо все признаки «кочующего» в пределах городских границ политико-административного центра (что связано, вероятно, со сменой царских династий и строительством в связи с этим новой резиденции и сопутствующих ей храмов) [49], в Тикале основной центр всегда оставался неизменным — в районе главной площади и прилегающих к ней участков.

Определение точных границ любого древнего памятника из Центральной области майя всегда представляет для исследователя одну из труднейших задач. Во-первых, у городов майя I тысячелетия н. э., как правило, отсутствовала внешняя линия укреплений в виде стен, рвов, валов и палисадов. Во-вторых, разного рода постройки, сконцентрированные небольшими группами вокруг прямоугольных двориков и площадей, тянутся обычно на много километров в стороны от главного ритуально-административного ядра города, незаметно «сливаясь» с соседними городами и селениями. И в-третьих, как правило, вся площадь города покрыта здесь густыми зарослями вечнозеленого тропического леса, что практически почти исключает возможность рассмотреть что-либо не только с земли, но и с воздуха.

Однако в Тикале после широких работ по расчистке руин от растительности удалось нанести на карту, как уже говорилось, около 16 *км*^{2} в центре и вокруг него, что и позволило некоторым исследователям рассматривать сначала эту территорию в качестве основной при определении границ города [50]. Ситуация изменилась в 1965 г., когда лесную чащу в районе Тикаля прорезали четыре 12-километровые просеки, разбитые строго по странам света. Цель этого трудоемкого проекта состояла в том, чтобы определить степень концентрации построек в центральной зоне города и на его периферии. И здесь неожиданно выяснилось, что в 4,5 *км* к северу и в 8 *км* к юго-востоку от центра Тикаля имеется полоса внешних оборонительных сооружений в виде валов и рвов [51]. С этой находкой вроде бы получились вполне осязаемые границы древнего города: на севере и юге — это линия укреплений, а на западе и востоке — естественные границы в виде обширных болот («бахос»), не пригодных для обитания, причем на севере концы валов и рвов упирались в эти самые болота, образуя довольно четкую внешнюю границу. Не удивительно, что уже в 1970 г. один из непосредственных исследователей Тикаля У. Хевиленд выступил с утверждением, что площадь города в момент его наивысшего расцвета (около 770 г. н. э.) составляла не менее 123 *км*^{2}. Это именно та площадь, которая ограничена линией внешних укреплений [52]. Правда, другие исследователи доводят площадь, занимаемую Тикалем, до 160 *км*^{2} [53].

На мой взгляд, эти авторы смешали два разных понятия: сам город как таковой и его населенную округу. Внешняя линия укреплений ограждала не Тикаль, а всю его земельную территорию, включая и более мелкие городки и селения. Укрепления эти служили одновременно и чет-

---

[49] Аналогичная практика существовала и в древнем Египте. См.: *А. В. Бунин.* История градостроительного искусства, т. 1. М., 1953, стр. 20—22.

[50] *W. Haviland.* Prehistoric settlement at Tikal, Guatemala. Expedition, vol. 7, No. 3. Philadelphia, 1965, p. 15.

[51] *D. E. Pulestone and D. W. Callender.* Defensive earthworks at Tikal. Expedition, vol. 9, No. 3, 1976, p. 40—48.

[52] *W. A. Haviland.* Tikal, Guatemala..., p. 190.

[53] *W. R. Coe.* Tikal. Guia de las ruinas..., p. 107.

ким пограничным рубежом тикальских владений, и достаточно надежной защитой от набегов извне.

Какую же территорию занимал в таком случае собственно Тикаль? При взгляде на карту можно заметить, что с востока, примерно в 1 *км* от главной площади, начинается обширное болото — Бахо де Санта Фе и жилая застройка здесь, естественно, сходит почти до минимума. На западе плотность застройки резко уменьшается сразу же за гигантской пирамидой Храма 4, удаленного от центральной площади примерно на 1 *км*. В северном направлении количество построек на единицу площади заметно уменьшается в 1,5—2 *км* от центра, а на юге — в 1,5 *км*. Следовательно, район наиболее интенсивной концентрации построек в Тикале — это зона вокруг центра города площадью примерно в 5—6 $км^2$. За ее пределами плотность застройки сразу уменьшается в несколько раз. Это и есть собственно Тикаль — столица довольно крупного города-государства. Остальные 115—155 $км^2$ приходятся на долю его округи, включая и территорию зависимых городков и селений.

В результате исследований археологов США удалось установить, что на площади в 16 $км^2$ «центральной зоны» Тикаля имеется до 3000 различных построек разного назначения и величины. Примерно 300 из них (т. е. 10%) составляют здания дворцового типа и храмы, сразу же исключенные из дальнейших расчетов. Оставшиеся 2700 зданий небольших размеров, видимо, представляют собой жилые дома разных групп городского населения. Однако при интенсивных раскопках 117 таких построек выяснилось, что не все они были домами: до 16% от общего их числа приходится на всякого рода вспомогательные и нежилые здания: кухни, кладовые, бани, семейные святилища и т. д. Исключив из 2700 построек 16% на эту категорию, мы получим 2200 «чистых» жилищ на площади в 16 $км^2$. Однако в действительности эта площадь будет значительно меньше, так как примерно 25—30% всей территории Тикаля приходится на долю необитаемых болотистых низин и оврагов.

Раскопки, шурфовка и сбор подъемного материала на значительной части этих 2200 построек позволили У. Хевиленду предположить, что все они были обитаемы к 770 г. н. э. Этот же автор взял на основе современных этнографических наблюдений за юкатанскими майя цифру 5,6 человека на одну семью (один дом) для своих расчетов по древнему Тикалю. В итоге получалась цифра в 10—11 тыс. чел для центральной зоны в 16 $км^2$ [54]. Для всей же территории города (свыше 120 $км^2$) он предполагает, исходя из тех же принципов, население в 45 тыс. чел. [55] По данным У. Хевиленда, средняя плотность населения в «центральной зоне» Тикаля (63 $км^2$) составляла в среднем 600—700 чел. на 1 $км^2$, а в «периферийной зоне» (60 $км^2$) — не более 100 чел. на 1 $км^2$ [56].

На мой взгляд, цифра в 5,6 человека на одну семью, во-первых, несколько занижена, а во-вторых, неудобна при подсчетах. Поэтому (исходя из данных крупнейшего мексиканского этнографа А. Вилья Рохаса — 6,3 человека на одну семью майя) я предлагаю округленную цифру — 6 человек. Это даст нам 13 200 жителей для зоны в 16 $км^2$. Но, как мы знаем, застройкой была занята далеко не вся эта площадь (25—30% ее приходится на необитаемые болотистые низины — «бахос»), и, следовательно, фактическая плотность будет еще выше (до 1100 чел. на 1 $км^2$). Далее, из наших слов вытекает, что собственно Тикаль занимает не 16, а только до 6 $км^2$, а остальное — его округа. Исходя из средней плотности в 1100 чел. на 1 $км^2$, мы получим, таким образом, для городской зоны Тикаля население в среднем до 6600 чел. Сюда же нужно

---

[54] *W. Haviland.* Prehistoric settlement..., p. 15—19.
[55] *W. Haviland.* Tikal, Guatemala..., p. 193.
[56] Ibidem.

добавить обитателей дворцов, чиновников, воинов, жрецов и их слуг, живших в ритуально-административном центре. Р. Адамс предположил на основе сложных подсчетов для дворцов Вашактуна (по общему метражу спальных мест), что в среднем их население составляло от населения города с округой около 2% [57]. Как известно, в Тикале с округой было приблизительно 45 тыс. жителей. Следовательно, население его дворцов в самом грубом приближении доходило до 900 чел. (2%). Если условно предположить, что рядовые жрецы, воины, слуги и чиновники по меньшей мере в два раза превосходили по своей численности дворцовую элиту, то мы получим еще 1800 чел. В целом на ритуально-административный центр приходится 3 тыс. чел.

Таким образом, для собственно Тикаля наши подсчеты составят 8—9,5 тыс. чел. Эта цифра вполне отвечает средней численности наиболее ранних городов Месопотамии (Ур, Хафадж) и целиком совпадает с хорошо документированными сведениями по Майяпану (XIII—XV вв. н. э.). Налицо и прямое сходство планировки и внутренней структуры всех названных здесь городских центров: 1) «священный квартал» («теменос»), включающий все важнейшие политико-административные и культовые постройки города, и 2) окружающие его жилые районы основной массы городского населения.

Специфической для Тикаля чертой является отсутствие укреплений вокруг самого города и в силу этого более широкий и разбросанный характер городской застройки по сравнению с шумерским или позднемайясским городом.

Что же касается принадлежности Тикаля к классу столиц, то этот тезис не вызывает сомнений ни у одного из исследователей. Тикаль уже с последних веков до нашей эры стал важным политико-административным и культовым центром Северо-Восточной Гватемалы. Там обнаружено свыше 208 каменных монументов, около 300 крупных храмовых и дворцовых построек, заупокойные царские храмы и погребения персонажей высокого ранга под ними, многочисленные мотивы искусства, связанные с личностью правителя и прославлением его деяний. Наконец, в пользу этого говорят и огромные размеры города и численность его населения.

Несколько слов необходимо сказать и по поводу округи Тикаля. В настоящее время вокруг города выявлено еще девять городков и селений, существовавших в I тысячелетии н. э. Все они находятся в пределах 10—15-километровой зоны (рис. 7), обычной для сельскохозяйственной округи крупных городских центров древности (см. шумерский Урук, юкатанские города XVI в.). По своим размерам, количеству и качеству монументальных построек и произведений искусства они далеко уступают метрополии. Семь городков и селений находятся непосредственно в пределах линии внешних оборонительных укреплений Тикаля: Чикин-Тикаль (в 3,5 *км* к западу от главной площади), Канмуль (3,5*км* к западу), Авила (3,2 *км* к юго-востоку), Бобаль (4,8 *км* к югу), Волантун (5,5 *км* к юго-востоку), Коросаль (6,5 *км* к востоку) и Навахуэлаль (9 *км* к югу). И только два памятника — Эль Энканто (11,2 *км* к северо-востоку) и Химбаль (12,5 *км* к северо-северо-востоку) — расположены за пределами этих внешних границ. Однако те немногочисленные сведения, которыми мы располагаем для Эль Энканто, уверенно позволяют связывать данный центр со сферой влияния Тикаля. Дело в том, что там найдены две каменные храмовые пирамиды и одна резная стела с датой 598 г. н. э. Последняя имеет изображения с трех сторон (фасад и боковины), что часто встречается и на тикальских стелах. Весь стиль изображения и

[57] *R. E. Adams.* A trial estimation of classic Maya palace population at Uaxactun. «Mesoamerican archaeology. New Approach». Austin, 1974, p. 285—297.

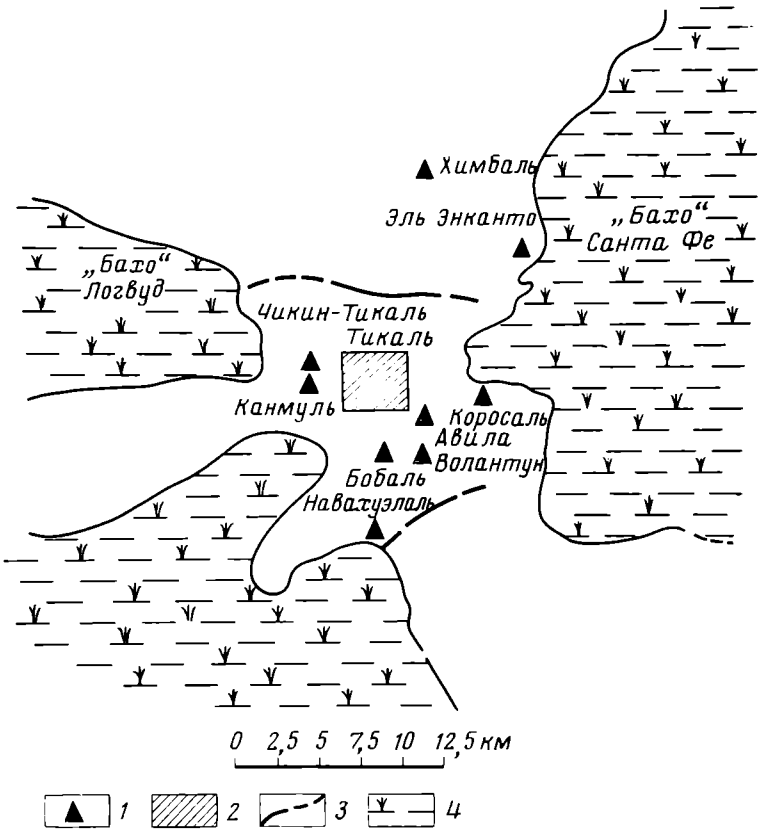


Рис. 7. Округа Тикаля (по У. Ко, 1967). *1* — мелкие селения; *2* — город Тикаль; *3* — линия внешних укреплений; *4* — болота — «бахос»

форма иероглифов здесь также ближе всего к тикальским традициям (стелы 3, 8, 9 и 12) [58].

Та же картина наблюдается и в небольшом городке Волантуне, с его одной храмовой пирамидой и единственной резной стелой (409 г. н. э.). По стилю изображения и числу резных поверхностей волантунский монумент весьма напоминает скульптуры Тикаля [59]. К сожалению, о других поселениях тикальной округи мы не располагаем пока сколько-нибудь полными сведениями.

К близким выводам, на материалах археологической разведки в Северо-Восточной Гватемале, пришел исследователь из США У. Буллард. Он установил, что минимальные размеры округи для каждого крупного «ритуального центра» в I тысячелетии н. э. составляли в среднем около 100 *км*^{2}, а население — от 3 до 10 тыс. чел. [60]

Как правило, расстояние между двумя ближайшими крупными городами Центральной области майя в I тысячелетии н. э. равно 15 *км* [61]. Это целиком совпадает с данными письменных источников по юкатанским городам XVI в. (2—3 лиги равны 10—15*км*) и указывает на то минимальное пространство, которое могло отделять одну предполагаемую столицу от другой.

---

[58] *S. Morley.* The inscription of Peten..., vol. I, p. 267.

[59] Ibid., p. 262—265.

[60] *W. R. Bullard.* Settlement pattern and social structure in the Southern Maya lowlands during the Classic period. AMCJA, t. I. Mexico, 1964, p. 281, 282.

[61] *N. Hammond.* The distribution of Late Classic Maya major ceremonial centers on the Central Area. «Mesoamerican archaeology. New Approach». Austin, 1974, p. 322, table I.

В итоге можно прийти к следующим выводам.

1. Несмотря на все своеобразие и специфику, крупные политико-административные, экономические и ритуальные центры майя I тысячелетия н. э. по своим внешним признакам, структуре и функциям целиком подходят под определение раннего города, каким оно вырисовывается на материалах других регионов земного шара.

2. Налицо определенное сходство майяского классического города с месопотамским (Шумер), что связано, безусловно, с принадлежностью их к одной социально-экономической формации.

3. Для теоретической разработки проблемы раннего города особенно важны данные о **первичных очагах** городской цивилизации: в Старом Свете — Месопотамия и Египет; в Новом — Мезоамерика и Перу, где процесс возникновения и развития города протекал в «чистом виде», без влияния более высоких культур извне.

4. Видимо, можно считать доказанным, что в этих первичных очагах наиболее ранней формой территориально-политической организации явились так называемые города-государства («номы» по И. М. Дьяконову), т. е. крупные городские центры (столицы) и подчиненная им округа.

5. С течением времени наблюдается тенденция к укрупнению этих первоначальных территориально-политических единиц («городов-государств») в более широкие, хотя и непрочные государственные образования, когда один более сильный «ном» подчинял себе с помощью завоеваний, династических браков, союзов или интриг несколько соседних «номов», заставляя их, как правило, выплачивать ему дань.

Видимо, дальше этой ступени майя и большинство других индейских народностей Мезоамерики так и не пошли, поскольку всякое их самостоятельное развитие было насильственно прервано испанским завоеванием.

V. I. Goulaiev

LES VILLES DES MAYAS

Résumé

Cet article est consacré à l'étude de la structure des villes-états dans les premières sociétés de classes de l'Ancien et du Nouveau Monde. Malgré toute leur originalité et leurs traits spécifiques (absence d'ouvrages défensifs extérieurs, plan «dispersé»), les importants centres politico-administratifs, économiques et rituels des Mayas, au Ier millénaire de n. è., par leurs caractères extérieurs, leurs fonctions et leur disposition intérieure, rentrent absolument dans la définition des plus anciennes villes, telle qu'elle apparaît à la lumière des documents provenant d'autres régions du monde.

Г. И. СМИРНОВА

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ТИПА САХАРНА-СОЛОНЧЕНЫ И ЖАБОТИН

(по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре)

В последние годы в советской археологической литературе появилось несколько работ, посвященных пересмотру и уточнению абсолютной хронологии памятников начала железного века в Молдавии [1], с одной стороны, и среднеднепровского Правобережья [2] — с другой. Для решения этих вопросов, а главное для правильного подхода к проблеме культурно-хронологического соотношения памятников типа Сахарна-Солончены и типа Жаботин на Среднем Днепре весьма существенное значение имеют материалы промежуточных территорий, юго-западной Подолии в частности.

Работами Юго-Подольской археологической экспедиции 1952—1953 гг. под руководством М. И. Артамонова в районе г. Могилев-Подольский было открыто и обследовано значительное количество памятников предскифского и скифского периода [3], которые по ряду причин до сих пор не были введены в научный оборот. Среди них особый интерес вызывают материалы курганов у с. Мервинцы и соответствующих ему поселений и городищ, учет которых весьма существен при изучении вопросов хронологического соотношения доскифских и раннескифских памятников лесостепной Молдавии и Украины.

Два небольших кургана находились в 2 *км* к западу от с. Мервинцы, на плато на левом берегу Мурафы, притока Днестра, на расстоянии 200 *м* один от другого.

Курган 1 имел круглую в плане насыпь, диаметром 14 *м* и высотой около 1 *м*, состоящую из перемешанных с землей камней. Диаметр каменной накладки 8,4 *м*. В центре курганной насыпи, на глубине 1,1 *м*, в материке, представленном каменистым грунтом, выдолблена прямоугольная в плане могильная яма, ориентированная по оси северо-запад — юго-восток. Первоначально выбивалась большая по размерам яма, которую затем сузили до 1,1×2,45 *м*. Стенки и дно ямы неровные, средняя глубина 0,3 *м* (рис. 1).

Курган 1 оказался разграбленным, в могиле найдено только несколько человеческих костей, среди которых обломки лопатки и ключицы, бедреная кость и часть таза. При снятии насыпи, в южном ее секторе,

---

[1] *А. И. Мелюкова.* О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. СА, 1972, 1, стр. 57.

[2] *В. А. Ильинская.* Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин. СА, 1973, 3, стр. 3; *ее же.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н э.). Киев, 1975, стр. 56—72; *Е. Ф. Покровская.* Предскифское поселение у с. Жаботин. СА, 1973, 4, стр. 181—186; *Е. Ф. Покровська.* Поховання VII—VI ст. до н. е. на р. Тенетинці. «Археологія», 17, 1975, стор. 70—72.

[3] *Г. И. Смирнова.* Археологические культуры лесостепной Правобережной Украины и Молдавии в VII—V вв. до н. э. Автореф. канд. дис., Л., 1954, стр. 5, 6; *М. И. Артамонов.* Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, 59, 1955, стр. 100. Материал хранится в фондах ОИПК ГЭ.

на разных глубинах обнаружены части железных однокольчатых удил, целые сосудики и их обломки, брошенные и разбитые при разграблении кургана. Здесь же встречались плохо сохранившиеся человеческие кости. Собранные кости не имели следов обожженности, за исключением нескольких обожженных косточек из верхнего слоя насыпи, найденных вместе с углем и золой.

Остеологический материал, собранный на разных участках насыпи кург. № 1, принадлежит трем лицам — взрослым мужчине и женщине

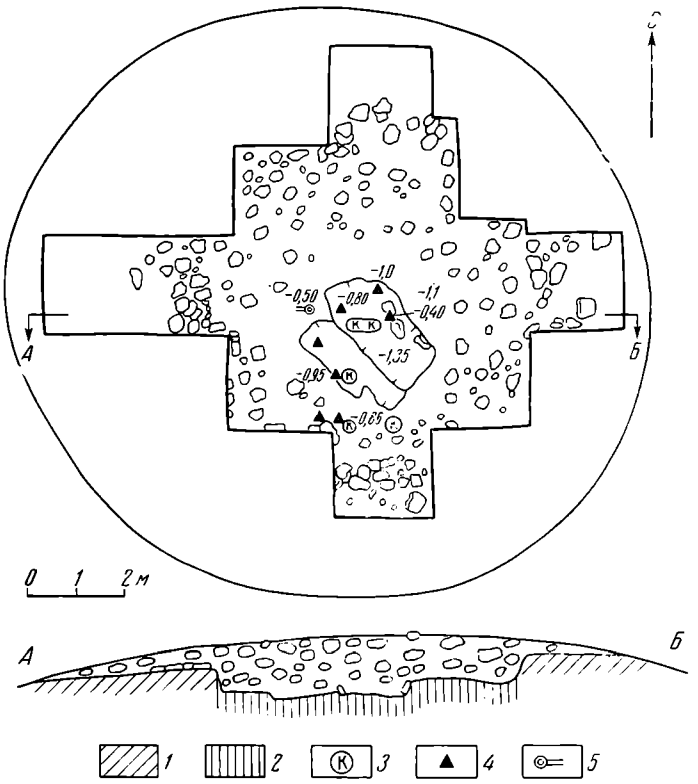


Рис. 1. План кургана 1 у с. Мервинцы: *1* — материковая глина, *2* — скала, *3* — кости, *4* — керамика, *5* — удила

и ребенку 11—12 лет. Скорее всего здесь было групповое захоронение, так как под курганом оказалась только одна могила.

В насыпи кург. 1 найдена керамика. Кубок — круглодонный, с короткой шейкой и отогнутым краем венчика. По округлому тулову украшен мелкими вертикальными каннелюрами, а по шейке — горизонтальными. Цвет его темно-серый, поверхность подлощеная (рис. 2, *4*). Черпак с глубокой чашечкой, украшенный по тулову тремя симметрично и вертикально расположенными короткими налепами с мелкими нарезками и едва заметными вертикальными узкими каннелюрами между ними. Дно чашечки уплощенное, ручка, возвышающаяся над краем, имеет на вершине невысокий приостренный выступ. Цвет сосуда серо-желтый (рис. 2, *1*). Глубокий круглодонный черпак серого цвета. Чашечка имеет S-видный профиль, при этом у нее резко выражен переход от венчика в тулово. Ручка не сохранилась (рис. 2, *3*). Фрагмент черпака с ленточной ручкой, заканчивающейся небольшим выступом-шишечкой (рис. 3, *2*). Сосуд орнаментирован оттисками мелкозубчатого штампа и штампа в виде знака «∿». Горизонтальный поясок мелкозубчатого узора на тулове состоит из чередующихся оттисков

∿-образного штампа с тройными вертикальными рядами мелкозубчатого орнамента. Над этим пояском расположен горизонтальный ряд ∿-образных оттисков. Мелкозубчатый узор на ручке образует вписанные друг в друга треугольники, а два оттиска штампа в виде буквы «∿» сделаны по сторонам от вершины наружного треугольника. Части грубого красноглиняного горшка тюльпановидной формы, украшенного проколами по краю венчика и низким слаборасчлененным валиком по основанию шейки. По собранным в кургане фрагментам трудно реконструировать горшок целиком, но можно предполагать, что он был большим (высотой около 30 *см*) и имел удлиненные пропорции (рис. 3, *1*).

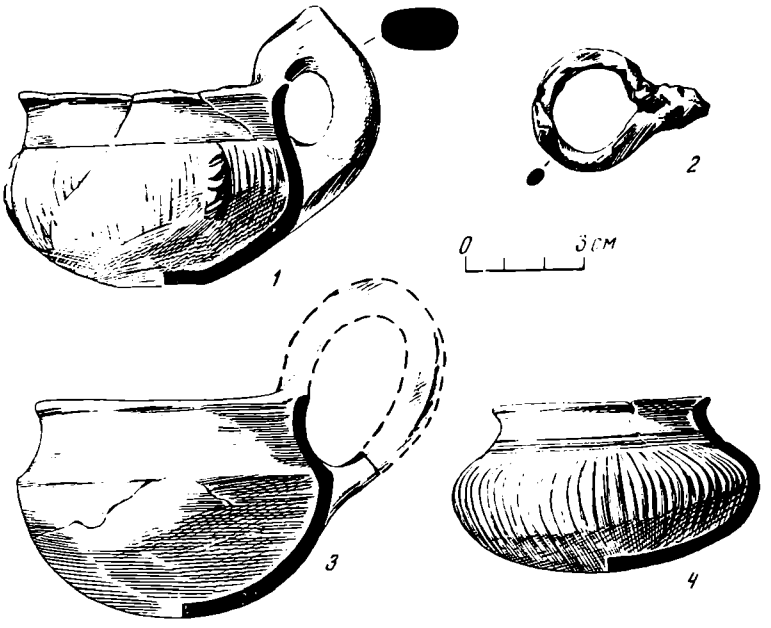


Рис. 2. Сосуды и часть удил из кург. 1 у с. Мервинцы

Имеются также отдельные мелкие обломки других сосудов — ручка (без выступа на вершине) еще одного черпака, небольшой фрагмент сосудика с широкими каннелюрами по тулову и венчик миски со слегка загнутым внутрь краем. Вся керамика из кург. 1 отличается слабым обжигом.

Кроме керамики в кургане найден обломок железных удил в виде круглого замкнутого кольца с небольшим куском обломанного стержня. Диаметр кольца 3,3 *см* (рис. 2, *2*). По сохранившемуся фрагменту можно полагать, что он принадлежит двусоставным удилам со сравнительно большими кольцами на концах.

Курган 2 представлял округлую в плане земляную насыпь размерами 2,5×12 *м* и высотой 0,6 *м*. Раскопками установлено, что первоначальная насыпь была круглой, а позже, вероятно, грабителями была частично по краям разрушена и деформирована. Под земляным холмом на уровне древнего горизонта выявлен кромлех диаметром 11,4×12 *м*, составленный из больших и малых плит, уложенных в один слой. Ширина каменного кольца в среднем 1 *м* (рис. 4).

В центре каменного ограждения на глубине 0,9 *м* находился вытянутый с северо-запада на юго-восток ящик, составленный из нескольких каменных плит и перекрытый такими же плитами, к моменту раскопок оказавшихся сдвинутыми грабителями. Размеры ящика 1×3 *м*, высота 0,47 *м*. В юго-восточном его конце стояли in situ раздавленные сосуды — миска и горшок.

При снятии насыпи на разных глубинах южного сектора попадались человеческие кости, отдельные фрагменты сосуда из ящика, а также железный ножичек. Собранные в кург. 2 кости принадлежали мужчине и женщине. Учитывая, что здесь обнаружен только один ящик, можно говорить о парном погребении в этом кургане.

При захороненных сохранились вещи: небольшой железный ножичек с горбатой спинкой и четко выраженным черенком (рис. 5, *2*). Горшок тюльпановидной формы вытянутых пропорций, орнаментированный по краю проколами и у основания шейки гладким, треугольным в сечении, несомкнутым валиком. Цвет сосуда серый, поверхность шероховатая (рис. 5, *1*). Миска с утолщенным, слегка загнутым внутрь краем, темно-серого цвета; поверхность ее заглажена (рис. 5, *3*).

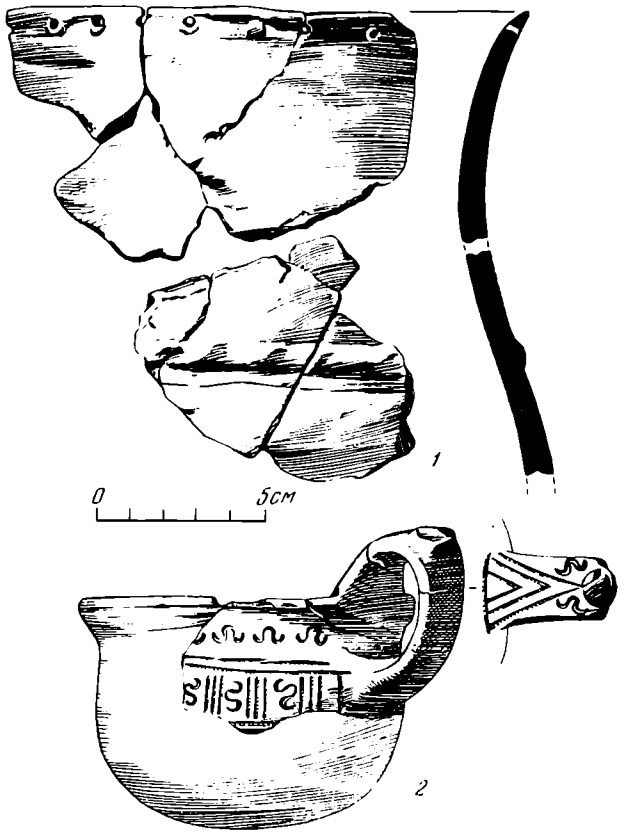


Рис. 3. Сосуды из кург. 1 у с. Мервинцы

С момента раскопок курганов у с. Мервинцы ни у нас, ни у других исследователей не возникало сомнений в их чернолесской культурной принадлежности [4]. Особенно показательными в этом отношении являлись тюльпановидные горшки вытянутых пропорций, украшенные под венчиком проколами и у основания шейки валиками — гладким несомкнутым во втором кургане, низким, слаборасчлененным — в первом (рис. 3, *1*; 5, *1*). Считалось, что пропорции и форма этих горшков в сочетании с перечисленными приемами орнаментации специфичны для чернолесских памятников украинской лесостепи [5].

Но тогда же при определении абсолютных датировок этих курганов смущала находка в кург. 1 удил из железа, которые в те годы, опираясь на данные А. А. Иессена, не считали возможным датировать временем ранее VI в. до н. э. [6] Возникал большой разрыв между хронологией, принятой для чернолесских памятников (VIII — середина VII вв. до н. э.), к которым, исходя из архаизма тюльпановидных сосудов, причисляли курганы у с. Мервинцы, и существовавшими тогда датами для железных удил, время появления которых определялось VI в. до н. э. Поэтому, считая, что тюльпановидные горшки типа Мервинцев не могли доживать до VI в. до н. э., кург. 1 условно относили к VII или второй половине VII в. до н. э., а кург. 2 с более архаичным со-

---

[4] *Г. И. Смирнова.* Археологические культуры..., стр. 9; *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 115; *А. И. Мелюкова.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958, стр. 13, 17.

[5] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период на днестровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 56, 57, 60, 62, рис. 30, *1—3;* 36, *1, 2;* 50, *2—7.*

[6] *А. А. Иессен.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, СА, XVIII, 1953, стр. 103, 106.

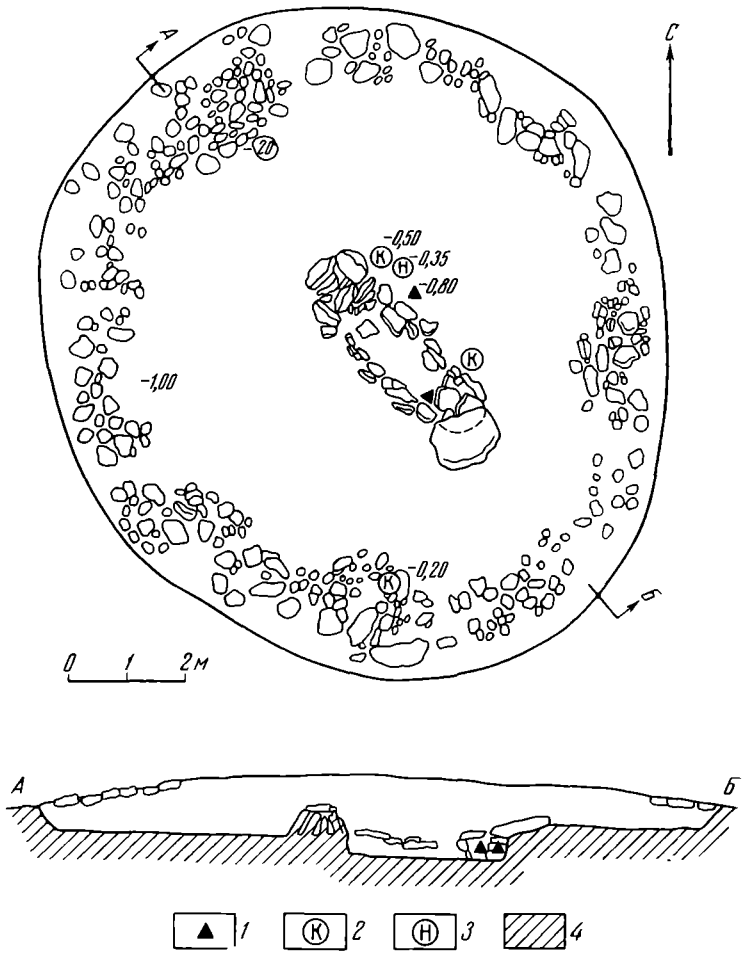


Рис. 4. План кург. 2 у с. Мервинцы: *1* — керамика, *2* — кости, *3* — нож, *4* — материковая глина

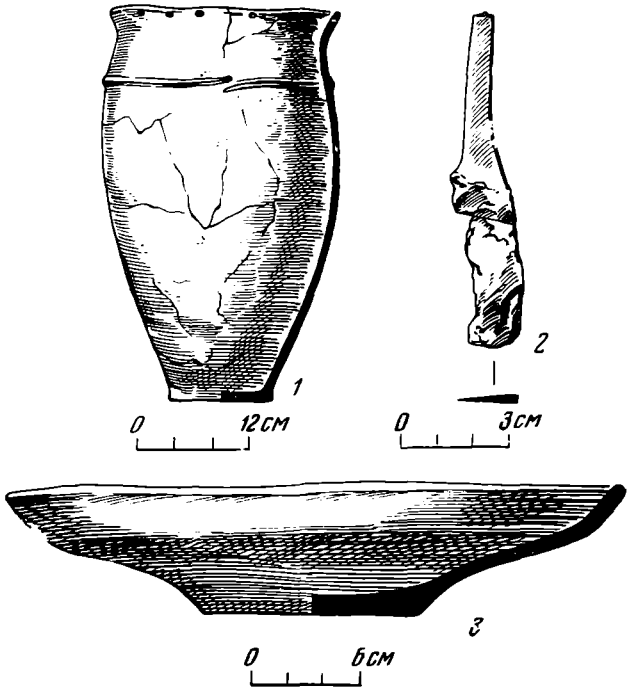


Рис. 5. Инвентарь и керамика из кург. 2 у с. Мервинцы

судом, сохраняющим в какой-то мере белогрудовские традиции, к более раннему, т. е. к чернолесскому времени [7]. Тогда же было ясно, что эти курганы хронологически должны быть близки друг к другу.

Обращаясь к материалам курганов у с. Мервинцы спустя 20 лет, нельзя сказать, чтобы наша точка зрения на чернолесский, точнее позднечернолесский, облик керамики из них подверглась существенному пересмотру. Но поскольку за последнее десятилетие внесены существенные изменения в сложившиеся представления на начальный этап памятников жаботинского типа, необходимо посмотреть на находки из Мервинцев с этих новых позиций.

В последние годы в среднеднепровском Правобережье выделена группа курганных комплексов, относимых к раннежаботинскому горизонту [8]. В эту группу включается также материал ряда жилищ и участков, раскрытых на Жаботинском поселении [9]. Предложенная В. А. Ильинской и Е. Ф. Покровской градация жаботинских памятников вполне правомерна и убедительна, приходится лишь сожалеть о том, что для Жаботинского поселения, ставшего эталонным для определенного этапа развития лесостепной скифской культуры, она не подкрепляется изданием керамики и находок из стратифицированных или хотя бы закрытых комплексов, которые намечаются там авторами раскопок [10].

Относительно характера кухонной посуды из раннежаботинских памятников говорится, что в них продолжают бытовать чернолесские формы — тюльпановидные горшки с проколами под венчиком и налепным расчлененным валиком на плечиках [11], который на горшках следующего этапа (середина VII — первая половина VII в. до н. э.) смещается вниз на пояс [12]. Из этого как будто бы вытекает, что тюльпановидный сосуд из кург. № 1 у с. Мервинцы может быть как чернолесским, так и раннежаботинским по времени. Но все же если учесть явно чернолесский облик горшка из второго кургана (форма, вытянутые пропорции, гладкий треугольный валик на плечиках) и такие чернолесские архаизмы сосуда из первого кургана, как удлиненные пропорции и низкий слабо расчлененный валик у основания шейки, то следует склониться к позднечернолесскому возрасту сосуда из кург. 1.

Посуду других типов, найденную в кург. 1, например черпаки, можно сопоставлять скорее с раннежаботинскими, чем с чернолесскими Среднего Поднепровья. В последних черпаков мало, а имеющиеся там, как известно, в большей своей части сходны по форме с белозерскими степными кружками [13]. Черпаки из Мервинцев сближаются с раннежаботинскими такими чертами, как глубокая профилированная чашечка одинаковых пропорций, приемы и мотивы орнаментации. Там и тут встречается штампованный узор на тулове в виде пояска, сверху обрамленного горизонтальной линией из оттисков штампа. Тем же штампом нанесен узор на ручке [14]. Правда, следует напомнить, что такие приемы украшения керамики и виды штампа появляются в Среднем Поднепровье еще в

---

[7] *Г. И. Смирнова.* Археологические культуры..., стр. 9; *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 115; *А. И. Мелюкова.* Памятники скифского времени..., стр. 13, 87.

[8] *В. А. Ильинская.* Относительная хронология...., стр. 16—21; *ее же.* Раннескифские курганы..., стр. 64—70.

[9] *Е. Ф. Покровская.* Предскифское поселение..., стр. 181—185; *ее же.* Поховання VII—VI ст. до н. е...., стр. 70, 71; *В. А. Ильинская.* Раннескифские курганы..., стр. 70, 71.

[10] *Е. Ф. Покровская.* Предскифское поселение..., стр. 175—180.

[11] Там же, стр. 184.

[12] *В. А. Ильинская.* Раннескифские курганы..., стр. 144, рис. 22, *8, 9.*

[13] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период..., стр. 64, 78, 80, рис. 40, *1, 2, 3;* 51, *7, 8, 16*; *Є. Ф. Покровська, Є. Ф. Петровська.* Поселення кінця епохи бронзи біля с. Велика Андрусівка. «Археологія», XIII, 1961, стор. 139, рис. 8, *1—10*; *В. А. Ильинская.* Раннескифские курганы..., стр. 116—118, 167, рис. 10, 11.

[14] *В. А. Ильинская.* Раннескифские курганы..., стр. 119—120, табл. XXVI, *7, 12;* XXVIII, *3, 6.*

позднем Чернолесье [15]. Кстати, кроме зубчатого штампа на позднечернолесских городищах встречены ∿-образные оттиски штампа [16], такие же, как на одном из черпаков в Мервинцах (рис. 3, *2*).

В целом, если исходить из особенностей керамического комплекса, ведущим видом кухонной посуды которого является горшок тюльпановидной формы с валиком на плечиках, принадлежность курганов у с. Мервинцы к чернолесско-жаботинскому кругу памятников украинской лесостепи не может вызывать сомнений.

Такому выводу соответствует и обряд погребения в исследованных курганах. Хотя и следует оговориться, что он специфичен для среднеднестровской группы лесостепных памятников. Для раннескифских погребений Среднего Поднестровья характерно применение камня при сооружении насыпей и разнообразных по типу могил — особенность местная, присущая и более поздним скифским памятникам этой области.

Наиболее близким к Мервинцам по времени, хотя и не совсем синхронным, является курганный могильник у с. Лука Врублевецкая [17]. Этот некрополь сближается с исследуемым памятником широким использованием камня для сооружения насыпей, ящиков, вымосток и обкладок могил, а также групповыми захоронениями в одной могиле и близкой ориентировкой — в Мервинцах по оси северо-запад — юго-восток, в Луке Врублевецкой с севера — северо-запада на юг — юго-восток.

Говоря о принадлежности памятников юго-западной Подолии, куда входят и курганы у с. Мервиницы, к чернолесско-жаботинскому кругу памятников украинской лесостепи, нельзя забывать о существовании ряда общих черт между ними и культурой типа Сахарна-Солончены в Молдавии. Будучи чернолесско-жаботинскими по всем основным слагающим компонентам, эти курганы обнаруживают сходство с сахарнянскими как в обряде погребения, так и в некоторых формах керамического и другого инвентаря.

Все известные ныне могильники сахарнянского круга в основном курганные с невысокими каменными или земляными насыпями, иногда обнесенные кольцом из камня. Под насыпями — одиночные, парные и коллективные захоронения в каменных ящиках или в ямах под каменными закладками. В могильниках преобладает обряд трупоположения в скорченной позе, ориентировка разная: по оси юг—север, северо-запад—юго-восток или север — северо-запад — юг — юго-восток. Инвентарь очень небогат и однообразен [18]. Одним словом, совпадение основных признаков погребальной обрядности Сахарны и Мервинцев налицо.

Такая же близость обнаруживается при сопоставлении некоторых типов инвентаря и керамики. Следует, однако, оговориться, что это сходство ограничивается типами и приемами орнаментации столовой посуды и не распространяется на кухонную керамику. Ведущей формой кухонной посуды в сахарнянском комплексе является прямостенный, а не тюльпановидный горшок, как в Чернолесье и в раннем Жаботине. Эти горшки орнаментированы валиками или имеют выступы-упоры, иногда сочетающиеся с налепными расчлененными валиками, и совершенно ли-

---

[15] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период..., стр. 65—68, 79, 80, рис. 41; 42, *4, 6.*

[16] Лубенецкое городище, неопубликованный фрагмент сосуда за № Пс 226/52 (материал хранится в фондах ИА АН УССР).

[17] *І. Г. Шовкопляс.* Курганний могильник передскіфського часу на Середньому Дністрі. АП, IV, 1952, стор. 5—11; *І. Г. Шовкопляс. Є. В. Максимов.* Дослідження курганного могильника передскіфського часу на Середньому Дністрі. «Археологія», VII, 1952, стор. 89—109; *І. Г. Шовкопляс.* Середньодністровська експедиція 1949—1951 рр. АП, VI, 1956, стор. 34—37.

[18] *А. И. Мелюкова.* Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952—1953 гг. Изв. Молдавск. фил. АН СССР, № 5 (25), 1955, стр. 58—61; *Г. Д. Смирнов.* Сахарнянский могильник II.— Там же, стр. 117—119; *Р. Л. Розенфельдт.* Алчедарские курганы.— там же, стр. 121—124; *А. И. Мелюкова.* Памятники скифского времени..., стр. 84, 85; *А. А. Никитин, В. И. Левин.* Раскопки погребений в каменных ящиках у с. Алчедар в 1963 г КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 75—79.

шены проколов [19]. Изредка в могильниках и на поселениях сахарнянской группы встречаются горшки тюльпановидного или близкого к тюльпановидному профиля, украшенные по верхней части тулова расчлененным валиком, но, как правило, без проколов под краем [20]. Этот вид посуды, не получивший, однако, широкого распространения в сахарнянских памятниках, появился здесь в результате тесных контактов между носителями культуры Сахарна, с одной стороны, и Черный лес — Жаботин, с другой, и в первую очередь с населением Юго-Западной Подолии — ближайших соседей сахарнянских племен.

Глубокие черпаки и миска из курганов у с. Мервинцы, приемы и мотивы их орнаментации находят широкие аналоги в сахарнянских памятниках [21]. Для украшения сахарнянской посуды был использован такой прием, как короткие вертикальные налепы с насечками [22], представленные на одном из черпаков в Мервинцах (рис. 2, *1*). Узор, выполненный оттиском ∿-образного штампа, также известен на посуде из Молдавии [23].

Кубку из Мервинцев тоже можно привести параллели в сахарнянско-солончepisких комплексах. Но все-таки он отличается от них четко выраженной приземистостью и орнаментацией в виде каннелюр, почти несвойственной сахарнянской керамике [24]. Этот орнамент широко представлен на посуде из памятников типа Шолданешты в Молдавии, где, однако, сами кубки не встречаются.

Идентичные кубки находим среди материалов гальштатского могильника Стойкань в Нижнем Подунавье, где найдено значительное количество сосудов этого вида как гладких, так и украшенных либо косыми, либо вертикальными каннелюрами. Вначале время этого некрополя определялось автором раскопок по фибулам «типа Глазинак» — VII—VI вв. до н. э.[25] Но в последние годы, когда в могильнике Стойкань было открыто еще пять погребений (с 56 по 60), М. Петреску-Дымбовица счел возможным удревнить его до VIII в. до н. э., включив некрополь в фазу Басарабь, соответствующую фазе Бабадаг III [26].

Из небольшого числа вещевых находок в курганах у с. Мервинцы вызывает особый интерес обломок железных однокольчатых удил, подобные которым найдены в одном из погребений первого Сахарнянского могильника [27] (рис. 6, *2*). Эти одинаковые вещи вместе с другими перечисленными выше элементами сходства в керамике позволяют ставить памятники типа Сахарна и курганы у с. Мервинцы в один хронологический ряд. В целом же, в свете проведенного типологического анализа нахо-

---

[19] *А. И. Мелюкова.* Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КСИИМК, 56, 1954, стр. 62, 63, рис. 29, 4—6; *ее же.* Памятники скифского времени..., стр. 79.

[20] Там же, стр. 79; *А. И. Мелюкова.* Культура племен Днестровско-Прутского междуречья (VIII—I вв. до н. э.), В сб. «Древняя культура Молдавии». Кишинев, 1974, стр. 17, 18, рис. *4, 6.*

[21] *О. Н. Мельниковская.* Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. КСИИМК, 56, 1954, стр. 73, 74, рис. 36, *6, 7; Р. Л. Розенфельдт.* Ук. соч., стр. 122—124, рис. 1, *3, 4; А И. Мелюкова.* Памятники Скифского времени..., стр. 77, рис. 24, *3, 5, 11; В. Л. Лапушнян, И. Т. Никулицэ, М. А. Романовская.* Памятники раннего железного века. В сб.: «Археологическая карта Молдавской ССР», вып. 4. Кишинев, 1974, рис. 5, *5.*

[22] *В. И. Ильинская.* Раннескифские курганы..., рис. 21, *1, 4.*

[23] *А. И. Мелюкова.* Результаты раскопок, рис. 30, *2.* Кроме того, обломок сосуда с такого рода штампом имеется среди неопубликованных материалов из могильника у с. Сахарна II в местности «Гульбока» (кург. IV, раскопки А. И. Мелюковой в 1953 г.).

[24] *А. И. Мелюкова.* Памятники скифского времени..., стр. 77, 85, рис. 29, *11; ее же.* Культура племен..., стр. 17, рис. 4.

[25] *M. Petrescu-Dîmboviţa.* Cimitirul hallstattian dela Stoicani, «Materiale», vol. I, 1953, fig. 10, *Ia, b, c, d, e; М. Петреску-Дымбовица.* К вопросу о гальштатской культуре в Молдове. МИА ЮЗ, 1960, стр. 160, 161, рис. 10, *1—8.*

[26] *M. Petrescu-Dîmboviţa si M. Dinu.* Noi cercetări arheologice la Stoicani (Jud. Galaţi). SCIVA, 25, 1974, I, p. 91.

[27] *А. И. Мелюкова.* Культура..., стр. 20, рис. 5, *14.*

док, относительная хронология рассматриваемых курганов представляется следующим образом: с одной стороны, они синхронны памятникам типа Сахарна-Солончены в Молдавии, а с другой — чернолесско-жаботинским (а скорее, только позднечернолесским) памятникам Среднего Поднепровья.

Возникает вопрос об абсолютных датах этих курганов. Как известно, вторая ступень чернолесского этапа вместе с последующими за ними раннежаботинскими памятниками в последнее время датируется VIII (или второй половиной VIII в. до н. э.) — серединой VII в. до н. э., притом что появление раннежаботинских комплексов теперь понижается до начала VII в. до н. э.[28] Группа памятников Сахарна-Солончены, по

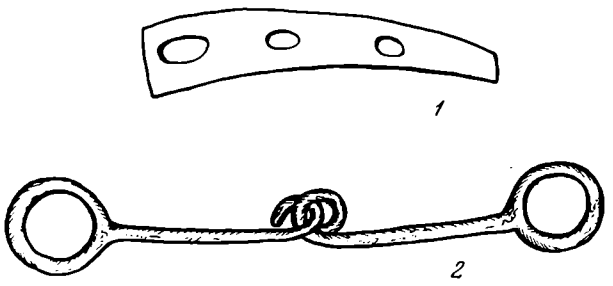


Рис. 6. Курган 6 у с. Сахарна: *1* — псалий (кость), *2* — удила (железо)

измененной ныне в сторону удревнения хронологии, относится к концу IX — началу VI в. до н. э., но основной период их существования определялся А. И. Мелюковой второй половиной VIII — первой половиной VII в. до н. э.[29] Бóльшая часть ныне известного в сахарнянских памятниках инвентаря перекликается с находками второй ступени чернолесской культуры, что позволило ей уверенно говорить о синхронности этих групп памятников.

Следует, правда, обратить внимание на то обстоятельство, что А. И. Мелюкова опиралась в своих выводах на хронологию А. И. Тереножкина — середина VIII — первая половина VII в. до н. э. для позднего Чернолесья[30]. Если же принимать новые датировки раннежаботинских памятников, предлагаемые В. А. Ильинской и Е. Ф. Покровской, то соответственно верхнюю границу основного периода существования сахарнянской группы памятников следует передвинуть на рубеж VIII—VII или на начало VII в. до н. э. Учитывая находку костяного псалия черногоровского типа в Цахнауцах[31], эту более раннюю дату можно подкрепить уточненной хронологией верхней границы черногоровско-камышевахских комплексов, достаточно надежно определяемой А. М. Лесковым началом VII в. до н. э.[32]

Что касается верхнего рубежа группы памятников Сахарна-Солончены — начало VI в. до н. э., то основанием для такой датировки послужили железные двухсоставные удила со сравнительно большими замкнутыми кольцами на концах. А. И. Мелюкова, отличая их от действительно более поздних скифских железных удил, сопоставила эти детали

---

[28] *В. А. Ильинская.* Относительная хронология..., стр. 21, 22; *ее же.* Раннескифские курганы..., стр. 65—72; *Е. Ф. Покровская.* Предскифское поселение..., стр. 181—185; *ее же.* Похования VII–VI ст. до н. е., стор. 70–72.

[29] *А. И. Мелюкова.* О датировке..., стр. 66—71.

[30] *А. И. Тереножкин.* Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1, стр. 76—81.

[31] *А. И. Мелюкова.* О датировке..., стр. 67, рис. 5, *11*.

[32] *А. М. Лесков.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автореф. докт. дис. М., 1975, стр. 51, 52.

конской узды со среднеевропейскими, появление которых, ссылаясь на работу Ш. Галлуша и Т. Хорвата, датирует временем не ранее VI в. до н. э.[33] Типологическое отделение этих удил от распространенных в скифских памятниках железных с загнутыми в петлю концами не вызывает возражений. Но принимая во внимание современные представления о начале систематического производства предметов из железа и хронологию комплексных находок, однотипных нашим удилам, столь позднюю дату их появления — VI в. до н. э.— вряд ли можно принять.

Фактически вопрос относительной и абсолютной хронологии железных однокольчатых удил из Мервинцев можно решать на основании типологического анализа сопутствующей им керамики, которая, как было показано выше, характеризуется комплексом устойчивых признаков, не выходящих за рамки позднечернолесской — раннежаботинской ступеней. Эта часть конской узды найдена в Мервинцах в закрытом комплексе позднечернолесского или раннежаботинского типа и соответственно принятой для этих памятников хронологии может относиться ко времени второй половины VIII — середине VII в. до н. э., но никак не позже середины VII в. до н. э.

Уточнить относительную, а следом за этим и абсолютную хронологию удил из рассматриваемого комплекса позволяют материалы самого Сахарнянского могильника I. Как известно, полевой отчет Г. Д. Смирнова о раскопках этого могильника отсутствует [34], но, судя по дневниковым записям Г. П. Сергеева, любезно предоставленным им мне для работы, железные удила происходят из кург. 6 [35], где вместе с ними найден и костяной псалий (рис. 6, *1*). Морфологически этот псалий тождествен псалиям с тремя овальными или восьмеркообразными отверстиями, обнаруженными на поселениях сахарнянского типа. Позднечернолесская атрибуция этих псалий дана А. И. Мелюковой [36]. К этому можно лишь добавить, что, по данным В. А. Ильинской, в раннежаботинских комплексах Среднего Поднепровья костяные псалии предскифских типов не были найдены [37]. Из суммы всех данных следует, что возраст железных удил с простыми замкнутыми кольцами на концах из курганов Сахарна I и Мервинцы можно уверенно определять позднечернолесским временем, что в абсолютных датах соответствует второй половине VIII — началу VII вв. до н. э.

Такое определение возраста рассматриваемого типа удил не противоречит существующим ныне представлениям о раннем, еще доскифском, времени их появления и бытования в степях Евразии и на Кавказе, а также в Средней Европе. В последнее время с достаточной долей убедительности неоднократно высказывалось мнение о том, что бронзовые удила этого вида в Евразии появляются рано, т. е. до скифов [38], предшествуя удилам двукольчатым [39].

О том же предскифском или раннескифском возрасте говорят нам и западные параллели этим удилам. Следует, правда, учесть, что среди множества однокольчатых удил, представленных в гальштатских, точнее, в так называемых фрако-киммерийских комплексах Средней Европы, интересующий нас вариант конской узды встречается не столь уж часто.

---

[33] *А. И. Мелюкова.* О датировке..., стр. 67; *ее же.* Культура..., стр. 20, рис. 5, *14.*

[34] *А. И. Мелюкова.* Памятники скифского времени..., стр. 84.

[35] В дневнике Г. П. Сергеева дано описание девяти курганов подряд, хотя известно, что Г. Д. Смирнов в Сахарнянском могильнике I раскопал только семь насыпей.

[36] *А. И. Мелюкова.* О датировке..., стр. 67, рис. 6, *1, 2.*

[37] *В. А. Ильинская.* Раннескифские курганы..., стр. 110.

[38] *А. И. Тереножкин.* Дата мингечаурских удил. СА, 1971, 4, стр. 73; *Н. Л. Членова.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 71; *О. А. Вишневская, М. А. Итина.* Ранние саки Приаралья. В сб. «Проблемы скифской археологии». МИА, 177, 1971, стр. 203.

[39] *А. М. Лесков.* Ук. автореф. докт. дис., стр. 68.

Среди ранних гальштатских удил преобладают типы с относительно короткими стержнями, гладкими, но чаще имеющими литую имитацию циркульной обмотки, а иногда и перекрученными. Кольца на концах сравнительно невелики и часто снабжены дополнительными привесками [40].

В противоположность им удила типа Сахарна-Мервинцы имеют удлиненные пропорции за счет длины стержней, при этом стержни у них гладкие, а кольца сравнительно больших размеров. Из общей массы гальштатских однокольчатых удил они, как правило, исследователями не выделяются, поэтому какие-либо специальные разработки их хронологии отсутствуют. Можно тем не менее привести ряд конкретных примеров довольно раннего их появления и бытования в Центральной Европе — еще в период Гальштата В, притом нередко в составе комплексов фрако-коммерийского круга. Так, бронзовые экземпляры близких сахарнянским удил происходят из клада Зеебоден, синхронного Штильфридскому кладу и датируемому концом Гальштата В, при этом сами удила Р. Питтиони относит еще к Гальштату А [41]. Такие же бронзовые удила, правда с немного укороченными стержнями, происходят из клада Угра в Венгрии, относимого к Гальштату В [42].

Наряду с бронзовыми в фрако-киммерийских комплексах встречаются и железные аналоги нашим удилам. Наиболее близкую аналогию железным гладким однокольчатым удилам можно указать среди находок погребения 52 в могильнике Мезочат в Восточной Венгрии [43]. Любопытно, что в керамическом комплексе предскифских (фрако-киммерийских) памятников Восточной Венгрии, в особенности в недавно исследованном могильнике Мезочат, как в фокусе оказались объединенными формы и типы посуды, принадлежащие разным, но более или менее одновременным культурам восточной части Карпатского бассейна. Здесь наряду с местными формами, характерными для культур Гава и Киятица, имеются сосуды с каннелированной орнаментацией, знакомые по культуре Бассарабь-Шолданешты, и черпаки со штампованным орнаментом, обычным для керамики Бабадаг — Сахарна. Все это, вместе взятое, позволяет говорить об определенной синхронности памятников типа Мезочат в Венгрии и типов Сахарна и Шолданешты в Молдавии. Е. Патек обоснованно вводит могильник Мезочат в круг фрако-киммерийских древностей, предварительно датируя его концом Гальштата В — началом Гальштата С [44].

По вопросу абсолютного возраста фрако-киммерийского горизонта находок в разных областях Средней Европы нет однозначного решения. К тому же для рассматриваемого периода существует определенный разрыв (не менее 50 лет) между двумя хронологическими схемами — центральноевропейской и эгейской. Это довольно наглядно показал С. Фолтини на материалах погребения XXVII на Агоре, где найдены древнейшие железные удила с перекрученными стержнями и кольцами на концах, известные в фрако-киммерийских комплексах [45].

Но все-таки исследователи полагают, что в Венгрии фрако-киммерийские вещи появляются после зарытия кладов типа Хайдубёсермень, что

---

[40] *S. Gallus et T. Horváth.* Un peuple cavalier préscythique en Hongrie.; «Dissertationes pannonicae», ser II, 9, Budapest, 1939, tabl. IX, *13;* X, *18, 19;* XII, *6;* XX, *13; R. Pittioni.* Urgeschichte des österreichischen Raumes. Wien, 1954 Abb. 356, *1;* 370, *1; G. Kossack.* Pferdegeschirr aus Gräbern der älteren Hallstattzeit Bayerns. «Jahrbuch das römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz», Jg. *1.* 1954, Abb. 16, A, *1, 2;* B, *1, 2;* Abb. 17, A, *1;* Abb. *18,* B, *1, 2;* C, *1, 2.*

[41] *R. Pittioni.* Die Funde von Seeboden am Millstätter See. Kärnten. Carinthia I, 128, 2, Klagenfurst, 1938, S. 190–196, Abb. 1, *2; idem.* Urgeschichte., S. 521, 522, Abb. 375, *2.*

[42] *S. Gallus et T. Horváht.* Op. cit., p. 18–20, 50, tabl. XVIII, *6.*

[43] *E. Patek.* Präskythische Gräberfelder in Ostungarn. Symposium zu Problemen der jungeren Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava, 1974, S. 350, Taf. VII, 5.

[44] Ibid., S. 352, 353.

[45] *S. Foltiny.* Athens and the East Hallstat Region: Cultural Interrelations at the Dawn of the Iron Age. AJA, 65, 1961, p. 283—285, 295—296, pl. 95, *8. 9.*

приходится на время после IX в. до н. э., т. е. на VIII — начало VII в. до н. э.[46] — хронологические рамки, которых в настоящее время в основном придерживается большинство исследователей, как зарубежных [47], так и советских [48].

Факт раннего появления рассматриваемого типа удил подтверждается другой линией связей. Удила, близкие по пропорциям и форме колец, происходят из ряда погребений на тепе Гиян и Сиалка В в Иране [49]. Наряду с бронзовыми в Сиалке известны и железные экземпляры с круглыми замкнутыми кольцами на концах. Хронология названных памятников подвергается ныне пересмотру в сторону омолаживания части погребений.

Конечно, связанные с этими памятниками вопросы для нас слишком далеки, чтобы заниматься ими специально в данной работе. Отметим, что, по К. Янгу [50], верхняя хронологическая граница поздних погребений на тепе Гиян (Гиян I [1], куда входит могила № 3 с удилами) и в Сиалке VI определяется временем 750—700 гг. до н. э., т. е. концом VIII в. до н. э. Его датировки построены на типологическом сопоставлении керамики из Сиалка В (VI) и Гияна — с керамикой из Хасанлу, в основе абсолютной хронологии которого лежит серия дат по C^{14}. Наблюдаемые в керамике параллели позволили К. Янгу поставить Сиалк В и Гиян I в один хронологический ряд с горизонтом Хасанлу IV, верхний рубеж которого с известной долей осторожности определяется им в пределах между 750 и 700 гг. до н. э., т. е. позднее, чем самая высокая дата по C^{14} (862±49 г. до н. э,) для этого горизонта [51].

Позже в типологические сопоставления К. Янга Д. Стронахом были внесены коррективы и уточнения, что, однако, существенно не отразилось на абсолютной хронологии параллелизируемых памятников [52].

К близким результатам в определении финальной фазы Сиалка В пришли независимо друг от друга П. Калмейер и Р. Боймер, оперировавшие другой суммой доказательств, нежели К. Янг. По Р. Боймеру [53], поздняя группа погребений Сиалка B_2 относится к периоду между 770/760—690/680 гг. до н. э., но прежде всего ко второй половине VIII в. до н. э. Примечательно, что погребения с находками бронзовых и железных однокольчатых удил (№ 15, 25, 52, 78) попадают в эту позднюю группу. Возраст поздней группы погребений Сиалка В — после IX в. до н. э.— доказывается Р. Боймером весьма убедительно, хотя в дальнейшем при применении комплексного метода датирования не исключены уточнения верхних пределов этого некрополя.

Приведенных примеров вполне достаточно для подтверждения сделанных на материалах могильников Сахарна I и Мервинцы выводов о довольно раннем, еще позднечернолесском, времени появления железных удил с замкнутыми кольцами на концах. Железные удила этого типа из

---

[46] *T. Kemenczi.* Ujabb leletek a Nagyberki — Szalacskai koravaskori halomsírokel. AÉ, vol. 101, 1974, p. 12—16.

[47] *S. Foltiny.* Op. cit., p. 295, 296; *V. Podborský.* Mähren in der Spätbronzezeit und an der Schwelle der Eisenzeit. Brno, 1970, S. 147—172 (см. здесь библиографию).

[48] *А. И. Тереножкин.* Основы хронологии..., стр. 76—79; *его же.* Киммерийские мечи и кинжалы. В сб. «Скифский мир». Киев, 1975, стр. 24—32; *В. И. Козенкова.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром. Там же, стр. 52—70; *А. М. Лесков.* Ук. автореф. докт. дис., стр. 68, 69.

[49] *G. Contenau et R. Ghirshman.* Fouilles de Tépé — Giyan. Paris, 1935, p. 18, pl. 8, *3, 11; R. Ghirshman.* Fouilles de Sialk, II. Paris, 1939, pl. LVI. *835, 841, 588, 803a*; LXVII, *762;* LXVIII, *715*; LXXVII, *972.*

[50] *C. Young.* A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500—500 B. C. Iran. III. London, 1965, p. 61—83, fig. 13, 14.

[51] Ibid., S. 82.

[52] *D. Stronach.* Achaemenid Village I at Susa and the Persian migration to fars. «Iraq», London, vol. XXXVI, 1974, p. 239.

[53] *R. M. Boehmer.* Zur Datierung der Nekropole B von tepe Sialk. AA 1965, 4, p. 802—822.

Сахарны являлись единственным аргументом в пользу позднего датирования финальной фазы сахарнянской группы памятников [54]. Становится очевидным, что дату — начало VI в. до н. э.— для верхней границы существования группы Сахарна-Солончены в Молдавии следует передвинуть на столетие вниз, т. е. на начало VII в. до н. э., полагая, что ее верхний рубеж более или менее совпадает с концом чернолесского этапа.

Из предложенных уточнений вытекает, что группа Сахарна-Солончены в основном синхронна чернолесской культуре лесостепной Украины и, судя по отсутствию в ней раннескифских типов инвентаря, вряд ли могла долго сосуществовать с раннежаботинскими памятниками. Поскольку формирование и расцвет культуры Сахарна-Солончены в Молдавии относится к более раннему времени, чем время появления и существования памятников типа Жаботин, мы, вопреки мнению В. А. Ильинской [55], не видим никаких оснований связывать возникновение сахарнянской группы с влияниями, идущими с северо-востока — из чернолесско-жаботинской лесостепи. Приведенные данные говорят в пользу точки зрения А. И. Мелюковой на происхождение этой культуры в Молдавии [56]. Связь Сахарны с группой памятников типа Бабадаг в Балкано-Подунавье очевидна. И как бы ни оспаривались первоначальные даты этой группы, предложенные для Бабадаг I С. Моринтцем [57], более ранний их возраст по сравнению с Сахарной не может вызывать сомнений. Фактически шел спор вокруг датировки слоя Троя VII B_2, который по ряду общих элементов в керамике считается синхронным Бабадагу I [58]. Но уже в ряде последних работ, где этот вопрос рассматривается на широкой источниковедческой базе с дополнительным привлечением новых стратифицированных памятников, дату Бабадага I предлагается передвинуть из XII в XI в. до н. э.[59], что, правда, кардинально не меняет сложившихся представлений о бóльшей древности Бабадаг I и Бабадаг II, чем Сахарна.

G. I. Smirnova

LE RAPPORT CHRONOLOGIQUE ENTRE LES MONUMENTS DU TYPE DE SAKHARNA-SOLONTCHENY ET DE JABOTINE (D'APRES LES DOCUMENTS FOURNIS PAR LES KOURGANES DE MERVINTSYA DNIESTR)

Résumé

On publie dans cet article les objets découverts dans les kourganes, fouillés en 1953, qui se trouvent près du village de Mervintsy (district de Moghilev-Podolsk, région de Vinnitsa) (fig. 1–6). En se basant sur la spécificité typologique de leur céramique, ces

---

[54] Сахарнянские удила с наружным кольцом в виде стремечка, обращенного дужкой наружу, вряд ли стоит учитывать при определении верхней границы Сахарнянской группы, поскольку они имеют широкий хронологический диапазон — от второй половины VIII до VI в. до н. э. (см. *А. И. Мелюкова.* О датировке..., стр. 67, рис. 5, *14*). По приведенным А. И. Мелюковой аналогиям они широко представлены во фракокиммерийских комплексах Средней Европы и подтверждают синхронизацию финального этапа Сахарны с позднечернолесскими памятниками.

[55] *В. А. Ильинская.* Раннескифские курганы..., стр. 176, 177.

[56] *А. И. Мелюкова.* О датировке..., стр. 70.

[57] *S. Morintz.* Quelques problèmes concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas-Danube à la lumière des fouilles de Babadag. Dacia, VIII, 1964, p. 114, 115.

[58] *M. Petrescu-Dîmbovita.* Quelques considérations concernant la fin de l'âge du bronze et le début du Hallstatt dans l'espace Carpatho-Balkanique. Studia Balcanica, 5, Sofia, 1971, p. 114—117 (здесь же см. библиографию).

[59] *N. K. Sandars.* From Bronze Age to Iron Age a sequel to a sequel. The European Community in dater Prehistory. Studies in honour of C. F. C. Hawkes. London, 1971, p. 17—26; *M. R. Stefanovich.* Some Balkan elements in the Aegean migrations. Actes du VIIIe congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Béograd, 1973, p. 148—156.

kourganes peuvent être mis au nombre des monuments de la culture tardive de Tchernoless qui se trouvent dans la région sylvo-steppique de l'Ukraine. De plus, plusieurs éléments communs dans leur culture matérielle permettent de reporter ces kourganes à la même époque que le groupe de Sakharna-Solontcheny en Moldavie. Pour déterminer l'âge absolu des kourganes on a pris des mors de fer à un anneau, trouvés à Mervintsy de même que dans le champ funéraire de Sakharna I (fig. 2,8; 6,2). En s'appuyant sur les témoignages fournis par les trouvailles complexes de ce type de mors on peut prouver, comme une très réelle possibilité, qu'ils sont apparus bien avant le VIe s. av. n. è. c'est—à—dire au VIIIe s. av. n. ère. Ceci entraîne la révision de la chronologie absolue de la limite supérieure pour les monuments de Sakharna, étant donné que les mors constituaient l'unique argument en faveur de datations tardives de la phase finale de Sakharna. Fixant la limite finale du groupe Sakharna-Solontcheny au début du VIIe s. av. n. è., l'auteur de l'article estime que ce groupe dans son ensemble est contemporain des monuments de Tchernoless situés dans l'Ukraine sylvo-steppique; mais le fait que ce groupe ne possède pas de types de haute antiquité scythe dans son mobhilier, ne permet pas de parler de sa longue coexistence avec les plus anciens monuments de Jabotine.

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ

СКИФСКИЕ КАТАКОМБЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Многие исследователи считают, что «погребальный обряд является самой устойчивой, самой консервативной и вследствие этого самой надежной этнической особенностью» [1]. На основании анализа погребального обряда и других элементов культуры делались выводы о происхождении скифской культуры, ее хронологии, о религии и социальных отношениях в скифском обществе, реконструировалась этнокарта Скифии и выделялись локальные варианты скифской культуры. Погребальному обряду степных скифов посвящены работы А. А. Спицына, Б. Н. Гракова, А. И. Мелюковой, И. В. Яценко, М. С. Синицына, Т. Н. Троицкой и других исследователей. В них исследуются черты погребального ритуала скифов отдельных степных районов. В целом разработка этой темы еще далека от завершения.

В данной работе рассматривается лишь один из видов скифских погребальных сооружений — катакомбы VI—III вв. до н. э. на территории степного Причерноморья, от устья Дона до Дуная; основное внимание уделяется конструкции катакомб, а также ориентировке погребенных. В предлагаемой работе учтены 422 катакомбы (главным образом опубликованные), раскопанные в степи с XIX в. по 1974 г. (рис. 1) [2]. В ряде случаев схема катакомб восстанавливалась по описанию, но в 53 случаях тип катакомбы из-за разрушения или неясного описания установить не удалось.

Катакомба — вырытое в грунте погребальное сооружение, состоящее из вертикальной входной ямы и погребальной камеры, устроенной в виде пещеры в одной из стенок входной ямы [3]; часто катакомбы имеют дромос — коридор, соединяющий камеру со входной ямой. Разнообразие форм и особенностей конструкции катакомб осложняет их классификацию. Почти все представленные в литературе классификации основаны на принципе взаиморасположения входной ямы и погребальной камеры. Так, Б. Н. Граков разделил катакомбы Никопольского курганного поля на три типа [4]. А. И. Мелюкова по этому же принципу, но с учетом

---

[1] *М. И. Артамонов.* Этногеография Скифии. Уч. зап. ЛГУ, № 85, сер. истор. наук, № 13, Л., 1949, стр. 133; см. также: *Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА, М., 1954, стр. 61; *Л. С. Клейн.* Происхождение скифов царских по археологическим данным. СА, 1963, 4, стр. 27; *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ, Д1—311, М., 1965, стр. 12.

[2] Из неопубликованных материалов в полной мере использованы результаты раскопок экспедиций МГУ и ИА АН СССР — Западноскифской 1961—1962 гг. (у кургана Солоха) и Степной Скифской 1963—1964 гг. (у пос. Днепрорудный и Малой Цимбалки). Приношу глубокую благодарность авторам раскопок А. И. Мелюковой и Н. Г. Елагиной за разрешение пользоваться материалами.

[3] Иногда в публикациях существует некоторый терминологический разнобой; входные ямы именуются колодцами и ходами, а погребальные камеры — комнатами, подбоями, катакомбами, пещерами, минами, склепами и т. д.

[4] *Б. Н. Граков.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА, 115, 1962, стр. 84, 85.

сложности конструкции разделила катакомбы Тираспольщины на пять типов с вариантами [5]. Однако учет в классификации ориентировки камер привел к тому, что тождественные по конструкции катакомбы (II тип и 1 вариант I типа; 4 вариант I типа и 1 вариант III типа) оказались отнесенными к разным типам. Д. Т. Березовец [6] разделил катакомбы Кутского могильника на продольные (соответствуют II типу по Гракову) и поперечные (соответствуют I типу по Гракову). В. А. Ильинская выделяет катакомбы с продольными и трапециевидными камерами [7].

В предлагаемой классификации, как и в предыдущих, катакомбы делятся на типы (всего восемь) в зависимости от взаиморасположения длинных осей входных ям и камер, а также на варианты (всего пять), отражающие формы усложнения простейшей схемы катакомб каждого типа. Некоторые варианты делятся на подварианты — А и Б. Особенность классификации — общность признаков вариантов для семи из восьми типов катакомб; не все типы катакомб имеют полный набор вариантов, что не исключает вероятности их существования. Катакомбы VIII типа вследствие их нетипичности для скифского погребального обряда VI—III вв. до н. э. не разделены на варианты. Схемы типов катакомб следующие (рис. 2): I тип — длинные оси входной ямы и камеры параллельны; II тип — оси входной ямы и камеры лежат на одной прямой; III тип — оси входной ямы и камеры перпендикулярны, входная яма примыкает к длинной стенке камеры; IV тип — оси входной ямы и камеры перпендикулярны, входная яма примыкает к короткой стенке камеры; V тип — оси входной ямы и камеры под углом друг к другу, входная яма примыкает к длинной стенке камеры; VI тип — оси входной ямы и камеры под углом друг к другу, камера отходит от одного из углов входной ямы или от ее короткой стороны; VII тип — оси входной ямы и камеры под углом друг к другу; камера отходит от длинной стороны входной ямы; VIII тип — катакомбы с длинной входной ямой, стенка которой (против устья входа в камеру) делается в виде грунтовой лестницы. Дромос практически отсутствует, взаиморасположение осей камеры и входной ямы, как у катакомб II—III типов.

Катакомбы I—VII типов принадлежат к 1—5 вариантам. К многокамерным относятся катакомбы с двумя и более камерами. В подобных случаях тип катакомбы также определяется взаиморасположением входной ямы и главной (наибольшей) камеры. В классификации не учитывается, во избежание усложнения, ориентировка катакомб и их размеры.

Катакомбы некоторых типов (I, II и др.) использовались и для повторных захоронений. В этом случае рылась вторая входная яма, либо непосредственно примыкавшая к старой камере, либо соединявшаяся с ней дромосом. Подобные «катакомбы с двумя входами» не выделены в особые варианты; они классифицируются, как обычные катакомбы, но отмечается наличие второго входа.

Входные ямы почти всегда прямоугольны или овальны в плане. У большинства катакомб (так называемых рядовых) размеры входных ям колеблются в следующих пределах (в *м*): длина 1,3—2,9, ширина 0,5—1,7, глубина 1,7—3,5. В катакомбах «царских» курганов длина входных ям 3,2—4,5, ширина 2—3, глубина 6,5—8 *м*. Особенностью входных ям большинства катакомб является наличие грунтовых уступов — «ступенек». Количество их колеблется от одной до четырех, иногда достигая семи (Солоха, впускная катакомба; Хомина могила, катакомба 1). Обычно ступеньки очень круты, шириной 0,15—0,45, высотой 0,8—1,2 *м*. Они вырезаются в одной из стенок входной ямы, лишь в исключительных

[5] *А. И. Мелюкова*. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских). МИА, 115, 1962, стр. 122—140.

[6] *Д. Т. Березовець*. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут, АП УРСР, IX, 1960, стор. 127—140.

[7] *В. А. Ильинская*. Скифские курганы около г. Борисполя. СА, 1966, 3, стр. 154—159.

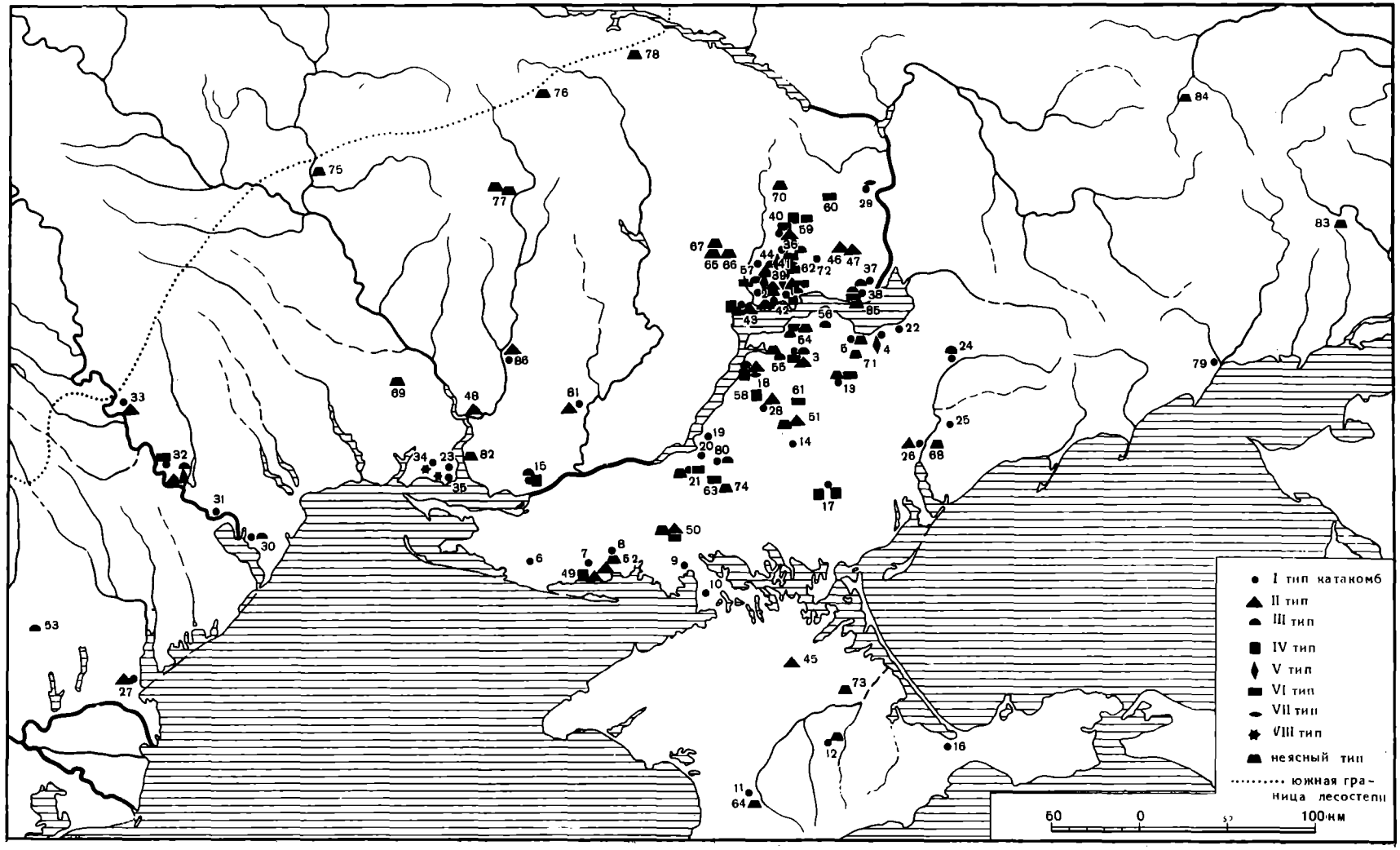

I тип катакомб
II тип
III тип
IV тип
V тип
VI тип
VII тип
VIII тип
неясный тип
южная граница лесостепи
100 км

Рис. 1. Скифские катакомбы в степном Северном Причерноморье: *1* — Никопольское курганное поле (I—24; II—10; III—17; IV—2; V—2; VI—2; неясн.— 7); *2* — с. Нагорное (I—4; II—6; III—1; V—2; неясн.— 1); *3* — Солоха, гр. Солохи (I—20; II—1; III—1; VI—2); *4* — пос. Днепрорудный (I—11; V—1); *5* — гр. Гайматовой могилы (I—2; неясн.— 6; прочие — не опубл.); *6* — с. Нововладимировка (I—2); *7* — с. Шевченко (I—1; прочие — не опубл.); *8* — с. Широкое (I—3; неясн.— 1; прочие — не опубл.); *9* — с. Бабенково (I—1); *10* — с. Кураевка (I—1); *11* — бывш. имение Пастака (I—1); *12* — бывш. имение Чотты (I—2; неясн.— 1); *13* — с. Великая Белозерка (Большая Цимбалка и др.; I—2; VI—1; неясн.— 1); *14* — с. Нижние Серогозы (I—1); *15* — с. Белозерка (I—15; III—2; IV—1; неясн.— 5); *16* — с. Фронтовое (I—3); *17* — Деев курган, район Деева кург. (I—1; IV—2); *18* — с. Малая Лепетиха (I—4; II—1; III—1; VII—1); *19* — с. Владимировка (I—1); *20* — с. Любимовка (I—2; прочие — не опубл.); *21* — 1-й Мордвиновский курган и рядом (I—1; VI—1; неясн.— 2); *22* — с. Скелыки (I—1); *23* — с. Днепровское (I—1); *24* — Великий Токмак (I—1; III—2); *25* — Аккермень (I—1); *26* — Мелитопольский курган (I—1; II—1); *27* — с. Борисовка (I—2; II—1); *28* — Чмырева могила (I—1; II—1); *29* — дер. Башмачка (1—2); *30* — с. Николаевка (I—17; III—1); *31* — с. Ефимовка (I—1); *32* — Тирасполь-щина — села Парканы, Чобручи, Глинное, Плоское, Терновка, Коротное, Суклея, Сербская Земля (I—1; II—2; III—30; V—10; VI—2; неясн.— 1); *33* — с. Буторы (I—4; II—1); *34* — с. Петуховка (I—30; VIII—1); *35* — с. Солончаки-Аджигол (I—1; VIII—1); *36* — с. Кирово (I—2; III—2; VI—1); *37* — гр. Толстой могилы (I—1; III—1); *38* — гр. 3 кургана (I—1; III—1; VI—1); *39* — гр. Степного кургана (I—1); *40* — гр. Шахты № 22 (I—1; II—1; VI—1); *41* — Страшная могила и ее группа (I—1; V—2; VII—1); *42* — с. Капуловка (I—3; II—4); *43* — с. Кут (I—20; II—11; III—1; IV—1); *44* — гр. БОФ (I—2; II—1; V—1); *45* — дер. Камкалы (II—2); *46* — Слоновская Близница главная (II—1); *47* — Томаковская Близница 1-я (II—1); *48* — г. Николаев (II—1); *49* — с. Красное (II—2; IV—1; неясн.— 1); *50* — с. Балтазаровка (II—1; VI—1; неясн.— 1); *51* — с. Верхние Серогозы (II—2; неясн.— 1); *52* — уроч. Морская кошара (II—1; неясн.— 1); *53* — с. Огородное (III—1); *54* — с. Великая Знаменка — Лемешевы курганы и др. (III—1; VI—1; неясн.— 1); *55* — с. Верхний Рогачик (III—1; VI—1); *56* — с. Днепровка-Подольское (III—1); *57* — Толстая могила (III—1; VI—1); *58* — кург. Орел (IV—1); *59* — Александропольский курган (IV—1; VI—1); *60* — Краснокутский курган (VI—1); *61* — кург. Козел (VI—1); *62* — кург. Чертомлык (VI—1; неясн.— 1); *63* — 2-й Мордвиновский курган (VI—1); *64* — бывш. имение Крыма (неясн.— 1); *65* — кург. Бабы (неясн.— 1); *66* — Раскопана могила (неясн.— 1); *67* — ст. Михайлово-Апостолово (неясн.— 1); *68* — с. Шульговка — Новониколаевка (неясн.— 1); *69* — хут. Анновка (неясн.— 1); *70* — Геремесова Главная Близница (неясн.— 1); *71* — Плоская могила (неясн.— 1); *72* — гр. Орловой могилы (неясн.— 2); *73* — Нижнегорский р-н (неясн.— 1); *74* — с. Архангельская слобода (неясн.— 1; прочие — не опубл.); *75* — с. Ольшанка (неясн.— 1); *76* — с. Станишино (неясн.— 1); *77* — гр. Кременоватой могилы (неясн.— 2); *78* — с. Мироновка (неясн.— 1); *79* — г. Жданов (I?— 2); *80* — с. Вильна Украина (есть I, III, не опубл.); *81* — с. Снигиревка (есть I, II; не опубл.); *82* — с. Лупарево (неясн., не опубл.); *83* — пос. Новоамвросиевское (неясн.; не опубл.); *84* — с. Райское (неясн.— 1); *85* — с. Верхнетарасовка (есть I; не опубл.); *86* — села Пески, Христофоровна, Отрадное, Булгаково, Константиновка (есть I и II; не опубл.). Римские цифры — типы катакомб; арабские — количество катакомб; неясн.— тип неясн; гр.— группа. Сведения о неопубликованных памятниках взяты из сборников АО, АИУ и АИМ

случаях опоясывают яму по всему периметру (Никопольское поле, группа 9 *км*, кург. 2, погр. 2). или по трем сторонам («Хомина могила, погр. 3). Ступеньки отсутствуют в катакомбах с неглубоким расположением камеры. Их нет и в некоторых больших катакомбах (Чертомлык, Страшная могила), входные ямы которых расширяются книзу «колоколом», достигая глубины 7—10 *м*. Дно входных ям ровное или слегка покатое к камере; при переходе в камеру оно обычно обрывается ступенькой, что особенно характерно для катакомб первого варианта всех типов. Разность уровней дна входной ямы и камеры, таким образом, достигает 0,2—0,8 *м*. Она отмечена как в рядовых, так и в некоторых «царских» катакомбах. Вероятно, подобная ступенька при переходе в камеру делалась с целью уменьшения высоты устья входа в камеру: чем уже устье, тем его легче было закрыть закладом.

Есть основания предполагать почти обязательное употребление закладa для изоляции камеры от входной ямы. Устья камер закладывались: кусками глины, лёсса или дерна; камнями в виде правильно выведенной стенки или завала; досчато-бревенчатым заслоном, иногда в сочетании с

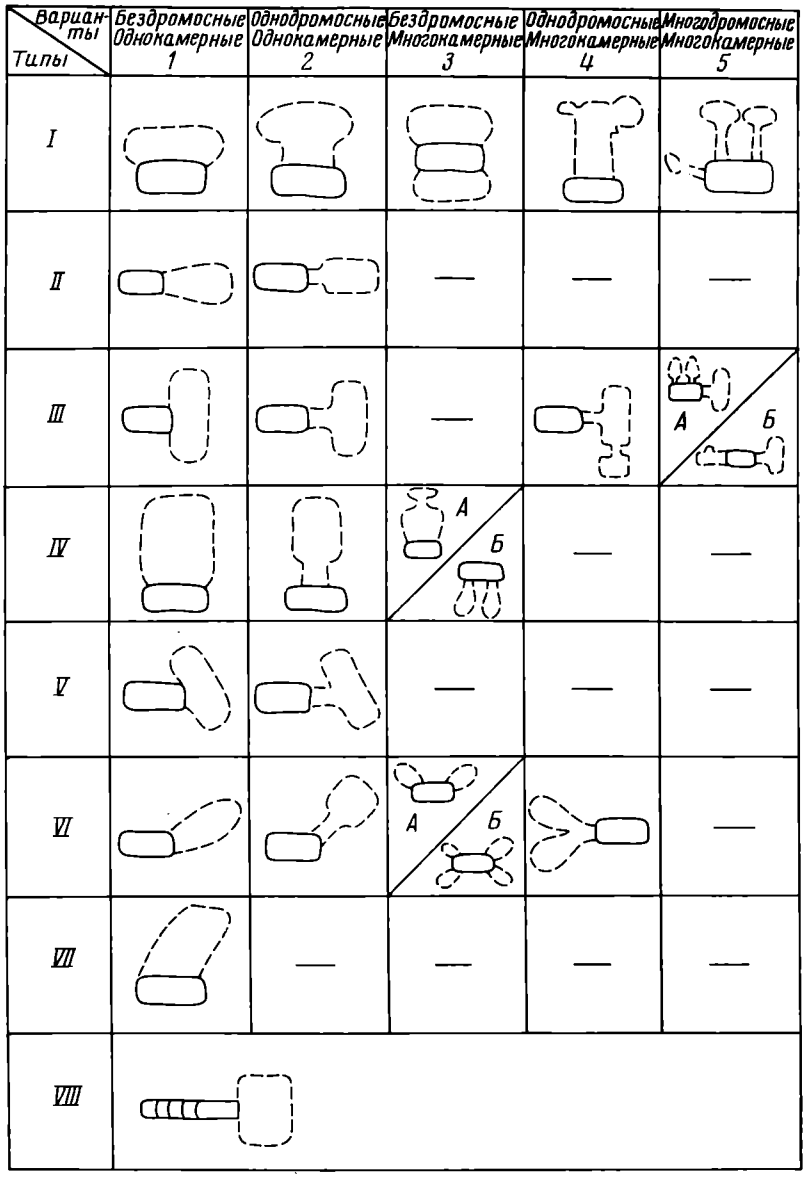


Рис. 2. Классификация скифских катакомб

лубом, циновками или плетнем; жердями и камнями (комбинированный заклад); амфорами; сырцовыми кирпичами.

Из 422 рассмотренных катакомб следы закладов обнаружены в 150, причем лишь в одном случае отмечается, что вход в камеру заложен семью комками лёсса (Никопольское поле, группа II, кург. 2, погр. 1). Несмотря на единичность факта, объясняемую трудностью определения лёссового заклада, вполне возможна широкая распространенность закладов этого типа.

Каменные заклады. По опубликованным данным, в степной зоне обнаружено 13 катакомб с закладом в виде правильно выведенной стенки[8]. Встречаются они главным образом в катакомбах 1—2 вариантов I—III типов. Куски плитняка укладывались в один-три ряда в виде стенки,

[8] Кург. 3 Пастака — ОАК за 1892 г. СПб., 1894, стр. 11, 12; погр. 51 некрополя Фронтовое I — *В. М. Корпусова.* Про населення хори античної Феодосії. Археологія, 6, 1972, стор. 44, рис. 3; погр. 3 кург. 2 у с. Буторы — *А. И. Мелюкова.* Раскопки курганов у с. Буторы Григориопольского района. АИМ — 1972, Кишинев, 1974, стр. 87—89; кург. 109 у с. Парканы, курган у с. Суклея — *А. И. Мелюкова.* Скифские курганы Тираспольщины..., стр. 128, 129 и др.

закрывающей устье входа в камеру. Возможно, заклады этого типа употреблялись чаще, но не сохранились из-за их разрушений при ограблении катакомб. Привлекает внимание заклад катакомбы VIII типа некрополя у с. Петуховка (погребение 2, I); нижний ряд камней заклада состоял из квадров, поверх которых был уложен плитняк [9]. Заклады в виде стенки встречаются и в «подбойных» могилах (катакомбах 1 варианта I типа) Ольвийского некрополя классического и эллинистического времени [10].

Значительно чаще встречаются каменные заклады в виде одной или нескольких плит, прикрывающих устье камеры, либо в виде завала камнями дна входной ямы и устья; их отмечено 44. Подобные заклады характерны для катакомб II—III типа, встречаются и у других типов (I, IV, VI). Иногда входные ямы забивались камнями почти или до уровня дневной поверхности, в том числе и в катакомбах «царских» курганов [11].

В целом катакомбы с закладами подобного типа распространены в Поднепровье, встречены у г. Николаева и на Днестре. Каменные заклады известны и в катакомбах 1 варианта I типа Ольвийского некрополя [12]. Иногда камни складывались кучей над уже заполненной грунтом входной ямой [13] и, очевидно, собственно закладами не являлись.

Деревянные заслоны. К числу распространенных, особенно в катакомбах 1 варианта I типа, относятся деревянные заклады-заслоны. Устраивались они следующими способами: 1 — устье закрывалось рядом вертикально стоящих плах, бревен или жердей [14]; 2 — в противолежащих стенках входной ямы, у устья, на некоторой высоте выдалбливались горизонтальные пазы-гнезда [15] для укрепления в них бревна, на которое опирались вертикально стоящие жерди или досчатые щиты. Иногда пазы вырубались в виде вертикальных канавок: в этом случае, вероятно, устье закрывалось горизонтально укрепленными в пазах жердями (например, катакомба кург. 12 группы БОФ); 3 — в устье устанавливалось вертикально несколько жердей, на которые опирались лежащие на ребре плахи [16].

Для более устойчивого укрепления деревянного щита в устье иногда оставлялись грунтовые порожки и перед ними — канавки-ровики шириной 7—20 *см* (рис. 3, *9*). Для закрепления деревянных плах заклада иногда использовались железные скобы и гвозди. Очень редко заслоном служили стенки разобранных возов (погр. 1, кург. 13, группа БОФ). Иногда заслоны делались из менее прочных растительных материалов:

---

[9] *M. Ebert.* Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, gowv. Cherson (Süd-Russland). PZ, Bd V, 1913, 1/2 Ht, S. 54, Taf. 56.

[10] Мог. 18/1906 г.— *Ю. І. Козуб.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н.е. Київ, 1974, стр. 144; мог. 23/1914 — *М. Парович-Пешикан.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, стр. 15 и т. д.

[11] Катакомба 2 Мелитопольского кургана; впускная катакомба Чмыревой могилы; катакомба в северо-восточной поле Александропольского кургана.

[12] Мог. 38/1910 — *Ю. І. Козуб.* Ук. соч., стр. 149; мог. 3/1906 — Там же, стр. 143; и другие погребения.

[13] Погр. 2, кург. 1, уроч. Морская кошара — *Г. Т. Ковпаненко, Э. В. Яковенко.* Скифские курганы на юге Херсонщины. СД, стр. 257; погр. 16, кург. 3 у с. Ефимовка — *А. Л. Алексеева.* Скифские погребения в курганах Одесской области. АИУ — 1968, Киев, 1971, стр. 151; погр. 2, кург. 10 у с. Борисовка — *Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра. МАСП, 6, 1970, стр. 66; Курганы Орел — ОАК за 1909—1910 гг., СПб., 1913, стр. 156.

[14] *Б. Н. Граков.* Скифские погребения..., стр. 102, рис. 2А, стр. 59, 63, *Г. Л. Скадовский.* Белозерское городище Херсонского уезда, Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. Тр. VIII АС, т. III. М., 1897, стр. 112, 113.

[15] В катакомбе 2, кург. 13 группы БОФ — пазы 0,2×0,28×0,2 м — *А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, Е. В. Черненко, Б. Н. Мозолевский.* Скифские курганы Никопольщины. СД, стр. 161.

[16] Погр. 3, кург. 38 у с. Любимовка — *Ю. В. Болтрик, Н. П. Зарайская.* Раскопки курганов близ с. Любимовки Каховского района. АИУ — 1968, Киев, 1971, стр. 9, 10.

коры и луба (погр. 3, кург. 19/21 группы II Никопольского поля; кург 11, группы БОФ), тростника в виде циновки [17], прутьев (плетень) [18]. Однако и в этих случаях почти всегда использовалось некоторое количество жердей или кольев для придания всей конструкции жесткости. Особенно часто деревянные заслоны встречаются в приднепровских катакомбах I—III типа, а также в Поднестровье (у с. Буторы). Деревянные досчатые заклады отмечены и в катакомбах 1 варианта I типа некрополя Ольвии [19]. В восьми катакомбах отмечены комбинированные заклады: устье камер закрыто стоящими вертикально жердями или щитами, со стороны входной ямы заваленными камнями [20].

Заклады из сырцовых кирпичей в виде стенки отмечены лишь в 27 катакомбах 1 варианта I типа и в двух катакомбах VIII типа некрополя у с. Петуховка [21]. Подобные заклады толщиной 0,2—0,3 *м* обычны в катакомбах этих же типов Ольвийского некрополя V—II вв. до н. э. [22]

Очень редки заклады из амфор, известно всего три, все в катакомбах 1 варианта I типа. Так, в катакомбе 1N Аджигольского могильника устье камеры прикрывали восемь стоящих на горле амфор, в катакомбах 3X и 4S могильника у с. Петуховка [23] — по 14 амфор. Заклады этого типа встречаются в «подбойных» могилах некрополя Ольвии и Никония [24].

Таким образом, из 150 изученных каменные заклады в виде правильно выведенной стенки и завала составляют 38%, деревянные (а также камышевые и плетневые) заслоны — 35%, комбинированные (из камня и дерева) — 5,3%, из сырца — 19,6%, из амфор — 2%. В дальнейшем доля каменных, деревянных и комбинированных закладов, очевидно, возрастет, так как открытие большого числа сырцово-кирпичных и амфорных закладов в скифских катакомбах маловероятно.

Дромосы — коридоры, соединяющие входные ямы с камерами, отличаются многообразием размеров. Подавляющее их большинство представляет собой ходы, вырытые по прямой; изогнутые дромосы встречаются чрезвычайно редко [25]. В сечении они овальны или аркообразны. Ширина дромосов, отходящих от коротких стенок входных ям (катакомбы II, III, V, VI типа), равна или почти равна ширине входных ям. У катакомб I и IV типов дромосы иногда равны входным ямам по ширине, но часто значительно у́же их. В большинстве «рядовых» катакомб ширина дромосов 1,0—1,5, высота 0,8—1,3, длина 0,6—2,3 *м*. Наибольших размеров дромосы достигают в катакомбах «царских» курганов. Так, дромос впускной катакомбы Солохи равнялся 10,65 *м*.

Высота камеры обычно превышает высоту дромосов, составляя в среднем 1,5—2,1 *м*. Их размеры и форма будут рассмотрены ниже; остановимся на некоторых общих деталях. Потолки камер чаще всего полуци-

---

[17] Николаевка, погр. 23, 27 и др. — *А. И. Мелюкова.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975, стр. 126; погр. I, кург. 1 против ул. 9 января пос. Сулицкого — *Б. Н. Граков.* Скифские погребения..., стр. 70.

[18] Кург. 2 у восьмикилометрового столба дороги из Никополя на Алексеевку; кург. 1 (32) и кург. 4 (30) гр. Серко — *Б. Н. Граков.* Скифские погребения..., стр. 73, 79, 80.

[19] Погр. 132/1902, раскоп VIII, погр. 57/1904 — *Ю. І. Козуб.* Ук. соч., стор. 137, 140.

[20] Кург. 1 группы шахты 22 — *А. И. Тереножкин, В. И. Ильинская, Е. В. Черненко, Б. Н. Мозолевский.* Ук. соч., стр. 166; погр. 1, кург. 10 у с. Борисовка — *Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков.* Ук. соч., стр. 65.

[21] *M. Ebert.* Op. cit., S. 34, 37.

[22] Погр. 10/1894 г., погр. 106/1906. *Ю. І. Козуб.* Ук. соч., стр. 133, 147; погр. 1901/71, раскоп. XII – *М. Парович-Пешикан.* Ук. соч., стр. 177.

[23] *M. Ebert.* Op. cit.. S. 34, 37.

[24] Погр. 1901/66, раскоп IX; погр. 141/1902, раскоп VIII — *Ю. І. Козуб.* Ук. соч., стр. 133, 137 и др.; *А. Г. Загинайло* и др. Исследования древнего Никония, АО – 1972, М., 1973, стр. 280, 281.

[25] Хомина могила, погр. 2. *Б. Н. Мозолевский.* Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепровщине. СД, стр. 226, рис. 33. «Большой курган» у с. Малая Лепетиха — *В. В. Латышев.* Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. Сообщ. ГАИМК, I, 1926. стр. 23, рис. 3.

линдрические в сечении, но встречаются стрельчатые (двускатные) и плоские. Иногда стены и дно камер специально обмазаны глиной, что отмечено в Белозерском могильнике и на Тираспольщине [26].

Ниши не имели широкого распространения. Они отмечены в 15—16 катакомбах, большинство которых относится к «царским» или очень богатым. Устраивались они либо на уровне дна камеры, либо на высоте 0,45—0,6 *м* от дна камеры в виде углублений длиной 0,6—0,9, высотой 0,45—0,6, глубиной 0,5—1,2 *м* [27]. Они использовались, очевидно, как тайники для погребальных даров. Ниши другого типа на уровне дна входной ямы в виде подбоя — встречены в катакомбах 1 и 2 Хоминой могилы. Сделаны они специально для конских захоронений и прикрыты деревянными заслонами [28]. Подобные ниши встречаются иногда и в камерах катакомб. Изредка в полу камер, главным образом больших катакомб, устраивались тайники в виде ямок диаметром 0,2—0,55, глубиной 0,2—0,5 *м* [29]. По внешнему виду они очень напоминают ритуальные ямки — бофры в могилах со столбовым каркасом на Среднем Дону [30]. Катакомбы I типа являются самыми распространенными, составляя около 54% всех катакомб с установленным типом (рис. 3). Подавляющее большинство катакомб I типа относится к 1 варианту (185 из 197); их обычно именуют подбоями. Форма камер чаще всего овальная, реже прямоугольная, трапециевидная или сегментовидная. Глубина входных ям колеблется от 1,5 до 4,5 *м*. Нам известна точная ориентировка входных ям и камер 154 катакомб 1 варианта. Из них 68,5% имеют широтно ориентированные входные ямы (в 58,5% камеры отходят к северу, в 10% — к югу), 5,2% — меридионально (по 2,6% камер отходят к З и В). По оси СЗ-ЮВ ориентированы входные ямы 18,2% катакомб (14,3% — камеры к СВ; 3,9% — к ЮЗ), по оси СВ — ЮЗ — 7,8% катакомб (6,5% камеры к СЗ; 1,3% — к ЮВ). Таким образом, катакомбы с камерами, отходящими к С, СВ и СЗ, составляют 79,3%, а к Ю, ЮВ и ЮЗ — 15,2% катакомб 1 варианта I типа. Длина камер катакомб этого варианта часто превышает длину входных ям; иногда разность эта значительна, и по плану указанные катакомбы напоминают катакомбы III типа [31]; камеры их большого размера (до 4,3×2,3 *м*) и содержат по нескольку погребенных. Иногда камеры в плане приближаются к квадрату [32], что сближает их с катакомбами IV типа. Подобная форма камер часто вызвана необходимостью помещения в них нескольких умерших. Почти во всех катакомбах 1 варианта I типа бескурганных могильников Николаевка I, Фронтовое I и курганного Петуховского длина входных ям равна длине камер, что является характерной чертой подобных катакомб Ольвийского некрополя V—II вв. до н. э. Ольвийские катакомбы отличаются от скифских небольшой глубиной входных ям, отсутствием «ступенек», почти обязательным употреблением сырцовых, амфорных или каменных закладов. Обычно в степных катакомбах 1 варианта I типа, распространенных широко (рис. 1), помимо глиняных и лёссовых применяются каменные и деревянные заклады; сырцовые и амфорные отмечены только в Петуховском и Аджигольском могильниках.

---

[26] *Г. Л. Скадовский.* Ук. соч., стр. 150—154; *А. И. Мелюкова.* Скифские курганы..., стр. 128, 137.

[27] Большие, «хозяйственные» ниши мы считаем камерами (например, в основной катакомбе Толстой могилы).

[28] *Б. Н. Мозолевский.* Ук. соч., стр. 212.

[29] Гайманова могила; Страшная могила; Хомина могила — погр. 1; кург. 10/31, погр. 1 гр. Солохи.

[30] *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени на Среднем Дону, стр. 12, 13.

[31] Село Кут, кург. 20, погр. 1; кург. 7, погр. 9 — *Д. Т. Березовець.* Розкопки курганного..., стр. 66, 53—55.

[32] Село Кут, кург. 7, погр. 3 — Там же, стр. 51.

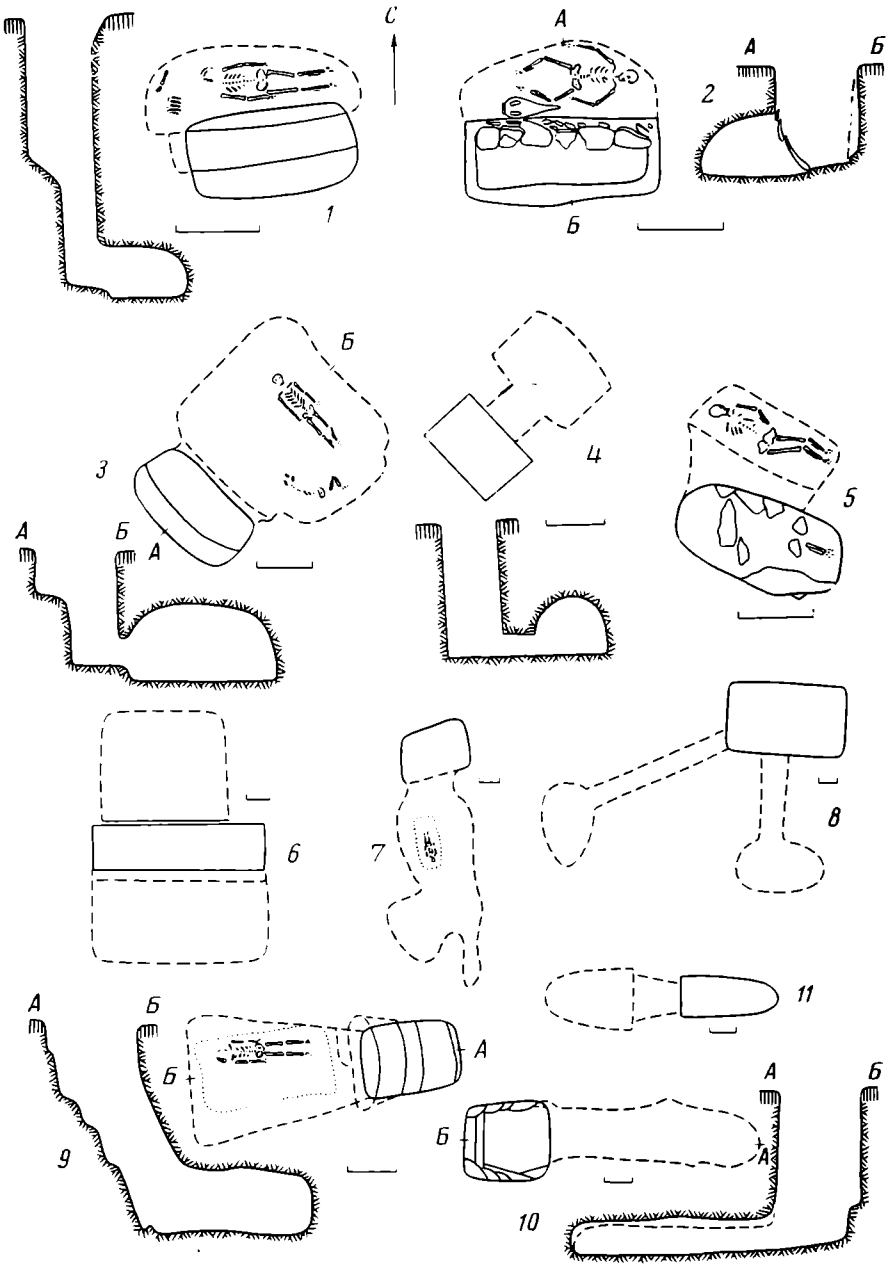


Рис. 3. Катакомбы I–II типов. *1* – I тип, 1 вариант (дальше – в) (Капуловка I, кург. 13, погр. 2); *2* — I тип, 1 в. (I Николаевский могильник, раскоп VIII, погр. 22); *3* – I тип, 1 в. (с. Кут, кург. 7, погр. 3); *4* – I тип, 2 в. (с. Глинное, кург. 277); *5* – I тип, 2 в. (Никопольское поле, гр. Серко, к. 5(23), погр. 12); *6* – I тип, 3 в. (Солоха, основное); *7* – I тип, 4 в. (Мелитопольский курган, катакомба № 1); *8* — I тип, 5 в. (с. Большая Белозерка, кург. 3); *9* — II тип, 1 в. (с. Нагорное, кург. 6); *10* — II тип, 1 в. (Хомина могила, погр. 3); *11* – II тип, 2 в. (с. М. Лепетиха, кург. I)

Катакомб 2 варианта I типа отмечено шесть, почти все — в Поднепровье [33], катакомб 3 варианта с двумя камерами под длинными стенками — две (Солоха, основное; погр. 3 кург. 48 у с. Любимовка). У двух катакомб 4 варианта признаки выражены нечетко, для них характерны длинные широкие дромосы (Солоха, впускное; Мелитопольский курган,

[33] Впускное в Деев курган; впускное в кург. 5 у с. Широкое; кург. 5, гр. Толстой могилы; погр. 12, кург. 5 гр. Серко; погр. 2, кург. 5 у пос. Днепрорудный; кург. 277 с. Глинное (Тираспольщина).

катакомба 1). Обе катакомбы 5 варианта имеют по два-три отходящих от широкой входной ямы дромоса (Чмырева могила, основное; кург. 3 у с. Белозерка).

Катакомбы I типа (1—2 варианты) появляются у скифов Причерноморья не позже середины — второй половины VI в. до н. э.[34], но основная их масса (1—5 варианты) относится к IV—III вв. до н. э. Судя по инвентарю катакомб 1 варианта Петуховского и других могильников, они продолжают существовать и в конце III—II вв. до н. э. и позднее[35].

Таблица 1

Распределение исследованных катакомб по типам и вариантам

Тип	Вариант					Всего
	1	2	3	4	5	
I	185	6	2	2	2	197
II	44	8	–	–	–	52
III	28	31	–	4	2	65
IV	5	3	2	–	–	10
V	5	13	–	–	–	18
VI	7	6	6	1	–	20
VII	3	–	–	–	–	3
VIII						4
Не ясно						53

Катакомбы II типа составляют 14% катакомб с установленным типом (рис. 3). Камеры их чаще всего овальной или удлиненно-трапециевидной формы: обычно употребление каменного, досчатого или комбинированного заслона. Большинство их относится к 1 варианту. Из 44 катакомб 1 варианта с установленной ориентировкой около 80% ориентированы широтно (в 55% — камеры к востоку, в 25% — к западу), около 7,5% — меридионально (камеры — к С), около 12,5% — по оси СВ — ЮЗ (в 7,5% камеры к СВ, в 5% Ю к ЮЗ). Второй вариант представлен восемью катакомбами Поднепровья и Приднестровья, ориентированными главным образом широтно. Датируются катакомбы II типа IV—III вв. до н. э.[36], хотя продолжают существовать и позднее[37].

Катакомб III типа отмечено 65 (17,5% катакомб с установленным типом; см. табл. 1 и рис. 4). 28 из них относятся к 1 варианту, особенно часто встречаемому на Никопольщине и Тираспольщине. Известна точная ориентировка 18 катакомб 1 варианта: 61% их имеет камеры, ориентированные меридионально (входные ямы — к западу), 17% — широтно (входные ямы — к югу), 22% — по оси СВ — ЮЗ (17% входные ямы — к СЗ, 5% — к ЮВ). Близкое соотношение дают 25 катакомб (с установленной ориентировкой) 2 варианта: 92% камер ориентировано меридионально (в 72% — входные ямы к западу, в 20% — к востоку), 8% — по оси СВ — ЮЗ. Катакомбы 2 варианта часты на Тираспольщине, встречаются и в Поднепровье. Особенность некоторых тираспольских катакомб — врезной решетчатый орнамент на потолке и стенках камер. Подобным образом украшена и камера катакомбы кург. 3 у с. Кирово: из центра свода

---

[34] Впускное в кург. 3 у Нижних Серогоз — ОАК за 1898 г., СПб., 1901, стр. 25; погр. 12, кург. 5 (23), гр. Серко — *Б. Н. Граков.* Скифские погребения..., стр. 80, 81.

[35] *И. Ф. Фабрициус.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 66; *В. Бабенчиков.* Новый участок некрополя Неаполя Скифского, ВДИ, 1949, 1, стр. 111—119.

[36] *Б. Н. Граков.* Скифские погребения.... стр. 95.

[37] *В. Бабенчиков.* Ук. соч., стр. 111—119.

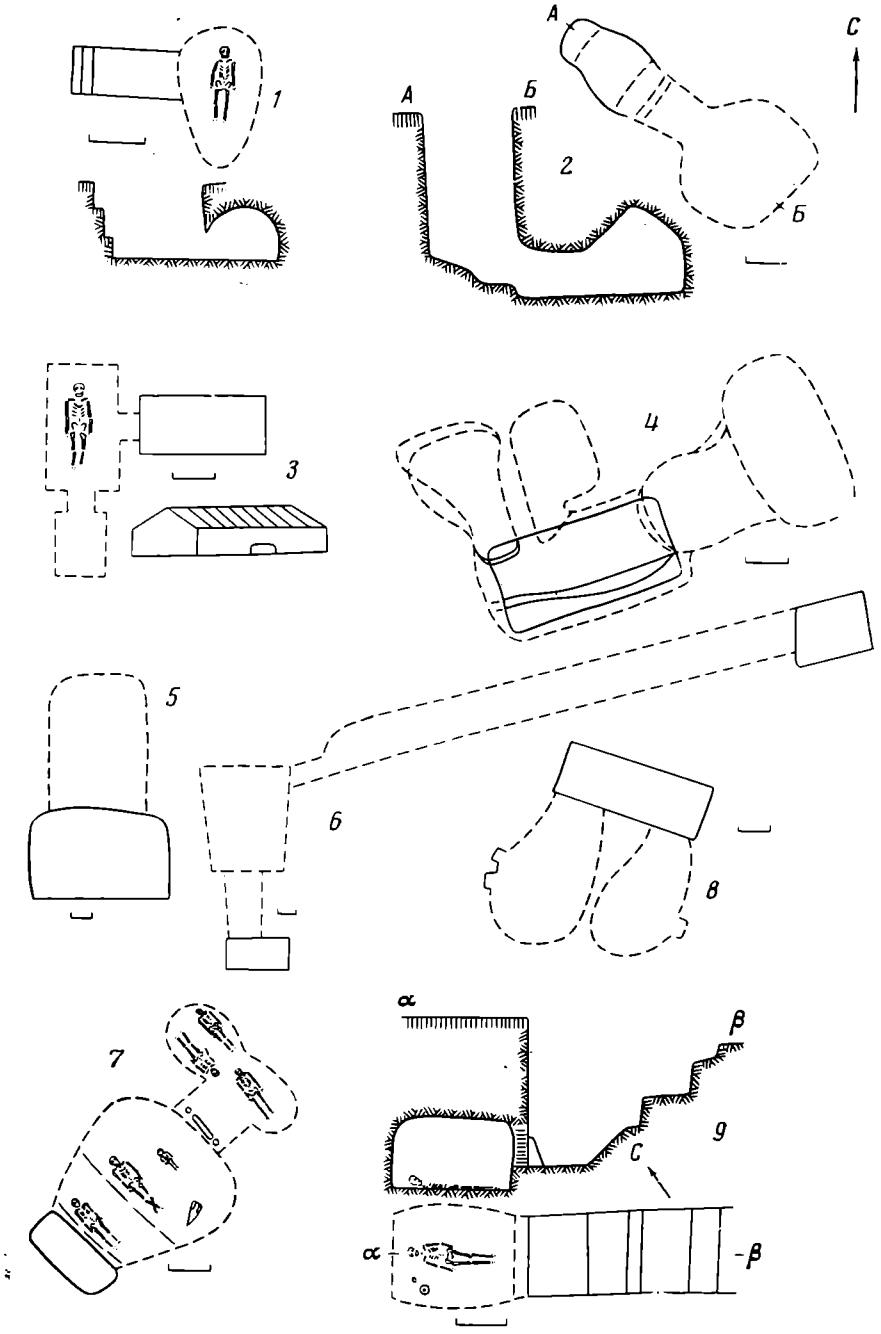


Рис. 4. Катакомбы III, IV, VIII типов. *1* — III тип, 1 вариант (с. Терновка, кург. 188); *2* — III тип, 2 в. (с. Кирово, кург. 3); *3* — III тип, 4 в. (с. Парканы, кург. 173); *4* — III тип, 5 в., А (Толстая могила, основное); *5* — IV тип, 1 в. (кург. Орел); *6* — IV тип, 2 в. (Александропольский курган, основное); *7* — IV тип, 3 в., А (с. Белозерка, кург. 45); *8* — IV тип, 3 в., Б (с. Малая Лепетиха, кург. 2, погр. 1—2); *9* — VIII тип (с. Петуховка, погр. IL)

теслом высечены четыре радиально расходящихся желобка, спускавшихся по стенам камеры (рис. 4) [38].

Катакомб 4 варианта III типа всего четыре; для них характерно наличие второй камеры, отходящей от основной. Катакомб 5 варианта — две: основное погребение Толстой могилы с главной и двумя хозяйствен-

[38] *Е. В. Черненко.* Скифские курганы на Никопольщине. ЗОАО, II, Одесса, 1967, стр. 188, 189.

ными камерами (подвариант А), катакомба № 1 Каменного кургана у с. Днепровка с дромосами, отходящими от коротких стенок входной ямы (подвариант Б).

Приднепровские катакомбы III типа датируются IV—III вв. до н. э.[39], датировка большинства тираспольских затруднительна из-за их ограбления и малого количества инвентаря. Изучившая их А. И. Мелюкова пришла к выводу, что «большинство катакомбных погребальных сооружений (I типа) относится скорее всего ко II в. до н. э.»[40], хотя некоторые датируются и более ранним временем (III в. до н. э.)[41].

Десять катакомб принадлежат к IV типу и локализуются в Поднепровье (см. рис. 1, *4*). Катакомбы 1 варианта (5) по положению камеры близки катакомбам 1 варианта I типа, из которых они, возможно, и развивались путем увеличения камер в ширину. Однако по ориентации камер они сближаются с катакомбами 1 варианта II типа. Так, в трех из четырех катакомб с установленной ориентировкой камеры расположены по оси З — В и ЮЗ — СВ и в 1 — по оси С — Ю. Ко 2 варианту относится три, к З — две катакомбы (подварианты А и Б, см. рис. 4); камеры их ориентированы по оси С — Ю и ЮЗ — СВ. Обычно применение каменных закладов в виде стенки или завала. Примечательно, что четыре из десяти катакомб IV типа по их размерам и остаткам инвентаря вполне могут считаться «царскими» (Орел, Деев и Александропольский курганы — основные катакомбы; погр. 1/2 кург. 2 у с. Малая Лепетиха). На основании инвентаря устанавливается период бытования катакомб IV типа — IV—III вв. до н. э.

Катакомб V типа зафиксировано 18, все они рядовые (рис. 5). В 13 (72%) из них (1 и 2 вариантов) камеры ориентированы по оси С — Ю, часто сужаясь к югу; в четырех — по оси СЗ — ЮВ, в одной — по оси З — В. Входные ямы почти всегда расположены к западу или северо-западу от камер. Распространены катакомбы V типа в Поднепровье, где они датируются IV—III вв. до н. э., и на Тираспольщине (конец III—II вв. до н. э.)[42].

Катакомб VI типа известно 20. К 1 варианту относится семь (входные ямы — по оси З — В, камеры — к СВ и В), ко 2 варианту — пять катакомб. Примечательны шесть катакомб. 3 варианта. Все они обнаружены под «царскими» курганами, характеризуются большими размерами и делятся на два подварианта: А — с камерами, отходящими от двух углов входной ямы (Б. Цимбалка; Толстая могила, впускное); Б — с камерами, отходящими от четырех углов входной ямы (Чертомлык, Козел, 1-й и 2-й Мордвиновские). Катакомба 4 варианта уникальна (рис. 5).

Катакомбы 1—3 вариантов VI типа относятся к IV—III вв. до н. э., датировка 4 варианта неясна.

Тип VII представлен тремя катакомбами 1 варианта из Приднепровья (рис. 5). Данный тип очень близок IV типу по взаиморасположению камеры и входной ямы; по инвентарю датируется IV—III вв. до н. э.

VIII тип катакомб — с длинной входной ямой-лестницей — встречен лишь в Петуховском могильнике (рис. 4) и по инвентарю относится к концу III—II в. до н. э.[43] Аналогичные земляные склепы известны в некрополе Ольвии конца IV—I вв. до н. э.[44] и некоторых других городов.

Таким образом, все катакомбы (369), в том числе «царских» курганов, укладываются в схему классификации, хотя и не всегда идеально точно. «Царские» или очень богатые захоронения представлены во всех

---

[39] *Б. Н. Граков.* Скифские погребения..., стр. 94, 95.

[40] *И. А. Мелюкова.* Скифские курганы..., стр. 160. I тип катакомб по А. И. Мелюковой соответствует III и V типам катакомб предлагаемой классификации.

[41] Там же, стр. 160, 161.

[42] *А. И. Мелюкова.* Скифские курганы Тираспольщины..., стр. 160, 161.

[43] *M. Ebert.* Op. cit., S. 44, 57—64.

[44] *М. Паровић-Пешикан.* Ук. соч., стр. 34—37.

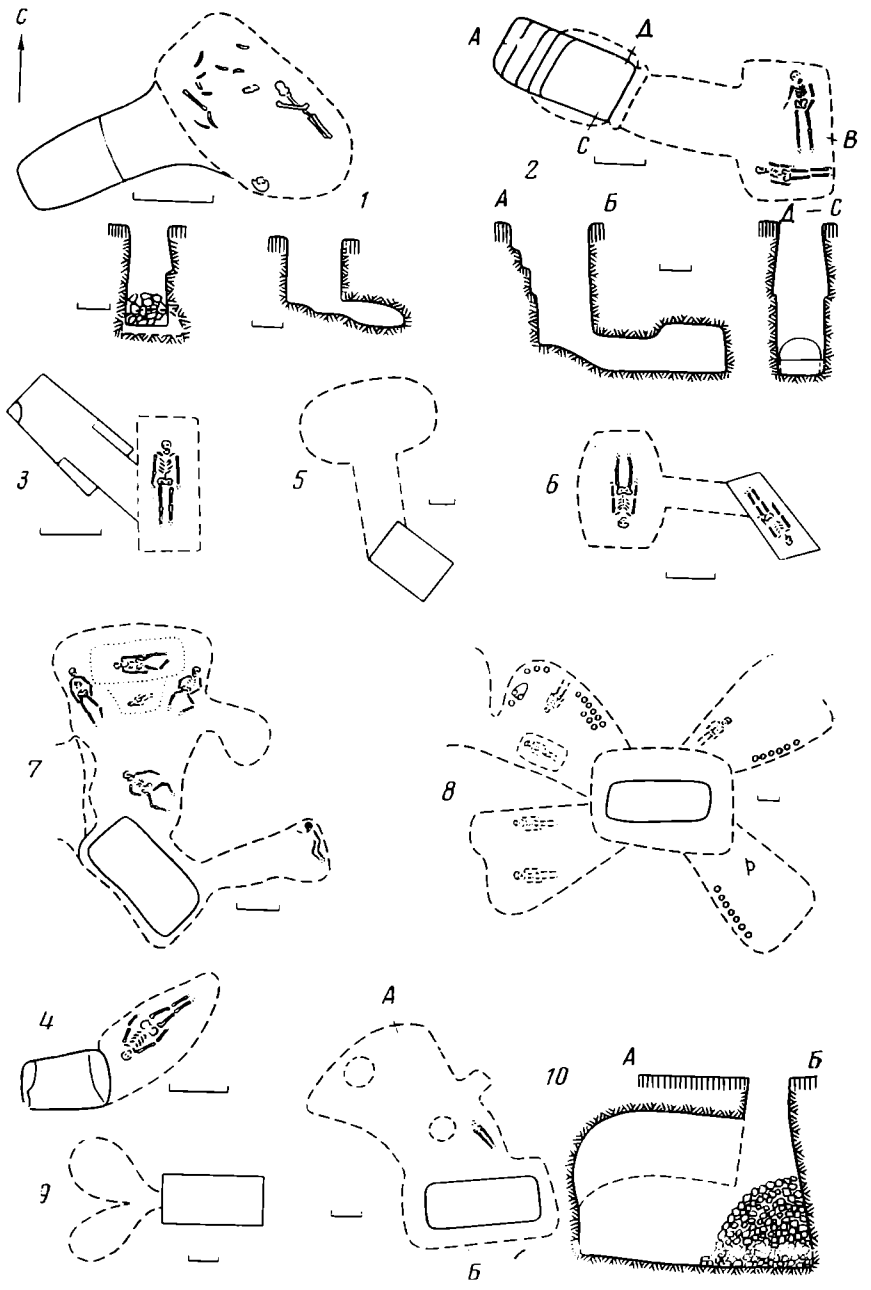


Рис. 5. Катакомбы V—VII типов. *1* — V тип, 1 вариант (гр. БОФ, кург. 1); *2* — V тип, 2 в. (гр. Страшной могилы, кург, 4, погр. 2); *3* — V тип, 2 в. (с. Глинное, кург. 279); *4* — VI тип, 1 в. (гр. Солохи, кург. 2(25), погр. 3); *5* — VI тип, 2 в. (Лемешевы курганы у с. Великая Знаменка, кург. 2, впускное); *6* — VI тип, 2 в. (с. Сербская Земля, кург. 260); *7* — VI тип, 3 в. А (Толстая могила, впускное); *8* — VI тип, 3 в., Б (Чертомлык, основное); *9* — VI тип, 4 в. (с. Парканы, кург. 120); *10* — VII тип, 1 в. (Страшная могила)

типах катакомб, кроме V и VIII. Катакомбы 4—5 вариантов I типа, 5 варианта III типа, 3 варианта VI типа содержат только «царские» захоронения. Четыре из десяти катакомб IV типа также являются «царскими». Итак, большинство «царских» захоронений совершалось в катакомбах усложненной конструкции, представленных 16 вариантами шести типов, однако лишь четыре варианта из 16 являются чисто «царскими», остальные 12 содержат как «царские», так и рядовые захоронения.

Рассмотренные I—VII типы катакомб можно объединить в три группы (рис. 2): а) I, IV, VII типы — камеры примыкают к длинным стенкам входных ям. Возможно, катакомбы IV и VII типа развились из катакомб самого простого, I, типа, что подтверждается наличием переходных форм катакомб I типа; б) II и VI типы — различаются лишь углом отклонения камеры от оси входной ямы; в) III и V типы — сближаются Т-образной схемой и меридиональной ориентировкой камер. Можно допустить развитие VI типа из II, а V — из III.

Картографирование катакомб показало (см. рис. 1), что катакомбы I—II типов встречаются на большей части территории степи между Доном и Днестром; катакомбы III типа и 2 варианта V типа — примерно на той же территории, концентрируясь на Никопольщине и Тираспольщине; катакомбы IV, 1 варианта V, VI и VII типов — в основном в Поднепровье.

Существует ли связь между типами катакомб и ориентировкой погребенных в них скифов? Далеко не во всех случаях удавалось зафиксировать ориентировку; она известна примерно для 240 катакомб. В табл. 2 представлено распределение ориентировок погребенных по всем вариантам и типам катакомб [45]. Таблица позволяет сделать следующие выводы: 1) в катакомбах 1 варианта I типа погребенные ориентированы преимущественно на запад и запад с отклонениями (67%), высокий процент восточной (с отклонениями) ориентировки (30%) получился в основном за счет катакомб Петуховского (Марицынского) могильника; 2) катакомбы II типа устойчиво связаны с западной ориентировкой погребенных (73—82%); 3) катакомбы III, а также V типов устойчиво связаны с северной ориентировкой погребенных (примечательно, что катакомбы этих типов концентрируются на Никопольщине и Тираспольщине); 4) связь между ориентировкой погребенных и катакомбами прочих типов (IV, VI—VIII) не ясна из-за недостатка данных.

Чрезвычайно важен вопрос хронологии катакомб выделенных типов. Их абсолютная дата достаточно уверенно определяется только по погребальному инвентарю. Относительную же хронологию можно попытаться определить, выяснив, катакомбы каких типов чаще являются впускными в курганы с основными катакомбами других типов (т. е. более поздними) и каких типов — чаще основными (т. е. более ранними). Данные о «взаимовпускаемости» катакомб всех типов [46] представлены в табл. 3, показывающей: а) количество основных катакомб каждого варианта и типа (крайняя правая вертикальная колонка); б) в курганы с основными катакомбами каких типов (а также погребениями эпохи бронзы и ямами скифского времени) и как часто впускались катакомбы каждого типа (вертикальные колонки); в) как часто катакомбы каждого типа являлись основными при впуске в курганы катакомб всех типов (горизонтальные колонки); г) количество впускных катакомб каждого типа (нижняя горизонтальная колонка).

Иногда курган насыпался сразу над несколькими вырытыми одновременно, т. е. основными, катакомбами [47]. Так, под насыпью кург. 13 группы I у с. Капуловка [48] находилось две основные катакомбы 1 варианта I типа; под кург. 2 у с. Малая Лепетиха — три основные катакомбы: две — 1 варианта I типа и одна — 3 варианта IV типа; под кург. 3 у с. Малая

---

[45] В таблице учитывается не количество погребенных, а число катакомб, содержащих погребенных с данной ориентировкой. Если в одной катакомбе находится несколько погребенных с разной ориентировкой, она заносится сразу в несколько соответствующих граф ориентировки.

[46] К сожалению, далеко не во всех случаях удалось определить, какие катакомбы являлись основными и какие впускными, а иногда и их «взаимовпускаемость» из-за разрушения основных катакомб. Подобные случаи в таблице не отражены.

[47] Иногда над несколькими ямами и над одновременными ямой и катакомбой.

[48] *А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, Е. В. Черненко, Б. Н. Мозолевский.* Ук. соч., стр. 120, рис. 7.

Таблица 2

Ориентировка погребенных в катакомбах

Катакомбы		Ориентировка погребенных							
тип	вариант	З	В	С	Ю	СЗ	СВ	ЮЗ	ЮВ
I	1	60	27	3	1	26	8	5	6
	2	2				1			
	3	1							
	4	1	1		1				
	5								
	Всего	64	28	3	2	27	8	5	6
II	1	15	1	3		1			
	2	1						1	
	Всего	16	1	3		1		1	
III	1	3		11		4	1		1
	2	1	1	18	2		1		
	4								
	5				1				
	Всего	4	1	29	3	4	2		1
IV	1	1		1					
	2	2			1				
	3				1	1	1		
	Всего	3		1	2	1	1		
V	1	1			1	1	1		
	2		1	6	1		1		1
	Всего	1	1	6	2	1	2		1
VI	1			2		1		1	
	2						1		
	3	2		1					
	4								
	Всего	2		3		1	1	1	
VII	1					1			
VIII			1	1	1	1		2	
	Итого: 246	90	32	46	10	37	14	9	8

Лепетиха [49] — три основные катакомбы: одна — 1 варианта VII типа и две — 1 варианта I типа. Это доказывает определенную синхронность катакомб отмеченных вариантов I, VI и VII типов.

На основании табл. 3 приходим к следующим выводам.

1. Катакомбы I типа [50] резко выделяются среди прочих типов тем, что довольно часто впускаются в курганы эпохи бронзы. В целом впуск-

[49] ОАК за 1913—1915 гг., СПб., 1918, стр. 136—140.

[50] Здесь и далее — главным образом 1 варианта всех типов.

Таблица 3

Взаимовстречаемость катакомб I—VII типов

	Тип	Вариант	Впускные катакомбы																				Итого основных	
			I					II		III				IV			V		VI					VII	
			1	2	3	4	5	1	2	1	2	4	5	1	2	3	1	2	1	2	3	4	1		
Основные катакомбы	I	1	15	1				3		4									1					109	113
		2																						1	
		3				1																		1	
		4																							
		5						1																2	
	II	1	3					5		3	1						1		1					30	35
		2				1		1																5	
	III	1	3							2				1			1							14	46
		2																						28	
		4																						2	
		5																			1			2	
	IV	1																						1	5
		2		1																1				2	
		3																						2	
	V	1	1	1				1																3	15
		2																1						12	
	VI	1	1					1		1				1					1					4	13
		2																						4	
		3	1																					4	
		4																						1	
	VII	1																							3
	Погребения эпохи бронзы		25	1						1															
	Ямы скифского времени		7																	1					
	Итого впускных		56	4	—	2	—	12	—	11	1	—	—	2	—	—	2	1	3	2	1	—			
			62					12		12				2			3		6				—		

ные катакомбы этого типа составляют более трети их общего числа. Возможно, данный факт свидетельствует о ранней дате появления в скифском погребальном обряде этого типа катакомб. В курганы с основными катакомбами I типа впускались катакомбы I—III, VI типов — их самого простого, 1 варианта. С другой стороны, катакомбы I типа впускаются в курганы с основными катакомбами почти всех типов; следовательно, катакомбы I типа бытуют длительный период времени, включающий период бытования катакомб II—VII типов.

2. В курганы с основными катакомбами II типа впускаются катакомбы I—III, редко V—VI типов. В свою очередь катакомбы II типа впускаются (впускные составляют 26%) в курганы с основными катакомбами I и II, редко V и VI типов, но никогда с катакомбами III типа [51]. Данный факт свидетельствует об определенном периоде сосуществования катакомб указанных типов, а также, возможно, о несколько более раннем возникновении катакомб II типа, чем III типа, и о близкой, но не единой племенной принадлежности их создателей.

3. В курганы с основными катакомбами III типа впускались катакомбы I и III, редко IV—V типов. Более 20% катакомб III типа — впускные в курганы с основными катакомбами I—III, иногда VI типов. Таким образом, подтверждается синхронность бытования катокомб I—III типа при несколько более позднем появлении катакомб III типа.

4. По катакомбам IV типа данных мало, но, судя по ним, этот тип примерно синхронен I, III, VI типам.

5. В курганы с основными катакомбами V типа впускались катакомбы I, иногда II, V типов. Более 15% катакомб V типа — впускные в курганы с основными катакомбами II, III, V типов. Итак, данный тип синхронен по крайней мере катакомбам I—III типов.

6. Катакомбы VI типа, очевидно, сосуществуют с катакомбами I—IV типов; более 30% их — впускные. Примечательно отсутствие всякого контакта с катакомбами V типа, хотя V и VI типы, без сомнения, определенное время сосуществуют.

7. Катакомбы VII типа все основные, судя по кургану № 3 у с. Малая Лепетиха, некоторое время сосуществуют с катакомбами I типа.

8. Катакомбы VIII типа все основные; по инвентарю — очень поздние (III—II вв. до н. э.).

Имеющийся материал недостаточен для точных и окончательных выводов относительно сравнительной хронологии катакомб всех типов, однако он позволяет наметить следующую схему: наиболее ранними являются простейшие катакомбы — 1 варианта I типа, впускаемые в курганы эпохи бронзы или являющиеся основными; затем появляются катакомбы II и близкого ему VI типов; немного позже — катакомбы близких III и V, IV и VII типов. Определенное время катакомбы I—VII типов сосуществуют; катакомбы VIII типа — самые поздние.

Предложенной схеме относительной хронологии типов катакомб не противоречат имеющиеся абсолютные даты, что позволяет представить эволюцию катакомб следующим образом: VI—V вв. до н. э.— единичные катакомбы простейших вариантов I типа, впускаемые в курганы эпохи бронзы и реже основные; IV—III вв. до н. э.— сосуществование катакомб I—VII типов; III—II вв. до н. э.— катакомбы I—III, V, VIII типов.

Как уже отмечалось, катакомбы характерны для погребального обряда степных скифов и особенно часто встречаются в степном Поднепровье. У лесостепных же скифских племен были широко распространены погребальные сооружения с использованием дерева: столбово-каркасные и срубные конструкции; ямы, перекрытые накатом, и т. д. Наблюдаются отличия и в ориентировке погребенных. Если в степных катакомбах по-

[51] Впервые отмечено Б. Н. Граковым — *Б. Н. Граков.* Скифские погребения..., стр. 89.

гребенные ориентированы преимущественно на запад (см. табл. 2), то в лесостепном Правобережье [52] — на север, юг, восток, запад; по р. Ворскле [53] — на юг (и с отклонениями к востоку и западу); по р. Псел [54] — на юг; по р. Суле [55] — на юг; в районе г. Борисполя [56] — на запад, восток, юг; на Северском Донце [57] — на юг; на Среднем Дону [58] — на юго-запад, юг, северо-восток, т. е. по предварительным данным преобладает южная ориентировка.

Кроме степи, катакомбы IV—III вв. до н. э. отмечены в лесостепи: в Тясминской и Поросской группах, на Киевщине (у г. Борисполя, с. Ерковцы), на Северском Донце (с. Мастюгино, с. Русская Тростняка), на Среднем Дону (с. Черемушна) [59], на Кировоградщине [60]. В большинстве указанных районов они единичны (всего около 40) и заметные группы составляют только на р. Тясмин (16) и у г. Борисполя (12). Конструктивно лесостепные катакомбы ничем не отличаются от степных и укладываются в предложенную классификацию. Общие замечания следующие: в лесостепи почти нет богатых, «царских» катакомб; катакомбы относятся к простейшим 1—2 вариантам разных типов. Примечателен набор типов лесостепных катакомб. Так, в лесостепном Правобережье встречаются катакомбы 1 варианта I типа [61], наиболее распространенные в степи; в кургане у с. Ерковцы [62] обнаружено две катакомбы 1 варианта VI типа; у с. Любарцы и Старинской Птицефабрике [63] катакомбы 1 варианта IV типа (одна), 2 варианта I типа (две), 1—2 вариантов II типа (четыре), 1 варианта VI типа (две), 1—2 вариантов III типа (три) — такое разнообразие катакомб при их небольшом количестве (12 катакомб относятся к пяти типам) редко дают даже степные некрополи (рис. 1). В степи известно семь катакомб 1 варианта VI типа, а в лесостепи — минимум четыре.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что редкие катакомбы — 1 варианта IV и VI типов — в лесостепи встречаются значительно чаще, чем в степи, причем погребенные в них ориентированы, как и в степи, на запад, при господстве в лесостепи южной ориентировки. Примечательно, что погребенные в катакомбах III типа (у г. Борисполя) были ориентированы на юг, тогда как в степи в подобных катакомбах преобладает ориентировка на север. Данные факты не опровергают ранее высказывавшегося мнения [64] о том, что появление в лесостепи катакомб свидетельствует о продвижении в IV—III вв. до н. э. части степного скифского населения на север.

В то же время, возможно, северная ориентировка погребенных в катакомбах III и V типов связана с тем, что в степь «проникла какая-то

[52] *В. Г. Петренко.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э., САИ, Д 1—4, М., 1967, стр. 17.

[53] *Г. Т. Ковпаненко.* Племена скифского времени на Ворскле. Автореф. канд. дис. М., 1967, стр. 15; *ее же.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967, стор. 89.

[54] *В. А. Ильинская.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. СА, XVII, 1957, стр. 242.

[55] *В. А. Ильинская.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, стр. 86.

[56] *В. А. Ильинская.* Скифские курганы около г. Борисполя. СА, 1966, 3, стр. 153.

[57] *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. МИА, 113, 1962, стр. 5.

[58] *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени на Среднем Дону, стр. 12—14.

[59] *Б. Н. Мозолевский.* Скифский курган у с. Ерковцы на Киевщине. СМ, стр. 211—217; *В. Г. Петренко.* Ук. соч., стр. 17; *В. А. Ильинская.* Скифские курганы..., стр. 154—159; *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени..., стр. 21.

[60] *Н. М. Бокий.* Археологические работы на Кировоградщине в 1968 г. АИУ — 1968, Киев, 1971, стр. 155.

[61] *В. Г. Петренко.* Ук. соч., стр. 113, табл. 2.

[62] *Б. Н. Мозолевский.* Скифский курган..., стр. 212, рис. 1.

[63] *В. А. Ильинская.* Скифские курганы около г. Борисполя..., стр. 154—162.

[64] *В. А. Ильинская.* Скифские курганы около г. Борисполя..., стр. 166; *Б. Н. Мозолевский.* Скифский курган..., стр. 215; *А. М. Хазанов.* Социальная история скифов. М., 1975, стр. 240.

отдельная часть лесостепного населения»[65] с Днепровского Правобережья.

В данной работе не представляется возможным подробно остановиться на проблеме происхождения скифских катакомб и тем более решить ее, однако сделаем некоторые замечания. Неоднократно высказывались предположения о связи скифских катакомб с погребальными сооружениями катакомбной культуры, доживающей, как считают некоторые исследователи[66], в Предкавказье, Поднепровье или на Северском Донце до рубежа II—I тысячелетий до н. э. или до раннескифского времени. Действительно, погребения катакомбной культуры в своем большинстве соответствуют простейшим вариантам I—IV типов скифских катакомб по предложенной классификации. Возможно также, что в Причерноморье традиция погребения в катакомбах доживает до начала I тысячелетия до н. э.[67] Основываясь на этом, Е. Г. Кастанаян объясняет появление подбойных погребений в некрополе Пантикапея влиянием местной традиции эпохи бронзы[68]. Подобное предположение малоубедительно из-за большого хронологического разрыва между местными и пантикапейскими катакомбами. Так, только в Ольвии подбои появляются в начале V—IV вв. до н. э., а массовое их распространение в некрополе Ольвии относится к III—II вв. до н. э., Пантикапея — II—I вв. до н. э.[69] Более верным кажется мнение Г. А. Цветаевой, связывающей появление в Пантикапее подбоев с влиянием синхронного местного этнического элемента[70]. Объяснить появление у скифов подбоев греческим влиянием невозможно.

Хронологически скифским катакомбам наиболее близки катакомбы восточных кочевников раннего железного века. По подсчету К. Ф. Смирнова, к рубежу VII—VI—V вв. до н. э. можно отнести 11 подбоев с захоронениями кочевников Казахстана[71]. VIII—V вв. до н. э. датируется не менее семи савроматских катакомб (I—II типов по предложенной классификации) Поволжья и Южного Приуралья[72]. В. П. Шилов считает, что «в раннесарматское время такие формы могил, как подбойные и катакомбные, в Нижнем Поволжье являются уже укоренившейся традицией, идущей, видимо, еще с эпохи бронзы»[73]. У скифов степного Причер-

---

[65] *А. И. Мелюкова.* Скифские курганы Тираспольщины, стр. 162.

[66] *М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 433; *М. И. Артамонов.* Этногеография Скифии, стр. 148, 149; *Л. С. Клейн.* Происхождение скифов царских..., стр. 32; *П. Д. Либеров.* Памятники скифского времени бассейна Северного Донца, стр. 73, 75; *В. В. Дворниченко.* Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье. Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1968, стр. 5—15.

[67] Выделение группы переходных погребений пока чрезвычайно затруднительно. Так, Т. Н. Троицкая относит ко времени перехода от бронзы к железу и считает скифскими две катакомбы 1 варианта I типа (в кург. 1 имения Чотты; в кургане у с. Кара-Тобе; см. *Т. Н. Троицкая,* Скифские курганы Крыма. ИКОГО, 1, 1951, стр. 99), что весьма спорно. А. М. Лесков относит к середине VIII — началу VII в. до н. э. четыре подбоя с захоронениями типа Черногоровки-Камышевахи (*А. М. Лесков.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Докт. дис. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2204, стр. 352, 353); *В. В. Дворниченко.* Ук. соч., стр. 15, прим. 35.

[68] *Е. Г. Кастанаян.* Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности. МИА, 69, 1959, стр. 284, 285.

[69] *Ю. І. Козуб.* Ук. соч., стр. 12—14; *М. Парович-Пешикан.* Ук. соч., стр. 14—19; *Г. А. Цветаева.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, 19, 1951, стр. 73. Значительно реже подбои встречаются в некрополях I—III вв. н. э. Херсонеса и Танаиса; *А. К. Тахтай.* Раскопки херсонесского некрополя в 1937 году. ХС, 4, 1948, стр. 41; *Д. Б. Шелов.* Некрополь Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.). МИА, 98, 1961, стр. 39—42.

[70] *Г. А. Цветаева.* Ук. соч., стр. 74.

[71] См. сводку: *К. Ф. Смирнов.* Сарматы на Илеке. М., 1975, стр. 157, 158; *его же.* Савроматы. М., 1964, стр. 80, табл. 2.

[72] *К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ, Д1—9, М., 1963, стр. 18, табл. II.

[73] *В. П. Шилов.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, стр. 114.

номорья столь ранние катакомбы очень редки; всего, по опубликованным данным, лишь шесть-семь степных катакомб относятся к VI—V вв. до н. э.[74] Дальнейшие исследования, вероятно увеличат их число. Массовое распространение в степной полосе Евразии катакомбы получают почти одновременно в V—III вв. до н. э.[75], причем традиция погребения в катакомбах I—III типов стойко сохраняется в Поволжье, Средней Азии, Казахстане и других районах и в более позднее время. Не исключено определенное влияние этого элемента погребального обряда восточных кочевников на погребальный обряд ранних скифов.

Подведем итоги.

1. Катакомбы (наряду с ямами) — самый распространенный вид погребальных сооружений степных скифов[76], по взаиморасположению осей входных ям и камер делятся на восемь типов с вариантами. Самыми распространенными являются катакомбы I типа (54%), а также II (14%) и III (более 17%) типов.

2. Катакомбы появляются в погребальном обряде степных скифов не позже VI в. до н. э. (не исключается и более ранняя дата — VII в. до н. э.). Хронологически первыми являются катакомбы 1 варианта I типа, впускные в курганы эпохи бронзы или основные (VI—V вв. до н. э.); в IV—III вв. до н. э. катакомбы I—VII типов сосуществуют; в III—II вв. до н. э. использовались катакомбы I—III, V, VIII, возможно, и других типов.

3. В VI—V вв. до н. э. катакомбы в степи очень редки, в IV в. до н. э. их количество резко увеличивается, а к концу III в. до н. э. уменьшается; исчезают «царские» курганы.

4. Сопоставление типов катакомб с ориентировкой погребенных показало, что в катакомбах III и V типов преобладает ориентировка на север, а в катакомбах I, II и IV типов — на запад (с отклонением). Возможно, две указанные группы катакомб оставлены скифами разных племен или групп племен, а северная ориентировка свидетельствует о связях между степняками и населением днепровского лесостепного Правобережья. На родовую или племенную близость погребенных в катакомбах каждого типа указывает и то, что в кургане основная и впускные катакомбы нередко оказываются одного типа (см. табл. 3).

5. Катакомбы «царских» курганов характеризуются большими размерами, но относятся к тем же типам (чаще к сложным вариантам), что и масса рядовых катакомб. Это свидетельствует об этническом единстве скифов, захороненных в «царских» и рядовых катакомбах[77]. Однако если рядовые скифы-степняки в IV—III вв. до н. э. погребались в ямах и катакомбах, то их «цари» — почти всегда в катакомбах.

6. Основной ареал скифских катакомб — степь, особенно поднепровская. В лесостепи катакомбы редки и, вероятно, оставлены просочившимися в эти районы степняками.

7. Концентрация катакомб III и V типов, относящихся к IV—III вв. до н. э., на Никопольщине и катакомб этих же типов III—II вв. до н. э.

---

[74] Погр. 5, кург. 3 у с. Нижние Серогозы; погр. 12, кург. 5 (23) гр. Серко; 2-е впускное погр. в Малой Цимбалке; кург. Бабы; кург. в Нижнегорском р-не Крыма; кург. 7 и 6 у г. Жданова (к катакомбам относятся предположительно).

[75] *К. Ф. Смирнов.* Сарматы на Илеке, стр. 158, табл. 1; *его же.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа. СА, 1972, 1, стр. 73—117; *М. Г. Мошкова.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, стр. 40—43.

[76] с. Кут: 35 ям, 36 катакомб; с. Петуховка: 8 ям, 33 катакомбы; с. Буторы: 14 ям, 5 катакомб; Никопольское поле: 9 ям, 64 катакомбы; Тираспольщина: 18 ям, 46 катакомб; Фронтовое 1: 58 ям, 3 катакомбы; Николаевка: 50 ям, 18 катакомб и т. д.

[77] *Б. Н. Граков.* Погребальные сооружения и ритуал рядовых общинников степной Скифии. АСб. ГЭ, 6, 1964, стр. 127.

на Тираспольщине подтверждает предположение А. И. Мелюковой [78] о передвижении части скифских племен с Нижнего Поднепровья на Днестр в конце III в. до н. э.

8. Вопрос о происхождении скифских катакомб остается нерешенным. Не исключена их генетическая связь со степными катакомбами эпохи поздней бронзы, но также и с погребальными сооружениями кочевников Поволжья, Приуралья и Казахстана эпохи раннего железа. Лишь катакомбы VIII типа заимствованы скифами из греческого (ольвийского) погребального обряда.

9. Петуховский (Марицынский) могильник резко отличается от степных скифских могильников наличием катакомб VIII типа, применением закладов из амфор и сырцовых кирпичей, небольшой глубиной входных ям, восточной ориентировкой погребенных, инвентарем и всеми отмеченными чертами сближается с погребениями Ольвийского некрополя. Наряду с этим погребальный обряд могильника включает и некоторые местные, скифские элементы. Это позволяет предположить, что Петуховский могильник оставлен либо варваризированными греками (миксэллинами), либо сильно эллинизованными скифами.

V. S. Olkhovski

LES CATACOMBES SCYTHES DANS LES STEPPES DE LA MER NOIRE

Résumé

On traite dans cet article de 422 catacombes situées dans les steppes du littoral de la mer Noire, depuis le Danube jusqu'aux bouches du Don (fig. I). Leur étude s'est poursuivie depuis le XIXe s. jusqu'en 1974. D'après la relation existant entre l'axe du couloir d'entrée et l'axe du caveau, on peut diviser ces catacombes en types (huit en tout), et ces types en variantes et sous—variantes, qui présentent les différentes modifications qu'on peut apporter au plan très simple d'une catacombe (fig. 2). Les catacombes les plus répanques sont celles du type I (54%), ainsi que celles du type II (14%) et du type III (plus de 17%). En se basant sur l'étude de leur mobilier et de leur répartition, on peut établir que les catacombes de la variante I du type I sont chronologiquement les premières (VIe et Ve s. av. n. è); aux IVe et IIIe s., les catacombes du Ier et du VIIe type coexistent; du IIIe au IIe s. on utilisait des catacombes des types I, III, V et VIII. Dans les catacombes des types III et V domine l'orientation au nord des défunts, alors qu'elle est à l'ouest dans les catacombes des types I, II et IV. Ceci est probablement dû à ce que ces tombes avaient été faites par des Scythes appartenant à diverses tribus ou groupes tribals. Ainsi sont confirmées les suppositions avancées auparavant sur le déplacement d'une partie des Scythes vers le Nord, du IVe au IIIe s. av. n. è., et vers l'ouest du IIIe au IIe s. La question de l'origine de ces catacombes scythes n'est pas résolue; on n'exclut par leur rapport génétique avec les catacombes du littoral nord de la mer Noire de la fin de l'Age du Bronze, de même qu'avec les constructions funéraires des nomades de la Volga et du Kazakhstan du début de l'Age du Fer.

---

[78] *А. И. Мелюкова.* Скифские курганы Тираспольщины, стр. 163, 164; *А. М. Хазанов.* Социальная история скифов, стр. 239.

Е. А. САВОСТИНА

РИМСКИЕ ИМЕНА В ОНОМАСТИКЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Настоящая статья посвящена выяснению удельного веса римских и романизованных имен на Северном Понте в I—IV вв. н. э.

Римской просопографии в Северном Причерноморье касались работы В. В. Латышева, Т. Н. Книпович, Д. Б. Шелова, Э. И. Соломоник [1], однако вопрос, специально рассматривающий историю римской и романизованной ономастики античных центров Северного Причерноморья, до сего времени не привлекал исследователей. В I в. до н. э. усиливается активность Рима на Понте, что отчасти связано с митридатовскими войнами. После гибели Митридата в 63 г. до н. э. Рим стремится контролировать замещение Боспорского престола. Отголоском этих событий, возможно, служит появление римских имен на Боспоре.

В дальнейшем картина становится более сложной, в орбиту римского влияния втягиваются все новые пункты Северного Причерноморья, с середины I в. н. э. уже Херсонес, а не Пантикапей становится центром экспансии. В 66 г. Нерон оставляет в Причерноморье 3000 гоплитов (легионеров) и 40 военных кораблей [2], а во II—III вв. отношения Рима с северопонтийскими городами-государствами приобретают оттенок стабильности.

Сближение Северного Причерноморья с громадной Римской империей не могло не повлечь за собой проникновения Рима в сферы политики, экономики, что нашло отражение и в его ономастиконе. Представляются интересными такие вопросы: 1 — появление и распространение римских имен в связи с зависимостью от Рима различных пунктов Северного Причерноморья; 2 — причины появления римских имен у различных групп населения; 3 — в какой мере распространение римских имен в Причерноморье зависело от размещения там римских гарнизонов.

Особо рассмотрены латинские надписи, найденные в Северном Причерноморье. В них содержится 71 имя (табл. 1). Большинство надписей происходит из Херсонеса (51 имя), часть — из Ольвии (14), Харакса (4) и Тиры (3), и все относятся в основном ко II—III в. (в некоторых случаях к I в.) (IOSPE, I², 548) и IV в. (IOSPE, I², 449, 570, НЭПХ, 196), т. е. времени пребывания в этих пунктах римских вексилляций. Надписи, содержащие эти имена, обычно надгробия солдат, реже алтари (IOSPE, I², 748, 676, 167, 572, НЭПХ, 189). Среди них известны из XI Клавдиева легиона четыре солдата, два бенефициария и центурион; из I Италийского легиона один трибун, три солдата; из V Македон-

[1] *В. В. Латышев.* IOSPE; Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии. СПб., 1887; *Т. Н. Книпович.* Танаис. М.—Л., 1949; *ее же.* К вопросу о римлянах в составе населения Ольвии I—III вв. н. э. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968; *Д. Б. Шелов*, Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972; *Э. И. Соломоник.* НЭПХ, 1964, 1973.

[2] *Fl. Joseph.* Bel. I, II, 16, 4.

Таблица 1

Имена в латинских надписях

Имя, время	IOSPE, I²	НЭПХ	Характер надписи	Статус
		Херсонес		
I в.	548	193	Н	
Primus Volusius	548	193	Н	
II в.				
M. Antonius Valens	555		Н	Солдат
Arrius Alcibiades	404		О простительной подати	Трибун, командир вексилляции
Atilius Primianus	405			То же
Aurelia Tyche	508		Н	
L. Aurelius Antigonus	565		Н	
Aurelius Salvianus	551		Н	Трубач
T. Aurelius T. f. Secundus	417		П	Триерарх
L. Aurelius Severus	565		Н	
Aelius Maximus		62	Н	Моряк
Aelius Julius	554		Н	Солдат
Aurelius Valens	554		Н	»
Aurelius Victor	547		Н	»
Bicanus	553		Н	Центурион
Flavius Sergianus Sosibius	417		П	Военный трибун
Geminius		192	Н	
Marinus	564	192	Н	
M. Maecilius	553		Н	Солдат
Maternus	417		П	Консул
Priscus		236	Н	Моряк
Valeria Bessa	547		Н	
Valerius Mucatralis	237		Н	
Valerius Secundus	237		Н	
Римское время				
Aurelia Qyrnia	235		Н	
Aurelius Qyrnius	235		Н	
C. Fronto	238			
		Тира		
II в.				
Antonius Hiberus	4		Д	Наместник
Heraclitus	4		Д	
II–III в.				
Marcus	10		Н	
Valeria Marcia	547		Н	
Valerius	564	192	Н	
Valerianus	572	190	Алтарь	Солдат
III в.				
Afrodi(ssia)-tus-?	664	17	Н	
Aurelius Viator	566		Н	
IV в.				
Domitius Domitianus	570		Н	
Domitius Modestus	449		Н	
Valerius Caius Valerius Vales		196	П	
Римское время				
Aelius Claudius Priscus	563		Н	
Aurelius Primus	748		Алтарь	Солдат арматуры
Antonia Procula		65	Н	
Corvilius Longus	660			

Таблица 1 (окончание)

Имя, время	IOSPE, I²	НЭПХ	Характер надписи	Статус
T. Cincio T. liberto Basili	562	Н		
Cincius Epictitus	562	Н		
Iucundus vel Secundus	568	Н		
L. Iulius Valens	549	Н		Солдат
P. Lucos	557	Н		
Marcianus	567	Н		
Maximianus	570	П		
Octavius	660			
Parthenope	679			
Pompeius	677			
Sabinus	552	Н		Солдат
Valerius	561			
Valerius	664			
Valerius	750			
P. Vedio P. lib. Threptus	562	Н		Врач
Харакс				
I в.				
L. Furius Seutus		Н		Оптион
Римское время				
Domitius Aemilianus	676	Алтарь		Бенефициарий
T. Flavius Celsinus	675	»		»
M. Geminius Fortis	674			»
Ummidius Quadratus	674	Н		Консуляр
Ольвия				
II в.				
Galeria Montana	236	Н		
Galerius Montanus	236	Н		Солдат
Irene	234	Н		арматуры
Italicus	322			Центурион
III в.				
Aelia Saturnia	234	Н		
Aelius Saturnius	234	Н		
Olbia Brisaio	237	Н		
Pirrus Bithus	167	Алтарь		Солдат

Сокращения в таблицах:
НО — Надписи Ольвии, под ред. Т. Н. Книпович и Е. И. Леви. Л., 1968; Д — декрет; Н — надгробие; Н.Ф.— надпись фиаситов; С — строительная надпись; Посв. — посвятительная надпись; Ф.н.— фрагмент надписи; р.— римляне; р.г.— римские граждане; п — провинциальные имена; П — памятник; Поч.— почетная надпись.

ского легиона один солдат; из I когорты Бракавгустанов один центурион; из I Киликийской когорты два солдата; из II Луцензиевой когорты — один. Итого мы знаем 21 человека с указанием его воинского подразделения: легионеров — 12, вспомогательных частей — 5, флота — 4, а также 28 солдат и офицеров неизвестных частей: трибуны, командиры вексилляций — 2, бенефициарии — 2, солдаты — 24. Всего 49 военных.

Известны имена членов семей солдат (IOSPE, I², 236, 552, 547, 547, 565) и вольноотпущенников (IOSPE, I², 548, 562, 562, 562) (табл. 1).

Было бы неверным отождествлять прямо происхождение личных имен в данных латинских надписях с этническим происхождением лиц, которым эти имена принадлежат[3], но сам латинский текст говорит о том, что все эти люди если и не были по происхождению латинянами, то, во всяком случае, имели непосредственное отношение к империи, или служа

[3] *А. А. Белецкий.* О собственных именах в новонайденных латинских надписях. СА, XXVIII, 1958, стр. 82.

в ее армии, или имея на службе в армии кого-то из семьи. Таким образом, вся эта группа людей не только была связана с империей, но и была романизована настолько, что пользовалась латинским языком.

На большинстве их имен отразились изменения, вносимые в классический тип римского имени в первые века нашей эры. Изменение значения praenomen как первоначально личного имени и превращение его во второе родовое имя часто вызывало упрощение сложного имени: praenomen отпадает, остаются nomen и cognomen, так создаются характерные для первых веков нашей эры двучленные имена [4]. В латинских надписях Херсонеса классическое трехчастное римское имя встречается шесть раз (табл. 1): (1) Элий Клавдий Приск, (2) М. Антоний Валенс, (3) Л. Аврелий Север, (4) Л. Юлий Валенс, (5) Гай Валерий Валенс, (6) Флавий Сергиан Сосибий (трибун). То обстоятельство, что (3) — сын Л. Аврелия Антигона (имеющего греческий cognomen при римской структуре имени) позволяет предположить, что Антигон, не италик по происхождению, получил римское гражданство и новое имя — Л. Аврелий — в связи с поступлением на службу [5] praenomen и nomen (и, вероятно, гражданство) затем перешли к сыну, которому уже и cognomen дали римский.

В Хараксе известны два человека с классическими римскими именами. Это Т. Флавий Цельсин и М. Геминиус Фортис, оба бенефициарии. Большинство остальных имен имеет римскую двухчастную структуру и латинские составные части. В Херсонесе их 20 (табл. 1), в Ольвии семь [6], в Хараксе два. Есть имена, где сохраняется римская структура при греческом cognomen. Для Херсонеса известно два таких имени, для Ольвии — одно. Кроме того, 23 имени — односоставные. В пределах этой группы трудно вывести какую-нибудь закономерность, так как односоставное имя носили и консул, и центурион, и раб.

Итак, большинство лиц, упомянутых в латинских надписях, носят имена римские по структуре и составным частям, полностью отсутствуют имена греческой конструкции (личное имя и имя отца в родительном падеже), преобладает позднеримский тип из двух частей. Вся эта группа не может рассматриваться как римская в полном смысле слова при наличии провинциалов, получивших римское гражданство при поступлении на службу. Историю, подобную имени Л. Аврелия Севера, в это время могли иметь и другие классические римские имена (известны такие случаи и среди греческих надписей [7]), что затрудняет определение этнической принадлежности их носителей. Поэтому в массе лиц, названных в надписях, можно относительно уверенно указать только неиталийцев: Bithus, Pyrrus (IOSPE, I², 167), например, являются фракийскими именами, такими же, как Valerius Mucatralis (IOSPE, I², 237) [8]; вероятно, и носители их были фракийцами. Однако все эти люди во многом усвоили черты римской культуры значительно больше, чем северочерноморское население (кроме имен — язык, формулы посвящений, датировка по консульству императоров), что резко выделяет их в особую группу как пришлый элемент и прочно связывает с Римской империей.

Хотя решение вопроса об этнической принадлежности каждого данного лица на основании анализа его имени часто невозможно, все же общий состав имен в обществе в целом дает представление об этниче-

---

[4] *Т. Н. Книпович.* К вопросу о римлянах..., стр. 190.

[5] *A. Ramsay.* The Social Basis of Roman Power in Asia Minor. Abendaen, 1941, p. 6—9.

[6] *Т. Н. Книпович.* Ук. Соч., стр. 191.

[7] IOSPE, II, 293-КБН № 726; IOSPE, II, 429, 430, 433, 451; IOSPE, I², 2.

[8] *G. Mihailov.* Inscriptiones Graecae in Bulgaria Repertae, vol. I, p. 447; *Т. Н. Книпович.* К вопросу о римлянах..., стр. 197.

Таблица 2

Удельный вес римского элемента в именах греческой транскрипции в Тире

Век	Общее количество имен		Из них римские в греческой транскрипции			
II	41	91%	10	24,4%	р.4 р.г., п. 6 1	5,75% — 14,65%
III	1	2,2%	1	100%	— — 1	
Римское время	3	6,79%	1	33,3%	— —	
Итого	45	100%	12	26,7% от 45		

Таблица 3

Римские имена в греческой транскрипции в Тире

Имя, группа, время	IOSPE, I²	Точная дата	Характер надписи	Статус
II в.				
Римляне				
Οὐαλέριος Ῥοῦφος	2	181	Д	Секретарь
Αἴλιος Λούκιος	2	181	Д	Архонт
Κοκκήϊος Οὔαλης	2	181	Д	
Τιβ. Κλαύδιος Ἀντισθένης	2	181	Д	
Провинциальные имена				
Οὐαλεριανὸς Ποντικοῦ	2	181	Д	
Οὐαλέριος Βασσανοῦ	2	181	Д	Докладчик
Πρεῖσκος Φ...	7		Ф. н.	
Λούκιος Σατορνείλου	2	181	Д	
Καῖσαρ Ζούρη	2	181	Д	Архонт
III в.				
Римляне				
Π(οπλίου) Αἰλίου Καλπουρνίου	4	201	Переписка	Архонт
Римское время				
Римляне				
Φλ. Ἰουλιανὸς	9		Н	

ских компонентах его и в какой-то степени об их удельном весе [9]. Особенно интересно проводить такую работу с римскими именами в греческой транскрипции. В этой связи значителен удельный вес в каждый период (в основном по векам) различных групп населения, носивших римские имена. Таких групп во всем Причерноморье выделяется три: 1 — лица, носившие имена римской структуры (хотя бы усеченные) и латиноязычные без добавления отчества; условно выделены как римляне или романизованные иностранцы; 2 — лица, носившие имена римские (трехи двусоставные), но с добавлением патронимика или с сохранением греческого или варварского cognomen; условно выделены как получившие римское гражданство; 3 — лица с именами, образованными по типично греческой структуре — с личным именем и патронимиком (из римских составных частей с греческим патронимиком) и односложные — как греки, носившие провинциальные имена.

[9] *Д. Б. Шелов.* Ук. соч., стр. 246. Такая работа над ольвийской ономастикой проделана В. В. Латышевым (ук. соч.) и Т. Н. Книпович; над танаисской ономастикой — Д. Б. Шеловым.

Таблица 4

Удельный вес римского элемента в именах греческой транскрипции в Ольвии

Век	Общее количество имен		Из них римские в греческой транскрипции			
I	10	1,4%				
I–II	37	5,2%				
				р.	2	1,6%
II	125	17,6%	19	р.г.	5	4,0%
			15,2%	п.	12	10,4%
					2	0,45%
II–III	414	58%	6	1,4%	–	–
				от 414	4	0,97%
III	96	13,5%	6	6,25%	3	3,13%
				от 96	3	3,13%
					–	–
Римское время	30	4,2%	10	33,3%	1	3,33%
				от 30	9	30,0%
Итого	712	100%	41	5,75%		
				от 712		

Незначительное количество дошедших до нас надписей Тиры делает очень условным выводы из анализа ее ономастикона. Так, по одной надписи II вв. (IOSPE, I², № 2) можно было бы говорить о довольно значительном проникновении римских имен в верхушку общества тиритов, так как они составляют 24,4% от всех имен надписи (табл. 2). Здесь известно одно имя трехчастной римской структуры — Тиберий Клавдий Антисфен. Вероятно, это Антисфен..., получивший римское гражданство и вместе с ним императорские nomen и praenomen. Три человека, упомянутые в надписи, имели двухчастные римские имена: Элий Лукий (архонт), Валерий Руф (секретарь), Коккей Валент. Кроме того, выделяется группа из шести провинциальных имен (табл. 3), с греческим патронимиком (в одном случае с римским). В III в. известно имя архонта П. Элия Кальпурния, по классу — римское трехсоставное, но, учитывая положение этого человека, можно сказать и то, что это имя получившего римское гражданство. Подобный, как представляется, значительный удельный вес римского элемента в ономастиконе Тиры (26,7%) в то время, когда она еще не входила в состав провинции формально, можно объяснить территориально близостью города к Римской империи и тесной с ней связью [10].

Что касается Ольвии, то здесь в этом плане большая работа была проделана В. В. Латышевым и Т. Н. Книпович. Необходимо оговориться, что при работе с надписями Ольвии и Херсонеса не всегда возможно из-за отсутствия фотографий точно датировать надпись. Поэтому часть имен (в Ольвии — 4,2%, в Херсонесе — 24,3%) по датировке В. В. Латышева относится к римскому времени, что делает несколько приблизительными выводы об удельном весе римского элемента в каждый отдельный отрезок времени.

Латинские имена в Ольвии начинают встречаться только со II в. н. э., и можно считать этот период временем их наибольшего распространения (от 17,6% всех имен в греческий транскрипции они составляют 15,2%, тогда как во II—III вв. латинский элемент составляет 1,45% от 414 (58% от целого) (табл. 4).

Полное же отсутствие римских имен в Ольвии в I в. можно связать с сообщением Диона Хризостома о ревностном соблюдении населением греческих обычаев: «Все они были на древний манер, как говорит Гомер об эллинах, длинноволосые и бородатые, один только между ними

[10] *А. Н. Зограф.* Монеты Тиры. М, 1957, стр. 14.

Таблица 5

Римские имена в греческой транскрипции в Ольвии

Имя, группа, время	IOSPE, I²	НО	Характер надписи	Статус
II в.				
Римляне				
Αἴλιος Κυιντίλιος	225		Н	
Ἀντώνιος Κλάυδιος	147		Посв.	Председатель коллегии стратегов
Римские граждане				
Μάρκος Οὔλπιος Πύρρος Ἀρσηουάχου	93		Д	I архонт
Μάρκος Οὔλπιος Πύρρος Ἀρσηόχου	129		Посв.	Стратег
Μάρκος Οὔλπιος Παρθενοκλῆς ὁ καὶ Μαστοῦνος Βοσπορανός	203		»	
Μ(άρκος) Αὐρ(ήλιος) Μικίων ὁ καὶ Μουροφάζα		80,8	»	
Τ. Φλάουιος Ἀχαιμένης Βοσπορεανός	202		П	
Провинциальные имена				
Ἀντώνιος	106		Посв.	Стратег
То же	109		»	»
»	131		»	Фиасит
»		170	Ф.н.	
Αὐρήλιος Χρύσιππος	170		Посв.	
Πίστους Ἀντωνίου	131			
Ῥουφεῖνος Φιλαδέλφου	174		»	Архонт
Σαβεῖνος Ἀπολλοῦτος	116			
Λούκιος Λουκίου	89		»	
Μαρκιανός	263		Ф.н.	
II–III вв.				
Римские граждане				
Γάϊος Ἀτείλιος Μοῖνος	193		Н	
М. Αὐρήλιος...	55		Д	Офиц. лицо
Провинциальные имена				
Κονκόρδιος Ἄττα	174		Посв.	Архонт
Μαρκιανὸς Δομνίωνος	174		»	»
Ἰουλία Θεοδώρα	193		Н	
III в.				
Римские граждане				
Αὐρήλιος Ἰουλιανὸς Ἰουλιανοῦ		58	С	
Πόπλιος Αἴλιος Ἀφγαμηνὸς	96		Д	Стратег
Τ. Φλάουιος Φιλομενὸς	136			»
Αὐρήλιος Βασιλεὺς Καλλισθένου	185		Поч.	Архонт
Δομνίων	174		Посв.	Архонт
Σηνήκας Οὐζιάγου	135		Поч.	Стратег
Римское время				
Римские граждане				
П. Αἴλιος Ἀχιλλεύς	138		Посв.	Стратег
Провинциальные имена				
Αἴλιος Ναυτείμου	89		»	»
Γάϊος Κασάγου	85		»	»
Ἰουλιανός	284		Ф.н.	
То же	330		Ф.н.	
Μάρκιανός	57		Д	Офиц. лицо
Μάρκος Ἀχιλλέος	99		Посв.	Стратег
Σωχοῦβαζος Ἀντωνίου	106		»	»
Πόπλιος...	49		Д	Архонт
Οὐαλλέριος	87		Посв.	Стратег

был выбрит, и его все поносили и ненавидели. Говорили, что он сделал это не по другой какой-либо причине, а из желания польстить римлянам и доказать свою дружбу к ним, так что на нем можно было видеть весь позор такого поступка и крайнее его неприличие для мужей» [11]. Таким сбразом, данные ономастики подтверждают нерасположение ольвиополи-

[11] Dion. Chrys. Or. XXXVI, II, 48.

тов к Риму в I в. (речь была прочитана около 100 г.[12], т. е. говорится в ней о более ранних событиях), причем выражаемую открыто, несмотря на, вероятно, стоявшие там после похода Плавтия Сильвана римские части. Положение это резко изменилось во II в.

В это время известны два римских по структуре и составным частям имени [13] и пять, определяемых как имена получивших римское гражданство, где преобладает имя Марка Ульпия или другого императора (Т. Флавия, М. Аврелия), присоединенные в трех случаях к греческому (которое стало теперь cognomen): Т. Флавий Ахаймен, боспоранец, М. Аврелий Микион, он же Муропсад, М. Ульпий Парфенокл, он же Мастун (табл. 5). В группе провинциальной наиболее распространено имя Антония. Во всех случаях, когда должность носящего имя известна (10), он оказывается или архонтом, или стратегом, или участником какой-нибудь официальной церемонии. Примечательно незначительное еще в Ольвии распространение односложных имен.

Во II—III вв. уровень распространения римского элемента в ономастике Ольвии падает (табл. 4, 5). Встречено два римских имени, одно из них — классическое трехчастное Гай Атилий Мин,— кстати, единственное трехчастное римское имя в Ольвии [14]. Другое — Марк Аврелий с недошедшим до нас cognomen. В остальных именах (относящихся к разряду провинциальных) римские имена включены в греческую структуру, например Марциан, сын Домна; иногда патронимик даже не греческий и точному определению не поддается (Конкордий с. Атта) [15]. В III в. известны три имени римских граждан: Тит Флавий Филомен, включающее praenomen и nomen gentile Веспасиана, очевидно, по наследству дошедшие из I в.[16], а также два имени с добавлением к двухчастному римскому патронимиков (табл. 5). Эти и три смешанных имени составляют 6,25% от 96 (13,5% от общего числа ольвийских имен), что говорит о держащемся примерно на постоянном уровне удельном весе римских элементов и в это время. В группе, выделенной как имена римского времени, преобладают провинциальные, отличающиеся разнообразием. В основном это сочетания греческих и римских элементов в греческой структуре, а в двух случаях — сочетания римского и иранского имен: Гай, сын Касага [17] (стратег) и Σωχοβάζος, [18] сын Антония. В условиях Северного Причерноморья не только структура, но и само иранское имя говорит о том, что это сын человека во всяком случае ирано-греческой крови. Известно, что сарматы из степи не носили римских имен.

В общей совокупности греческих имен латинский элемент не играет большой роли: 6,75% говорят о том, что влияние Рима чувствуется и в политической (получение римского гражданства), и в частной жизни Ольвии, но небольшой процент этого элемента свидетельствует, что влияние не было значительным.

В Херсонесе от рубежа нашей эры известно имя Гая Юлия Сатира, сына Феогена (табл. 6), получившего римское гражданство после посольства к Юлию Цезарю и вместе с ним nomen и praenomen Цезаря. От I в. н. э. известно дважды встреченное классическое трехчастное имя Л. Корнелиуса Пудента (Pudentis). Как и в Ольвии, максимальное распространение в Херсонесе римских имен приходится на II в., от этого периода дошло наибольшее количество вообще греческих имен (63,5% от всех известных), из которых римский элемент составляет 24,4%. Среди

[12] *В. В. Латышев.* Исследование о государственном строе Ольвии. СПб., 1887, стр. 148.
[13] *Т. Н. Книпович.* Ук. соч., стр. 191.
[14] Там же.
[15] *L. Zgusta.* Die Personennamen Griechischen Städte der Wördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, S. 297, 596.
[16] *Т. Н. Книпович.* Ук. соч., стр. 195.
[17] *L. Zgusta.* Op. cit., S. 106, § 128.
[18] Ibid., S. 151, § 226.

Таблица 6

Римские имена в греческой транскрипции в Херсонесе

Имя, группа, время	IOSPE, I²	НЭПХ	Характер надписи	Статус
I в. до н. э.– I в. н. э.				
Римские граждане				
Γάιος Ἰούλιος Θεογένου υἱὸς Σάτυρος	691		Поч.	Посол в Рим
Провинциальные имена				
Γάιος Σιλουανός	365		Д	Офиц. лицо
I в.				
Римляне				
Λ . Κορνήλιος Πούδης	697		Д	
... Κορνήλιος Πούδης	356		Д	
II в.				
Римляне				
Γάιος Ἰούλιος Αἰμιλιανός	363		Д	
То же		112	Д	
»		113	Д	
Αὐρήλιος Δόμνος	484		Н	Ветеран
Οὐαλέριος | Δόμνος |	484		Н	(Сын ветерана)
Οὐαλέριος Γερμανός (185 г.)	404		О проституционной подати	Посол к легату провинции
| Т. Φλάουιος Αἰμι | λιανός		112	Д	
Οὐαλέριος Μάξιμος	404			Центурион
Римские граждане				
Т. Φλάουιος...		111	Д	Офиц. лицо
Т. Φλάουιος Ἀγέπολις		112	Д	То же
То же		113	Д	»
Т. Φλάουιος Παρθενοκλῆς		112	Д	»
То же		113	Д	»
Т. Φλάουιος Πυθοδότος		111	Д	»
Т. Φλάουιος Ἀγέπολις	357		Д	Отец жреца
То же	358		Д	То же
»	359		Д	
»	360		Д	
»	361		Д	
»	363		Д	
»	389		Д	Офиц. лицо
»	390		Д	
»	701		Поч.	
»	702		Д	
Т. Φλάουιος Ἀπολλώνιος	432		Д	
Т. Φλάουιος Ἀρίστων	389		Д	Жрец
То же (185 г.)	404		О проституционной подати	Посол
»	432		Н	
»	702		Д	
Т. Φλάουιος Ἀρίστων υἱὸς Φλάουίου Ἀγεπόλιδος	357 358		Д Д	Жрец »
То же				
»	359		Д	»
Т. Φλάουιος Ἀρίστων υἱὸς Φλάουιου Ἀρίστωνος τοῦ Ἀγεπόλεως	359		Д	
То же	361		Д	
»	389		Д	
Т. Φλάουιος Ἀττίνας	432		Н	
Т. Φλάουιος Παρθενοκλῆς υἱὸς Φλ...	359		Д	
Т. Φλάουιος Παρθενοκλέους	363		Д	
	385		Д	
	431		Д	
Т. Φλάουιος Πυθόδοτος	359		Д	
Т. Φλάουιος υἱὸς Φλαουίου				

Продолжение таблицы 6

Имя, группа, время	IOSPE, I²	НЭПХ	Характер надписи	Статус
Аρίστωνος	389		Д	
Φλάουιος Εὐρύδαμος	363		Д	
То же	375		Д	
»	701		Ф.н.	
Φλάουιος Ἀπολλώνιος		112	Д	Офиц. лицо
Φλ. Αρίστων		113	Д	То же
Φλάουιος Εὐρύδαμος		112	Д	
Т. Φλάουιος...	361		Д	
То же	363		Д	
»	374		Д	
»	386		Д	
»	389		Д	
»	391		Д	
»	396		Д	
»	699		Д	
»	700		Ф.н.	
М. Οὔλπιος... υἱός Οὐλπίου...	389		Посв.	
То же	390		Д	
Μάρκος Οὔλπιος...	363		Посв.	
То же	392		Ф.н.	
Μάρκος Οὔλπιος		112	Посв.	
Οὐλπία Μακαρία	453		Н	
М. Αὐρήλιος Βασιλειδιανὸς Ἀλέξανδρος	404		О проституционной подати	Архонт
Г. Κάιος Εὐτυχιανὸς	364		Поч.	Судовладелец
Г. Ἰούλιος...	702		Д	
Провинциальные имена				
Αὐρήλιος...	393		Ф.н.	
»	444		С	
Αὐρήλια	459		Н	
Αὐρηλία Τύχη	508		Н	
Αὐρήλιος Χρ...	393		Ф.н.	
Οὐείλιος		118	Проксения	
Οὔλπιος		112	ему	
Οὐαλεριανός	501		Н	
Ἰουλιανός Ἀκύλου	363		Поч.	Архонт
Ῥοῦφος	363		»	
»		112	Д	
Ἰουλιανὸς Ἀκύλου		112	Д	Архонт
Ἰούλιος	363		Поч.	»
»		112	Д	»
»		111	Д	Номофилак
»		112	Д	Офиц. лицо
III в.				
Римские граждане				
М. Αὐρήλιος Ἰάσων, Μ. Αρχία	479		Н	
IV в.				
Римляне				
Φλάουιος Βίτος.	450		С	Трибун
Римское время				
Γάιος Ἰούλιος Αἰμιλιανός	345		Д	
Провинциальные имена				
Ῥοῦφος	395		Д	
Οὐαλεριανὸς Γάιου	446		Пожертв. (С) 500 динариев	
Οὐαλέριανος	533			
Ἰουλιανὸς Μύρωνος	576			
Αὐρήλιος Ἑρμοκράτης Μύρωνος	440		С Пожертв.	
Αὐρήλιος Διονύσιος	443		С	

Таблица 6 (окончание)

Имя, группа, время	IOSPE, I²	НЭПХ	Характер надписи	Статус
Πρεῖσκου			Пожертв.	
Γάιος	454		Н	
Γάιος О...	367		Д	
Καλλέας Γαίου...	454		Н	
Μαρκιανὸς Ἀλεξάνδρου	486		Н	
Μαρκιανὸς Γάιου	445		Посв. С	
Μαρκιανὸς Φιλο...	435		Д	
Μάρκος...	392		Д	Архонт
»	392		Д	
»	433		Д	
Φλάβιος	496		Н	

них шесть имен определяют по структуре и составным частям как римские (три — с трехчастной структурой, два принадлежат ветерану Аврелию Домну и его умершему сыну Валерию). Греческий текст надгробия свидетельствует, как представляется, о провинциальном происхождении солдата. Наибольшую группу во II в. составляют лица, имеющие римское гражданство (60), среди которых особенно многочислен род Т. Флавиев, всегда занимавший высокие посты, о нем уже подробно писал В. В. Латышев и затем Э. И. Соломоник[19], поэтому отметим только, что многочисленные Т. Флавии в надписях встречаются 51 раз (табл. 6) (возможно, много раз упомянуты одни и те же несколько человек) и что имя это, однажды (вероятно, в конце I в.) кем-то полученное, передавалось по наследству весь II в.

После Т. Флавия наиболее популярным в это время было имя М. Ульпия (известен также один Марк Аврелий Басилейдиан Александр — архонт). В большей степени имя Аврелий распространено в группе провинциальных имен наряду с Юлианом и Юлием. Примечательно в этой группе большое количество односоставных имен по сравнению с рассмотренными раньше центрами. Можно думать, что в таких именах были заинтересованы люди, политически не связанные с империей и не получившие римского гражданства, но надеявшиеся с помощью римских имен иметь какие-то льготы. В III в. единственный известный нам человек, получивший римское гражданство, также носит имя А. Аврелия Ясона, сын М. Аркия.

Датируются римским временем 16,4% херсонесских имен (от 128) с римским элементом. Здесь чаще всего встречаются односоставные имена Марка, Марциала, Гая, Валериана (табл. 6). От общей совокупности греческих имен за все изучаемое время латинский элемент в Херсонесе составляет 20,6% (табл. 7) [20], что относительно других пунктов Северного Причерноморья говорит о наиболее значительном здесь влиянии Рима.

От всех учтенных на Боспоре имен с рубежа нашей эры до начала IV в. (включая переменный состав населения) римские имена в греческой транскрипции составляют 1,68% (табл. 8). Интересно, что они почти совсем не известны в Азиатской части Боспора (за исключением Фанагории 2) и Горгиппии (2)) и распространены в основном в Пантикапее (31) и Танаисе (28). В других центрах число дошедших до нас надписей невелико, поэтому о роли римского элемента в ономастике Боспора можно судить лишь с оговорками.

---

[19] *Э. И. Соломоник.* Ук. соч., коммент. к № 112. *В. Латышев.* Эпиграфические новости из южной России ИАК, 58, 1915, стр. 30.

[20] Ср. *B. Nadel.* Meander, 1969, 3, стр. 124, где говорится, что римский гарнизон вместе с романизированным населением Херсонеса составляет 20% населения.

За все изучаемое время (с I в. до н. э. до начала IV в. н. э.) в Пантикапее встречено всего три имени, претендующих на чисто римское происхождение: 1) I в. до н. э.— I в. н. э.— Марк Ульпий Прим, поставивший статую в честь Савромата; 2) II в.— Гай Юлий Сестилий; 3) II в.— Гай Меммий. Два первых имени имеют классическую римскую трехчастную структуру и латинские составные элементы. Что же касается Гая Меммия, то здесь структура и элементы римские, но сам человек,

Таблица 7

Удельный вес римского элемента в именах греческой транскрипции в Херсонесе

Век	Общее количество имен		Из них римские в греческой транскрипции			
I до н. э.– I н. э.	17	3,22%	2	1,75% от 17	р. р.г. 1 п. 1	
I	26	4,93%	2	7,7% от 26	2 – –	
II	335	63,5%	82	24,48% от 335	6 60 16	1,79% 17,9% 4,79%
III	15	2,84%	1	6,66%	– 1 –	
IV	7	1,33%	1	14,3%	1 – –	
Римское время	128	24,3%	21	16,4%	1 – 20	0,78% 15,7%
Итого	528	100%	109	20,6% от 528		

состоявший на римской службе в Кипрской когорте и имеющий на надгробии (вероятно, поставленном его соотечественниками) греческую надпись, скорее всего не был италиком, а происходил из провинций, говоривших в основном по-гречески, и получил римское гражданство в связи с поступлением на службу.

Первый римский гражданин (судя по имени) появляется в Пантикапее в I в. н. э., во II в. мы не знаем людей, принадлежавших к этой категории. Разве только имя Ульпий Антимах, сын Мастуса (начальник острова), может иметь двучленную римскую структуру, хотя и содержит греческое имя.

Наибольше количество (4) римских граждан засвидетельствовано в Пантикапее в III в. (табл. 9). В составе их имен преобладает имя Аврелий с римским cognomen и всегда патронимиком (причем греческим только в одном случае). Все обладатели этих имен занимают высокие официальные должности: два посла из Амастрии (новые римские граждане, появившиеся после эдикта Каракаллы), глава общего совета и наместник царской области, хилиарх, римский всадник Аврелий Родон. В это же время возрастает удельный вес и провинциальных имен. Если в I в. это примерно 0,5% от общего числа имен того времени, во II в.— 1,3%, то в III в.— уже 6%. И этот факт тем примечательнее, что общее количество имен сокращается от I к III в. (табл. 8).

Таким образом, очевидно, что к III в. усиливается взаимодействие Пантикапея с Римом, что отразилось на ономастиконе Пантикапея и Танаиса. Что касается последнего пункта, то к сказанному Т. Н. Книпо-

Удельный вес римского элемента в именах греческой транскрипции Боспора *Таблица 8*

Центр	I в.				II в.				III в.				IV в.				Итого римских имен
	общее кол-во имен	% *	из них римские	%	общее кол-во имен	%	из них римские	%	общее кол-во имен	%	из них римские	%	общее кол-во имен	%	из них римские	%	
Пантикапей			I в. до–I в. н. э. р. 1 р.г. 1	0,13 0,13			р. 2 р.г.–	0,34 –			–	–					
Всего известно 1584 имени	761	46,5	п. 2 I в. п. 4	0,26 0,55	585	37			239	15	4 11	2,1 4,2	19	1,5			31
Танаис							р.–	–			4	0,52					
Всего известно 1096 имен	3	0,3			326	29,8	р.г. 1 п. 9	0,39 2,75	767	69,9	– 14	– 1,83					28
Мирмекий							р.–	–									
Всего известно 28 имен	20	66,7			8	33,3	р.г.– п. 1	– 12,5									1
Прочая Европейская часть																	
Всего известно 282 имени	73	26,0			112	39,5			86	30,6			11	3,9			
Горгиппия							р.–	–									
Всего известно 654 имени	51	1,4			288	48,5	р.г.– п. 2	– 0,7	315	50,1							2
Фанагория							р.–	–							–	–	
Всего известно 55 имен	25	45,5			22	40	р.г.– п. 1	– 4,55	6	10,9			2	3,6	1 –	50 –	2
Азиатская часть																	
Всего известно 88 имен	3	3,4			76	86,3			9	10,3							
Итого Всего 3807 имен	936		р. 1 р.г. 1 п. 6		1417		2 1 19		1422		4 5 24		32		1		64=1,68% от 3807

* Общий процент по векам считается от общего количества имен всего центра как от 100%. Удельный вес римского элемента вычисляется от количества имен каждого центра в данный период как от 100%.

Римские имена в греческой транскрипции

Имя, группа, время	IOSPE II	КБН	Характер надписи	Статус
		Пантикапей		
I в. до н. э.– I в. н. э.				
Римляне				
Μάρκος Οὔλπιος Πρεῖμος	38	43	Поч. (на статуе Савромату)	
Провинциальные имена				
Μάρκος	235	309	Н	
Πόπλιος Κοσσᾶ	192	496	Н	
I в. н. э.				
Провинциальные имена				
Ἀντωνία γυνὴ Σοφοκλέους	218	576	Н	
Γάιος Γαίου	93	375	Н	
Ἰούλιος Πατίας Δημητρίου	165′	612	Посв.	
Δροῦσος	52	70	Н	
II в.				
Римляне				
Γάιος Ἰούλιος Σεστίλιος	214	572	Н	
Γάιος Μέμμιος	293	726	Н	Солдат кипрской когорты
Провинциальные имена				
Γάιος	59	112	Список имен	Фиасит
Δροῦσος Μεσσίου	149	672	Н	
Ἰούλιος Φλαβιάνος	33	47	Поч. (статуя императору)	Попечитель
Οὐλπία Καλλισθένεια	254	697	Н	
Οὔλπιος υἱὸςΜΜαστοῦ Αντίμαχος	254	697	Н	Начальник острова
Οὔλπιος	187	628	Н	
III в.				
Римские граждане				
Αὐρήλιος Κέλσος	46	58	Поч.	Наместник царской [области], хилиарх и римский всадник
Αὐρήλιος Ῥόδων Λολλαίου	46	58	П	
Αὐρήλιος Αἴλιος Αἰλιανὸς	42	54	Д	Посол Амастриец
Αὐρήλιος Διονύσιος ὁ καὶ Μάμμαρος	42	54	Поч.	»
Μ. Αὐρήλιος Μαρκιανὸς'Αμεινία	43	55	»	Член общего совета
Провинциальные имена				
Αὐρήλιος Φιλιππιανὸς Πρόκλου	43	55	»	Посол
Αντωνίου ὁ. ᾽Αλκυμος	29	36	Посв.	
Οὔλπιος'Αντισθένης ᾽Αντιμαχου	41	53	Поч.	Начальник острова, хилиарх
Μαρκιανὸς | Π | ατερίου	29	36	Посв.	
Βάσσαρος	169	737	Н	
Τιτίους Μύρωνος	29	36	Поч.	
Ἰούλιος ᾽Ερως Κοΐνου*	48	897	С	Бывший управляющий царским двором
Ἰούλιος Τελεσεῖνος	44	59	Статуя	
Ἰούλιος Χόφαρνος' Αφροδεισίου	29	36	Поч. (на статуе)	

Таблица 9 (окончание)

Имя, группа, время	IOSPE II	КБН	Характер надписи	Статус
		Фанагория **		
II в.				
Провинциальные имена				
Ἰούλιος Μενέστρατος	357	1049	Поч.	Хилиаф
Начало IV в.				
Римские граждане				
М. Αὐρήλιος Ἀνδρόνεικος	363	1051	Н	Бывший наместник царской области
		Горгиппия		
II в.				
Провинциальные имена				
Μάρκος		1143	Список имен	Стратег
Μάρκος	402	1179	То же	»
		Мирмекий		
II в.				
Провинциальные имена				
Ἰούλιος	238	888	Н	

* Найден в Осовинах.
** Надпись найдена на Тамани, В. В. Латышев склонен считать ее Фанагорийской, составители КБН — происходящей из Гермонассы.

вич и Д. Б. Шеловым можно добавить лишь, что в отличие от Пантикапея количество известных здесь имен в III в. почти в два раза больше, чем во II в., между тем как удельный вес римских имен несколько уменьшается. Заметно также разнообразие распространенных там имен. Если в Пантикапее, не считая особенно распространившихся в III в. Аврелиев, наблюдается довольно пестрая картина, то во II в. в Танаисе самым популярным было имя Юлиев (и немного — Публиев) (табл. 10); от этого времени известны три человека, носившие имя Юлиада [21]. Очевидно, это греческое имя («имеющий отношение к Юлию»), возникшее на римской основе, образовалось от прозвища человека, зависимого от Юлия, и затем укрепилось как имя собственное [22]. Этот факт — еще одно свидетельство обоюдного воздействия латинского и греческого языков. Любопытно проникновение латинского элемента в греческий язык даже на такой окраинной точке античного мира, как Танаис. В III в. наиболее распространено имя Публий, меньше — Юлий и редки имена Марциан, Ургий и др.

Римскую двухчастную структуру имен в Танаисе имеет только архитектор Аврелий Антонин (III в.). Этот человек мог быть, судя по имени, римлянином, но, как считает Д. Б. Шелов, возможно, «был выходцем из Малой Азии или какого-нибудь другого района античного мира, где были распространены римские имена» [23]. В пользу последнего предположения косвенно может свидетельствовать ответ Траяна Плинию на его запрос об архитекторе из Рима: «Архитекторов мне едва хватает для работ, произ-

[21] *L. Zgusta,* Op. cit., S. 344.
[22] Имя Юлиад пришло уже в готовом виде из Малой Азии или восточных провинций. На эти особенности имени Юлиад обратил наше внимание В. Д. Блаватский.
[23] *Т. Н. Книпович.* Танаис; *Д. Б. Шелов.* Ук. соч., стр. 252.

Таблица 10

Римские имена в греческой транскрипции в Танаисе

Имя, группа, время	IOSPE	КБН	Характер надписи	Статус
II в.				
Римские граждане				
Ἰούλιος Ῥόδων	423	1237	П	Бывший наместник царской [области]
Провинциальные имена				
Δροῦσος Πασίωνος	443	1262	Н.Ф.	Фиасит
Δόμνος Σελεύκου	443	1262	Н.Ф.	Парафилагаф
Ἰουλιάδης	439	1260	Н.Ф.	Фиасит
Ἰουλιάδης	438	1260	Н.Ф.	Парафилагаф
Ἰουλιάδης Σ. . .	448		Ф.н.	
Ἰούλιος Μενέστρατος	428	1243	С	Пресбевт
Ἰούλιος Δ. . . ους	423	1237	П	Бывший наместник царской [области]
Οὐργίας	443	1262	Н.Ф.	Фиасит
Πόπλιος	441	1263	Н.Ф.	»
Πόπλιος Χαρίτωνος	437	1261	Н.Ф.	Жрец
III в.				
Римские граждане				
Αὐρήλιος Ἀντωνεῖνος	429, 430 433, 451	1252, 1249,	С	Архитектор
Провинциальные имена				
Ἀντωνεῖνος Θεαγένου	451	1282	Н.Ф.	Фиасит
Βάσσος Βάσσου	446	1278	Н.Ф.	»
Ἰούλιος Ῥαλχάδου	445	1277	Н.Ф.	Жрец
Νέρων	454	1287	Н.Ф.	Фиасит
»	455	1288	Н.Ф.	То же
Μαρκεανός	447	1279	Н.Ф.	»
Πόπλιος	445	1277	Н.Ф.	»
»	447	1279	Н.Ф.	»
»	451	1282	Н.Ф.	»
»	452	1283	Н.Ф.	»
»	454	1287	Н.Ф.	»
Πόπλιος Δημητρίου	451	1282	Н.Ф.	»

водимых в Риме... В каждой провинции, однако, найдутся люди, на которых можно положиться» [24].

Таким образом, в провинциях, очевидно, уже при Траяне существовали свои архитекторы, отвечающие требованиям империи. Возможно, что они в достаточном количестве были там и через столетие и одного из них пригласили работать в Танаис.

Как уже говорилось, римские имена в очень небольшом количестве известны в других пунктах Боспора: в Фанагории во II в. имя Юлий носил хилиарх и от начала IV в. нам известен М. Аврелий Андронейкос, сын Паппа, получивший римское гражданство с принятием императорских nomen и praenomen (может быть, даже в III в.), возможно, первым в семье, так как имя отца, по определению Л. Згусты, является фракийским или греческим [25]. В Горгиппии во II в. известны были имена Марк и Марий; в Мирмекии во II в.— имя Юлий.

Итак, несомненно, что появлению римского элемента в ономастике упомянутых центров предшествовало установление зависимости этих центров от Рима. При этом очевидно, что в пунктах, административно как-то связанных с Римом и привлекавших к себе его особенное внимание,— в Пантикапее, столице Боспора, Херсонесе, центре оккупации Таврики — изменение имени часто связано с изменением политического

[24] *Plin.* Sec. Script., 18.
[25] *L. Zgusta.* Op. cit., S. 304, § 602.

статуса его владельца, приобретением римского гражданства, что в меньшей степени заметно в Ольвии и Тире и единично на Боспоре.

Взлет распространения провинциальных имен приходится на II—III вв., т. е. на время, когда, с одной стороны, Рим прочно утверждает в этих пунктах свое господство и экономические интересы побуждают население проникать в Причерноморье, а с другой стороны, возбуждается заинтересованность некоторых групп причерноморского населения в приобретении прав римских граждан или хотя бы латинских имен. Как представляется, этот подъем, хотя и косвенно, зависит и связан с разместившимися и прочно обосновавшимися в Северном Причерноморье римскими гарнизонами.

E. A. Savostina

LES NOMS ROMANISES DANS L'ONOMASTIQUE DU LITTORAL NORD DE LA MER NOIRE

Résumé

Au Ier siècle av. n. è., le rapprochement survenu entre les villes du littoral nord de la mer Noire et l'Empire romain entraîna le pénétration de Rome dans leurs sphères politique et économique. Dans cet article on examine, du Ier s. av. n. è. jusqu'au IVe s. de n. è., l'influence romaine sur la vie privée de la population du littoral, reflétée dans l'onomastique. Les noms qui se rencontrent dans les inscriptions en lanques grecque et latine sont étudiés séparément (pl. I, pl. 2). Dans l'article on souligne le rapport existant entre l'apparition et la diffusion des noms romains dans les villes du littoral, et l'instauration de leur dépendance de Rome. De plus, il est évident que dans les lieux liés administrativement à Rome, et qui attiraient tout particulièrement son attention, à Panticapée, à Chersonèse, les changements de noms dépendaient fréquemment du changement de statut politique de leurs possesseurs, à l'obtention de la citoyenneté romaine, ce qui se remarque, à un degré moindre, à Olbia et à Tyra, et encore plus rarement au Bospore. Il faut aussi noter que les noms romains du groupe «provinciaux» se sont particulièrement répandus aux IIe et IIIe siècles; c. à, d., lorsque Rome a établi solidement sa domination en ces lieux, apparaît, parmi certains groupes de la population, le désir d'acquérir les droits de citoyen romain, ou ne serait—ce qu'un nom latin. Il est probable que ce phénomène était né, et dépendait, du cantonnement de garnisons romaines, et de leur solide établissement dans cette région.

В. Б. ПЕРХАВКО

ВОПРОСЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ (VI—IX вв. н. э.) В ПОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (1960—1975 гг.)

Отсутствие письменных источников, недостаточная изученность археологических памятников эпохи раннего средневековья на территории современной Белоруссии долгое время не позволяли составить целостного представления об историческом развитии местных археологических культур в VI—IX вв. н. э., времени широкого славянского расселения в лесостепной и лесной полосе Восточной Европы, совпавшего с распадом родового строя и возникновением новых классовых отношений.

В послевоенный период стали возможными более широкие археологические исследования на данной территории. На новый уровень было поднято изучение раннесредневековых поселений типа верхнего слоя Банцеровщины, открытых и впервые обследованных еще в 20-х годах нынешнего столетия С. А. Дубинским и А. Н. Лявданским. В Северной Белоруссии было продолжено изучение длинных курганов. На юге Белоруссии проведены раскопки поселений и погребений раннеславянской культуры Корчак (VI—VII вв. н. э.) [1].

Полученные к настоящему времени данные дают возможность охарактеризовать материальную культуру раннесредневекового населения Белоруссии, более точно датировать памятники, вычленить их локальные особенности и варианты, сделать предположения по поводу их этнической принадлежности и на основе всего этого восстановить ход исторического процесса в раннесредневековом периоде в рассматриваемой области. Выводы, сделанные в процессе изучения древностей VI—IX вв. н. э. на территории Белоруссии, обобщены в целом ряде работ [2].

Интерпретация открытых археологических памятников породила до сих пор окончательно не разрешенные споры в советской археологической литературе, связанные в первую очередь с проблемой славянского этногенеза, определением времени появления славянских племен в лесной полосе Восточной Европы, сложным и длительным процессом их расселения, сопровождавшегося постепенной ассимиляцией местного восточнобалтского населения. Часть исследователей выделяют среди раннесредневековых древностей славянские памятники и памятники, принадлежащие восточнобалтским племенам. Другие безоговорочно считают все древности

---

[1] *Л. Д. Поболь.* Раннесредневековые древности Белоруссии (VI—IX вв. н. э.). «Berichte über den II. Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie», Bd III. Berlin, 1973, S. 491—500.

[2] «Очерки по археологии Белоруссии», ч. 1—2. Минск, 1970—1972; *Л. Д. Поболь.* Ук. соч., стр. 491—500; *И. П. Русанова.* Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. М., 1976; *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, 163, 1970; *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966.

славянскими. Существуют разногласия и по поводу датировки памятников [3].

Материалы и публикации послевоенных исследований раннесредневековых памятников Белоруссии не могли не привлечь внимание археологов Польши, которые с начала 60-х годов начинают проявлять все больший интерес к изучению сложных проблем раннесредневековой истории Белоруссии. Это объясняется и географической близостью территорий, и общностью исторических судеб западных и восточных славян в раннем средневековье, контактами между ними, и сходным характером синхронных раннесредневековых памятников.

Основное внимание польские исследователи обращают прежде всего на проблему формирования материальной культуры раннесредневекового населения, на сложные этнические процессы, характеризующиеся расселением славян и ассимиляцией местных восточнобалтских племен. В работах польских авторов находят достаточное отражение вопросы образования и расселения на территории Белоруссии восточнославянских союзов племен дреговичей, кривичей и радимичей в последней четверти I тысячелетия н. э. В этой связи, безусловно, интересны попытки выявить контакты между раннесредневековым населением Польши и Белоруссии. Указанные выше проблемы затрагиваются как в общих трудах по славянской археологии, так и в специальных работах, посвященных истории восточных славян и даже непосредственно раннесредневековым древностям Белоруссии. Значительное место среди работ последнего рода занимают многочисленные рецензии и аннотации польских археологов на исследования, появляющиеся в советской литературе. Публикации советских авторов в совокупности с немногочисленными свидетельствами летописи и лингвистическими данными и послужили основным источником для польских исследователей, разрабатывающих данную проблему.

В нескольких статьях и главе из монографии польским исследователем Я. Тышкевичем предпринимается попытка дать картину формирования культуры раннесредневекового населения Белоруссии во второй половине I тысячелетия н. э. Автор утверждает, что ни данные письменных источников, ни археологические материалы не позволяют провести четкую границу между балтами и славянами в середине I тысячелетия н. э. и обрисовать ее изменение на протяжении нескольких последующих столетий [4]. Действительно, колебание границы между балтскими и славянскими племенами в VI—IX вв. н. э. в процессе расселения последних из-за недостаточной изученности археологических памятников пока не удается выявить достаточно точно. Но начальная стадия этого процесса, т. е. примерная линия расселения балтского и славянского населения в середине I тысячелетия н. э., может быть обрисована, как это сделано рядом советских исследователей на основе открытых археологических пунктов [5]. Я. Тышкевич как будто соглашается с тем, что массовое пребывание балтских племен в областях к северу от Припяти, возможно и в соседстве со славянскими группами населения, длилось до VIII—IX вв. н. э. Уже в третьей четверти I тысячелетия н. э. славянские племена, по его мнению, начинают массовое освоение указанной территории, двигаясь по бассейнам Березины, Днепра, Друти, Птичи [6]. Благодаря такой инфильтрации славянских элементов и возникает в Верхнем Поднепровье культура славянских городищ типа верхнего слоя Тушемли [7]. Последний

[3] *В. В. Седов.* Ук. соч., стр. 48—55; *И. П. Русанова.* Ук. соч., стр. 56—84; Предисловие к сб. «Раннесредневековые восточнославянские древности» (под ред. П. Н. Третьякова). Л., 1974, стр. 3—10.

[4] *J. Tyszkiewicz.* Mazowsze północno-wschodnie we wczesnym Sredniowieczu. (Historia pogranicza nad górną Narwą do połowy XIII w.). Warszawa, 1974, s. 81.

[5] *В. В. Седов.* Ук. соч., рис. 13, 15; *И. П. Русанова.* Ук. соч., рис. 28.

[6] *J. Tyszkiewicz.* Op. cit., 82.

[7] *J. Tyszkiewicz.* Proces sławizacji ziem dorzecza Niemna w VI—XI w. PH, t. LXIV, z. I, 1973, s. 3.

вывод следует признать скорее умозрительным, чем строго доказанным, так как в распоряжении автора практически нет археологических данных, позволяющих отождествить древности типа Тушемли со славянами, как доказано советскими исследователями, они принадлежали восточнобалтским племенам [8].

Вызывает возражения и этническая интерпретация раннесредневековых памятников Белоруссии, предложенная польским исследователем, так как он совсем не оставляет места на археологической карте для восточнобалтских древностей. К славянским племенным анклавам VI—VIII вв. н. э. в Верхнем Поднепровье без всяких доказательств причисляются городище Колочин и селище Замковая Гора, могильники Акатово и Новый Быхов, значительно отличающиеся по материалу от древностей раннеславянской культуры Корчак, но ничем не выделяющиеся из общей массы раннесредневековых восточнобалтских древностей Верхнего Поднепровья [9]. Лишь единичные памятники (широко известное в литературе Банцеровское городище и погребение с трупосожжением в Виртках), материал которых аналогичен археологическим материалам из перечисленных выше Колочина, Замковой Горы, Акатова, Нового Быхова, Я. Тышкевич находит возможным отнести к кругу балтских древностей, а точнее к восточнолитовской народности. Такую попытку надо признать не совсем успешной: несмотря на известное сходство инвентаря, между восточнолитовскими курганами и памятниками типа Банцеровщины имеются и существенные различия. Ятвяжским или, возможно, литовским называет Я. Тышкевич еще один памятник — поселение Жужлянка в бассейне Свислочи, который имеет весьма сложный характер [10]. Часть лепной керамики из городища и селища Жужлянка аналогична керамическим формам из памятников типа Банцеровщины, другая же группа лепной посуды, имеющая облик керамики роменско-боршевской культуры, связывается с пришлым славянским населением. Слишком удалена в восточном направлении и граница расселения восточнолитовских племен в раннем средневековье [11].

Рассмотренные выше идеи Я. Тышкевича находятся в противоречии с высказанным им же положением, согласно которому за различиями между керамическими типами (Тушемля, Колочин, Кветунь, Пеньковка) скрываются культурные влияния и этнические явления [12]. На деле же практически все раннесредневековые памятники Верхнего Поднепровья, по Я. Тышкевичу, носят на себе следы славянских влияний. Являясь в то же время сторонником идеи о смешанном характере культуры типа Банцеровщины — Тушемли — Колочина, автор не выдвигает никаких критериев для выделения собственно балтских или славянских элементов. Единственной посылкой у него является тезис о славянской принадлежности зарубинецких древностей. Однако славянство носителей зарубинецкой культуры все еще продолжает оставаться спорным вопросом в науке, между тем невозможно проследить перерастание памятников типа Колочин, основным компонентом которых были потомки позднезарубинецких племен, в достоверно славянскую культуру древнерусской эпохи. Причем заметим, что между носителями древностей позднезарубинецкого типа (II—V вв. н. э.) в Белорусском Поднепровье и Подесенье, впитавшими субстратные элементы местных балтских культур железного века (милоградской, юхновской и штрихованной керамики), и собственно зарубинецкими племенами нельзя поставить знак равенства. Недостаточно ар-

---

[8] *В. В. Седов.* Ук. соч., стр. 191, 192; *П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт.* Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 30.

[9] *J. Tyszkiewicz.* Mazowsze północne-wschodnie..., s. 82.

[10] Ibid., s. 93.

[11] *J. Tyszkiewicz.* Przemiany kulturowe i etniczne na pograniczu bałto-słowiańskim w I—VII w. n. e. PH, t. LXIII, z. 2, 1972, s. 211.

[12] *J. Tyszkiewicz.* Mazowsze północno-wschodnie..., s. 82.

гументирован и вывод о значительном отливе славян из Белорусского Поднепровья и Подесенья на Балканы в VI—VII вв. н. э. Пока он не подтверждается ни сравнением типов лепных сосудов, ни другими признаками материальной культуры. Мнение же П. Н. Третьякова о близости керамики древностей типа Колочин и древностей типа Пеньковки убедительно опровергнуто И. П. Русановой [13].

Я. Тышкевич, справедливо отмечая несомненно славянскую принадлежность древностей типа Корчак, указывает, что немногочисленные городища этой культуры (Хотомель, Хильчицы) в бассейне Припяти граничат с балтами [14]. Тем самым он вступает в противоречие со своими предыдущими утверждениями, согласно которым уже в VI—VII вв. славянские племена в лице потомков зарубинецких племен продвинулись к северу от Припяти, в бассейны Друти, Птичи и Березины.

Можно согласиться с Я. Тышкевичем, что северная граница распространения памятников культуры Корчак, проведенная Ю. В. Кухаренко по линии: Висла — Западный Буг — Нурец — Мухавец — Пинск — Мозырь, является весьма условной. Однако и высказывание самого польского исследователя о встречаемости раннеславянской керамики типа Корчак лишь к югу от линии Ковель — Сарны — Ровно — Овруч не совсем соответствует действительности [15]. В археологической литературе давно уже опубликованы материалы из ряда памятников (Хотомель, Петриков, Семурадцы и др.), обнаруженных гораздо севернее; дальнейшие исследования, несомненно, пополняют список наиболее северных пунктов культуры Корчак.

Недостаточная изученность левобережья Припяти не дает основания говорить о полной незаселенности этой территории накануне появления здесь раннеславянских племен, т. е. во второй четверти I тысячелетия н. э. Уделяя слишком большое внимание роли географического фактора, Я. Тышкевич указывает, что болотистые пространства Полесья представляли собой естественную преграду между балтами и славянами [16]. Граница между славянскими и балтскими племенами в бассейне Припяти в третьей четверти I тысячелетия н. э. сложилась в силу ряда социально-экономических и культурно-исторических причин. Несколькими столетиями позднее ничто не помешало славянам продвинуться на север через Полесье и осуществить широкую колонизацию междуречья Днепра и Немана.

Точка зрения другого польского исследователя, В. Шиманского, по существу мало чем отличается от рассмотренных выше взглядов Я. Тышкевича. Допуская возможность существования смешанного славяно-балтского населения с сильно выраженным балтским влиянием к северу от Припяти уже в третьей четверти I тысячелетия н. э., он все же более последовательно склоняется к тому, что массовое заселение славянами левобережья Припяти и связанная с ним славянизация местного балтского населения началась не ранее VIII в. Следы же балтского субстрата остаются заметными и в восточно-славянских древностях X—XIII вв.[17] В. Шиманский отмечает, что освоение славянами междуречья Днепра и Немана было длительным и медленным процессом и современное состояние археологической изученности данной территории не позволяет реконструировать все его этапы [18]. Причины сложного разноэтничного харак-

---

[13] *И. П. Русанова.* Ук. соч., стр. 104, 105.

[14] *J. Tyszkiewicz.* Przemiany kulturowe i etniczne..., s. 209.

[15] Ibid., s. 210.

[16] *J. Tyszkiewicz.* Srodowisko naturalne i antroporegiony dorzecza Narwi przed 1000 lat. Wroc'aw — Warszawa — Kraków, 1975, s. 183.

[17] *W. Szymański.* Słowiańszczyzna wschodnia. Kultura Europy wczesnośredniowiecznej. Z. I. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973, s. 43.

[18] *W. Szymański.* Słowianie wschodni. W.: Mały słownik kultury dawnych słowian. Warszawa, 1972, s. 485.

тера древностей VI—VIII вв. Верхнего Поднепровья, как считает польский исследователь, заключаются в смешении элементов местных культур железного века с элементами, пришлыми из лесостепи [19].

Еще в начале 60-х годов В. Шиманский обстоятельно критиковал точку зрения Ф. Д. Гуревич о раннем появлении славянских племен в Белорусском Понеманье с VI в. н. э. и отрицал славянскую принадлежность поселений типа Черешля, материал которых ничем не отличается от соседних восточнобалтских памятников типа верхнего слоя Банцеровского городища [20]. Совсем иначе он представляет процесс славянского заселения Белорусского Поднепровья и Подесенья, где в VI—VIII вв. были распространены сложившиеся на базе древностей позднезарубинецкого типа и с учетом других местных культур раннего железного века памятники типа городища Колочин, которые, по мнению В. Шиманского, принадлежат славянскому населению, носящему еще следы балтского субстрата. Но, как доказано исследованиями советских археологов (А. Г. Митрофанова, И. П. Русановой, В. В. Седова и др.), не существует принципиальных различий между древностями типа Колочин и более северными памятниками типа Банцеровщины, балтская принадлежность которых сейчас мало у кого вызывает сомнения [21]. Вызывает сомнение правомерность выделения в древностях типа Колочин днепровского и деснинского локальных вариантов [22]. Сравнение всех элементов памятников обеих групп ясно показывает их полную идентичность, они различаются разве что географическим положением.

Заметив сходные черты в формах лепной керамики типа Корчак и типа Колочин, с одной стороны, и керамическими материалами из раннеславянских памятников Повисленья (могильники Нипорент и Мендзыборув) — с другой, В. Шиманский выдвинул предположение о передвижении каких-то групп восточнославянского населения в VI—VII вв. н. э. из области Среднего Поднепровья на запад, в Повисленье, в северной части которого в этот период также происходил сходный процесс освоения славянами территории, занятой прежде балтскими племенами [23]. Сходство керамических форм вполне объяснимо: во-первых, в обоих регионах была распространена общеславянская керамика пражского типа. Во-вторых, в материале ряда раннеславянских памятников Повисленья (городище Шелиги и др.), так же как и в Поднепровье, прослеживаются балтские элементы [24]. Пока не открыты истоки раннеславянской культуры Корчак в междуречье Западного Буга и Днепра, у нас имеется гораздо больше оснований говорить о ее западном происхождении и трактовать подобные параллели как западные влияния. Кстати, западнославянские черты выделяются в материальной культуре населения Белоруссии на протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э. (в украшениях, типах оружия, формах керамики).

Более последовательную позицию занимал Е. Антоневич. Еще в 1966 г. в своем выступлении на конференции, посвященной древностям Белоруссии, он аргументированно защищал тезис о неславянской принадлежности памятников типа Колочина — Тушемли, полностью поддерживая точку зрения И. П. Русановой, В. В. Седова и других советских археологов. Эту же мысль он проводит и в своих рецензиях на работы И. П. Руса-

---

[19] Ibid., s. 483.

[20] *W. Szymański.* Rec.: *Ф. Д. Гуревич.* Этнический состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины I тысячелетия н. э. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, RB, t. 4, Białystok, 1963, s. 473—477.

[21] *И. П. Русанова.* Ук. соч., стр. 82—84; *В. В. Седов.* Ук. соч., стр. 48—53.

[22] *W. Szymański.* Słowiańszczyzna wschodnia, mapa 2.

[23] *W. Szymański.* Mazowsze w początkach wczesnego średniowiecza. «Badania archeologiczne na Mazowszu i Podlasiu». Warszawa, 1975, s. 120—121.

[24] *J. Antoniewicz.* Problem substratu bałtyjskiego na północnym Mazowszu. «Badania archeologiczne na Mazowszu i Podlasiu». Warszawa, 1975, s. 31, 32.

новой, касающиеся данной проблематики [25]. В VI—VIII вв., как полагает Е. Антоневич, южную часть территории Белоруссии занимали носители раннеславянской культуры Корчак, в центральной и северной Белоруссии, а также в Поднепровье располагались памятники восточнобалтских племен в виде древностей типа Банцеровщины — Тушемли — Колочина. У него не вызывает сомнений тот факт, что славяне в VI—VII вв. еще не расселились в область Верхнего Поднепровья. По мнению польского исследователя, начавшийся не ранее VI—VIII вв. процесс заселения славянами Верхнего Поднепровья и ассимиляции местного балтского населения был длительным и постепенным.

В ходе этого процесса и сложились союзы восточнославянских племен дреговичей, кривичей и радимичей, расселившихся на территории современной Белоруссии и за ее пределами. Польские авторы обращают особое внимание на происхождение этих союзов племен, их племенные границы, взаимоотношения с местным населением. Точка зрения Г. Ловмяньского о довольно раннем складывании первичных восточнославянских племен (кривичей, дреговичей и др.), еще в IV—V вв., не находящая подтверждения ни в письменных источниках, ни в археологических материалах, справедливо подвергнута критике со стороны другого польского исследователя — К. Яжджевского [26].

Интересная проблема происхождения одного из самых крупных восточнославянских союзов племен — кривичей. Практически все исследователи признают, что кривичи не были автохтонным населением Верхнего Поднепровья и Подвинья. Сложнее выяснить, где же находится их прародина. Ничем не обосновывая свою идею, Г. Ловмяньский утверждает, что они переселились на север из северянской области в междуречье Днепра и Десны еще в IV в. н. э.[27]. Однако подавляющее большинство польских авторов говорят о появлении кривичей в Верхнем Поднепровье и Подвинье не ранее VII в. н. э. и связывают их приход с образованием культуры длинных курганов VIII—IX вв.; в последние годы к этой точке зрения присоединился и Г. Ловмяньский [28]. В польской археологической литературе все чаще высказываются сомнения о достоверности гипотезы В. В. Седова о западном происхождении кривичей и их передвижении из междуречья Вислы и Западного Буга через Понеманье в области Верхнего Поднепровья и Подвинья [29]. Неоспоримо наличие единичных удлиненных курганных насыпей в восточных районах Польши, в бассейнах Западного Буга и Нарева (Збуче, Бернадзки Мост, Чарна Велка и др.). Но недостаточная их изученность не позволяет сделать выводы ни о погребальном обряде и инвентаре этих курганов, ни об их хронологии. Ввиду этого, пишет К. Мусянович, нельзя сравнивать и ставить на одну доску немногочисленные удлиненные курганы междуречья Западного Буга и Нарева с длинными и удлиненными курганами Верхнего Поднепровья и Подвинья. К тому же, по ее мнению, польские удлиненные курганы могут быть датированы более поздним временем, чем самые ранние комплексы из длинных курганов Верхнего Поднепровья и Подвинья [30]. Вопрос этот пока нельзя считать до конца решен-

---

[25] *J. Antoniewicz.* Rec.: *И. П. Русанова.* Славянские памятники второй половины I тыс. н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии. «Древности Белоруссии». Минск, 1966; *ее же.* О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968. ABS, t. VII. Białystok, 1970, s. 281, 282.

[26] *H. Łowmiański.* Poszatki Polski. Cz. II. Warszawa, 1963, s. 89, 90; *K. Jażdżewski.* Z. problematyki poczatkow słowianszczyny i Polski. Cz. I. «Acta Archaéologica Lodziensia», № 16, Łodz, 1968, c. 101.

[27] *H. Łowmianski.* Op. cit., s. 92—94.

[28] *H. Łowmiański.* Początki Polski. Sz. III. Warszawa, 1967, s. 81, 82.

[29] *В. В. Седов.* Кривичи. СА, 1960, 1, стр. 47—62; *J. Tyszkiewisz.* Mazowsze północnowschodnie..., s. 84; *W. Szymanski.* Słowianszczyzna wschodnia. s. 57, 58.

[30] *K. Musianowisz.* Rec.: *В. В. Седов.* Кривичи. СА, 1960, 1. RB, t. III, Białystok, 1962, s. 462—466.

ным, однако раскопанные недавно в Подвинье древнейшие длинные курганы (Дорохи, Повалишино и др.), датирующиеся V—VII вв. н. э., заставляют чашу весов все больше склоняться в пользу местного обычая насыпать длинные курганы [31]. Появившись в VII—VIII вв. в Верхнем Поднепровье, возможно даже с запада из района Повисленья, кривичи усвоили ряд черт погребального обряда от автохтонного балтского населения, оставившего самые ранние длинные курганы типа Атоки, Дорохи, Повалишино V—VII вв. Следы восточнобалтского субстрата выявляются и при анализе украшений из длинных курганов кривичей VIII—IX вв.[32] Сложный характер материальной культуры кривичей VIII—IX вв., состоящей из славянских и балтских элементов, признается и польскими археологами [33].

Не менее интересным является сам процесс смешения двух этнических групп населения, т. е. славян и балтов, а также причины возобладания одной из этих групп. Тезис Г. Ловмяньского о том, что славянским элементам удалось мирно и спокойно ассимилировать балтское население за счет своего более высокого уровня военной и политической организации, не базируется на системе прочных доказательств [34]. Сравнение материала обеих культур показывает, что балты и славяне в третьей четверти I тысячелетия н. э. находились приблизительно на одном уровне развития. Скорее всего, картина взаимодействия двух культур и последующей ассимиляции балтов славянами выглядит не такой простой. В ней есть место, с одной стороны, для медленной мирной инфильтрации, в том числе и смешанных браков, а с другой — для конфликтов и завоеваний, о которых свидетельствуют следы пожарищ в верхних слоях городищ типа Банцеровщины — Тушемли — Колочина [35]. Обосновавшись в Верхнем Поднепровье, восточнославянский союз племен кривичей начинает экспансию во всех направлениях, значительно расширив свои первоначальные племенные границы. В конце IX—X вв. их древности уже в основном представлены полусферическими курганами с трупосожжениями, которые сменяют длинные курганы.

Легко объясним повышенный интерес польских историков и археологов к проблеме происхождения другой восточнославянской группировки племен — союза радимичей. Сообщение из «Повести временных лет» свидетельствует о западном, «ляшском» происхождении радимичей, однако археологические данные не в состоянии подтвердить это летописное известие. В ходе споров вокруг проблемы радимичей, их прародины, ведущихся уже несколько столетий родилась идея прямого передвижения радимичей с территории Польши в Посожье. Сторонники этой теории, начиная с польского историка XIV в. Яна Длугоша и кончая современными польскими исследователями Ф. Буяком и Г. Ловмяньским, в качестве доказательства обычно приводят лишь упоминание о радимичах в «Повести временных лет» и общность топонимов Повисленья и Посожья [36]. В советской литературе выдвинут ряд контраргументов против этой теории. Еще в 30-х годах Б. А. Рыбаков высказал сомнение по по-

---

[31] Очерки по археологии Белоруссии, ч. 2. Минск. 1972, стр. 25; *Г. В. Штыхов.* Славянская колонизация северной Белоруссии и происхождение городов Полоцкой земли. Berichte über den II. Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie, Bd 3, Berlin, 1973, s. 367.

[32] *Е. А. Шмидт.* К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов. МИСО, УП. 1970, стр. 219—235.

[33] *J. Tyszkiewicz.* Mazowsze póenocno-wschodnie..., s. 83; *W. Szymanski.* Słowiańszczyzna wschodnie, s. 153.

[34] *H. Łowmiański.* Początki Polski. Cz. V, Warszawa, 1973, s. 25, 26.

[35] *М. И. Артамонов.* Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья. СА, 1974, 1, стр. 254; *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, стр. 162; *П. Н. Третьяков.* Финно-угры, балты и славяне..., стр. 273, 274.

[36] *F. Bujak.* Skąd. przyszli radymicze i wiiatycze na Rus? Świątowit. t. XX. Warszawa, 1949, s. 58—114; *H. Łowmiański.* Początki Polski. Cz. V, s. 102—112, mapa na s. 108.

воду достоверности упомянутого отрывка из летописи; исследовательница радимичских курганных древностей Г. Ф. Соловьева критически отнеслась и к топонимическим параллелям [37]. Согласно последним исследованиям В. В. Седова и Г. Ф. Соловьевой, анализ археологического материала, особенно радимичских украшений X—XII вв. и гидронимов, показывает связь радимичей с более южными или юго-западными районами, а точнее с областью Верхнего Поднестровья [38]. С учетом новых данных Я. Тышкевич внес некоторые коррективы в старую теорию западного происхождения радимичей. По его мнению, предки радимичей действительно жили приблизительно до III в. н. э. в бассейнах Вислы и Западного Буга, а затем в IV—VI вв. переместились в область Поднестровья, откуда вскоре продвинулись на северо-восток, в бассейн Сожа [39]. Эта гипотеза заслуживает определенного внимания, ведь, на самом деле, археологически прослеживается передвижение части пшеворских племен во II—III вв. н. э. с территории Польши в Верхнее Поднестровье [40]. С другой стороны, в советской литературе высказано мнение о происхождении радимичей из этого же региона. Тем не менее теория Я. Тышкевича нуждается в строго документированной системе доказательств, в тщательном сравнении всех элементов культуры трех групп памятников, т. е. определенной группы пшеворских памятников Польши, верхнеднестровского варианта черняховской культуры и сформировавшихся на его базе раннесредневековых славянских памятников, а также наиболее ранних памятников летописных радимичей в Посожье. В. Шиманский справедливо признает, что на данном уровне археологической науки эту проблему окончательно разрешить невозможно [41]. Древнейшие курганы радимичей Посожья датируются не ранее VIII—IX вв., они сменяют древности балтийских племен, но следует учитывать, что следы восточнобалтского субстрата выявляются даже в радимичских курганных древностях древнерусской эпохи X—XIII вв.[42]

Истоки культуры дреговичей, располагавшихся к западу и юго-западу от радимичей, обычно ищут в древностях типа Корчак. Само название этого племени, как считает большинство исследователей (Г. Ловмяньский, С. Хмелевский и др.), происходит от болотистой местности, в то время их также идентифицируют со славянским племенем друговитов, живших на Балканах [43]. Общепризнано, что в VIII—IX вв. дреговичи, размещавшиеся к югу от Припяти, начинают массовую колонизацию ее левых притоков, ассимилируя при этом местное балтское население. К наиболее ранним дреговичским памятникам относят круглые курганы с трупосожжениями IX—X вв. на юге Белоруссии. В ходе дальнейшего расселения и консолидации устанавливается приблизительно по Днепру граница дреговичей с радимичами, к северу от Минска они сталкиваются с кривичами, чуть южнее Припяти проходила их граница с древлянами. Определение же линии наибольшего продвижения дреговичей в западном направлении вызывает споры среди польских археологов. Ряд авторов (А. Гардавский, А. Новаковский) из-за недостаточности археологического материала оставляют этот вопрос открытым, другие (например, Я. Тышкевич) утверждают, что сильно заболоченная местность в районе Барановичей не позволила дреговичам продвигаться далее на за-

---

[37] *Б. А. Рыбакоу.* Радзімічы. Працы секцыі археологіі, т. 3. Мінск, 1932, стр. 127—136; *Г. Ф. Соловьева.* К вопросу о приходе радимичей на Русь. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 352—356.

[38] *В. В. Седов.* Ук. соч., стр. 141—143; *Г. Ф. Соловьева.* Ук. соч., стр. 355, 356.

[39] *J. Tyszkiewicz.* Radymicze. SSS, t. 4, cz. 2, 1972, s. 456.

[40] *М. Б. Щукин.* О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождении славян. СА, 1975, 4, стр. 64—68.

[41] *W. Szymański.* Słowianie wschodni, s. 485.

[42] Ibid.

[43] *H. Łowmiański.* Początki Polski. Cz. II, s. 98; *St. Chmielewski.* Dregowicze. SSS, t. I, cz. 2, 1962, s. 380.

пад [44]. Безусловно, главную роль в решении этого вопроса должен сыграть не географический фактор, а археологические источники. Опираясь на них, большинство польских исследователей (Г. Ловмяньский, К. Мусянович, С. Хмелевский) пришли к выводу, согласно которому дреговичи при расселении достигли Западного Буга и Нарева, где они граничили на западе с мазовшанами, а на севере с ятвягами [45]. Дреговичские элементы прослеживаются и в инвентаре более поздних курганов с каменными обкладками X—XII вв. [46].

Расселение и консолидация восточнославянских союзов племен дреговичей, кривичей и радимичей в междуречье Днепра и Немана проходило одновременно с генезисом феодальных отношений и образованием древнерусского государства, в состав которого они вскоре были включены. В дальнейшем потомки этих племен явились основным компонентом при формировании бе́лорусской народности.

Подытоживая изложенное, хочется отметить, что в своих исследованиях польские авторы стремятся охватить все наиболее важные моменты раннесредневековой истории Белоруссии. При разработке рассмотренных выше проблем им в основном приходится опираться на публикации советских археологов, лишь исследование проблемы пограничья в бассейне Западного Буга и связей между западными и восточными славянами в раннем средневековье имеет самостоятельную источниковедческую базу. Посему эта проблема изучена ими в большей степени, нежели сложные вопросы этнической истории Белоруссии в VI—IX вв., недостаточно хорошо разработанные и в советской историографии. В своих схемах славянского заселения территории Белоруссии польские археологи, не имея возможности непосредственно ознакомиться с археологическим материалом, порой опираются одновременно на работы советских авторов — сторонников противоположных концепций, что нередко приводит к путанице. Однако ряд мнений польских исследователей представляет для нас значительный интерес. Большой вклад внесен ими в изучение происхождения кривичей и радимичей, проблемы дреговичско-мазовшанского пограничья. Дальнейшей разработке подлежит идея В. Шиманского о сходстве материалов из памятников типа Корчак и типа Колочин с древностями Повисленья. Новые материалы из раскопок раннесредневековых памятников Белоруссии и прилегающих к ней областей Польши помогут польским исследователям в разработке проблем, связанных со сложными этническими процессами, происходившими в междуречье Днепра и Немана в VI—IX вв.

V. B. Perkhavko

QUELQUES QUESTIONS SUR LE HAUT MOYEN AGE EN BIELORUSSIE (DU VIe AU IXe S.) RANS LA LITTERATURE ARCHEOLOGIQUE POLONAISE DE 1960 A 1975

Résumé

Au cours des années d'après guerre, en Biélorussie se sont développées sur une vaste échelle les fouilles archéologiques des monuments du haut Moyen Age appartenant au type de Banpérovchtchina, Touchemli, Kolotchine, ainsi que des kourganes longs. Ceci ne pouvait manquer d'attirer l'attention des archéologues polonais, qui ont formulé

[44] A. Gardawski. Polesie. SSS. t. 4, cz. 2, 1972, s. 185; *A. Nowakowski.* Górne Pobuże w wiekach VIII — XI. Zagadnenia kultury. Łodź, 1972, s. 115; *J. Tyszkiewicz.* Proces slawizacyi..., s. 16, 17.

[45] *H. Łowmiański.* Początki Polski. Cz. III, s. 79; *K. Musianowicz.* Granica mazowieska-drehowicka na Podlasiu w wczesnym średniowieczu. Materiały wczesnośredniowieczne, V. Warszawa, 1960, s. 186—230; *St. Chmielewski.* Op. cit., s. 380.

[46] *И. В. Бируля.* Курганы у д. Ратайчицы. Сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 120—122, рис. 1.

leurs conceptions sur les principaux problèmes de l'histoire du début du Moyen Age en Biélorussie. Ne connaissant que d'une façon insuffisante les documents archéologiques, et dans plusieurs cas adoptant sans esplit critique les théories contradictoires de certains auteurs soviétiques, quelques spécialistes polonais (I. Tyckéwicz, V. Chimanski, G. Lovmianski) soutiennent des hypothèses assez fragiles sur la date de l'apparition des tribus slaves dans la région du haut Dniepr, sur leurs rapports avec la population locale de l'Est de la Baltique, sur la formation des unions de tribus slaves de l'Est, les Krivitches, les Radimitches et les Drégovitches. Les spécialistes polonais ont surtout étudié le problème des liens et des contacts existant entre les tribus des Slaves occidentaux et des Slaves orientaux au début du Moyen Age. Les nouveaux documents archéologiques doivent aider les savants polonais dans l'étude ultérieure des questions compliquées concernant l'histoire de la population du haut Moyen Age en Biélorussie.

Б. Л. АЛЬТШУЛЛЕР

БЕССТОЛПНЫЕ ХРАМЫ XIV ВЕКА В КОЛОМНЕ

Этой статьей мы продолжаем публикацию материалов о своеобразной группе небольших русских храмов с пристенными опорами, появившейся в Московском княжестве во второй половине XIV в. и неожиданно исчезнувшей уже в первом десятилетии XV в., не оставив весомого следа в последующем зодчестве. В предыдущих статьях, посвященных этой же теме [1], нами уже рассматривались достаточно подробно типологические характеристики сооружений этого круга, поэтому напомним лишь, что Никольская церковь с. Каменского остается единственной сравнительно хорошо сохранившейся в объеме постройкой, позволяющей судить о композиционных особенностях храмов, своды которых опирались на сдвинутые вплотную к углам стен пилоны. Исследованиями последнего времени количества памятников «каменского» типа было умножено — сегодня достоверно известно по меньшей мере пять храмов с аналогичным в принципе решением планов. Три из них были выстроены во второй половине XIV в. в ближайших пригородах одного из крупнейших городов Московского княжества — Коломны.

Внимание ученых, изучавших древнее зодчество Коломны (среди них в первую очередь нужно назвать А. И. Некрасова и Н. Н. Воронина), было обращено в основном к памятникам Коломенского кремля в попытках разгадать немногочисленные и противоречивые сообщения летописей, писцовых книг и других источников о загадочных постройках Дмитрия Донского. Еще более скудные упоминания о будто бы существовавших некогда каменных храмах XIV в. в Бобреневом и Старо-Голутвином монастырях принимались исследователями только как гипотеза, оставшаяся бездоказательной до проведения археологического изучения обоих памятников. Эта задача оказалась выполненной в 1969—1970 гг. работавшей в Коломне Подмосковной историко-архитектурной экспедицией [2]. Резуль-

---

[1] *Б. Л. Альтшуллер.* Новые исследования Никольской церкви села Каменского. Архитектурное наследство, № 20, М., 1972, стр. 17—25; *М. Х. Алешковский, Б. Л. Альтшуллер.* Благовещенский собор, а не придел Василия Кесарийского. СА, 1973, № 2, стр. 88—99.

[2] Работой экспедиции руководили канд. истор. наук М. Х. Алешковский и главный архитектор проектов ВПНРК Б. Л. Альтшуллер. Равноправное творческое содружество археолога и архитектора оказалось очень плодородным для полноценного изучения вскрытых в результате раскопок памятников древнерусского зодчества. Трагическая гибель М. Х. Алешковского в июле 1974 г. не дала возможности совместно подготовить к печати материалы исследования, известные пока лишь по кратким публикациям (*М. Х. Алешковский, Б. Л. Альтшуллер.* Подмосковная историко-архитектурная экспедиция. АО — 1969, М., 1970, стр. 79, 80; *они же.* Предварительные итоги раскопок в Коломне. АО — 1970, М., 1971, стр. 91, 92. В настоящей статье автором использованы некоторые сведения археологического характера, содержащиеся в отчете М. Х. Алешковского (*М. Х. Алешковский.* Отчет об археологических раскопках в Коломне в 1970 г. М., 1972. Архив ВПНРК, инв. № 219/19), а также оговариваемые в тексте предположения М. Х. Алешковского, высказанные им в личных беседах.

гатам исследований древних архитектурных сооружений в коломенских монастырях и посвящена основная часть данной работы.

Комплекс зданий и сооружений **Бобренева монастыря** расположен в километре к северу от Коломенского кремля, на левом берегу Москвы-реки. Никаких документальных сведений о времени основания монастыря не сохранилось, хотя предания связывают его с именем воеводы Дмитрия Донского-Боброка [3]. В писцовой книге 1577—1578 гг. впервые упоминается «... за посадом же за Москвою р. монастырь Бобренев, а в монастыре церк. Рождество Пречистые, каменой...» [4]. Это известие фактически остается единственным источником, указывающим на строительство в монастыре каменных зданий до XVIII в.[5]

Из существующих ныне двух монастырских храмов собор Рождества Богородицы является старейшим, хотя и он подвергся в 1790 г. кардинальной перестройке, уничтожившей все надземные части древнего памятника. Рождественский собор Бобренева монастыря никогда не был объектом исследования. В своем капитальном труде «Зодчество Северо-Восточной Руси» Н. Н. Воронин лишь вскользь отмечает, что «сведения о зданиях Бобренева монастыря не позволяют сделать каких-либо заключений об их характере и дате» [6].

В процессе осуществлявшихся нами в Коломне археологических раскопок была поставлена задача исследования подземных частей здания внутри четверика и апсид существующего Рождественского собора. Эта задача облегчилась тем, что под полом собора не было калориферных каналов, поздних захоронений и т. п., столь часто уничтожающих древний культурный слой.

Стратиграфия во всех раскопах оказалась почти одинаковой (рис. 1). Приведем ее только для западного профиля: «Под каменным полом XIX в. лежит песчаная подсыпка толщиной 9—10 *см*. Далее идет песок с землей толщиной 25—27 *см*. Ниже залегает слой серой земли с углем, видимо от сгоревшего деревянного пола. Его толщина доходит до 30 *см*, в нем встречаются прослойки извести, так что этот слой находится не в первоначальном своем состоянии. До материка стратиграфия доведена только на небольшом участке, где чередовались тонкая прослойка песка, земли с углем и пеплом, а затем был обнаружен тонкий культурный слой, лежащий на песчаном материке. Каких-либо датирующих находок в этом слое не было» [7]. На глубине всего 50—60 *см* от уровня пола XIX в. были раскрыты фундаменты стен и четырех пристенных угловых пилонов предшествующего храма, относившегося к тому же типу, что и Никольская церковь с. Каменского (рис. 2, 3).

Фундаменты собора сложены из белокаменного бута на извести и имеют небольшое сужение книзу. Глубина заложения фундаментов стен — 80—90 *см*, сваи под ними, как и у других памятников этого круга, не обнаружены. Фундаменты пристенных опор имеют такое же заложение и перевязаны с фундаментами стен. Толщина фундаментов стен составляет

---

[3] Существует также версия о том, что монастырь заложил великий князь Дмитрий Иванович, возвращаясь в Москву после Куликовской битвы (*Н. Иванчин-Писарев.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1844, стр. 151, 152).

[4] Писцовые книги Московского государства (под ред. Н. В. Качалова; далее — ПКМГ). СПб., 1872, ч. 1, отд. 1, разд. 2, стр. 323. Там же упоминается семифигурный деисус храма.

[5] В описании Коломны Павла Алеппского сказано о Бобреневе лишь: «...По ту сторону реки, насупротив города, стоит великолепный монастырь, весь выбеленный, с высокими куполами во имя Рождества Богородицы, а трапезная церковь в честь Входа в Иерусалим...» (*П. Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. М., 1896, кн. VI, гл. II. стр. 151). Из этого описания следует, что в середине XVII в. в монастыре было уже по меньшей мере две церкви.

[6] *Н. Н. Воронин.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII — XV веков, т. 2. М., 1962, стр. 206.

[7] *М. Х. Алешковский.* Ук. отчет, стр. 36, 37.

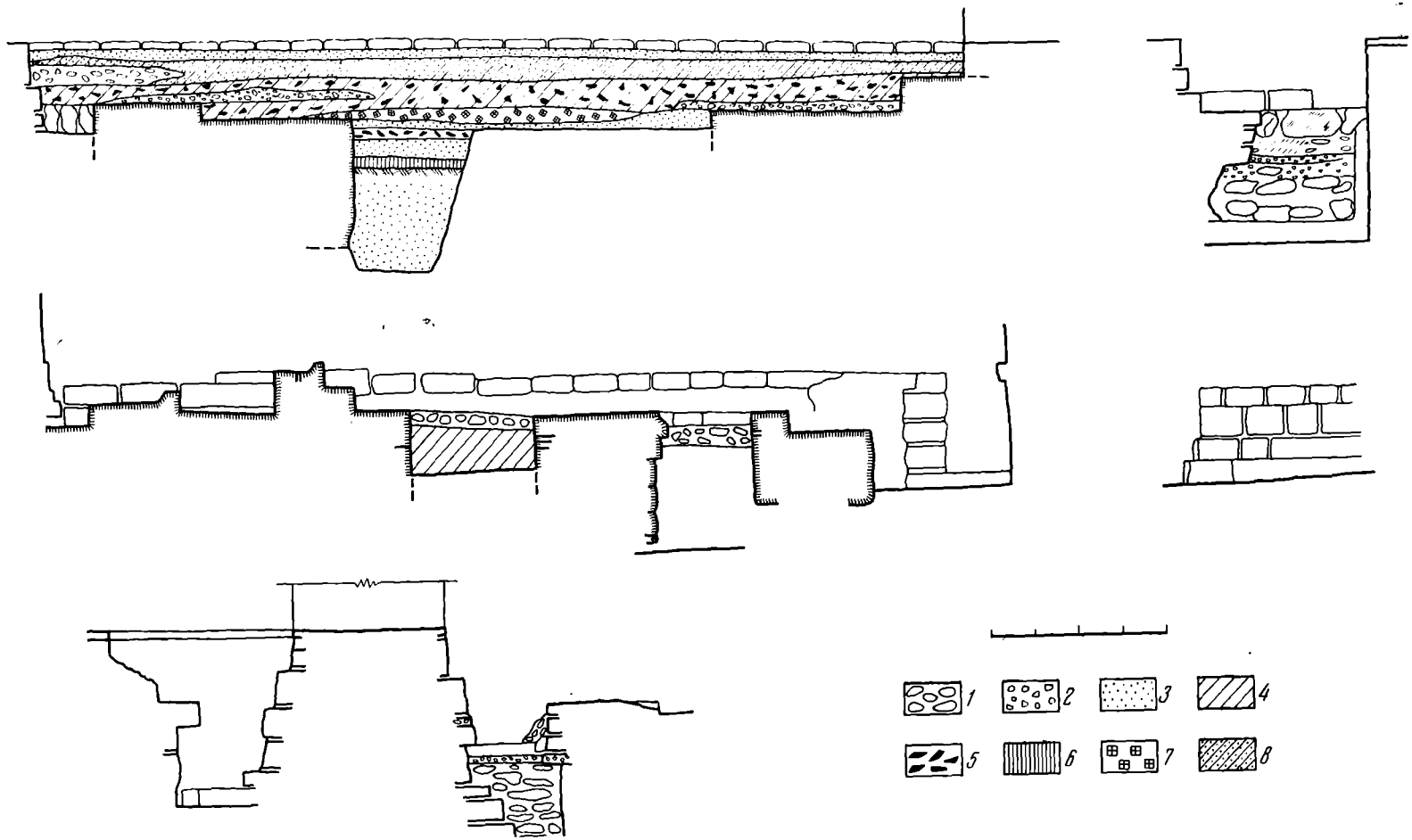


Рис. 1. Бобренев монастырь. Профили шурфов (чертеж М. Х. Алешковского. Архив ВПНРК, шифр 219). *1* — щебень; *2* — известь; *3* — песок; *4* — серая земля; *5* — уголь; *6* — земля; *7* — известь; *8* — серая земля с песком

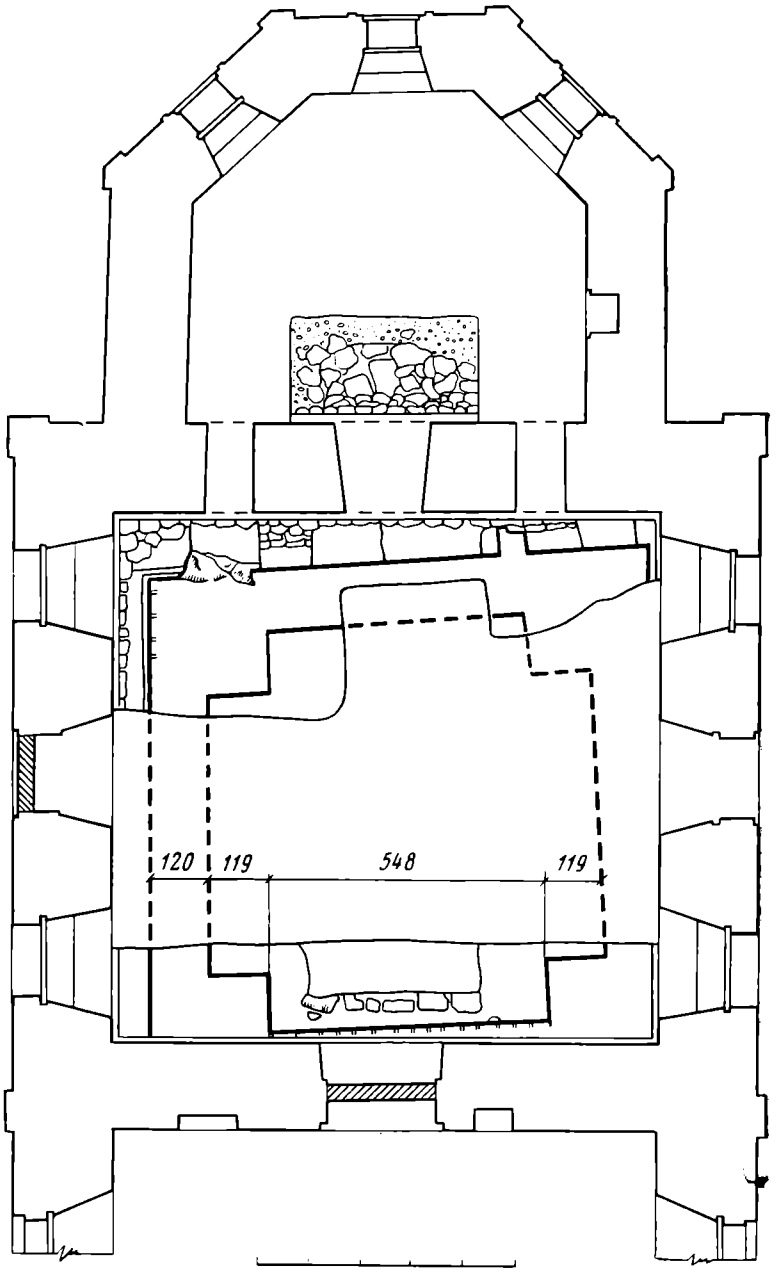


Рис. 2. Бобренев монастырь. План раскопов внутри существующего собора Рождества Богородицы

всего 116—122 см, что дает основание определить толщину наземных кладок не более чем в 100—110 см.

Поскольку внешние части фундаментов почти всюду скрыты поставленными на них стенами собора XVIII в., характер фасадной кладки удалось определить только на одном участке, но и там исследование пришлось производить в узкой щели между древним и более поздним фундаментами. Все же важно отметить, что в отличие от Каменского, блоки кладки Рождественского собора имеют небольшую высоту (17—20 см) и значительно более постелисты. Внешняя поверхность стены покрыта сравнительно небрежной известковой обмазкой[8]. Какие-либо

[8] Следует подчеркнуть, что нам не удалось определить уровень дневной поверхности у фасадов древнего собора, поэтому не исключено, что описываемая кладка не была надземной.

Рис. 3. Бобренев монастырь. Фундамент западной стены и пристенных опор собора XIV в.

уступы фундамента или обрез цоколя отсутствуют. К фундаменту восточной стены четверика с внешней стороны примыкают четыре перевязанные с ним кладки, из которых лишь одна сохранилась до верхней отметки фундамента стены, а остальные прослеживаются только по скоплению в этих местах бутовых камней и характеру их примыкания к фундаменту четверика. Есть все основания считать эти кладки фундаментами стен трех апсид, вся основная часть которых полностью уничтожена при строительстве храма XVIII в. Заложенный в апсиде существующего собора шурф показал, что древние кладки были выбраны на всю глубину и образовавшаяся яма сплошь заполнена белокаменным бутом.

Обращает на себя внимание тот факт, что при раскопках не было найдено ни одного профилированного блока от цоколя, портальных тяг, карнизов и деталей завершения древнего храма. По-видимому, при разборке они были отброшены в другое место. Только из забутовки возле фундамента восточной стены собора XVIII в. было извлечено несколько криволинейных блоков, которые удалось идентифицировать как части арочного завершения проема портала. На блоках прослеживаются характерные следы тесла, П-образные подрубки и другие детали обработки, которые мы имели возможность наблюдать также на некоторых других памятниках рубежа XIV—XV вв. Наличие на блоках фрагментов темперной сюжетной росписи, судя по технике исполнения относящейся, по-видимому, не ранее чем к XVIII в., позволяет полагать, что древнейший собор Бобренева монастыря не подвергался, во всяком случае в нижней части, значительным перестройкам и сохранял элементы первоначального декора вплоть до своего уничтожения.

Таким образом, в результате археологических раскопок удалось выявить первый каменный собор Бобренева монастыря (рис. 4). По структуре плана четверика и габаритам он оказался, как уже отмечалось, очень близким к Никольской церкви с. Каменского. Если сопоставлять наземные размеры обоих памятников, то совпадение их в пределах четверика окажется почти полным. У Рождественского собора остаются, однако, неясными многие детали устройства алтарных апсид. Прежде всего, нет никаких данных об их очертаниях и отстоянии от восточной стены четверика. Кроме того, расположение фрагментарно сохранившихся фундаментных стенок апсид исключает возможность устройства симметричных проходов из четверика в боковые апсиды. Поэтому план Рождественского собора приходится реконструировать с существенным отличием от плана Каменской церкви — единственным средством доступа в дьяконник оказывается проход из центральной апсиды. Такая реконструкция не является чем-то надуманным и бездоказательным: требования культа допускают устройство в православном храме только центральных и се-

верных врат, мы не раз встречаем подобное решение в ряде более поздних памятников [9].

Установленное нами близкое «родство» Рождественского собора и Никольской церкви с. Каменского дает основание к сближению их датировок. Если принять предложенную нами для Каменской церкви новую дату — вторая половина XIV в. [10], то и постройка Рождественского собора может быть отнесена к этому времени.

Сделанная нами попытка еще точнее определить для Каменской церкви время постройки, отнеся его к 60—70-м годам XIV в., применительно к собору Бобренева монастыря не может быть основана на каких-нибудь, хотя бы и косвенных, данных. Даже связывая постройку Рождественского собора с именем Боброка, мы лишены возможности установить, в какой период этот воевода мог пребывать в Коломне [11].

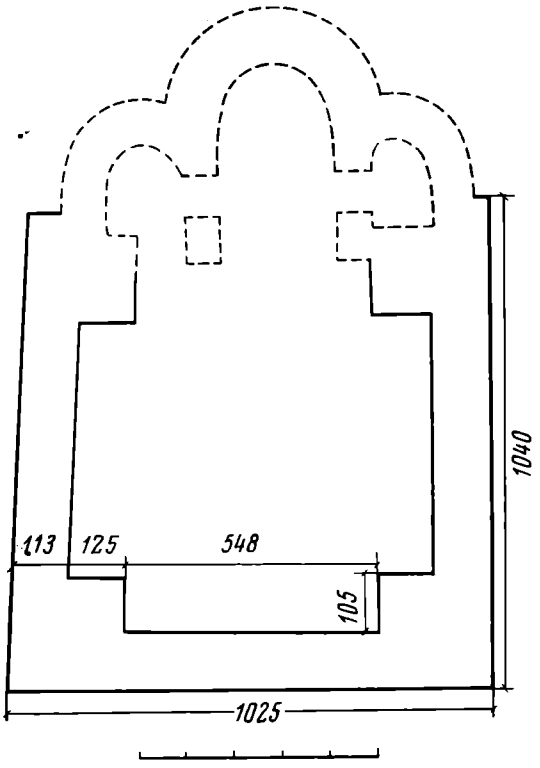


Рис. 4. Бобренев монастырь. Реконструкции плана Рождественского собора XIV в.

Остается также документально не подтвержденным факт закладки монастыря Дмитрием Донским в память Куликовой победы 1380 г. Поэтому ограничимся округленной датой и обратимся ко второму исследованному нами памятнику — собору Старо-Голутвина монастыря.

Старо-Голутвин, так же как и остальные коломенские монастыри, не сохранил древнейших своих храмов. Существующий Богоявленский собор, судя по характеру его архитектуры, относится скорее всего к первой половине XVIII в. Трапезная церковь Сергия Радонежского в нынешнем виде выстроена в первой половине XIX в. В отличие от Бобренева монастыря, относительно основания Старо-Голутвина монастыря в XIV в. и строительства в нем каменного собора имеются достаточно определенные свидетельства. Они содержатся прежде всего в двух редакциях «Жития Сергия Радонежского» — Пахомиевской и житийной рукописи XV в., хранившейся в Троице-Сергиевой лавре.

Рукопись Троице-Сергиевой лавры сообщает об основании монастыря в более общем виде. В ней говорится о том, что Сергий, по просьбе великого князя Дмитрия посетил Коломну и благословил основать монастырь на месте «... близ великой рекый Окый на устьи реки Москвый...». Тогда же была заложена Богоявленская церковь «... и скоро свершена бысть и зело угодна и красна...». Первым настоятелем-строителем монастыря стал ученик Сергия инок Григорий, который «..... скоро ... устрои монастырь бысть церкви камена в славу Господу Богу и в похвалу угоднику его. И прозвася Голоутвино» [12].

---

[9] Укажем, например, на отсутствие южных врат у московских церквей Зачатия Анны в Китайгороде (1530—1540 гг.) и Никиты на Швивой горке (конец XVI в.)

[10] *Б. Л. Альтшуллер.* Ук. соч., стр. 25.

[11] Имеются сведения об его участии в битве под Скорнищевым еще в 1372 г. (*Н. Н. Воронин.* Ук. соч., стр. 188).

[12] *Н. С. Тихонравов.* Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892 (1916), стр. 101.

В Пахомиевской редакции «Жития» запись о постройке Григорием каменной церкви звучит несколько иначе: «...и по времени церковь создана бысть камена еже есть и доныне...» [13]. Анализировавший обе записи Н. Н. Воронин пришел к выводу, что первый Богоявленский храм был деревянным, а каменная церковь построена Григорием еще до смерти Дмитрия Донского, т. е. до 1389 г.[14]

Древние монастырские храмы упоминает писцовая книга Коломны 1577—1578 гг.: «.... да за посадом у Оки р. усть. р. Москвы монастырь Голутвин, а в монастыре церкви: Богоявление Господа нашего Иисуса Христа, камена, а другая церк. Сергей чудотворец с трапезою с каменною, трапеза ветха, всход оболился, а под ними подклеты камены...» [15].

Краткое, но интересное описание монастыря оставил и Павел Алеппский. «Нас... ввели в большую церковь в честь божественного Богоявления... Всход в эту церковь чудный, высокий, с трех сторон; кругом галерея с тремя дверями. Церковь весьма древняя. Мы отстояли в ней вечерню и пошли помолиться в другую церковь, которая находится в трапезе отцов. Она весьма древняя и красивая, в честь одного из них новых святых, по имени Сергий... он... построил эту церковь. Монастырь относится к его же времени. Между этими двумя церквами высокая колокольня с приподнятым высоким куполом, наподобие куполов церковных» [16]. Это описание позволяет хорошо представить себе планировку центральной части монастырского комплекса в середине XVII в.

Спустя почти 200 лет, уже после капитальной перестройки всех древних монастырских зданий, Старо-Голутвин посетил Н. Иванчин-Писарев, в книге которого мы находим чрезвычайно существенную ремарку: «Храм, построенный на месте первобытного, величествен и обширен. В подвалах его еще видно место заложенного св. Сергием; небольшой, четвероугольный обвод из камней в виде фондамента...» [17].

Эту, как и другие цитаты, привел в своем труде Н. Н. Воронин, единственный исследователь, попытавшийся хотя бы на основании письменных источников поставить древнейшие храмы Старо-Голутвинского монастыря в ряд несомненно существовавших каменных построек XIV в.[18] Однако Н. Н. Воронину не удалось проверить свидетельство Н. Иванчина-Писарева в натуре. Для Богоявленского собора эта задача оказалась выполненной при наших археологических раскопках 1969—1970 гг. В результате раскопок в подклете существующего собора были раскрыты почти полностью сохранившиеся фундаменты и даже нижние части стен небольшого белокаменного храма (рис. 5), принадлежащего к той же типологической группе культовых построек с пристенными опорами, что и Никольская церковь в с. Каменском, а также собор Бобренева монастыря.

По своим габаритам древний Богоявленский собор почти равен церкви с. Каменского (ширина западного фасада соответственно 10,8 и 19,25 *м*, общая длина, включая апсиду, 13,75 и 14,75 *м*, однако вместо трех он имеет только две апсиды — южную, диаметром около 5,2 *м*, и северную, диаметром 2,2 *м* (т. е. такую же, как боковые апсиды Каменской церкви) [19].

Основания белокаменных стен собора, так же как и у других храмов XIV—XV вв., сложены в технике полубутовой кладки. Обращает внимание необычная для известных нам памятников XIV в. постелистость белока-

---

[13] Там же, стр. 73, 74.
[14] *Н. Н. Воронин.* Ук. соч., стр. 205.
[15] ПКМГ, ч. I, отд. I, стр. 325, 326.
[16] *П. Алеппский.* Ук. соч., кн. 2, гл. XVIII, стр. 143.
[17] *Н. Иванчин-Писарев.* Ук. соч., стр. 154, 155.
[18] *Н. Н. Воронин.* Ук. соч., стр. 205, 206.
[19] Мы не знаем в русской архитектуре до конца XV в. ни одного двухапсидного храма. На некоторых причинах, обусловивших появление такого типа культовой постройки, мы остановимся ниже.

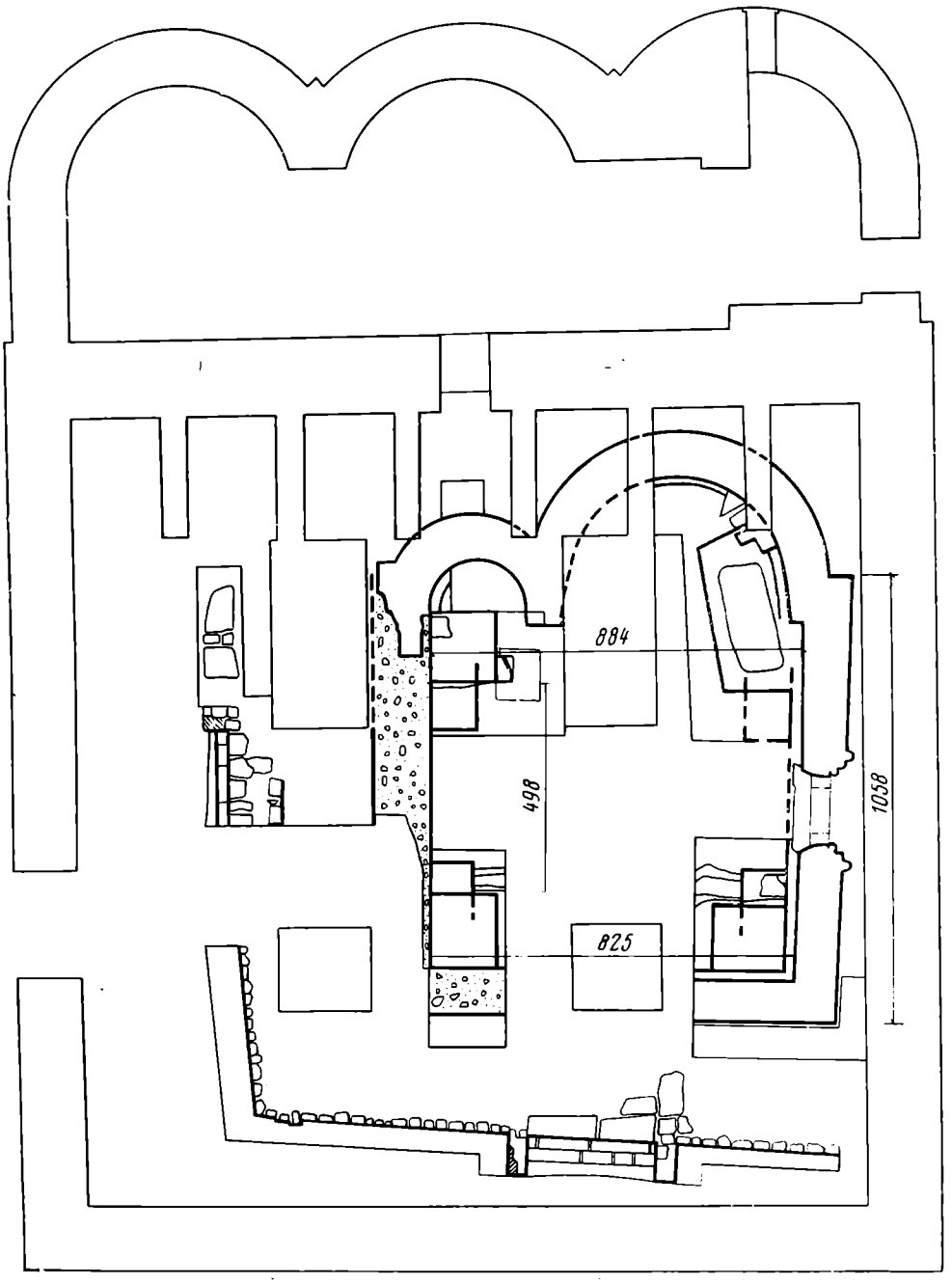


Рис. 5. Старо-Голутвин монастырь. Сводный план раскопов внутри существующего Богоявленского собора

менных блоков и их высота — 12—16 *см* (вместо повсеместно встречающейся в XII—XIV вв. высоты ряда в 25—40 *см*). Небольшая толщина стен собора достигает всего 98—110 см (рис. 6).

Фундаменты стен Богоявленского собора — бутовые на извести. М. Х. Алешковский в процессе раскопок отмечал, что верхний обрез фундамента на 80—90 *см* возвышается над уровнем современной ему поверхности, что объясняет появление в пространстве между фундаментами однородной засыпки, сделанной в процессе строительства [20].

Стратиграфия во всех шурфах более или менее однородна (рис. 7). Наиболее четко она была прослежена у северо-западного столба: «Верх-

[20] *М. Х. Алешковский.* Ук. отчет, стр. 34. Аналогичным образом были устроены также фундаменты коломенского Успенского собора XIV в.

Рис. 6. Старо-Голутвин монастырь. Кладка северной апсиды собора XIV в.

ний слой мусора подстилается слоем кирпичного щебня толщиной 10—12 *см*, относящимся ко времени строительства существующего собора. Далее залегает серый слой с угольками, имеющий толщину 30—40 *см* и отмечающий уровень древнего пола. Ниже идет мощный слой белокаменного щебня, состоящий из двух различающихся по цвету прослоек — беловатой и желтоватой. Верхняя линия его имеет выраженный наклон. Слой прорезается траншеей для квадратного столба.

Под этим слоем залегает черноватый слой с прослойками извести от строительства древнего храма.

Затем идет мощный слой черной земли (толщиной до 80 *см*), смешанный с песчаным материком. Датирующий материал (в частности, керамика) почти полностью отсутствует» [21].

В отличие от остальных изученных нами памятников квадратные в плане пристенные опоры Богоявленского собора не имеют перевязки с кладкой стен четверика. Объяснение этому удалось получить, исследовав бутовые кладки, раскрытые в основании пристенных пилонов и вытянутые во всех углах четверика в направлении восток — запад (рис. 8). Оказалось, что эти кладки представляют собой фундаменты первоначальных пилонов, сложенных в совершенно идентичной фундаментам стен технике кладки и перевязанных с ними в ряде мест. Такое наблюдение, казалось бы, затрудняет проводимое нами сопоставление планов Богоявленского собора и других храмов, имеющих пристенные опоры. Тем не менее есть достаточно убедительные доказательства того, что и квадратные пристенные пилоны второго строительного периода с полным основанием могут быть отнесены также к XIV в. (рис. 9). Это подтверждается археологическим материалом и изучением техники кладки фундаментов. Поэтому можно полагать, что появление у памятника квадратных пристенных опор взамен прямоугольных было связано с какой-то катастрофой, последовавшей либо в процессе самого строительства, либо вскоре после его окончания [22]. Технические причины такой катастрофы, вызвавшей, по-видимому, падение сводов, остаются неясными, хотя, возможно, она была связана именно с непривычной для мас-

[21] *М. Х. Алешковский.* Ук. отчет, стр. 33, 34.

[22] Любопытную точку зрения по этому поводу высказал М. Х. Алешковский, предположивший, что известное сообщение под 1380 г. о том, что «падеся на Коломне церковь каменна, уже свершена дошедши, юже съезда благоверный великий князь Дмитрий...» (ПСРЛ, VIII, стр. 34), относится именно к собору Голутвина монастыря, а не к Успенскому собору в Коломенском кремле, как обычно считается. В таком случае время перестройки Богоявленского собора после катастрофы могло бы быть определено вполне точно.

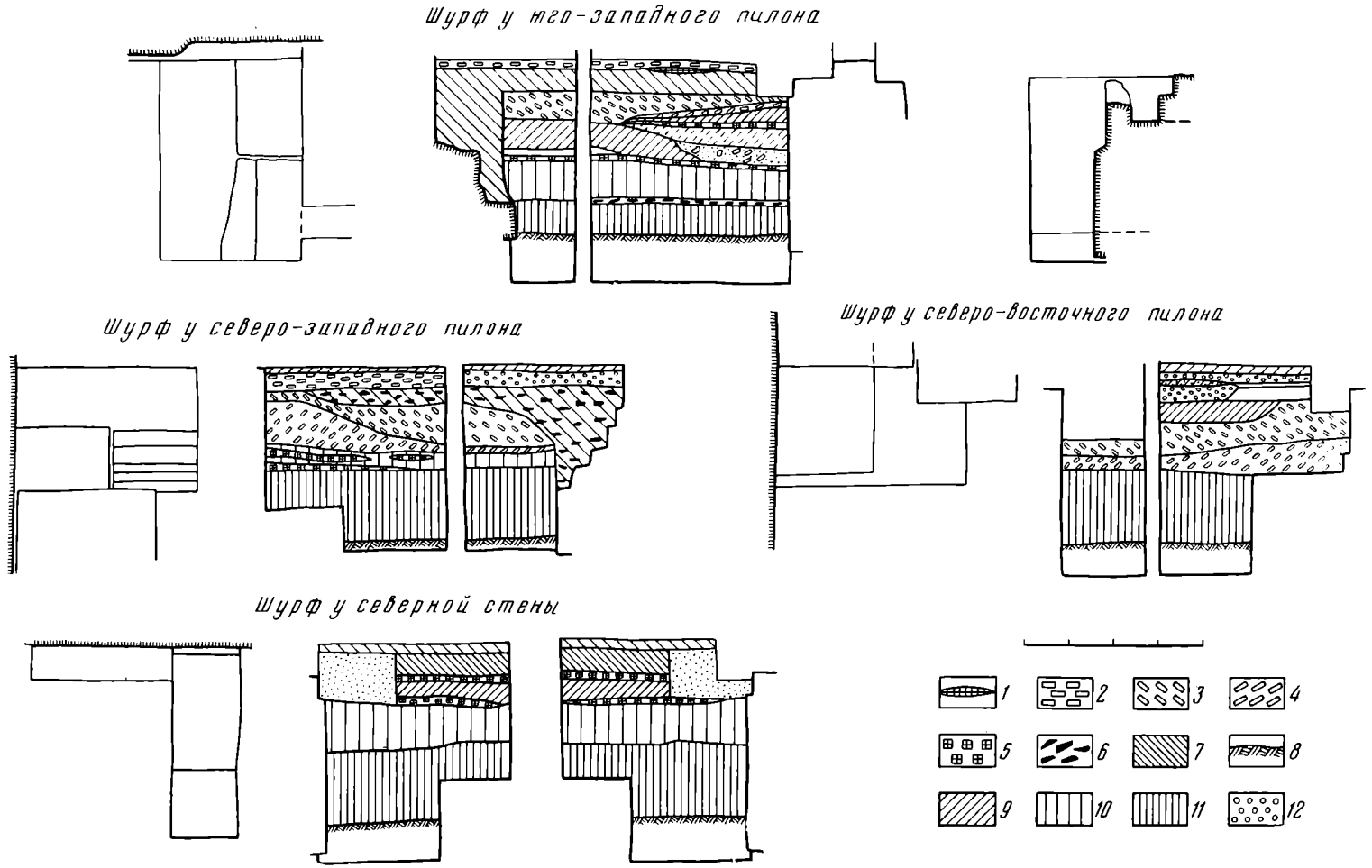


Рис. 7. Старо-Голутвин монастырь. Профили шурфов (чертеж М. Х. Алешковского. Архив ВПНРК, шифр 219). *1* — известь; *2* — кирпич; *3* — белый щебень; *4* — желтый щебень; *5* — известь; *6* — уголь; *7* — серая земля с известью; *8* — материк; *9* — серая земля; *10* — серо-черная земля; *11* — черная земля; *12* — известковый раствор

теров конструктивной схемой, потребовавшей перекрыть бо́льшие чем обычно пролеты. Так или иначе, но Богоявленский собор был окончательно свершен уже в более «типовой» редакции.

Внутри храма не вполне понятно объемное решение юго-восточного пилона, фундамент которого значительно заходит в пределы большой апсиды. Поскольку, однако, в восточной части пилона к стене апсиды

Рис. 8. Старо-Голутвин монастырь. Фундамент северо-восточного пристенного пилона второго строительного периода. Под ним виден фундамент вытянутого по оси запад — восток пристенного пилона первого строительного периода

примыкают остатки какой-то древней кладки, не исключено, что конструктивная опора была совмещена с аркосолием или иным каким-то образом обособленным от алтаря пространством, возможно предназначенным для обетного погребения (например, строителя монастыря Григория?).

Восточные пилоны в интерьере, по-видимому, были частично закрыты каменной алтарной преградой, небольшой фрагмент которой уцелел к югу от северо-восточного пилона. На белокаменном блоке различимо очертание откоса и плечика северного дверного проема алтарной стенки. Устройство алтарной преграды заподлицо с внешними плоскостями восточных пилонов указывает на расположение иконостаса по всей ширине восточной стены четверика [23].

Декоративное убранство Богоявленского собора, так же как и других древнейших памятников коломенского зодчества, остается почти неизвестным. Тем не менее для Богоявленского собора можно уже уверенно говорить об отсутствии профилированного цоколя — в нижних частях стен хорошо сохранилась нетронутая лицевая кладка со старой обмазкой. Большой интерес представляет найденное посередине южной стены основание портала, от которого счастливо уцелели не только очертания внутренних откосов и плечиков проема, но и профилированные базы под колонками. По набору вертикальных тяг и характеру профилировки баз южный портал Богоявленского собора аналогичен порталу Каменской церкви, что лишний раз подтверждает их временную и типологическую близость. Все же от гипотетической реконструкции первоначального облика Богоявленского собора целесообразно, на наш взгляд, воздержаться — слишком мало мы имеем для этого данных.

Спустя некоторое время собор был окружен галереей, которую и застал Павел Алеппский. Раскопками были раскрыты основания белокаменного цоколя этой галереи и ступени северного и западного крылец, частично сделанные из орнаментированных могильных плит. Галерея, по-видимому, была крытой, поскольку Павел Алеппский упоминает о трех ее дверях. Впрочем, сравнивая данные археологических раскопок с описанием Павла Алеппского, можно лишний раз убедиться в отсутствии у автора в некоторых случаях документальной точности. Это относится, на-

[23] Сохранившийся белокаменный блок не перевязан с кладкой пилона, поэтому мы лишены возможности с абсолютной убежденностью утверждать, что каменная алтарная преграда появилась в храме сразу же при его постройке.

пример, к его словам о том, что «...всход в эту церковь чудный, высокий...». Реконструируя по Павлу Алеппскому облик собора, следовало бы предполагать его стоящим на подклете или, по крайней мере, на высоком подцерковье, тогда как пол собора в XVII в. отделяли от земли всего три невысокие ступеньки.

В кругу исследованных нами храмов с пристенными опорами Богоявленский собор выделяется наличием двух разновеликих апсид. Попытки

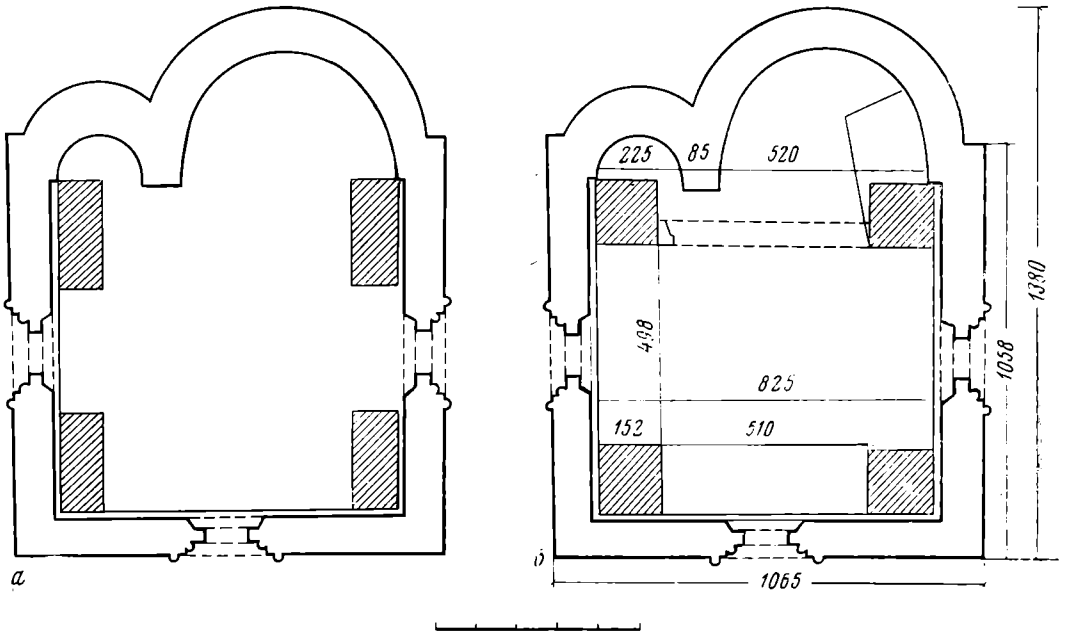


Рис. 9. Старо-Голутвин монастырь. Реконструкция плана Богоявленского собора XIV в. *а* — первый строительный период; *б* — второй строительный период

найти аналогичное решение среди известных по тем или иным данным русских построек XI—XV вв. оказываются безуспешными.

Наиболее ранний из сохранившихся в объеме двухапсидных храмов — Никольская церковь в Ивангороде (рис. 10) — датируется лишь самым концом XV в.[24] Довольно широкое распространение двухапсидные церкви получили в XVI в. В качестве примеров можно назвать московские церкви Антипия (середина XVI в.), Николы в Мясниках (первая половина XVI в.) и др.

Однако между этими храмами и Богоявленским собором XIV в. существует принципиальное различие. Вторая (меньшая) апсида в церквах конца XV—XVI в. всегда располагается к югу от основного алтаря, и появление ее связано с устройством дополнительного придельного престола, который, по канонам православного богослужения, не может занимать место жертвенника. Поэтому надо полагать, что малая северная апсида Богоявленского собора никогда не имела придельных функций (впрочем, она для этого и слишком мала), а служила лишь местом, где совершалась проскомидия — принесение искупительной жертвы.

Известно, что увеличение площади жертвенника связано с введением так называемого «иерусалимского устава», обрядная сторона которого предусматривала значительное усиление роли литургии.

Поскольку постепенное внедрение иерусалимского устава происходило в первую очередь через монастыри, то появление двух апсид именно в монастырском соборе вполне естественно. И все же Богоявленский собор представляет для нас особый интерес не столько самим фактом на-

[24] *В. В. Косточкин.* Крепость Ивангород. МИА, 31, 1952, стр. 257. Архитектура этого памятника и, в частности, характер его завершения вызывают определенные сомнения в достоверности даже этой принятой датировки.

личия двух апсид, сколько связанной с этим необычной архитектурно-объемной композицией — выявлением второй апсиды на фасаде. Подобного решения не знала, судя по сохранившимся памятникам, не только русская архитектура предшествующего времени, но и зодчество Балкан, Передней Азии и Кавказа. Распространенным приемом было размещение жертвенника в специальной экседре в толще стены. Именно так устроен жертвенник у болгарской церкви № 3 в Трапезице (XII в.), церквей

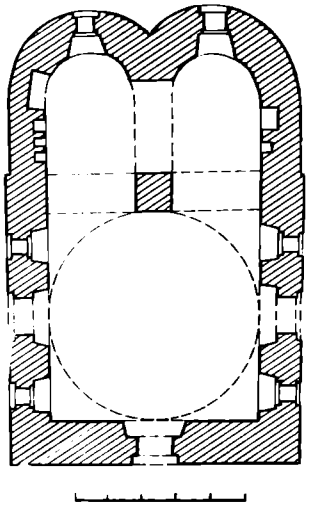


Рис. 10. Ивангород. Двухапсидная Никольская церковь конца XV в. (обмер автора)

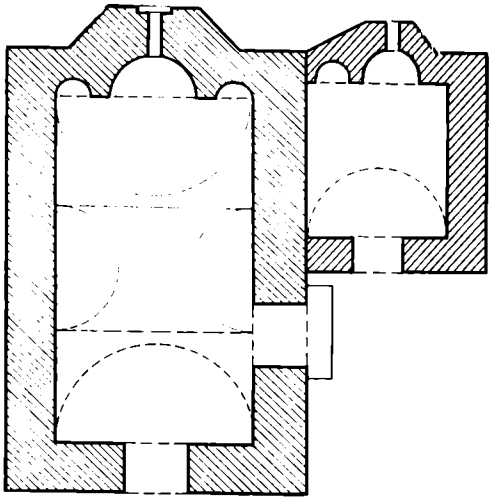


Рис. 11. Охрид. Церковь Константина и Елены XIII в.

Константина и Елены в Охриде (XIII в.) [25] и Богоридицы в Асеновграде (1231 г.) [26] и т. п. Среди русских памятников можно назвать, например, Пятницкую церковь в Бельчицах, Благовещенскую церковь в Витебске, Спасский собор Ефросиниева монастыря в Полоцке (все — XII в.) и ряд других. Сходным образом устроены жертвенники в некоторых армянских церквях XII—XIII вв.[27]

Однако у всех перечисленных памятников жертвенник еще занимает сугубо подчиненное положение, и ему, как правило, соответствует сходный по величине дьяконник. Тем не менее у некоторых церквей XIII—XIV вв. уже можно отметить первые признаки усиливающейся роли северной (именно северной!) алтарной экседры. Так, у южного придела церкви Константина и Елены в Охриде (рис. 11) алтарь и жертвенник объединены одной слабо выступающей из плоскости стены граненой апсидой [28]. Более робко ассимметричная композиция решается в церкви Николы в Калотине (XIV в.) [29], где жертвенник опять никак не отмечен на фасаде. Эволюция превращения одноапсидного храма в двухапсидный довольно отчетливо прослеживается по армянским памятникам (рис. 12), среди которых ближе всего к интересующему нас типу церкви в Кобайре (XII—XIII вв.) и Анапат в Варагаванке (XIII в.) [30].

---

[25] *Н. Мавродинов.* Еднокорабната и кръстовидна църква по българските земи до края на XIV в. София, 1931, стр. 36, рис. 40.

[26] *Д. Бошкович.* Архитектура средьег века. Београд, 1967, стр. 127, рис. 166.

[27] ВИА, т. 3, 1966, стр. 261, рис. 90.

[28] *М. Бичев.* Архитектура Болгарии. София, 1961, стр. 41, рис. 24.

[29] *К. Миятев.* Архитектура в средневековна България. София, 1965, стр. 197, рис. 226.

[30] *О. Халпахчьян.* Двуапсидные базилики Армении. Изв. АН АрмССР, 1954, № 8. По мнению автора, процесс превращения одноапсидной базилики в двухапсидную закончился совмещением в одном здании двух совершенно равнозначных храмов. Такого объединения никогда не допускала русская архитектура, в истории которой

Но и армянские храмы не имеют на фасаде апсидальных выступов, тем самым функциональное зонирование интерьера остается никак не выявленным вовне средствами архитектуры.

Обращаясь к зодчеству Сербии и Македонии, мы, странным образом, не встретим здесь даже попыток создания двухапсидной церкви, хотя именно из сербских и македонских монастырей шло распространение новых форм богослужения в другие славянские страны. Более того, лишь

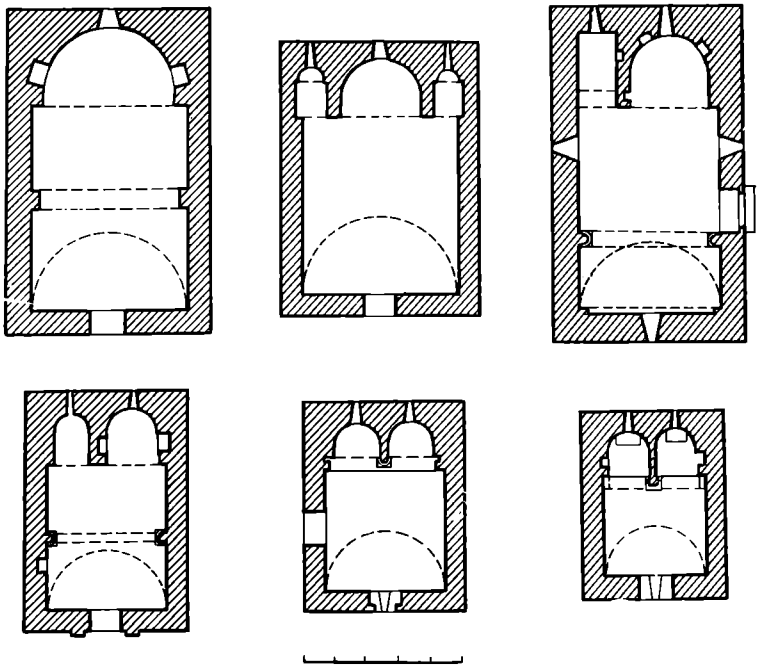


Рис. 12. Эволюция армянских двухапсидных церквей (по О. Халпахчьяну)

в немногих даже одноапсидных храмах XII—XIV вв. имеется специальная маленькая ниша для жертвенника. Причины этого, видимо, надо искать в каких-то местных особенностях религиозного культа.

Нам остается еще раз констатировать, что Богоявленский собор Старо-Голутвина монастыря оказывается единственным известным ныне науке двухапсидным храмом, где малая северная апсида играет значительную и активную роль в формировании архитектурно-объемной композиции здания.

Третьим коломенским памятником с пристенными опорами, как показали наши исследования, была до перестройки в первой половине XVI в. церковь **Зачатия Иоанна Предтечи,** расположенная в центре древнего **села Городище** (ныне село вошло в городскую черту Коломны).

Писцовая книга 1577—1578 гг. называет Городище вотчиной «владыки Коломенского» и отмечает в селе «храм Зачатия Иванна Предотечи каменна, да теплой храм Николы чюдотворца, да предел Дмитрий Чудотворец Прилуцкой, древена, клетцки...» [31]. Какие-либо более ранние сведения о памятнике неизвестны. Впервые в научный обиход его ввел Л. И. Некрасов, уделивший церкви несколько строк в популярном очерке

известно лишь несколько примеров создания двойных церквей, представляющих собой фактически самостоятельные здания, соединенные лишь одной общей стеной (например, церковь Покрова в Пскове или не существующая ныне Троицкая церковь XVII в. в с. Долбине Калужской обл.). Наиболее ранний пример такой двойной христианской церкви в Малой Азии — храм XI в. в Утчайаке (с *Д. Бошкович*: Ук. соч., стр. 34, рис. 42, *а*).

[31] ПКМГ, ч. I, отд. I, разд. 2, стр. 385.

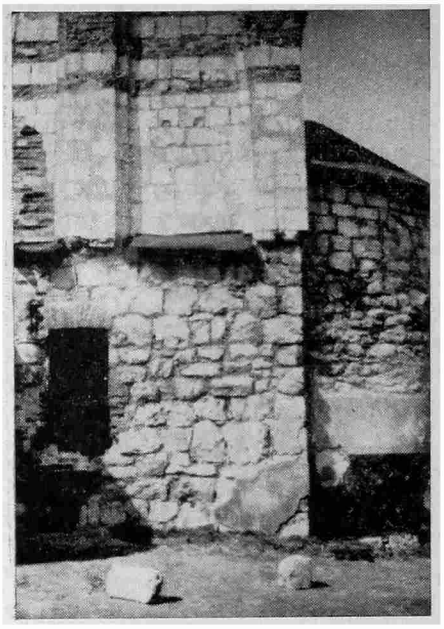


Рис. 13. Коломна. Фрагмент южной стены церкви Иоанна Предтечи

об архитектуре Коломны[32]. Им были высказаны предположения о том. что перестроенный в XIV в. храм в основе своей относится к XII—XIII вв. Точка зрения автора осталась неаргументированной. Обследовавший церковь в конце 20-х годов аспирант МГУ Ю. П. Кивокурцев отметил несоответствие верхней и нижней частей храма, разницу в толщине стен и материале их кладки, не характерную для памятников XVI—XVII вв. форму алтарных апсид и ряд других особенностей. Не сумев, однако, правильно интепретировать эти факты, Ю. П. Кивокурцев поддержал предложенную А. И. Некрасовым датировку, отнеся строительство церкви уже прямо к XII в.[33]

К рассматриваемому нами памятнику несколько раз обращался в своих статьях Н. Н. Воронин. В более ранних публикациях, полемизируя с Ю. П. Кивокурцевым, он предложил датировать постройку Предтеченской церкви XIII—XIV в., ссылаясь на стиль белокаменного рельефа и «огрубление техники белокаменной кладки»[34]. Однако в дальнейшем Н. Н. Воронин отказался от предположений о двухслойности памятника и в своих последних работах о коломенском зодчестве безоговорочно датировал весь храм от низа и до верха концом XV — началом XVI в.[35]. При этом Н. Н. Воронину пришлось допустить, что белокаменный рельеф единорога, вставленный в северную стену церкви на коренном растворе и убедительно отнесенный им ко второй половине XIV в., принадлежал первоначально какому-то «исчезнувшему белокаменному храму XIV в. под Коломной»[36].

Предположения Н. Н. Воронина могли быть опровергнуты или подтверждены только натурным раскрытием самого памятника. Однако до последнего времени Городищенская церковь, состоявшая из одноглавого[37] основного объема с тремя равновысокими апсидами, трапезной с приделами XIX в. и шатровой колокольни рубежа XVII—XVIII вв. (?), была покрыта прочной штукатурной «броней». Обследование чердака церкви, отдельные элементы архитектурного декора ее верхней части, наконец, перекрывающий четверик крещатый свод действительно давали определенные основания для того, чтобы отнести памятник к рубежу XV—XVI вв. Лишь произведенное под руководством архитектора Е. Р. Куницкой удаление со стен четверика церкви поздней штукатурки позволило по-новому рассмотреть вопрос о датировке всей церкви этим временем. Подтвердилось наблюдение Ю. П. Кивокурцева, что на фаса-

---

[32] *А. И. Некрасов.* Города Московской губернии. М., 1928, стр. 164, 165.

[33] *Ю. П. Кивокурцев.* Памятник домонгольской эпохи близ Коломны. «Труды кабинета истории материальной культуры», I. МГУ, вып. V. 1930, стр. 66—71.

[34] *Н. Н. Воронин.* Тверское зодчество XII — XIV вв. Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. II, вып. 5, 1945, стр. 373—386 (о Городище — стр. 386).

[35] *Н. Н. Воронин.* К характеристике архитектурных памятников Коломны времени Дмитрия Донского. МИА, 12, 1949, стр. 219—223. Позднее та же датировка была им повторена. См. *Н. Н. Воронин.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII —XV веков, т. 2. М., 1962, стр. 204, 205.

[36] *Н. Н. Воронин.* Зодчество..., стр. 205.

[37] При реставрации 60-х годов были восстановлены еще две утраченные главы.

дах четверика церкви ясно различаются два типа кладок (рис. 13). Верхняя часть стен, включая трифолий, сложена из большемерного кирпича и хорошо вытесанных белокаменных блоков, а кладка апсид и низа стен четверика выполнена из грубообработанных блоков местного известняка.

Так же как и у церкви с. Каменского, стены Городищенского храма в нижней части фасадов не имеют лопаток. На стыке старой и более поздней кладок стен были раскрыты из-под штукатурки белокаменные консоли, служившие некогда, по-видимому, опорами для архивольтов закомар — деталь и по профилю и по размерам совершенно аналогичная консольным блокам, найденным при исследовании Никольской церкви. К сожалению, во время перестройки Предтеченской церкви большинство ее консолей были переложены или, возможно, даже вытесаны вновь, однако, по нашему мнению, есть все основания полагать, что мастера XVI в. лишь повторили при этом декоративную форму, существовавшую ранее. Во всяком случае, на других памятниках XVI в. подобные консольные опоры лопаток под трифолием нам неизвестны.

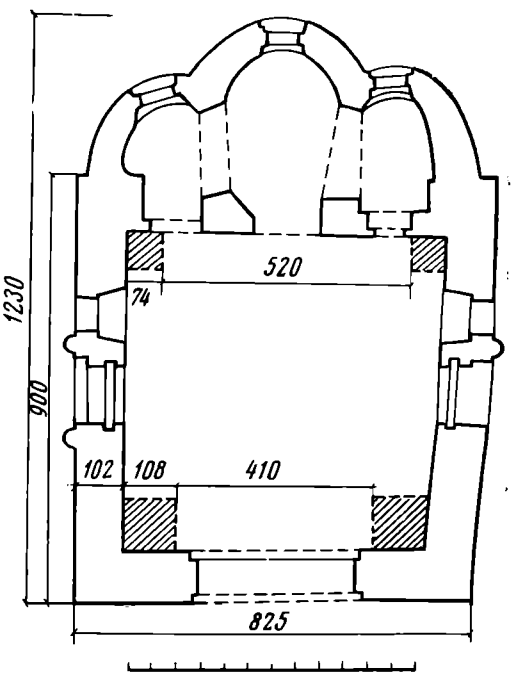


Рис. 14. Коломна. План церкви Иоанна Предтечи в Городище с реконструкцией пристенных опор XIV в.

Таким образом, уже обследование фасадов Предтеченской церкви позволило установить, что в начале XVI в. подвергся кардинальной перестройке более древний памятник. Особенно интересные результаты дало произведенное нами в 1959 г. предварительное исследование интерьера четверика.

В углах четверика под тонким слоем строительного мусора были раскрыты основания пристенных белокаменных опор, аналогичных пилонам церкви с. Каменского (рис. 14). В юго- и северо-западных углах стены в месте примыкания этих пилонов имеют хорошо различимые штрабы. Подобные штрабы, однако, отсутствуют в обоих восточных углах, а основания этой пары пилонов имеют меньшие размеры (соответственно 108 и 71 *см*). Такое уменьшение размеров пилонов явилось следствием того, что иначе не удалось бы сделать проходы в боковые апсиды [38]. Но разные размеры пристенных пилонов повлекли за собой и превращение в неравнобокую трапецию подкупольного квадрата, а также связанное с этим различие в размерах щек северной и южной подпружных арок — явление допустимое, но не свидетельствующее о высоком профессиональном мастерстве строителей церкви. Возможно, именно какими-то конструктивными просчетами и объяснялась необходимость возведения при перестройке церкви нового свода, который мастера XVI в. не побоялись опереть на непривычно тонкие для них стены древней постройки (всего 100 *см*), уничтожив при этом до основания укреплявшие углы стен пилоны.

---

[38] В последнее время архитектор М. Б. Чернышев, реставрировавший Городищенскую церковь, установил, что восточная пара пристенных пилонов возникла не сразу при постройке церкви, чем и объясняется отсутствие их перевязки со стеной. До опубликования результатов этого исследования трудно делать окончательные выводы; однако не исключено, что такое изменение авторского замысла могло последовать уже в процессе самого строительства.

Открытие в Предтеченской церкви пристенных пилонов дает возможность, наряду с другими отмеченными моментами, самым тесным образом связывать три изученных нами коломенских памятника, принадлежащие, как теперь можно говорить с полным основанием, к одной типологической группе.

Проведенное нами сопоставление позволяет вновь вернуться к вопросу о датировке Предтеченской церкви. Напомним, что белокаменный рельеф единорога на северной стене церкви, датированный Н. Н. Ворониным второй половиной XIV в., был укреплен на растворе, идентичном раствору первоначальной кладки стен. Поэтому в свете новых данных к этому же времени следует отнести и сооружение древнего ядра Предтеченской церкви.

Среди памятников «каменского» круга Предтеченская церковь отличается меньшими размерами. Ее четверик имеет ширину по восточному фасаду 8,85 *м* [39], длина же всей церкви, включая апсиду, 12,3 *м* (аналогичные размеры Никольской церкви — 10,25 и 14,75 *м*). Естественно, разнится также и расстояние между пристенными столбами.

Используя уже известный нам по Каменскому модуль — 255 *см* [40], можно убедиться, что ширина трех фасадов четверика (за исключением западного) хорошо укладывается в эту меру, составляя 3,5 модуля, а длина церкви между внутренними плоскостями западной стены четверика и стены центральной апсиды — 4 модуля. Анализируя план храма, можно отыскать и другие кратные отношения, соответствующие той же модульной сетке.

В свое время мы пытались соотнести «каменский» модуль с не совсем точно измеренной великой косой саженью [41]. При этом все же возникали определенные сложности для модульной интерпретации некоторых часто встречающихся на исследованных нами памятниках размеров, например ширины проема, равной 95—96 *см*, т. е. не укладывающейся в обычную для древнерусских саженей двоичную систему.

Такое противоречие можно разрешить, допустив, что основой метрического построения памятников каменского круга была вовсе не великая косая сажень, а гораздо более мелкая единица длины, составляющая одну восьмую часть сажени, в данном случае примерно 31,8 *см*. Б. А. Рыбаков в своей работе именует близкую по протяженности меру пядью — половиной «смоленского» локтя [42]. Применительно к памятникам московского зодчества рубежа XIV—XV вв. уместно, однако, вспомнить о совершенном соответствии подобной русской пяди, византийского фута и болгарской стопы. Это соответствие, не раз отмечавшееся исследователями, приобретает особое значение, если учесть, что в постройке сооружений каменского круга, по-видимому, принимали участие именно балканские мастера [43]. Применение привычных мер было бы для них вполне естественным явлением [44].

Все изложенные выше материалы свидетельствуют о том, что изучен-

---

[39] План четверика Предтеченской церкви, так же как и у некоторых других памятников XIV—XV вв., имеет характерное сужение к западу, достигаемое за счет отклонения южной стены. При этом ширина западного фасада равна 8,25 *м*, т. е. на 60 *см* меньше, чем ширина восточного фасада.

[40] *Б. Л. Альтшуллер.* Новые исследования Никольской церкви..., стр. 21.

[41] Там же.

[42] *Б. А. Рыбаков.* Архитектурная математика древнерусских зодчих. СА, 1957, 1, стр. 96.

[43] Этой теме мы предполагаем посвятить специальное исследование.

[44] Максимальный размер балканской стопы достигает 31,5 *см* (ВИА, т. 3, 1966, стр. 433). Небольшое различие такой стопы и «каменского» модуля, составляющее всего 0,3 *см*, можно объяснить, как нам кажется, либо несовершенством измерительного инструмента строителей XIV в., либо, скорее, применением мастерами, создавшими памятники каменской группы, какой-то местной, неизвестной нам модификации этой меры длины.

ная нами в Коломне группа памятников представлет значительный интерес для истории древнерусского зодчества. Можно ожидать, что дальнейшие исследования, связанные прежде всего с археологическими раскопками, приведут к умножению числа этих своеобразных сооружений, позволят составить более полное представление об их облике, особенностях композиции и строительной технике.

B. L. Altschuller

DEUX EGLISES SANS PILIERS DU XIVe S. A KOLOMNA

Résumé

A la suite de fouilles archéologiques, effectuées de 1969 à 1970 sous la dirction de M. KH. Alechkovski et de l'auteur de cet article, on a mis au jour à Kolomna deux cathédrales de pierre datant de la seconde moitié du XIVe s., et qui présentent un type inconnu auparavant dans l'architecture russe d'église sans piliers, mais à contreforts. La cathédrale du monastère de Bobrenev est en cours de reconstruction avec ses trois apsides; par ses dimensions elle correspond presque à l'église analogue de St.—Nicolas du village de Kamenski, unique édifice de ce type conservé dans toute sa hauteur. La cothédrale du monastère de Staro-Goloutvine, comme l'ont montré les recherches, avait été remaniée déjà en cours de construction, et ses pylones de soutien quadrangulaires firent place à des contreforts carrés, habituels pour ces sortes d'édifices. Ce monument se distingue par une particularité unique: deux apsides de taille différente, celle du Nord étant deux fois plus petite que celle du Sud.

Outre les cathédrales des monastères, à ce même type de monuments présentant des contreforts appartenait l'église du village de Goroditché jusqu'à sa reconstruction au XVIe s. Bien que cet édifice soit un peu moins important que les autres, il n'en possède pas moins le même module de construction, le même type de maçonnerie et de décor architectural. La découverte à Kolomna de ce groupe d'édifices religieux du même type non seulement augmente le nombre des églises de pierre incontestablement du XIVe s., mais encore témoigne de la variété avec laquelle étaient résolues à cette époque les questions de composition dans l'architecture russe, et nous donne la possibilité de considérer d'une façon plus concrète la question des rapports entre l'architecture russe et celle des Balkans.

ИШТВАН ТОРМА

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ВЕНГРИИ

Стремление к систематическому изучению как отдельных районов, так и широких областей, а также картографирование археологических местонахождений характерно для археологических исследований в Венгрии. Так, Флориш Ромер в 1859 г. исследовал горы Баконь [1], а инженер Янош Варшаньи составил археологическую карту долины р. Галги. К VIII Международному съезду археологов и антропологов, проходившему в Будапеште в 1876 г., Ф. Ромер [2] составил карту по древней истории Венгрии, а также каталог наиболее важных археологических памятников [3]. В конце прошлого века, а также на рубеже двух столетий на страницах «Archaelógiai Értesitö» часто публикуются отчеты о результатах так называемых «экскурсий с археологической целью», в современном понимании это отчеты о результатах археологических разведок. Благодаря деятельности Мора Вошинского археологические разведки охватили всю территорию области Толна. Им был издан в двух томах систематически обработанный материал, начиная от первобытности вплоть до обретения венграми родины, другими словами, он дал полную археологическую топографию указанной выше территории [4].

В период между двумя мировыми войнами широкие топографические исследования не проводились. К этому времени относится появление отдельных работ, содержащих топографическую обработку ряда археологических памятников некоторых территорий. Так, Лайошем Золтаи в результате проведенных им разведок и раскопок в окрестностях Дебрецена был собран материал, относящийся как к курганам первобытной и сарматской эпохи, так и к средневековым деревням и церквам [5]. Начиная с 50-х годов появляется несколько работ, в которых делается попытка реконструировать историю заселения отдельных районов на основании материала, собранного в результате разведок [6].

Признав актуальность топографической обработки всего археологического материала Венгрии по единой системе, в 1961 г. Археологическая исследовательская группа Венгерской Академии наук (в 1967 г. переименованная в Институт археологии) проявила инициативу в изда-

---

[1] *Fl. Römer.* A Bakony. Természetrajzi és régészeti vázlat. Győr 1860, 216 old.

[2] *Fl. Römer.* Résultates Généraux de mouvement archéologique en Hongrie. Compte-rendu de la huitiéme session à Budapest 1876. Budapest, 1878. 187 old. (см. карту, приложенную к тому).

[3] Ibid.

[4] *M. Wosinsky.* Tolna vármegye története az őskortól a honfoglalásig. I—II, köt. Budapest, 1896, 1055 old.

[5] *L. Zoltai.* Debreceni halmok, hegyek, egyéb mesterséges es termèszetes emelkedések... Debrecen 1938. 57 old.; *L. Zoltai.* Telepulesek, egyházas és egyházatlan falvak Debrecen város mai határa és kűlső birtokai terűleten a XI—XV.— ik szazadban. Debrecen, 1925, 70. old.

[6] *J. Kovalovski.* Régészeti adatok Szentes kőrnyékének telepűléstorténetéhez. Budapest. 1955, 80 old. с картами (Régészeti Füzetek, 5.); *N. Kalicz.* Tiszazug őskori települesei. Budapest, 1957, 96, old. (с картами) (Régészeti Füzetek, 8.).

нии серии «Археологическая Топография Венгрии»[7]. Институтом археологии в сотрудничестве с местными музеями за период с 1962 по 1972 г. было подготовлено и вышло в свет четыре тома, посвященных археологической топографии области Веспрем[8]. Два следующих тома находятся в печати[9], помимо этого ведется работа по подготовке к печати археологического материала областей Бекеш, Чонград, Пешт и Шомодь. Вышедшие в свет первые четыре тома охватывают $^1/_{17}$ часть страны, но принимая во внимание объем подготовительных работ и университетские дипломные работы, топографическая обработка археологического материала в настоящее время охватила $^1/_5$ часть всей территории Венгрии (рис. 1).

Сбор и обработка материалов для «Археологической Топографии Венгрии» охватывает период начиная с первобытности и до турецкого завоевания (XVI—XVII вв.). Выбор верхней хронологической границы обусловлен тем, что на территории современной Венгрии большинство средневековых городов, крепостей, деревень и церквей было разрушено в период турецкого нашествия. Поэтому памятники XI—XVI вв. приходится изучать при помощи археологических методов[10].

При составлении археологической топографии мы стремились к тому, чтобы полностью собрать и обработать происходящие с данной территории археологические находки, а также относящуюся к ним документацию, хранящуюся в музейных архивах. Мы стремились наиболее полно подобрать специальную археологическую литературу, а также просмотреть данные, содержащиеся в сводах грамот и имеющие отношение к средневековым поселениям. При работе используются также и рукописные карты XVIII—XIX вв., содержащие упоминания о первобытных, римских и главным образом средневековых городищах, курганных могильниках, укреплениях, церквах и т. д., остатки которых едва прослеживаются в настоящее время или же полностью уничтожены благодаря интенсивной вспашке последних лет. Много ценных сведений относительно археологических местонахождений содержат народные сказания и географические наименования.

Мы придаем решающее значение проведению разведок и систематическому исследованию районов, пригодных для поселений, с целью их картографирования и сравнения с уже известными памятниками. Проведение систематических разведок на территориях, достаточно хорошо исследованных в прошлом, позволило в три-четыре раза увеличить число известных памятников. В районах, не исследованных ранее, количество обнаруженных местонахождений еще больше. Так, например, в Сегхаломском районе области Бекеш общее число археологических местонахождений, зарегистрированных в специальной литературе, едва насчитывало несколько десятков. В результате проведенных археологических разведок и обработки полученного материала выяснилось, что мы располагаем данными более чем с 1100 местонахождений. Значение археологических

---

[7] О начале работы существует отчет Э. Патек: *E. Patek.* A készülö Magyar Régészeti Topográfia. Magyar Tudomány, 1962, 432, 433, old.

[8] «Magyarország Régészeti Topográfija», I—IV. kötet. Pőszerkesztö: László Gerevich sorozatszerkesztö»: Patek Erzsébet.: Bakay Kornél — Kalisz Nándor,— Sági Károly: Veszprém megye Régészeti Topográfija. A. Keszthelyi és Tapolcai Járás. Budapest, 1966, 266 old. (szerk: Sági Károly), *I. Éri, M. Kelemen, P. Németh, I. Torma.* Veszprém megye régészeti topográfiája. A devecseri és sümegi járás. Budapest. 1970, 322 old. (szerk: Bakay Kornél); *M. Dax, I. Éri., S. Mithay, Sz. Palágyi, J.* Torma. Veszprém megye régézseti topografiá. A pápai és zirci járas. Budapest, 1972, 330 old. Magyarország Régészeti Topográfiája, V—VI kötet.

[9] Magyarország Régészeti Topográfiája, V—VI kötet. *I. Horvath, M. Kelemen, I. Torma.* Komárom megye régészeti topográfiája. Esztergom és a Dorogi járás, nvomdabán; *I. Torma, I. Ecsedy, L. Kovacs, B. Muráz.* Békés megye régészeti topográfiája. A szeghalmi járás. Budapest, 1977.

[10] *I. Holl.* A Magyar Régészeti Topográfia középkori részének feldolgozási szempontjai. AE, 92, 1965, 71, 72, old.

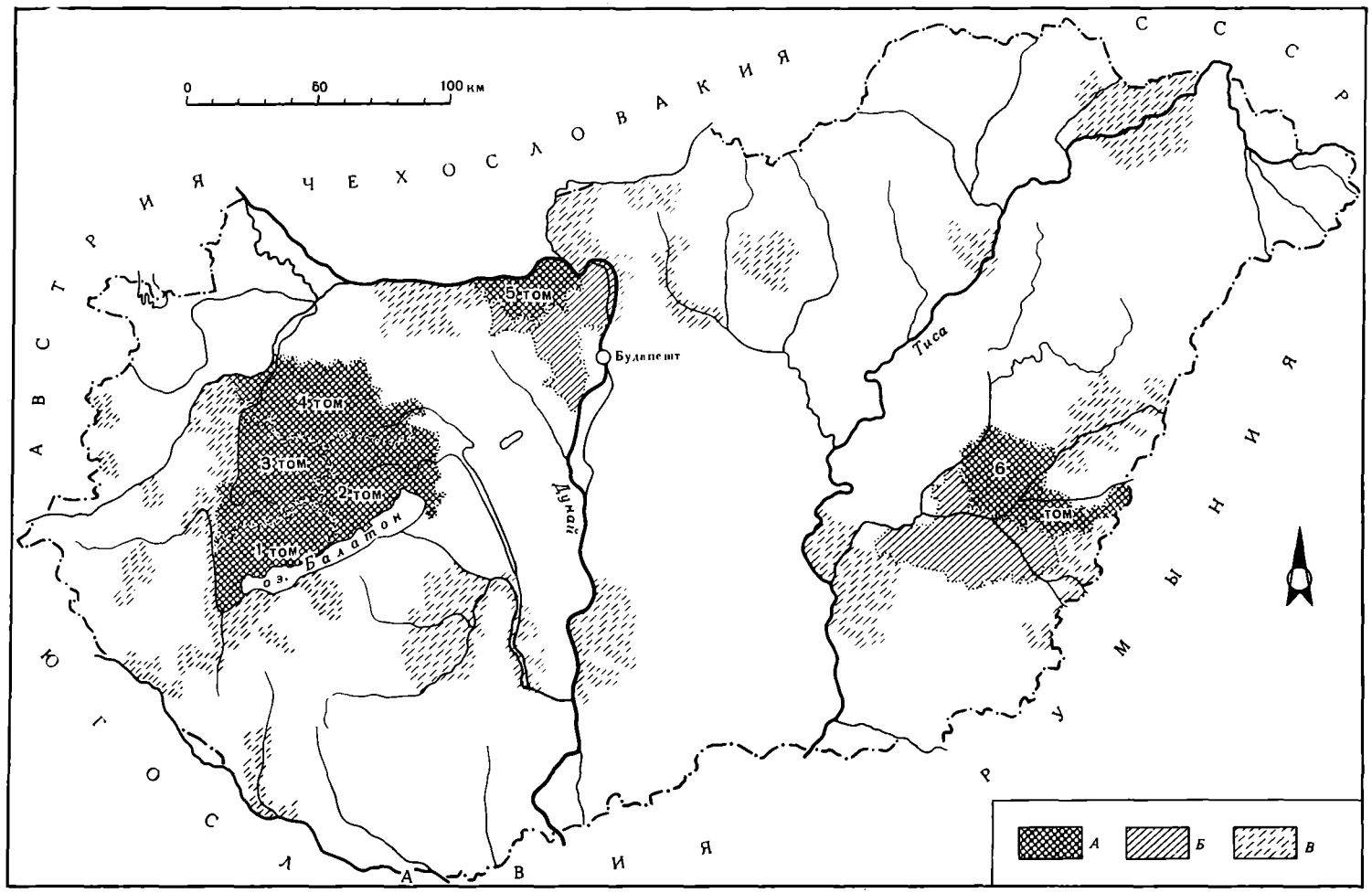


Рис. 1. Топографические исследования в Венгрии. *А* — территории, включенные в вышедшие из печати тома «Археологической топографии Венгрии»; *Б* — работы, находящиеся в стадии подготовки; *В* — прочие топографические исследования (проведение разведок с целью сбора материала для написания дипломных работ и других целей)

разведок трудно переоценить. В результате обследования создается картина археологических памятников в исследуемых областях. Благодаря археологическим разведкам удалось выявить остатки 80—90% поселений XIV—XVI вв., известных по грамотам. Существенно также, что археологические разведки дают важную информацию для изучения географической среды археологических памятников. Во время разведок с целью обнаружения археологических памятников иногда проводился зондаж для проверки правильности визуальных наблюдений.

При составлении «Археологической Топографии Венгрии» археологические местонахождения группируются в соответствии с административным делением страны и, таким образом, в одном томе обобщаются археологические памятники одного или двух районов, обычно имеющих территорию от 1000 до 1200 *км*². В каждом отдельном томе административные пункты — города и села — перечисляются в алфавитном порядке. Все археологические местонахождения одного административного пункта получают условные номера, причем первый номер обозначает порядковый номер села, а второй указывает на порядковый номер археологического памятника в окрестностях этого села (например, местонахождение за № 16/25).

При описании археологических памятников отдельных сел вначале очень кратко приводятся данные, определяющие современные топографические условия расположения памятников, а затем условия рельефа местности и гидрографического положения, существовавшего в XVIII—XIX вв. перед упорядочением речных систем. Дается ссылка на современное состояние поверхности (пашня, луг, лес и т. д.) при исследовании археологических памятников.

При описании археологических памятников дается история исследования, результаты археологических разведок, описание сделанных находок и указание на наиболее важные публикации. При описании памятников, относящихся к эпохе средневековья, помимо археологических данных приводятся также данные грамот и прочих письменных источников и дается краткий обзор истории поселений и других археологических объектов. Привлекая различные данные, мы стремимся дать последовательный критический анализ, избегая ошибочных выводов, встречающихся в отдельных специальных работах, соответственно интерпретируя, с точки зрения современных научных достижений, различные утверждения, нередко господствовавшие на протяжении столетий, относительно отдельных археологических памятников и комплексов. При характеристике археологических явлений и археологического материала, применяя терминологию, принятую в специальной литературе, мы стремимся по возможности точнее дать хронологическую, этническую и типологическую характеристики. Принимая все это во внимание, описание отдельных археологических местонахождений может занимать как несколько строчек, так и две-три страницы.

После обзора археологических памятников каждого села отдельно дается перечисление различных археологических находок, обнаруженных в его окрестностях, однако точное определение их местонахождения и картографирование не представляется возможным. В конце приводятся данные, не имеющие никакого отношения к рассматриваемому местонахождению, но в специальной литературе ошибочно с ним связываемые.

Археологические местонахождения каждого отдельного села схематично наносятся на карту с масштабом 1 : 50 000, которую покрывает речная сеть, рельеф местности, современные поселения и дорожная сеть (рис. 2). Одни и те же обозначения в тексте и на картах, с одной стороны, указывают на характер памятника (поселение, могильник, курган, церковь, случайная находка и т. д.), с другой — на временную принадлежность. Для иллюстрации применяемой системы обозначений в четвертом томе «Археологической Топографии Венгрии» дается ее объяснение на русском

языке (рис. 3). Вследствие разнообразия археологических находок в шифровальном ключе отдельных томов имеются некоторые отличия.

Помимо подробных указаний на временную принадлежность для большой ясности к каждому тому прилагается по шесть — восемь цветных карт с масштабом 1 : 100 000. На картах с обозначением водной сети и рельефа местности археологические местонахождения исследуемых территорий даются сгруппированными по эпохам.

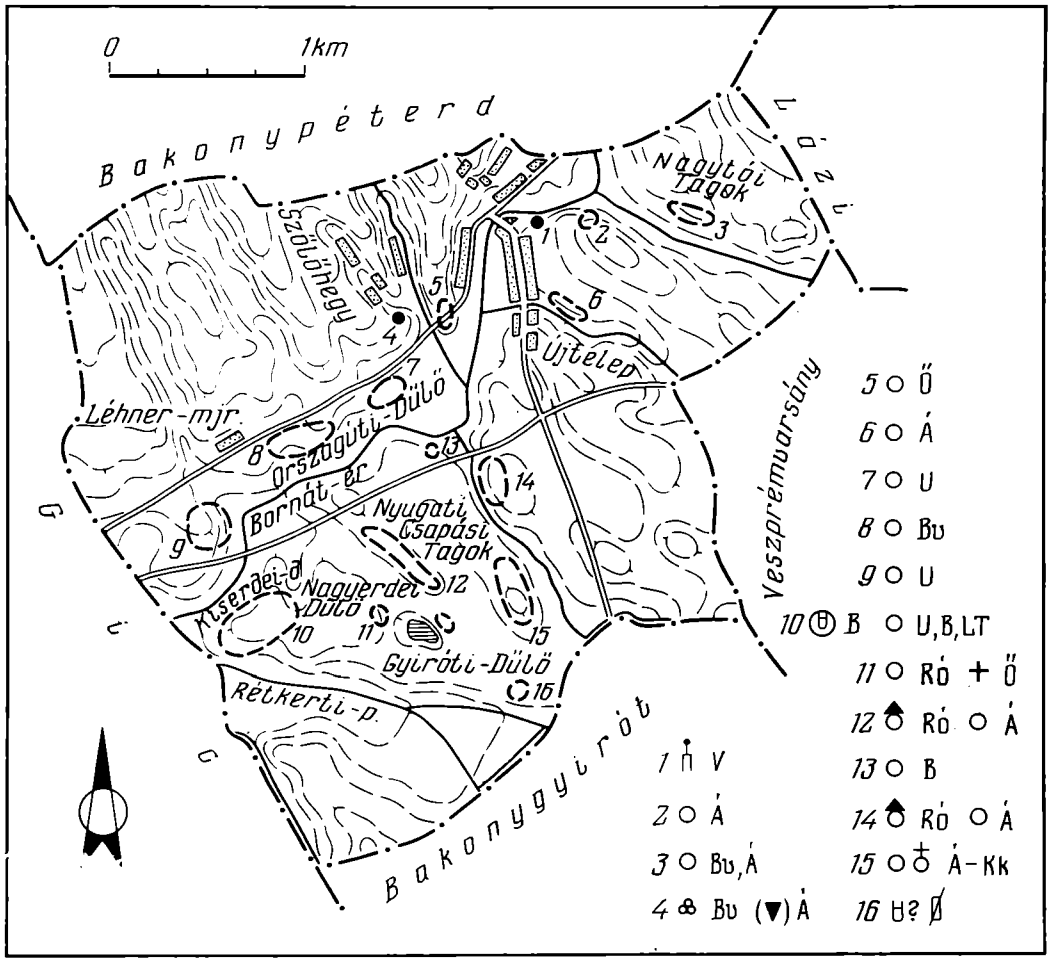


Рис. 2. Археологические памятники у с. Романд (согласно 4-му тому «Археологической Топографии Венгрии». Условные обозначения см. на рис. 3.)

Проводя обследования, мы стремились произвести как можно больше геодезических замеров городищ и курганных могильников. В некоторых разделах томов серии «Археологическая Топография Венгрии» нам удалось сопроводить каждый объект замерами, произведенными на данной территории. Среди них следует упомянуть один позднебронзовый (BrD — HaA период) курганный могильник (рис. 4) и одно городище эпохи Арпадов (XII—XIII вв.?) с находящимися рядом с ним развалинами церкви. Для более полного изложения мы также публикуем планы построек римской эпохи и средневековья, увидевшие свет благодаря археологическим раскопкам или же дошедшие до нас в развалинах.

Большие трудности были связаны с выбором материала для иллюстраций, так как с хорошо изученной территории приходилось просматривать десятки тысяч вещей, чтобы выбрать из них лишь сотни предметов, ибо публикацию большого количества вещей не позволял объем из-

дания. При выборе материала для публикации мы старались дать картину наиболее характерных находок археологических культур, выявленных на исследуемых территориях. Одновременно нам хотелось продемонстрировать наиболее важные материалы.

Нами также планируются дополнительные периодические издания археологической топографии, выходящие каждые 5—10 лет и включающие

Рис. 3. Объяснения обозначений для 4-го тома «Археологической Топографии Венгрии». Местоположение, поселок: *1* — деревня, поселок. Жилое помещение, здание: *2* — пещера, *3* — дом, *4* — крепость, *5* — дворец, *6* — вилла, *7* — монастырь, *8* — церковь, часовня, *9* — святилище. Сооружение: *10* — крепостная стена, городская стена, *11* — городище, *12* — вал, *13* — ров, *14* — курган, *15* — печь, *16* — каменное изваяние, *17* — дорога, *18* — дорога (?), *19* — баня, *20* — колодец, *21* — плотина. Промышленный поселок, мастерская: *22* — шахта, *23* — домна, *24* — мельница. Погребение: *25* — вытянутое погребение, *26* — скорченное погребение, *27* — трупосожжение, *28* — трупосожжение без урны, *29* — трупосожжение в урне, *30* — трупосожжение (?), *31* — курганное захоронение, *32* — саркофаг, *33* — погребение с конем, *34* — могильник с неизвестным ритуалом, *35* — обозначения ритуала могильников, *36* — могильник с трупоположениями (?), *37* — могильник с трупоположениями различного ритуала, *38* — могильник с трупосожжениями различного ритуала. Находки: *39* — монетный клад, отдельная монета, *40* — клад, *41* — находка неопределенного характера, *42* — случайная находка. Периодизация: *43* — первобытность, *44* — палеолит, *45* — неолит, *46* — эпоха меди, *47* — эпоха бронзы, *48* — эпоха поздней бронзы, *49* — эпоха раннего железа, *50* — латен (кельтская эпоха), *51* — римская эпоха, *52* — эпоха переселения народов, *53* — аварская эпоха, *54* — позднеаварская эпоха, *55* — каролингская эпоха, *56* — эпоха обретения венграми родины, *57* — средневековье, *58* — эпоха арпадов, *59* — эпоха позднего средневековья, *60* — скобки означают неопределенные местонахождения

повые местонахождения археологических памятников, группируемые по наиболее крупным административным единицам (областям). В них должны войти результаты раскопок, проводимых после опубликования перечисленных выше томов «Археологической Топографии Венгрии». Нами уже проводится подготовка материала, полностью обработанного топографически для дополнительного тома, посвященного области Веспрем.

Помимо этого, мы также предполагаем подготовить к печати по одному обобщающему тому для каждой области страны, ибо масса место-

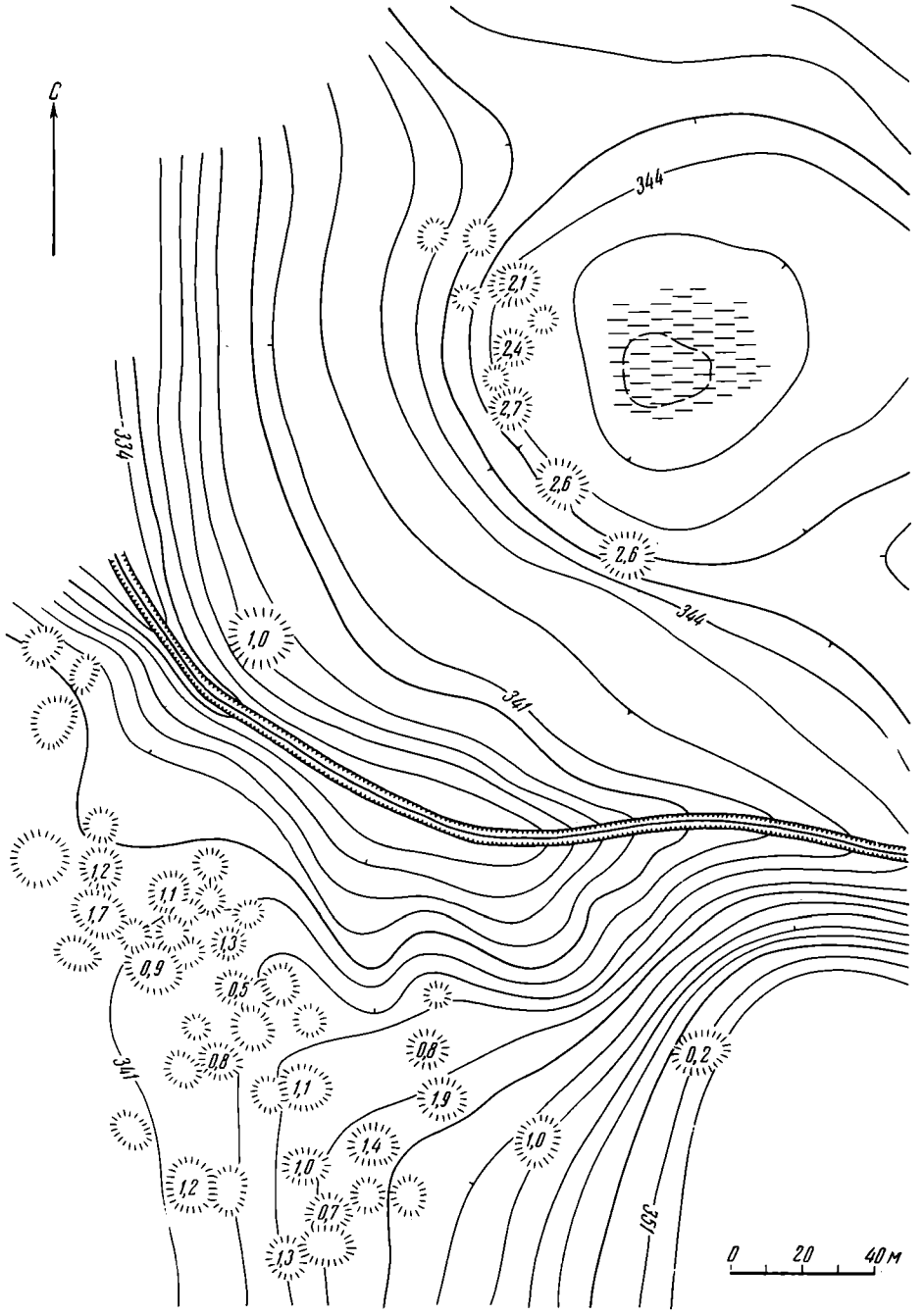


Рис. 4. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в окрестностях с. Неметбанья (по 4-му тому «Археологической Топографии Венгрии», рис. 35)

нахождений, собранных в отдельных томах, содержит огромный археологический материал, который только в этом случае может стать всеобщим научным достоянием. Обобщающий том по области Веспрем пока еще не подготовлен, но мы уже можем сделать сообщения о достижениях в области археологической топографии данного комитета. Так, например, более глубокое изучение эпохи меди в Задунавье стало возможным благодаря топографическим разведкам и сопровождающим их раскопкам Балатонской и Болеразской групп [11]. Широкое распространение

[11] *N. Kalicz.* A rézkori balatoni csoport Veszprém megyében. VmMK, 8, 1969, 83—90 old. (на стр. 91 резюме на русск. яз).

последней на территории Венгрии также подтверждается большим числом новых археологических местонахождений, выявленных разведками [12]. В ходе разведывательных работ удалось проследить многочисленные следы сельских поселений римской эпохи, изучение которой ранее было ограничено исследованием преимущественно римских вилл и городских сооружений. Многочисленные следы поселений аварского времени и времени переселения народов также были обнаружены в процессе разведок. Археологическая топография играет немалую роль и при изучении памятников средневековья, так как дает возможность привлечь к исследованию гораздо большее количество археологических данных по сравнению с более ранним временем. Из 46 поселений позднего средневековья (XIV—XVI вв.), вошедших в 1-й том «Археологической Топографии Венгрии», 37 впервые были обнаружены во время топографических разведок. Собранный на них материал открывает большие возможности для изучения истории средневековых поселений [13].

Мы уже указывали на то, что археологические разведки позволяют накопить данные для изучения географических и природных условий археологических местонахождений. Общеизвестно, какую большую роль играли географические и природные факторы при выборе мест поселений. Область Веспрем, отличающаяся разнообразием своих географических и природных условий, открывает большие возможности для изучения влияния вышеупомянутых факторов. В этой области, расположенной на северном побережье самого большого озера в Средней Европе — Балатон, в равной мере можно встретить как равнинные области, так и холмистые местности, а также горный массив, лежащий на высоте 700 *м* над уровнем моря — Баконь. С точки зрения петрографии, эта область также представляет интерес разнообразием своего строения: лессовые, песчаные, глинистые и каменистые местности сменяют друг друга. Почвы этой области отличаются пестротой, так же как и некогда бытовавший здесь растительный мир. Проводимые до этого частичные исследования также подтвердили, что древнее население по мере возможности приспосабливалось к существовавшим географическим и природным условиям. В силу этого одни территории густо заселялись, другие же оставались слабозаселенными [14]. При подготовке обобщающего тома эти исследования следует дополнить, привлекая в будущем специалистов по естественной географии.

Полная разработка археологической топографии даже такой небольшой страны, какой является Венгрия, ставит перед археологами серьезные задачи, разрешение которых возможно лишь при наличии хорошо организованного коллектива. Наряду с другими важными задачами, стоящими перед венгерской археологией, на данной работе можно сконцент-

---

[12] *I. Torma.* Adatok a badeni (péceli) kultura bolerázi csoportjának magyarországi elterjedéséhez. UmMK 8, 1969, 91—106 old. (на стр. 108 резюме на русск. яз. Новейшие топографические исследования в области Бекеш подтверждают, что Болеразская группа также распространяется в восточном направлении. *I. Ecsedi.* Ujabb adatok a tiszántuli rézkor történetéhez. A Békés megyei Muzeumok Közleményei, 2, 1973, 17—19 old.).

[13] *I. Eri.* Veszprém megye középkori településtörténeti vázlata. Veszprém megyei Muzeumok közleményei 8, 1969, 199—213 old (на стр. 216 резюме на русск. яз. Вопросами использования методов археологической топографии при изучении истории поселений эпохи Арпадов занимался А. Палоци-Хорват (*A. Páloczi-Horváth.* Régészeti és demográfiai módszerek Árpád-kori településtörténeti kutatasainkban. Veszprém 1971, 15 old. (sokszorositott).

Независимо от «Археологической Топографии Венгрии», но опираясь на методы топографии, Р. Мюллер внес существенные поправки в сложившуюся ранее на основании письменных источников общую картину истории средневековых поселений одной из областей Западной Венгрии (*R. Müller.* Régészeti terepbejárások a göcseji «szegek» vidékén és településtörténeti tanulságaik. Zalaegerszeg, 1971, 112 old.).

[14] *I. Torma.* A. veszprém megyei régészetit topográfiai kutatások öskori vonatkozásu eredményeiröl. VmMK, 8, 1969, 75—81. old. (на стр. 82 резюме на русск. яз.).

рировать только определенную часть сил. Издание первых томов «Археологической Топографии Венгрии» является результатом коллективного труда, так как помимо трех-четырех авторов в каждом томе воплощена работа их коллег-археологов, студентов, чертежников, картографов, фотографов и многих других специалистов. Составление «Археологической Топографии Венгрии» требует значительного времени, но и уже проделанная работа дала свои результаты и открыла новые возможности более глубокого и всеохватывающего изучения древностей страны.

István Torma

TOPOGRAPHIE ARCHEOLOGIQUE DE LA HONGRIE

Résumé

La publication d'une série de volumes sous le titre «Topographie archéologique de la Hongrie» fut entreprise en 1961 sur l'initiative de l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de Hongrie. Depuis lors, quatre tomes ont paru; deux autres sont sous presse. L'étude topographique du pays embrasse environ un cinquième du territoire. Les matériaux recueillis qui ont été publiés se rapportent à des époques allant de la préhistoire à la conquête turque (XVIe—XVIIe siècles). Les tomes de la «Topographie archéologique de la Hongrie» contiennent les documents conservés dans les musées du pays sur les découvertes archéologiques, des références d'archives, une littérature spéciale, des chartes médiévales, des cartes manuscrites des XVIIIe et XIXe siècles, ainsi que des données historiques contenues dans les légendes populaires et dans la toponymie. Cette collecte de documents a favorisé les recherches archéologiques.

Après la parution de tous les tomes consacrés aux régions administratives de Hongrie, on a l'intention de publier encore un tome complémentaire, offrant une généralisation, pour chaque région, ainsi que la publication périodique, dans 5 ou 10 ans, de tomes supplémentaires. Après avoir présenté au lecteur le contenu et le plan des volumes, l'auteur du présent article, s'appuyant sur des exemples concrets, démontre qu'il est possible d'appliquer la méthode de la topographie archéologique à l'étude de l'histoire des agglomérations.

Публикации

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЯ ВО ВЬЕТНАМЕ В НАШИ ДНИ *

Вьетнамская национальная археологическая школа очень молода — 20 лет назад она делала свои первые шаги [1]. Однако за короткий срок вьетнамские исследователи добились выдающихся научных достижений во всех основных областях археологической науки.

Центральным археологическим учреждением страны является созданный в 1968 г. Институт археологии Комитета общественных наук Вьетнама, занимающий небольшое двухэтажное здание в центре Ханоя и возглавляемый видным ученым и общественным деятелем, профессором Фам Хюи Тонгом. Штат института насчитывает 48 человек. В состав института входят отделы: археологии каменного века (12 сотрудников), археологии бронзового века (9 сотрудников), археологии эпохи феодализма (5 сотрудников), камеральной обработки (10 сотрудников), библиотека, архив и редакционно-издательская часть. Институт издает на вьетнамском языке основанный в 1969 г. журнал «Археология», Khảo cổ học имеющий сквозную нумерацию. К апрелю 1977 г. вышло 20 номеров [2].

В Ханое археологические исследования проводятся Музеем истории Вьетнама и, в небольшом размере, Институтом истории, а также Отделом информации Фундаментальной научной библиотеки. Подготовку кадров осуществляет Кафедра археологии Исторического факультета Ханойского университета. В 1975 г. ее сотрудники Чан Куок Выонг, Ха Ван Тан и Зеп Динь Хоа (заведующий кафедрой) опубликовали университетский учебник «Основы археологии».

Важные археологические исследования осуществляются музеями, расположенными в центрах провинций и уездов Вьетнама (рис. 1), и отделами культуры провинциальных и уездных административных комитетов. В г. Хошимине археологические работы проводит также Отдел археологии Института общественных наук, тесно связанный с Ханойским Институтом археологии.

---

* Настоящая статья посвящена в основном проблемам палеолита и мезолита и не имеет целью исчерпывающе охарактеризовать современную вьетнамскую археологию. Статья подготовлена на материалах доклада, прочитанного на заседании Сектора палеолита ЛОИА АН СССР 4 мая 1976 г., и основана на результатах 40-дневной командировки автора в марте-апреле 1976 г. по приглашению Института археологии Вьетнама. Главной целью командировки были обмен опытом с вьетнамскими археологами, совместное обсуждение новых материалов по каменному веку, обнаруженных ими за последнее десятилетие. Автор читал лекции и изучал археологические коллекции в Ханое, Вьетчи, Тхайнгуене и г. Хошимине (бывш. Сайгон), выезжал на расположенные в провинции Виньфу, примерно в 100 *км* к северо-западу от Ханоя, стоянки каменного века, относящиеся к недавно открытой культуре Шон Ви. Большую помощь при подготовке материалов к настоящему докладу оказал сотрудник Института археологии в Ханое Нгуен Ван Бинь.

[1] *П. И. Борисковский.* Археология во вьетнамском историческом журнале. СА, 1963, 1.

[2] Резюме статей на иностранных языках не публикуются. Дается только перевод на английский и на французский язык оглавления каждого номера.

Рис. 1. Музей в г. Тхайнгуене

Значительное число вьетнамских археологов получило подготовку на кафедрах археологии Московского и Ленинградского университетов, на Историческом факультете Воронежского университета, в Институте археологии АН СССР и его Ленинградском отделении. Немалый вклад в подготовку вьетнамских археологов внесли также университеты и исследовательские институты других стран социалистического содружества.

Коммунистическая партия Вьетнама и правительство страны оказывают вьетнамской археологии, как важному средству патриотического воспитания народа и незаменимому оружию в идейной борьбе против чужеземных захватчиков и колонизаторов, огромную помощь и внимание. Показательно, что Институт археологии и археологический журнал были созданы в самый разгар войны сопротивления против империалистических захватчиков, потребовавшей от всего вьетнамского народа максимального напряжения сил. За истекшие 15 лет археологические разведки и раскопки в стране не прекращались ни на один полевой сезон.

Во Вьетнаме проводятся крупные исследования, посвященные бронзовому веку, а также культуре Фунг Нгуен, относящейся к энеолиту и к началу эпохи бронзы. В марте-апреле 1976 г. под руководством Ти Ван Тана осуществлены новые широкие раскопки известного Донгшонского могильника позднего бронзового века (провинция Тханьхоа), доставившие большое число хорошо датируемых бронзовых изделий (рис. 2). Но в настоящей статье основное внимание будет уделено открытиям в области каменного века.

Новые раскопки многочисленных хоабиньских пещер доставили большой археологический материал, позволяющий ставить вопрос о выделении в рамках хоабиня ряда дробных мезолитических культур с теми или иными второстепенными местными особенностями [3]. Особенно важно, что в результате раскопок последних лет в Берлинской радиоуглеродной лаборатории (ГДР) удалось получить абсолютные даты для ряда хоабиньских пещер Вьетнама. Сводку их приводит Ха Ван Тан в своей обобщающей статье, посвященной хоабиню [4].

---

[3] *Ha Van Tan.* Le Hoabinhien dans le contexte du Viet Nam. Études vietnamiennes, 45 Hanoi. 1976.

[4] *Ha Van Tan.* Op. cit. Все даты даются до наших дней. Радиоуглеродные определения проведены по обломкам раковин моллюсков.

Рис. 2. Раскопки Донгшонского могильника. Март 1976 г.

Пещера Кео-фай (Бо Нам): 7960±100 (Bln — 915/I); 7875±100 (Bln — 915/II).

Пещера Кон-ке (Бо Лум): 9990±200 (Bln — 1001/I); 10 295±200 (Bln — 1001/II).

Пещера Тхам-хай: 9705±200 (Bln — 1002/I); 9645±200 (Bln — 1002/II).

Пещера Ханг-данг: 7665±100 (Bln — 913/I); 7580±100 (Bln — 913/II).

Пещера Ханг-тиа: 9075±120 (Bln — 1274/1); 9570±120 (Bln — 1274/II); 9175±120 (Bln — 1304).

Пещера Тхам-хой: 10 125±175 (Bln — 1275/I); 10 875±175 (Bln — 1275/II); 10 255±150 (Bln — 1276/I); 10 815±150 (Bln — 1276/II); 10 550±120 (Bln — 1305).

Как отмечает Ха Ван Тан, последние даты являются самыми древними для хоабиньских памятников Вьетнама и соответствуют архаичному облику каменных изделий, происходящих из Тхам-хой.

Результаты новых раскопок хоабиньских пещер, проведенных вьетнамскими археологами, равно как и перечисленные абсолютные даты, подтверждают отнесение хоабиньской культуры в целом к мезолиту. Быть может, лишь отдельные, наиболее древние хоабиньские комплексы частично заходят в финальный поздний палеолит.

Примерно до 1968 г. существовал разрыв между древнейшим археологическим памятником Вьетнама — открытым в 1960 г. древнепалеолитическим местонахождением на горе До [5] и хоабиньской мезолитической культурой. За последние годы в результате успешных разведок и раскопок, проводимых вьетнамскими археологами, разрыв постепенно начинает заполняться. В этой связи особенно важно обнаружение в 1968 г. на севере Вьетнама, в провинции Виньфу, а затем и в провинциях Шонла и Лайтяу совершенно новой, ранее неизвестной, относящейся к каменному веку культуры Шон Ви [6]. В ее исследование крупный вклад

[5] *П. И. Борисковский.* Первобытное прошлое Вьетнама. М.— Л., 1966.

[6] Ha Van Tan. Op. cit. Khảo cổ học № 11—12, Hanoi, 1971.

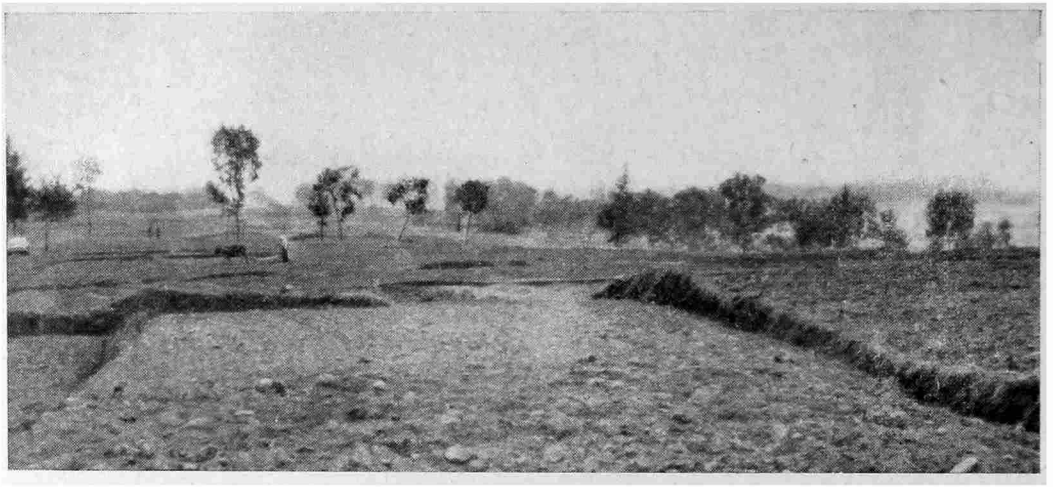


Рис. 3. Культура Шон Ви. Стоянка Вьон Шау

внесли Ха Ван Тан, Лы Чан Тьеу, Ле Ньеу, Хоанг Суан Тинь и другие вьетнамские ученые.

В поселениях культуры Шон Ви, как и в хоабиньских, преобладают орудия из оббитых галек, значительно более совершенные, тщательнее обработанные, чем галечные орудия древнего палеолита. Но если подавляющее большинство хоабиньских памятников представляет собой пещеры, то бóльшая часть памятников культуры Шон Ви — это стоянки под открытым небом (рис. 3), расположенные на холмах, возвышающихся над окружающей речной поймой и покрывающими ее рисовыми полями обычно на 10—20 *м*[7]. В провинции Виньфу открыто и изучено свыше 70 таких стоянок. Только в провинциях Шонла и Лайтяу остатки, близко напоминающие культуру Шон Ви, в нескольких случаях найдены в пещерах.

Со стоянок культуры Шон Ви известен главным образом подъемный материал. Раскопки, проведенные на стоянке Вьон Шау в провинции Виньфу (площадь 100 $м^2$), выявили, что каменные орудия залегают в почвенном слое, на глубине до 20 *см* от поверхности. Фаунистические остатки, угли, зола отсутствуют, как отсутствует и выраженный культурный слой; прослежен лишь горизонт залегания каменных орудий.

У значительной части орудий культуры Шон Ви цвет оббитой поверхности несколько изменен; это явление, сопоставимое с патинизацией палеолитических кремней, может рассматриваться как одно из свидетельств древности данных изделий. В культуре Шон Ви отсутствуют топоры типа Суматра и короткие топоры, столь характерные для хоабиньской культуры, топоры с подшлифованным лезвием бакшонского типа, а также керамика. Особенно характерны для культуры Шон Ви узкие длинные гальки 10—19 *см* длиной и 4—8 *см* толщиной, тщательно оббитые вдоль одного длинного края крутой, иногда почти вертикальной оббивкой. Таким путем получено своеобразное скребло или чоппер с массивным крутым лезвием. Остальная поверхность гальки за пределами лезвия сохраняет естественную, окатанную корку (рис. 4, *1, 2*). Наряду с целыми не менее часто встречаются орудия такого же типа, расколотые поперек, с одним отломанным концом, их длина 6—11 *см* (рис. 4, *3*). Налицо обычные хоабиньские галечные скребла с почти прямым или же выпуклым лезвием (рис. 4, *4*), характерная для культуры Шон Ви их

[7] На этих рисовых полях, в пойме, здесь же по соседству, располагаются поселения культуры Фунг Нгуен (энеолит и начало эпохи бронзы).

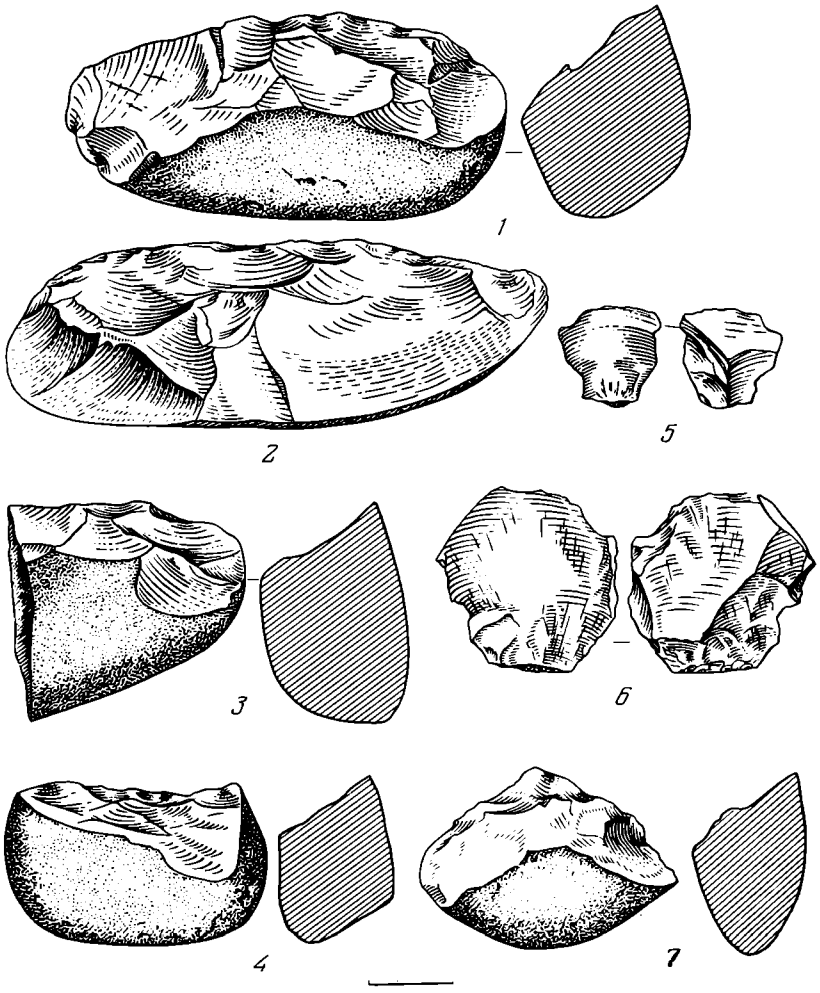


Рис. 4. Культура Шон Ви. Стоянка Вьон Шау. Галечные орудия (*1—4, 7*) и отщепы (*5, 6*). По Фам Данг Кинь и Лы Чан Тьеу

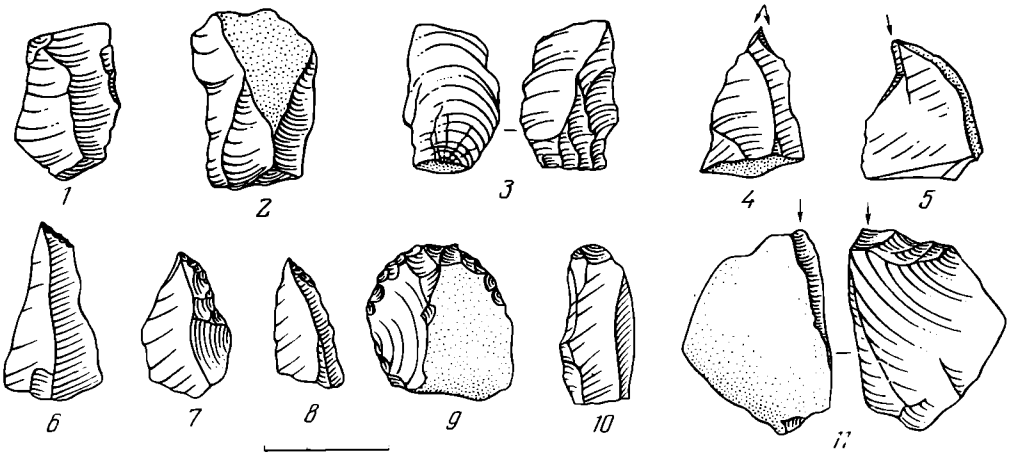


Рис. 5. Культура Шон Ви. Стоянка Вьон Шау. Каменные изделия позднепалеолитического облика

разновидность с угловатым лезвием (рис. 4, *7*) и тоже встречающиеся в хаобине орудия вытянутых, близких к прямоугольным очертаний, напоминающие кирку или топор. В целом орудия культуры Шон Ви гораздо менее разнообразны, чем хоабиньские, представлены меньшим числом типов. Обработка, которой они подвергались, тоже является более грубой, менее тщательной; шлифовка камня, даже зарождающаяся, отсутствует.

В большинстве хаобиньских пещер отщепы редки, а орудий из них нет вовсе. Иное положение в стоянках культуры Шон Ви. Здесь отщепы обычно составляют не меньше половины всех находок (рис. 4, *5, 6*). Основная их масса имеет 3—4 *см* в поперечнике и представляет собой отходы обработки камня. Мелкие чешуйки до 2 *см* в поперечнике и отщепы, превосходящие 6 *см* в поперечнике, встречаются в виде исключения. Отретушированные отщепы редки. При сплошном просмотре хранящейся в Музее истории Вьетнама коллекции из стоянки Вьон Шау, насчитывающей 1256 отщепов и 69 галечных орудий, удается выделить 72 экз. (около 6%), демонстрирующих элементы позднепалеолитической техники. Сюда относятся 43 целых и сломанных удлиненных пластинки (рис. 5, *1—3*). Они имеют правильное, близкое к параллельному огранение и выделены в первую очередь по этому признаку, а не только на основании того, что их длина более чем в два раза превосходит ширину. Ретушь и следы утилизации вдоль краев отсутствуют, но, имея в общем прямые края и острое лезвие, пластинки и их обломки могли использоваться в работе. Особую группу (11 экз.) образуют удлиненные пластинки размерами 3—6,8×1,2—3 *см*, имеющие вдоль одного длинного края следы узкого пластинчатого скола шириной 0,4—1,4 *см* и длиной 2,5—6 *см*. Скол приближается к резцовому, но хорошо выраженной кромки резца не образует. Возможно, часть этих изделий представляет собой неудавшиеся резцы на углу сломанной пластинки, а часть является своеобразными нуклеусами, служившими для откалывания микропластинок. Налицо пять атипичных резцов — обыкновенных и на углу сломанной пластинки (рис. 5, *4, 5*), а также один хорошо выраженный боковой резец (рис. 5, *11*). Тремя экземплярами представлены острия с затупленным краем и со скошенным концом (рис. 5, *6—8*), пятью экземплярами — скребки (рис. 5, *9, 10*). Призматические нуклеусы отсутствуют, но есть три поперечных скола с их площадок, сохранившие следы начинающихся фасеток пластинок.

Представляются убедительными утверждения значительной части вьетнамских археологов, рассматривающих культуру Шон Ви как явление, непосредственно предшествующее хоабиньской культуре, из которого хоабиньская культура вырастает, и относящих ее к концу позднего палеолита. В пользу такой датировки свидетельствуют и позднепалеолитические типы пластинчатых изделий, выделенные в стоянке Вьон Шау (рис. 5). Подобные пластинчатые изделия отсутствуют в хоабине и бакшоне, в раковинной куче Куинь ван, равно как и в неолите Вьетнама. Советский геолог-четвертичник, кандидат геолого-минералогических наук К. М. Мирзоев, обследовавший вместе с автором и вьетнамскими исследователями в марте 1976 г. относящиеся к культуре Шон Ви стоянки Вьон Шау и Ма Зе (провинция Виньфу), отметил, что останцы, на которых археологические памятники расположены, почти повсеместно сохраняют на своей поверхности рассыпную гальку аллювиального происхождения и представляют собой размытые участки третьей надпойменной нижне-среднечетвертичной террасы. В современном рельефе в предгорьях Ханойской депрессии эти останцы занимают промежуточное возрастное положение между нижне-среднечетвертичной террасой высотой 25—35 *м* и верхнечетвертичной террасой высотой 5—8 *м*. На этом основании возраст поверхности останцев можно датировать как Q_3^1. Такое расположение стоянок позволяет, по мнению К. М. Мирзоева, предположительно отнести их к позднему палеолиту.

Разумеется, выдвигаемая на основании как археологических, так и геологических данных датировка культуры Шон Ви концом позднего палеолита носит предварительный характер. Ее еще предстоит подкрепить в первую очередь палеозоологическими и радиоуглеродными определениями. Но уже сейчас представляется бесспорным, что отличия культуры Шон Ви от хоабиня слишком велики и принципиальны, чтобы считать ее просто одной из хоабиньских культур. Представляется бесспорным и то, что эти отличия носят по преимуществу хронологический характер. Культура Шон Ви производит впечатление протохоабиня или дохоабиня.

В то же время в рамках культуры Шон Ви, как и в рамках хоабиньской культуры, предстоит выделить более дробные культуры или локальные группы. Обращают на себя внимание раскопанные вьетнамскими археологами в 1973—1975 гг. в провинциях Шонла и Лайтяу пещеры, каменный инвентарь которых близок к культуре Шон Ви, хотя и обнаруживает некоторые частные отличия. Наиболее интересны пещеры Нам Тун и Хам Понг. Для последней по обломкам раковин получены радиоуглеродные даты: 11 915±120 (Bln — 1352) и 11 330±180 (Bln — 1351). Эти даты несколько древнее хоабиньских и подкрепляют отнесение культуры Шон Ви к концу позднего палеолита.

Выдающееся значение для понимания каменного века Вьетнама представляет грот Миэнг Хо, расположенный в провинции Бактхай, в горах, примерно в 120 *км* к северу от Ханоя. Он раскапывался в 1971 г. под руководством Ти Ван Тана и Хоанг Суан Тиня. Культурный слой, залегающий на глубине около 40 *см* от поверхности, фаунистических остатков не содержит. Коллекция каменных изделий, происходящая из раскопок, насчитывает 262 экз. Из них 31 экз.— массивные галечные изделия 6—15 *см* в поперечнике и 1,5—5 *см* толщины. В большинстве своем это галечные скребла или чопперы; некоторые имеют стесы с обеих поверхностей и напоминают чоппинги или же служили нуклеусами для скалывания небольших отщепов. Характерные для хоабиня топоры типа Суматра, короткие топоры, бакшонские топоры, типичные для культуры Шон Ви длинные, узкие гальки с очень крутым продольным лезвием, равно как и бифасы древнепалеолитического облика, отсутствуют. Подавляющее большинство инвентаря составляют отщепы и осколки и приготовленные из них орудия. Мелких тонких чешуек, имеющих 1,2—2 *см* в поперечнике,— 27 экз. Крупных отщепов (7—9 *см* в поперечнике) — 7 экз. Доминируют небольшие отщепы, обломки отщепов, а также осколки, имеющие 2,2—6 *см* в поперечнике, их 197 экз. Несколько больше половины хорошо выраженных отщепов имеет гладкие, нефасетированные ударные площадки, иногда покрытые галечной коркой, а несколько меньше половины — фасетированные. И те и другие площадки расположены иногда под прямым, но нередко и под тупым углом к плоскости раскалывания. Мелкие чешуйки не отретушированы. Но бóльшая часть остальных отщепов и осколков носит по краям, главным образом со спинки, реже с брюшка, следы ретуши, неправильные, прерывистые, не заходящие далеко на поверхность орудия. С помощью такой ретуши получены скребла, напоминающие мустьерские; острия, своей аморфностью сильно отличающиеся от мустьерских остроконечников, а также зубчато-выемчатые орудия неправильной формы. Выявлено несколько отщепов прямоугольных очертаний с подтеской с нижней и с верхней поверхности (pièces écaillées), а также три типичных мустьерских дисковидных нуклеуса [8].

Бросается в глаза резкое отличие каменных изделий Миэнг Хо от всех других известных в настоящее время комплексов каменных орудий Индокитайского полуострова, присутствие в инвентаре Миэнг Хо отчетливых мустьерских элементов, но в то же время невозможность отнести его к

[8] Каменные изделия из грота Миэнг Хо готовятся вьетнамскими археологами к публикации.

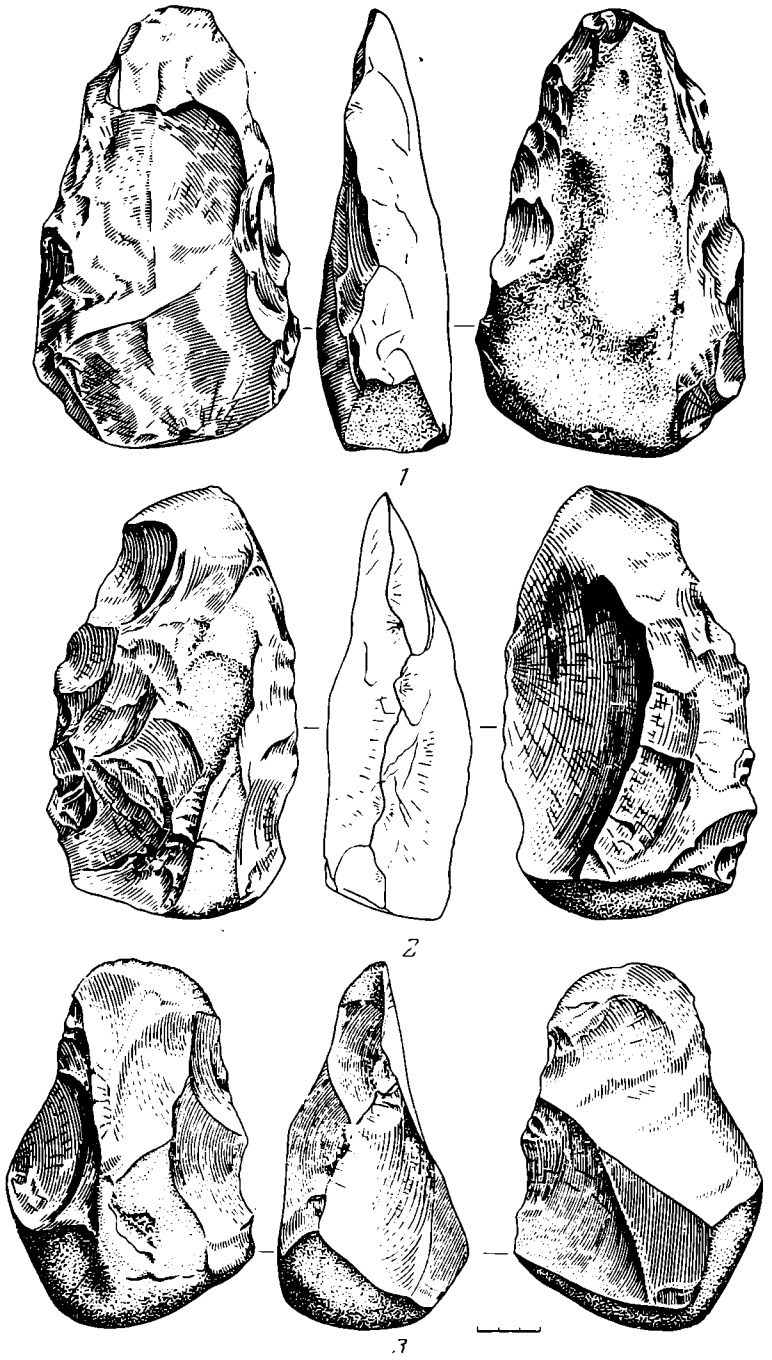


Рис. 6. Гора До. Ашельские бифасы. По Фам Данг Кинь и Лы Чан Тьеу

мустьерской культуре. Всеми своими элементами каменный инвентарь Миэнг Хо близко напоминает средний палеолит Индии (средний каменный век Индии, невазий) [9]. В гроте Миэнг Хо такой же характер отщепов, такие же особенности ретуши, те же основные типы орудий, как и в среднем палеолите Индии. Отличия от среднего палеолита Индии выражаются только в том, что в Миэнг Хо отсутствуют бифасы и гораздо слабее представлена леваллуазская техника. Возможно, что грот Миэнг Хо является

[9] *H. D. Sankalia.* The Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. 2 ed. Poona, 1974.

первым ставшим известным памятником своеобразного этапа развития палеолита Вьетнама, соответствующего, как и средний палеолит Индии, мустьерской культуре Европы, Ближнего Востока и Средней Азии. Разумеется, пока это только предположение, которое предстоит подтвердить (или опровергнуть) археологическими изысканиями ближайших лет.

В результате новых работ вьетнамских археологов на горе До (провинция Тханьхоа) количество каменных изделий, собранных на этом древнепалеолитическом местонахождении, достигло 3000 экз. По-прежнему в коллекции решительно доминируют массивные, нелеваллуазские отщепы. Но леваллуазский элемент (отщепы леваллуа, черепаховидные нуклеусы) вырисовывается теперь лучше, чем в результате сборов 1960—1963 гг. Количество типичных ашельских бифасов достигло 7 экз. (рис. 6). Соглашаясь с рядом вьетнамских археологов, можно предполагать, что на горе До перед нами остатки стоянки — мастерской древнеашельского или среднеашельского времени.

Автору не удалось обследовать древнепалеолитическое местонахождение Суан-Лок, сравнительно недалеко от г. Хошимина, открытое около 10 лет назад Э. Сореном [10]. В Отделе археологии в г. Хошимине хранится обломок типичного средне- или позднеашельского бифаса, найденный вьетнамскими археологами в конце 1975 г. в окрестностях Суан-Лока. Эта находка является одним из подтверждений того, что работы в области древнего палеолита юга Вьетнама имеют большое будущее.

P. I. Boriskovski

L'ARCHEOLOGIE AU VIET-NAM DE NOS JOURS

Résumé

Cet article est fondé sur les résultats des missions de l'auteur au Viet-Nam, en mars-avril 1976. Les recherches archéologiques sont organisées au Viet-Nam sur une large échelle par l'Institut d'Archéologie du Viet-Nam, situé à Hanoi, ainsi que par la Section d'archéologie de l'Institut des Sciences sociales, qui se trouve à Hô Chi Minh, et par les musées et les secteurs culturels. Depuis 1969 est éditée à Hanoi la revue «Archéologie» (Khào cô hoc). Une nouvelle étude du Hoabinhien a permis d'établir pour les grottes de Hoabinh toute une série de dates, par la méthode du Carbone 14, allant de 7800 à 10.800 B. P. En 1968, au Nord du Viet-Nam, on a découvert la culture dite de Son Vi (fig. 3, 4, 5), représentée, pour l'essentiel, par des stations d'habitat à ciel ouvert, et qui offre des analogies avec le Hoabinhien, mais est plus ancienne. On peut, à titre de supposition, l'attribuer à la fin du paléolithique tardif. A 120km au Nord de Hanoi on a dégagé la grotte de Miêng Hô dont les pièces lithiques se distinguent nettement de tous les objets de l'Age de Pierre connus jusqu'à ce jour au Viet-Nam, mais ont une grande analogie avec ceux dû paléolithique moyen de l'Inde. A la suite de nouvelles recherches effectuées sur le Mont Do on a recueilli en tout environ 3.000 pièces lithiques, au nombre desquelles se trouvent sept bifaces acheuléens (fig. 6, 7). Ces récentes trouvailles confirment l'attribution du Mont Do au paléolithique ancien.

---

[10] *E. Saurin.* Le Paléolithique des environs de Xuân-Lôc. Bulletin de la Société des Études Indochinoises, n. s.. t. 46, № 1, 1971.

С. И. ТАТАРИНОВ

О ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ДОНБАССЕ

Первое упоминание о древних медных рудниках относится к 1865 г., когда горный инженер Носов у Клиновских хуторов открыл в отвалах древней разработки «куски медной руды, шлака, древесного угля, части горшков... и кости животных, пропитанные медной окисью» [1]. Шлаки содержали до 2% меди, что указывало на несовершенство плавки. С 1872 г. поиск медных руд в бассейне рек Бахмут и Выскривка продолжили штейгер Мячин и горный инженер Летуновский. Открытию медных руд у сел Троицкое, Покровское, Калиновка, Пилипчатино способствовали, как писал инженер М. Белоусов, «следы древней разработки на поверхности» [2]. В 1885 г. при разработке медных руд в окрестностях с. Калиновка (13 Рота) были найдены древние шахты глубиною до 15 саженей, в одной из них «найдены каменные орудия, бронзовые топоры», в другой, как свидетельствовал А. С. Федоровский, «человеческие кости и череп, пропитанные густо зеленой окисью» [3]. А. С. Федоровский первый поставил вопрос о существовании в Донбассе в эпоху бронзы горно-металлургического центра [4].

Разумеется, эти необычные находки привлекли к себе внимание выдающегося исследователя памятников эпохи бронзы Юга России В. А. Городцова, который в 1903 г. осмотрел некоторые древние рудники и высказал мысль, что их разработку вели племена бронзового века [5].

За годы Советской власти сделан большой шаг в изучении эпохи бронзы в Донбассе. В 1969 г. Е. Н. Черных провел кратковременное обследование двух рудопроявлений у сел Ново-Звановка и Медная Руда, разведки в окрестностях с. Клиновое Артемовского р-на Донецкой обл. Были собраны образцы медной руды для спектральных анализов. Археологических находок, однако, не было, что и послужило основанием для заключения о разрушении древних рудников горными работами XIX — XX столетий [6].

С 1973 г. автор совместно с геологами треста «Артемгеология» В. В. Грабянским и А. М. Эдельманом, накопившими огромный научный материал по рудопроявлениям меди, проводит последовательное изу-

---

[1] *Носов.* Открытие медной руды с древними выработками в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. «Горный журнал», СПб., 1865, кн. XI, стр. 315.

[2] *М. Белоусов.* Медная плавка на Урале и Юге России. «Горный журнал», т. 3, СПб., 1879, стр. 288.

[3] *А. С. Федоровский.* Доисторические разработки медных руд и металлургия бронзового века в Донецком бассейне. ВИАВ, Воронеж, вып. 2, 1921, стр. 2—25.

[4] *А. С. Федоровский.* Ук. соч., стр. 22, 23.

[5] *В. А. Городцов.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. Тр. XIII АС, т. 1. М., 1907, стр. 243—245.

[6] *Е. Н. Черных.* Обследование медных рудников Донбасса. АО—1969. М., 1970, стр. 292.

чение древних медных рудников [7]. Были осмотрены все крупные рудопроявления в бассейне р. Бахмут, на которых, по словам геологов, ранее были замечены следы древней разработки (рис. 1).

Данная публикация является первой попыткой обобщить новые археологические данные о существовании в Донбассе в эпоху бронзы горно-металлургического центра (ГМЦ).

Донецкий ГМЦ имеет следующую рудную базу. Бахмутские месторождения меди связаны с отложениями картамышской свиты нижней перми, которые развиты в северо-западной части Донбасса, где выполняют две обширные синклинальные структуры — Бахмутскую и Кальмиус-Торецкую котловины, в которых расположено 27 рудопроявлений (из 35 известных в Донбассе) [8].

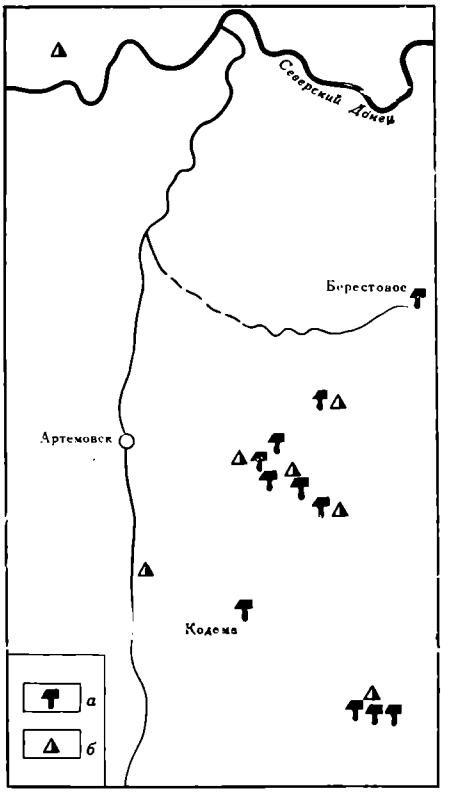


Рис. 1. Карта размещения древних медных рудников Донбасса: *а* — рудники; *б* — поселения эпохи бронзы со следами металлургического производства

Медное оруденение приурочено исключительно к породам серого цвета. Оруденелыми бывают как песчаники, так и алевролиты, аргиллиты, конгломераты и песчаники. Как правило, оруденелая часть имеет мощность 2—2,5 *м*. На всех рудопроявлениях Бахмутской котловины отчетливо выделяются две зоны: зона сульфидных руд (медные минералы представлены халькозином, борнитом, реже халькопиритом) и зона смешанных руд (где наряду с указанными выше встречаются малахит, азурит, куприт, ковеллин) [9]. Следует отметить, что сульфидное оруденение в большинстве случаев макроскопически, невооруженным глазом не обнаруживается. Однако на ряде проявлений (Картамыш, Клиновое, Пилипчатино, Медная Руда) сульфидные минералы меди иногда образуют конкреционные стяжения размером в поперечнике до 10 *см*. Руды с таким содержанием конкреций легко обогащаются путем дробления, ручной разборки и промывки с образованием концентрата, содержащего до 60% меди. Смешанные руды встречаются вблизи поверхности, легко фиксируются благодаря присутствию в них окисленных минералов — зеленого малахита и синего азурита. Небольшие содержания меди в окисленных рудах не превышают 3—5%, однако в древнее время, как показывают наши находки, несомненно использовались руды с содержанием меди от 10 до 30%, на что косвенно указывают, как видно из анализов, содержания меди в шлаках, достигаю-

[7] В работах принимали участие археолог А. Г. Копыл, учитель А. А. Шепитько. Большую помощь автору в осмыслении добытых материалов оказали Е. Н. Черных, П. Д. Либеров, Д. Я. Телегин, В. Н. Даниленко, за что мы им искренне благодарны.

[8] *С. И. Евсеева.* Пермские отложения Большого Донбасса и их возможные минеральные ресурсы. В сб. «Большой Донбасс». М., 1941, стр. 47.

[9] *Н. Н. Грабянская, А. М. Эдельман, В. В. Грабянский, А. А. Юдельсон.* О перспективах открытия в Донбассе промышленных месторождений меди. «Разведка и охрана недр», 1967, № 12, стр. 45; *В. В. Грабянский, А. М. Эдельман.* Медистые песчаники Донбасса. В сб. «Рудоносность Русской платформы». М., 1965, стр. 87. Пользуюсь случаем выразить признательность В. В. Грабянскому и А. М. Эдельману за постоянную помощь и геологические консультации в поле.

щие в Клиновом и Пилипчатино 10% и более. В медных рудах спектральными анализами установлен целый ряд элементов-спутников: свинец и мышьяк до сотых долей процента, серебро до тысячных долей, ртуть до тысячных долей процента, ванадий, молибден, кобальт, никель и другие элементы [10].

Перейдем к описанию самых больших древних рудников.

Село Ново-Звановка. В 2 *км* от села к востоку в урочище «Красное озеро» расположены три древних разработки-карьера. Наибольший интерес представляет большой карьер на гриве медистых песчаников (рис. 2, *1*), имеющий вытянуто-овальную форму (70×70 *м*) и со всех сторон окруженный отвалами из красноглин, песчаников, окисленных руд.

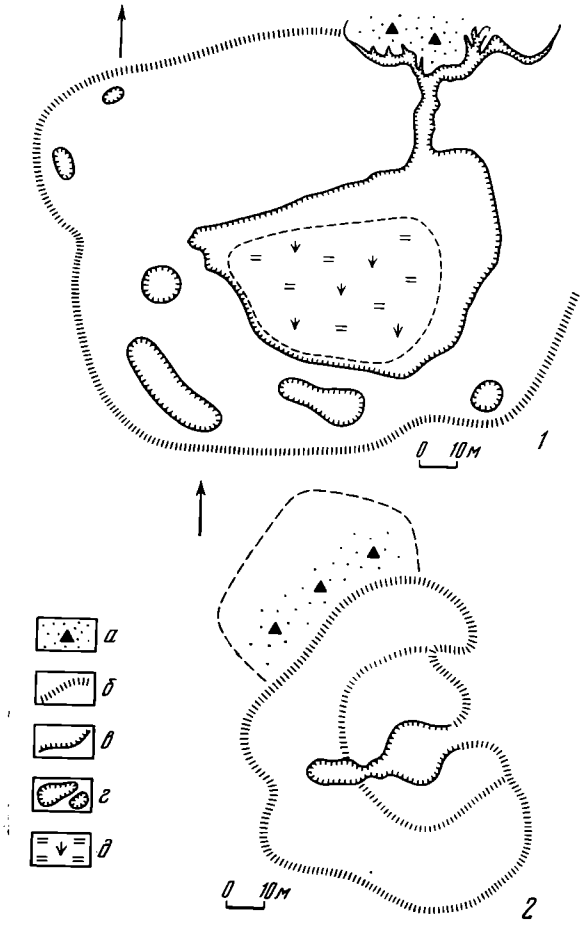


Рис. 2. Древние медные рудники у с. Ново-Звановка (*1*) и Пилипчатино (*2*): *а* — поселения горняков-металлургов; *б* — контуры отвалов; *в* — контуры карьеров (определены приблизительно); *г* — древние траншеи и закопушки; *д* — заболоченность

К северо-востоку от карьера на расстоянии 15—20 *м* в овраге зафиксирован культурный слой. Он лежит за пределами карьера на глубине 0,6—1,4 *м*, частично сверху перекрыт отвалом, имеет мощность 0,2—0,5 *м* и очень слабо насыщен кусочками древесного угля, отдельными пропитанными медной окисью костями животных, кусочками окисленных руд; найдено несколько фрагментов венчика неорнаментированного баночного горшка эпохи бронзы. Вероятно, разработка карьера велась племенами срубного времени.

Село Пилипчатино. В 0,4 *км* от села к северо-западу, на холме — гриве медистых песчаников длиной до 0,8 *км* и высотой от 5 до 30 *м* (с понижением с востока на запад) расположено семь древних выработок, заложенных на выходах рудного тела на поверхность. Выработки прорезают весь холм уступами. Все большие выработки (№ 3—7) задернованы.

Наибольший интерес пока представляет только карьер № 1 (рис. 2, *2*), расположенный на крайней западной части гривы. Его размеры 20×28 *м*, глубина 3—5 *м*. Борта-отвалы имеют высоту 1,5—3 *м*, вследствие эрозии они сильно оплыли, отчего границы выработки определены условно. Отвалы сложены из красноглин и незначительного количества окисленных минералов меди. Через небольшую перемычку карьер № 1 сливается с карьером № 2 длиной до 20 *м* с почти невидимыми сильно эродирован-

[10] *Н. Н. Грабянская, В. В. Грабянский, А. М. Эдельман.* Закономерность распределения медного оруденения в нижнепермских отложениях Донбасса. Тезисы Геологической конференции «Степановские чтения». Артемовск, 1967, стр. 28—30.

ными и задернованными отвалами. Карьер № 2 имеет глубину всего 1,5 *м*.

С северной стороны к карьерам № 1 и 2 примыкает распаханная полукруглая терраса, окруженная на расстоянии 80—100 *м* балкой, по дну которой протекает пересыхающий летом ручей. На поверхности террасы в непосредственной близости от карьеров были открыты серо-золистые пятна с пропитанными медной окисью костями, кусками окисленных руд и обломками керамики эпохи бронзы на поверхности. На одном из таких

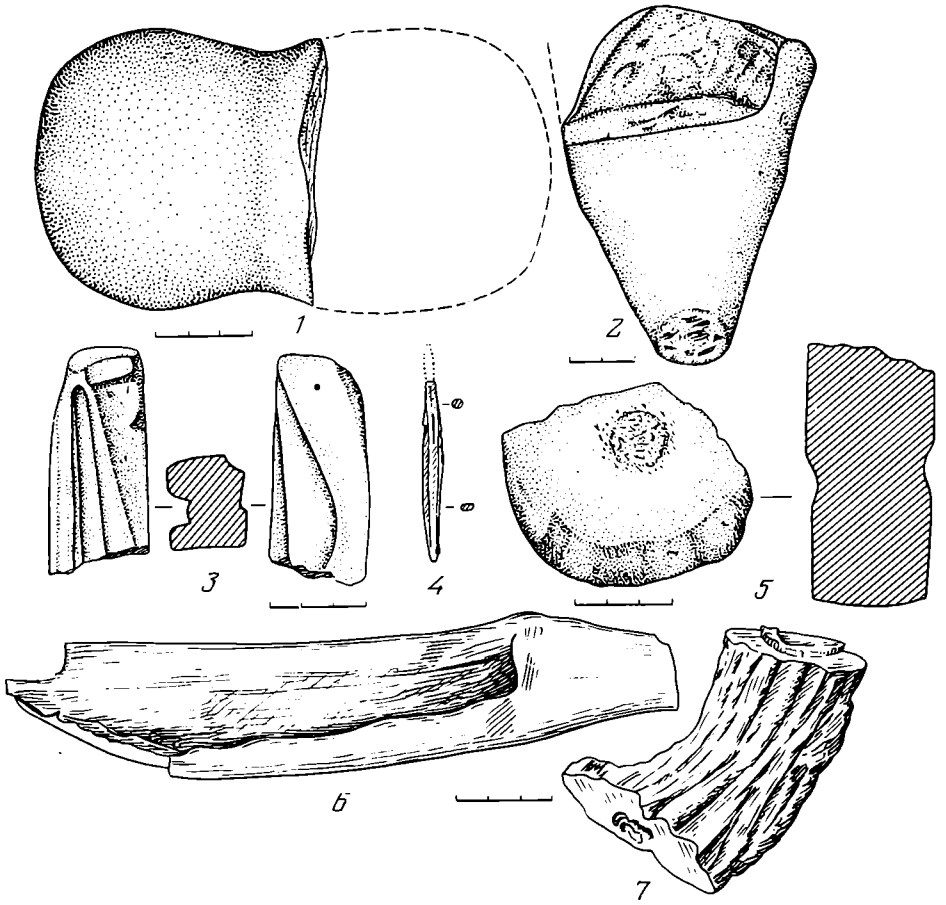


Рис. 3. Находки с поселения эпохи бронзы у с. Пилипчатино: *1*, *2*, *5* — камень, *3* — глина, *4* — металл, *6*, *7* — кость

пятен был заложен раскоп 2 (первоначально это был шурф № 2 4××2 *м*) площадью 34 *м*²: верхний слой до глубины 0,15 *м* составлял рыхлый пахотный гумус с отдельными костями животных и несколькими фрагментами керамики. На глубине 0,15—0,4 *м* был открыт зольник мощностью от 0,15 до 0,25 *м*, диаметром около 6 *м*, состоявший из плотного слоя костей животных (до 2,5 тыс. шт.) вперемешку с обломками абразивных и терочных камней, кусками окисленных руд, массы серой золы и угольков. Из зольника извлечены три тупика из челюстей козы с заполированными краями (рис. 3, *6*), обпиленный олений рог (рис. 3, *7*), который мог остаться от заготовки рогового кайла; более 300 фрагментов керамики, на которых реконструируется 41 сосуд с разнообразной орнаментацией и формой (описание керамики дается ниже).

В центре раскопа № 2 под зольником на глубине 0,45—0,47 *м* под тонким слоем гумусированного суглинка открыты остатки медеплавильной печи 1 (рис. 4, *1*; рис. 5). Она имела размеры 0,67×0,48 *м* (рис. 4, *1*) и состояла из двух частей: северо-восточная часть являлась предпечьем-выгребом размером 0,47×0,25 *м* с выгнутым к низу на глуби-

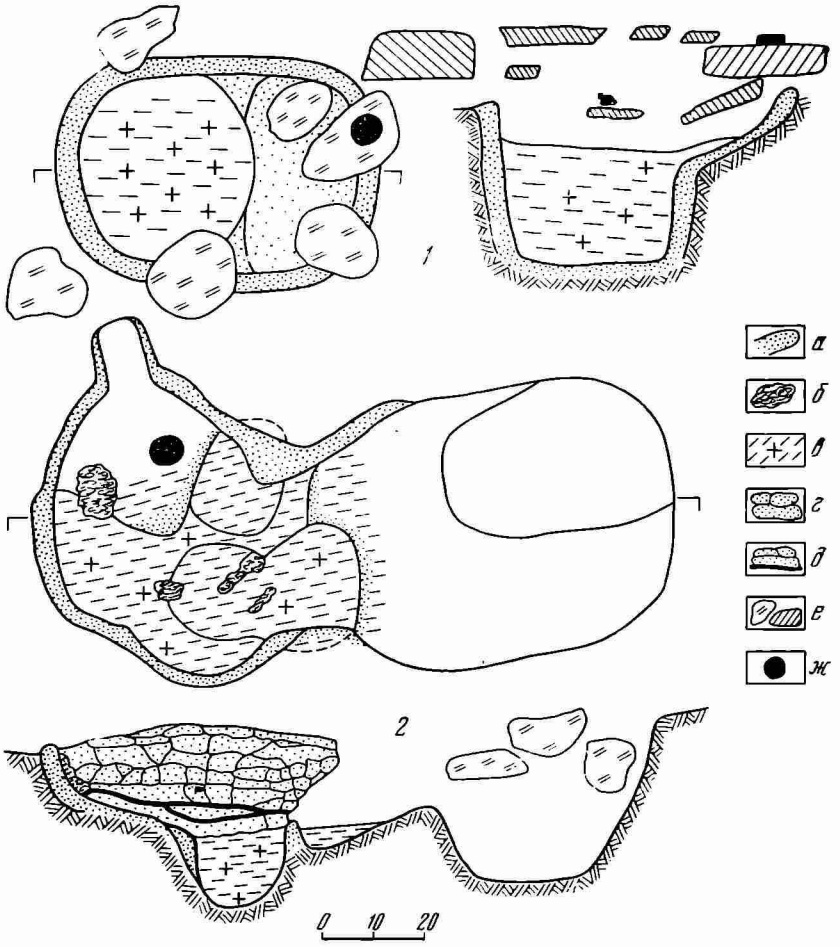


Рис. 4. Схемы медеплавильных печей № 1 и 2 у с. Пилипчатино; *а* — прокаленная глина стенок печей; *б* — медные шлаки; *в* — окись меди и древесный уголь; *г* — глина со свода печи № 2, *д* — участки свода с ошлакованностью; *е* — камни со следами огня; *ж* — терочники

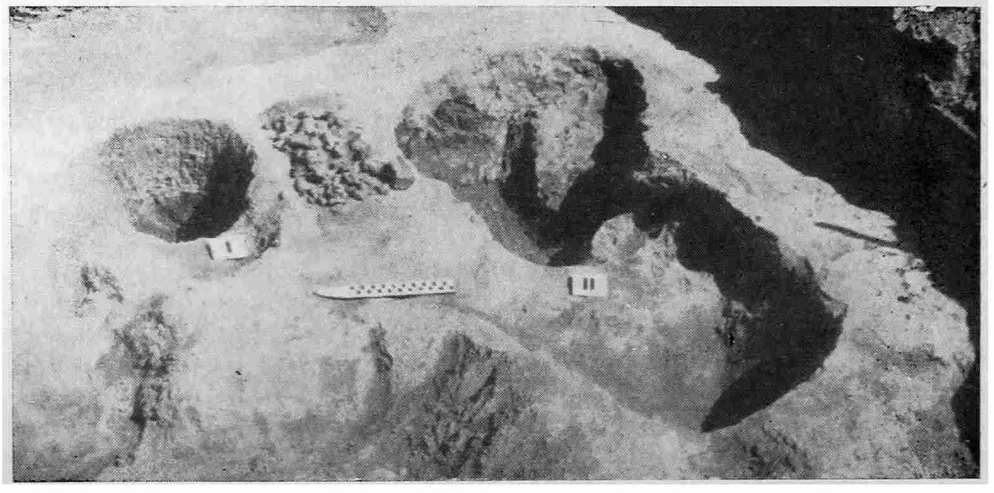


Рис. 5. Общий вид размещения медеплавильных печей в раскопе № 2

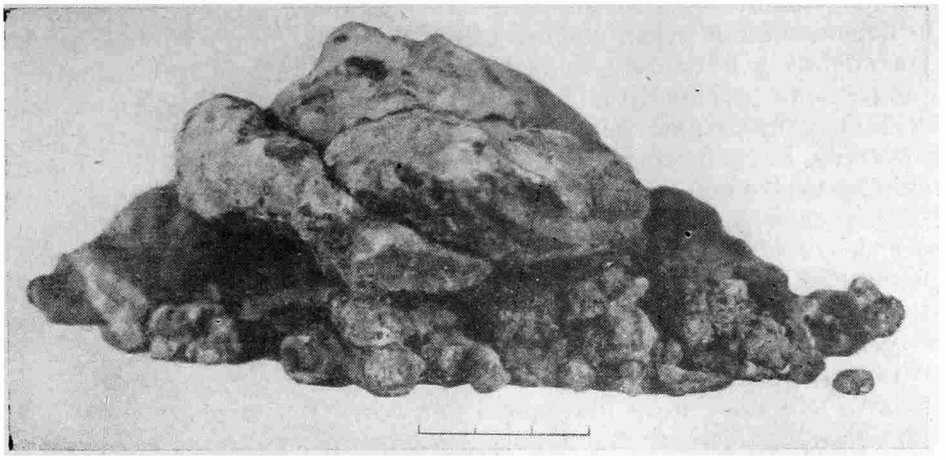


Рис. 6. Шлаковый слиток из печи № 2 с. Пилипчатино

ну 10—12 *см* дном и с возвышающимися бортиками, прокаленными до ярко-красного цвета. Вторая часть, юго-восточная, представляла собой круглую в плане полость размером 0,36×0,4 *м* и глубиною до 0,33 *м*, куда помещался тигель. Стенки полости были отвесными, дно закругленное — в верхней части стенки полости имели более сильную прокаленность. Часть предпечья и вся полость печи были заполнены черной окисью меди (черным порошком) с отдельными кусками древесного угля, мелкими кусками пережженной руды (общая масса до 10 *кг*). Медеплавильная печь № 2 была открыта под зольником на той же глубине, что и предыдущая, на расстоянии 0,3 *м* к югу от нее (рис. 5). Состояла из двух частей: предпечье размером (рис. 4, *2*) 0,75×0,55 *м* с наклонными стенками глубиной 18—20 *см*. Под юго-западным краем было овальное углубление размером 0,45×0,34 *м*. Перед устьем печи был уступ высотою 0,1 *м*, сильно прокаленный. Вторая часть печи представляла собой плавильную полость размером 0,62×0,5 *м* и глубиной 0,36 *м* с сохранившимися на 5—10 *см* частями свода из ярко-красной глины. Вся полость печи была заполнена рухнувшим сводом, состоявшим из ярко прокаленной глины с отпечатками соломы и узких листьев камыша, мощность завала свода достигала 0,2 *м*. Большое количество участков свода снизу имело корочку черной ошлакованности с капельками меди. С южной стороны в плавильной полости находился глиняный выступ треугольной формы с обожженным концом, он имел размеры 0,2×0,3 *м* и как бы делил полость печи на три части. Вокруг выступа в дне печи имелось три круглых углубления, одно из них под юго-западным краем печи сохранилось довольно хорошо, размером 0,2×0,22 *м*, с вертикальными стенками, глубиной до 0,2 *м*. По форме это углубление повторяет ставившийся туда тигель чашевидной формы с высокими бортиками.

Напротив уступа из наружной стенки печи выступало воздуходувное отверстие длиной 11 *см* и шириной 8 *см* с прокаленными на 1—2 *см* стенками, сюда, видимо, вставлялось сопло.

Под рухнувшим сводом печи были открыты три скопления шлаков, в том числе шлаковый слиток весом 550 *г* (рис. 6), состоявший из собственно шлака и малахита. По мнению Е. Н. Черных, такие шлаки — «козел» — возникали при нарушении процесса плавки из-за недостаточной температуры и плохого доступа кислорода при дутье [11]. Среди обломков свода была найдена часть (рис. 3, *5*) круглой массивной наковаленки. Под слоем рухнувшего свода печи имелось скопление окиси меди — черного порошка с отдельными кусками древесного угля (судя

[11] *Е. Н. Черных.* Металл — человек — время. М., 1972, стр. 145.

по мелковолокнистой структуре и плотности, это дубовый уголь), кусочками пережженной руды, общим весом до 15 *кг*.

Поскольку у печи № 1 свод не сохранился, мы остановимся на предположительной реконструкции и эксплуатации печи № 2. Первоначально на материковой глине была вырыта полость глубиной до 0,6 *м*, затем над нею на опорном столбе (он уширался на конец уступа в печи) из хорошо вымешанной огнеупорной глины с растительными примесями сооружался свод и, несомненно, обжигался. В своде было по меньшей мере два отверстия: нижнее с юга для сопла и дутья, в центре — более широкое для выхода дыма, вентиляции и загрузки угля по мере плавки. Первоначальная загрузка печи производилась с западной стороны, где было устье и предпечье. Сначала на дно плавильной полости в специальные углубления устанавливали горшки-тигли (углубления могли предупредить падение тигля при плавке на бок). Вся полость печи послойно заполнялась древесным углем и мелкотолченою рудою — малахитом. Обогащение производилось тут же, на что указывают найденные как в зольнике, так и рядом с печами куски руды и обломки терочных и абразивных — дробильных камней (рис. 3, *2, 5*).

Пламя в печи при плавке с дутьем устремлялось вверх, и внутренняя поверхность свода ошлаковывалась. Судя по сохранившимся участкам свода, его толщина не превышала 10 *см*. Исходя из обнаруженных в печи № 2 как медных шлаков, так и скопления окиси меди, мы можем восстановить химическую сторону плавки: в печи происходил процесс разложения при высокой температуре малахита с образованием окиси меди, которая в свою очередь углем или окисью углерода восстанавливалась в металл. Наличие в печи большого количества окиси меди указывает на неполноценность процесса плавки, большие потери металла в окиси и шлаках (до 10% меди в шлаках).

Практически в печи мог плавиться и халькозин, так как при плавке подъем температуры в печи происходил постепенно и, естественно, сначала руда обжигалась и удалялась сера, затем при температуре 1200° могла идти сама плавка. Как показал спектральный анализ шлаков и корольков меди из шлаков и свода печи № 2, конечным продуктом была низкомышьяковистая медь с высоким содержанием железа, наличием до сотых долей процента серебра, никеля, марганца, до десятых долей мышьяка и свинца, микроконцентрациями кобальта [12].

После прекращения плавки часть свода разламывалась и тигли извлекались. Извлекались и шлаки, которые дробились для получения корольков меди. Почти все найденные нами шлаки носят следы дробления. Поскольку металл часто сильно обтекал тигли и приваривался к стенкам, то при извлечении металла тигли разламывались. Слитки могли иметь линзовидную форму как после первичной плавки, так и после рафинировки. При рафинировке вторично расплавленная медь очищалась в плоских тиглях, производилось «дразнение» деревянной палкой — удалялись примеси: железо, выгорал мышьяк, всплывали остатки шлаков. При этом на деревянной палке налипал металл — образовывался слиток, аналогичный найденному в конце прошлого столетия в Новопавловском уезде Екатеринославской губернии [13]. Следует напомнить, что вместе со слитком были найдены обломки двух ребристых серпов — крюков, обломок полого тесловидного орудия. Хотя в этом кладе присутствуют серпы западного типа, датируемые И. Н. Шарафутдиновой третьей — последней четвертью II тысячелетия до н. э. [14], нам кажется, что наличие в нем слитка от рафи-

---

[12] Анализ проведен в лаборатории ИА АН СССР Е. Н. Черных.

[13] *А. С. Федоровский.* Ук. соч., стр. 25, рис. 1.

[14] Серпы-крюки с ребрами И. Н. Шарафутдинова относит к V типу и датирует по аналогиям XIII в. до н. э. (*И. Н. Шарафутдинова.* Бронзовые серпы Северо-Западного Причерноморья. «Археологія», 1, 1971, стор. 41.

нировки сырой меди может указывать на возможность использования литейщиком не только западного металла, но и местного — донецкого.

Второй клад, оставленный литейщиком, был найден в Донбассе у с. Крымское Славяносербского уезда Екатеринославской губернии (если первый клад найден в 150 *км* южнее медных рудников Донбасса, то Славяносербский на расстоянии всего 40—50 *км* к востоку на территории нынешней Ворошиловградской обл.). Он состоял из трех сегментовидных слитков с насечками для разламывания и большого бронзового наконечника копья [15]. Химический состав клада был определен проф. Н. Н. Бекетовым. Оказалось, что слитки состоят из чистой меди, «содержащей на поверхности следы серы», в металле много железа, есть свинец и олово. Анализ копья указал на наличие 3,8% олова, до 1% железа и свинца [16].

К сожалению, в Донбассе до сих пор неизвестны новые находки литейных кладов эпохи бронзы.

О времени эксплуатации медеплавильных печей на поселении у с. Пилипчатино и соответственно эксплуатации карьеров № 1—2 говорят найденные в одном слое с печами вещи и обломки керамики из перекрывавшего печи зольника.

Рядом с печами были найдены: молот с перехватом (рис. 3, *1*), изготовленный из темно-красного плотного песчаника, длина сохранившейся части 9 *см*, общий вес целого молота до 2 *кг*. Обломок клиновидного привязного топора-молота длиной 11 *см* с отполированной поверхностью и концом, несущим следы активной работы (рис. 3, *2*). Это орудие могло использоваться как для добычи, так и для обогащения руды.

Аналогии молоту и клиновидному примитивному топору — рудодробилке имеются среди горных орудий из выработок на р. Зеленчук на Кавказе [17], орудий труда альпийских рудокопов [18], орудий труда горняков Хакассии [19], датируемых II тысячелетием до н. э. Обломок литейной формы (рис. 3, *3*) длиной 7,5 *см* представляет собой центральную часть трехсоставной глиняной литейной формы для одновременной отливки трех изделий — на одной стороне дротика, на другой стороне четырехгранного клинка кайла и втулки, возможно, еще одного дротика (?), со стороны одиночного негатива дротика имеется штифтовое отверстие. Негатив втульчатого наконечника дротика с широким коротким пером, типа II—18, 20 по Е. Н. Черных [20], встречается среди кладов и отдельных вещей в памятниках поздней бронзы на территории СССР и Венгрии [21].

В толще зольника и рядом с печами найдено более 10 обломков и целых массивных терочников из темно-красного и серого песчаника и часть большой плиты с проточенным круглым углублением. Терочники могли использоваться и как орудия для обогащения руды, и как горные орудия. Аналогичный терочник найден в комплексе из древнего рудника на р. Зеленчук на Кавказе [22]. Один из терочников (рис. 3, *5*) мог быть наковаленкой, на что указывает наличие на его плоских гранях с двух

---

[15] *И. С. Леваковский.* Заметка об ископаемых медных изделиях, найденных в Бахмутском уезде. Сборник ХИФО, т. 16, Харьков, 1905, стр. 579, 580.

[16] *А. С. Федоровский.* Ук. соч., стр. 2—25.

[17] *В. А. Кузнецов.* Древние выработки медной руды в верховьях р. Большой Зеленчук. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 64.

[18] *Е. Н. Черных.* Ук. соч., стр. 133.

[19] *Я. И. Сунчугашев.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975, стр. 25, рис. 4.

[20] *Е. Н. Черных.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, стр. 98—100; *А. М. Лесков.* О Северо-Причерноморском очаге металлообработки в эпоху бронзы. В сб. «Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР». Киев, 1967, рис. 11, *9*.

[21] *А. Л. Монгайт.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974, стр. 87, рис. 4 на стр. 83.

[22] *В. А. Кузнецов.* Ук. соч., стр. 64.

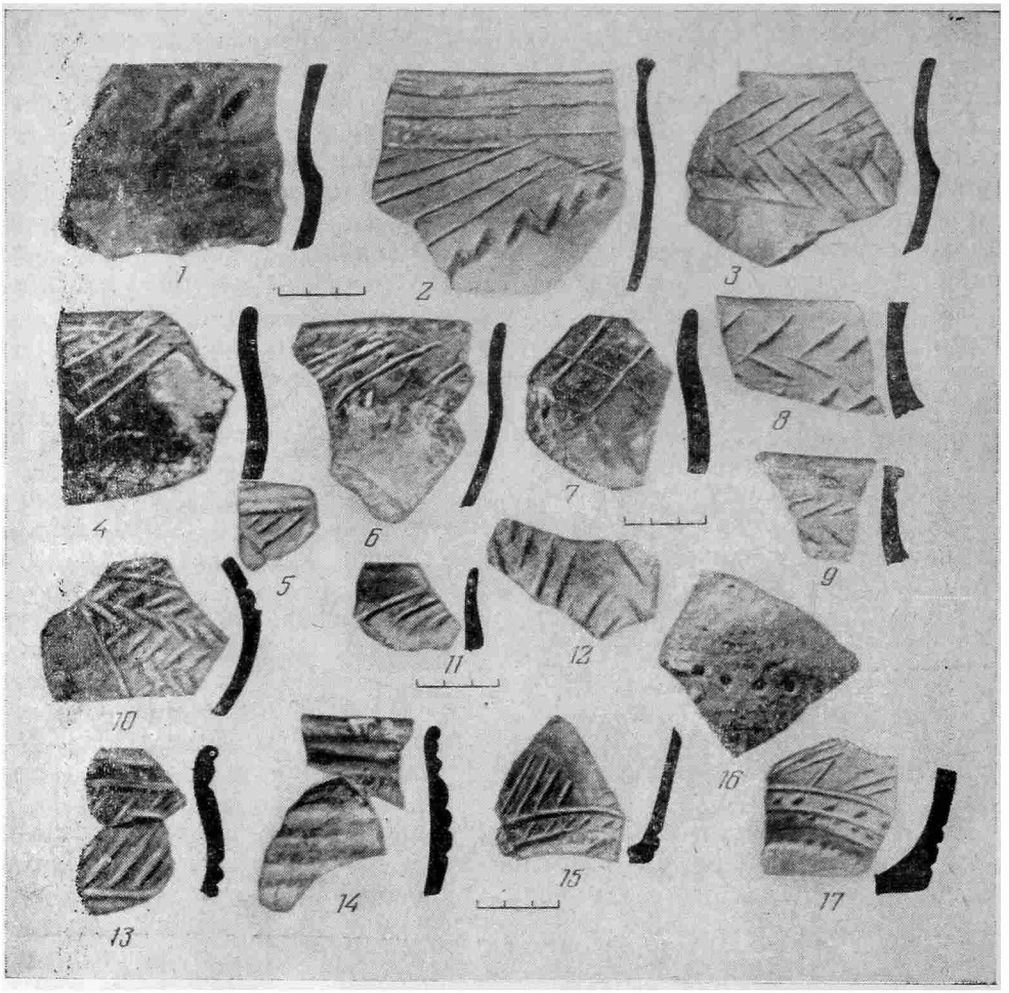


Рис. 7. Керамика I группы из зольника, с. Пилипчатино

сторон выбитостей диаметром до 2 *см*. Возможно, что на ней ковкой заострялись шилья. Аналогия большой плите с проточиною, которая могла использоваться как емкость для обогащения руды, была найдена в Пепкинском кургане, где такая же плита была приспособлена «скорее для растирания руды» [23] и сопровождала погребение литейщика абашевской культуры.

Тигли представлены тремя обломками толщиной 0,5—1,5 *см* от трех тиглей, на внутренней поверхности которых имеется накипь шлака с корольками меди. По одному большому обломку борта тигля можно предположить, что тигель имел чашевидную форму глубиной до 6—8 *см*.

Остановимся на описании керамики из зольника, поскольку она дает возможность для датировки поселения горняков-металлургов у с. Пилипчатино. Реконструируется по обломкам до 40 горшков. Предварительно следует отметить, что вся керамика происходит из сравнительно небольшого зольника, образовавшегося за небольшой срок, но она разнохарактерна как по орнаментации, так и по культурной принадлежности.

Первую группу (примерно в 55—60%) составляют сосуды горшковидной формы с профилированными венчиками и несколько раздутым корпусом (рис. 7, *2, 4, 7, 10, 13, 14*). На некоторых горшках намечается уступ под венчиком (рис. 7, *1, 3*) имеется только три фрагмента от

[23] *А. Х. Халиков, Г. В. Лебединская, М. М. Герасимова.* Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966.

баночных горшков. Вся керамика орнаментирована с помощью зубчатого штампа — косопрочерченные линии (рис. 7, *2*, *6*, *11*), заштрихованные треугольники (рис. 7, *4*, *5*, *10*, *11*) даже от дна вверх, заштрихованные горизонтальные полосы и ряды полос (рис. 7, *13*, *14*), зигзаг и «елочка» (рис. 7, *3*, *7*, *8*, *9*, *12*), ряды овальных вдавлений (рис. 7, *16*) — все это имеет аналогии в орнаментации позднеандроновской керамики [24], среди керамики срубной культуры в Башкирии [25], Пятиморской стоянки в Поволжье [26], керамики из V слоя Ливенцовки-1 на Дону [27], керамики эпохи бронзы Среднего Дона [28] (села Вознесенка и Русская Тростянка), в IV слое поселения у с. Роздольное в Донбассе [29].

Керамика первой группы хорошо обожжена, поверхность гладкая и золощена даже изнутри горшков, цвет от желтого до черного. В тесте примеси растительных остатков, мелкотолченой раковины. Керамика первой группы формировалась, несомненно, под сильным влиянием восточных компонентов. Ранее именно это отметила О. Г. Шапошникова при описании керамики позднего этапа срубной культуры на Роздольненском поселении [30]. Здесь уместно вспомнить мысль Е. Н. Черных о том, что металлургия племен срубной культуры, пришедших из-за Волги и там соседствовавших с андроновскими племенами, находилась под их сильнейшим влиянием [31]. Племена срубной культуры, эксплуатировавшие медистые месторождения Урала [32], вряд ли могли пройти мимо окисленных руд Донбасса.

Вторую группу составляют горшки с резко отогнутыми венчиками и резко раздутыми туловыми, орнаментированные налепными валиками (рис. 8, *1—3*, *10*). Среди фрагментов имеются части большой, диаметром до 0,8 *м* корчаги со стянутым горлом и гладкой поверхностью, орнаментированной рядом треугольных оттисков. Прямые аналогии этой группе керамики имеются в материалах Кировского поселения в Крыму [33], Болградского поселения [34] в Одесской обл. (вторая группа керамики), поселений Нижнего Поволжья [35], в V слое Ливенцовки-1 [36], Ильичевском поселении на Донце [37].

Промежуточное положение между первой и второй группами занимает керамика раздутых пропорций, орнаментированная валиками в сочетании с прочерченными зубчатым штампом заштрихованными треугольника-

---

[24] *Е. Е. Кузьмина.* Археологическое обследование памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры. КСИА АН СССР, 1962, 88, стр. 87; *ее же.* Андроновское поселение и могильник Шандаша. КСИА АН СССР, 1964, 98, стр. 105, 106, рис. 30.

[25] *А. В. Збруева, Б. Г. Тихонов.* Памятники эпохи бронзы в Башкирии. В сб. «Древности Башкирии». М., 1970, стр. 45, рис. 3, *8*.

[26] *В. И. Мамонтов.* Материалы Пятиморской стоянки. СА, 1970, 2, стр. 141, рис. 2, *13, 16, 18;* рис. 3, *3, 7, 12, 13, 15*.

[27] *С. Н. Братченко.* Многослойное поселение Ливенцовка-I на Дону. «Археологія», XXII, 1969, рис. 11, *2, 4, 6, 8, 9*.

[28] *П. Д. Либеров.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, рис. 50, *1—4*; рис. 2 на стр. 167.

[29] *О. Г. Шапошникова.* Многослойное поселение у села Роздольное на р. Кальмиус. «Археологія», XXIII, 1970, рис. 7, *4, 5, 8, 14*.

[30] Там же, стр. 150.

[31] *Е. Н. Черных.* Основные черты древнейшей металлургии Урала и Поволжья. КСИА АН СССР, 1969, 116, стр. 13.

[32] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1968, стр. 80.

[33] *А. М. Лесков.* Кировское поселение. В сб. «Древности Восточного Крыма». Киев, 1970, стр. 38—48.

[34] *И. Т. Черняков.* Слой поздней бронзы Болградского поселения. КСИА АН СССР, 1966, 106, стр. 99, рис. 43, 44.

[35] *Ю. В. Деревягин, Р. М. Симонов.* Валиковая керамика на срубных памятниках Нижнего Поволжья. СА, 1971, 2, стр. 220, рис. 2, *1—5*.

[36] *С. Н. Братченко.* Ук. соч., стр. 229, 230, рис. 10, *1—6*.

[37] *Т. А. Шаповалов.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце. В сб. «Энеолит и бронзовый век Украины». Киев, 1976, стр. 164, рис. 7.

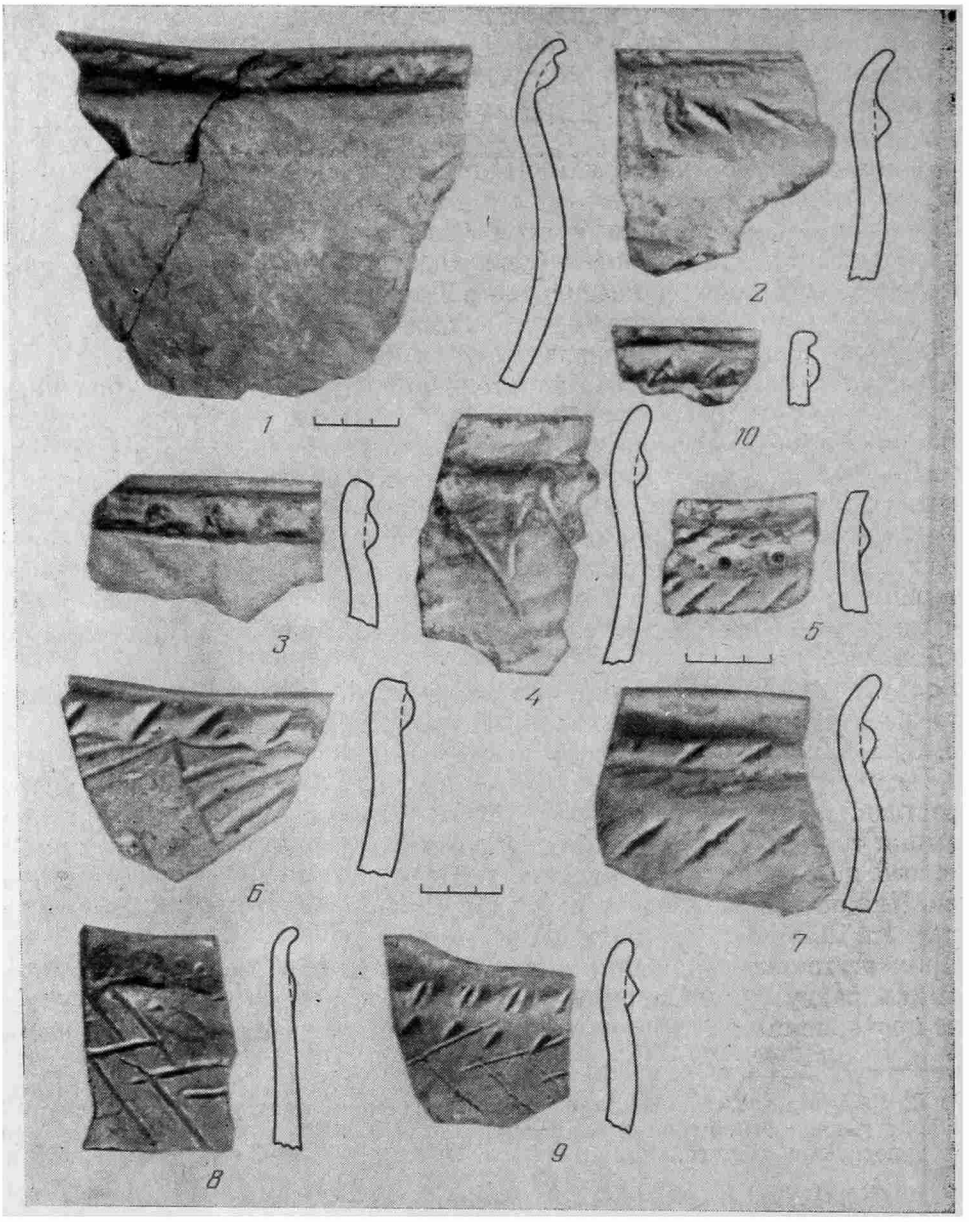


Рис. 8. Керамика II и III групп из зольника, с. Пилипчатино

ми, косыми линиями, «зигзагом» и «елочкой» (рис. 8, *4—9*). Аналогий эта керамика не имеет и, на наш взгляд, представляет собой местную модификацию срубно-сабатиновской. Горшок с резко раздутым корпусом и валиком под краем венчика (рис. 8, *1*) имеет аналогии в белозерской керамике поздней бронзы.

Если брать за опорную дату возникновения зольника последнюю четверть II тысячелетия до н. э.[38] (по керамике, содержавшейся в зольнике), то печи под ним по сопутствующему материалу могли эксплуатироваться не ранее последней четверти II тысячелетия до н. э. Несомненно то, что печи эксплуатировались в эпоху бронзы.

Три медеплавильные печи ямного типа открыты ранее в куро-арак-

[38] Керамический материал найден в зольнике, как и на Болградском поселении (*И. Т. Черняков.* Слой поздней бронзы..., стр. 102). К этому же времени относится появление таких специфических костяных орудий труда, как тупики из челюстей животных.

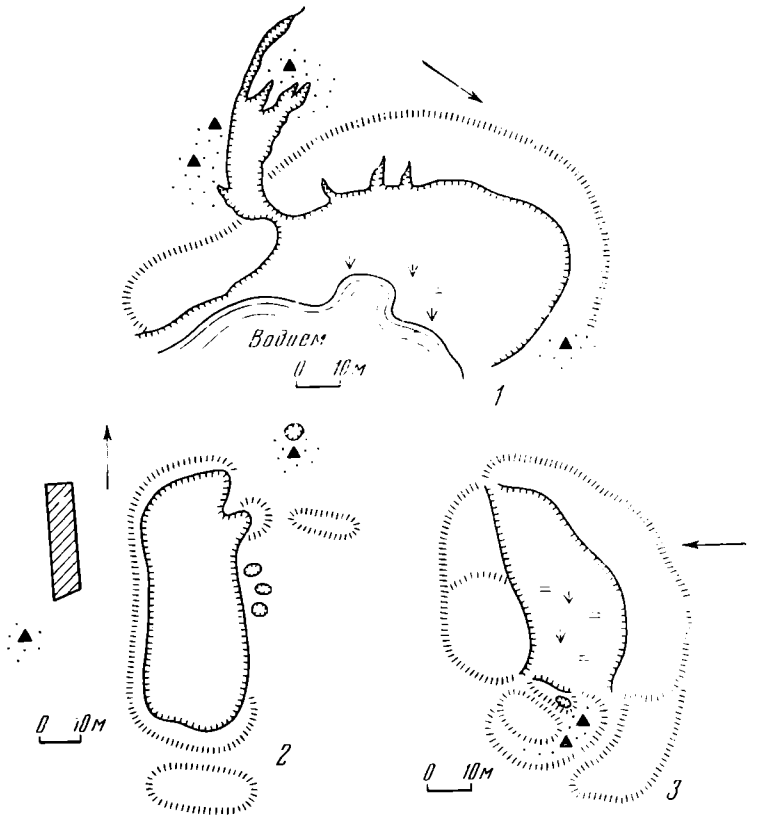


Рис. 9. Древние медные рудники у с. Клиновое (*1*) и Медная Руда (*2, 3*)

ском слое Бабадервишского поселения III тысячелетия до н. э. в Армении[39]. Их принципиальное сходство с пилипчатинскими печами эпохи бронзы указывает на длительное существование подобных печей-горнов, видимо, связанное с простотой их конструкции.

Несомненно, что на поселении у с. Пилипчатино в конце II тысячелетия до н. э. жили горняки, добывавшие руду; металлурги, выплавлявшие в печах медь из руды и рафинировавшие сырую медь; кузнецы-литейщики, изготавливавшие из меди[40] или ее сплавов орудия труда и оружие. Поселение у с. Пилипчатино (небольшое по площади и по мощности культурного слоя) было узко специализированным, связанным с полным комплексом горно-металлургических работ от добычи сырья — медной руды до литья изделий.

Село Клиновое. Медный карьер расположен на западной окраине села, представляет собою задернованную впадину диаметром 100 *м*, глубиной до 5—7 *м* с трех сторон (Ю — ЮВ, СЗ, СВ) окруженную отвалом из красноглин высотой 4—15 *м* при общей протяженности до 250 *м* (рис. 9, *1*). К юго-западу от отвала зафиксированы остатки I поселения эпохи бронзы: культурный слой в отвале залегает на глубине от дневной поверхности от 0,5 до 1,9 *м*, имеет серо-зеленый цвет из-за насыщенности рудой, угольками и пеплом, мощность слоя в отвалах 0,2 *м*, за пределами отвала до 0,5—0,9 *м*. Слой поселения содержит остатки металлургического производства в виде большого количества медных шлаков с корольками меди, пропитанные медной окисью кости животных, фрагменты горшков

[39] *Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов.* О древней металлургии Кавказа. СА, 1968, 4, стр. 17—19, рис. 3—4; *Р. М. Мунчаев.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, стр. 393.

[40] *Е. Н. Черных.* Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы. В сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 65—68.

баночной и ребристой форм, горшков с профилированными венчиками и раздутыми туловами.

Из совершенно разрушенного жилища[41] полуземляночного типа (часть жилища сохранилась на останце между оврагами) извлечено при вертикальной зачистке более 100 фрагментов керамики, из которых реконструируется 24 горшка. Значительную группу составляют неорнаментированные кухонные горшки с закопченной поверхностью, с профилированными оттянутыми кнаружи венчиками и раздутыми боками, аналогичные керамике из четвертого слоя Роздольненского поселения[42]. Около 30% составляет керамика с налепными валиками — гладкими, с насечками и ногтевыми защипами, каннелюрами — по форме это обломки от баночных и раздутых горшков. Поверхность хорошо обработана, обжиг плотный серо-оранжевый. Керамика датируется сабатиновским временем и имеет многочисленные аналогии на ряде памятников по р. Донец[43] и ее притокам, поселениях поздней бронзы, исследованных автором на р. Бахмут[44], выше упоминавшемся Кировском поселении в Крыму и поселении Болград в Одесской обл.

Из жилища-полуземлянки получено более 1 *кг* медных шлаков. Как показал спектральный анализ трех проб, это шлаки от плавки медных руд[45], полностью повторившие их химизм.

Остатки второго поселения рудокопов расположены с северо-восточной стороны от Клиновского карьера. Здесь культурный слой засыпан трехметровым отвалом. Керамика с обоих поселений позволяет датировать карьер № 1 у с. Клиновое второй половиной — концом II тысячелетия до н. э.

Наличие в медных шлаках из жилища первого поселения у карьера № 1 (с. Клиновое) мышьяка до десятых долей процента указывает на получение слабомышьяковистой меди[46]. Анализы корольков меди из шлаков и из глиняного свода печи № 2 (с. Пилипчатино) также указывают на получение низкомышьяковистой меди. Этот химизм, возможно, указывает нам пути дальнейшего поиска изделий из бахмутских руд. При этом не следует сбрасывать со счетов наличие в Донбассе собственной металлургической базы для получения мышьяка, свинца и сурьмы — легирующих веществ при получении бронзы. Недалеко от медных рудников расположены известные на Украине Никитовские ртутно-мышьяковисто-сурьмяные месторождения, где имеются киноварь, арсенопирит, антимонит. Как писал в конце прошлого столетия геолог А. А. Шепелев, в балке Сторчевой им были найдены древние горные выработки, где были обнаружены рог животного, служивший кайлом, 12 каменных молотков, работы проводились как открытым, так и подземным способом горными выработками обычно эллиптической формы[47]. Другие месторождения ртути также были открыты благодаря достаточно четким следам древней разработки[48]. То же самое относится и к свинцово-

---

[41] Жилище под № 2 исследовано в 1974 г. автором и группой школьников.

[42] *О. Г. Шапошникова.* Многослойное поселение..., стр. 149, рис. 7.

[43] *Т. А. Шаповалов, А. П. Рудаков.* Поселение «Усово озеро» на Северском Донце. АО—1973, М., 1974, стр. 360; *О. Я. Привалова.* Исследование поселения на р. Мокрая Волноваха. АО—1973, М., 1974, стр. 330; *Т. А. Шаповалов.* Разведки поселений эпохи бронзы на р. Кривой Торец. АО—1974, М., 1975, стр. 372.

[44] Автором открыто восемь поселений поздней бронзы по р. Бахмут и у впадения р. Бахмут в р. Северский Донец.

[45] Анализ проведен в лаборатории Института истории АН АзССР доктором химических наук И. Р. Селимхановым, выражаем ему искреннюю благодарность.

[46] Анализы большой серии образцов проведены Е. Н. Черных, за что мы ему очень благодарны.

[47] *С. И. Кирикилица.* Геологическое строение и методика разведки скрытых ртутных месторождений Донбасса — Никитовского типа. Канд. дис., фонды треста «Артемгеология», № 2707, стр. 8—11.

[48] Геология ртутных месторождений и рудопроявлений Украины. Киев, 1975, стр. 19; *С. И. Кирикилица.* Ук. соч., стр. 11.

сурьмяным рудам Нагольного кряжа, расположенного в 100—150 *км* восточнее от древних медных рудников в пределах Ворошиловградской области [49].

Следовательно, возможно, что для изготовления бронз использовались эти руды. Как показал ранее в своих исследованиях проф. В. А. Пазухин, опытами доказана возможность легко выплавлять сплавы меди с мышьяком и сурьмой, присаживая к окисленным медным рудам сульфидные минералы мышьяка и сурьмы [50].

Возможно, что начало разработки Бахмутских месторождений меди относится еще к энеолиту — ранней бронзе. Раскопки В. Я. Кияшко Константиновского поселения XXIII—XXI вв. до н. э. привели к открытию следов металлургического производства в виде корольков и капель меди, обломков тигельков, руды, аналогичной бахмутской. Среди вещей есть пробойник, изготовленный из низкомышьяковистой меди с анализом, очень близким химически анализам из Клинового и Пилипчатино, да и другие изделия — долото и шило [51], на наш взгляд, из бахмутских источников (есть кобальт, никель; сурьма — как следствие введения в медь мышьяка) [52].

Наши наблюдения в Клиновском карьере № 1, характер отвалов и залегание в них культурного слоя позволяют предположить следующий процесс добычи руды. Сначала древние рудознатцы на берегу ручья по окисленным минералам обнаружили рудное тело, были начаты работы по вскрытию его от речки на водораздел, возник отвал породы. На определенном этапе отвал начал наступать на поселение и, когда он достиг таких размеров, что передвинуть его было нельзя, а рудный пласт начал круто падать (в Клиновом угол падения пласта равен 45—60°), древние рудокопы перешли к подземной выработке штольнями. О существовании в Донбассе такой техники горных работ свидетельствует косвенно то, что здесь с эпохи неолита существовали шахты [53] по добыче кремня (в том числе у с. Красное Артемовского района). Упоминание об открытых древних штольнях на медь мы уже приводили в начале данной статьи. Учитывая углы падения рудных тел, геологи считают, что штольневые выработки могли существовать у сел Клиновое и Ново-Звановка [54]. Из Клиновского карьера № 1 руду выносили корзинами или кожаными сумками (такая находка также упоминается в дореволюционных источниках) на гребень отвала и на территорию поселения, там сортировали и обогащали. Этим и объясняется огромная насыщенность рудой культурного слоя первого и второго поселений эпохи бронзы, расположенных у карьера. Большая часть руды тут же перерабатывалась в металл, но часть руды вывозилась на другие поселения эпохи бронзы по рекам Бахмут и Донец [55], где зафиксированы следы плавки из руд.

---

[49] *Л. В. Передериева, В. А. Передериев.* К минералогии нагольного рудного района Донецкой металлогенической зоны. «Минералог. сб. Львовск. гос. ун-та», № 27, вып. 2, 1973, стр. 133.

[50] *В. А. Пазухин.* О происхождении древней мышьяковистой меди. Изв. АН СССР, М., 1964, 1, стр. 165.

[51] Автор благодарен В. Я. Кияшко за любезно предоставленные сведения.

[52] *В. А. Пазухин.* Ук. соч., стр. 164, 165.

[53] *Д. С. Цвейбель.* Древние кремневые выработки у с. Широкое в Донбассе. СА, 1970, 1, стр. 227.

[54] По мнению исследователей меди в Донбассе геологов А. М. Эдельмана и Б. Б. Грабянского.

[55] Автором у р. Бахмут на поселениях Отрадовка-I и III в 1969—1970 гг. собраны медные шлаки, обломок тигля, медная пластинка. Поселения датируются по керамике второй половиной II тысячелетия до н. э.; Т. А. Шаповалов в 1968—1973 гг. на поселении Ильичевка на р. Донец открыл следы металлургии в виде двух литейных форм для изготовления украшений, развала огромного ошлакованного медью изнутри горшка-тигля, медных шлаков и слитка олова; А. П. Рудаков в 1972 г. на поселении «Усово озеро» на р. Донец (см. *Т. А. Шаповалов, А. П. Рудаков.* Поселение «Усово озеро»..., стр. 360) открыл следы бронзолитейного производства: в виде мед-

Возможно, что часть руды добывалась и вывозилась в скифское время. На Бельском городище на Полтавщине были открыты Б. А. Шрамко многочисленные остатки бронзоплавильных печей, шлаки от плавки из руды, кусочки донецких руд [56].

Село Медная Руда. Первый рудник расположен на правом берегу р. Горелый пень прямо на улице села: вытянуто-овальной формы (рис. 9, *2*), длиной до 70 *м*, глубиной 2—4 *м* с небольшими отвалами. В отвалах и в огородах села в 30—100 *м* от карьера собраны фрагменты венчиков горшков баночной формы с прочерченным орнаментом, которые датируются срубным временем.

Второй древний рудник (рис. 9, *3*) расположен в 0,5 *км* к востоку от села посреди распаханного поля, имеет овальную форму с серповидными отвалами длиной до 100 *м* и высотой до 10 *м*. С юго-западной стороны от карьера на отвале и ниже к реке на площадке до 200 $м^2$ расположены остатки поселения, перекрытые небольшим распаханным отвалом. При осмотре поселения встречались выпаханные из слоя кости, обломки керамики, орнаментированные гладкими и расчлененными валиками. Закладка трех шурфов 1×1 *м* по периметру поселения указала на наличие на глубине 0,4—0,5 *м* слабонасыщенного культурного слоя серо-зеленого цвета. Керамика с поселения позволяет предположительно датировать его сабатиновским временем — последней четвертью II тысячелетия до н. э.

Новые археологические материалы позволяют с уверенностью говорить о том, что в Донбассе по крайней мере в эпоху поздней бронзы существовал большой горно-металлургический центр, где не только добывали руды, плавили медь, но и снабжали изготовленными орудиями, металлом и рудой соседние территории. Как справедливо отмечал Е. Н. Черных, локализация медных месторождений позволила племенам, их разрабатывавшим, получить новый мощный источник обогащения, и благодаря собственному металлу горно-металлургические центры подчинили своему влиянию огромные территории [57].

S. I. Tatarinov

UN CENTRE MINIER-METALLURGIQUE DE L'AGE DU BRONZE DANS LE DONBASS

Résumé

La question de l'existence dans le bassin du Donetz d'un centre minier-métallurgique à l'Age du Bronze connaît une histoire presque centenaire. Un important groupe de spécialistes des problèmes de l'ancienne métallurgie se sont intéressés aux gisements de cuivre de Bakhmout en tant que source de métal. Ces dernières années, l'auteur du présent article, en collaboration avec des géologues, mène des prospections dans des gisements de cuivre connus, dans des établissements découverts à côté de carrières, près des villages de Piliptchatino, Novo-Zvanovka, Madnaïa Rouda et Klinovoïé Artèmovsk (districts de la région du Donetz). On y a découvert des restes de minerai sous forme de scories de cuivre; dans un établissement, aux environs du village de Piliptchatino, on a dégagé deux fourneaux pour la fonte du métal du type en fosse contenant des scories et des morceaux de minerai. A côté des fourneaux on a recueilli des fragments

---

ных шлаков, 12 обломков глиняных литейных форм с негативами ребристого листовидного ножа с перехватом, двух плоских тесел с расширяющимися концами (имеющими аналогии в комплексах кладов Малые Копани, Деревяное и др. См. *А. М. Лесков.* О Северо-Причерноморском очаге..., стр. 163, рис. 11, *10;* рис. 12, *1*) и обломки форм, видимо, втульчатых широко-вислообушных топоров, обломок большой глиняной ложки для разлива расплавленного металла. К сожалению, материалы эти не опубликованы.

[56] *Б. А. Шрамко.* Восточное укрепление Бельского городища. В сб. «Скифские древности». Киев, 1973, стр. 101, 102.

[57] *Е. Н. Черных.* Спектральный анализ..., стр. 106.

d'outils pour l'extraction et le travail du minerai, de creusets, la moitié d'un moule d'argile en trois parties destiné à couler des javelots à deux talons, et des pics. L'analyse spectrale du minerai, des scories et du métal a montré qu'on produisait à cet endroit du cuivre faiblement arsenical. La présence dans le Donbass près de la ville de Nikitovka et sur la hauteur appelée Nagolnaïa de gisements contenant du mercure, de l'antimoine et de l'arsenic, où se remarquent les traces d'une ancienne exploitation, nous permet de supposer qu'ils ont été utilisés à l'Age du Bronze afin de se procurer des éléments d'alliage pour l'obtention de différents bronzes.

Dans ces anciens villages de mineurs on rencontre une céramique du type de Sabatino et en partie de celui de Biélozersk de la fin de l'Age du Bronze, qui nous permet de dater les mines et les villages de ces mineurs-métallurgistes de la fin du IIe millénaire av. n. è. Mais il est possible que ces mines aient été exploitées à l'époque énéolithique ainsi qu'au début de l'époque scythe.

Ю. В. БУЙНОВ

О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ПЛЕМЕН БОНДАРИХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Для археологии предскифского периода в Днепровском левобережье особенно важное значение имеет изучение бондарихинской культуры. Выделена она сравнительно недавно, в начале 50-х годов [1]. За прошедшее с тех пор время различными экспедициями были открыты десятки новых памятников этой культуры, представленных в основном поселениями [2]. Вся источниковедческая база, на основе которой делались выводы по тем или иным вопросам истории племен бондарихинской культуры, состояла из материалов, добытых при небольших раскопках семи поселений и в ходе разведочных работ, чего явно недостаточно для объективных и широких научных построений. Большим пробелом было и отсутствие сведений о погребениях.

В 1975 г. во время разведок в Змиевском р-не Харьковской обл. нам удалось обнаружить грунтовой могильник бондарихинской культуры. Он расположен в урочище Шпыли на северо-западной окраине большого песчаного возвышения в пойме левого берега Мжи, между селами Тимченки и Миргороды, и удален от соседнего поселения бондарихинского типа на 5—30 *м*. Внешних признаков могильника на поверхности возвышения замечено не было, и только в одном месте выделялось небольшое зольное пятно на фоне светло-серого песка. В заложенном в этом месте раскопе (3×5 *м*) были выявлены и вскрыты 14 ям, 8 из которых содержали трупосожжения (рис. 1). Учитывая важность этого памятника, приведем описание погребений.

Погребение 1. Могильная яма диаметром 0,6 *м* и глубиной 0,6 *м* (здесь и далее глубина дается от уровня современной поверхности). Ее контуры, как и всех остальных, появились на глубине 0,3 *м*. В верхней части ямы, в центре, вместе с остатками погребального костра (древесными угольками, обожженными комками песка) ровным слоем толщиной 5 *см* лежали мелкие пережженные обломки человеческих костей, в том числе трубчатые, черепные и зуб. Всего же в погребении было более 60 обломков костей. На дне погребальной ямы лежал крупный обломок венчика довольно большого горшка, орнаментированного по шейке глад-

---

[1] *Б. А. Шрамко.* Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца. КСИИМК, 1954, 54, стр. 105—115; *его же.* Новые памятники предскифского времени на Северном Донце. КСИИМК, 1957, 67, стр. 17—27; *В. А. Іллінська.* Нові дані про пам'ятки епохи бронзи в лівобережному лісостепу. Археологія, 1957, 10, стор. 50—64; *Д. Я. Телегін.* Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці (1950—1951 рр.). АП, 1956, 6, стор. 75—84.

[2] *А. Ф. Евминова.* Поселения поздней бронзы верхнего течения р. Ворсклы. КСИА АН СССР, 1961, 11, стр. 84—86; *Г. Т. Ковпаненко.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967, стор. 31; *В. А. Ильинская.* Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскола. КСИА АН СССР, 1959, 8, стр. 80—84; *ее же.* Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры. СА, 1969, 2, стр. 85—101; *Б. А. Шрамко.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 119—129.

ким налепным валиком (рис. 2, *10*). На внутренней верхней стороне этого фрагмента есть следы закопченности.

Погребение 2. Яма круглая, диаметром 0,4 *м*, глубиной 0,5 *м*. На дне были рассыпаны обломки пережженных костей, накрытых тремя фрагментами от разных сосудов. От одного сосуда сохранился венчик диаметром 17,5 *см*, украшенный под самым краем гладким налепным валиком и неровным рядом ямок, нанесенных концом косо поставленной палочки (рис. 2, *2*). Два других сосуда представлены небольшими обломками стенок. Рядом с остатками сожжения находились кусок песчаника

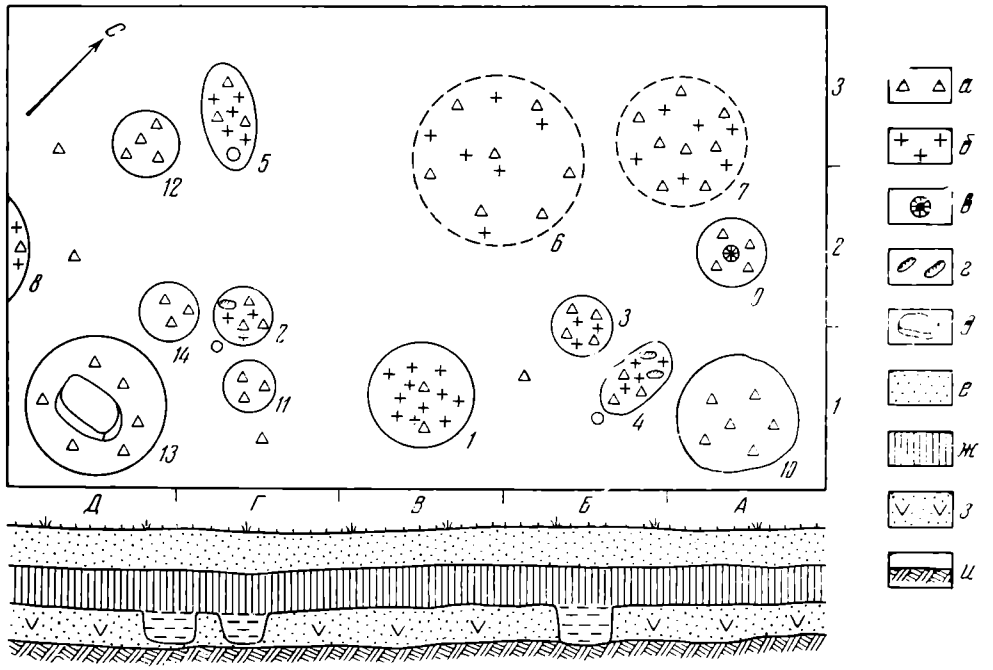


Рис. 1. План и разрез раскопа на мог. у с. Тимченки: *а* — керамика, *б* — кости, *в* — деревянный столб, *г* — песчаник, *д* — зернотерка, *е* — песок, *ж* — слой черного песка, *з* — погребенная почва, *и* — материк

и кусок обожженной глины с большой примесью песка, напоминающий «хлебец». Среди костей, которые не были очищены от остатков кострища, удается выделить кости черепа, трубчатые и зуб. Рядом с погребальной ямой замечена еще одна ямка диаметром 0,15 *м* и глубиной 0,6 *м*. В ее заполнении встречались остатки деревянного столба.

Погребение 3. Яма круглая в плане, диаметром 0,3 *м*, глубиной 0,5 *м*. Остатки сожжений лежали на дне ямы и представлены сильно измельченными кальцинированными косточками (21 шт.). Три фрагмента от разных сосудов располагались над прахом, но были отделены от него прослойкой земли толщиной 5 *см*. Один фрагмент принадлежит горшку с невысоким плавно отогнутым венчиком и орнаментирован под краем гладким налепным валиком и рядом палочных вдавлений (рис. 2, *3*). Как и в погр. 2, два других обломка представлены стенками сосудов.

Погребение 4. Яма овальной формы размерами 0,4×0,3 *м* была ориентирована с севера на юг. На дне ямы на глубине 0,6 *м* находились остатки кремации, перекрытые восьмью фрагментами от трех разных сосудов. Один фрагмент венчика украшен гладким налепным валиком, остальные фрагменты представлены стенками сосудов, из которых одна украшена оттисками конца палочки. Рядом с остатками праха лежали два кусочка мелкозернистого песчаника и два куска обожженной земли.

С южной стороны, в 5 *см* от погребальной ямы, находилась ямка диаметром 0,1 *м* и глубиной 0,65 *м*.

Погребение 5. Яма овальной формы, размерами 0,7×0,3 *м*, глубиной 0,6 *м*, ориентирована по линии СЗ — ЮВ. На дне ямы обнаружено скопление пережженных человеческих костей (около 50 шт.) вперемешку с остатками погребального костра, перекрытые 11 обломками от двух сосудов. Из них три стенки относятся к обычному сосуду, а девять других — к сосуду баночной формы с пальцевыми вдавлениями по венчику, изготовленному из земли с добавкой кварцевого песка. Этот сосуд обожжен, но

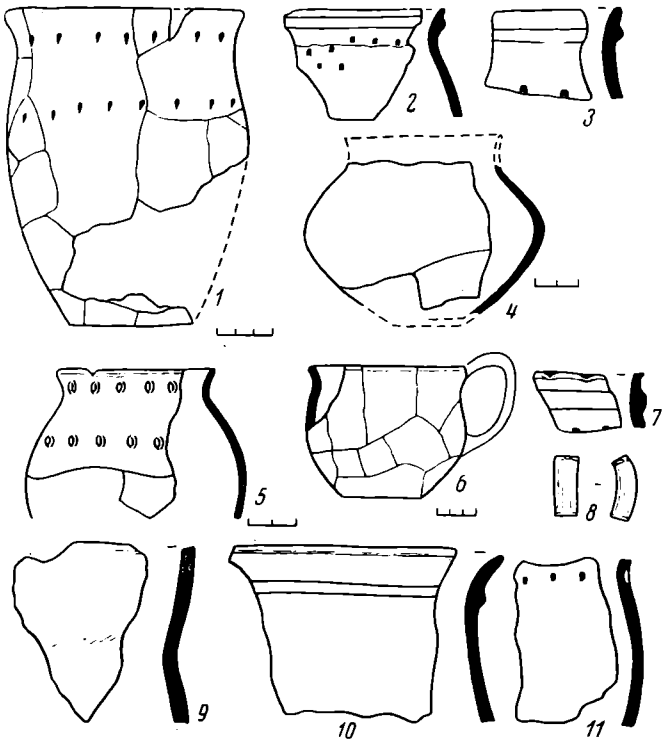


Рис. 2. Керамика из погребений и ям с остатками тризн

хрупок и для обычного употребления непригоден. Среди костей можно выделить трубчатые, обломок нижней челюсти и осколки пяти человеческих зубов. В юго-восточной части дна ямы замечено углубление диаметром 0,15 *м* и глубиной от поверхности дна 0,1 *м*.

Погребение 6. Контуры ямы не прослеживались, но в квадрате Б-В/2—3 на глубине 0,3 *м* были разбросаны восемь фрагментов от четырех сосудов и пять мелких обожженных костей, что указывает, очевидно, на следы разрушенного погребения.

Погребение 7. По всем признакам оно аналогично предыдущему и расположено рядом в квадрате А-Б/2—3. Найдено шесть мелких кальцинированных косточек и восемь фрагментов от разных сосудов. Особенно интересен фрагмент сосуда с высоким отогнутым венчиком диаметром 10 *см* и несколько загнутым вовнутрь краем (рис. 2, *9*).

Погребение 8. В пределы раскопа попала только часть погребальной ямы. Профиль на стенке раскопа указывает на диаметр ямы — около 0,4 *м*, которая имеет усеченно-коническую форму. Дно ямы фиксируется на глубине 0,7 *м*, где был найден фрагментированный кружковидный черпак и несколько кальцинированных костей. Кружка имеет слабо отогнутый венчик и слегка округлый корпус. Ручка отбита, но, судя по характеру излома, она была петельчатой и, очевидно, поднималась над венчиком. Высота черпака 9,0 *см*, диаметр венчика 9,5, корпуса — 9,6, дна — 6,0 *см* (рис. 2, *6*).

Исходя из этих данных, можно наметить характерные особенности погребального обряда бондарихинских племен. На могильнике у с. Тимченки представлен обряд трупосожжения на стороне с последующим захоронением остатков праха в небольших грунтовых ямах круглой или овальной в плане формы. Место сожжения находилось, очевидно, рядом с могильником, предположительно, к югу от него на более возвышенном участке дюны, где после распашки замечено насыщенное древесным углем и золой пятно, напоминающее овал размерами 3×4 *м*. В этом месте удалось обнаружить два обожженных куска мелкозернистого песчаника и два фрагмента лепного горшка бондарихинского типа.

Количество костей в погребениях обычно невелико, но колебания бывают довольно резкими — от 5—6 до 60—70 обломков. В таком случае можно предположить, что в отдельных случаях в яме был захоронен не весь прах, а только его часть. Не исключено также, что в некоторых могилах помещено парное захоронение. Все кости очень раздроблены, хрупки, имеют острые сколы, часто спекшиеся, и не очищены от следов погребального костра. Такое их состояние указывает на то, что прогоревший костер заливался водой для быстрого охлаждения [3]. Об этом же может свидетельствовать близость могильника и предполагаемого места сожжения к водоемам.

Остатки праха помещались на дне погребальной ямы, перекрывались сверху обломками от трех-четырех и более сосудов. Исключение составляет лишь погр. 1, где остатки сожжения были помещены не на дне, а в верхней части ямы, над уже засыпанными крупным обломком горшка.

Характерной чертой погребального обряда этого бондарихинского могильника является преднамеренное разбивание сосудов; в яму бросали только часть черепков. С определенным ритуалом в погребальном обряде можно связать положение кусков песчаника, глиняного «хлебца» и фрагментов земляного сосуда в некоторых погребениях. Обращает на себя внимание и такая деталь, как отсутствие следов действия огня на обломках погребальных сосудов, что свидетельствует о сжигании умерших без этих вещей.

Несмотря на то что на могильнике наблюдается значительная густота погребений, случаи перекрывания одного погребения другим пока не отмечены. Это обстоятельство дает нам возможность утверждать наличие внешних признаков отдельных могил. Это тем более возможно, что рядом с погр. 2 и 4 находились ямки от вбитых деревянных столбиков. Углубление в виде ямки от столба в дне погребальной ямы 5, очевидно, свидетельствует о том же. Такие ямки и следы сожженных столбов прослежены на могильниках позднего бронзового века лебедовского типа [4] и биллендорфской группы лужицкой культуры [5]. В раннем железном веке подобное явление отмечено на могильниках милоградской и подгорцевской культур [6]. О существовании индивидуальных внешних признаков могил свидетельствует и стратиграфия могильника. После серого надувного песка мощностью до 0,15 *м* идет черный песок с включениями остатков погребального костра, в основании которого и прослеживаются контуры погребальных ям. Его мощность равна предыдущей. Этот второй слой отделен от материкового песка слоем погребенной почвы в виде светло-коричневого песка толщиной 0,2 *м*, через который врезаются могильные ямы (рис. 1). Образование второго слоя, как нам представляет-

---

[3] *Г. Ф. Никитина.* Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н. э.— первой половине I тыс. н. э. Сб. «Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э.». М., 1974, стр. 60.

[4] *О. Н. Мельниковская.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 43.

[5] *Ditmar-Wilfrid Buck.* Sidlung und Gräberfeld der Lausitzer Kultur von Neuendorf, Kr. Cottbus — Land.— AUF, Bd 20, Ht 3, 1975, S. 139.

[6] *О. Н. Мельниковская.* Ук. соч., стр. 43.

ся, было связано с развеиванием небольших насыпей над каждым погребением, состоящих из песка, взятого с места сожжения.

Кроме описанных выше погребений на территории могильника было вскрыто еще шесть ям без следов захоронений. Все они круглые, диаметр колеблется от 0,3 до 0,8 *м*, глубина составляет 0,6—0,7 *м*. На дне найдены отдельные обломки от кухонной посуды и корчаг, не имеющие следов вторичного обжига. Своеобразно выглядит яма 9, в центре которой был вкопан обгорелый деревянный столб, касающийся своим основанием девяти обломков от трех сосудов, лежавших на дне. По количеству находок выделяется и яма 14 диаметром 0,8 и глубиной 0,7 *м*. На дне ее находились обломки от пяти сосудов (рис. 2, *1*, *4*, *5*), между которыми лежала на ребре кварцитовая зернотерка. Основная масса фрагментов принадлежала сосуду тюльпановидной формы, украшенному по шейке и плечам горизонтальными рядами палочных вдавлений (рис. 2, *1*). Остальные обломки относятся к горшку, имеющему суженную шейку и шаровидный корпус (рис. 2, *5*), и сосуду с раздутым корпусом, напоминающему небольшие раннечернолесские корчаги (рис. 2, *4*). Его поверхность хорошо заглажена. Форму остальных сосудов установить невозможно. Зернотерка была прямоугольной формы с закругленными краями, размерами 31×20×10 *см*. Рабочая поверхность не имеет следов ее употребления в мукомольном процессе. Грубо оббитые боковые грани, нижняя часть и отколотая в одном месте боковина могут указывать на ритуальные цели ее изготовления.

В отличие от погребений более крупные фрагменты посуды содержатся и в яме 13. Здесь в основном были обломки сосудов с хорошо заглаженной поверхностью. Выделяются фрагменты корчаги, сходной с корчагой из ямы 14.

Вопрос об интерпретации подобных ям с разбитыми сосудами без следов захоронений на территории грунтовых могильников окончательно не решен. Они имеют довольно широкое распространение в культурах различных времен в Европе и встречаются на этой территории уже в эпоху неолита [7]. Польские археологи, изучающие лужицкую культуру, склонны считать ямы без следов захоронений погребениями особого типа [8]. В то же время немецкие специалисты считают их «местами жертвоприношений» [9]. На территории Восточной Европы подобные ямы отмечены на могильнике позднесрубной культуры у с. Компанийцы X — начала VIII в. до н. э. [10] и могильниках милоградской и подгорцевской культур раннего железного века [11]. О. Н. Мельниковская считает ямы без остатков захоронений следами тризны [12], а Е. В. Махно и И. М. Шарафутдинова, опубликовавшие материалы позднесрубного могильника у хут. Компанийцы, относят их к категории погребений [13].

По некоторым особенностям ямы без следов захоронений, раскопанные на территории могильника у с. Тимченки, можно связать с совершением ритуальных действий, которые условно можно назвать тризнами. Все эти ямы, как правило, расположены вблизи погребений и, очевидно, связаны с ними. В отличие от погребений в этих ямах ритуально разбитые сосуды представлены более крупными фрагментами и в большем количестве. Нет рядом с ними и следов от вбитых деревянных столбов. Исключение составляет в этом отношении яма 9, в центр которой был вкопан обгорелый столб, что может указывать на ритуальное погребение — кенотаф.

---

[7] *Г. Ф. Никитина.* Ук. соч., стр. 49.

[8] Там же, стр. 12, 13, 16, 19, 20, 48, 49 и др.

[9] *Ditmar-Wilfrid Buck.* Op. cit., S. 139.

[10] *Е. В. Махно, І. М. Шарафутдінова.* Могильник епохи пізньої бронзи поблизу хутора Компанійці на Дніпрі. Археологія, 1972, 6, стор. 73.

[11] *О. Н. Мельниковская.* Ук. соч., стр. 47, 48.

[12] Там же.

[13] *Е. В. Махно, І. М. Шарафутдінова.* Ук. соч., стр. 73.

Четко датирующих предметов в погребениях пока не найдено, но их керамический комплекс позволяет наметить датировку всего могильника. При описании погребального инвентаря было отмечено, что кухонные горшки часто украшались под краем венчика гладким налепным валиком в комбинации с палочными вдавлениями под ним. Эта особенность наблюдается и на соседнем поселении, где валиковый орнамент достигает 30% от общего количества найденных здесь фрагментов (рис. 3, *1, 3, 5, 8, 11*). Отсутствует на посуде поздняя орнаментация в виде зубчатого

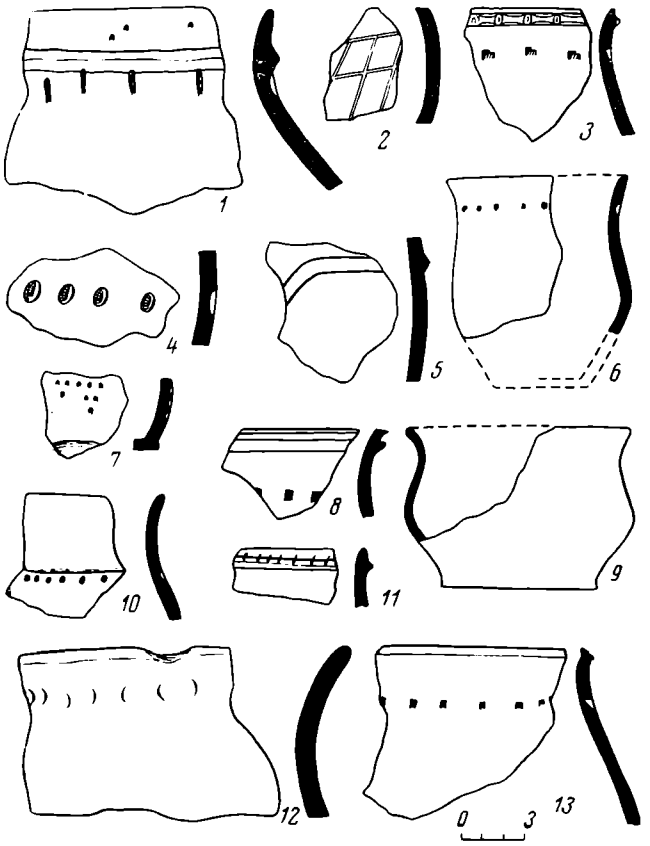


Рис. 3. Керамика, собранная на территории поселения у с. Тимченки

штампа и сквозных проколов, характерная для поселений конца IX—VIII в. до н. э. В целом керамический комплекс поселения находит ближайшее сходство с комплексом, выявленным в ур. Бондариха, который датируется В. А. Ильинской X—IX вв. до н. э.[14] Приблизительно этим же временем датируется поселение и могильник у с. Тимченки. В пользу такой датировки говорят горшок тюльпановидной формы из ямы 14 и кружковидный черпак из погр. 8. Сходные тюльпановидные сосуды встречаются в белогрудовской культуре[15]. Тимченковский кружковидный черпак находит близкие аналогии в раннечернолесской культуре[16]. Обломки двух корчаг с раздутым корпусом, найденные в ямах 13, 14, напоминают раннечернолесские корчаги Субботовского городища[17] и подобные им сосуды, происходящие из позднесрубных погребений белозерского

[14] *В. А. Іллінська.* Ук. соч., стр. 57.

[15] *С. С. Березанська.* Кераміка білогрудівської культури (за матеріалами разкопок біля с. Собківка). Археологія, 1964, 16, стор. 52, рис. 4, *5*.

[16] *А. И. Тереножкин.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 59, рис. 32, *4*.

[17] Там же, стр. 61, рис. 35, *1—6*.

этапа степной зоны (кург. 3 у с. Суклеи, кург. 50, погр. 3 у с. Любимовки на Херсонщине, курган у с. Сурская Забора) [18].

Грунтовой могильник с трупосожжениями у с. Тимченки не единственный. Следы двух других могильников бондарихинской культуры обнаружил И. Ф. Левицкий у ст. Основа еще в 1946 г. во время разведок в Харькове и на его окраинах [19]. В начале 50-х годов их обследовал Б. А. Шрамко [20]. Один из них был расположен на песчаной дюне высотой 1,5 *м*, примыкавшей к заболоченной низменности. Недалеко от него расположено и поселение бондарихинской культуры (пункт № 3). И. Ф. Левицкий расчистил остатки двух погребений. Из составленного им описания видно, что пережженные человеческие кости из погр. 1 лежали кучкой. В центре этого скопления (его диаметр 0,5 *м*) остатков сожжения находились фрагменты раздавленного сосуда. Ниже, в слое белого песка, в конической яме диаметром 0,34 *м* была найдена его нижняя часть. На дне ямы были сложены крупные обломки пережженных костей. Погребение 2 находилось на расстоянии 5 *м* от первого и представлено несколькими фрагментами сосудов и мелкими кальцинированными костями [21].

Второй могильник расположен в сходных топографических условиях, на южной окраине ст. Основа. На развеянной поверхности выделялись скопления фрагментов сосудов и пережженных костей на расстоянии 4—7 *м* и более друг от друга [22].

И. Ф. Левицкий отнес эти памятники к эпохе поздней бронзы и считает их могильниками с урновыми захоронениями [23]. Думается, что и в этом случае мы имеем, скорее всего, дело с безурновыми погребениями, подобными тимченковским.

Описывая керамику, найденную на могильнике у ст. Основа, И. Ф. Левицкий отмечал палочные вдавления как характерную особенность ее орнаментации. Аналогичную керамику он относит к «типу Безлюдовки» [24]. Просмотр материалов из поселения у с. Безлюдовки (ур. Ващенков Бор) на р. Уды под Харьковом [25] и поселения у г. Мерефы (ур. Подол), где Левицкий отмечает керамику «типа Безлюдовки» [26], убеждает нас в бондарихинской принадлежности этой керамики и могильников у ст. Основа.

Список погребальных памятников бондарихинской культуры можно увеличить, пересмотрев культурную принадлежность некоторых других погребений, обнаруженных на территории ее распространения. В первую очередь это касается погребения VIII — начала VII в. до н. э. у с. Бутенки Кобелякского р-на Полтавской обл. Оно было обнаружено случайно во время строительных работ [27]. Описание погребения по Г. Т. Ковпаненко следующее. На глубине 0,4 *м* от поверхности был обнаружен дубовый полуистлевший столб высотой 0,6—0,7 *м* и диаметром 0,15 *м*. Непосредственно под этим столбом вместе с пережженными костями лежали кучкой 6 бронзовых удил, 12 псалиев, 2 больших кольца с подвесками,

---

[18] *В. А. Ильинская.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975 стр. 138, рис. 18, *4—6*.

[19] *І. Ф. Левицький.* Археологічні дослідження на території м. Харківа та в його околицях в 1946 р. (короткий звіт). Харків, 1946, стор. 5, 19. Архив ХИМ.

[20] *Б. А. Шрамко.* Дневник разведок на территории Харьковской области в 1950 г. Архив АМ ХГУ.

[21] *І. Ф. Левицький.* Ук. соч., стр. 5.

[22] Там же, стр. 19.

[23] Там же, стр. 5, 19.

[24] Там же.

[25] Раскопки И. Ф. Левицкого в 1939 г. Фонды сожженного Харьковского истор. музея, инв. № ИК-6/1-28.

[26] *И. Ф. Левицкий.* Мерефянское поселение. Харьков, 1950. Архив ИА АН УССР, фонд экспедиции № 1051. Альбом к отчету, табл. XXV, *1*; XXX, 2; XXXIII, *1, 2*; XXXV, *1*.

[27] *Г. Т. Ковпаненко.* Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы. КСИА АН СССР, 1962, 1, стр. 66.

8 круглых бронзовых блях, около 30 бронзовых наконечников стрел, 2 железных наконечника копий с отверстиями в основании пера и 2 браслета «чернолесского» типа [28]. На основании таких признаков, как бескурганный обряд трупосожжения и браслеты «чернолесского» типа Г. Т. Ковпаненко отнесла этот памятник к чернолесской культуре, видя в нем еще одно подтверждение переселения в бассейн Ворсклы в предскифский период части населения из правобережья [29]. Нам представляется это иначе. Здесь следует обратить внимание не просто на вид погребального обряда, сходного, впрочем, и с бондарихинским, а на его детали, которые в существенной мере определяют культурную принадлежность [30]. К ним относятся наличие внешнего ориентира (вкопанный в центр погребальной ямы столб) и отсутствие следов пребывания инвентаря в погребальном костре. Именно эти детали характеризуют бондарихинский погребальный обряд (яма 9, кенотаф) и не отмечены ни для одного погребения чернолесской культуры. А. И. Тереножкин отмечал, что все браслеты из чернолесских погребений имеют следы пребывания в погребальном костре [31], в то время как браслеты из Бутенок, да и остальные вещи действию огня не подвергались. Надо заметить, что эти браслеты из описываемого погребения являются лишь подражанием чернолесским образцам, на что указывает и Г. Т. Ковпаненко [32]. Браслеты этого типа известны пока только на территории Днепровского левобережья, т. е. в области распространения бондарихинской культуры. Что касается переселения выходцев из правобережья в предскифский период в бассейн Ворсклы, то в настоящее время этот взгляд подвергается серьезной критике [33]. Все сказанное позволяет нам отнести погребение у с. Бутенки к бондарихинской культуре.

В число вероятных бондарихинских погребальных памятников можно отнести и погребение с трупосожжением на территории поселения в ур. Бондариха [34]. К сожалению, отсутствие погребального инвентаря и многослойность поселения затрудняют бесспорное определение его культурной принадлежности.

Все имеющиеся данные о погребальном обряде бондарихинских племен указывают на то, что обряд трупосожжения и безурновые захоронения праха в грунтовых могильниках были распространены на значительной (если не на всей) территории и на протяжении всего периода существования бондарихинской культуры. Новые исследования, безусловно, расширят и уточнят наши представления об этом важном историческом источнике.

You. V. Bouinov

LE RITE FUNERAIRE DES TRIBUS PORTEUSES DE LA CULTURE DE BONDARIKHA

Résumé

Dans cet article on donne pour la première fois une description du rite funéraire des tribus porteuses de la culture de Bondarikha, basée sur les pièces découvertes au cours des fouilles de 1975, ainsi que des précisions et une nouvelle étude concernant quelques

[28] Там же, стр. 70.

[29] Там же, стр. 71; *Г. Т. Ковпаненко.* Племена скіфського часу..., стор. 15, 23, 33, 35, 173.

[30] *Г. Ф. Никитина.* Ук. соч., стр. 81.

[31] *А. И. Тереножкин.* Ук. соч., стр. 43, 44.

[32] *Г. Т. Ковпаненко.* Погребение VIII—VII вв. до н. э..., стр. 70.

[33] *Б. А. Шрамко.* Похождения племен раннього залізного віку на території лісостепового лівобережжя України. Сб. «Питання історії народів СРСР». Харків, 1972, стор. 154—161.

[34] *Д. Я. Телегин.* Находки раннеславянского времени на Северном Донце. КСИИМК, 1957, 68, стр. 130, 131.

autres monuments funéraires. Dans un champ d'inhumation aux tombes souterraines, situé près du village de Timtchenki (district de Zmiev, région de Kharkov), on a mis au jour huit sépultures et six fosses possédant des restes de repas funèbre. Le rite funéraire de ce cimetière est caractérisé par l'incinération effectuée non sur le lieu de la tombe, et l'enfouissement des restes de la dépouille mortelle mêlés aux débris du bûcher dans de petites fosses pratiquées en pleine terre. Le mobilier funéraire est représenté par des fragments de vases brisés rituellement, qui, en général, recouvraient le corps incinéré. A côté de quelques sépultures on peut remarquer des trous de poteaux, ce qui prouve qu'il existait certaines constructions à la surface du sol. La ressemblance qui existe entre l'ensemble céramique de ce cimetière et les pièces recueillies à Bondarikha, ainsi que la présence de vases du plus ancien type de Tchernoless nous permettent de dater ce lieu de sépulture du Xe ou du IXe av. n. è. On peut attribuer à la culture de Bondarikha deux champs funéraires à Osnova (banlieue de Kharkov), des sépultures près du village de Boutenki et de Bondarikha.

И. А. БАБАЕВ

ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I В. ДО Н. Э.— I В. Н. Э. НА ГОРОДИЩЕ КАБАЛА

Вопросы истории и культуры Кавказской Албании, одного из древнейших государственных образований, возникшего на рубеже IV—III вв. до н. э. на территории нашей страны, все больше и больше в последние годы привлекают внимание исследователей.

Археологические раскопки, проводимые на территории Азербайджанской ССР и Дагестанской АССР, внесли много нового в изучение ранних этапов истории Кавказской Албании. В этом отношении большое значение имеют раскопки, проводимые на античных городищах Албании [1]. При раскопках этих городищ наряду со многими другими ценными находками выявлены остатки различных по величине и назначению сооружений, которые позволяют осветить некоторые социально-экономические вопросы истории Албании, а также ее строительное искусство.

Выразительные результаты в этом отношении дали раскопки, проведенные с 1967 г. на античном городище Кабала [2]. Строительными остатками насыщены все горизонты культурного слоя, охватывающего период с конца IV в. до н. э. до II в. н. э., этого главного, по-видимому столичного, города Кавказской Албании на ранних этапах ее существования [3]. Остатки принадлежат различным по времени, технике строительства и назначению зданиям. Среди них особый интерес представляют остатки внушительного по величине здания, выявленные в самом верхнем строительном горизонте городища.

Жизнь здесь прекратилась в конце I или начале II в. н. э. и больше не возобновлялась. Остатки здания (многочисленные обломки кровельной черепицы и две каменные базы колонн) были обнаружены в 1959 г. местными жителями. Небольшие разведочные работы, проведенные здесь, не позволили установить планировку, назначение и датировку здания [4].

Основательные раскопки на этом месте были начаты в 1967 г. С целью выяснения планировки здания приходилось неоднократно расширять площадь раскопа [5]. При раскопках выяснилось, что в 1959 г. большая часть

[1] *Дж. А. Халилов, И. А. Бабаев.* О городах древней Кавказской Албании. СА, 1974, 4, стр. 98—108.

[2] Краткие сообщения об этих раскопках ежегодно публиковались в сборниках «Археологические открытия в СССР». Некоторые результаты раскопок освещены также в ряде обобщающих статей.

[3] *И. А. Бабаев.* Античная черепица Кавказской Албании. СА, 1974, 2, стр. 49; *Дж. А. Халилов, И. А. Бабаев.* Ук. соч., стр. 100.

[4] На основе сравнения кабалинских баз колонн с подобными находками из Двина думалось, что они относятся к IV—VII вв. н. э. и принадлежат храму. См. *С. М. Казиев.* Историко-археологическое обследование городища Кабала (на азерб. яз.). МКА, V, Баку, 1964, стр. 23.

[5] *И. А. Бабаев.* Некоторые итоги археологического изучения общественного здания на городище Кабала. Итоги полевых археологических и этнографических исследований за 1972 г. в Азербайджанской ССР. Тезисы. Баку, 1973, стр. 13 сл.; *Дж. А. Халилов, И. А. Бабаев.* Ук. соч., стр. 101.

остатков здания была подвергнута сильному разрушению. В некоторых местах стены были разрушены до основания. Лишь в западной части здания стены сохранились до высоты 0,5 *м*.

В результате раскопок установлено, что здание состояло из довольно просторных залов, вестибюлей, подсобных помещений и коридоров. Общая площадь комплекса, протянувшегося с востока на запад, составляет более 580 *м*^{2}. При строительстве здания сначала выровняли остатки предыдущих сооружений, площадку вымостили сырцовыми кирпичами. Это, вероятно, сделано во избежание неравномерной осадки здания. Для вымостки платформы и кладки стен употребляли продолговатые сырцовые кирпичи (18×40×13 *см* или 18—20×44—45×13 *см*). Стены повсеместно имеют толщину 2,1 *м*.

Комплекс был разделен на две части — западную и восточную. Каждая имеет самостоятельный вход. Вход в западную часть расположен с юга, а в восточную — с востока [6].

Западная половина здания состоит из вестибюля (90 *м*^{2}), зала (56 *м*^{2}), коридора (длина 11, ширина 2 *м*) перед залом и двух сравнительно небольших крайних западных помещений (по 36 *м*^{2}). Общая площадь помещений этой части здания — 240 *м*^{2}. Между западной и восточной половинами здания нет дверного проема, и, таким образом, они изолированы, хотя имеют общую стену и построены одновременно.

Помещения восточной половины комплекса занимают более просторную площадь. Здесь имеются вестибюль (около 117 *м*^{2}), коридор (длина 11, ширина 2 *м*) и два зала (118 и 87 *м*^{2}). Общая площадь всех помещений восточной половины комплекса составляет около 344 *м*^{2} (рис. 1). На полу помещений был слой толщиной 0,4—0,5 *м*, состоящий из фрагментов черепиц, рухнувших с кровли. Полы под черепицами были покрыты тонким слоем пепла и угля. После расчистки выяснилось, что полы поверх настила из одного слоя сырцового кирпича обмазаны тонким слоем глины. Стены оштукатурены хорошо отмученной глиной. Толщина штукатурки 3 *см*. Однако, поскольку остатки стены имеют незначительную высоту и сильно попорчены, невозможно установить, как они были окрашены.

Здание погибло в результате пожара, и при этом полы и стены в некоторых местах под действием огня приобрели кирпично-красный цвет. На отдельных участках под слоем черепицы сохранились остатки довольно крупных кусков угля от сгоревших деревянных стропил.

С юга вход шириной 5,2 *м* ведет в просторный вестибюль площадью около 90 *м*^{2}. В северной части вестибюля на расстоянии 3,5 *м* от северной и 4,25 *м* от западной и восточной стен лежал плоский прямоугольный тесаный камень-известняк размерами 0,4×0,5 *м*. Его верхняя поверхность находится на уровне пола. Камень, по-видимому, выполнял функцию базы колонны. В юго-западном углу вестибюля, сразу после наружного входа, расположен вход шириной 1,8 *м*, ведущий в узкий коридор, протянувшийся в западном направлении. У входа в коридор слева расположена печь, имеющая две камеры. Печь, видимо, была предназначена как для отопления, так и для приготовления пищи. Обе камеры печи круглые в плане. Днища их расположены на разных уровнях. Одна из камер больше другой. Она имеет ровные круглые очертания и сохранилась до высоты 0,5 *м*. Диаметр этой части 0,85 *м*. Ее ровные стенки от интенсивного огня приобрели кирпично-красный цвет. Камера до половины была заполнена золой и углем. Другая, меньшая по размерам камера соединялась с первой небольшим переходом длиной 0,3 *м*. Дно этой камеры расположено на 0,15 *м* выше дна первой, и поэтому проход имеет наклон в сторону дна

---

[6] *И. А. Бабаев.* Раскопки городища и могильника Кабалы. АО—1971, М., 1972, стр. 485.

большой камеры. Маленькая камера не совсем круглая. Ее диаметр 0,3 *м*. В этой камере и в проходе находились растрескавшиеся от жары камни. Эта двухкамерная печь-очаг под прямым углом обложена сырцовыми кирпичами и как будто была помещена внутри стены. Несомненно, печь была так сооружена до определенной высоты, а выше имела дымоход. По литературе нам известны двухкамерные очаги из античных памятников Средней Азии (Кюзели-гыр) [7] и Дагестана (Макинское поселение) [8], имеющие несколько иные очертания.

Рядом с печью расположен вход в коридор (длина 11, ширина 2 *м*). Чтобы несколько сузить вход в коридор, конец стены между залом и вестибюлем удлинили на 0,2 *м* вовнутрь коридора, и таким образом образовался вход шириной 1,8 *м*. К северу от этого коридора расположен зал площадью 56 $м^2$. Дверной проем из коридора в зал имеет ширину 1,4 *м*. Он расположен в юго-западном углу зала. Расстояние между северной и южной стенами зала 7 *м*, а между западной и восточной — 8 *м*. В средней части зала на полу, на расстоянии 2 *м* от восточной и западной стен, были поставлены две базы колонн. Эти торовидные базы высечены из монолитной глыбы плотного ракушечника. Квадратный двухступенчатый плинт сверху в середине завершается округлым тором. В средней части базы имеется круглое углубление диаметром 26—27, глубиной 3—4 *см*. Верх тора плоский. Высота этих баз 0,5 *м*, длина сторон плинта 68 *см*. На высоте 28 *см* уступ, имеющий ширину и высоту 3 *см*. Высота округлой с боков верхней части 19 *см* (рис. 2). На этих базах были поставлены деревянные колонны, и при этом, чтобы колонна стояла прочно, ее шип вдевали в круглое углубление базы (рис. 3). По верхней плоскости базы можно установить, что диаметр колонн в этом зале был 40—45 *см*.

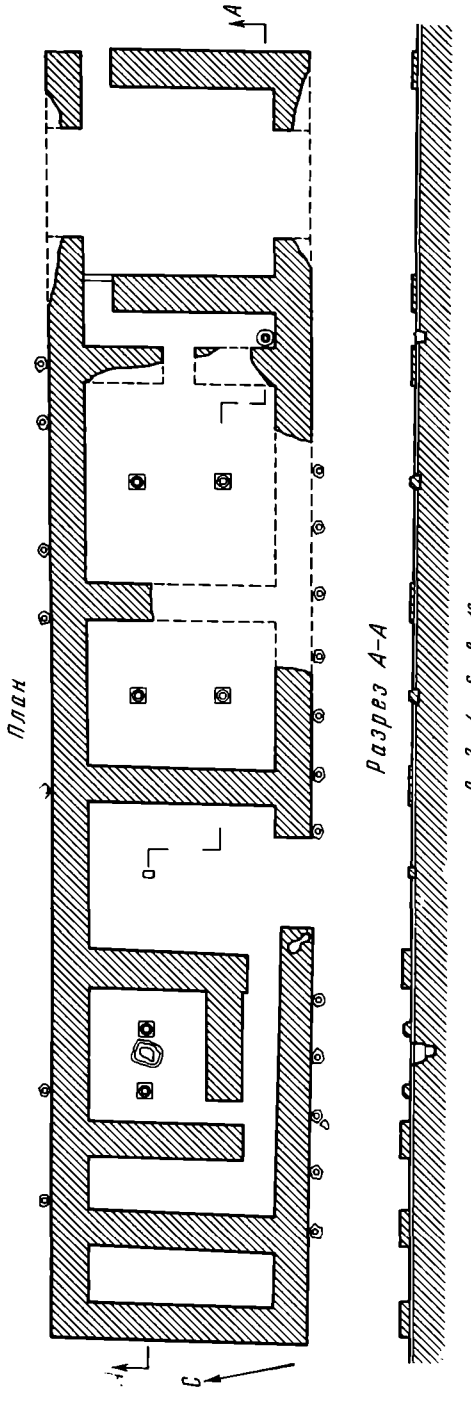


Рис. 1. План и разрез остатков общественного здания

Между базами колонн, ближе к восточной из них, при раскопках вскрыта прямоугольная в плане яма размерами 1,48×1,9 *м*. Яма при раз-

[7] *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 99, рис. на стр. 101.

[8] *Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1967, стр. 11; *М. И. Пикуль.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 81 сл.

рушении здания была заполнена обломками черепиц, рухнувших с кровли. Вероятно, яма была покрыта деревянными досками, так как при пожаре края стенки ямы и пол зала вокруг нее от огня приобрели красный цвет. Яма углублена до 0,9 *м*, а восточная часть ее еще на 0,6 *м*. Стенки этого вторичного углубления были неровными и имели неравномерно округлое очертание. Дно углубления также было неровным. На дне ямы обнаружено несколько булыжников средней величины. На восточной стенке сохранился след шириной 10 *см* вертикально поставленной прямоугольно тесанной деревянной стойки. Назначение ямы неясное.

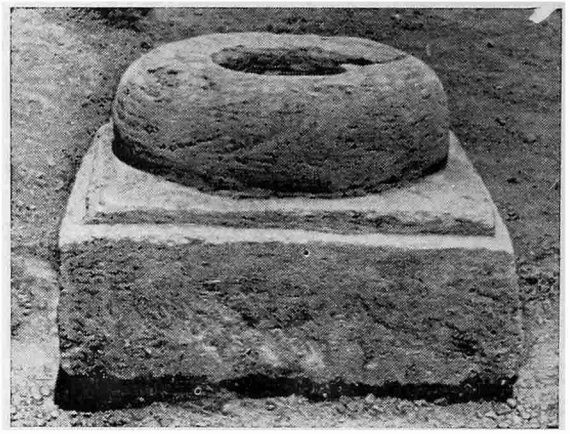


Рис. 2. База колонны

Узкий коридор, расположенный перед залом, ведет к западу в сравнительно небольшие помещения. Здесь имеются два помещения одинаковой величины, протянувшиеся с юга на север. Вход в первое из них расположен в его юго-восточном углу и является продолжением коридора. Последний у входа не суживается. Расстояние между западной и восточной стенами этих помещений 3,2 *м*, а между северной и южной — 11 *м*. Остатки стен имеют незначительную высоту. Дверного проема не обнаружено. Полы помещений ниже слоя черепиц и сгоревших стропил были покрыты сгоревшей соломой из обуглившихся колосьев пшеницы и ячменя. По-видимому, эти помещения имели подсобное хозяйственное назначение.

Восточная половина комплекса при земляных работах в 1959 г. пострадала больше. Поэтому здесь стены, особенно северная и южная, в некоторых местах прослеживаются с трудом. Крайнее восточное помещение этой половины комплекса является вестибюлем. Расстояние между его восточной и западной стенами 10,7 *м*, а между северной и южной — 11 *м*. Таким образом, общая площадь вестибюля более 117 $м^2$. Наружный вход вестибюля расположен в северо-восточном углу. Здесь прослежен дверной проем шириной 1,75 *м*. Северная и южная стены вестибюля в средней части имеют проем шириной 6 *м*. К сожалению, наружные части этих стен сильно разрушены, вследствие чего невозможно точно установить, было ли помещение открытым в этих местах. Скорее всего здесь имелись просторные ниши. В противном случае не было бы надобности ставить наружную дверь, наличие которой установлено при раскопках.

В отличие от некоторых других помещений комплекса на полу этого вестибюля золы было больше. На некоторых участках, особенно в средней части вестибюля, толщина зольного слоя достигает 15 *см*.

Внутри вестибюля никаких баз колонн нет, хотя расстояние между стенами довольно значительное. Отсутствие колонн в этом помещении делало его более просторным.

В северо-западном углу вестибюля, против наружного дверного проема, расположен дверной проем, который, как и наружный, имеет ширину 1,75 *м*. Здесь слой древесной золы достигает толщины 15 *см*. Со стороны вестибюля на полу дверного проема сохранился обуглившийся дубовый порог, протянувшийся от одной стенки проема до другой по линии стены со стороны вестибюля. Ширина порога 30 *см*, толщина 10 *см*. Верхняя плоская поверхность его расположена на уровне пола.

Дверной проем расположен в северо-восточном углу коридора. Коридор (ширина 2, длина 11 *м*) протянулся в направлении север — юг.

В юго-восточном углу коридора зарыт в землю до плечиков большой хозяйственный сосуд (кувшин). Сохранилась лишь нижняя часть его высотой 0,6 *м*. Диаметр плоского дна сосуда 20 *см*, наибольший диаметр корпуса 1,1 *м*, толщина стенки 2,1 *см*. Кувшин, вероятно, был предназначен для хранения воды или другого напитка.

В средней части западной стены коридора расположен дверной проем, ведущий в большой зал. Часть стены, южнее дверного проема, почти полностью разрушена при земляных работах. Здесь ширина дверного проема была 1,5 *м*.

Зал, расположенный к западу от коридора,— самое большое помещение комплекса. Он занимает площадь более 118 *м*^{2}. Южная и восточная стены зала прослеживаются с трудом, и то не повсеместно. В центральной части этого зала поставлены две базы колонн, по форме точно такие же, как в зале западной половины комплекса. Но в отличие от баз колонн зала западной половины комплекса базы здесь расположены по линии север — юг и почти до ступеньки плинта зарыты в землю. Размеры баз почти по всем показателям близки размерами, описанным выше. Однако круглое углубление в центре их чуть больше (диаметр — 28, глубина — 5 *см*). Установлено, что и диаметр колонн, стоявших на этих базах, был несколько больше —52—55 *см*. Базы были поставлены на расстоянии 3 *м* от северной и южной стен и 5,7 *м* от западной и восточной.

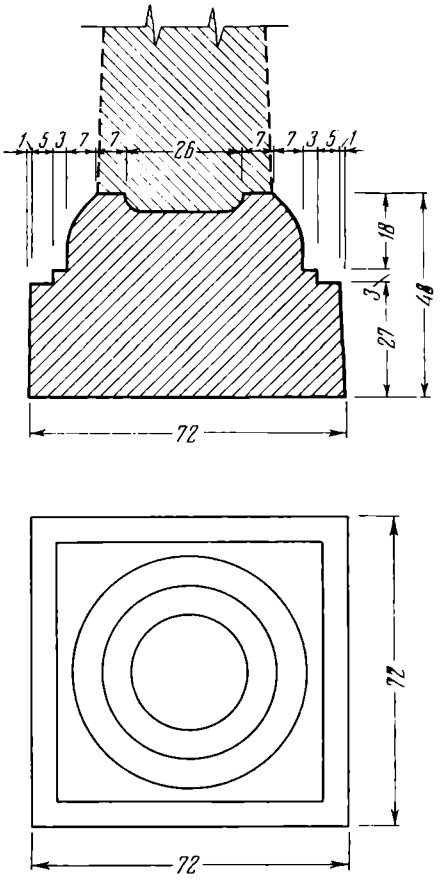


Рис. 3. План и разрез базы колонны

К западу от этого зала расположен другой зал, имеющий площадь более 87 *м*^{2}. Стены его, особенно в юго-восточной части, сильно разрушены при земляных работах, вследствие чего невозможно установить местонахождение дверного проема. По всей вероятности, вход был расположен со стороны большого восточного зала, именно там, где стены были разрушены до основания.

В центральной части зала также стояли две базы колонн (по линии север — юг). Размеры и форма их такие же, как у баз колонн предыдущего зала. Они также были частично зарыты в землю.

Таким образом, раскопанный и описанный нами комплекс имел три зала с двумя деревянными колоннами на каменных базах в центральной части.

Использование деревянных колонн в строительной технике в ахеменидскую и античную эпохи широко было распространено в Иране, Средней Азии и Закавказье. Обычно под этими колоннами ставили каменные базы различной формы, выточенные часто с высоким мастерством. Однако изредка под деревянными колоннами вместо каменной сооружали базу из обожженных кирпичей. Такие базы встречались в архитектуре Нисы. Нередко они сочетаются с каменными базами в одной и той же постройке [9].

[9] *Г. А. Пугаченкова.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. ТЮТАКЭ, VI, 1958, стр. 61.

Такие торовидные базы, как в Кабале, в античную эпоху, вероятно, и в раннем средневековье широко применялись в строительном искусстве всей Кавказской Албании и сопредельных стран. Не случайно, что помимо Кабалы они встречались в Шемахе [10], Тазакенте [11], Агдамском [12], Шамхорском. Физулинском [13] и других районах Азербайджанской ССР. Однако кабалинские базы отличаются от указанных баз колонн наличием углубления в центре. Базы, напоминающие кабалинские, использовали в сооружении крупных общественных зданий Грузии (Мцхета) [14] и Армении (Двин) [15].

Мцхетские базы, высеченные из песчаника, имеют некоторое сходство с базами колонн из Кабалы. Они состоят из квадратного плинтуса, на котором помещен валик (тор) и шейка с выемкой для колонн. Близкие по форме базы из Двина датируются более поздним временем — ранним средневековьем.

Торовидные базы, на которых стояли деревянные колонны, чрезвычайно характерны для архитектуры Средней Азии. Г. А. Пугаченкова пишет, что в бактрийской и парфянской архитектуре в связи с частыми землетрясениями предпочтение отдавали гибким системам балочных перекрытий с применением деревянных колонн на каменных базах [16].

Торовидные базы особенно часто использовали в архитектуре Нисы, Халчаяна и других памятников. Тор этих баз покоится на одинарном или уступчатом плинте. Иногда тор имеет маленькую полочку сверху. Диаметр этих баз от 30 до 90 *см* [17].

Подобные базы встречаются и в архитектуре Ирана ахеменидской эпохи [18].

Деревянные колонны в связи с характером материала суживались вверх. Иногда, чтобы древесный ствол колонны сохранился хорошо, его обмазывали глиной и белили ганчем. Так поступали при строительстве дворцово-храмового комплекса Нисы [19]. Полагают, что деревянные стволы колонн дворцового здания Калалы-гыр I, как и в сокровищнице Персеполя, были обмотаны тростником, покрыты толстым слоем обмазки и расписаны [20]. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что и в Азербайджане иногда деревянные колонны, расположенные на айванах, обмазывали ганчем, причем в некоторых случаях эти колонны обмазаны не целиком, а лишь их нижняя часть до середины [21]. Однако относительно подобных покрытий деревянных колонн кабалинского комплекса мы не располагаем никакими данными. По всей вероятности, на колоннах были поставлены капители, от которых ничего не сохранилось. Обычно капители деревянных колонн были также деревянными. Но очень редко встре-

[10] *Д. А. Халилов.* Раскопки на городище Хныслы, памятнике древней Кавказской Албании. СА, 1962, 1, стр. 210, рис. 1, 3, 5; *Дж. А. Халилов, И. А. Бабаев.* Ук. соч., стр. 104.

[11] *А. А. Иессен.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА, 125, 1965, стр. 33, рис. 15.

[12] Там же, стр. 34, рис. 16.

[13] Сведениями о находках этих баз колонн в Шамхорском и Физулинском районах я обязан Г. П. Кесаманлы и Г. С. Исмайлову, которые вели в этих районах археологические исследования и ознакомили меня со своими находками.

[14] *А. Апакидзе.* Города древней Грузии. Тбилиси, 1968, стр. 38, рис. 4, *5*.

[15] *К. Кафадарян.* Город Двин и его раскопки (на арм. яз., резюме на русск. яз.). Ереван, 1952, рис. 45 на стр. 72, рис. 94 на стр. 129.

[16] *Г. А. Пугаченкова.* К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и восточной Парфии. ВДИ, 1973, 1, стр. 121, 129.

[17] *Г. А. Пугаченкова.* Пути развития архитектуры..., стр. 62; *ее же.* Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 47.

[18] *E. Herzfeld.* Archaeological History of Iran. London, 1935, p. 44—46.

[19] Всеобщая история архитектуры, т. 1. М., 1970, стр. 351.

[20] *Ю. А. Раппапорт* и *М. С. Лапиров-Скобло.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. Материалы Хорезмской экспедиции, 6. М., 1963, стр. 148.

[21] Этим сведением я обязан этнографу, специалисту по вопросам жилищ Азербайджана М. Н. Насирли.

чаются сооружения, у которых стволы колонн были деревянными, а базы и капители каменными. Подобное редкое сочетание деревянной колонны с каменными базой и капителью встречалось в архитектуре «Колонного зала» в Мцхете [22]. При раскопках дворцового здания на городище Калалы-гыр были найдены обломки алебастровой формы для отливки орлиноголового грифона. Исследователи допускают, что капители могли быть изготовлены из алебастра в виде грифона. При этом они резонно ссылаются на грифоновидные капители Персеполя [23].

Однако капители кабалинского общественного здания, по-видимому, были деревянными, ибо каменные капители на деревянных колоннах — явление чрезвычайно редкое, кроме того, при раскопках кабалинского здания не выявлено никаких вещественных данных, позволяющих допустить существование здесь каменных капителей.

Немалый интерес представляет определение высоты колонн и здания в Кабале. С этой целью обычно в качестве определителя-модуля берется величина диаметра нижней части колонны. Установлено, что на Востоке в ахеменидской архитектуре соотношение диаметра колонны к ее высоте было 1 : 10—12, иногда даже 1 : 13 [24]. Если принимать за основу эту величину соотношения, можно приблизительно установить высоту кабалинских колонн и в целом комплекса. Как было отмечено, величина диаметра колонн в Кабале была в одном случае 42—45, а в другом — 52—55 *см*.

Исходя из этого модуля, высота колонн, по-видимому, была в пределах 5—6 *м*. Кроме того, если высота здания была бы меньшей, оно выглядело бы слишком низким и приземистым.

При раскопках выяснилось, что снаружи вдоль северной и южной стен кабалинского здания на расстоянии 3,5 *м* друг от друга были поставлены деревянные колонны диаметром около 30 *см*. Эти колонны примыкают к наружной поверхности стены. Колонны имели круглое сечение, что устанавливается по их следам. Под колоннами были поставлены плоские камни-булыжники. Эти камни-базы были расположены глубже дневной поверхности и не были видны. Стоявшие на них колонны были углублены в землю на 5—10 *см*. Колонны, по-видимому, служили в качестве опор для выходившего за пределы стены края черепичной крыши. Таким способом предохраняли сырцовые стены от разрушения осадками.

Большой интерес представляет способ перекрытия кабалинского здания. Выше было указано, что некоторые просторные помещения здания, например вестибюли, или совсем не имели колонн, или имели всего одну колонну, и то не в средней части (вестибюль западной половины). Расстояние между стенами этих помещений довольно значительное, что не позволяет перекрыть помещение обычным способом. Деревянные балки такой длины не выдерживали бы тяжесть черепичной крыши. Поэтому, надо думать, такие помещения были перекрыты деревянным ступенчатым сводом, а остальные части здания имели бы двускатную крышу (рис. 4).

Деревянное ступенчато-сводчатое перекрытие в строительной технике народов Закавказья широко применялось с древнейших времен. Этот тип жилища здесь сохранился до последних времен, о чем свидетельствуют этнографические материалы. Жилища этого типа именуются в Грузии «дарбази», в Армении «хацатун», а в Азербайджане «карадам» [25]. Эти жилища как в Грузии [26], так и в Азербайджане [27] очень разнообразны.

---

[22] *А. Апакидзе.* Ук. соч., стр. 39.

[23] *Ю. А. Раппапорт* и *М. С. Лапиров-Скобло.* Ук. соч., стр. 148, рис. 4—5.

[24] Всеобщая история архитектуры, т. 1, стр. 303.

[25] *М. Ильина.* Древнейшие типы жилищ Закавказья. Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры, вып. 5. М., 1946, стр. 1.

[26] *Д. М. Мшвениерадзе.* Строительное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 60—65, табл. 49—54, рис. 97—106.

[27] *К. Т. Каракашлы.* Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа (историко-этнографическое исследование). Баку, 1964, стр. 72, 79—105.

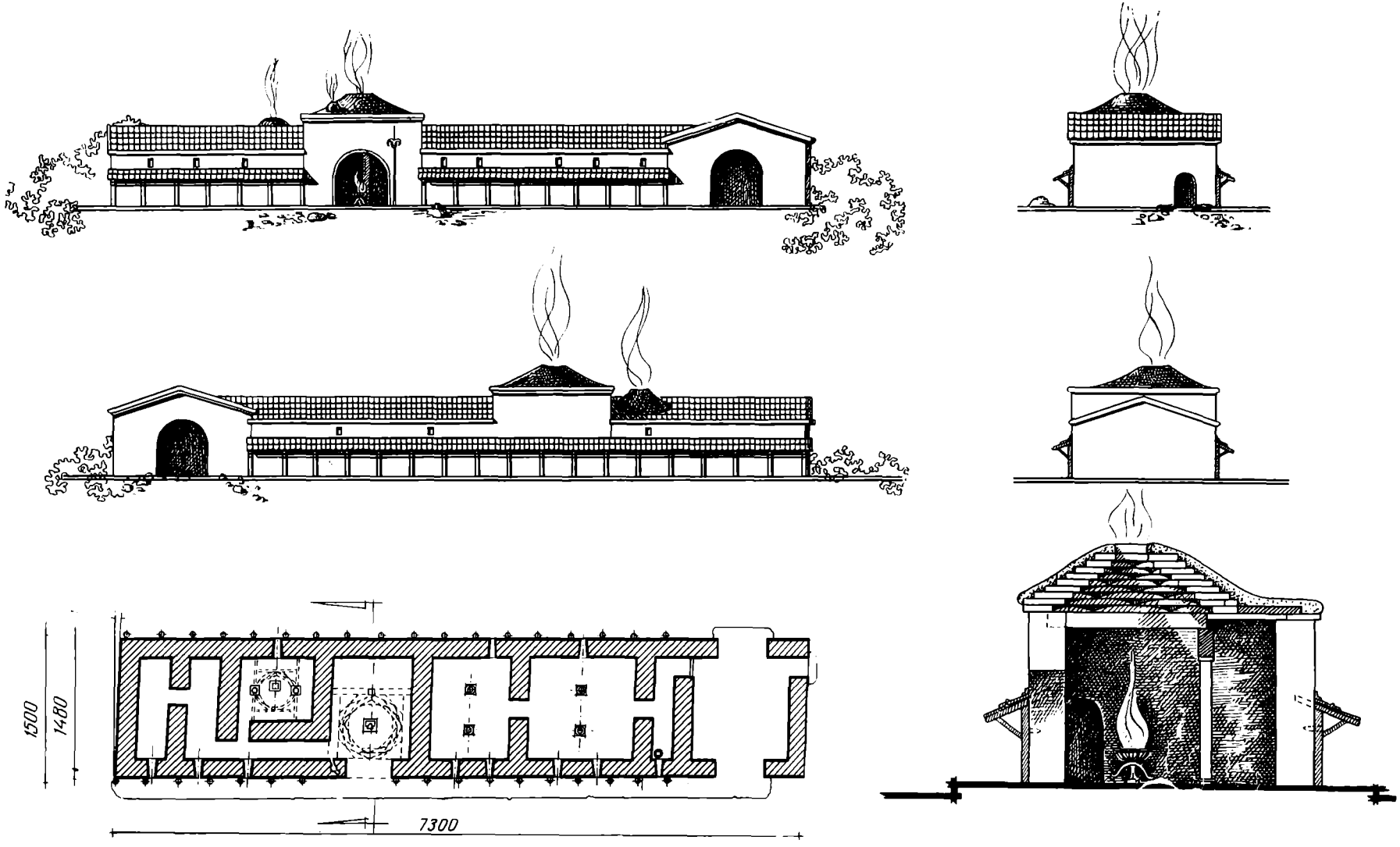


Рис. 4. Реконструкция здания (архитекто Д. А. Ахундов)

В строительстве таких зально-сводчатых зданий широко применяли деревянные колонны. Жилое помещение этого типа зданий освещалось через отверстие, оставляемое сверху свода; отверстие служило также для выхода дыма [28] (рис. 5).

Можно допустить, что помещения кабалинского комплекса наряду с отверстием для освещения имели также оконные проемы, закрываемые в холодное время года коврами или декоративными тканями.

С целью отопления помещений здесь, вероятно, пользовались переносными очагами, так как при раскопках лишь в западной половине у входа была выявлена печь, которая помимо приготовления пищи использовалась и для отопления.

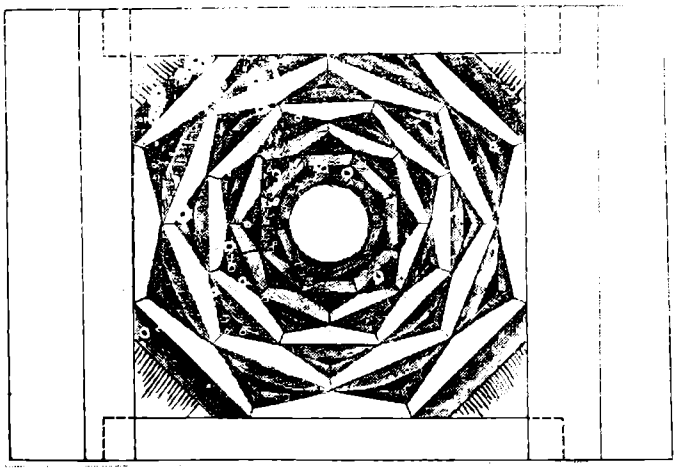


Рис. 5. Реконструкция деревянно-ступенчатого перекрытия (архитектор Д. А. Ахундов)

Для покрытия кровли здания употреблены большие высококачественные черепицы, представленные плоскими соленами, двускатными калиптерами и желобчатой конковой черепицей. В нескольких случаях встречались желобчатые калиптеры с одним шипом на поверхности [29].

На территории исторической Албании до сих пор подобные комплексы не были раскопаны. Исследуемое нами здание по планировке значительно отличается от известных нам по литературе дворцовых или других общественных зданий Средней Азии, Ближнего Востока и Закавказья. Обычно общественные здания имели иную планировку. По сторонам главного зала общественных зданий были расположены другие подсобные помещения. Эти здания, как и в Кабале, помимо различных помещений имели также узкие соединительные коридоры. Например, в Халчаяне коридоры имеют ширину от 1,2 до 1, 4 *м* [30].

Из раскопанных на территории исторической Албании крупных комплексов зданий с кабалинским комплексом может быть сопоставлен по величине лишь сарытепинский дворцовый комплекс. Однако сарытепинский комплекс датируется V—IV, вв. до н. э. [31], а кабалинский относится к

---

[28] *М. Ильина.* Ук. соч., стр. 6.

[29] *И. А. Бабаев.* Черепицы античной эпохи из раскопок Кабалы. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972, стр. 179; *его же.* Некоторые итоги археологического изучения..., стр. 14; *его же.* Античная черепица..., стр. 54—58, рис. 5—8; *Дж. А. Халилов, И. А. Бабаев.* Ук. соч., стр. 101, рис. 2 на стр. 102.

[30] *Г. А. Пугаченкова.* Халчаян, стр. 45.

[31] *И. Г. Нариманов.* Находки без колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане. СА, 1960, 4, стр. 162—164, рис. 1 на стр. 163.

более позднему времени. Кроме того, сарытепинский комплекс имеет совсем иную планировку, схожую с планировкой ахеменидских дворцов Ирана [32].

Большой интерес представляет также крупный храмовый комплекс, раскопанный Ю. М. Гагошидзе в последнее время в Грузии. Этот комплекс, датируемый последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры, построен также из сырца. Он имел алтарный зал с четырьмя деревянными колоннами. Алтарный зал с востока, с севера и запада окружен узкими длинными помещениями, а с юга — обширным порталом [33]. Как видно, и этот комплекс по своей планировке сильно отличается от кабалинского, хотя между ними имеется определенное сходство в строительной технике.

Таким образом, прямой аналогии кабалинскому комплексу в синхронных памятниках пока нам найти не удалось. Однако, по всей вероятности, это здание для античных городов Албании не было исключительным явлением. Нет сомнения в том, что подобные здания помимо Кабалы были в Шемахе, Тазаканте и других городах, о чем свидетельствуют строительные остатки, например базы колонн, черепицы и другие находки, выявленные на этих городищах случайно или при небольших раскопках.

Немалый интерес представляет определение назначения и датировки исследуемого комплекса. Величина здания вряд ли допускает возможность считать его обыкновенным жилым домом. Вероятно, это здание не было также храмом, ибо при раскопках не выявлено ничего указывающего на его культовое назначение — нет алтаря, культовых и вотивных предметов. Скорее всего оно имело какое-то дворцовое или другое общественное назначение. Быть может, отчасти этим объясняется и то, что в помещениях обнаружено очень мало находок (небольшие фрагменты глиняных сосудов), которые не отличаются от аналогичных находок нижнего горизонта. Таким образом, среди находок верхнего горизонта твердо датирующих материалов нет. Такие материалы имеются в нижнем горизонте и представлены многочисленными буллами с оттисками печатей, характерных для эллинистического времени, фрагментами стеклянных сосудов, а также монетами. Последние представлены двумя подражаниями драхмам Александра Македонского и одной драхмой парфянского царя Фраата III (70—57 гг. до н. э.) [34]. Сотни точно таких же подражаний драхмам Александра Македонского имелись в составе Кабалинского клада монет, зарытого в 20-е годы II в. до н. э.[35] На основе этих материалов слой, лежащий ниже остатков общественного здания, датируется II — первой половиной I в. до н. э., а общественное здание, остатки которого непосредственно лежат на этом слое,— второй половиной I в. до н. э.— I в. н. э.

Археологические раскопки, проводимые на античных городищах Албании, свидетельствуют о том, что в строительной технике городов этой страны было много общего. Наряду с другими материалами это красноречиво свидетельствует о наличии единой культуры с некоторыми локальными вариантами для всей Албании. В этом отношении определенный интерес представляют строительные остатки, выявленные при раскопках древней Шемахи. Многолетние раскопки показали, что в античную эпоху здесь наряду с сравнительно небольшими были довольно значительные по величине здания. Они имели деревянные колонны на каменных базах. При раскопках и разведочных работах там выявлены более 15 камен-

---

[32] *Г. А. Тирацян.* Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э. СА, 1964, 3, стр. 72—78.

[33] *Ю. М. Гагошидзе.* Раскопки на Дедоплис-Миндори. АО—1973, М., 1974, стр. 432.

[34] *С. М. Казиев, И. А. Бабаев, Ф. Л. Османов.* Работы Кабалинской экспедиции. АО—1969, М., 1970, стр. 376.

[35] *И. А. Бабаев, С. М. Казиев.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи. НЭ, IX, 1971, стр. 16—32.

ных баз колонн. Эти базы были представлены несколькими разновидностями [36]. Хотя они не обнаружены in situ, но сравнительные материалы позволяют утверждать, что они служили опорами для колонн внутри больших помещений-залов, а также айванов-порталов.

Значительные по величине здания с колоннами имелись и в других античных городах Албании. Каменные базы колонн, близкие по форме кабалинским, обнаружены на городище Тазакент в Мильской степи. А. А. Иессен полагал, что эти базы принадлежали какому-то крупному зданию, скорее всего культового или дворцового характера [37].

Резюмируя все сказанное, можно прийти к выводу, что градостроительство и строительная техника в античную эпоху в Албании находились на довольно высоком уровне. Можно допустить, что, как и в соседней Иберии, главные города Албании имели своих архитекторов, хотя относительно этого мы пока не располагаем бесспорными данными. Албанские строители были знакомы с достижениями строительной техники в сопредельных странах. В результате взаимных контактов были заимствованы некоторые передовые приемы, видоизмененные с учетом местных условий.

I. A. Babaiev

ETUDE D'UN EDIFICE CIVIL DANS LE GORODITCHE DE KABALA
(seconde moitie du ier s. av. n. e.—ier s. de n. e.)

Résumé

Lors des fouilles effectuées sur l'emplacement du goroditché de Kabala — principale ville de l'Albanie caucasienne au début de l'existence de cet Etat,— en plus de nombreuses trouvailles précieuses, ont été mis au jour les restes de différentes constructions. Parmi elles, se distinguent tout particulièrement les ruines d'un grand bâtiment dans la couche supérieure.

Cet édifice avait de nombreuses salles, ainsi que des corridors, des vestibules et locaux de service (fig. I). Sa superficie totale dépasse 580 m². Il était construit sur une aire pavée de briques crues oblonques. De ces mêmes briques étaient faits des murs d'une épaisseur de 2m10. Les salles avaient deux colonnes de bois reposant sur des bases de pierre (fig. 2—3). Certaines pièces étaient sans doute couvertes d'une voûte de bois en encorbellement. Le toit lui—même était de tuiles (fig. 4—5). L'édifice date de la seconde moitié du Ier s. av. n. è., Ier s. de n. è., et avait probablement une destination sociale et administrative.

---

[36] *Дж. А. Халилов.* Раскопки на городище Хныслы..., стр. 210, рис. 1, *3, 4, 9; Дж. А. Халилов, И. А. Бабаев.* Ук. соч., стр. 104.
[37] *А. А. Иессен.* Ук. соч., стр. 33.

Н. А. БОКОВЕНКО

ТИПОЛОГИЯ БРОНЗОВЫХ КОТЛОВ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Летом 1970 г. Новочеркасская археологическая экспедиция Ленинградского государственного университета проводила работы на Соколовской курганной группе. В кург. 3 было обнаружено богатое сарматское захоронение, где наряду с другим погребальным инвентарем находился литой бронзовый котел. Он представляет собой сосуд с полусферическим замкнутым туловом, на высоком рюмковидном поддоне и с вертикальными зооморфными ручками на тулове (рис. 1).

Две ручки выполнены в виде козликов со сдвоенными ногами, двумя ушами и одним рогом. По краю венчика проходит рельефное утолщение, имитирующее «веревочку» («шнур»), такая же «веревочка» опоясывает тулово котла по наибольшему диаметру и имеет узелок. Между двумя ручками-козликами под самым венчиком расположены две петельки-ушка, имеющие на внешних сторонах каннелюры. Полый поддон приклепан к тулову двумя заклепками и заварен. На тулове имеются четыре небольших заплатки, а возле узелка «веревочки» оно слегка продавлено. Следы от рубящих ударов, нанесенные острым орудием, довольно ясно видны на «веревочке» венчика. Вес котла 2,84 *кг*, емкость 3 *л*.

Этот котел относится к категории вещей, часто встречаемых в богатых могилах скифо-сарматского времени. Подобные бронзовые [1] котлы, которые относят к сарматской культуре, представляют собой полусферические или яйцевидные сосуды с ручками, прикрепленными к верхнему краю тулова. Среди ручек различаются петлевидные, петлевидные с тремя кнопками и зооморфные. Котлы бывают с поддоном и без него, по тулову обычно проходит рельефный валик в виде «веревочки». Некоторые из них в верхней части тулова украшены тамгами. Иногда встречаются валикообразные утолщения, продолжающие ручки по тулову, свободные концы которых или слегка загнуты, или образуют кольца и полукольца. У некоторых котлов под венчиком находятся петельки-ушки.

Большинство котлов происходит из погребальных комплексов, расположенных в степях Поволжья, Подонья и Прикубанья, отдельные экземпляры обнаружены на Украине, в Оренбургской области и в Западном Казахстане. Комплексы с котлами датируются исследователями очень широко — от III в. до н. э. до III в. н. э. Часть котлов — случайные находки в оврагах, на дюнах, на пашне, просто в земле или при случайных раскопках курганов.

Кроме отдельных публикаций сарматских котлов в археологической литературе имеются несколько исследований, посвященных хронологии, типологии и технике изготовления этой важной категории вещей [2]. Наи-

[1] «Бронзовые» — понимается условно, так как анализы состава металла всех котлов не производились.

[2] *Е. К. Максимов.* Сарматские бронзовые котлы и их изготовление. СА, 1966, 1, стр. 51—60; *В. А. Филипченко.* Бронзовые котлы из Астраханского музея. СА, 1962, 1, стр. 276—278; *А. С. Скрипкин.* Случайные находки сарматских котлов на террито-

более значительной работой в этом плане является статья О. М. Петриченко, Б. А. Шрамко, Л. О. Солнцева и Л. Д. Фомина, затрагивающая вопросы типологии котлов [3]. В свою формальную классификацию они включили только котлы с поддонами и на основе семи морфологических признаков (форма тулова, поддона, наличие «веревочки», вертикальных и зооморфных ручек и ушек-петелек) выделяют единый сарматский тип бронзовых котлов.

Задача данной работы — создание общей классификации литых котлов сарматского времени в Восточной Европе с помощью статистических методов. Для выделения типов используются только морфологические признаки, образующие внешний вид, форму, очертание предмета. Из-за отсутствия полной информации о других особенностях котлов не учтены технологические и функциональные признаки. Подобное ограничение связано еще и с тем, что смешивание всех видов признаков и создание на их основе типологии котлов не дают удовлетворительного результата, так как пока неясно, в каком соотношении находятся функциональные, морфологические и технологические признаки. Создание отдельно функциональной, морфологической и технологической типологий, а затем их корреляция, по-видимому, является наиболее приемлемым путем в данной ситуации.

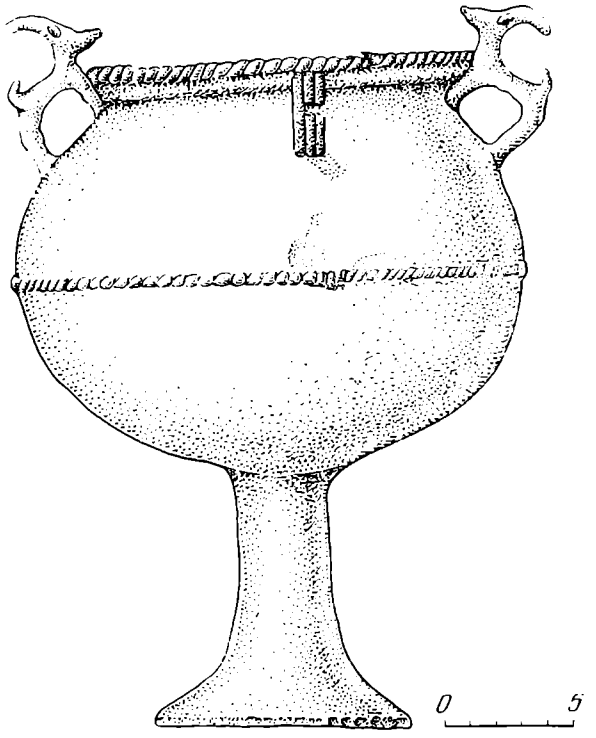


Рис. 1. Литой бронзовый котел из 3-го Соколовского кургана

Всего учтено 49 экз. бронзовых котлов сарматского времени, в типологической классификации использован только 41, остальные исключены из нее из-за отсутствия полных сведений: или они найдены во фрагментах, или же известны только по кратким упоминаниям в литературе [4].

Котлы были описаны с помощью 13 признаков, учитывающих форму тулова, поддона, ручек, наличие носика и орнамента в виде «веревочки»: 1 — полусферическая форма тулова, 2 — замкнутая полусферическая с четко выраженным венчиком, 3 — яйцевидная, 4 — воронковидный поддон, 5 — рюмковидный (поддон в виде ножки от рюмки), 6 — отсутствие поддона, 7 — наличие носика, 8 — вертикальные петлевидные ручки,

---

рии Волгоградской области. СА, 1970, 4, стр. 206—209; *В. А. Пазухин.* Как все же отливались сарматские котлы? СА, 1970, 4, 282—284.

[3] *О. М. Петриченко, Б. А. Шрамко, Л. О. Солнцев, Л. Д. Фомин.* Походження техники лиття бронзових казанів раннього зализного віку. «Нариси з історії природознавства и техники», XII, Київ, 1970, стр. 67—78.

[4] Летопись Херсонского музея за 1913 год. Херсон, 1915, стр. 34, рис. 13; *Е. М. Максимов.* Ук. соч., рис. 2, *7*, *8*; *И. П. Берхин.* Сарматское погребение у села Саламатина. Сообщ. СГЭ, XV, 1959, стр. 38; ОАК за 1902 г., стр. 143; *А. С. Скрипкин.* Ук. соч., стр. 206, рис. 1; *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 361, рис. 70 А; *В. И. Козенкова.* Отчет о работе Ново-Пштаровского отряда Краснодарской экспедиции в 1970 г. Архив ИА АН СССР, р-I, № 4247а, рис. 17.

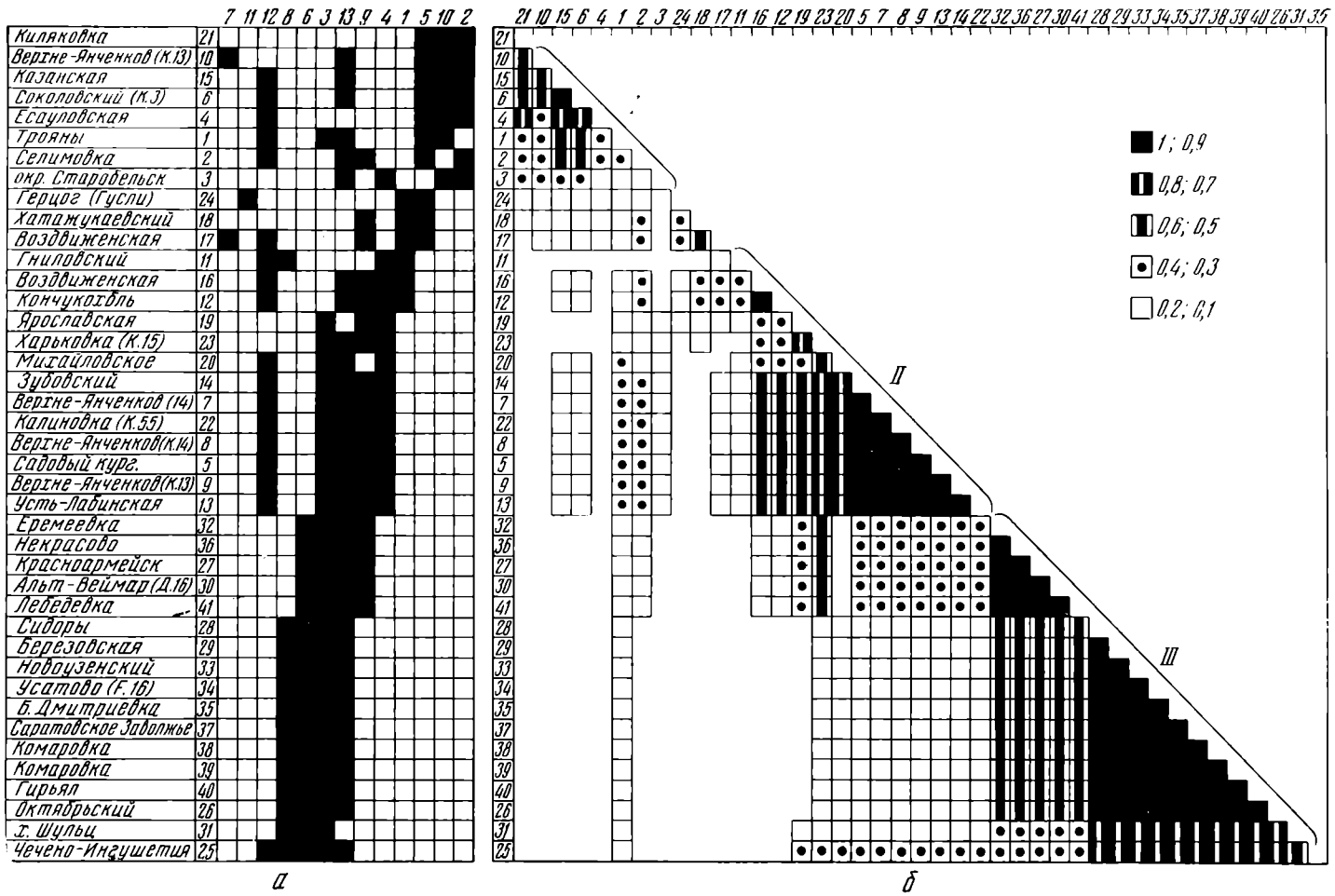


Рис. 2. Исходная матрица результатов сравнений
(На всех рисунках и картах номера котлов совпадают)

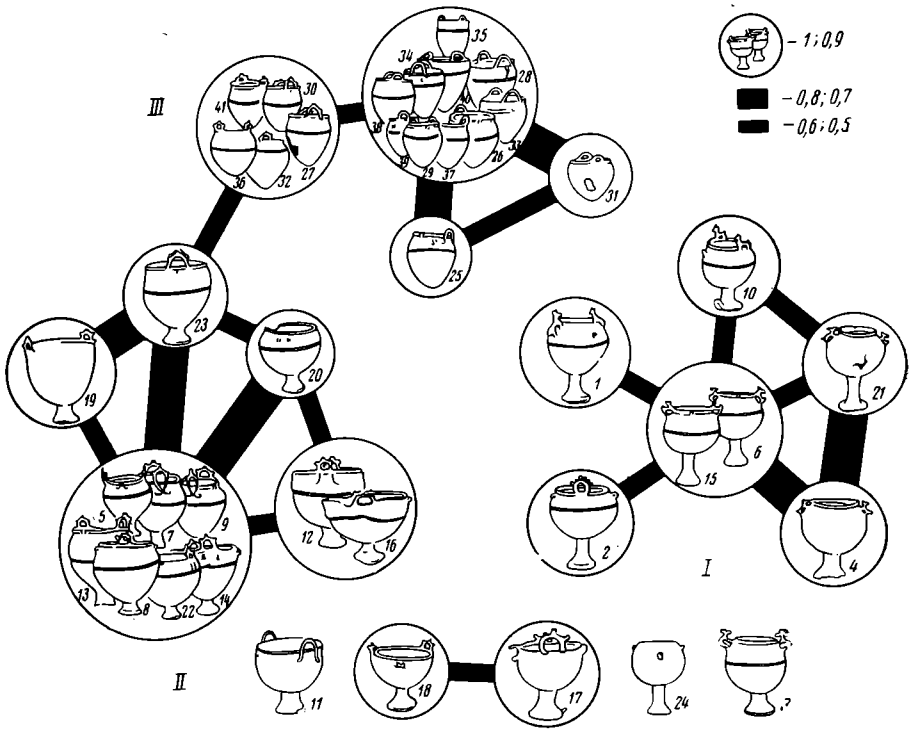


Рис. 3. Граф классификации бронзовых котлов сарматского времени: *1* — Трояны, разрушенное погребение (ОАК за 1913—1915 гг., рис. 255); *2* — Селимовка, кург. 2, погр. 2 (*Шрамко,* 1962, рис. 89, *13*); *3* — Старобельск, случайная находка (*Шрамко,* 1962, рис. 25, *15*); *4* — Есауловская, находка в кургане (НМИДК, № 3741); *5* — Новочеркасск, Садовый курган (*Капошина,* 1963, 130); *6* — Новочеркасск, 3-й Соколовский курган (*Раев,* 1972, 124); *7, 8* — Верхне-Янченков, кург. 14 («Красный»), (*Капошина,* 1965, 50); *9, 10* — Верхне-Янченков, кург. 13 (*Капошина,* 1965, 49, рис. 17, *1, 2*); *11* — Гниловская, случайная находка (*Aspelin,* 1877, 81, fig. 354); *12* — Кунчукохабль, разрушенный курган (*Дитлер,* 1972, 71, рис. 1); *13* — Усть-Лабинская, кург. 42 (ОАК за 1902 г., 83, рис. 183); *14* — Зубовский, кург. 1 (*Думберг,* 1901, рис. 10); *15* — Казанская, кург. 6 (ОАК за 1901 г., 73, рис. 146); *16* — Воздвиженская, курган (ОАК за 1899 г., с. 136); *17* — Воздвиженская, курган (ОАК за 1899 г., 47, рис. 78); *18* — Хатажукаевский курган (ОАК за 1899 г., 50, рис. 96); *19* — Ярославская, курган «Острый» (ОАК за 1896 г., 57, рис. 277); *20* — Михайловское, случайная находка (*Филипченко,* 1962, рис. 1, *2*); *21* — Киляковка, случайная находка (*Скрипкин,* 1970, 206, рис. 2); *22* — Калиновка, кург. 55, погр. 8 (*Шилов,* 1959, 487, рис. 57, *4*); *23* — Харьковка, кург. группа 3, кург. 15 (*Граков,* 1965, 218, рис. 2); *24* — Герцог, именье Гусли, кург. 3 (*Rau,* 1927, 11, Abb. 5); *25* — Чечено-Ингушетия, случайная находка в горном районе (*Максимов,* 1966, рис. 2, *9*); *26* — Октябрьский, случайная находка (*Максимов,* 1966, рис. 1, *8*); *27* — Красноармейск, случайная находка (*Максимов,* 1966, рис. 1, *6*); *28* — Сидоры, случайная находка (*Скрипкин,* 1970, рис. 4); *29* — Березовская, случайная находка (*Максимов,* 1966, рис. 2, *6*); *30* — Альт-Веймар, кург. Д 16 (*Максимов,* 1966, рис. 1, *4*); *31* — Шульц, кург. В 4, погр. 2 (*Максимов,* 1966, рис. 1, *3*); *32* — Еремеевка, случайная находка (*Максимов,* 1966, рис. 2, *1*); *33* — Новоузенский р-н (ныне Ершовский) Саратовской обл., случайная находка (*Максимов,* 1966, рис. 1, *1*); *34* — Усатово, кург. F 16 (*Максимов,* 1966, рис. 1, *2*); *35* — Большая Дмитриевка, случайная находка (*Максимов,* 1966, рис. 2, *4*); *36* — Некрасово, находка в кургане (*Максимов,* 1966, рис. 2, *5*); *37* — Саратовское Заволжье, случайная находка (*Максимов,* 1966, рис. 2, *2*); 38 — Комаровка, случайная находка (*Максимов,* 1966, рис. 1, *5*); *39* — Комаровка, случайная находка (*Максимов,* 1966, рис. 2, *3*); *40* — Гирьял, случайная находка (*Максимов,* 1966, рис. 1, *7*); *41* — Лебедевка, кург. 2 (*Багриков, Сенигова,* 1968, рис. 5, *2*)

9 — ручки с тремя кнопками (отростками, бугорками и т. п.), 10 — зооморфные, 11 — горизонтальные на боку тулова, 12 — вертикальные петельки-ушки под венчиком, 13 — орнамент в виде «веревочки». Из-за невозможности пока определить «вес» признаков они принимаются равноценными. Была составлена таблица, в которой по вертикали расположены объекты (котлы), а по горизонтали — признаки. Затем выполнена операция упорядочивания объектов по их наибольшему сходству между собой

(рис. 2, *а*). Вычисленные меры близости котлов по функции сходства ($f=S^2/k \cdot l$) можно представить в виде таблицы, позволяющей выделить три группы котлов со взаимосвязанными признаками (рис. 2, *б*). Выполненная в виде графа (рис. 3) таблица дает наглядное представление о связях внутри группы и между получившимися группами (типами) [5]. В каждом типе существует ядро и периферия [6], а также определенный минимум характерных или ведущих признаков, которые присутствуют в основном только у него и почти не представлены в других типах. Образно говоря, без этих признаков он не имеет «своего лица». Признаки же, присутствующие в двух или более типах, являются лишь связующими звеньями показывающими числовую степень этих связей при данном уровне обработки материала.

Первый тип — котлы с полусферическим замкнутым туловом, четко выраженным венчиком, рюмковидным поддоном, зооморфными ручками (в виде фигурок козлов, лосей, оленей, собак и т. д.), ушками-петельками (6 экз.) и орнаментом «веревочкой» (6 экз.). К первому типу относится семь котлов (рис. 3, *1*, *2*, *4*, *6*, *10*, *15*, *21*). К нему примыкают еще два котла (рис. 3, *3*, *24*), из-за слабых связей (0,4; 0,3) выпавшие из графа. Сюда же можно отнести котел, имеющий наряду с признаками первого типа (полусферическое замкнутое тулово с четко выраженным венчиком, рюмковидный поддон) признак второго типа (ручки с тремя кнопками; рис. 3, *17*). Высота котлов 21—32 *см*. Характерными признаками первого типа являются: полусферическое замкнутое тулово с четко выраженным венчиком, рюмковидный поддон, зооморфные ручки. Вообще ручкам в виде фигурок животных в сарматском мире придавалось особое, скорее всего охранное, культовое значение [7]. Возможно, что такие же функции сакрально-магического свойства выполняли и зооморфные ручки бронзовых котлов.

Котлы первого типа найдены в степях Поволжья, Прикубанья, Нижнего Дона, а также на Северском Донце и Украине (рис. 4). Комплексы с котлами этого типа датируются исследователями I в. до н. э. — I в. н. э. [8], в некоторых случаях только I в. н. э. [9] Второй тип — котлы с яйцевидным или полусферическим туловом, воронковидным поддоном, вертикальными петлевидными ручками с тремя кнопками, ушками-петельками (у экземпляров на рис. 3, *18*, *19*, *23* петельки отсутствуют), орнаментом в виде «веревочки» (у экземпляров на рис. 3, *11*, *18*, *19* «веревочка» отсутствует). Ко второму типу относится 12 котлов (рис. 3, *5*, *7—9*, *12—14*, *16*, *19*, *20*, *22*, *23*). Они довольно большие, высота их колеблется в пределах 35—63 *см*. К этому же типу по ряду сходных признаков (воронковидный поддон, ручки с тремя кнопками) можно отнести еще два небольших котла высотой 11—12 *см* (рис. 3, *11*, *18*). Характерными признаками второго типа являются: воронковидный поддон, петлевидные ручки с тремя кнопками. На тулове некоторых котлов второго типа встречаются валикообразные продолжения ручек, свободные концы кото-

---

[5] Граф строится до тех пор, пока две какие-нибудь получившиеся группы не окажутся связанными между собой и после соединения групп, более слабые связи графически не представляются (в данном случае не представлены связи меньше 0,5). Подобное введение критерия значимости и графическое ограничение связано с уровнем и целями, на которых остановился автор при создании классификации.

[6] Ядро типа — группа котлов, образующая в графе замкнутую фигуру. Периферия — вся остальная часть, примыкающая к ядру.

[7] *К. М. Скалон.* Изображения животных на керамике сарматского периода. Тр. ОИПК, ГЭ, 1941, № 1, стр. 182 сл.

[8] *С. И. Капошина.* Итоги работ Кобяковской экспедиции. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 50; *И. И. Гущина, Т. Б. Попова.* Воздвиженский могильник — памятник III тыс.— I в. до н. э. Ежегодник ГИМ, 1970, стр. 90; *Б. А. Шрамко.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 241; *А. С. Скрипкин.* Ук. соч., стр. 208.

[9] *В. А. Филипченко.* Ук. соч., стр. 208; *Б. А. Раев.* Богатое сарматское погребение 3-го Соколовского кургана. Вестн. ЛГУ, № 20, 4, 1972, стр. 130.

рых либо слегка закручены, либо образуют кольца (рис. 3, *5, 7, 9, 12, 22*).

Второй тип котлов синхронен первому и также не выходит за рамки I в. до н. э.— I в. н. э.[10] Например, в кург. 13 у хутора Верхне-Янченков бронзовые котлы первого и второго типов найдены вообще в одном комплексе [11]. Находки котлов второго типа сосредоточены в основном в степях Прикубанья, Нижнего Дона и реже — в Поволжье (рис. 4).

Третий тип — котлы с яйцевидным туловом и слегка уплощенным дном, поддон отсутствует, с гладкими вертикальными ручками и петлевидными с тремя кнопками (рис. 3, *27, 30, 32, 36, 41*), орнаментом на

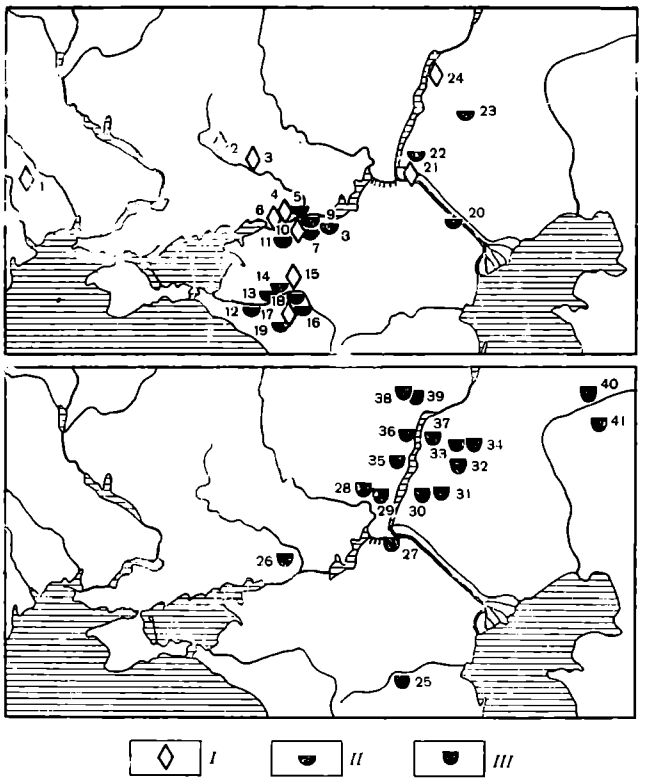


Рис. 4. Карты местонахождения бронзовых котлов

тулове в виде рельефной «веревочки», у одного котла подобный орнамент отсутствует (рис. 3, *31*). Четыре экземпляра имеют тамгообразные знаки (рис. 3, *26, 32, 39, 41*), котел из Чечено-Ингушетии имеет еще и ушки-петельки (рис. 3, *25*). К третьему типу относятся 17 котлов (рис. 3, *25—41*). Высота котлов 21—40 *см*. Ведущими признаками третьего типа являются: ясно выраженная яйцевидная форма тулова с небольшим уплощенным дном, отсутствие поддона, отчасти наличие гладких петлевидных ручек, в некоторых случаях имеющих «усообразное» продолжение ручек на тулове.

Котлы третьего типа локализуются в Поволжье, Северо-Западном Казахстане, отдельные экземпляры найдены в Подонье и на Северном Кав-

---

[10] *С. И. Капошина.* Ук. соч., стр. 50; *ее же.* Ценные находки археологов в районе Новочеркасска. ВАН СССР, 3, 1963, стр. 130; *П. И. Гущина, Т. Б. Попова.* Ук. соч., стр. 90; *Б. Н. Граков.* Заметки по скифо-сарматской археологии. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 219; *В. П. Шилов.* Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 454; *В. А. Филипченко.* Ук. соч., стр. 277; *П. А. Дитлер.* Комплекс из кургана близ аула Кунчукохабль. В кн.: «Сборник материалов по археологии Адыгеи». Майкоп, 1972, т. 3, стр. 67.

[11] *С. И. Капошина.* Ук. соч., стр. 49.

казе (рис. 4). Погребальные комплексы с котлами этого типа (кург. 16 у ст. Альт-Веймар, погр. 2, кург. В4 у хутора Шульц, кург. F16 у с. Усатово, кург. 2 у с. Лебедевка) датируются разным временем. К III—II вв. до н. э. относят котел из погр. 2 кург. В4 у хут. Шульц [12], хотя приведенные аргументы в пользу этой датировки не совсем точны, так как бронзовые зеркала, шаровидные круглодонные сосуды бытовали и на сусловском этапе [13], а подвески-амулеты в виде котлов «скифского» типа вполне могут быть «сарматского» типа (котлы второго типа данной классификации) или «сибирского» типа [14]. Поэтому вполне возможно, что это погребение относится и к более позднему времени, т. е. к первым векам нашей эры. Остальные котлы датируются II—III вв. н. э.[15]

Экземпляры, аналогичные третьему типу котлов (яйцевидной формы без поддона), имеются далеко на востоке, в Туве и в Ордосе [16]. А такие конструктивные особенности котлов, как «усовидное» окончание петлевидных ручек, подпрямоугольность ручек у некоторых котлов (Усатово, Березовская), небольшое уплощенное дно, наконец, яйцевидность тулова, характерны не только для котлов Восточной Европы сарматского времени, но и для бронзовых котлов Южной Сибири и Центральной Азии, которые относят к культуре хуннов [17].

Существуют и другие данные, позволяющие говорить о сходстве некоторых черт материальных культур Восточной Европы и Азии в скифо-сарматское время [18]. Так, на этих территориях в сарматское время бытуют золотые украшения [19], миниатюрные бронзовые котлы [20], большие бронзовые котлы [21], зеркала с боковым ушком [22], имеющие значительное сходство. Результаты ли это миграций, культурных влияний или иных процессов, пока неясно, но несомненно одно, что контакты разного рода имели место между этими регионами в начале I тысячелетия н. э.

Так как котлы обычно сопровождают погребальные комплексы кочевой родо-племенной знати, они, по-видимому, представляли определенную вещественную ценность в обществе, о чем свидетельствуют и неоднократные починки некоторых из них [23]. Скорее всего, кочевники стремились сохранять котлы как можно дольше в употреблении, что, вероятно, обусловлено причинами материального и духовного свойства. Бронзовые котлы безусловно связаны с какими-то культовыми отправлениями, что отмечал еще А. С. Скрипкин [24]. Возможно, в них, как и в скифских котлах, варили мясо жертвенных животных. На особое значение котлов указывают и следы их преднамеренной порчи (вмятины, отверстия на тулове, насечки на венчиках, нанесенные острым орудием) [25]. Аналогичные

---

[12] *Е. К. Максимов.* Ук. соч., стр. 56.

[13] *А. М. Хазанов.* Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, стр. 64.

[14] *О. М. Петриченко, Б. А. Шрамко* и др. Ук. соч., стр. 68, рис. 1.

[15] *Е. К. Максимов.* Ук. соч., стр. 57, 58; *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 134; *Г. И. Багриков, Т. Н. Сенигова.* Открытие гробниц в Западном Казахстане. Изв. АН КазССР, серия обществ. наук. Алма-Ата, 1968, 2, стр. 76.

[16] *Z. Takats.* Catalaunischer Hunnenfund und seine Ostasiatischen Verbindungen. AOASH, t. 5, f. 1—2, Budapest, 1955, fig. 113, *11.*

[17] *N. Egami, S. Misuno.* Inner Mongolia and the region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis. Tokyo — Kyoto, series B, vol. 1, 1935, fig. XXIV, XXVII, XXXII, XXXIII.

[18] *J. R. Aspelin.* Antiquites du Nord Finno-Ougren. Helsingfors — St. Petersburg — Paris, 1877, p. 47.

[19] *В. П. Шилов.* Ук. соч., стр. 490.

[20] *И. И. Гущина, Т. Б. Попова.* Ук. соч., стр. 86.

[21] *О. М. Петриченко, Б. А. Шрамко и др.* Ук. соч., стр. 69.

[22] *А. М. Хазанов.* Ук. соч., стр. 65; *T. Sulimirski.* The Sarmatians. London, 1970, p. 120.

[23] *Е. К. Максимов.* Ук. соч., стр. 51—55; *А. С. Скрипкин.* Ук. соч., стр. 207; ОАК за 1899 г., стр. 50; рис. 96; *P. Rau.* Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga, Pokrowsk, 1927, S. 11, Abb. 5.

[24] *А. С. Скрипкин.* Ук. соч., стр. 209.

[25] См., например, котлы: из 3-го Соколовского кургана, из окр. Троян, из кург. 1 у Зубовского хутора, из кург. 3 у дер. Герцог и др.

следы порчи находят и на других предметах, например на украшениях, импортных сосудах и пр. Эти следы, видимо, отражают идеологию, миропонимание кочевников, т. е. их духовную жизнь [26]. Не случайны и зафиксированные на некоторых котлах тамгообразные знаки, значение которых пока еще неясно. Котлы ценились и как продукт сложного и трудоемкого производства. Для изготовления их необходимы были условия, не всегда доступные для кочевников, и к тому же высокое мастерство литейщиков [27].

Все эти предварительные положения еще требуют дополнительного исследования и не только самих котлов, но и тех комплексов, в которых они найдены. Типология котлов — это лишь первый этап в их изучении и в определении их исторического места.

N. A. Bokovenko

TYPOLOGIE DES CHAUDIERES EN BRONZE D'EPOQUE SARMATE EN EUROPE ORIENTALE

Résumé

En 1970, dans le 3ème kourgane Sokolovski (environs de Novotcherkask) on a fait la découverte d'une riche sépulture remontant au Ier siècle de n. è., dans le mobilier de laquelle, parmi divers objets, se trouvait une chaudière coulée en bronze aux anses zoomorphes (fig. 1). De telles chaudières de bronze existent dans les tombeaux que la noblesse des peuplades nomades a laissés sur le territoire de l'Europe orientale à l'époque sarmate. Présentant une grande valeur matérielle, ces objets avaient sans aucun doute une destination cultuelle. En s'aidant des méthodes mathématiques on a pu distinguer trois types de chaudières (fig. 2, 3). Le premier est représenté par les chaudières à anses zoomorphes; on en a découvert dans les régions de la Volga, du Don, du Kouban, et en Ukraine (fig. 4); elles datent du Ier s. av. n. è. au Ier s. de n. è. Le second type est formé par les chaudières aux anses en forme de noeud avec trois rivets; ces chaudières, de la même époque que celles du premier type, existent dans les régions du Kouban, du Don, plus rarement le long de la Volga (fig. 4). Le troisième type comprend les chaudières à corps ovoïde sans base; les ustensiles de ce type peuvent être localisés le long de la Volga et en partie dans l'Ouest du Kazakhstan (fig. 4); ils datent du IIe et du IIIe s. de n. è., et présentent beaucoup de traits qui sont caractéristiques pour les chaudières de bronze d'Asie Centrale et du Sud de la Sibérie qui appartiennent à la culture des Huns. Il existe encore d'autres données qui permettent de parler des contacts qu'entretenait la population de ces régions au début du Ier millènaire de n. é. (tels que certains types de bijoux d'or, des chaudrons miniatures en bronze, des miroirs à poignée latérale, etc.). Le caractère de ces contacts n'est pas clair jusqu'à présent; c'est la tâche des recherches à venir de le déterminer.

---

[26] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 249.

[27] *Е. К. Максимов.* Ук. соч., стр. 60; *В. П. Пазухин.* Ук. соч., стр. 282—284; *Б. А. Шрамко.* Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в Скифскую эпоху. Автореф. докт. дис. Киев, 1965, стр. 23.

И. И. ЛОБОДА

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ОЗЕРНОЕ III В 1963—1965 гг.

В октябре 1963 г. Бахчисарайский историко-археологический музей был поставлен в известность об обнаружении «древнего памятника», находящегося на северо-западной окраине пос. Озерный [1] Бахчисарайского района Крымской обл. На указанное место выехали Н. А. Богданова и автор. Оказалось, что это великолепный склеп, вырубленный в материковом мергеле.

В течение трех раскопочных сезонов (1963—1965 гг.) проводилось тщательное исследование площади траншеями с помощью бульдозера, исключавшее возможность пропуска могил. В результате работ на участке в 2000 *м*^{2} было открыто семь погребальных сооружений трех типов: три простые грунтовые могилы, подбойная могила и три склепа.

Простые грунтовые могилы. Могила 1 вырублена в плотной материковой глине. Стенки вертикальные, углы незначительно закруглены. Размеры: длина 2, ширина 0,65, глубина 2,6 *м*. Ориентирована длинными сторонами по линии ЮВ — СЗ. Костяк очень плохой сохранности лежал на спине, головой на СЗ, ноги вытянуты, положение рук не прослежено. Вокруг костяка и под ним тлен дерева, по-видимому, гроба-колоды. В северном углу ямы, за головой, стоял лепной темноглиняный лощеный одноручный горшок — высота 10 *см*, диаметр венчика 8 *см*, тулова 11 *см*, дна 5,5 *см* (рис. 1, *1*).

Могила 2, детская. Вырублена в плотной материковой глине. Стенки вертикальные, углы закруглены. Размеры: длина 0,7, ширина 0,35, глубина 1,8 *м*; ориентирована длинными сторонами по линии ЮВ — СЗ. Сохранился тлен костяка, лежавшего на спине, головой на СЗ, а также тлен, по-видимому, от деревянного гроба-колоды. У северо-западной торцевой стенки за головой стояли лепные темноглиняные лощеные сосуды: одноручный горшочек (раздавленный на шесть частей), высота 5,5, диаметр дна 5 *см* (рис. 1, *2*) и фрагментированный кувшинчик (рис. 1, *3*).

Могила 3 вырублена в плотной материковой глине. Стенки вертикальные, углы слабо закруглены. Ориентирована длинными сторонами по линии юг — север. Костяк плохой сохранности лежал на спине, головой на север. Ноги вытянуты, положение рук не прослежено. На дне ямы — тлен дерева, по-видимому, от гроба-колоды. Справа от погребенного, у западной стенки ямы, на уровне головы и верхней части руки погребенного находился железный обоюдоострый без перекрестия меч, рукоятью на север, его длина 48,5 *см*, ширина лезвия 4,5 *см* (рис. 1, *4*); возле меча, немного выше его середины, со стороны покойного лежало бронзовое проволочное кольцо диаметром 2 *см* (рис. 1, *5*), а в северо-восточном углу ямы — фрагментированные железные удила (рис. 1, *6*).

Подбойная могила вырублена в плотной материковой глине. Длина входной ямы 3, ширина 0,7, глубина 3 *м*. В северо-восточной

[1] В настоящее время объединенный населенный пункт, в который входит пос. Озерный и с. Скалистое, носит название последнего.

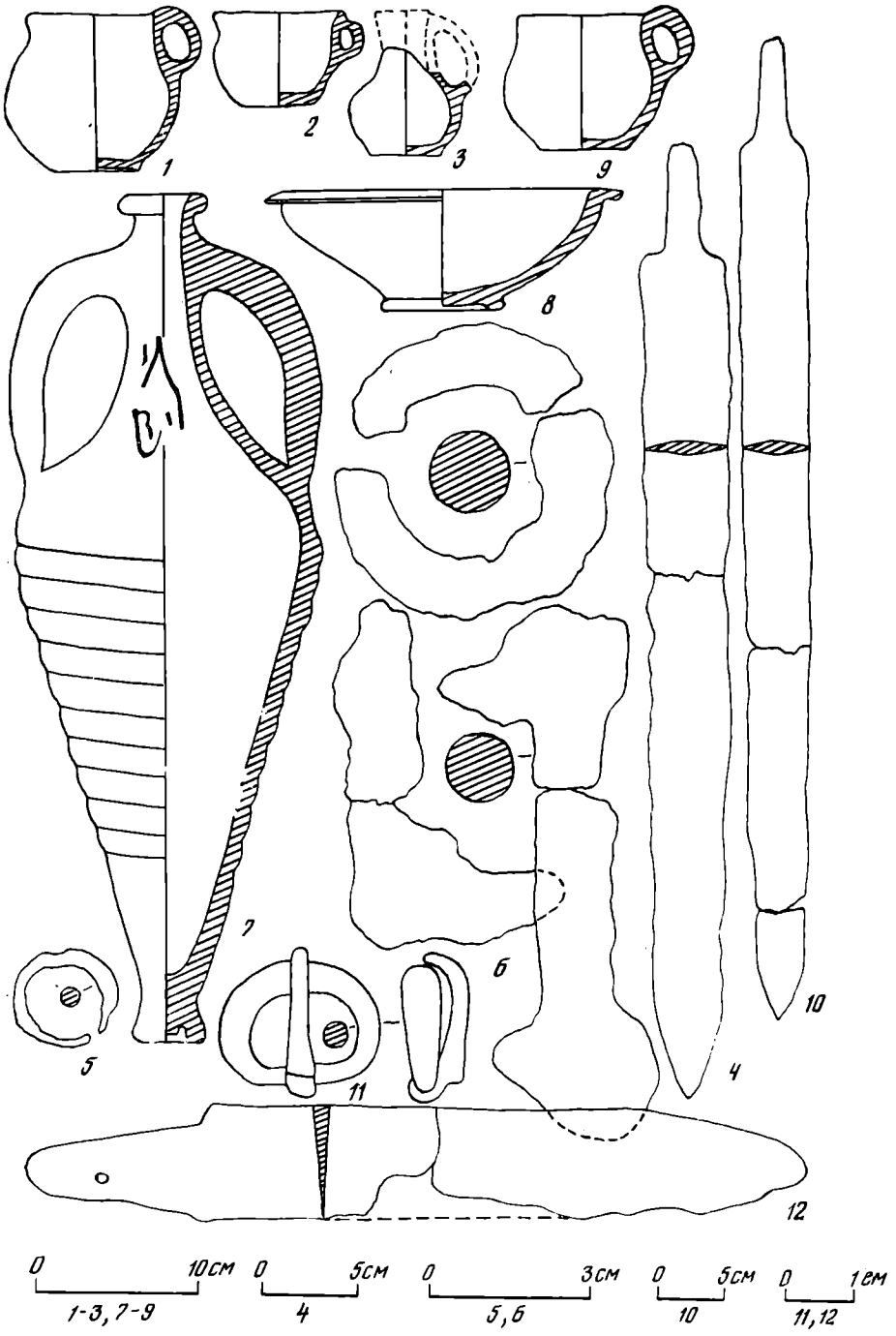


Рис. 1. Вещи из могильника Озерное III. *1—6* — из грунтовых могил 1 (*1*), 2 (*2*, *3*), 3 (*4—6*); *7—12* — из подбойной могилы. Сосуды: *1—3*, *9* — темноглиняные лепные: *7* — светлоглиняная амфора; *8* — красноглиняный гончарный. Изделия из металла: *4*, *6*, *10*, *12* — железо, *5*, *11* — бронза

стенке ямы— подбой (длина 2,5, ширина 1,4 *м*), закрытый тремя плитами известняка; размер: 1,3×0,9×0,06 *м*. В полу подбоя на расстоянии 0,75 *м* от закладных плит вырублено прямоугольное углубление, длина 2,1, ширина 0,5, глубина 0,25 *м*, в котором лежал на спине погребенный. Ориентирован головой на СЗ, руки и ноги вытянуты. Длина костяка 1,7 *м*. В углублении тлен деревянного гроба-колоды, стоявшего на семи небольших камнях. У северо-западной стенки подбоя находились свет-

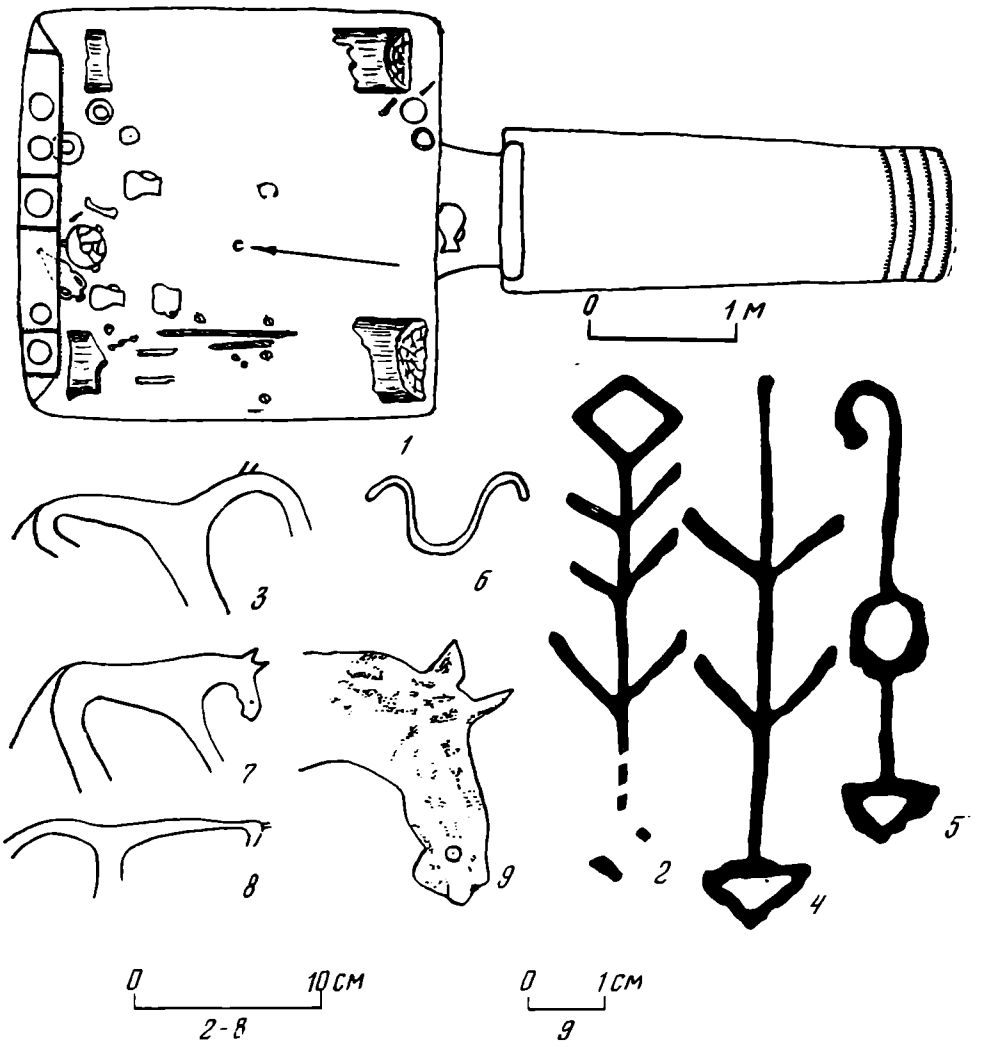


Рис. 2. Могильник Озерное III. Склеп 1: *1* — план; *2*, *5*, *6* — знаки на стенках камеры; *3*, *7*—*9* — изображение животных на стенках камеры

логлиняная амфора со знаками, нанесенными красной краской на горле и плечиках (высота 53 *см*, диаметр тулова 19 *см*, диаметр горла 6 *см*, диаметр ножки 5,5 *см*; рис. 1, *7*), красноглиняная мисочка (высота 7,5 *см*, диаметр 22,5 *см*, дно 8 *см*; рис. 1, *8*), а в ней темноглиняный с лощеной поверхностью одноручный горшочек (высота 8,5, диаметр венчика 8,5, тулова 10, дна 5,5 *см*; рис. 1, *9*).

В углублении, справа от погребенного, находился обоюдоострый железный меч; его длина 83 *см*, ширина лезвия 6 *см* (рис. 1, *10*). Конец его рукояти был на уровне локтевого сустава, а конец лезвия — на уровне колена. Рядом с мечом (приблизительно в 10 *см* ниже основания рукояти) со стороны покойного лежала бронзовая овальная пряжечка с подвижным язычком, размер 2,5×2 *см* (рис. 1, *11*). В области крестца — железный нож, длина 12,5, ширина лезвия 2 *см* (рис. 1, *12*).

Склепы. Склеп 1 (рис. 2, *1*). Вырублен в мергеле. Дромос, расширяющийся в сторону камеры, имеет три ступени. Дно дромоса незначительно наклонено в сторону камеры. Длина дромоса 3 *м*, ширина у входного отверстия 1,1 *м*, в противоположной стороне 0,9 *м*, глубина от уровня современной поверхности 2,3 *м*. Входное отверстие закрыто известняковой плитой, стоящей in situ. Высота ее 1,1, ширина 0,9, толщина 0,16 *м*. Дно дромоса выше пола камеры на 0,5 *м*.

Камера склепа в плане четырехугольной формы; не сохранившийся потолок был, по-видимому, куполообразным. Длина западной и восточной стен 2,73 *м*, южной и северной — 2,7. Наибольшая высота 2,5 *м*. В северной стенке устроена полка, идущая от уровня пола камеры на высоту 1 *м*, наибольшая ширина ее 0,27 *м*. Полка имеет два выступа: в западной части высотой 0,16, в центральной 0,4 *м*. На лицевой стороне центрального выступа просматривались очень слабые следы росписи в виде двух пар параллельных горизонтальных полос длиной 9 *см*, нанесенных сажей. Ниже, на гладкой вертикальной поверхности полки, нанесены сажей три знака.

Знак № 1[2] (рис. 2, *2*) (ширина линии 5—7 *мм*) представляет собой вертикальный стержень, заканчивающийся вверху ромбом, расположенным горизонтально. На противоположном нижнем конце слабо просматривается либо прямоугольник (квадрат), прикрепленный одним из углов к стержню, либо треугольник, обращенный вершиной вниз. Под углом 45° к стержню примыкают попарно шесть отростков (по три с каждой стороны), расстояние между которыми, начиная сверху, 4 и 6 *см*. Высота знака 28 *см*, расстояние между противоположными концами смежных отростков сверху вниз соответственно 6,1, 5,7 и 7,3 *см*.

Знак № 2 (рис. 2, *4*) (ширина линий от 4 до 10 *мм*) — вертикальный стержень, заканчивающийся внизу треугольником, обращенным вершиной вниз, противоположный конец прямой. На расстоянии 10,6 и 18,6 *см* от верхнего конца расположены попарно под углом 45° четыре отростка, по два с каждой стороны, длина отростков 5 *см*. Высота знака 30,3 *см*.

Знак № 3 (рис. 2, *5*). Ширина линий от 5 до 12 *мм*. Верхняя часть вертикального стержня загнута влево в виде крючка. Посредине стержень разделен кольцом, диаметр которого 4 *см*. К нижней части стержня прикреплен неправильный треугольник, вершиной вниз. Высота знака 25,5 *см*.

Правее первого знака схематически изображено животное, вероятно лошадь (рис. 2, *3*), голова — в виде двух изогнутых книзу параллельных линий. Отчетливо видны поднятые уши. Передние ноги значительно длиннее задних. Сильно поджатые задние ноги и отброшенный назад хвост создают впечатление движения. Длина изображения 15,5, высота 8, 5 *см*.

На восточной стене камеры на высоте 1,1 *м* от пола и в 1 *м* от южной стенки — два изображения. Первое — знак (рис. 2, *6*). Нанесен на гладкую поверхность стенки с помощью острого орудия. Ширина и глубина врезной линии 1,5—2 *мм*. Размер знака по горизонтали 8,4 *см*, по вертикали 4 *см*. В 5 *см* южнее, на уровне нижней линии предыдущего знака, изображено животное, по-видимому конь (рис. 2, *7, 9*). Контуры нанесены острым орудием. Ширина линий от 0,5 до 1,5 *мм*. Врезные линии, изображающие животное, покрыты сверху черной краской (сажей), которая сохранилась не везде одинаково. Лучше всего краска сохранилась в области шеи и задних ног, где ширина линий составляет 1 *см*. Изображение дано в профиль, животное движется вправо. Передние ноги выброшены вперед, задние поджаты, хвост откинут назад. Реалистично изображена морда животного, особенно ее нижняя часть — верхняя и нижняя губы. Отчетливо просматривается небольшое, выполненное врезной замкнутой линией колечко (деталь уздечки), к которому прикрепляются удила. Морда животного опущена, уши подняты вверх. Спина и шея без гривы, образуют прямую горизонтальную линию. Размеры рисунка по горизонтали и вертикали соответственно 15,5 и 8,5 *см*.

На южной стене камеры, рядом с входным отверстием, на высоте 0,7 *м* от пола изображено еще одно животное (рис. 2, *8*). Контуры его нанесены тонкими врезными линиями. Изображение профильное,

[2] Нумерацию знаков мы ведем слева направо.

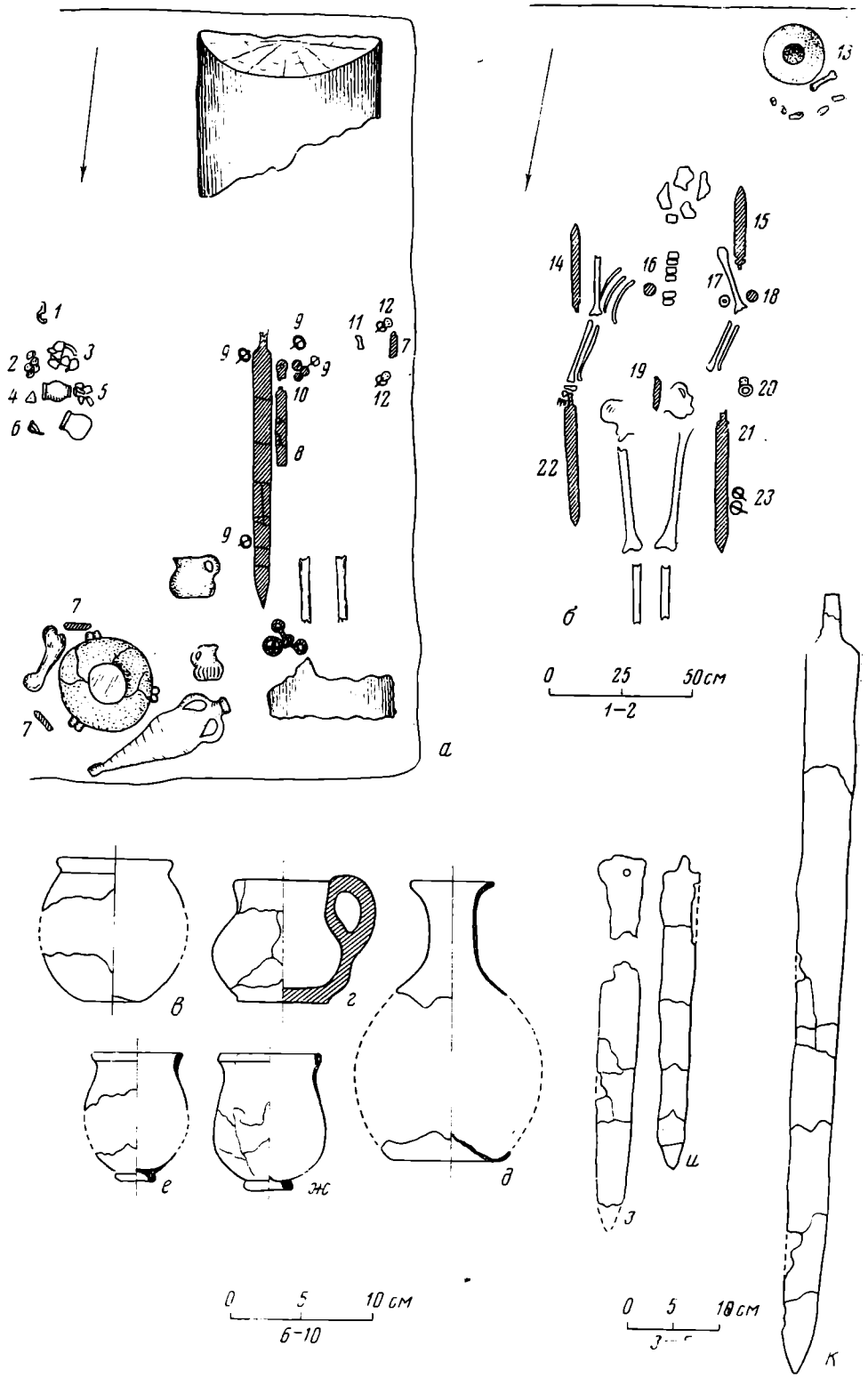


Рис. 3. Могильник Озерное III. *а* — план погребения воина в склепе 1; *б* — план погребения воина в склепе 2; *в*, *е*, *з*, *к* — вещи из склепа 1; *г*, *д*, *ж*, *и* — из склепа 2. Материалы: *в*, *д* — зеленоватое стекло; *е* — бесцветное; *ж* — голубоватое; *г* — темно-глиняный лепной; *з*—*к* — железо. На планах *а*, *б* номерами обозначены следующие предметы: *1* — фибула, *2* — бусы, *3* — обломки лепных сосудов, *4* — серебряная обкладка, *5* — обломки трех стеклянных сосудов (рис. 3, *в*, *е*), *6* — перстень, *7* — три ножа, *8* — кинжал, *9* — четыре бронзовые пряжки, *10* — три серебряные монеты, *11* — подвеска (рис. 4, *5*), *12* — две серебряные пряжки (на плане *а*), *13* — части щита, *14*, *15* — кинжалы (рис. 3, *и*; *6*, *13*), *16* — монета, *17*, *18* — бусы (рис. 6, *16*, *17*), *19* — нож, *20* — петля (рис. 6, *20*), *21*, *22* — мечи (рис. 6, *12*, *14*), *23* — две пряжки (рис. 6, *18*, *19*)

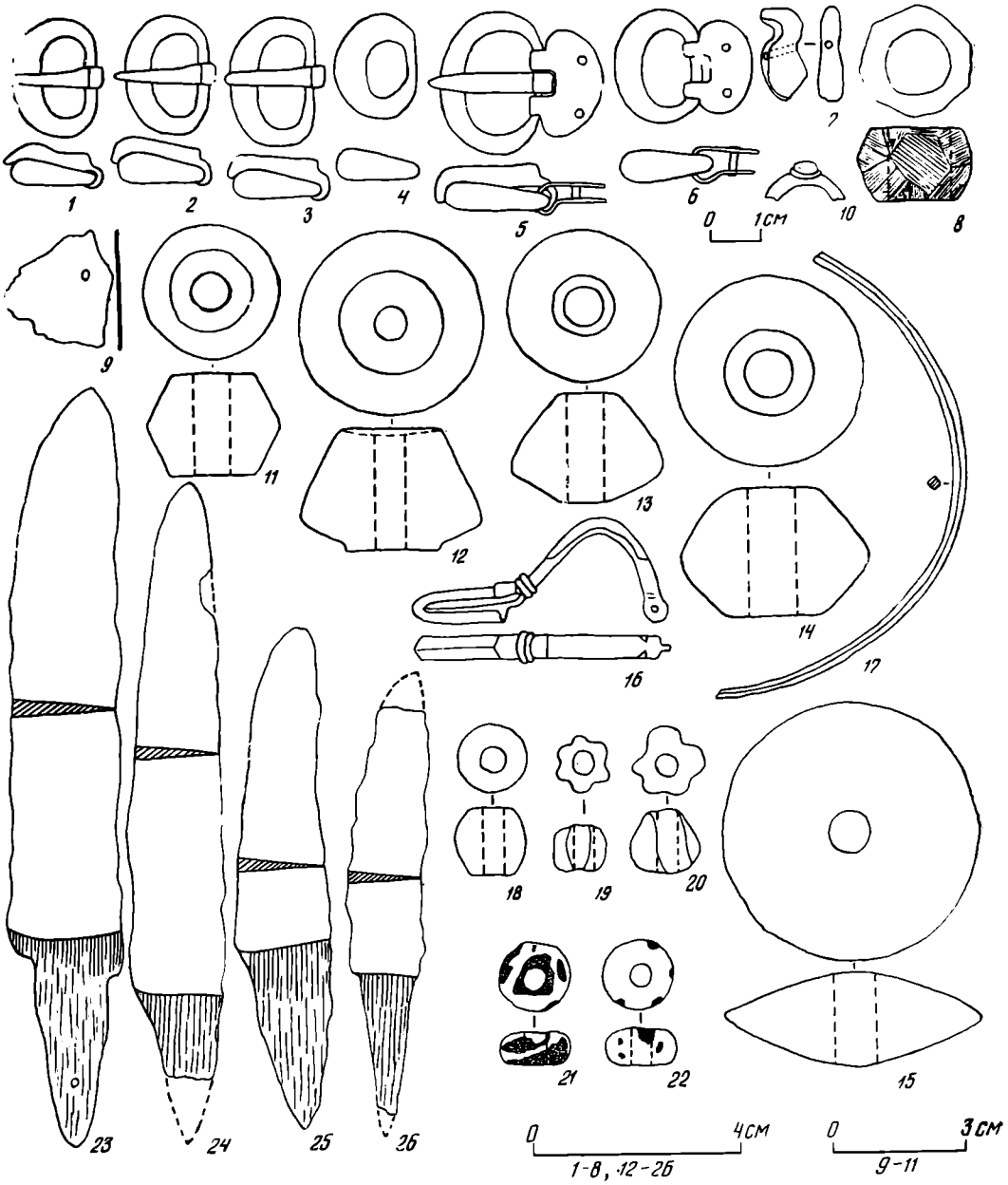


Рис. 4. Могильник Озерное III. Вещи из склепа 1; *1—4*, *8*, *10*, *17* — бронза; *5*, *6*, *9*, *16* — серебро; *7*, *18—20* — полупрозрачное стекло (*17* — лимонное, *18*, *19* — светло-розовое, *20* — светло-голубое); *11—15* — глина; *21*, *22* — черное стекло; *23—26* — железо

вправо. Узкая морда с параллельными, горизонтально поставленными ушами, опущена вниз. Очень длинная, как у жирафа, шея расположена горизонтально. Туловище узкое, передано двумя изогнутыми линиями. С длинной шеей и туловищем контрастируют очень короткие ноги. Длина изображения по горизонтали 14,3, высота по вертикали 4,2 *см*. На полу камеры два погребения.

Погребение 1 (рис. 3, *а*) — у западной стенки камеры. Костяк очень плохой сохранности. Лежал на спине, головой на ЮЮВ, ноги вытянуты, положение рук не прослежено. От дубового гроба-колоды сохранились торцевые части крышки. Длина гроба 2,28, ширина у ног 0,5, у головы — 0,64 *м*.

У правого бедра погребенного лежал железный обоюдоострый без перекрестия меч, длиной 1 *м* (разломан на восемь частей) (рис. 3, *к*).

Рядом с мечом находились бронзовые пряжечки, с помощью которых он, по-видимому, прикреплялся к поясу (рис. 4, *1*, *2*). Здесь же, параллельно мечу, лежал разломанный на пять частей железный кинжал (длина около 0,4 *м*). На расстоянии 6 и 10 *см* от него, в области живота, справа, найдены еще две бронзовые пряжечки (рис. 4, *3*, *4*). Здесь же лежали три серебряные монеты императоров Гордиана (238—244), Севера (244—249) и Деция Траяна (249—251). В области таза слева обнаружены стеклянная подвеска в форме птицы (рис. 4, *7*), две серебряные пряжечки (рис. 4, *5*, *6*) и железный нож, длина 15 *см* (рис. 4, *23*). У правой ступени найдены 13 железных обломков уздечного набора (удила и кольчатые псалии).

Погребение 2 — у восточной стенки камеры, по-видимому, женское. От костяка сохранился слабый тлен. Положение погребенного установить не удалось. Судя по расположению инвентаря и фрагментов колоды, он был ориентирован головой на ЮЮВ. От дубового гроба-колоды сохранились торцевые части крышки, нижняя часть полностью истлела. Длина гроба 2,3 *м*. В области грудной клетки найдены обломок бронзового перстня и бронзовая многогранная бусина (?) (рис. 4, *8*). Рядом с гробом у южной стенки камеры лежали железный нож, длина лезвия 12 *см* (рис. 4, *24*), кость, по-видимому, барана. Здесь же стояла красноглиняная, покрытая бурым лаком тарелка с вертикальным бортиком, косыми стенками, кольцевой ножкой (поддоном) (рис. 5, *1*); в тарелке — скорлупа куриных яиц, куриная кость (левое плечо) и раковина каури. Рядом — бесцветный стеклянный сосудик с округлым туловом, отогнутым венчиком, кольцевой ножкой (рис. 5, *2*), обломки еще двух стеклянных сосудов, форму и размеры установить не удалось, и фрагменты серебряной пластины — оклада шкатулки (рис. 4, *9*).

В центральной части камеры обнаружено скопление вещей, часть из которых находилась, по-видимому, в деревянной шкатулке, обитой серебряными пластинками: пять глиняных пряслиц, из которых четыре биконических (рис. 4, *11—14*) и одно плоскоовальное (рис. 4, *15*), фибула серебряная арбалетная, пружина рассыпалась, длина иглы 4 *см* (рис. 4, *16*), обломки бронзовой шейной гривны (рис. 4, *17*) и бронзового перстня (рис. 4, *10*), пять бус (две из светло-розового полупрозрачного стекла — бочковидная и реберчатая (рис. 4, *18*, *19*), одна из светло-голубого полупрозрачного стекла, реберчатая (рис. 4, *20*), и две (рис. 4, *21*, *22*) плоскоовальные из черного стекла с пятнистым орнаментом). Здесь же найдены обломки двух черноглиняных лепных горшков и двух стеклянных сосудов: зеленоватого, очень тонкостенного и бесцветного (рис. 3, *в*, *е*).

На ступеньке у закладной плиты лежал красноглиняный одноручный кувшин-ойнохойя. Тулово шаровидное, дно плоское, венчик с одной стороны сжат для удобства слива (рис. 5, *3*). На полу камеры у основания полки найдено несколько сосудов. Трехручная миска, изготовленная на гончарном круге. Глина темная, поверхность лощеная. Венчик горизонтально отогнут, плечики, орнаментированные горизонтальным рифлением, переходят под углом к плоскому днищу, посредине которого четырехугольное рельефное клеймо «решеточка» размером 2×2 *см*. Ручки двухствольные. Высота 16 *см*, диаметр венчика 34 *см*, диаметр днища 10,5 *см* (рис. 5, *4*, *18*). Миска, разбитая на несколько частей, лежала на полу камеры днищем вверх. Вероятно, она упала с полки, разбив и накрыв собой зеленоватое стеклянное блюдо. Высота его 5 *см*, диаметр 33 *см*, высота кольцевой ножки 1,4 *см*, диаметр ножки 13,5 *см* (рис. 5, *5*). Рядом с миской и блюдом лежала коровья (?) кость и два железных ножичка длиной 10 и 8 *см* (рис. 4, *25*, *26*). Между погр. 1 и миской лежала светлоглиняная амфора, длина 56 *см*, диаметр по плечикам 19, ножки 5 *см* (рис. 5, *6*). Здесь же найден кувшинчик темноглиняный лепной одноручный с лощеной поверхностью, тулово шаровидное, укра-

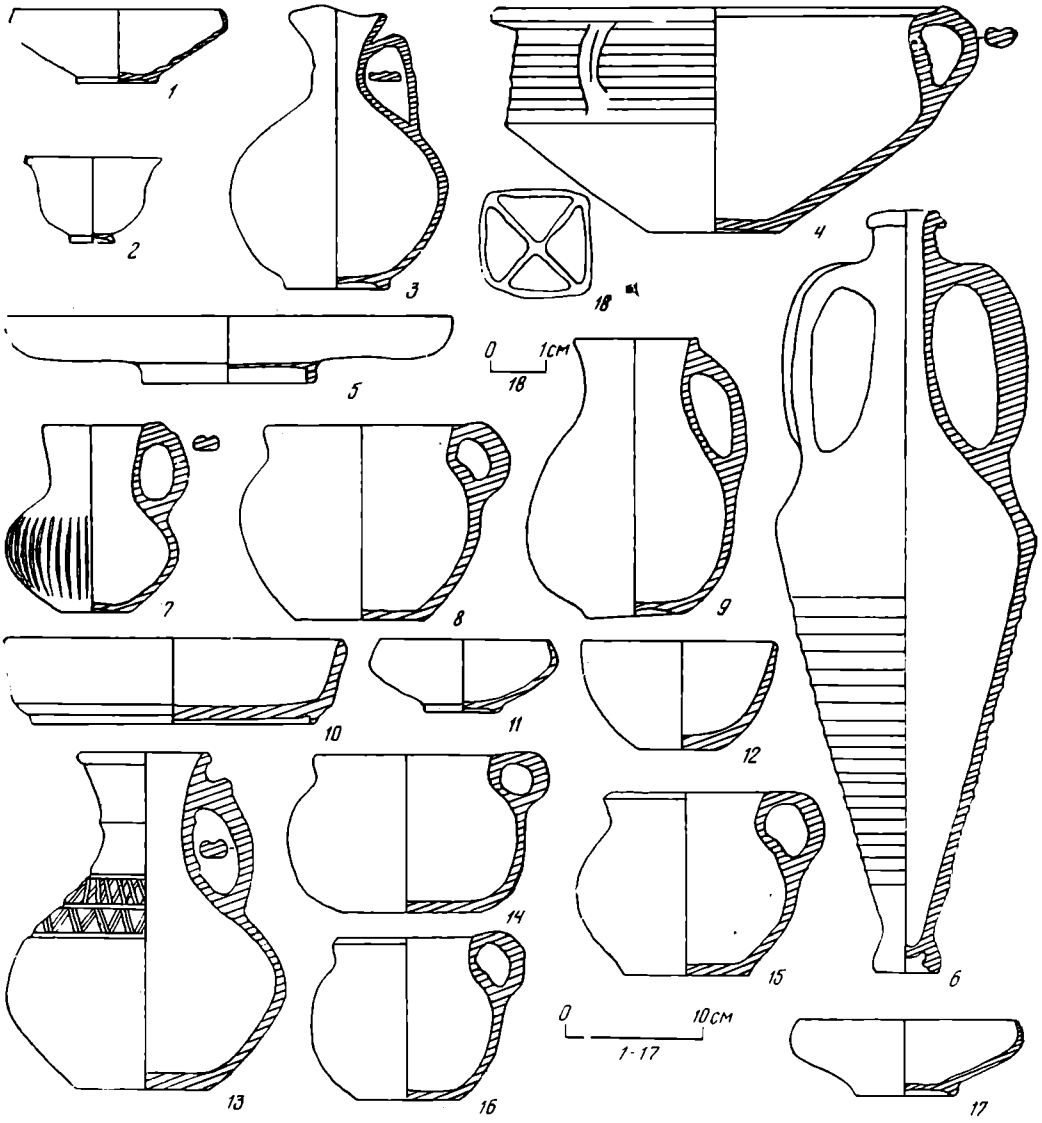


Рис. 5. Могильник Озерное III. Посуда из склепа 1: *1, 3, 10, 11, 17* — красноглиняная гончарная; *2, 5* — стеклянная (*2* — бесцветное, *5* — зеленоватое стекло); *4, 7 — 9, 12, 14—16* — темноглиняная лепная; *6* — светлоглиняная амфора; *13* — темноглиняный гончарный

шенное вдавленными вертикальными линиями, горло широкое, ручка двухствольная, дно плоское (рис. 5, *7*), а также горшок лепной темноглиняный одноручный с плоским дном (рис. 5, *8*). Между погр. 2 и миской найдены темноглиняный лепной одноручный кувшин, тулово шаровидное, горло короткое широкое, дно плоское (рис. 5, *9*); блюдо красноглиняное толстостенное, со следами красного лака, наружный край бортика округлен, стенки, незначительно скошены к плоскому дну, высота 5,5, диаметр 25,5, диаметр дна 21 *см* (рис. 5, *10*); красноглиняная, покрытая бурым лаком тарелка, бортик незначительно скошен внутрь, косые стенки переходят в дно на кольцевой ножке (рис. 5, *11*); миска темноглиняная лепная, с округлыми стенками и плоским дном (рис. 5, *12*). На полке северной стены найдены четыре бронзовые монеты Константина I (306—337) и пять сосудов: кувшин[3] темноглиняный

[3] Описание сосудов ведется от западной стенки.

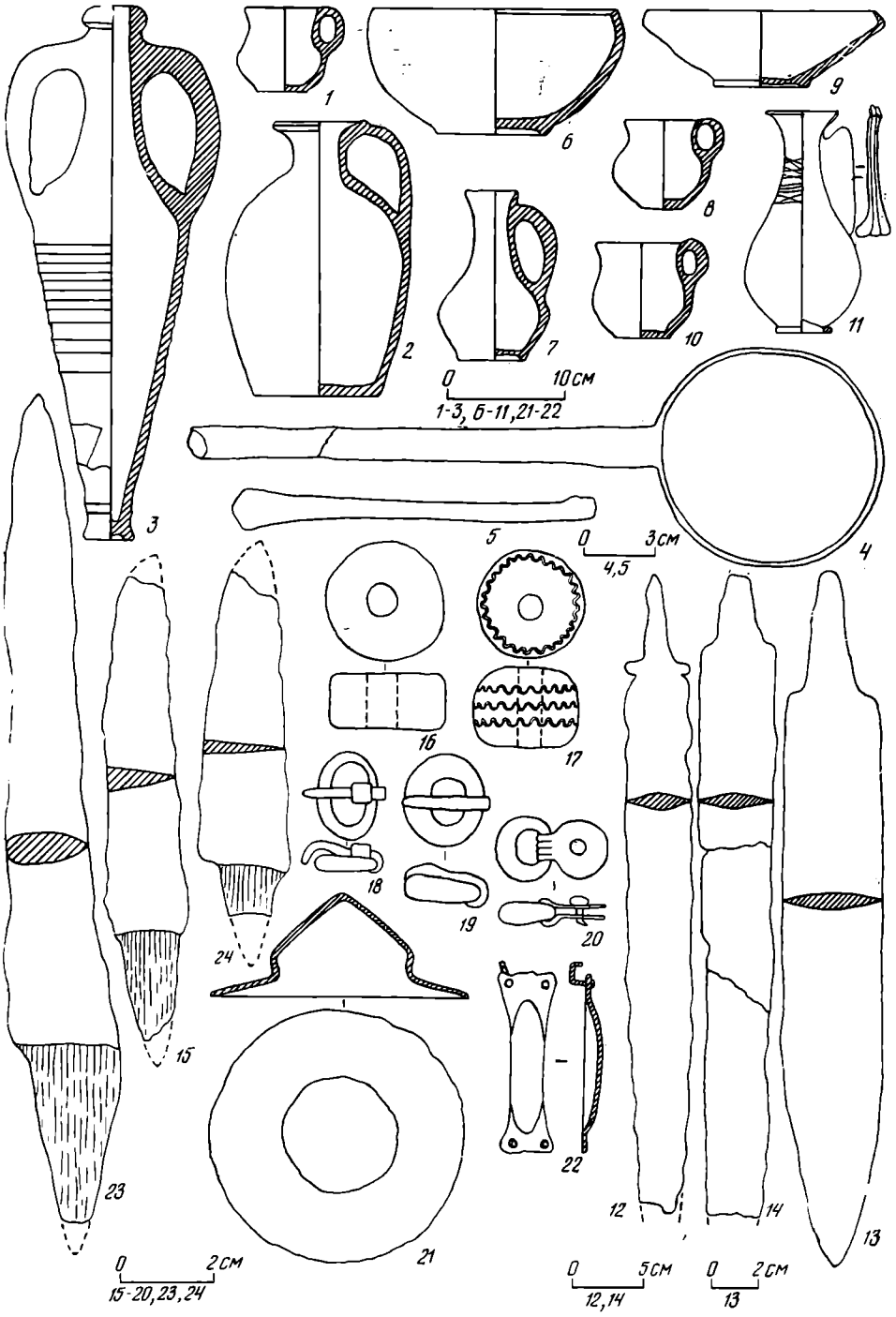


Рис. 6. Могильник Озерное III. Вещи из склепа 2. Сосуды: *1, 7, 8, 10* — темноглиняные лепные; *2, 3, 9* — красноглиняные гончарные; *6* — сероглиняный лепной; *11* — из голубоватого стекла. Изделия из дерева — *4, 5*. Изделия из металла: *12—15, 21—24* — железо, *18—20* — бронза, *16* — известняк, *17* — черная паста

одноручный, изготовлен на круге, поверхность лощеная, край венчика валикообразный, горло раструбом, тулово шаровидное, незначительно сплюснутое, дно плоское, ручка двухствольная с утолщением в верхней части (рис. 5, *13*); три одноручных темноглиняных горшка, тулово у всех шаровидное, слегка сплюснутое, венчики отогнуты наружу, донья плоские (рис. 5, *14—16*); тарелочка красноглиняная со следами бурого

лака, с косыми стенками, слегка вогнутым венчиком, кольцевой ножкой (рис. 5, *17*).

Склеп 2. Склеп расположен в 5 *м* к юго-западу от склепа 1. Вырублен в мергеле. Верхняя часть дромоса срезана бульдозером. Длина сохранившейся части 4 *м*. В юго-восточной части дромоса пять ступеней, высота 0,25 *м*, ширина 0,2 *м*. Ступени в плане незначительно вогнуты. Дно горизонтальное. Ширина дромоса в юго-восточном углу 0,6 *м*. В северо-западной стене дромоса прорублено входное отверстие арочной формы. Наибольшая высота 0,45, ширина 0,7 *м*. Отверстие закрыто известняковой плитой, стоявшей in situ. В камеру склепа, пол которой ниже уровня дромоса на 0,55 *м*, ведут две ступени высотой 0,25 и 0,3 *м*. В плане камера склепа квадратная, длина сторон 2,8 *м*, наибольшая высота 2,8 *м*. Несохранившийся потолок был, по-видимому, куполообразный. В северо-западной стене камеры вырублена ниша-полка арочной формы. Высота 0,5, глубина 0,45 *м*, наибольшая ширина 0,85 *м*. Обработка стен камеры очень тщательная, гладкая. Положение входного отверстия и ниши-полки относительно продольной оси камеры асимметрично. Склеп ориентирован камерой на ССЗ.

На полу камеры, на расстоянии 0,65 *м* от западной стенки, лежал костяк мужчины (рис. 3, *б*) на спине головой на ЮЮЗ, ноги вытянуты, руки согнуты в локтевых суставах и незначительно повернуты вправо, череп распался. Длина костяка около 1,8 *м*. У левого бедра железный, плохой сохранности меч. Дерево рукоятки истлело. Длина меча около 50 *см* (рис. 6, *12*). На уровне черепа и плечевой кости левой руки найдены железный кинжал плохой сохранности, длина 30,5 *см* (рис. 6, *13*). Обломки еще одного железного меча обнаружены у правого бедра (длина около 50 *см*; рис. 6, *14*). У правой плечевой кости находился железный кинжал длиною 32 *см* (рис. 3, *и*). Обломок железного ножа найден на месте крестца (длина 10 *см*; рис. 6, *15*). В области грудной клетки справа лежала бронзовая монета Лициния (308—327). Судя по пробитой дырочке, она, вероятно, использовалась в качестве амулета. У локтя левой руки, на расстоянии 0,4 *м* от рукоятки меча и 0,1 *м* от рукоятки кинжала, найдены две большие бусины (?) цилиндрической формы (рис. 6, *16*) из известняка и пастовая круглоовальная, темного цвета, украшенная тройным мелким зигзагообразным орнаментом из светлой пасты (рис. 6, *17*). Рядом с мечом, лежавшим у левого бедра,— две бронзовые овальные пряжечки с подвижными язычками (рис. 6, *18*, 19) и небольшая бронзовая петля (рис. 5, *20*).

В юго-западной части камеры, у южной стенки, за головой погребенного обнаружены детали щита: пять железных скоб со следами дерева (рис. 7, *1—5*), железный шлемообразный с широким полем умбон, сохранность плохая, диаметр 22,5 *см*, высота около 9 *см* (рис. 6, *21*) и железная ручка с плоскими расширенными концами; на каждом из четырех углов по отверстию для крепления ручки к деревянной основе щита. Центральная часть ручки выгнуто-выпуклая, ширина около 3 *см* (рис. 6, *22*). Там, где лежали остатки щита, расстояние между стенкой склепа и головой погребенного не превышает 0,5 *м*, а фактически оно было еще меньше из-за деревянного гроба, поскольку умбон лежал острием вниз, ручка рядом с ним, а скобы далее полукругом, можно предполагать, что щит был приставлен к стене камеры и, сгнив, упал на пол.

В центральной части камеры найден лепной одноручный горшочек с плоским дном (рис. 6, *1*).

У восточной стенки лежала частично сохранившаяся верхняя крышка дубового гроба-колоды, в которой, по-видимому, находилось детское захоронение. Длина крышки 1,5, ширина 0,5 *м*. Нижняя часть гроба-колоды и костяк полностью истлели. Судя по положению крышки (широкая сторона обращена к южной стене), костяк был ориентирован головой на ЮЮВ.

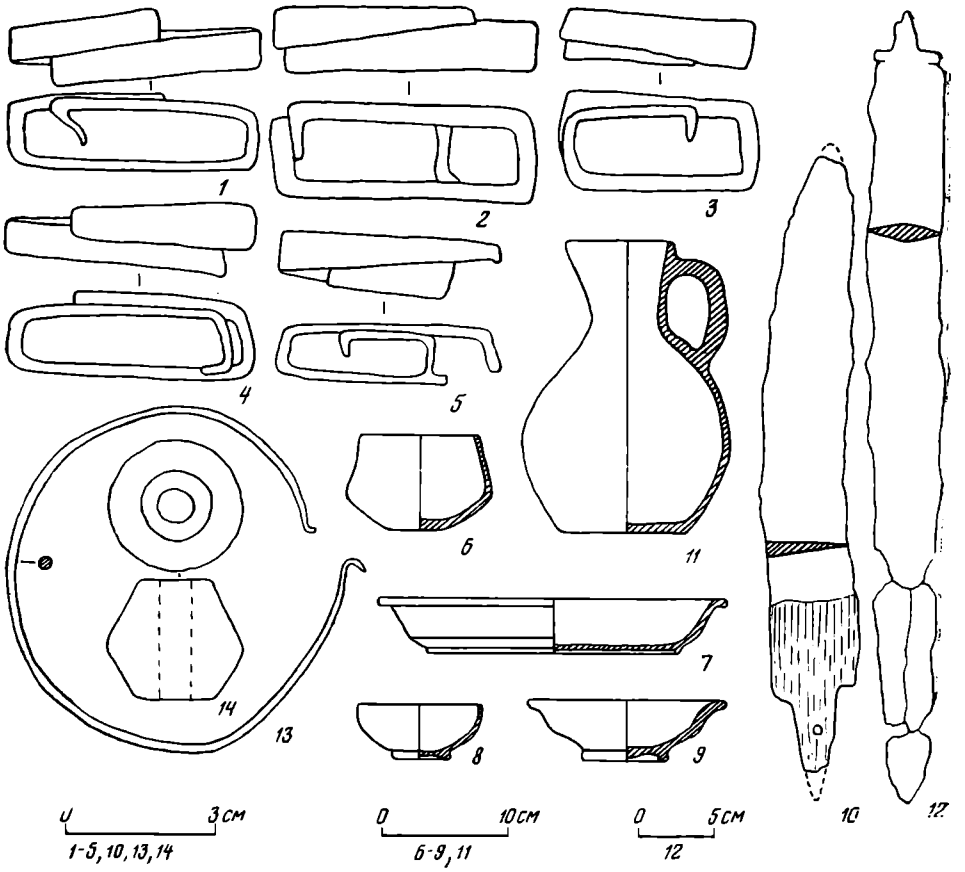


Рис. 7. Вещи из могильника Озерное III. *1—5* — из склепа 2; *6* — *14* — из склепа 3. Изделия из металла: *1–5*, *10*, *12* — железо, *13* — бронза. Сосуды: *6—9* — красноглиняные гончарные, *11* — сероглиняный лепной, *14* — глина

В юго-восточном углу камеры на полу обнаружены следующие находки. Кувшин одноручный красноглиняный. Венчик отогнут наружу, горло короткое и узкое, тулово яйцевидной формы, дно плоское, широкое, высота 24 *см*, диаметр венчика 8,6, тулова — 16, дна — 10,7 *см* (рис. 6, *2*). Железный нож, длина 18 *см* (рис. 6, *23*), берцовая кость крупного животного (коровья?) и темноглиняный лепной горшочек (рис. 3, *г*). Амфора красноглиняная с узким и высоким горлом, венчик идет полуваликом по наружной стороне, тулово коническое, желобчатое, заканчивающееся незначительно расширенной кольцеобразной ножкой. Ручки по наружной стороне реберчатые. Высота 46,5 *см*, диаметр горла 4,8, тулова — 15, ножки — 4,5 *см* (рис. 6, *3*). Здесь же были разбитые лепные кувшинчик и горшочек.

В нише-полке находилось скопление вещей. Деревянное овальное плохо сохранившееся блюдо, в котором плоды грецкого и лесного ореха и три плода груши. Рядом две деревянные ложки, одна хорошей сохранности, общая длина 27,5 *см* (рис. 6, *4*), от другой сохранилась только ручка, длина 14,8 *см* (рис. 6, *5*). Нож железный, длина 7 *см* (рис. 6, *24*), и коровья (?) кость, вероятно, плечо. В северо-восточном углу стояла сероглиняная лепная миска. Форма округлая, дно плоское. Высота 10,5 *см*, диаметр венчика 21,6, дна — 9,5 (рис. 6, *6*). В миске лепные одноручные темноглиняные кувшин (рис. 6, *7*) и горшочек (рис. 6, *8*). Ближе к краю — разбитый зеленоватый стеклянный графинчик, тулово шаровидное, венчик отогнут наружу, горло узкое, высокое, дно вогнутое (рис. 3, *д*) и разбитый голубоватый стеклянный стакан с округлыми стенками, ото-

гнутым венчиком, миниатюрным дном (рис. 3, *ж*). Миска красноглиняная. Бортик незначительно вогнут, стенки косые, дно на кольцевой ножке (рис. 6, *9*), и одноручный лепной горшок (рис. 6, *10*). В северо-западном углу ниши — одноручный кувшинчик из тонкого голубоватого стекла. Венчик отогнут наружу, горло высокое, расширяющееся книзу, тулово яйцевидной формы, на кольцевой ножке. Ручка плоская, снаружи реберчатая, прикреплена к нижней части венчика, выступает над ним небольшим завитком. Горло сосуда орнаментировано по спирали накладной стеклянной нитью того же цвета. Высота сосуда 19,5 *см*, диаметр венчика 6, тулова — 10, кольцевой ножки — 5 *см* (рис. 6, *11*).

Склеп 3. Склеп расположен в 27,5 *м* к юго-западу от склепа 1. Вырублен в плотной материковой глине желтого цвета. Ориентирован камерой на северо-запад, дромосом на юго-восток. Дромос раскопан не полностью, поэтому не удалось определить его истинные размеры и характер спуска в него (наличие ступеней). Длина раскопанной части 2,8 *м*, глубина от современной поверхности 2,6 *м*, ширина у входного отверстия 1,3 *м*, в противоположном конце — 1 *м*. Отверстие заложено известняковой плитой, длина 1,3, ширина 0,9, толщина 0,1 *м*. Входное отверстие арочной формы, высота 0,7, ширина 0,8 *м*. Входное отверстие и дромос смещены на 0,1 *м* к северо-восточной стенке камеры. Пол ниже уровня дромоса на 0,7 *м*. Для удобства и облегчения спуска в камеру у ее юго-восточной стенки оставлена ступенька высотой 0,2, шириной 0,4, длиной 1,1 *м*. Ступенька смещена к юго-западной стенке камеры. В плане камера склепа прямоугольная. Размер сторон по продольной оси 2,6, поперечной — 2 *м*, наибольшая высота 1,5 *м*. Обвалившийся потолок был, по-видимому, куполообразным. В северо-западной стенке вырублены две ниши-полки, вероятно для светильников. Одна на 0,7 *м* выше пола камеры, в 0,3 *м* от западной стенки; высота 0,24, глубина 0,1, ширина 0,2 *м*. В нише лежали обломки тонкостенного стеклянного сосуда, форма не установлена. Другая — на 0,6 *м* выше пола, в 0,3 *м* от восточной стенки, высота 0,3, глубина 0,1, ширина 0,2 *м*. На полу камеры в дубовых гробах-колодах (лежали) три костяка, от которых почти ничего не осталось.

Погребение 1[4] находилось в дубовом гробе-колоде, установленном на трех плоских камнях. Дерево почти полностью истлело. Длина гроба более 2 *м*, ширина 0,4—0,5 *м*. Костяк истлел, частично сохранились бедренные кости, судя по расположению которых, погребенный лежал на спине головой на ЮЮВ. У изголовья погребенного ряд предметов. Остроребер-ный красноглиняный сосуд, стенки тонкие, незначительно скошены внутрь, дно плоское, несколько вогнуто (рис. 7, *6*). Красноглиняное, покрытое красной обмазкой блюдо, стенки толстые, бортик отогнут наружу, дно плоское, высота 4,5 *см*, наибольший диаметр 28,5, дна — 20,5 (рис. 7, *7*). В блюде стояла красноглиняная, покрытая красной обмазкой мисочка на кольцевой ножке. Высота 4,5, наибольший диаметр 10,3, дна — 4,6 *см* (рис. 7, *8*). В ней найдены яичная скорлупа и мелкие куриные (?) кости. Посредине между западной стенкой и погр. 1 стояла красноглиняная мисочка, бортик отогнут наружу, стенки овальные, на кольцевой ножке (рис. 7, *9*). В мисочке также яичная скорлупа и большая коровья (?) кость, вероятно плечевая. Рядом с мисочкой лежали два железных ножа, длина 10,5 и 12,5 *см* (рис. 7, *10*), и два обломка однолезвийного кинжала, длина 12,5 и 12,3 *см* (верхняя часть, как у ножа на рис. 4, *23*).

Погребение 2. Длина гроба-колоды, по-видимому, более 2 *м*. Дерево истлело. Под гробом — один камень (изголовье). Костяк не сохранился. Удалось проследить расположение больших берцовых костей и нижней челюсти. Костяк лежал, по-видимому, на спине, головой на ЮЮВ. Справа от гроба на уровне тазовых костей лежал лепной одноручный серо-

[4] Нумерация погребений ведется начиная от западной стенки.

глиняный кувшин, тулово шаровидное, горло короткое, расширяющееся к венчику, дно плоское. Кувшин деформирован, возможно, во время обжига; высота 23,5 *см*, диаметр тулова 17, венчика — 9,5, дна — 10,5 *см* (рис. 7, *11*).

Погребение 3. Дубовый гроб-колода установлен на четырех камнях. Дерево истлело. Длина гроба более 2 *м*. От костяка частично сохранились бедренные кости. Погребенный лежал, по-видимому, на спине, головой на ЮЮВ. Под восточной стенкой, на уровне головы и верхней части правой руки, в пределах гроба лежал острым концом к голове железный меч, длина 52,5 *см*, наибольшая ширина 5,5 (рис. 7, *12*). На уровне локтя левой руки найдены бронзовый проволочный браслет с загнутыми концами, диаметр 7 *см* (рис. 7, *13*), и глиняное биконическое пряслице (рис. 7, *14*).

Для могильника Озерное III характерно наличие трех типов погребальных сооружений: простые грунтовые ямы, ямы с подбоем и склепы. Все погребальные сооружения, кроме грунтовой ямы 3, ориентированы по продольной оси ССЗ—ЮЮВ, грунтовая яма 3 — по оси юго—север. Все три склепа Озерного III направлены камерой на ССЗ, что связано с местным рельефом. Аналогичное расположение камер и ориентацию имеют некоторые склепы Инкерманского могильника [5], склепы и подбойные могилы Чернореченского могильника [6].

Простые грунтовые ямы, ориентированные длинными сторонами по оси юго—север, встречаются в Озерном II [7], Чернореченском [8] и Инкерманском [9] могильниках. Погребальным сооружениям Озерного III наиболее близки по форме подобные могилы и грунтовые ямы Чернореченского могильника [10], склепы, подбойные могилы и грунтовые ямы Инкерманского [11] могильников II—IV вв. н. э. Подбойная могила Озерного III, как, впрочем, и погребальные сооружения этого типа других могильников юго-западного Крыма [12], близка погребальным сооружениям сарматов Южного Приуралья, Нижнего Поволжья [13], Прикубанья и Нижнего Поднепровья [14].

Характерным обрядом погребений в могильнике Озерный III является трупоположение в деревянном (дубовом) гробе-колоде. Положение костяков на спине, ноги вытянутые, положение рук непрослежено; ориентировка костяков в склепах головой на ЮЮВ, в подбойной могиле и в грунтовых ямах на — ССЗ, в грунтовой яме 3 костяк лежал головой на север. Погребения с ЮЮВ ориентировкой известны в склепах Инкерма-

---

[5] *С. Ф. Стржелецкий.* Раскопки в Инкермане в 1940 г. СА, 1947, IX, стр. 286, рис. 1; *Е. В. Веймарн.* Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 228, рис. 9; *его же.* Археологічні роботи в районі Інкермана. АП, XIII, 1963, стор. 32—36, рис. 28.

[6] *В. П. Бабенчиков.* Чорноріченський могильник. АП, XIII, 1963, стор. 90—118, стор. 98, рис. 6.

[7] *Н. А. Богданова.* Отчет об археологических раскопках 1964 г. могильника II—III вв. н. э. в районе с. Скалистого. Архив БИАМ, д. № 89.

[8] *В. П. Бабенчиков.* Ук. соч., стор. 90, 112, 113.

[9] *Е. В. Веймарн.* Археологічні роботи.., стор. 29—32.

[10] *В. П. Бабенчиков.* Ук. соч., стор. 90—129.

[11] *С. Ф. Стржелецкий.* Уч. соч., рис. 1. 2 на стр. 286—287; *Е. В. Веймарн.* Ук. соч., (1963), стор. 15—89, рис. 18; 20, *б;* 12, *в;* рис. 10, 15, *б,* 16 *в;* рис. 22, 26, *г;* рис. 25, 27, 28.

[12] *Н. О. Богданова.* Могильник I ст. до н. е.— III ст. н. е. біля села Завітне, Бахчисарайского району. Археологія, XV, 1963, стор. 95; *Н. А. Богданова, И. И. Гущина.* Раскопки могильников первых веков нашей эры в юго-западном Крыму в 1960—1961 гг. СА, 1964, 1, стр. 324; *Н. А. Богданова.* Отчет об археологических раскопках и разведках Бахчисарайского историко-археологического музея в 1960 г. Архив БИАМ, д. № 52; *ее же.* Ук. отчет за 1964 г.; *В. П. Бабенчиков.* Ук. соч., стор. 90; *В. Е. Веймарн.* Раскопки..., стр. 216; *его же.* Ук. соч., (1963), стор. 15.

[13] *М. П. Абрамова.* Сарматская культура II в. до н. э. СА, 1959, 1, стр. 54.

[14] *М. И. Вязьмитина.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1952, стр. 220.

на [15] и Черноречья [16]. Северная, ССЗ и ССВ ориентировка погребений характерны для большинства подбойных могил и простых грунтовых ям Чернореченского [17] и ряда погребальных сооружений этого типа в Инкерманском могильнике [18].

Северная и южная ориентировка погребений в сочетании с другими чертами погребального обряда — положение на спине в вытянутом положении, наличие деревянных долбленых гробов-колод, заупокойной пищи и т. д.— связывается с погребальными обычаями сарматов [19].

Погребальный инвентарь могильника Озерное III многочислен (в склепах), разнообразен и находит близкие или полные аналогии среди материалов могильников первых веков нашей эры прежде всего в юго-западном Крыму. Кувшину из склепа 1 (рис. 5, *13*) близок по материалу, технике исполнения, орнаментике, форме ручки кувшин из Пантикапея, опубликованный И. Т. Кругликовой [20] и датируемый III—IV вв. н. э. В этом же склепе обнаружена большая темноглиняная с лощением трехручная миска с плоским дном, двухстворчатыми ручками, орнаментированная по плечикам горизонтальными вдавленными линиями (рис. 5, *4*). Полных аналогий ей мы не нашли. Близкими по форме являются сосуды из подбойной мог. 6 Инкерманского [21] и погр. «А» Малаештского [22] могильников. Три остроребериые с желобчатой нижней частью амфоры из могильника Озерное III (две светло-глиняные из подбойной могилы, рис. 1, *7*, и склепа 1, рис. 5, *6*, одна красноглиняная из склепа 2, рис. 6, *3*) аналогичны амфорам Инкерманского [23] и Херсонесского [24] могильников и хорошо датируются III—IV вв. н. э. [25] Этим же временем датируются два краснолаковых блюда из склепов 1 (рис. 5, *10*) и 3 (рис. 7, *7*). Очень близкие аналогии блюду из склепа 1 имеются в Инкермане [26] и в Тиритаке [27]. С блюдом из склепа 3 совершенно сходны блюда из Инкерманского могильника [28] и Танаиса [29]. Кроме глиняных изделий, в склепах 1 и 2 обнаружены стеклянные тонкостенные кувшинчики и кубки. Стеклянные кувшины, аналогичные нашему из склепа 2 (рис. 6, *11*), неоднократно были найдены в подбойных могилах [30] и склепе Инкерманского могильника [31], в Херсонесе [32], Тиритаке [33], в грунтовом могильнике у с. Заморское [34]. Они датируются III—IV вв. н. э. В склепе 2

---

[15] *С. Ф. Стржелецкий.* Ук. соч., стр. 286—290, рис. 1 на стр. 286.
[16] *В. П. Бабенчиков.* Ук. соч., стор. 113—119.
[17] Там же, стр. 90.
[18] *Е. В. Веймарн.* Ук. соч. (1963), стор. 15.
[19] *И. И. Лобова.* Сарматы в Крыму. Автореф. канд. дис. М., 1956, стр. 7; *И. И. Гущина.* О сарматах в юго-западном Крыму. СА, 1967, 1, стр. 44.
[20] *И. Т. Кругликова.* О местной керамике Пантикапея. МИА, 33, 1954, стр. 107, рис. 7, *2*.
[21] *Е. В. Веймарн.* Ук. соч. (1963), стр. 18, рис. 5, *1*.
[22] *Г. Б. Федоров.* Малаештский могильник. МИА, 82, 1960, стр. 294, рис. 20, *9*.
[23] *С. Ф. Стржелецкий.* Ук. соч., стр. 292, рис. 7; *Е. В. Веймарн.* Ук. соч. (1963), стор. 22, рис. 15, *12—14*.
[24] *Р. Х. Лепер.* Дневник раскопок Херсонесского Некрополя. ХСб., II, 1927, стр. 252, 254; *Г. Д. Белов.* Раскопки Херсонеса, 1934. Спмферополь, 1936, стр. 20, 21, рис. 15.
[25] *С. Ф. Стржелецкий.* Ук. соч., стр. 294, 295; *Е. Б. Веймарн.* Ук. соч., (1963), стр. 41.
[26] *С. Ф. Стржелецкий.* Ук. соч., стр. 290—295, рис. 4 и 5 на стр. 290 и 291; *Е. В. Веймарн.* Ук. соч. (1963), стор. 21—41, рис. 13 на стор. 21.
[27] *В. Ф. Гайдукевич.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 123, рис. 153.
[28] *Е. В. Веймарн.* Ук. соч. (1963), стор. 21, рис. 13, *5*.
[29] *Т. Н. Книпович.* Танаис. М.— Л., 1949, стр. 71, рис. 26, *9*.
[30] *Е. В. Веймарн.* Ук. соч. (1963), стор. 16—29, рис. 5, *4*.
[31] *С. Ф. Стржелецкий.* Ук. соч., стр. 291.
[32] *Р. Х. Лепер.* Ук. соч., стр. 252—254, рис. 13, *1*.
[33] *М. М. Кобылина.* Раскопки Некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, 4, 1941, стр. 83, рис. 123.
[34] *П. П. Толочко.* Исследования на Украине. АО—1967, М., 1968, стр. 188.

найден красноглиняный одноручный кувшин с расширенным венчиком, яйцевидным туловом, плоским широким дном (рис. 6, *2*). Очень сходными по форме с нашим кувшином являются два сосуда из Ранжевого [35], датируемые первыми веками нашей эры.

Много лепной с лощением посуды (кувшины, миски, одноручные горшки) обнаружено в склепах 1 и 2. Одноручный лепной с лощением кувшин из склепа 1 (рис. 5, *2*) очень сходен по форме и материалу с кувшином из склепа 21, а кувшин из склепа 2 (рис. 6, *7*) с кувшином из подбойной мог. 26 Инкерманского могильника [36]. Сероглиняная лепная с лощением миска из склепа 2 (рис. 6, *6*) по форме весьма сходна с сосудами III—IV вв. н. э. из Инкермана [37]. Сосуды аналогичной формы встречены также в погребениях меото-сарматского могильника у станицы Усть-Лабинской, верхняя дата которого II в. н. э. [38], и на позднескифских городищах Красное и Неаполь [39], где эти формы датируются не позднее I в. н. э. Изделия из металлов представлены в Озерном III бронзовым проволочным браслетом, бронзовыми и серебряными пряжечками, бронзовой арбалетной фибулой, железными ножами, кинжалами, мечами, удилами и деталями щита. Все перечисленные вещи имеют близкие или полные аналогии в материалах могильников юго-западного Крыма и Северного Причерноморья и твердо датируются III—IV вв. н. э.

Арбалетная фибула, найденная в склепе 1 (рис. 4, *16*), очень сходна с фибулами из могильников Инкермана [40], Ромашек [41], Приднепровского на Нижнем Днепре [42], а также в Молдавии [43]. Бронзовые пряжки из склепа 1 (рис. 4, *1*—6) и подбойной могилы (рис. 1, *11*) имеют множество аналогий в Херсонесе [44], Инкерманском [45], Малаештском [46], Августиновском [47] могильниках. В склепе 2 обнаружены железный с широкими полями шлемовидной формы умбон, рукоятка щита и скобы (рис. 6, *21*, *22*; 7, *1—5*). Аналогичные умбоны обнаружены в погребениях 3 и 20 Малаештского могильника, где ими были накрыты сосуды с кальцинированными костями воинов [48].

Длинные мечи из склепа 1 и подбойной могилы (рис. 1, *10*) могильника Озерного III сходны по размерам и форме с мечами, найденными в могильниках Инкермана [49], Заветного [50], на Боспоре [51], а также по всей территории распространения сарматской культуры — Южное Приуралье [52], Нижнее Поволжье, Северное Причерноморье [53]. Мечи данного

---

[35] *Э. А. Сымонович.* Итоги исследования черняховских памятников в Северном Причерноморье. Сб. «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967, стр. 299, рис. 16, *4*, стр. 233, рис. 18, *17*.

[36] *Е. Б. Веймарн.* Ук. соч. (1963), рис. 14, *7*, *11*.

[37] Там же, стр. 19, рис. 7, *22*.

[38] *Н. В. Амфимов.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 171, рис. 5, *12*, *13*.

[39] *О. Д. Дашевская.* Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, 64, 1958, стр. 257, рис. 3, *11*, стр. 266, рис. 7, *12*.

[40] *Е. В. Веймарн.* Ук. соч. (1963), стр. 20, рис. 10, *3*.

[41] *М. Ю. Брайчевский.* Ромашки. МИА, 82, 1960, стр. 118, табл. IV, рис. 8.

[42] *Э. А. Сымонович.* Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. МИА, 82, 1960, стр. 233, табл. XIII, рис. 14, 17.

[43] *Э. А. Рикман.* Жилища Будештского селища. МИА, 82, 1960, стр. 324, рис. 19, *5*.

[44] *Л. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес. МИА, 62, 1959, стр. 270, рис. 135, *5*, *11*, *13*.

[45] *Е. В. Веймарн.* Ук. соч. (1963), стор. 20, рис. 9, *1—6*, *10*.

[46] *Г. Б. Федоров.* Ук. соч., стр. 292, рис. 18, *1*, *2*, *4*, *6*, *7*.

[47] *А. Т. Брайчевская.* Черняховские памятники Надпорожья. МИА, 82, 1960, стр. 190, табл. V, рис. 5—7.

[48] *Г. Б. Федоров.* Ук. соч., стр. 270, 272, рис. 13, *1—3*, на стр. 288.

[49] *Е. В. Веймарн.* Ук. соч. (1963), стр. 19, рис. 8, *5—8*; стр. 25—42.

[50] *И. И. Гущина.* О сарматах в юго-западном Крыму, стр. 49, рис. 4, *1*.

[51] *Н. И. Сокольский.* Боспорские мечи. МИА, 33, 1954, стр. 165, табл. X, рис. 4, *7*.

[52] *К. Ф. Смирнов.* Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, 22, 1948, стр. 8, рис. 30, *1*.

[53] *И. И. Гущина.* О сарматах в юго-западном Крыму, стр. 17—49.

типа датируются II—IV вв. н. э. В Озерном III довольно часты мечи и кинжалы с боковыми вырезами, шириною 1—1,5—2 и глубиною 9—12 *мм* в верхней части лезвия (рис. 1, *4*; 6, *12, 13*; 7, *12*). Брусковые рукояти выкованы из одного куска железа с клинками и имеют следы дерева (рис. 8).

Рассмотренный инвентарь погребений могильника Озерное III на фоне вещевого материала различных могильников позднеантичного времени дает основание датировать его второй четвертью III—IV в. н. э. Эта дата подтверждается тремя серебряными монетами Гордиана (238—244), Севера (244—249) и Траяна (249—251) и четырьмя бронзовыми монетами Константина I (306—337), обнаруженными в склепе 1, бронзовой монетой Лициния Старшего (308—324), найденной в склепе 2. Анализ погребального обряда и инвентаря могильника позволяет связывать погребения могильника Озерное III с сарматским населением. Данный вывод подкрепляется наличием в склепе 1 сарматских знаков, нанесенных черной краской или с помощью острых предметов на стенки склепа. Полных аналогий знакам, нанесенным на северную стенку, мы не знаем. Близким по форме знаку 2 (рис. 2, *4*) является знак, обнаруженный на одной из плит перекрытия погр. 30 мог. Озерное II, датируемого I—III вв. н. э.[54] Приближенную аналогию знаку 3 (рис. 2, *5*) мы видим в знаках, имеющихся на монете боспорских царей III—IV вв. н. э.[55], а знаку на восточной стенке склепа (рис. 2, *6*) соответствует знак на бронзовом котле, датируемом первыми веками нашей эры[56]. Из всех могильников юго-западного Крыма первых веков нашей эры наиболее близким Озерному III является Инкерманский[57]. В Инкермане, как и в Озерном III, погребальные сооружения представлены тремя типами: подбойными могилами, простыми ямными могилами и склепами. Некоторые могилы, подбойные и ямные, ориентированы по оси С—Ю или ССЗ—ЮЮВ. Камерой на С, СЗ и СВ ориентированы и пять из семи открытых склепов, т. е. во всех трех типах погребальных сооружений мы находим ориентировку, подобную той, которая имеет место в Озерном III. Ориентировка могил и склепов Инкермана и Озерного III обусловлена рельефом местности. Видимо, прежде чем вырыть могилу или вырубить склеп и похоронить умершего, отыскивалось место с определенным рельефом, на котором могилы могли быть ориентированы длинными сторонами, а склепы — камерой-дромосом только по оси, например, С—Ю или ССЗ—ЮЮВ и т. д. Таким образом, при захоронении умершего последнему обеспечивалась строго определенная ориентировка, связанная с тем или иным погребальным обрядом. Ориентировки погребений могильников на С, ССЗ и ЮЮВ Озерного III и Инкермана, видимо, связа-

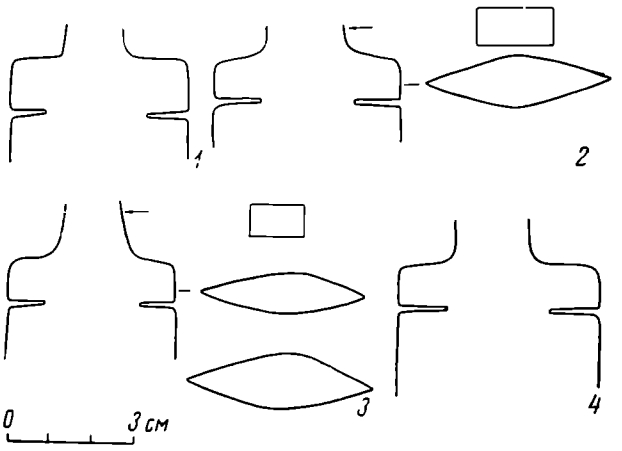


Рис. 8. Детали мечей: *1* — могила 3 (рис. 1, *4*); *2* — склеп 2 (рис. 6, *12*); *4* — склеп 3 (рис. 7, *12*) и кинжала: *3* — склеп 2 (рис. 6, *13*). Разрезы лезвия кинжала сделаны на расстоянии 10 *см* один от другого

[54] Там же, стр. 51, рис. 3.
[55] *Э. И. Соломоник.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, стр. 165, 166, № 156.
[56] Там же, стр. 135, № 139.
[57] *Е. В. Веймарн.* Раскопки..., стр. 216; *его же.* Ук. соч. (1960), стр. 15.

ны с сарматским погребальным обрядом. Интересно отметить, что в Инкермане, как и в Озерном III, ориентировка погребенных в сооружениях разного типа диаметрально противоположна. Например, погребенные в инкерманских склепах 1 и 3 ориентированы головой на ЮЮВ[58], а костяки в ямных могилах 9—13 — головой на С, ССЗ и ССВ[59].

Инкерманский могильник и Озерное III сближает и то обстоятельство, что и там и здесь обнаружены совершенно аналогичные или близкие по форме, размерам и материалу вещи: глиняная гончарная, лепная и стеклянная посуда с остатками жертвенной пищи, железные ножи, бронзовые пряжки, бусы, глиняные пряслица, амфоры с греческими надписями, бронзовые монеты императоров Константина I (306—337) и Лициния Старшего (308—324). Из многих могильников юго-западного Крыма первых веков нашей эры, в Инкерманском и Озерном III обнаружено наибольшее количество оружия — железные кинжалы, короткие и длинные мечи, которыми были вооружены конные воины.

Все сказанное выше подтверждает сходство и датировку могильников и, по-видимому, этническую принадлежность отдельных погребений Инкермана и погребений Озерного III.

Несмотря на ряд общих черт, сближающих Инкерманский могильник и Озерное III, между ними имеются определенные различия. Во-первых, в отличие от инкерманских, почти все погребения Озерного имеют деревянные гробы-колоды, что характерно для сарматских могильников Нижнего Поволжья[60] и Прикубанья[61]. Во-вторых, ориентировка погребенных в Инкермане самая различная, с преобладанием восточной, в то время как в Озерном III она носит устойчивый характер: в склепах — на ЮЮВ, в могилах на ССЗ и С, последняя характерна для позднесарматских памятников[62]. И наконец, в-третьих, в Озерном III обнаружены в отличие от Инкермана, где их нет, знаки, встречаемые только на сарматских памятниках[63].

Таким образом, несмотря на большое сходство двух могильников, между ними существуют принципиальные различия, заключающиеся в том, что в погребениях Озерного III имеется больше по сравнению с Инкерманским могильником сарматских черт.

I. I. Loboda

LES FOUILLES DU CHAMP FUNERAIRE D'OZERNOIE III DE 1963–1965

Résumé

En Crimée, près du village d'Ozerny (district de Bakhtchisarai) sur un terrain d'une superficie de 2.000 m² on a mis au jour trois sépultures en fosses simples, dont une possède une niche pratiquée dans la paroi nord-est, et trois caveaux. Dans la chambre sépulcrale I il y a sur les parois, gravés ou tracés à la suie, des dessins de chevaux et des signes. Les corps étaient déposés dans des cercueils creusés dans des troncs de chênes. Dans les chambres funéraires I et 2 il y avait deux inhumations, et trois dans le caveau 3. Les hommes avaient été enterrés avec leurs armes (glaives et baudriers, restes d'un bouclier). Dans l'article on publie toutes les pièces découvertes, et l'on fixe la place occupée par le cimetière d'Ozerny dans la culture de la population du Sud-Ouest de la Crimée. Par les objets et les monnaies qui y ont été découverts, on peut dater ce lieu de sépulture du second quart du IIIe s. ou du IVe s.

---

[58] *Е. В. Веймарн.* Ук. соч. (1963), стор. 32—37.

[59] Там же, стор. 31, 32.

[60] *И. В. Синицын.* Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 157; *К. Ф. Смирнов.* «Быковские курганы». Там же, стр. 200.

[61] *И. И. Гущина.* О сарматах в юго-западном Крыму, стр. 44.

[62] Там же.

[63] *Э. И. Соломоник.* Ук. соч., стр. 84, 155, 166.

П. А. РАППОПОРТ

«СТАРАЯ КАФЕДРА» В ОКРЕСТНОСТЯХ ВЛАДИМИРА-ВОЛЫНСКОГО

Приблизительно в 1 *км* к западу от Владимира-Волынского расположена дер. Федоровка. Здесь, начиная по крайней мере с XVI в., существовала Федоровская церковь. Она упоминается уже в документе 1547 г., а в описи 1695 г. названа «стародавней кафедрой владимирских епископов» [1]. По-видимому, именно поэтому и само урочище, где стояла церковь, получило у местного населения название «Старая кафедра». В XVIII в. на этом месте была построена деревянная часовня Федора Стратилата, которую разобрали в 1815 г. [2] Церковь, упомянутая в документах XVI—XVII вв., была деревянной; здесь же, на высоком правом берегу р. Луг, под небольшим холмом явно проступали остатки древней кирпичной постройки.

В 1886 г. А. В. Прахов, проводя обследование полуразрушенного здания Мстиславова собора, обратил внимание на остатки древней постройки в урочище «Старая кафедра» и произвел здесь раскопки. При раскопках были вскрыты руины довольно большого трехапсидного шестистолпного кирпичного храма (рис. 1). Северная и западная стены храма сохранились на высоту более 2 *м*, в то время как южная оказалась почти целиком (кроме западного ее участка) рухнувшей в реку.

К сожалению, все сведения о раскопанном храме ограничиваются информацией, которую привел в своей книге присутствовавший на раскопках местный любитель старины Е. Н. Дверницкий [3]. Документация раскопок не была опубликована и хранилась в семье А. В. Прахова. В 1948 г. Ю. С. Асеев обнаружил эту документацию и использовал в своей работе план церкви «Старая кафедра», исполненный А. В. Праховым (рис. 2) [4]. Позднее этот план опубликовал К. Н. Афанасьев [5].

Руины раскопанного храма оставались незасыпанными и постепенно разрушались. В 1916 г. их вновь засыпали землей [6].

Крайняя ограниченность сведений, которые имелись о раскопанном здании, ставила на очередь вопрос о повторном вскрытии этого памятника. Поэтому в 1975 г. церковь «Старая кафедра» была вновь полностью раскопана. Остатки здания лежали непосредственно под дерновым слоем,

---

[1] *Н. И. Теодорович.* Город Владимир Волынской губернии. Почаев, 1893, стр. 132, 133.

[2] *Е. Н. Дверницкий.* Памятники древнего православия в г. Владимире-Волынском. Киев, 1889, стр. 44.

[3] Там же, стр. 44—49. *Е. Дверницкий.* Археологические исследования в г. Владимире-Волынском и его окрестностях. «Киевская старина», т. XVII, 1887, январь, стр. 45—49.

[4] Фотокопию плана и фотографии, исполненные в 1886 г., автору любезно предоставил Ю. С. Асеев.

[5] *К. Н. Афанасьев.* Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 108.

[6] *О. Цинкаловський.* Матеріали до археології Володимирського повіту. «Записки наукового товариства імени Шевченка», т. CLIV. Львів, 1937, стор. 201.

Рис. 1. Северная стена «Старой кафедры». Фото 1886 г.

однако это были уже не стены, а только фундаменты; ни одного участка древних стен не сохранилось (рис. 3).

Фундамент храма ленточный, образующий общую связанную систему и дающий достаточно хорошее представление о плане здания (рис. 4). Храм был шестистолпным, трехапсидным. Ориентация его продольной оси по азимуту 75°. Юго-восточная часть фундамента не сохранилась, она обвалилась в реку.

В местах расположения наружных лопаток фундамент имеет прямоугольные расширения, выступающие от фундамента на 1,2 *м*. Ширина выступов от 1.85 до 2,35 *м*. Угловые выступы еще больше, их ширина около 3 *м*. Оказалось, что план храма, составленный А. В. Праховым, заслуживает доверия. Он совпадает с раскопанным фундаментом не только по очертанию, но и по размерам (рис. 5). Так, Е. Н. Дверницкий отметил, что храм имел в длину около 36 аршин при ширине 24 аршина, что почти точно соответствует размерам раскопанного фундамента, длина которого 25,35 и ширина 17,05 *м*. Очевидно, заслуживает доверия и показанная на чертеже А. В. Прахова необычно большая толщина стен храма — около 2 *м*, также совпадающая с шириной раскопанных фундаментов [7]. Характерная особенность памятника — наличие полуколонн на наружных лопатках стен, за исключением угловых лопаток [8]. Нартекс храма был отделен от основного помещения стенкой. Размер сторон подкупольного пространства около 4,7 *м*.

Фундамент целиком кирпичный. На отдельных участках (главным образом наиболее ответственных в конструктивном отношении — столбы, участки стен в местах примыкания арок и пилястр) фундамент сложен из цельных кирпичей на растворе. Кладка аккуратная, но без перевязки швов и с использованием в средней части кладки битых кирпичей, а иногда даже с кирпичными рядами, повернутыми по диагонали (юго-западный подкупольный столб). Раствор в кладке фундамента встречается двух типов — очень прочный раствор серо-белого цвета и несколько

[7] К. Н. Афанасьев в связи с большой толщиной стен храма высказал предположение о его оборонном значении (*К. Н. Афанасьев*. Ук. соч., стр. 107). Это предположение не имеет серьезных оснований.

[8] На чертеже в книге К. Н. Афанасьева все лопатки западной стены ошибочно показаны плоскими.

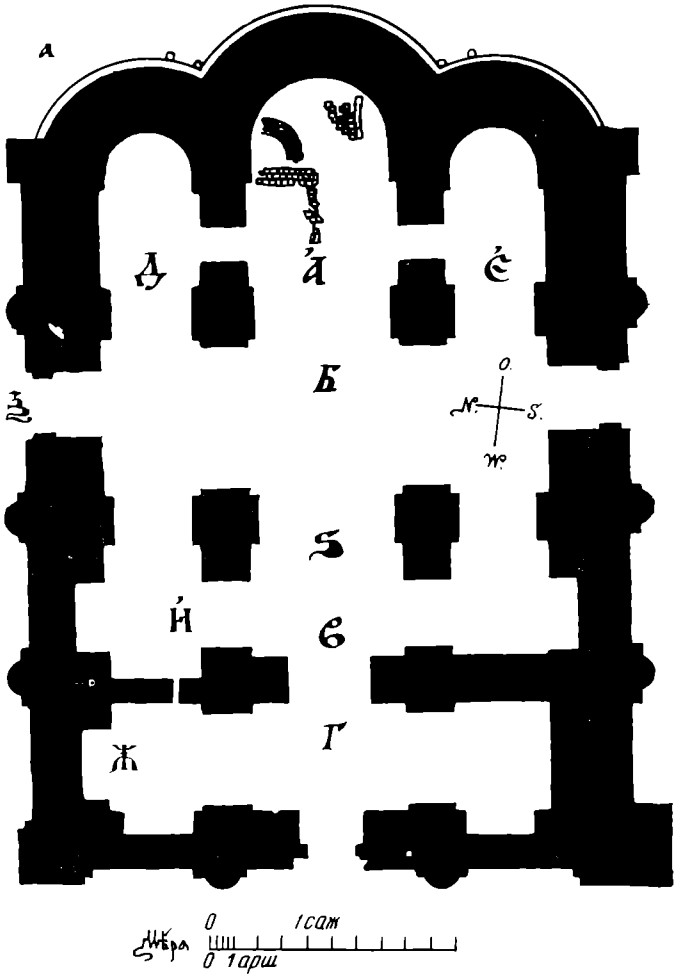


Рис. 2. «Старая кафедра». План, составленный А. В. Праховым

менее прочный коричневый. Участки фундамента, лежащие между этими конструктивно прочными частями, а именно стены между пилястрами и ленточные фундаменты, исполнены иначе: они представляют собой фундаментальные рвы, заполненные насухо кирпичным боем. В большинстве мест кирпичный бой заполняет весь фундаментный ров, но кое-где конструкция несколько иная — наружные поверхности сложены из цельных кирпичей, образуя как бы коробки, внутри которых насыпаны обломки кирпичей. Поверх кирпичного боя уложены четыре ряда кирпичной кладки на растворе, причем из цельных кирпичей сложены только наружная и внутренняя версты, а середина этих четырех рядов заполнена кусками кирпичей, но тоже на растворе. На одном участке (ленточный фундамент северной стороны подкупольного квадрата) отмечено, что кирпичный бой был насыпан только на самое дно рва, а выше ров был заполнен насухо, но не кирпичным боем, а щебнем из мелового известняка. По-видимому, такая же конструкция была и в ленточном фундаменте, проходившем поперек южной апсиды, но позднее этот фундамент частично высыпался при обвале грунта под юго-восточным углом храма.

Стенки фундаментных рвов вертикальные, отрытые без запаса, т. е. кладка фундамента примыкает к этим стенкам вплотную. Однако на участке примыкания северной траншеи к северной стене храма видно, что здесь между стенкой рва и кладкой фундамента имеется пространство шириной 10—12 *см*, засыпанное супесью.

Отмечено, что в нескольких местах верхние ряды кирпичей фундамента выступают наружу от плоскости стенки фундамента примерно на 10—30 *см*. Таким образом, верхние ряды кладки фундамента (большей частью четыре ряда) представляют собой как бы самостоятельную кирпичную вымостку, лежащую поверх фундамента. Вымостка эта, очевидно, рассматривалась как самостоятельная конструкция, не всегда точно совпадавшая по очертаниям с нижележащим фундаментом. Так, в среднем членении нартекса фундаменты сложены точно в соответствии с общей схемой здания, а встроенные в это членение три кирпичные гробницы заняли несколько меньше места, чем ширина всего членения. Поэтому между северной гробницей и северным ленточным фундаментом этого членения осталось пространство нетронутой черной земли. Сверху это пространство было перекрыто несколькими рядами кладки, т. е. вымосткой.

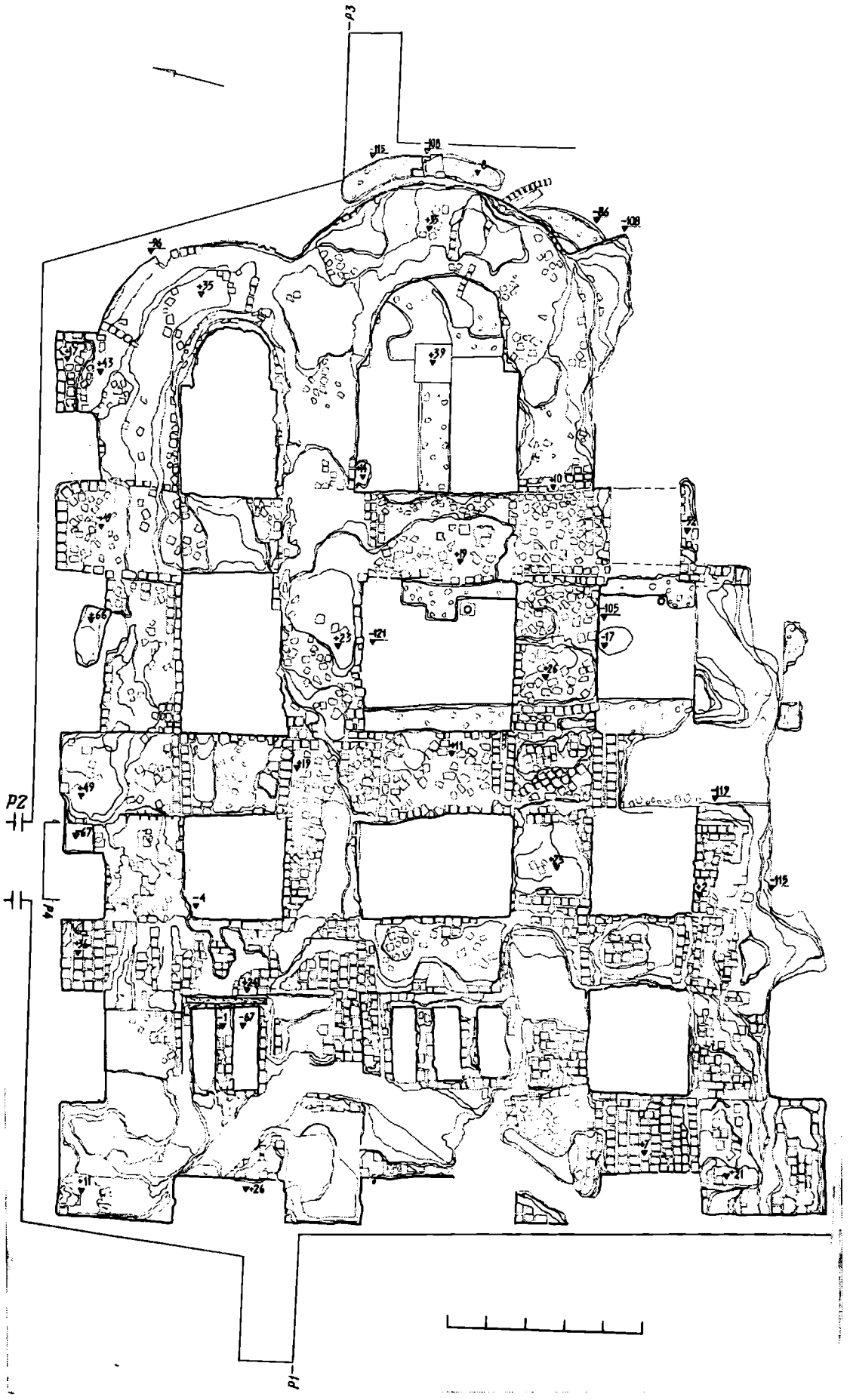
Рис. 3. Общий вид раскопок «Старой кафедры» в 1975 г.

На стратиграфических разрезах видно, что вокруг храма, поверх материковой супеси, всюду лежит темный гумусный слой — древняя погребенная почва (рис. 6). Выше залегает слой супеси, образовавшийся, по-видимому, в результате разравнивания земли, выброшенной при отрывании фундаментных рвов храма. Уровень поверхности был при этом поднят примерно на 30 *см*. На этом слое имеется тонкая прослойка известкового раствора, видимо отвечающая строительству здания. Культурного слоя над строительной прослойкой нет, и непосредственно над ней лежит слой разрушения храма. Очевидно, церковь просуществовала относительно недолго и явно выраженный культурный слой вокруг нее не успел отложиться, хотя при раскопках были найдены вещи, относящиеся к XII в. (керамика, стеклянные браслеты).

Низ вымостки фундамента лежит на уровне первоначальной поверхности земли, а верх этой вымостки, т. е. верх фундамента,— на уровне земли, поднятом после разравнивания супеси, выброшенной из рвов. Таким образом, фундамент был врезан в гумусированную почву и лежащую под ней материковую супесь примерно на 1 *м*, а затем вверх была выведена кирпичная вымостка до нового уровня земли. Общая глубина фундамента вместе с вымосткой была, таким образом, равна 1,2—1,3 *м*. Глубина фундамента всюду одинаковая, как на участках сплошной кладки, так и на участках, где фундамент состоит из уложенного насухо боя.

Кирпичи храма хорошо обожженные и четко формованные. Они очень разнообразны по формату: их размер колеблется — толщина от 3,5 до 7 *см*, ширина от 20 до 26,5 *см* и длина от 23,5 до 32 *см*. Статистическая обработка большого количества кирпичей показала, что кирпичи по размерам достаточно четко делятся на две группы. Первая группа, со-

Рис. 4. «Старая кафедра». План здания по раскопкам 1975 г. Цифры — отметки высот, те цифры, под которыми имеется горизонтальная линия,— глубины основания фундамента. За нулевую отметку принят уровень поверхности материка у западного фасада храма


P3
P2
P4
P1

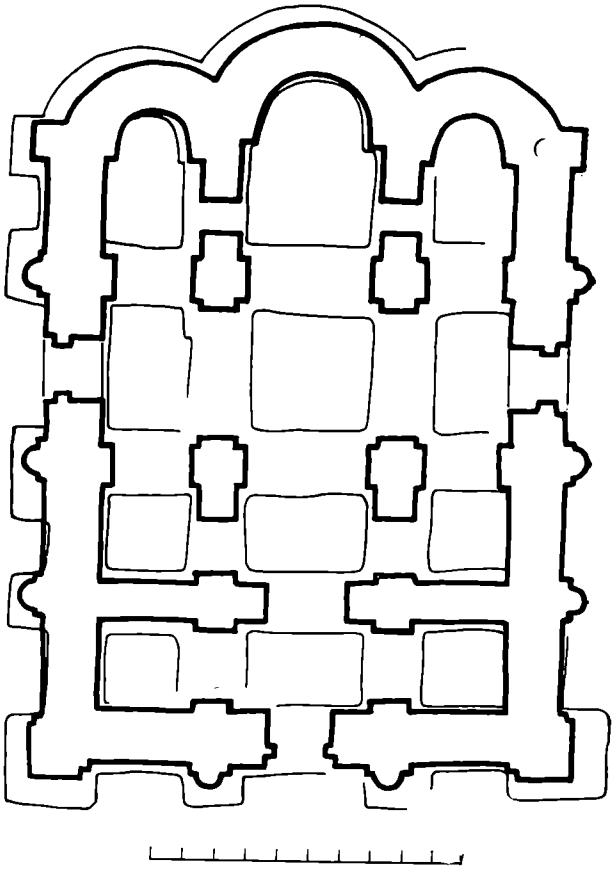


Рис. 5. Реконструкция плана церкви «Старая кафедра»

ставляющая 72% всех кирпичей, имеет ширину от 20 до 23,5 *см* и длину от 23,5 до 28,5 *см*, а вторая группа (28%) — ширину от 24 до 26,5 *см* и длину от 29,5 до 32 *см*. Значительное число кирпичей представляет собой единичные отклонения от основного стандарта. Если отбросить такие малотипичные образцы, окажется, что не менее 50% всех кирпичей храма имеет размер — 21,5×26,5 *см* с отклонениями до 1,5 *см* в большую или меньшую сторону. Вторая группа, составляющая около 13% кирпичей, имеет размер — (25—26) × (30—31) *см*. Остальные 37% — это кирпичи, отклонения размеров которых вызваны несовершенством формовки и условиями обжига. 81% кирпичей имеет толщину от 4 до 5 *см*; средний размер кирпичей данного памятника по толщине 4,5 *см*.

Кирпичи сделаны из разных сортов глины. Больше всего встречается кирпичей красно-коричневого цвета. Иногда попадаются оранжево-желтые кирпичи. Примерно 25—30% кирпичей имеет светло-желтый или даже белый цвет. Эти светлые кирпичи несколько прочнее и плотнее по тесту, чем красные. И среди белых и среди красных кирпичей встречаются как крупные, так и более мелкие. Вместе с тем можно отметить, что для белых кирпичей случайные отклонения менее характерны; больший процент этих кирпичей приближается к тому или иному стандарту.

Кирпичи, как правило, не имеют мятых кромок. Встречаются кирпичи, ребра которых аккуратно подрезаны каким-то плоским предметом и имеют скошенные фаски. Верхняя и нижняя плоскости кирпичей (в процессе формовки) почти не имеют отличий, но на плоскостях кое-где

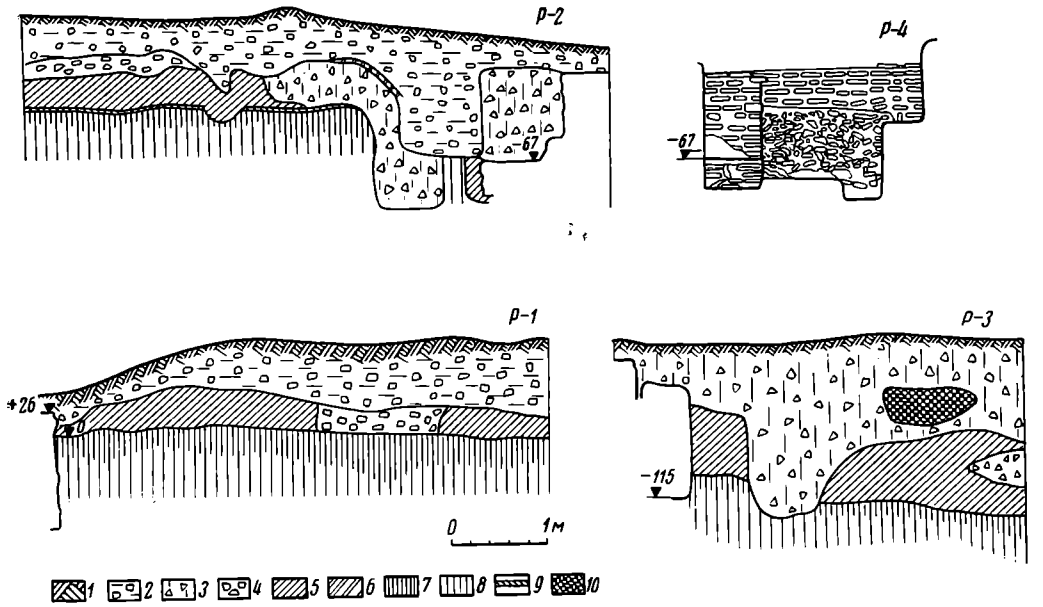


Рис. 6. Разрезы (по линиям, указанным на плане): *1* — дерн; *2* — строительный мусор; *3* — земля с кусками известняка; *4* — битый кирпич; *5* — супесь; *6* — известковый раствор; *7* — гумусированная почва; *8* — материковая супесь; *9* — мелкая известковая крошка; *10* — гумусное заполнение погребальной ямы

видны отпечатки, которые, очевидно, сделаны во время сушки — следы капель дождя, отпечатки лап курицы, трава [9].

Знаков на кирпичах нет, но на постелистой стороне некоторых кирпичей (примерно 5%) имеются параллельные волнообразные линии, покрывающие всю поверхность и исполненные инструментом типа гребенки. Эти полосы («расчесы») очень разнообразны как по расстоянию между линиями, так и по «шагу» волн (рис. 7). Направление линий всегда вдоль длинной стороны кирпичей.

Помимо прямоугольных кирпичей в развале были найдены немногочисленные куски трапециевидных кирпичей и узких кирпичей с полукруглым торцом [10].

В процессе раскопок были найдены небольшие блоки кирпичной кладки, по-видимому относящиеся к кладке стен, а не фундаментов. Раствор этой кладки тоже известковый, но розовый от примеси мелкотолченого кирпича (цемянки).

Пол храма был расположен на слое подсыпки, лежавшем поверх древней поверхности земли. Подсыпка эта не всюду одинакова по составу. В северном нефе поверх слоя гумусированной супеси лежал тонкий слой (5—10 *см*) кусочков битого мелового известняка. В центральной апсиде подсыпка состояла из кусочков мелового известняка, перемешанных с черной землей, а поверх — слой чистых кусочков такого же известняка. В центральном нефе внизу лежал слой кусочков известняка, а выше слой песка (17 *см*). По-видимому, поверх подсыпки всюду первоначально лежала тонкая прослойка чистого песка, на которую укладывались плитки

[9] При раскопках А. В. Прахова в юго-западном столбе храма был обнаружен кирпич с рисунком, исполненным по сырой глине. Рисунок изображал «мужа с булавой, в узорчатой одежде, со шпорами, между двумя крестами» (Дело Археологической комиссии. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1886, № 65-а, л. 43, а также *Е. Н. Дверницкий*. Археологические исследования..., стр. 47). Фотографий этого рисунка не сохранилось, и местонахождение самого кирпича неизвестно.

[10] Е. Н. Дверницкий также отмечал наличие лекальных кирпичей, «употреблявшихся, судя по их форме, для постройки колонн, сводов и разных архитектурных деталей...» (*Е. Дверницкий*. Археологические исследования..., стр. 45).

пола. В непотревоженном состоянии эта верхняя прослойка найдена только в центральной апсиде (в ее северной части), где на месте сохранилось также несколько половых плиток. Общая толщина слоя подсыпки, на котором лежали плитки, около 30—40 *см*. Таким образом, пол храма находился примерно на уровне земли, установившемся вокруг здания после его постройки (т. е. после разравнивания земли, выброшенной из фундаментных рвов).

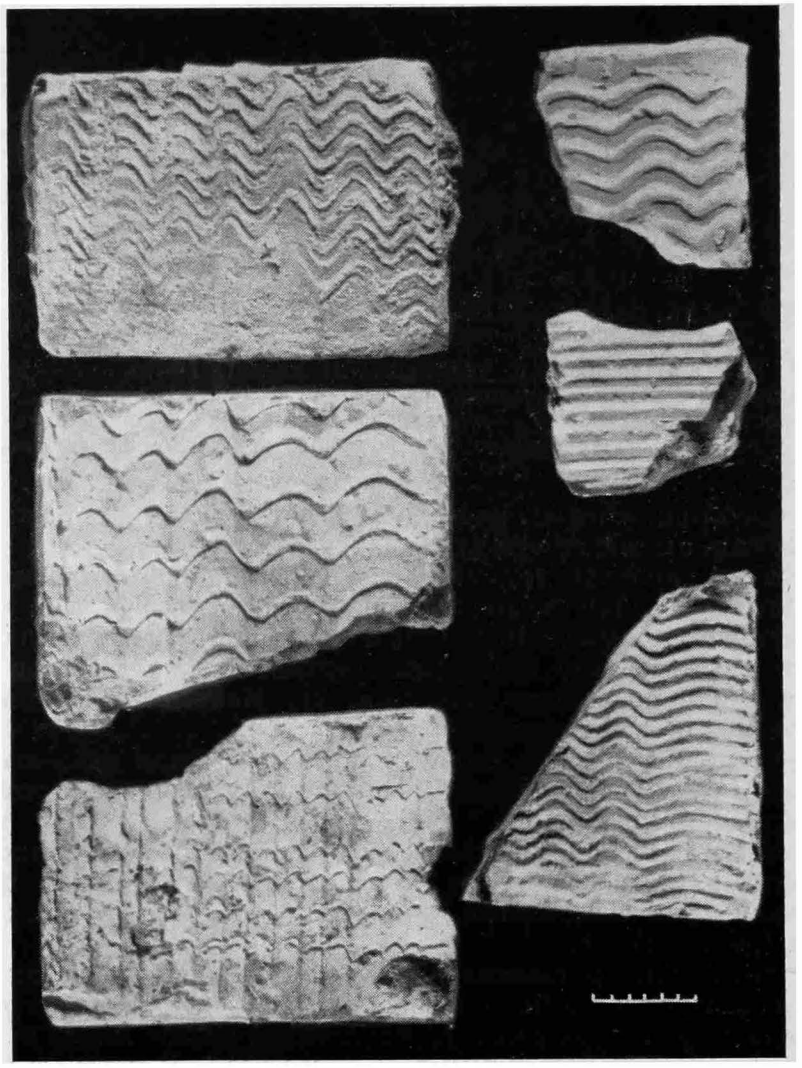


Рис. 7. Кирпичи с «расчесами»

Плитки пола, сохранившиеся в непотревоженном состоянии на полу центральной апсиды, представляют собой часть полосы, шедшей вдоль северной стены апсиды. Квадратные плитки лежали здесь двумя параллельными рядами, причем желтые и черно-коричневые плитки лежали в шахматном порядке. В то же время в информации Е. Н. Дверницкого было указано, что в алтарной апсиде сохранился в непотревоженном состоянии участок пола из треугольных плиток, лежащих полукружиями параллельно восточной алтарной стене. В раскопках 1975 г. здесь было найдено всего несколько экземпляров треугольных плиток. Здесь же были найдены квадратные плитки, покрытые темной поливой, поверх

которой нанесены яркие белые или желтые «скобочки» [11]. Найдены плитки с различным цветом и рисунком таких «скобочек». Размер сторон квадратных плиток 11—12 *см*, а треугольных около 10 *см*; толщина всех плиток около 2 *см*. Края плиток вертикальные, тесто насквозь красное, слегка слоистое. Отдельные обломки квадратных и треугольных плиток встречались на всей территории постройки, однако можно отметить, что в центральном подкупольном квадрате были обнаружены в большом количестве исключительно треугольные плитки. В юго-западном углу храма

Рис. 8. Гробницы в среднем членении нартекса

были найдены плитки другого набора — фигурные, имевшие толщину несколько более 3 *см* и скошенные края. Полива на этих плитках одноцветная (желтая, зеленая или коричнево-черная).

В алтарной апсиде при раскопках А. В. Прахова отмечены следы четырех деревянных столбов, видимо, от кивория над престолом.

У середины северного фасада в уровне поверхности почвы лежал большой камень-валун. Он не был обработан, но верхняя его поверхность почти плоская. Очевидно, этот камень лежал перед порталом храма. На фотографии 1886 г. видно, что поверх этого камня лежал второй, служивший порогом.

В информации Е. Н. Дверницкого указано, что в храме имелось пять аркосольных ниш — две в северо-западном углу основного помещения и три в паперти (т. е. в нартексе). Размер этих ниш в плане — 3 ¼ × 1 ¼ арш, т. е. приблизительно 2,3 × 0,9 *м*. На плане А. В. Прахова видно, что в действительности существовала еще одна, шестая ниша — в западном членении южной стены основного помещения. Ниши не было лишь в южной стене нартекса, где, вероятно, была расположена лестница на хоры [12].

Раскопки 1975 г. выявили, что под полом нартекса храма имелись кирпичные гробницы — две гробницы в северном членении нартекса и три в среднем (рис. 8). В южном членении нартекса гробниц не было. Гробницы сложены из кирпичей на растворе. Формат кирпичей, характер кладки без перевязки швов и состав раствора полностью совпадают с техникой кладки фундамента храма. Сверху гробницы были закрыты

[11] Такие плитки были найдены и при раскопках А. В. Прахова. Несколько этих плиток хранится в Варшавском музее (*L. Rauhut.* Wczesnośredniowieczne materialy z terenów Ukrainy w Państowowym Muzeum Archeologicznym w Warszawie. «Materialy wczesnośredniowieczne», t. V. Warszawa, 1960, fig. XXIV, *4—6*).

[12] В раскопках А. В. Прахова эта лестница не была обнаружена, поскольку кладка стен храма на этом участке, по-видимому, не сохранилась. Об этом свидетельствует нанесенный на план А. В. Прахова значительный по выносу выступ крайней западной пилястры южного фасада, который действительно имеет такой размер, но не на уровне стен, а на уровне вымостки над фундаментом.

деревянным перекрытием. Остатки дерева от такого перекрытия сохранились в восточной части гробниц северного членения нартекса. Перекрытие это было общим для обеих гробниц. В южной гробнице северного членения нартекса найдены останки восьми погребенных, очевидно перенесенные сюда из разных мест. В средней гробнице центрального членения — останки шести или семи скелетов, сильно нарушенные. В остальных гробницах останков погребенных не было. Идентичность техники кладки, а также то обстоятельство, что кирпичная вымостка выравнивает несовпадение стенки гробницы и фундамента (в среднем членении нартекса), полностью подтверждают, что гробницы сложены одновременно с постройкой самого храма. Все скелеты, найденные в гробницах,— женские.

Кроме гробниц, около храма с северной стороны от него раскопано несколько погребений, явно относящихся ко времени после разрушения храма. Ко времени функционирования храма (т. е. стратиграфически — опущено из слоя, лежащего ниже слоя его разрушения), видимо, относится лишь одно из найденных здесь погребений — напротив лопатки, отвечающей западным подкупольным столбам. Погребение женское, без вещей, под голову подложена плинфа.

Вдоль наружного края центральной апсиды храма раскопки выявили как бы второй, дополнительный фундамент, сложенный из кусков мелового известняка на очень плохом, рассыпающемся известковом растворе рыжего цвета. Ширина этого фундамента 0,5—0,6 *м*, а глубина примерно равна глубине основного фундамента. Дополнительный фундамент не вплотную примыкает к основному; между ними имеется прослойка черной земли толщиной в 10—15 *см*. Следовательно, дополнительный фундамент заложен не одновременно с храмом, а позже, видимо, для его укрепления. В средней части сквозь этот дополнительный фундамент насквозь проходит столб, сложенный из кирпичей на таком же плохом рыжем растворе, как дополнительный фундамент. Кирпичи в столбе почти все относятся к наиболее крупным форматам, примененным в самом храме — (4,5—6) × (24—27) × (30—32) *см*. Глубина основания столба на несколько сантиментров меньше, чем дополнительного фундамента.

В процессе раскопок были найдены некоторые фрагменты верхних частей храма. Так, найден обломок амфоры со следами раствора — остатки голосника [13]. В районе южной апсиды найден кусок листового свинца от кровли. К первоначальному убранству храма, видимо, относится полоса золоченой меди с прорезным орнаментом, возможно, от алтарной преграды.

Были найдены куски штукатурки с остатками фресковой росписи и гвозди с широкими шляпками (длина гвоздя 4—5 *см*, диаметр шляпки около 3 *см*), очевидно служившие для крепления штукатурки. При раскопках 1975 г. остатки фресок были найдены в основном в нартексе и в алтарной части храма, но если верить наблюдениям А. В. Прахова, то фрески покрывали только нартекс («бабинец») и аркосольные ниши.

Еще во время раскопок, проведенных в 1886 г., А. В. Прахов отметил, что в апсидном полукружии церкви «Старая кафедра» имеется какая-то небольшая полукруглая стенка, явно не относящаяся к раскапываемому храму. Раскопки 1975 г. показали, что А. В. Прахов был прав — обнаруженная им стенка действительно представляет собой остатки другого здания — небольшого храма, лежащего под руинами «Старой кафедры». От этого здания сохранилась часть фундаментов, сложенных из кусков мелового известняка на очень слабом и плохо перемешанном серо-белом известковом растворе. Ширина фундаментов около 85 *см*, а глубина около 0,9 *м* от уровня древней поверхности земли. Удалось раскопать часть фундамента апсиды, северной и южной стен храма, а так-

[13] В раскопках А. В. Прахова было отмечено «обилие голосников».

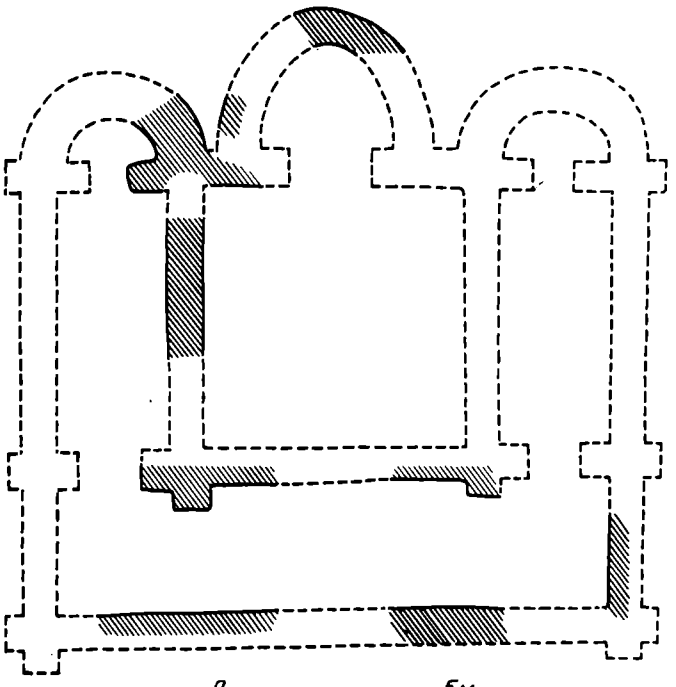


Рис. 9

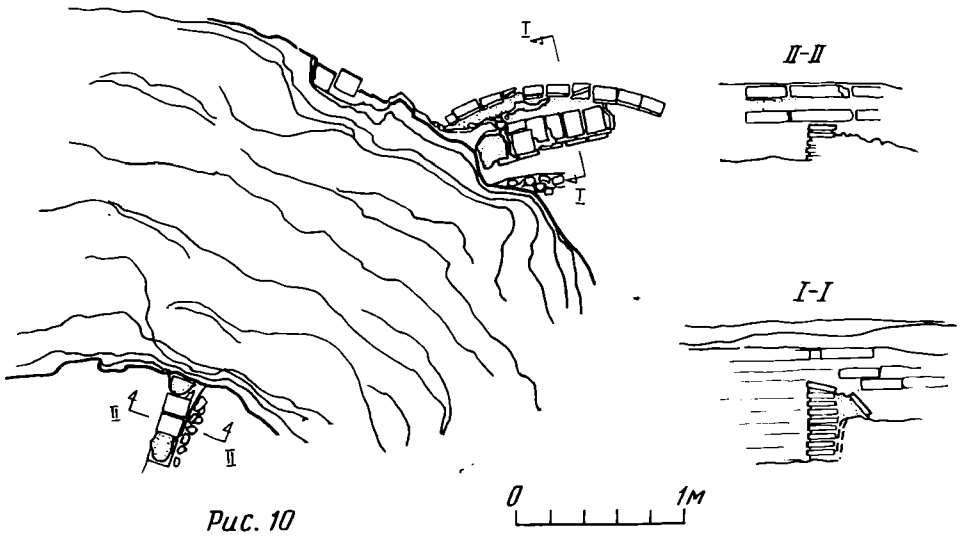


Рис. 10

Рис. 9. Реконструкция плана малого храма

Рис. 10. Деталь фундамента и плиточной стенки малого храма

же стенку западной галереи и маленький кусок южной. Кроме того, раскопан небольшой кусок второй апсиды, лежащей к северу от основной. В целом эти обрывки фундамента дают достаточно ясное представление о плане здания: это была небольшая бесстолпная церковь с одной апсидой (рис. 9). Внутренний размер сторон ее квадратного помещения 5,50—5,55 *м*. На западных углах сохранились лопатки. С трех сторон к храмику примыкала галерея, западное членение которой имело внутреннюю ширину 2,7 *м*, а южное (и, вероятно, северное) — 2,3 *м*. Судя по сохранившейся части северной апсиды, северный и южный отсеки галереи заканчивались с востока апсидами. Общий наружный размер храмика вместе с галереей — с востока на запад — 13,3, а поперек 13,2 *м*.

Вдоль северной половины апсиды малого храмика с наружной стороны фундамента проходит стенка, сложенная из одного ряда керамических плиток (рис. 10). Плитки эти без поливы, большей частью не квадратные, а прямоугольные; размер их — (11—12,5)×(13—15,5) *см*, толщина 1,5—2,0 *см*. Плитки сложены на слабом, рассыпающемся желтовато-сером растворе. Тесто плиток насквозь красное, очень сухое, формовка четкая, края вертикальные; некоторые плитки слегка трапециевидной формы. На участке апсиды храмика, лежащем внутри апсиды «Старой кафедры», стенка из плиток вплотную примыкает к меловому фундаменту храмика. На участке же вне апсиды «Старой кафедры» плиточная стенка несколько отступает от контура фундамента. Здесь, кроме того, сохранился ряд плиток, лежащих на известковом растворе наклонно, образуя своеобразный бортик или отлив. Неполивные плитки, относящиеся к малому храмику, были найдены в развале строительных материалов и на других участках раскопа.

Следует отметить, что меловой известняк, использованный для фундаментов малого храмика, несколько отличается от того известняка, который найден в фундаментах «Старой кафедры». В первом случае камни совершенно белого цвета, не очень плотные, явно получены из разработки карьера. Во втором случае, т. е. в «Старой кафедре», камни, по-видимому, были типа булыжников, которые перед употреблением раскололи на части. Их округлые поверхности несколько темнее, а сколы белые. Кроме того, камни эти тверже.

Имеются многочисленные и безусловные доказательства того, что бесстолпный храмик относится к более раннему времени, чем церковь «Старая кафедра»:

1. В тех местах, где фундамент «Старой кафедры» перебивает фундамент храмика (например, в апсиде) и фундаменты эти вплотную примыкают друг к другу, раствор фундамента «Старой кафедры» кое-где заходит на камни фундамента храмика.

2. Судя по наклонному плиточному бортику, уровень поверхности земли в период строительства бесстолпного храмика точно совпадал с первоначальным гумусированным слоем древней поверхности, лежащем непосредственно над материком. На этом уровне в траншее у северной стены храма был отмечен слой строительного мусора (мелкие кусочки мелового известняка), очевидно отвечающий строительству малого храмика. Этот строительный слой сверху перекрыт супесью, выброшенной из рвов при строительстве «Старой кафедры».

3. При изучении участка фундамента «Старой кафедры» (на южной полосе ленточного фундамента подкупольного пространства) выяснилось, что среди кирпичного боя, составляющего этот фундамент, был найден обломок неполивной плитки малого храмика со следами приставшего серого раствора. Там же найдены два фрагмента поливных плиток того типа, который использован в самой «Старой кафедре».

Очень вероятно, что строительство малой бесстолпной церкви не было доведено до конца, ограничившись постройкой фундамента. Об этом свидетельствует отсутствие серий кирпича или других строительных материалов, которые могли бы происходить от стен этого храмика. Полностью отсутствуют следы кирпича и в строительной прослойке, отвечающей строительству малого храма. Наконец, в фундаментах «Старой кафедры» весь кирпичный бой не имеет следов раствора, т. е. здесь использованы исключительно кирпичи, не бывшие в употреблении. Если бы малый храм был достроен и затем разрушен перед постройкой «Старой кафедры», какие-нибудь остатки материала его стен, очевидно, были бы обнаружены.

Были сделаны попытки установить первоначальное название церкви «Старая кафедра». Так, ее считали, например, Успенским собором, по-

строенным князем Мстиславом [14]. Еще чаще эту церковь сопоставляли с Дмитриевской церковью, упомянутой в летописи в конце XIII в. [15] Обе эти попытки не имеют под собой никаких оснований и не выдерживают критики. Наиболее вероятно, что стоявшая на этом месте с XVI в. церковь Федора традиционно сохранила название более древнего храма. Судя по расположению вне городских укреплений и найденным при раскопках исключительно женским погребениям, можно полагать, что «Старая кафедра» — остатки загородного женского монастыря. Дата возведения «Старой кафедры» пока может быть определена лишь очень приблизительно — в пределах второй половины XII в. Еще меньше данных для датировки малого храмика.

Не может не обратить на себя внимание сходство некоторых архитектурных форм и технических приемов, отмеченных в памятниках Волыни, с такими же приемами в зодчестве древнего Переяславля. Таковы отсутствие вертикальных тяг на апсидах «Старой кафедры», волнистые «расчесы» на кирпичах, а также применение сплошной сетки ленточных фундаментов, не характерное для большинства русских архитектурных школ второй половины XII в. [16] Те же технические особенности присутствуют и в Успенском соборе Владимира-Волынского (так называемый Мстиславов храм) [17]. План малого храмика, выявленного под «Старой кафедрой», также имеет ближайшие аналогии в памятниках Переяславля [18]. Есть все основания полагать, что начало монументального строительства на Волыни связано с перенесением сюда переяславльской архитектурно-строительной традиции.

К сожалению, развитие зодчества древней Волыни до настоящего времени еще совершенно не изучено. К тому же пока известно только три памятника волынской архитектуры домонгольского периода — Мстиславов храм, «Старая кафедра» и храм, раскопанный близ более поздней Васильевской церкви [19]. Поиски остатков других памятников древнего волынского зодчества — одна из очередных задач.

P. A. Rappoport

L'EGLISE STARAIA KOFEDRA (ENVIRONS DE VLADIMIR-VOLYNSK)

Résumé

En 1886, le professeur A. V. Prakhov procéda, dans les environs de la ville de Vladimir-Volynsk, aux fouilles de l'église connue sous le vocable de «Staraia Kafédra». Malheureusement, la documentation concernant les travaux ne s'est pas conservée, et à la littérature scientifique sont seulement parvenues des données très générales et approximatives sur le monument étudié. Il faut ajouter qu'en Volhynie on connaît seule-

[14] *А. В. Лонгинов.* Древний храм Богородицы в г. Владимире-Волынском. ЗРАО, IV, 1890, стр. 26.

[15] *Е. Н. Дверницкий.* Памятники древнего православия..., стр. 50.

[16] Эти особенности имеются, например, в Воскресенской церкви в Переяславле. *М. К. Каргер.* Раскопки в Переяславе-Хмельницком в 1952—1953 гг. СА, XX, 1954, стр. 22.

[17] Памятник обследован автором в 1975 г.

[18] Так, например, церковь Андрея «у ворот» в Переяславле представляет собой бесстолпный храм с галереей, даже по размерам почти точно совпадающий с раскопанным храмом (*Р. А. Юра.* Переяслав. Археологія Української РСР», т. 3. Київ, 1975, стор. 220). Отличия между этими памятниками в том, что в переяславльском храме боковые апсиды примыкают не к восточным торцам галереи, а непосредственно к основному объему. Несколько вытянутая форма апсиды волынского храмика точно совпадает с формой апсиды (по фундаменту) Спасской церкви в Переяславле (*М. К. Каргер.* Ук. соч., стр. 12). См. также. *П. А. Раппопорт.* Археологические исследования памятников русского зодчества X—XIII вв. СА, 1962, 2, стр. 68.

[19] *М. К. Каргер.* Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире-Волынском. Уч. зап. ЛГУ, № 252, 1958, стр. 3.

ment trois monuments d'architecture de la période prémongole; il est donc naturel que chacun d'eux présente un grand intérêt pour l'étude de l'histoire de l'architecture de la Russie du Sud-Ouest. C'est pourquoi, en 1975, on a repris totalement les fouilles des ruines de la Staraia Kafédra.

Les travaux ont montré que les murs de l'ancien édifice avaient été entièrement démolis, et que les fondations seules s'étaient conservées. Cependant, grâce à ces dernières, on a pu reconstituer dans son ensemble le plan de l'église primitive, de même que plusieurs particularités de sa technique de construction. Une découverte inattendue a été faite sous les ruines de la Staraia Kafédra: celle des fondations d'une petite église antérieure, sans piliers et à galerie.

On est en droit de penser que la Staraia Kafédra faisait partie du monastère de femmes de Fédorov, situé hors de la ville. L'époque de son édification peut être placée, seulement approximativement, dans la seconde moitié du XIIe s. Plusieurs particularités de technique caractérisant la construction de cet édifice, ainsi que le plan de la petite église sans piliers, nous permettent de conclure que l'évolution de l'architecture monumentale en Volhynie est liée à la pénétration dans cette région des traditions architecturales de Péréiaslav.

Заметки

А. В. ВИНОГРАДОВ, Э. Д. МАМЕДОВ, Л. Д. СУЛЕРЖИЦКИЙ

ПЕРВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ДЛЯ НЕОЛИТА КЫЗЫЛКУМОВ

Радиоуглеродная дата четвертого слоя Джебела была до недавнего времени единственной для каменного века севера Средней Азии датой подобного рода [1]. Тем больший интерес имеют две новые даты, полученные Лабораторией абсолютного возраста ГИН АН СССР для раннего неолита Кызылкумов.

Работами Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР и Географической экспедиции Ташкентского государственного университета в 1967—1970 гг. была внесена ясность в проблему происхождения крупнейшего сухого русла юго-западных Кызылкумов — Дарьясая. Было установлено, что оно является элементом довольно сложной системы древних русел и дельт пра-Зеравшана, ответвляющейся от нынешней долины реки у западного окончания плато Автобачи, в районе сел. Ташрабад [2]. Функционирование этой системы в период раннего неолита — энеолита не вызывает сомнений; об этом свидетельствуют сотни стоянок, найденных на берегах как основного русла, так и второстепенных пойменных протоков.

Реальные возможности для применения радиоуглеродного метода открыло наличие на Дарьясае нескольких горизонтов оторфованных пород. Они были детально изучены в районе колодца Учащи, к югу от восточной части гор Кульджуктау и к северо — северо-западу от Бухары. Здесь, в створе ранненеолитической стоянки Учащи 131, ширина долины достигает 6 *км*. На поверхности выделяется ряд крупных русел, другие неровности связаны с избирательной коррозией рыхлых аллювиальных отложений. Эоловые пески в этом месте практически отсутствуют.

Шурфами и расчистками здесь вскрыт довольно однообразный комплекс аллювиальных осадков, полная мощность их не установлена. Характерная особенность участка — наличие нескольких маломощных горизонтов оторфованных пород. В почвенном отношении выполняющая Дарьясай толща представляет собой многоярусную торфяно-глеевую почву. Попытка выделить из этих отложений споры и пыльцу (Е. А. Мальгина, Институт географии АН СССР) оказалась безуспешной.

Во вскрытом шурфами разрезе насчитывается шесть разновозрастных торфяных горизонтов; наибольшее внимание привлекают два верхних, наиболее четко выраженных горизонта — пятый и шестой. Пятый горизонт — «учащинский», имеющий широкое площадное распространение,

---

[1] *А. П. Окладников.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ТЮТАКЭ, VII, 1956; *Е. Н. Романова, А. А. Семенцов, В. И. Тимофеев.* Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана Лаборатории ЛОИА АН СССР, УСА, 2, 1972, стр. 57

[2] *Н. Н. Вактурская, А. В. Виноградов, Э. Мамедов.* Археолого-географические исследования в районе Дарьясая. АО—1968, М., 1969, стр. 411, 412; *А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов.* Исследования в юго-западных Кызылкумах. АО—1969, М., 1970, стр. 400, 401; *А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов, А. В. Оськин.* Работы Кызылкумского отряда. АО—1975, М., 1976, стр. 543.

стратиграфически совмещен с культурным слоем стоянки Учащи 131 и датируется археологическими материалами этой стоянки (ранний неолит, VI—V тысячелетия до н. э.).

Шестой горизонт, самый молодой, характеризуется сравнительно большей мощностью и слоистым строением. Стратиграфическое положение его, как и всей пачки дарьясайского аллювия, залегающей выше учащинского горизонта, определялось как промежуточное между более ранними «учащинскими» осадками и более поздними отложениями Аякагитминских дельт, накопление которых относится ко второй половине среднего голоцена. Таким образом был сделан вывод, что возраст верхней части дарьясайского аллювия лежит в пределах середины среднего голоцена, что и было подтверждено полученными сейчас радиоуглеродными датами.

Образцы для определения абсолютного возраста были взяты в ряде пунктов; для двух образцов из двух пунктов были получены даты.

В первом пункте (точка 0236), находящемся рядом (в 10—15 *м*) со стоянкой Учащи 131, разрез следующий (снизу вверх):

1. Алеврит светло-серый, с ржавыми полосками и пятнышками. Видимая мощность	0,1 *м*
2. Оторфованный песчаник тонкозернистый, тонкослоистый, коричневато-серый, коричнево-черный, бежевый, серо-коричневый (V «учащинский» торфяной горизонт). Прослежен копушками к стоянке Учащи 131, где вмещает ее культурный слой. Мощность	0,27 *м*
3. Алеврит зеленовато-серый, в основании светло-бурый, мощность	0,82 *м*
4. Глина светло-коричневая	0,03 *м*
5. Алеврит зеленовато-серый, плотный, крепкий	0,41 *м*
6. Аллювиальный песок, серый мелкозернистый	1,0 *м*
7. Органогенная пачка (VI торфяной горизонт). В основании пачки темно-серая торфяная масса (15—16 *см*); выше бурый алеврит с обугленными частичками растений (21 *см*). В кровле залегает рыхлый темно-серый торф (6—7 *см*). Хорошо видны обугливщиеся листья тростника и осоки. Отмечаются обугленные стебли тростника диаметром 0,5 *м*. Мощность пачки	0,57 *м*
8. Алеврит желтовато-серый, плотный, крепкий, неслоистый	0,35 *см*
9. Тот же алеврит выветренный	0,13 *см*

Во втором пункте (точка 0237), находящемся в нескольких сотнях метров севернее стоянки Учащи 131, разрез в целом аналогичен верхам описанного выше разреза. V «учащинский» торфяной горизонт здесь не вскрыт, VI торфяной горизонт также представляет собой органогенную пачку, в которой, как и в разрезе 0263, торфяная масса разделена на верхний и нижний горизонты прослоем бурого алеврита с обугленными остатками, отобранным из основания органогенных пачек (образцы 0236 б и 0237).

Они дали следующие абсолютные даты:

0236 б — ГИН915—6630±100

0237 — ГИН916 — 6590±130

Первоначально предполагалось провести датирование C^{14} по щелочным вытяжкам из торфоподобной пылеватой породы, дающей хорошо выдержанные темные прослои с небольшим содержанием углерода. Другого материала в распоряжении Лаборатории абсолютного возраста ГИН АН СССР не было.

Надежность этого материала не изучена, и вполне вероятно предположить сильное омоложение, в частности за счет корней более поздней растительности. Было решено провести методическую работу по выяснению воспроизводимости возраста образцов, отобранных по простиранию из одного прослоя. Для нескольких одновозрастных образцов нужны рав-

ные загрязнения, чтобы их возраст не разошелся при загрязнении, а для нескольких образцов это маловероятно. Разброс дат показал бы непригодность материала для однозначного определения возраста.

Однако в ходе обработки коллекции (всего было отобрано около 20 образцов из двух прослоев) в четырех образцах были обнаружены обломки древесных углей, причем в двух из них (происходящих из одного прослоя) в количестве, достаточном для датирования. Угли хорошо выдержали жесткую горячую предварительную обработку (5% HCl, 2% NaOH, 2% NaOH, 5HCl), и из них были синтезированы образцы бензола по стандартной методике. Последние были измерены на сцинтилляционном счетчике с двумя ФЭУ, включенными по схеме совпадения [3], и кюветой объемом 2 *см*^{3}. Надежность материала, а следовательно полученные даты, не вызывают сомнений, что также подтверждается полным совпадением возраста образцов. При окончании методической работы по пригодности торфоподобной породы для радиоуглеродного датирования эти даты будут служить возрастным репером ввиду их надежности.

Что можно сказать о полученных датах в плане датировки дарьясайского раннего неолита вообще и стоянки Учащи 131, в частности? Прежде всего следует указать, что нет никаких оснований говорить о сколько-нибудь существенном хронологическом разрыве между низами VI торфяного горизонта, датированными сейчас по радиоуглероду, и V «учащинским» торфяным горизонтом, вмещающим культурный слой стоянки Учащи 131. Полученные даты (вторая четверть V тысячелетия до н. э.) следует считать верхней хронологической границей стоянки Учащи 131, и они, в основном, соответствуют, несколько уточняя ее, предложенной нами ранее археологической дате стоянки (VI—V тысячелетия до н. э.) [4]. Хронологические рамки раннего неолита дарьясайского типа могут быть несколько более широкими, чем дата стоянки Учащи 131, захватывая целиком и V тысячелетие до н. э. Стоит упомянуть в этой связи отдельные развеянные стоянки, где вместе с сериями трапеций, в том числе и «рогатых», уже встречаются наконечники стрел кельтеминарского типа. Имеются в виду некоторые стоянки Западной Аякагминской дельты, а также стоянки Бешбулак 15 [5].

Значение полученных дат выходит далеко за пределы Кызылкумов. Нам уже приходилось отмечать широкое распространение комплексов дарьясайского типа [6]. За последние годы география находок такого рода существенно расширена. Е. Бижанов (Каракалпакский филиал АН УзССР) нашел стоянки дарьясайского типа на юго-восточном Устюрте. Среди них крупная стоянка с многими десятками трапеций — Актайлак. Не столь близкое, но все же значительное сходство обнаруживают некоторые ранненеолитические материалы из Северного Казахстана.

В Северном и Восточном Казахстане находки такого рода сравнительно редки. Дать сколько-нибудь удовлетворительную интерпретацию до опубликования как казахстанских, так и кызылкумских материалов затруднительно. Что же касается находок из Кызылкумов и юго-восточного Устюрта, то в данном случае речь, видимо, идет о единокультурном ранненеолитическом «пласте».

---

[3] *В. В. Чердынцев, В. А. Алексеев, Н. В. Кинд, В. С. Форова, В. С. Завельский, Л. Д. Сулержицкий, И. В. Чурикова.* Радиоуглеродные даты Лаборатории Геологического института (ГИН) АН СССР. Геохимия, 1965, № 12, стр. 1410—1412.

[4] *А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов.* Ук. соч., стр. 401; *А. В. Виноградов.* О распространении ранненеолитических комплексов дарьясайского типа. УСА, 1, 1972, стр. 32—34.

[5] *Л. А. Чалая.* Стоянка Бешбулак 15 (Внутренние Кызылкумы). УСА, 2, 1972, стр. 45—47.

[6] *А. В. Виноградов.* Ук. соч.

В. Н. ЛОГВИН

НОВЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА КУСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

На территории Кустанайской обл. известен ряд неолитических и энеолитических памятников [1]. В 1975 г. была обнаружена стоянка Евгеньевка, относящаяся к более раннему времени. Стоянка находится на правобережье Тобола, примерно в 16—20 *км* от реки, на развеянной поверхности песчаной дюны, находящейся между озерами Балдан и Угловое, в 4 *км* к востоку от пос. Евгеньевка. Многие захоронения расположенного на этой дюне могильника алакульского времени полностью разрушены, а у остальных сохранилась лишь придонная часть могил на глубину 0,2—0,4 *м* от современной поверхности.

Находки, относящиеся к каменному веку, были сконцентрированы в южной половине котловины на площади, равной примерно 725 $м^2$. При этом в западной части они залегали совместно с алакульской керамикой, а в восточной — самостоятельно. Поиски культурного слоя окончились безрезультатно [2].

Таблица 1

Материал	Нуклеусы и сколы	Обломки	Отщепы без обработки	Орудия из отщепов	Пластины без обработки	Орудия из пластин	Количество	%
Халцедонолит	—	2	19	3	26	20	70	15,3
Микрокварцит	—	—	5	1	18	5	29	6,3
Яшмокварцит	—	1	44	—	33	16	94	20,5
Кварцито-песчаник	—	1	16	2	9	11	39	8,5
Кремневый алевролит	3	7	40	4	78	34	166	36,1
Кремнистый туф	—	1	18	—	13	9	41	8,9
Опал	—	2	10	—	4	1	17	3,7
Прочие	—	1	2	—	—	—	3	0,6
Количество	3	15	154	10	181	96	459	
%	0,6	3,3	33,5	2,2	39,5	20,9		100

Немногочисленная коллекция кремня однородна. Она характеризуется преобладанием пластин, которые составляют 60,4% всего кремневого инвентаря. Состав находок и материал, из которого они изготовлены, представлены на табл. 1 [3].

---

[1] *Е. И. Агеева, К. А. Акишев, Г. А. Кушав, А. Г. Максимова, Т. Н. Сенигова.* Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, стр. 30, 33, 76, 79; *А. Я. Брюсов.* Неолит и начало бронзовой эпохи в Кустанайской области в Казахской ССР. Кустанай, 1943. Рукописный фонд Кустанайского областного музея № 111, д. № 371, стр. 11—20; *А. А. Формозов.* Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связи с ландшафтом. БКИЧП, № 15, 1950, стр. 64—75; *А. А. Формозов.* Доандроновское погребение в Казахстане. КСИИМК, 63, 1956, стр. 153, 154; *В. В. Евдокимов, В. Н. Логвин.* Новые памятники энеолита и неолита Кустанайской области. «Материалы X научно-методической конференции преподавателей КГПИ». Кустанай, 1972, стр. 82—84; *В. Н. Логвин.* Исследования в Кустанайской области. АО—1974, М., 1975, стр. 472, 473; *В. Н. Логвин, В. Д. Бурнаева.* Новый памятник эпохи неолита. «Материалы XIII научно-методической конференции преподавателей КГПИ». Кустанай, 1975, стр. 51—53.

[2] Памятник обследовался совместно с В. В. Евдокимовым, исследовавшим имеющийся на дюне могильник.

[3] Определение образцов пород сделано визуально с помощью бинокуляра (без изготовления прозрачных шлифов) главным геологом Тургайской геологоразведоч-

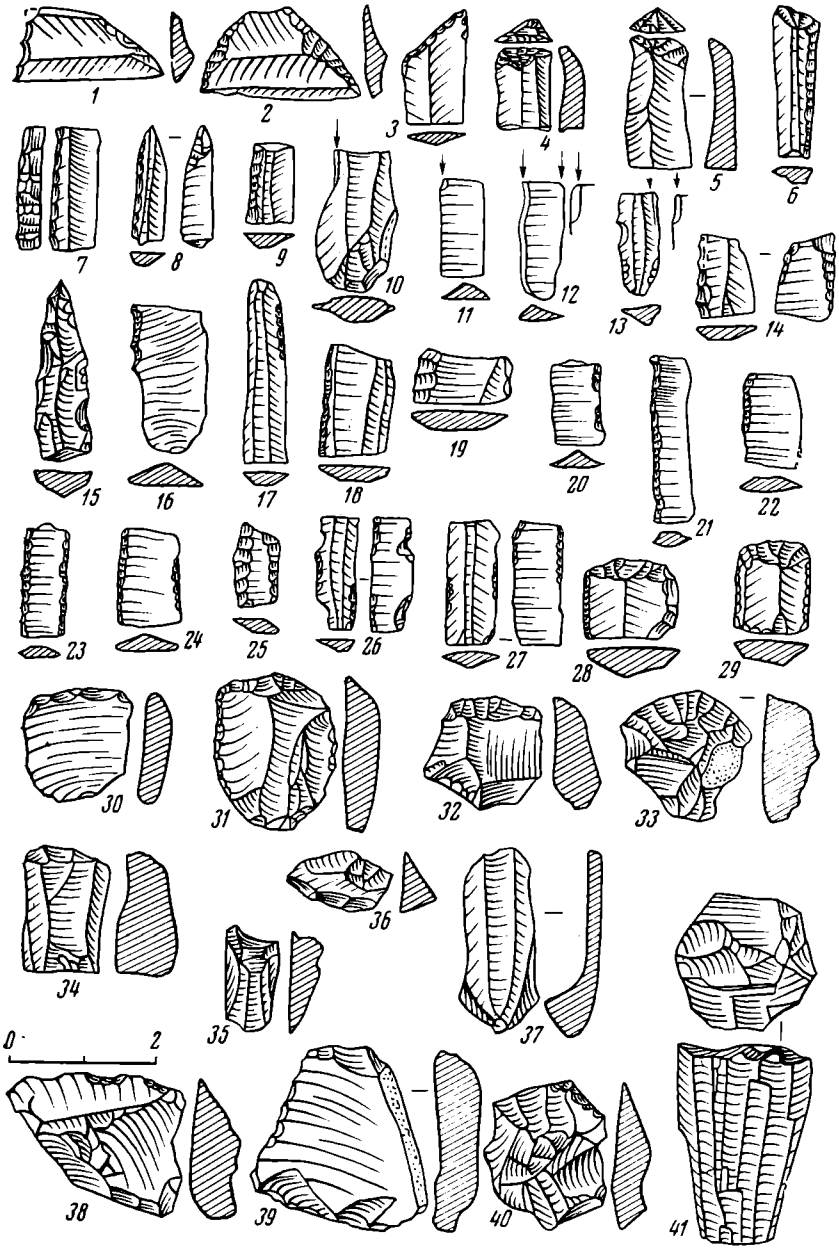


Рис. 1. Кремневые изделия стоянки Евгеньевка

Среди халцедонолитов преобладают серые разновидности (56), микрокварцитов — палевые (23), яшмокварцитов — темно-серые (62) и темно-коричневые (32), среди кварцито-песчаников — светло-серые (10) и красновато-коричневые (14), среди кремнистых алевролитов — коричневые (41), темно-охристые (68), черные (48). Следует отметить, что в числе 48 находок из кремнистого алевролита черного цвета имеются 44 пластины и орудий из них, нуклеус, два скола с нуклеусов и только один отщеп [4]. Это несомненное свидетельство «импортного» характера данного вида кремня в том смысле, что на стоянку нуклеусы из него попали полностью подготовленными для снятия пластин..

ной экспедиции Ю. И. Рыловым. Пользуюсь случаем выразить ему благодарность за постоянную помощь и консультации.

[4] К орудиям отнесены только пластины и отщепы, имеющие вторичную обработку.

Единственный нуклеус, двуплощадочный, первоначально имел, видимо, коническую форму, но затем основание было снято, и с образовавшейся маленькой площадки были сделаны почти все последние снятия пластин (рис. 1, *41*). Из двух сколов с нуклеусов один продольный, другой поперечный (рис. 1, *35*, *36*). О бытовании конусных нуклеусов свидетельствует и пластина с концевой частью, представляющей собой часть острого основания нуклеуса (рис. 1, *37*).

Таблица 2

Ширина пластин, *мм*	Пластины без обработки		Орудия из пластины	
	количество	%	количество	%
4	1	0,6	1	1,0
5	21	12,3	17	17,9
6	23	13,5	19	20,0
7	32	18,7	16	16,9
8	29	17,0	7	7,4
9	34	19,7	9	9,5
10	14	8,2	9	9,5
11	10	5,8	4	4,2
12	3	1,8	3	3,1
13	2	1,2	7	7,4
14	1	0,6	2	2,1
16	1	0,6	1	1,0
Всего	171	100	95	100

Отщепы без вторичной обработки по наибольшему размеру распределяются следующим образом: до 1 *см* — 10, от 1 до 2 *см* — 106, от 2 до 3 *см* — 34, от 3 до 5 *см* — 4 отщепа.

В коллекции имеются 10 ребристых и краевых пластин и одно орудие из ребристой пластины [5].

Коллекция ножевидных пластин и орудий из них имеет ярко выраженный микролитический характер (табл. 2; рис. 1) [6]. Пластины шириной от 4 до 7 *мм* составляют 45% всех пластин без вторичной обработки.

Как видно из табл. 3, для ножевидных пластин характерны вытянутые пропорции. Довольно большой процент сечений объясняется, видимо, их использованием в качестве частей наборных лезвий. Обращает на себя внимание тот факт, что сечения по сравнению с другими видами пластин имеют более высокий процент экземпляров со вторичной обработкой (52,2% всех сечений). И в целом среди всех орудий из пластин сечения со вторичной подработкой занимают ведущее место (табл. 3).

При изготовлении орудий использовался прием нанесения затупливающей и заостряющей ретуши, а также резцового скола. Заостряющая ретушь преобладает (табл. 4). Однако очень пологая ретушь отмечена лишь в одном случае (рис. 1, *25*).

Найденные на рассматриваемом памятнике трапеции асимметричны. Боковые стороны обработаны ретушью, нанесенной со спинки. Одна из

---

[5] Под краевыми пластинами учтены пластины с коркой. Ребристые и краевые пластины в табл. 1 учтены как пластины, а в табл. 2 и 3 не учтены.

[6] Установившаяся практика группировки пластин по ширине в группы до 0,7 *см*, от 0, 7 до 1,5 см и т. д. (см. *Г. Ф. Коробкова*. Культурные и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии. СА, 1975, 3, стр. 9; *Г. Н. Матюшин*. Ранненеолитическая стоянка Карабалыкты 8а (Урта-Тюбе) на Урале. КСИА АН СССР, 137, 1973, стр. 101) мало подходит для материала Евгеньевки. Если мы проведем группировку подобным образом, то исчезнет информация о том, что именно пластины шириной 8—9 *мм* составляют 36,7% всех необработанных пластин. Таблица 2 позволяет проводить любую группировку.

Таблица 3

Вид пластин			Отношение длины пластины к ширине			Количество	%
			1 и менее	1,5	2 и более		
Пластины с отсеченным ударным бугорком		1 *	1	5	22	28	16,3
		2 *	–	4	5	9	9,5
Сечения пластин		1	14	26	23	63	36,8
		2	13	21	35	69	72,6
Пластины с отсеченной концевой частью		1	4	17	50	71	41,6
		2	–	1	16	17	17,9
Целые пластины		1	–	–	9	9	5,3
		2	–	–	–	–	–
	1	количество	19	48	104	171	
		%	11,1	28,1	60,8		100
	2	количество	13	26	56	95	
		%	13,7	27,4	58,9		100

* 1 — пластины без обработки; 2 — орудия из пластин.

Таблица 4

Орудия	Ретушь		Всего орудий
	заостряющая	затупляющая	
Трапеции (рис. 1, *1*, *2*)	1	1	2
Пластины со скошенным острием (рис. 1, *3*)	–	2	2
Пластины с прямо обработанным торцом (рис. 1, *4*, *5*)	–	3	3
Пластины с притупленной спинкой (рис. 1, *6–9*)	1	8	8
Пластины с резцовыми сколами (рис. 1, *10–13*)	2	–	10
Острие из ребристой пластины (рис. 1, *15*)	–	1	1
Скребки из пластин (рис. 1, *28*, *29*)	3	1	4
Пластины, ретушированные со спинки			
а) по одной грани (рис. 1, *17*, *18*)	14	6	20
б) по двум граням (рис. 1, *19*)	6	–	6
Пластины, ретушированные с брюшка			
а) по одной грани (рис. 1, *16*, *20–22*)	24	–	24
б) по двум граням (рис. 1, *23–25*)	7	–	7
Пластины с противолежащей ретушью (рис. 1, *26*)	3	1	4
Пластины с чередующейся ретушью (рис. 1, *27*)	5	–	5
Всего: из пластин	66	23	96
Скребки из отщепов (рис. 1, *30–34*, *39*)	3	4	7
Отщепы с ретушью (рис. 1, *38–40*)	3	–	3
Всего: из отщепов	6	4	10
Всего: – из пластин и отщепов	72	27	106

них, с боковой выемкой, имеет отношение длины к ширине 2,1 : 1. Ретушь затупливающая (рис. 1, *1*). Длина другой трапеции превышает ширину в 1,7 раза. Слегка выпуклые боковые стороны обработаны заостряющей ретушью (рис. 1, *2*).

Из трех пластин с ретушью на торцах, образующей поперечное лезвие, одно сечение имеет до половины ширины на поперечном изломе затупливающую ретушь со спинки, на двух других пластинах поперечные лезвия выполнены на концевых частях (рис. 1, *4, 5*).

В группе орудий из пластин с притупленной спинкой имеется пять сечений (рис. 1, *7, 9*), острие, изготовленное с помощью нанесения дополнительной плоской ретуши с брюшка (рис. 1, *8*), и два сечения с одним скошенным ретушью концом (рис. 1, *6*).

У всех пластин с резцовыми сколами они нанесены на углу поперечного излома. В двух случаях на пластинах с резцовыми сколами дополнительно отмечена ретушь на боковых гранях (рис. *1, 13*).

Острие из ребристой пластины выполнено подправкой естественного острого конца затупливающей ретушью, нанесенной со спинки (рис. 1, *15*).

Все четыре скребка из пластин выполнены из коротких сечений. Три скребка имеют по одному концевому скребковому лезвию. Два из них имеют, кроме того, дополнительную ретушь со спинки по двум граням (рис. 1, *29*). Один скребок имеет два скребковых лезвия — концевое и примыкающее к нему боковое (рис. 1, *28*).

Среди пластин с ретушью девять имеют вогнутые участки лезвий. В трех случаях они расположены у поперечного излома пластин, что позволяет предположить возможность выполнения ими резцовых функций (рис. 1, *16, 21*).

Одна пластина с ретушью по двум граням с брюшка представляет собой, вероятно, обломок острия (проколки или наконечника). Одна грань сильно сработана (рис. 1, *14*).

Среди орудий из отщепов больше всего найдено скребков. Все они концевые. Один, из пластинчатого отщепа, имеет дополнительную ретушь со спинки по одной боковой грани (рис. 1, *31*).

Два отщепа имеют небольшие участки ретуши и один — микроострие, выполненное нанесенной со спинки заостряющей ретушью (рис. 1, *38, 40*).

В целом орудия из пластин резко преобладают над орудиями из отщепов (90,5 и 9,5% соответственно).

Заканчивая описание материала, полученного со стоянки Евгеньевка, следует отметить, что в данном случае мы имеем «чистый» комплекс, оставленный, вероятно, небольшой группой людей, посетивших на непродолжительное время место стоянки. Датировка стоянки с определенной степенью точности устанавливается по аналогиям найденным здесь асимметричным трапециям. Территориально наиболее близкие памятники с асимметричными трапециями находятся на Южном Урале и в Прикаспии [7]. Для асимметричных трапеций Южного Урала в массе характерны более вытянутые пропорции [8], чем у трапеций со стоянки Евгеньевка. Однако, судя по прорисовкам, здесь встречены трапеции и более близких им, более коротких пропорций. Они имеются в материалах стоянок Янгельса (пропорции 1,5×1), Суртанды 6 (2,0×1), Мысовая (1,8×1), Долгий Ельник II (1,7×1), Безымянный Мыс (2,1×1) [9]. Из прорисован-

---

[7] Обзор этих памятников см.: *Г. Н. Матюшин.* О южных связях мезолита Урала. АЭБ, III, 1968, стр. 15—31; *его же.* О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. СА, 1969, 4, стр. 23—47; *Г. Ф. Коробкова, Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам.* К вопросу о неолите Прикаспия. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 53—63.

[8] *Г. Н. Матюшин.* Мезолитические памятники высокогорных районов Южного Урала. Сб. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973, стр. 50.

[9] *Г. Н. Матюшин.* О характере материальной культуры..., стр. 29, рис. 2, *10;* стр. 31, рис. 3, *7;* стр. 32, рис. 4, 7; стр. 33, рис. 5, *1; его же.* Мезолитические памятники..., стр. 45, рис. 1, *1.*

ных экземпляров этого вида трапеций только в материалах стоянки Мысовая имеется трапеция с боковыми сторонами, выполненными противолежащей ретушью, остальные имеют ретушь со спинки, что сближает их с трапециями Евгеньевки. Оформление боковых сторон нанесением ретуши со спинки характерно и для трапеций Прикаспия [10]. В слоях 5а, выполненными противолежащей ретушью, остальные имеют ретушь 5—6, 6 пещеры Джебел имеются асимметричные трапеции с пропорциями 2,1×1, т. е. с теми же пропорциями, что и трапеция с боковой выемкой со стоянки Евгеньевка [11]. Одна трапеция из слоя 5а с очень малой асимметрией имеет пропорции 1,9×1, что близко к пропорциям другой трапеции со стоянки Евгеньевка (1,7×1), приближающейся к ней и по форме, хотя ее асимметрия резко выражена (рис, 1, *2*) [12]. Среди трапеций других памятников Прикаспия наибольшее сходство как по форме, так и по соотношению основных размеров трапеции Евгеньевки имеют с трапециями, найденными в пунктах Дефе-Чаганак (северный холм) и Чагыл [13].

Приведенные выше аналогии трапеций позволяют достаточно уверенно датировать стоянку времени существования 5а, 5—6, 6 слоев пещеры Джебел, а может быть, и более узко — временем слоя 5а, если учесть, что одна из трапеций по форме приближается к симметричным, а слой 5а — единственный в пещере Джебел, где залегали совместно асимметричные и симметричные трапеции [14]. Остальной инвентарь стоянки Евгеньевки находит широкие аналогии в памятниках пластинчатых индустрий в значительном хронологическом диапазоне и не противоречит этой датировке. Более узкое определение культурной принадлежности, чем введение стоянки Евгеньевки в круг памятников, имеющих в своем инвентаре асимметричные трапеции с боковой выемкой, преждевременно.

[10] *А. П. Окладников.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. ТЮТАКЭ, VII, 1956, стр. 143, рис. 86; стр. 157, рис. 94; стр. 174, рис. 105; *Г. Е. Марков.* Грот Дам-Дам Чешме-2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, 2, стр. 111, рис. 5; стр. 113, рис. 7; стр. 115, рис. 9; стр. 116, рис. 10; *Г. Ф. Коробкова, Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам.* Ук. соч. стр. 57, рис. 2; стр. 59, рис. 3.

[11] *А. П. Окладников.* Ук. соч., стр. 143, рис. 86, *2;* стр. 157, рис. 94, *2;* стр. 174, рис. 105, *3.*

[12] *А. П. Окладников.* Ук. соч., стр. 143, рис. 86, *5.*

[13] *Г. Ф. Коробкова, Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам.* Ук. соч., стр. 57, рис. 2, *24—26;* стр. 59, рис. 3, *22, 23.*

[14] *А. П. Окладников.* Ук. соч., стр. 143, рис. 86, стр. 194.

Ю. С. ГРИШИН

О БЕСКЕРАМИЧЕСКИХ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНКАХ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Вопрос о существовании в Забайкалье памятников бескерамического неолита был впервые четко поставлен Г. П. Сосновским в начале 30-х годов [1]. Несколько ранее, в середине 20-х годов, существование бескерамических стоянок каменного века в юго-западном Забайкалье отмечал как загадочное явление Г. Ф. Дебец [2]. По мнению Г. П. Сосновского, в Сибири, помимо развитого неолита, характеризующегося наличием керамики, наконечников стрел и шлифованных орудий, существовал и переходный период от палеолита к развитому неолиту, в котором эти материалы от-

[1] *Г. П. Сосновский.* Палеолитические стоянки Северной Азии. «Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы», вып. V. Москва — Ленинград — Новосибирск, 1934, стр. 286, 287.

[2] *Г. Ф. Дебец.* Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье. «Жизнь Бурятии», № 4—6, Верхнеудинск, 1926, стр. 116, 117.

сутствовали. Не считая возможным рассматривать такие относящиеся уже к геологической современности памятники, как мезолитические, он отнес их к раннему неолиту. Для каменного инвентаря этого периода он считает характерными многие черты архаизма при наличии уже более современных орудий и техники их обработки. Конкретно для Забайкалья им был указан лишь один памятник этого типа в местности Капчеранка, близ Кяхты, характеризующийся наличием грубых каменных орудий палеолитического облика и мелких каменных изделий (массивные скребла и ножи, небольшие нуклеусы-скребки, миниатюрные скребочки, ножевидные пластины, в том числе с ретушью). Значительно позднее З. А. Абрамова, основываясь на сходстве каменных изделий из Капчеранки с изделиями из других позднепалеолитических стоянок Забайкалья как по форме, так и по технике обработки, не сочла возможным выделять его из числа обычных позднепалеолитических памятников данного района [3].

В конце 50-х — начале 60-х годов А. П. Окладников допускал существование ранних неолитических стоянок без керамики в Забайкалье (второй горизонт Ошурково, Усть-Кяхта, пункты I и II, Херексурин-ури, Дюрбен и др.). Однако он колебался в вопросе отнесения этих памятников к мезолиту или раннему неолиту [4]. Характерной их чертой является отсутствие или крайняя редкость древних форм каменных изделий, таких, как остроконечники мустьерского типа, крупные дисковидные или овальные скребловидные орудия и нуклевидные скобели. При этом А. П. Окладников писал: «Вместо крупных скребел распространяются мелкие правильных форм, часто дисковидные, близкие к неолитическим. Исчезают прежние крупные нуклеусы и пластины, зато широко распространяются изящные призматические нуклеусы и соответствующие им тонкие узкие пластинки, симметрично ограненные, со строго параллельными фасетками» [5]. Вместе с тем в последнее время А. П. Окладников связывает сложение неолитической культуры в Забайкалье с появлением керамики [6].

В середине 60-х годов мнение о существовании раннего бескерамического неолита на Байкале и в некоторых близких к нему областях Восточной Сибири было высказано и Л. П. Хлобыстиным. Он считает возможным говорить о следах бескерамического неолита в Забайкалье, к сожалению не приводя данных о конкретных забайкальских неолитических памятниках. Л. П. Хлобыстин допускал возможность существования бескерамического неолита в Сибири и после появления здесь керамики. По его мнению, бескерамический неолит бытовал еще некоторое время у бродячих охотничьих племен, не нуждавшихся, как и их потомки, населявшие Сибирь в XVIII—XIX вв., в хрупкой глиняной посуде» [7].

Наряду с предположениями о возможности существования в Забайкалье памятников бескерамического неолита высказывалось и противоположное мнение.

И. И. Кириллов и М. И. Рижский писали о забайкальских стоянках ранненеолитического времени, что «от мезолитических стоянок они отличаются прежде всего наличием глиняных сосудов» [8].

---

[3] *З. А. Абрамова.* Палеолитические находки в районе Кяхты. МИА, с. 39, 1953, стр. 268—270.

[4] *А. П. Окладников.* Палеолит Забайкалья. Археологический сборник 1. Улан-Удэ, 1959, стр. 20, 21; *А. П. Окладников, Н. А. Флоренсов.* Новые данные по палеолиту и четвертичной геологии Забайкалья. Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, т. 1, М., 1961, стр. 478.

[5] *А. П. Окладников, Н. А. Флоренсов.* Ук. соч., стр. 478.

[6] *А. П. Окладников.* Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк). Сб. «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири», ч. II — «Забайкалье». Новосибирск, 1974, стр. 10.

[7] *Л. П. Хлобыстин.* Древнейшие памятники Байкала. МИА, 131, 1965, стр. 279.

[8] *И. И. Кириллов, М. И. Рижский.* Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973, стр. 44.

Таким образом, среди исследователей и к настоящему времени существуют две противоположные точки зрения по вопросу о забайкальском неолите, а именно о возможности существования его бескерамической разновидности.

Вполне понятно, что на данном уровне наших знаний, учитывая отсутствие достаточно надежных четких оснований для выделения ранних неолитических забайкальских памятников без керамики, которые могут относиться и ко времени мезолита или позднего палеолита, важно отметить хотя бы отдельные такие бескерамические стоянки, неолитический возраст которых вряд ли может вызвать сомнения.

Об одной из таких стоянок, расположенной на р. Онон, у пос. Усть-Иля, уже сообщалось в литературе [9]. Представленный на ней каменный инвентарь неолитического типа включал помимо пластин и отщепов отдельные ножи, резцы, скребки, треугольный наконечник стрелы с выемкой в основании и другие изделия. Неолитическая керамика, обычно сопутствующая здесь подобному материалу, отсутствовала. Один из крупных ножей, аналогичный некоторым неолитическим монгольским, по своей форме близок и серовским ножам из Прибайкалья [10], а развитой тип указанного наконечника стрелы также не позволяет относить данную стоянку ко времени, сколько-нибудь более раннему, чем III тысячелетие до н. э.[11] III тысячелетие до н. э. как для Забайкалья, так и для окружающих его областей является временем не раннего, а развитого неолита, поэтому существование бескерамической стоянки, датируемой этим временем, представляется весьма существенным.

То же самое, по-видимому, можно сказать и о другой стоянке, в устье р. Хир-Хиры при впадении ее в Урулюнгуй. Она исследовалась в 1959 г. Монгольской археологической экспедицией под руководством С. В. Киселева, правда, довольно ограниченно, попутно с раскопками здесь же на ее территории монгольской могилы, но полученные результаты все же показательны. Это, конечно, не исключает возможности каких-то существенных уточнений при ее дальнейшем, более широком изучении.

Не удивительно, что в процессе работ на поверхности здесь была собрана керамика монгольского времени, но в культурном слое, отличавшемся немалой плотностью, при значительном количестве каменных изделий неолитических типов совершенно отсутствовала характерная для них глиняная посуда. Среди указанных каменных изделий, найденных также на поверхности, помимо целого ряда отщепов, пластин, скребков, вкладышей, нуклеусов конической и клиновидной формы, следует отметить и развитые двусторонне обработанные типы наконечников стрел — листовидного с округлым основанием и треугольного с небольшой выемкой в основании (рис. 1). Их также нельзя сколько-нибудь значительно удревнять за пределы III тысячелетия до н. э. Правда, один из нуклеусов близок к раннему гобийскому типу и, видимо, бытовал на стоянке пережиточно.

Часто приходится слышать возражения, что отсутствие остатков глиняной посуды на стоянках эпохи неолита еще не доказывает бескерамического характера этих стоянок, так как неолитические сосуды вследствие плохого качества их изготовления могли полностью разрушиться. Действительно, на некоторых стоянках вследствие неблагоприятных условий залегания черепки неолитических глиняных сосудов подвергались интенсивному разрушению. Однако и в этом случае в культурном слое неолитических стоянок Забайкалья сохраняются остатки керамической крошки.

---

[9] *Ю. С. Гришин.* Древние памятники среднего течения р. Онона. «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 89—91.

[10] *А. П. Окладников.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18. М.— Л., 1950, рис. 64 (третий слева).

[11] *А. А. Формозов.* Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, 1959, 2, стр. 51.

В частности, это хорошо зафиксировано автором при раскопках неолитической стоянки у пос. Новоказачинское на р. Онон. Здесь в очень рыхлом культурном слое супеси вместе с типичным неолитическим каменным инвентарем нередко встречались раскрошившиеся, очень мелкие кусочки керамики. Поэтому трудно согласиться с данным возражением.

Известно, что Г. Ф. Дебец особо отмечал почти полное отсутствие керамики неолитического типа в ближайших к Восточной Монголии степных районах юго-западного Забайкалья, да и в самой Восточной Монголии керамика также сравнительно редко фиксируется на неолитических

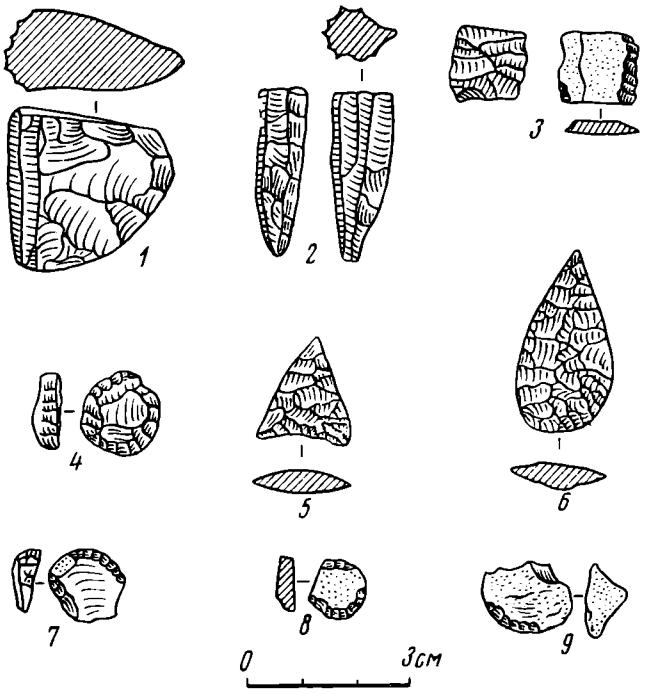


Рис. 1. Материалы стоянки в устье р. Хир-Хира

стоянках [12]. Кроме того, в пользу наличия на этой соседней территории бескерамических стоянок (правильнее сказать, речь идет о таких стоянках, население которых не пользовалось глиняной посудой) свидетельствуют результаты раскопок одной из них — Тамцаг-Булакской. Здесь не было найдено никаких явных черешков, относящихся к глиняным сосудам, но вместе с тем были обнаружены обломки каких-то плоских керамических плиток, совершенно аналогичные которым известны также в Забайкалье со стоянки в устье р. Громатуха, впадающей в Ингоду [13]. Но при этом в отличие от Тамцаг-Булакской на стоянке Громатуха в значительном количестве найдена и типичная неолитическая керамика. Таким образом, население Тамцаг-Булака, одного из интереснейших неолитических памятников Восточной Монголии, относящегося, по данным А. П. Окладникова и А. П. Деревянко, ко второй половине III тысячелетия до н. э.[14], было хорошо знакомо с керамическим производством, но, по всей видимости, не пользовалось глиняной посудой.

Наличие бескерамических стоянок даже в развитом неолите лесостеп-

[12] *Г. Ф. Дебец.* Ук. соч., стр. 116, 117; *Д. Дорж.* Неолит Восточной Монголии. Улан-Батор, 1971, стр. 89.

[13] *А. П. Окладников, А. П. Деревянко.* Тамцаг-Булак — неолитическая культура Восточной Монголии. «Тр. Бурятского Ин-та обществ. наук», 13. Улан-Удэ, 1970, стр. 18; *И. И. Кириллов.* Древняя стоянка Громатуха на Ингоде. Сб. «Вопросы краеведения Забайкалья», вып. 1. Чита, 1973, стр. 218, 219.

[14] *А. П. Окладников, А. П. Деревянко.* Ук. соч., стр. 18—20.

ного и степного Забайкалья вместе с соседней с ним территорией Восточной Монголии вполне естественно дает основания предполагать по меньшей мере значительно более широкое их существование и в предшествующий ему период раннего неолита. На это обстоятельство, во всяком случае, могут указывать лишь весьма малочисленные случаи обнаружения среди неолитических забайкальских материалов глиняных сосудов с оттисками сетки-плетенки на поверхности. Такая керамика считается наиболее ранней для Северо-Восточной Азии; она была широко распространена на древнейших неолитических памятниках еще IV тысячелетия до н. э. соседних с Забайкальем областей Прибайкалья и Якутии. Поэтому не представляется возможным присоединиться к мнению И. И. Кириллова и М. И. Рижского о ее заимствованном характере и довольно позднем появлении в Забайкалье по сравнению с широко распространенной там шнуровой керамикой (т. е. с отпечатками на поверхности оттисков витого шнура) [15]. Ведь последняя, судя по недавним исследованиям (в том числе основанным и на радиоуглеродных датах), распространяется в соседней, лежащей к северу от Забайкалья, Якутии лишь в III тысячелетие до н. э., где она сменяет отмеченную керамику с оттисками сетки-плетенки, а для примыкающей уже с юга к Забайкалью Восточной Монголии Д. Дорж не считает возможным датировать ее сколько-нибудь более ранним временем, отмечая к тому же, что в самых ранних памятниках материковой части Восточной Азии она появляется максимум в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. [16] Таким образом, имеются существенные основания полагать, что в раннем периоде неолита характерная для этого времени керамика с оттисками сетки-плетенки в отличие от соседних областей Прибайкалья и Якутии довольно медленно и далеко не повсеместно входила в обиход забайкальских племен.

Причину такого явления следует видеть в очень подвижном образе жизни бродячего неолитического охотничье-рыболовческого населения степной и лесостепной зоны Забайкалья и Монголии, которую описал А. П. Окладников в одной из своих статей [17]. Следует отметить, что в неолитическое время жизнь в условиях степей, с их довольно ограниченными, прежде всего основными охотничьими пищевыми ресурсами, была несравненно более трудной, чем в лесотаежных условиях. При вынужденных в связи с этим частых больших пеших передвижениях в поисках добычи, когда переносилось лишь самое необходимое снаряжение, вхождение в быт и широкое распространение хрупкой глиняной посуды значительно замедлялось и растягивалось на длительное время.

[15] *И. И. Кириллов, М. И. Рижский.* Ук. соч., стр. 45.

[16] *Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева.* Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии. Сб. «Якутия и ее соседи в древности». Якутск, 1975, стр. 45; *Д. Дорж.* Ук. соч., стр. 77.

[17] *А. П. Окладников.* Неолит Сибири и Дальнего Востока. Сб. «Каменный век на территории СССР». М., 1970, стр. 179.

С. В. КУЗЬМИНЫХ

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ МЕТАЛЛА СОКОЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Летом и осенью 1973 г. значительный спад уровня водохранилища Куйбышевской ГЭС позволил провести поиски и изучение затопляемых и подтопляемых памятников в Татарии [2]. Наиболее интенсивно обследо-

[1] *Р. С. Габяшев, Е. П. Казаков, М. Г. Косменко, П. Н. Старостин, С. В. Кузьминых.* Работы в зоне затопления Куйбышевского водохранилища в пределах Татарии. АО—1973, М., 1974, стр. 141.

Таблица 1

Химический состав металла Соколовского могильника

№ п/п	Шифр лаборатории	Наименование предмета	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	Химическая группа	Памятник или местонахождение
1	15 653	Кельт	Основа	0,04	0,0016	–	–	0,14	0,1	0,55	0,16	0,08	–	0,016	0,003–0,01	ВК	Соколовский могильник
2	15 654	Втульчатый топор	»	0,06	–	–	–	0,001	0,003	1,7	0,2	0,5	0,003	–	0,001–0,003	ТК	То же
3	15 655	Нож	»	0,0025	–	–	–	0,001	–	0,1	1,2	0,1	0,12	0,01	–	ТК	»
4	15 656	То же	»	0,0045	–	–	0,004	0,09	–	2,0	0,6	0,45	0,018	–	0,003–0,01	ТК	»
5	15 657	Пилка-нож	»	4,8	0,028	–	0,0025	0,045	0,012	2,0	0,045	0,18	0,03	0,01	0,001–0,03	ВК	Р-н дер. Мурзихи Алексеевского р-на ТАССР

вались пределы Камской дельты. Разведочным отрядом ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова в составе М. Г. Косменко, Е. П. Казакова, Р. С. Габяшева у бывш. дер. Соколовка Куйбышевского р-на ТАССР был обнаружен примечательный комплекс бронзовых изделий сейминско-турбинского облика (кельт, втульчатый топор, два ножа) [2]. Обследованием места находки было установлено отсутствие могильных ям (если они имелись), очевидно размытых, и керамики. Из расспросов рыбаков выяснилось, что в данном пункте они неоднократно в прежние спады уровня водохранилища подбирали бронзовые изделия, в том числе и наконечники копий. К сожалению, отсутствие своевременного сигнала археологам сохранило для нас лишь немногие вещи с этого, видимо нового, могильника сейминско-турбинского типа. Остается надежда увеличить коллекцию находок во время новых значительных спадов уровня водохранилища.

Описание, аналогии, культурная принадлежность, дата инвентаря Соколовского могильника приводятся в публикации М. Г. Косменко и Е. П. Казакова. Интересно, каков химический состав этих изделий и какое место займут они по химии между Сеймой и Турбино, металл которых полно освещен Е. Н. Черных [3].

Спектроаналитическое изучение Соколовского комплекса в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР дало следующие результаты (таблица). Металл кельта (рис. 1, *7*; анализ 15 653) представлен химической группой ВК (волго-камской) втульчатого топора (рис. 1, *4*; ан. 15 654) и ножей (рис. 1, *2*, *3*; анализ 15 655, 15 656) — ТК (таш-Казгансской) [4]. Ни одно из анализированных изделий не легировано искусственной добавкой олова, т. е. не относится к металлургической группе оловянистых бронз.

[2] *М. Г. Косменко, Е. П. Казаков.* О некоторых памятниках эпохи бронзы в устье Камы. СА, 1976, 2.

[3] *Е. Н. Черных.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА, 172, 1970, стр. 25, 26.

[4] Там же, рис. 15 и 17. Принадлежность к определенным химическим группам определялась по уже построенным Е. Н. Черных корреляционным графикам примесей, характерных как для металла Сеймы и Турбино, так и других культур Волго-Уралья этого времени.

Кельт представляет металлургическую группу сурьмяно-мышьяковистых сплавов, остальные связываются с группой мышьяковистой меди. Судя по Е. Н. Черных [5], металл Соколовского могильника относится к металлургической группе естественных сплавов. Типологически набор соколовских изделий определенно тяготеет больше к металлу Сеймы, нежели Турбино. Об этом ярче всего свидетельствуют орнаментированный ромбами и треугольниками кельт и втульчатый топор, близкий топорам группы 5 по С. Н. Кореневскому [6]. Из четырех отмеченных им комплексов находок таких топоров один — в Сейминском могильнике. В Турбино таких топоров нет. Соколовский топор служит еще одним подтверждением бытования этих орудий, помимо срубников и андроновцев Приуралья, у населения культуры Сеймипского могильника. Его своеобразие состоит в том, что в отличие от исследованных ранее топоров этой группы, как правило легированных оловом и относящихся к химической группе МП (медистых песчаников), ВУ (волго-уральской), ЕУ (еленовско-ушкаттинской) [7] соколовский топор принадлежит к химической группе ТК и оловом не легирован. Он не может связываться с производством срубных и андроновских племен, не разрабатывавших месторождение Таш-Казган, как показано Е. Н. Черных. Не изготавливался он и литейщиками баланбашской культуры Южного Урала, для которой характерен совершенно иной тип топора. По своему химическому составу он может связываться единственно с носителями Турбинского и Сеймипского могильников, которые широко использовали мышьяковистую медь Таш-Казгана.

Близость соколовского кельта сеймипским подтверждается не только типологически, но и по составу металла. Из 34 проанализированных Е. Н. Черных кельтов Турбино [8] ни один не относится к группе ВК. Другая картина в Сейме, где из 16 кельтов ВК представляют 13 [9]. Примечательно, что по химическому составу металл Соколовки несет черты как Сеймы, так и Турбино; однако если типологически формы изделий ближе к Сейме, то по составу металла бóльшая связь с Турбино. Она укрепится, если к соколовским изделиям присовокупить другие изделия сеймипско-турбинских типов из устья Камы. Поясковый кельт с III Базяковского могильника (рис. 1, *8*) [10] и втульчатый топор с квевцовидным навершием со II Малиновского могильника (рис. 1, *1*) [11] изготовлены из меди группы ТК [12]. Эти находки отнесены А. Х. Халиковым к раннеприказанским могильникам [13], хотя мной, например, не исключается их принадлежность населению, оставившему Турбино, Соколовку, Сейму.

Наличие в устье Камы серии находок вещей сеймипско-турбинских типов [14] (кроме отмеченных выше укажем на находки двух сеймипских поясковых кельтов из Ново-Мордово [15] (рис. 1, *6*, анализ не произведен) и Лебедино, пилки-ножа из окрестностей дер. Мурзихи Алексеевского р-на ТАССР (рис. 1, *5*; анализ 15 657), имеющей ближайшие параллели в Сейме как по типу [16], так и по металлу — ВК [17]), особенно пополнив-

---

[5] Там же, стр. 25—28.

[6] *С. Н. Кореневский.* Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области. СА, 1973, 1, стр. 50—52, рис. 6.

[7] *С. Н. Кореневский.* Ук. соч., стр. 51.

[8] *Е. Н. Черных.* Ук. соч., табл. VI.

[9] Там же, табл. VII.

[10] *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, рис. 55, *59;* 57; *Е. Н. Черных.* Ук. соч., рис. 47, *30.*

[11] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., рис. 55, *60*; 57, *2*; *Е. Н. Черных.* Ук. соч., рис. 50, *4.*

[12] *Е. Н. Черных.* Ук. соч., табл. IV.

[13] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 248—253.

[14] См. работы А. М. Тальгрена, А. В. Збруевой, Б. Г. Тихонова, А. Х. Халикова, Е. Н. Черных.

[15] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 252.

[16] *О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 117, рис. 53.

[17] *Е. Н. Черных.* Ук. соч., табл. VI, анализ 335.

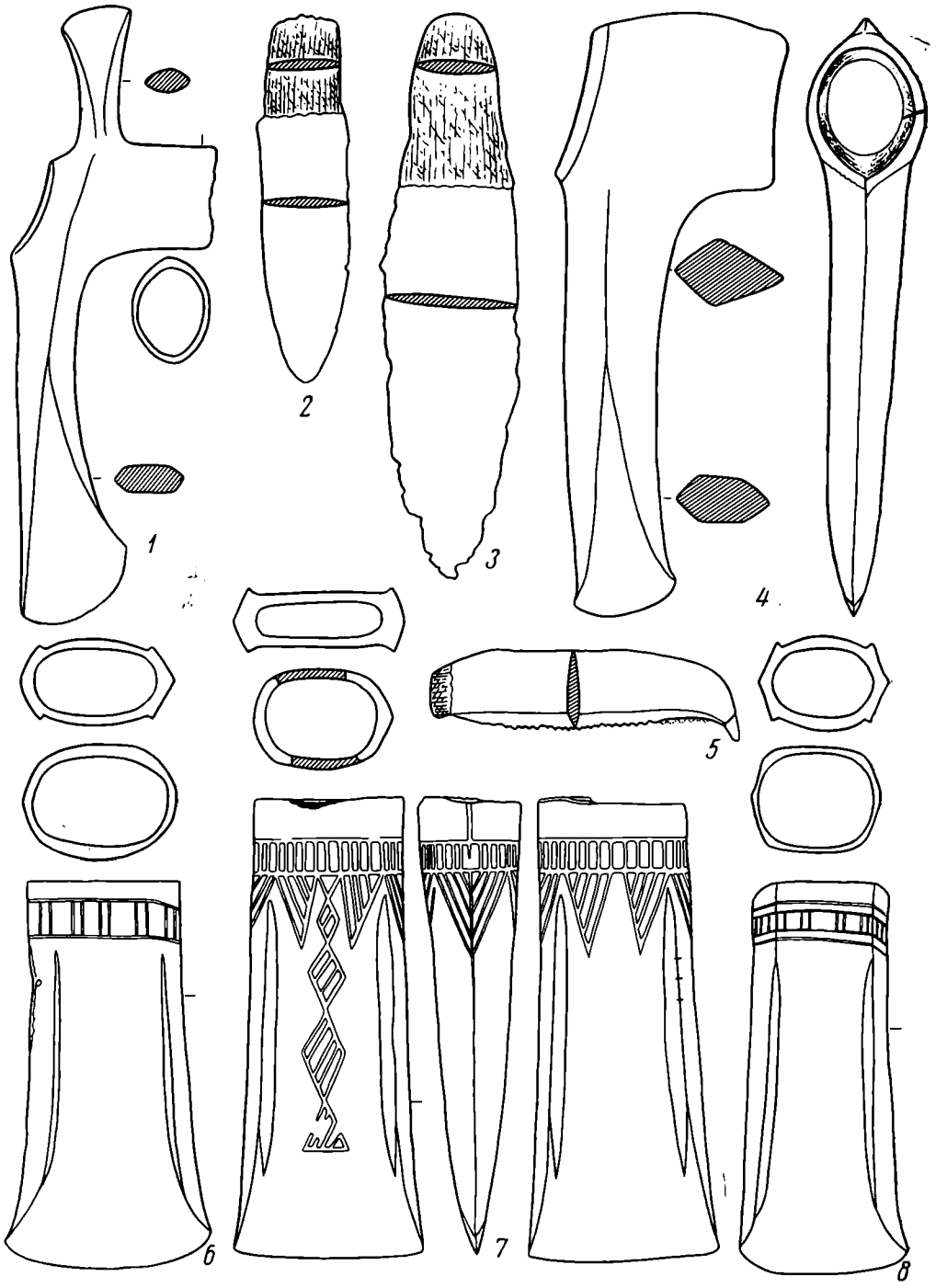


Рис. 1. Сейминско-турбинский металл из устья Камы: *1* — II Малиновский могильник; *2—4, 7* — Соколовский могильник; *5* — р-н дер. Мурзихи; *6* — дер. Ново-Мордово; *8* — III Базяковский могильник

шейся за последнее десятилетие, очевидно, позволяет наметить в евразийской цепи памятников Самусь, Ростовка, Турбино, Сейма и Бородино еще один пункт, в районе дельты Камы. Наблюдается любопытная картина местоположения сейминско-турбинских могильников. Они расположены в устьях крупных рек — Чусовой, Камы, Оки[18]. Не являются

[18] Это наблюдение принадлежит Е. Н. Черных, не раз высказывавшему его автору при обсуждении проблем сейминско-турбинского металла.

ли они вехами на пути движения сейминцев и турбинцев из-за Урала — Турбино, Соколовка, Сейма? Е. Н. Черных наметил два пути их движения из-за Урала: турбинцы по грани леса и лесостепи, не заходя в степь. Сейминцы прошли Урал южнее, где и вступили в контакт со срубниками и андроновцами [19]. К такому выводу приводила связь значительной части коллекции Турбино с медью Таш-Казгана, а сейминской — с металлом группы ВУ у срубников и андроновцев и малочисленностью в ней таш-казганской меди.

Возможно, типологически своеобразие усть-камских находок и их химический состав свидетельствуют о том, что сейминско-турбинский поток в своем движении из Западной Сибири не расчленялся на два на рубеже Урала, что контакт со срубно-андроновским миром у сейминцев и турбинцев произошел на Нижней Каме, левобережье которой от р. Белой до Волги было заселено сплошным массивом срубных племен уже в середине II тысячелетия до н. э. [20]. Большая типологическая близость усть-камских находок к Сейме, а по химическому составу к Турбино, как будто свидетельствует об этом.

[19] *Е. Н. Черных.* Металл — человек — время. М., 1972, стр. 90.
[20] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 218, рис. 48.

Т. МЕНЧИНСКАЯ, Э. Ш. КУДАЕВ

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ КЫЗЫЛКУМАХ

Тематический отряд Комплексной геологической экспедиции Всесоюзного шестого производственного объединения проводил летом 1973 г. исследования в горах Тамдытау Центральных Кызылкумов.

При обследовании северо-восточной части массива, в 7 *км* к юго-западу от районного центра Тамды (рис. 1), авторами были обнаружены наскальные рисунки на глыбовом обнажении мраморизованных известня-

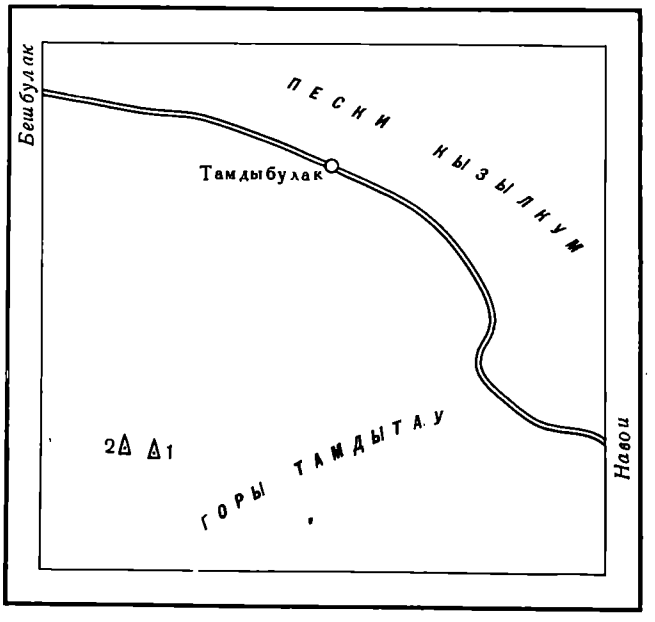


Рис. 1. Схема расположения долины с петроглифами: *1* — долина с петроглифами; *2* — место единичного рисунка

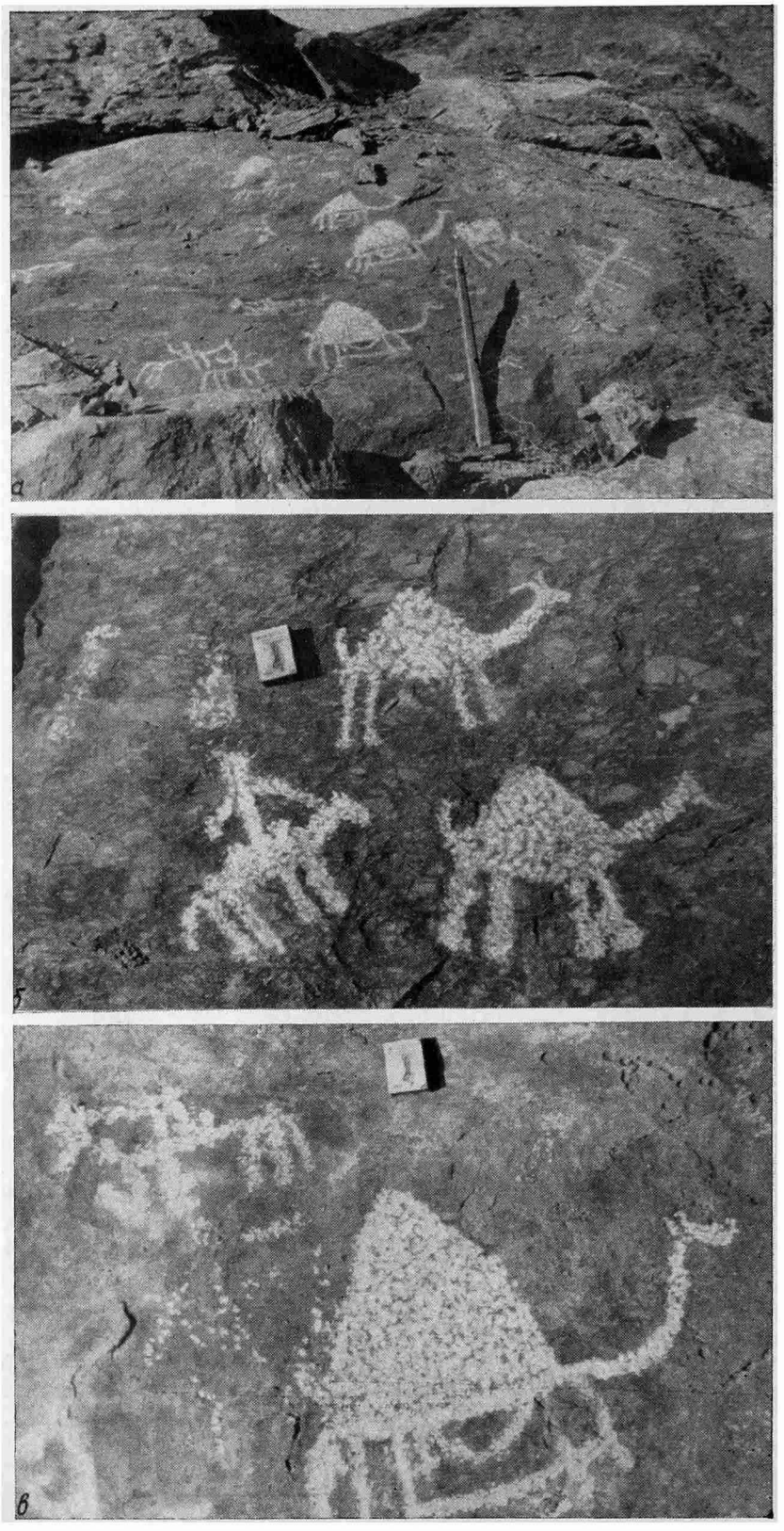


Рис. 2 Наскальные рисунки (Центральные Кызылкумы, р-н Тамды)

ков [1]. Ровная поверхность выхода, размером примерно 3×1,5 *м*, довольно густо покрыта изображениями. На рисунках изображены стилизованные одногорбые или груженные кладью верблюды и всадники на лошадях (рис. 2). Интересно, что все рисунки ориентированы в одну сторону.

Помимо описанной компактной группы наскальных изображений, примерно в 800 *м* к западу от описанной долины, на северном склоне небольшого распадка, обнаружена единичная зарисовка верблюда, аналогичная описанным выше.

Рисунки нанесены точечным методом. На серой выветренной поверхности известняка они ясно выделяются белым цветом. Бо́льшая часть рисунков хорошо сохранилась. Часть рисунков закрыта лишайниками.

Глыбовый выход известняков с наскальными рисунками располагается близ южного борта чашеобразной долины с выположенным дном, занесенным рыхлым материалом. Долина со всех сторон окружена невысокими горами и имеет лишь два щелеобразных выхода среди скальных обнажений силурийских сланцев. Таким образом, долина представляет собой закрытое место, очень удобное для поселений.

---

[1] А. Кабиров, ознакомившийся с настоящей публикацией по просьбе редакции, отмечает, что сюжет, тематика и стилистические особенности рисунков позволяют говорить об их средневековом возрасте, и вместе с тем не исключает возможности наличия среди них современных изображений.— *Прим. ред.*

А. С. СКРИПКИН, В. И. МАМОНТОВ

ОБ ОДНОМ НОВОМ ТИПЕ ПОЗДНЕСАРМАТСКИХ КИНЖАЛОВ

В 1972 г. Волгоградский краеведческий музей продолжил раскопки курганного могильника у с. Сидоры Михайловского р-на Волгоградской обл., начатые в 1959 г. В. П. Шиловым [1].

Под насыпью кург. 25 было обнаружено сарматское погребение (рис. 1) в прямоугольной яме размерами 1,85×1,65 *м* и глубиной 1 *м*. На дне ямы по диагонали лежал скелет мужчины, ориентированный головой на восток. Вместе с погребенным найдены: сероглиняный кувшин, два глиняных горшка, глиняная кружка, оселок, массивное бронзовое кольцо, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, зеркальце-подвеска с боковым ушком, две бронзовые лучковые фибулы с подвязным приемником, костяная накладка от лука, обломок кремня, а также железный кинжал с бронзовыми перекрестием и навершием (рис. 2).

Особый интерес представляет кинжал, который был найден под правым бедром погребенного. Он имеет обоюдоострое лезвие, прямое четырехгранное бронзовое перекрестие и литое бронзовое волютообразное навершие, которое при помощи клиновидного штыря с отверстием на конце крепилось к ручке. Общая длина кинжала 34 *см*, длина лезвия 23 *см*. На лезвии сохранились остатки дерева от ножен.

Весь комплекс датируется по фибулам и зеркалу позднесарматским временем. Найденные фибулы, по классификации А. К. Амброза, относятся к пятому варианту проволочных одночленных лучковых фибул, датируемых им концом II—III вв. н. э.[2] Бронзовые зеркальца-подвески с боковым ушком, без конического выступа — обычная находка в позднесарматских погребениях II—III вв. н. э.

---

[1] *В. И. Мамонтов.* Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской археологической экспедиции в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4905, стр. 7, 8.

[2] *А. К. Амброз.* Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д 1-30, М., 1966, стр. 51.

Следует сказать, что это не единственная находка такого типа кинжала в Нижнем Поволжье. В том же 1972 г. экспедицией Г. А. Федорова-Давыдова у с. Барановка в Черноярском р-не Астраханской обл. в сарматском погребении первых веков нашей эры был найден аналогичный кинжал, с бронзовым волютообразным навершием, рукоять которого и ножны обложены золотой фольгой [3]. Обнаружен он был также под правой бедренной костью, что свидетельствует о способе ношения кинжалов у сарматов [4].

Рис. 1. План погребения и инвентарь из кург. 25. *1* — план погребения; *2* — железный наконечник стрелы; *3* — лепной горшочек; *4*, *9*, *11* — гончарные сосуды; *5* — костяная накладка от лука; *6* — каменный оселок; *7*, *8* — бронзовые фибулы; *10* — бронзовое кольцо; *12* — бронзовое зеркальце-подвеска

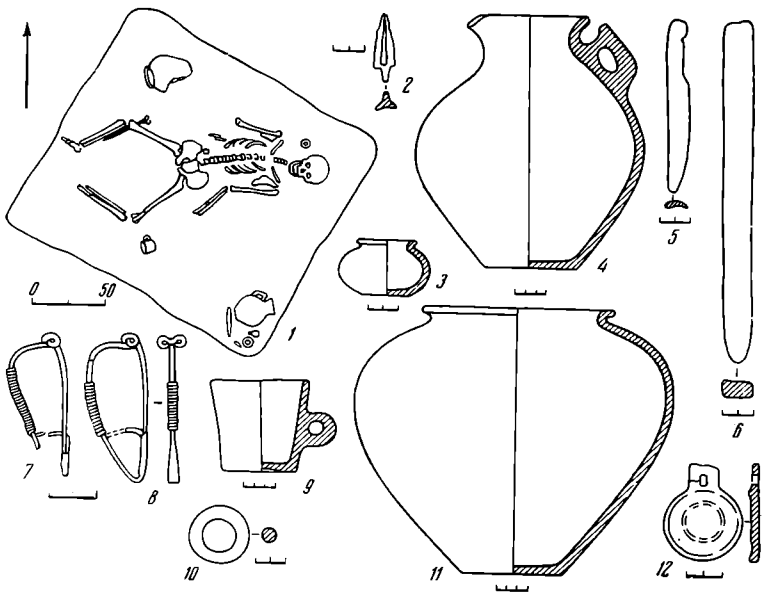


Рис. 1

Рис. 2. Кинжал из кург. 25

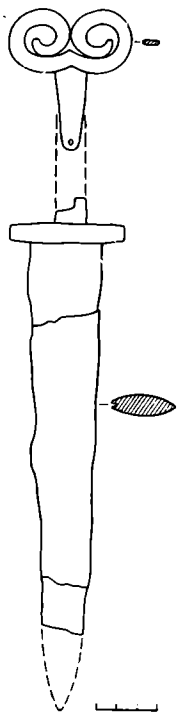


Рис. 2

Необычность этих кинжалов заключается в архаичной форме наверший, нехарактерной для кинжалов и мечей позднесарматской культуры. В позднесарматское время широкое распространение получают кинжалы и мечи без металлического навершия [5]. Волютообразная форма навершия на этой территории довольно часто встречается у савроматских мечей [6]. На раннесарматских мечах и кинжалах такая форма наверший уже не встречается [7]. В среднесарматское время распространяются мечи и кинжалы с кольцевидным навершием [8].

Однако волютообразная форма навершия сохраняется на протяжении длительного времени на территории обитания сарматов от скифо-

---

[3] *Г. А. Федоров-Давыдов, Н. Н. Бусятская, Е. В. Шнайдштейн.* Отчет о раскопках Барановского могильника в Черноярском районе Астраханской обл. в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4709, стр. 17—19, рис. 55.

[4] *А. М. Хазанов.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 13, 27.

[5] Там же, стр. 15.

[6] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. М., 1961, стр. 17, 18, рис. 2 и 3.

[7] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. САИ, Д 1-10, М., 1963, табл. 18, 19.

[8] *А. М. Хазанов.* Ук. соч., стр. 5—14.

сарматского времени до позднесарматского. В этом плане интересна находка железного кинжала с волютообразным навершием в сарматском погребении у с. Ново-Луганское [9]. Это погребение датируется автором раскопок I в. до н. э.— началом I в. н. э., временем более ранним, нежели находки в Нижнем Поволжье. Не исключено, что в дальнейшем новые материалы раскопок позволят окончательно решить вопрос о происхождении кинжалов разбираемого типа.

[9] *Т. О. Шаповалов.* Сарматські поховання поблизу с. Новолуганське. Археологія, 1973, 8, стр. 85—87, рис. 4, *1*.

В. И. ШЛЯХОВА

СЕРЕБРЯНЫЙ СОСУД ИЗ с. ЮЛДУС
(Курганская область)

В Шадринском краеведческом музее хранится серебряный кувшин инв. № 2463 — (рис. 1, 2), происходящий из окрестностей с. Юлдус Шадринского р-на Курганской обл.[1]

Кувшин имеет грушевидную форму. Он украшен чеканной орнаментацией. Несколько расширяющееся книзу тулово имеет диаметр 16 *см*. Оно отделено высоким рельефным валиком от высокого узкого профилированного горла диаметром 3,5 *см*, которое заканчивается широким плоским горизонтально отогнутым венчиком с выступающим сливом. На противоположной сливу стороне тулова имеются две продолговатые полосы, расположенные одна под другой,— следы отломанной ручки [2].

Тулово и плечики кувшина обильно орнаментированы рельефными фигурами. Свободным от орнамента оставлено только его горло. На плечиках расположен валик в виде пояса высоких крупных круглых бусин. По обе стороны от него, сверху и снизу, проходят ленты аканфов с загнутыми концами листьев, выполненные в высоком рельефе, оконтуренные с внутренней стороны валика тонкой выпуклой полоской. Пояса листьев отличаются друг от друга: нижний пояс шире верхнего, нижние концы листьев этого пояса сложно изогнуты — край листа дважды отогнут вниз, причем последний отгиб чуть скошен на сторону.

Всю поверхность тулова кувшина занимает сцена охоты. Всадники и пешие воины охотятся на хищных и травоядных животных. Композиция распадается на три пояса. В верхнем изображены расположенные друг за другом фигуры пеших воинов, охотящихся на травоядных животных, диких козлов, косуль, кабана. В среднем ряду воины-всадники представлены борющимися с хищными животными — львами и барсом. Нижний пояс сохранился лишь частично; фрагменты изображения пешего воина, а также бегущих и поверженных травоядных животных показывают, что он, очевидно, был идентичен верхнему. Фон заполнен изображениями растений, расположенных среди фигур животных и людей. Последние чрезвычайно плотно прилегают друг к другу; отмеченные пояса сливаются в нерасчлененное целое.

И по форме, и по способу декорировки кувшин относится к числу произведений восточной торевтики. Среди известных памятников бактрийской, иранской и согдийской торевтики он не находит прямых аналогий по форме и сюжету. Полная реконструированная форма кувшина позволяет отнести его к типу высоких кувшинов со сливом с грушевидным туловом на узкой с широким раструбом ножке, с изогнутой ручкой,

[1] Кувшин был найден в 1973 г. при вспашке поля в урочище «Бакан», в 2 *км* северо-западнее с. Юлдус, на месте срытого в 1960 г. высокого кургана.

[2] Сосуд поврежден плугом при вспашке: кроме ручки вырваны и утрачены часть боковой поверхности тулова, дно скошено набок и помято горло.

Рис. 1. Серебряный кувшин из с. Юлдус. Общий вид

верхним концом прикрепленной к тулову [3]. Этот тип определяется Б. И. Маршаком как позднесасанидский на основании близости керамике Ирана V—VI вв., засвидетельствованной, в частности, в Мерве [4].

Валик в виде бусин, появление которого относят к IV—V вв. н. э.[5], редко встречается на сосудах подобной формы. Более характерны валики

[3] *И. А. Орбели, К. В. Тревер.* Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 61; *Я. И. Смирнов.* Восточное серебро. СПб., 1909, № 83, 85.

[4] *Б. И. Маршак.* Согдийское серебро. М., 1971, стр. 14.

[5] *А. П. Смирнов.* Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, стр. 48.

в виде пояса крупных шариков для серебряных флакончиков с овальным туловом, узким дном и рельефной орнаментацией [6].

Рассмотрим сюжеты орнаментации тулова кувшина. Изображенная на нем сцена охоты также не находит прямых аналогий на известных памятниках восточной торевтики. По сюжету и отчасти по композиции отдельные ее фрагменты восходят к изображениям на сасанидском металле. Так как проблемы атрибуции так называемого «сасанидского» металла мало разработаны [7], необходимо подробно рассмотреть основные аналогии и иконографические прототипы деталей этой сцены на публикуемом кувшине. Рассмотрим изображения верхнего и нижнего поясов. Они состоят из трех групп: один пеший воин колет копьем двух диких козлов, расположенных один над другим. При этом один из них повержен, а другой спасается бегством. Второй воин стреляет из лука в кабана. В третью группу входит воин с коротким серпообразным кинжалом в руке, преследующий косулю и козла, расположенных один под другим. В верхнем поясе все фигуры сохранились целиком, в нижнем сохранилась частично одна фигура пешего воина (голова и плечи) и целиком — две косули и кабан.

Все три воина изображены безбородыми, с короткими волосами, с лентой вокруг головы, в коротких пластинчатых одеждах с отворотами и с накидками, перехваченных на талии узким поясом, в узких остроносых сапогах. У двух из них штаны заправлены в сапоги, у одного выпущены поверх. Одежда воинов, а также прически определяются как сасанидские. Так выглядят сасанидские воины на рельефе в Накш-и-Рустем III в. н. э.— «Триумф Шапура I над Валерианом» [8]. На блюде из Мазандерана (Иран) музыканты представлены в сходных одеждах, со штанами, заправленными в сапоги или выпущенными поверх них [9]. Прически, аналогичные представленным на сосуде, встречаются на сасанидских геммах [10]. Одежда и прически, подобные изображенным на рассматриваемом сосуде, широко распространены в Иране с первых веков нашей эры. Наиболее полную аналогию одежда охотников находит в одежде всадника на иранском блюде, датируемом второй половиной VII — началом VIII в. н. э.[11] Иконографические особенности изображенных воинов: безбородые круглые лица, крупные глаза, выступающий нос, а также накидки находят аналогии среди изображений на чашах, датируемых IV в. н. э. из Тохаристана и прилегающих к нему с юга земель [12].

Сложный лук («лирообразный» или «кушано-сасанидский»), появившийся в Средней Азии в кушанское время, широко распространился в III—VII вв. на территории Ирана, Средней Азии и Северной Индии [13].

Фигуры кабана, косули и козлов выполнены в стиле, широко распространенном на произведениях торевтики Ирана и Средней Азии середины I тысячелетия н. э.

В среднем поясе кувшина располагаются четыре сюжетные группы; три из них сохранились полностью: это всадник, стреляющий обернувшись назад из «лирообразного» лука в барса, всадник, обернувшись назад, затягивающий арканом льва, грызущего круп его коня, и всадник,

---

[6] *Я. И. Смирнов.* Ук. соч., № 87, 88.

[7] *Б. И. Маршак.* Ук. соч., стр. 5.

[8] *R. Ghirshman.* Arte Persiana. Parti e sassanidi. Milano, 1962, v. 205.

[9] *Я. И. Смирнов.* Ук. соч., № 66.

[10] *А. Я. Борисов, В. Г. Луконин.* Сасанидские геммы. Л., 1963, табл. 69, *132, 757.*

[11] *И. А. Орбели, К. В. Тревер.* Ук. соч., табл. 3; *В. Г. Луконин.* Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах. ВДИ, 1964, 3, стр. 162, 163.

[12] *К. В. Тревер.* Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940, табл. 22—24; *Я. И. Смирнов.* Ук. соч., № 82; *Б. И. Маршак, Я. К. Крикис.* Чилекские чаши. Тр. ГЭ, т. X, Л., 1969, стр. 72.

[13] *Б. А. Литвинский.* Сложносоставной лук в древней Средней Азии. СА, 1966, 4, стр. 69.

колющий мечом льва, нападающего на него спереди. От четвертой группы сохранился лишь всадник с коротким копьем, в занесенной за спину руке. Все четыре группы расположены в ряд, причем два льва по обе стороны от ручки, спинами друг к другу, что находит аналогии в расположении львов на упоминавшихся уже тохаристанских чашах IV—V вв. [14]

Рассмотрим каждую группу в отдельности. По сюжету, а также по композиции к искусству сасанидского Ирана восходят сцены со всадником, стреляющим из лука в барса, всадником, накидывающим на льва аркан. Одежда всадников аналогична одежде пеших воинов. Оба

[14] *К. В. Тревер.* Ук. соч., табл. 22—24.

Рис. 2. *а, б* — фрагменты серебряного кувшина из с. Юлдус

всадника в головных уборах-кулахах, в коронах с шаром и полумесяцем в сочетании с крыльями, прототипом для которых послужила корона сасанидского царя Пероза[15]. Короны этого типа появляются в VI в.[16], известны по тохаристанским монетным надчеканам VII в.[17] Убранство коней: седла с крупными кистями, завязанные бантом хвосты относят-

[15] *K. Erdmann.* Die Entwicklung der sasanidischen Krone. Ars islamica, v. XV—XVI. N.— Annarbor, 1951, S. 122—123. Ab. 18.

[16] *G. Scaglia.* Central Asians on a Northern ch'i Gate Shrine. Artibus Asiae, v. XXI, № 1. Ascona, 1958, fig. 1.

[17] *R. Gobl.* Dokumente zur Geschichte iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. III. Wesbaden, 1967, Taf. 12; 16—18.

ся к широко распространенным в иранском металле чертам. Круглые седла, меч с фигурным концом ножен — черты, характерные для тохаристанского металла, зафиксированы на памятниках IV в.[18] Несколько деталей позволяют отнести публикуемую сцену охоты к VII в.: пояс из крупных круглых блях, характерный для Тохаристана VII в., надетый на одном из всадников, мечи, подвешенные наклонно, с короткой ручкой, появившиеся в Средней Азии и Иране в конце VI в.[19]

Трилистники, образующие фон сцены охоты, выполнены в стиле сасанидском, отличающем уже произведения торевтов более ранней кушано-сасанидской эпохи [20].

Таким образом, аналогии и иконографические прототипы всех деталей сцены охоты на публикуемом кувшине позволяют отнести его к произведениям торевтов Тохаристана VII в. н. э., использовавших сасанидские мотивы, формы и орнаменты. О тохаристанском происхождении кувшина из с. Юлдус свидетельствуют не только многочисленные черты иконографии и стиля, характерные для Тохаристана, но и анализ композиции орнамента на тулове и горле кувшина. На публикуемом сосуде сцена охоты не столь значительна, как на произведениях иранских торевтов. Единственное, что выделяет царей среди других охотников, это расположение их в среднем поясе, а также хищные звери, с которыми они борются, в отличие от пеших воинов, охотящихся на травоядных. Таким образом, на кувшине из с. Юлдус изображения декоративны и несут значительно меньшую смысловую нагрузку, чем произведения сасанидских торевтов. Декоративность и обилие сасанидских мотивов характерны для торевтики Ирана и Средней Азии VII—VIII и последующих веков.

[18] *К. В. Тревер.* Ук. соч., табл. 22—24.

[19] Указано Б. И. Маршаком; пользуюсь случаем выразить ему глубокую благодарность.

[20] *Я. И. Смирнов.* Ук. соч., № 39.

В. А. КУЧКИН

К ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТА НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ 138

В 1955 г. в Новгороде при раскопках Неревского конца в XI строительном ярусе в квадрате 1053 в срубе была найдена берестяная грамота, получившая порядковый номер 138. В 1958 г. грамота была издана и прокомментирована А. В. Арциховским и В. И. Борковским [1]. Грамота сохранилась хорошо. Только в правом нижнем углу утрачен кусочек бересты, на котором могло уместиться 3—4 буквы. Ясен и текст грамоты: «Се азо, рабо божии Селивьстро напсахъ роукописание. Оу Лоунька полтина. Оу Захарьи полтина. Оу Алюевиць полтина. Оу Коузмиць оу Онисимова 2 гривнѣ. Оу Смена оу Яколя двои чепи въ 2 рубля съ хрестомъ, брони во 2 серебра. Оу Кюрика оу Тюлпина семьдесято гривенъ. Оу Бориска полоутора роубля. И оу Петряица бумажнико и корова пороуцьная. Оу Селилѣ 10 гривенъ. Оу Слинька шапка въ 13 гривнѣ. Оу Иваниса Япкыто, оу Федореца 2 гривнѣ. Оу Селекоуевица 3 гривнѣ. Оу Григорьи оу Роготина 2 роубля...гривнѣ» [2]. Общий смысл документа понятен: это

[1] *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, стр. 11—15. При воспроизведении текста грамоты на стр. 11 в публикации вкралась ошибка: пропущен предлог «се» в имени «Селилѣ».

[2] Там же, стр. 13. Л. П. Жуковская предлагает читать вместо «двои чепи въ 2 рубля съ хрестомъ, брони во 2 серебра» — «двои чепи въ 2 рубля, съ хрестомъ брони во 2 серебра». См. *Л. П. Жуковская.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 52.

запись должников, которые должны были возвратить или заложили составителю «рукописания» Сильвестру определенные суммы денег, вещи и даже корову.

Мнения исследователей разделились лишь относительно того, к какому виду актов следует относить данную грамоту. А. В. Арциховский считал, что грамота 138 представляет собой запись ростовщика, кредитовавшего перечисленных в ней лиц [3]. Л. П. Жуковская сомневалась в том, что грамота представляет собой сугубо частную запись, сделанную для себя Сильвестром, и полагала, что перечисленные в документе денежные суммы и предметы были не отданы Сильвестром, а взяты им в заклад [4]. Б. Б. Кафенгауз согласен с Л. П. Жуковской: «Здесь указан заклад, принятый ростовщиком в обеспечение долга, размер которого здесь же упомянут» [5]. В. Л. Янин поддержал мнение А. В. Арциховского [6]. И только Л. В. Черепнин высказал совершенно иную точку зрения. По его мнению, «рукописание» Сильвестра представляет собой духовное завещание «особого типа», фиксируемое в Псковской судной грамоте. В подобном завещании речь «может идти и о денежных ссудах и о хранении (на ростовщических началах) вещей» [7]. Действительно, и наименование грамоты 138 «рукописанием» [8], и приведенные Л. В. Черепниным параллели из Псковской судной грамоты склоняют к тому, чтобы видеть в грамоте 138 завещание Сильвестра.

Несмотря на хорошую читаемость текста и довольно определенный его общий смысл, одно место грамоты до сих пор оставалось темным. Речь идет о фразе «Оу Иваниса Япкыто» (в начале слова «япкыто» написан юс малый). «Слово **Япкыто**, судя по контексту,— писал А. В. Арциховский,— могло быть тоже названием предмета. Но такого термина я нигде не нашел. Можно предположить слово зашифрованное (обычные древнерусские шифры не подошли) или иноязычное. Условно считаю это слово прозвищем Иваниса» [9]. Названное А. В. Арциховским по догадке прозвище одного из должников Сильвестра было безоговорочно принято В. Л. Яниным и Л. В. Черепниным и в качестве такового фигурирует в именном указателе к книге последнего [10]. Лишь Л. П. Жуковская отметила, что «неясно имя (фамилия) Иваниса, который к тому же Федореч,— Япкыто — ?» [11]. Говоря о неясности имени или фамилии (точнее было бы писать о прозвище) Иваниса, Л. П. Жуковская, несомненно, права. Но утверждать, что Иванис «к тому же Федореч» без дополнительных разъяснений нельзя, так как слова грамоты 138 «оу Федореца 2 гривнѣ» могут иметь в виду не Иваниса, а другого человека. Очевидно, что неясность значения слова «япкыто» порождает как непонимание данного места текста грамоты, так и различное членение этого текста на отдельные фразы.

Обращаясь к тексту грамоты 138, можно убедиться в том, что предложенная А. В. Арциховским и поддержанная другими учеными интерпретация слова «япкыто» как прозвища Иваниса не вытекает из орфог-

---

[3] *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Ук. соч., стр. 14.

[4] *Л. П. Жуковская.* Ук. соч., стр. 52.

[5] *Б. Б. Кафенгауз.* Заметки о новгородских берестяных грамотах. История СССР, 1960, 1, стр. 173.

[6] *В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту. Изд. 1, М., 1965, стр. 163. Во втором издании своей книги В. Л. Янин принял точку зрения Л. В. Черепнина (*В. Л. Янин.* Я послал тебе бересту. Изд. 2, М., 1975, стр. 151).

[7] *Л. В. Черепнин.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, стр. 369.

[8] Ср. найденную в 1974 г. берестяную грамоту № 519, представляющую собой типичную духовную грамоту и озаглавленную «рукописание» (*В. Л. Янин.* Ук. соч., изд. 2, стр. 215).

[9] *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Ук. соч., стр. 14.

[10] *В. Л. Янин.* Ук. соч., изд. 1, стр. 161; изд. 2, стр. 151; *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 368 и 429 (указатель имен).

[11] *Л. П. Жуковская.* Ук. соч., стр. 52.

рафии документа. В самом деле, при упоминании в грамоте должников Сильвестра их имена и отчества или прозвища (о фамилиях говорить в данном случае, по-видимому, не приходится) стоят в родительном падеже, оканчиваясь, как правило, на -а (кроме того, грамота фиксирует окончания -я, -и, -ь, -ѣ). Окончание же слова «япкыто» не соответствует окончанию родительного падежа.

Кроме того, во всех случаях, когда в грамоте № 138 приводятся прозвища должников Сильвестра, и перед их именами, и перед их отчествами или прозвищами стоит предлог «у» («оу»): «Оу Коузмиць оу Онисимова», «Оу Смена оу Яколя», «Оу Кюрпка оу Тюлпина», «Оу Григорьи оу Роготина». Если бы слово «япкыто» было прозвищем, естественно было бы ожидать перед ним предлог «у»: «Оу Иваниса оу Япкыто (?)», но в грамоте его нет.

Наконец, обращение к различным антропонимическим словарям показывает, что антропоним «Япкыто» или какой-либо сходный в них отсутствует [12]. Следовательно, как особенности текста грамоты 138, так и сравнительные антропонимические данные показывают, что в слове «япкыто»нельзя видеть прозвища Иваниса.

Приходится вернуться к первому предположению А. В. Арциховского, а именно, что слово «япкыто» является названием предмета [13].

Это предположение полностью подтверждается при обращении к Повести о Михаиле Тверском. Старшая редакция Повести, написанная в Твери в 1319—1320 гг.[14], т. е. почти синхронно с берестяной грамотой 138 [15], сохранила текст, окончание которого отсутствует во всех более поздних переделках памятника. Рассказывая о казни 22 ноября 1318 г. в ханской ставке в предгорьях Северного Кавказа князя Михаила Ярославича Тверского, очевидец его гибели поведал о том, как обнаженный труп Михаила был оставлен убийцами около княжеского шатра, как к трупу приехали злейшие враги тверского князя Юрий Московский и ордынский военачальник Кавгадый и как последний «лаяше съ яростью» Юрию: «Да чему тако лежит тѣло наго повержено?!» [16]. Тогда московский князь приказал своим слугам прикрыть тело мертвого соперника. И далее в старшем списке первой редакции Повести читается следующий текст: «Единою котыгою, еже ношааше, придѣде его, а другыи якыптом своим» [17]. В других списках первой редакции та же фраза читается более правильно: «Единъ котыгою, ю же ношаше, приодѣ его, а другии апокитомъ своим» [18]; «Единъ же котыгу нося, приодѣ его, а други япокытом своим» [19]; «Единъ взем котыгу, ю же ношаше, приодѣ тѣло его, а другии набкитомъ своим» [20]; «И единъ вземъ котыгу, ю же ноша-

---

[12] *Н. М. Тупиков.* Словарь древнерусских личных собственных имен. ЗОРСА, VI, 1903; *С. Б. Веселовский.* Ономастикон. М., 1974.

[13] *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Ук. соч., стр. 14. Поскольку в грамоте 138 помимо собственных имен должников приводятся названия денежных единиц, предметов и животного, теоретически можно допустить, что «япкыто» — это денежная единица или какое-то животное. Но ни денежных единиц, ни животных с таким названием нет.

[14] *В. А. Кучкин.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974, стр. 234.

[15] При издании грамоты в 1955 г. А. В. Арциховский датировал ее второй половиной XIII в. (*А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Ук. соч., стр. 13). Л. В. Черепнин отнес грамоту вообще к XIII в. (*Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 368). Но в 1962 г. Б. А. Колчин определил, что XI строительный ярус, в котором была найдена грамота 138, относится к 1299—1313 гг. (*Б. А. Колчин.* Дендрохронология Новгорода. СА, 1962, № 1, стр. 136). Поскольку грамота была найдена не на самом нижнем горизонте XI яруса, В. Л. Янин совершенно правильно отнес ее к самому началу XIV в. (*В. Л. Янин.* Ук. соч., изд. 1, стр. 161).

[16] ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 47. Список 30-х годов XVI в.

[17] ГБЛ, ф. 310, № 1254, л. 47. Список 30-х годов XVI в.

[18] ГБЛ, ф. 304, № 671, л. 126. Рукопись датируется 1629 г.

[19] ГБЛ, ф. 299, № 587, л. 323. Рукопись датируется первой половиной XVII в.

[20] ГИМ, Синод. собр., № 799, л. 1174. Рукопись 40-х годов XVII в.

ше, приодѣ тѣло его, а другии абъкитомъ своим»[21]. При всех разночтениях смысл фразы понятен: один из слуг Юрия снял с себя котыгу — верхнюю одежду наподобие ризы — и бросил ее на труп тверского князя, другой, очевидно, сделал то же самое. Одежда последнего называлась иначе: якыпт, апокит, япокыт, набкит или абъкит. Разница в передаче слова объясняется тем, что оно было незнакомо позднейшим переписчикам[22]. Из приведенных форм написания — япокыт, апокит — наиболее близки к япкыто новгородской берестяной грамоты 138. Характерно, что эти написания читаются в списках, восходящих к списку Повести о Михаиле Тверском, переписанному 17 сентября 1485 г., т. е. к весьма древнему[23]. Становится ясно, что япкыто грамоты 138 означает предмет, точнее, какую-то одежду. Но какую именно?

В свое время Н. А. Баскаков указал автору этих строк, что слово «япокыт» — тюркского происхождения, и привел параллели: япгыт, япгылт (туркменск.) — небольшой склон, возвышенность; язык (турецк.); япуг (чагатайск.) — чепрак; попона; плащ из войлока, покрытый длинной шерстью, против дождя[24].

В качестве параллели можно также привлечь данные Махмуда Кашгарского (XI в.) — йапкут — тюфяк или войлок из волос и шерсти[25].

Вероятнее всего, япкытом или япокытом в начале XIV в. называли распространенный в то время у ордынцев войлочный плащ, носимый в холодное время года (следует принять во внимание, что события в Орде, при описании которых упоминается слуга московского князя с япокытом, происходили в конце ноября месяца). Очевидно, такой плащ и имел в виду новгородец Сильвестр, в своем «рукописании» записавший: «Оу Иваниса япкыто» («о» в последнем слове стоит, очевидно, на месте «ъ», и япкытъ, скорее всего, мужского рода). Предложенная расшифровка загадочного слова полностью согласуется с текстом грамоты 138, в котором среди других предметов названы и носильные вещи. Подтверждается также догадка А. В. Арциховского, что «япкыто» или «япкытъ» является иноязычным словом. Этот редкий термин должен быть принят во внимание при изучении и интерпретации письменных источников средневековой Руси.

---

[21] ГАКО, рукоп. колл., № 1103, л. 116 об. Список конца XVII — начала XVIII в.
[22] Ср. *В. А. Кучкин.* Ук. соч., стр. 214.
[23] Там же, стр. 162.
[24] *В. А. Кучкин.* Ук. соч., стр. 214, прим. 4.
[25] *Махмуд Кашгарский.* Диван тюркских языков, т. III. Стамбул, 1915, стр. 29 (на арабском яз.).

М. Б. МУЖУХОЕВ

АНТРОПОМОРФНЫЕ НАДГРОБНЫЕ СТЕЛЫ МУСУЛЬМАНСКИХ КЛАДБИЩ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

На территории Чечено-Ингушетии в разное время были отмечены каменные плиты крестообразной формы, обычно являющиеся надгробиями. Впервые ученые обратили на них внимание в конце XIX в., тогда же отмечалось, в частности, В. Ф. Миллером, что «немалое число каменных крестов... служат до сих пор немыми свидетелями некогда процветавшего здесь христианства»[1].

Необходимо сразу же указать, что подобная интерпретация крестообразных надгробий была построена не на основе обследований связан-

---

[1] *В. Ф. Миллер.* Терская область. Археологические экскурсии. МАК, I, 1888, стр. 7.

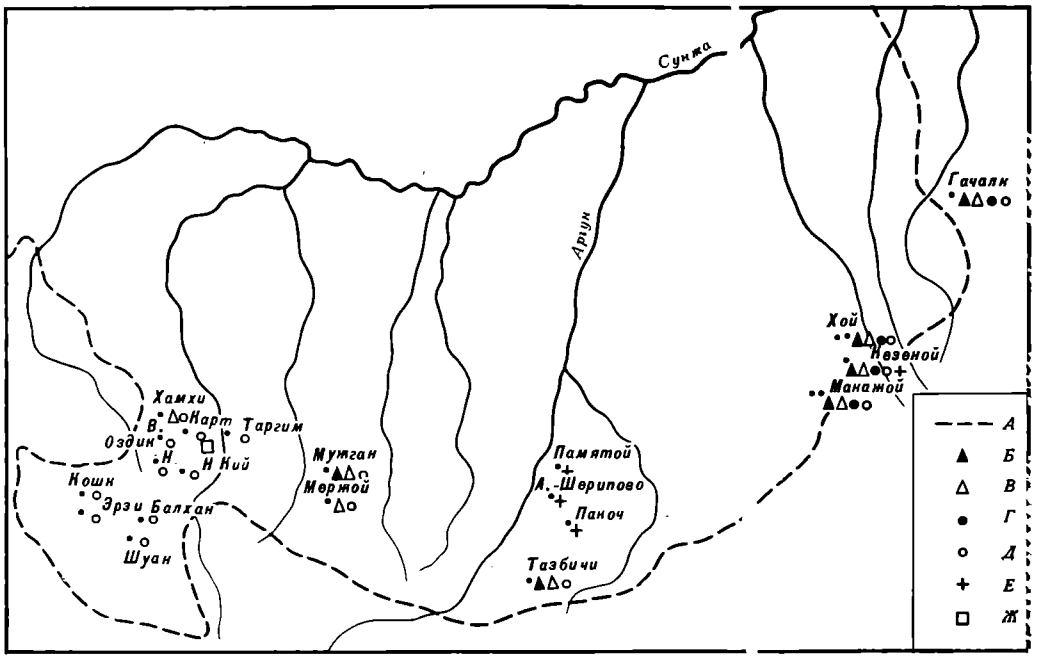


Рис. 1. Картосхема исследованных раннемусульманских могильников со стелами и отдельными погребениями на территории Чечено-Ингушетии. *А* — граница Чечено Ингушетии; *Б* — I тип стел раннемусульманских могильников; *В* — II тип стел, *Г* — III тип стел; *Д* — IV тип стел; *Е* — исследованные одиночные погребения, *Ж* — антропоморфная стела и полуподземный склеп в окрестностях с. Карт

ных с ними погребений или изучения могильников, на которых встречены эти надгробия, а просто на кажущемся безошибочным предположении: каменная надгробная плита («чурт») в форме креста соответствует захоронению по христианскому обряду.

В последующие годы в целом ряде работ исследователи, ссылаясь на В. Ф. Миллера и других авторов, пишут о принадлежности отмеченных памятников к кругу христианских древностей как о чем-то уже доказанном [2]. Однако более обоснованной представляется иная интерпретация: крестообразные надгробные плиты воздвигнуты над мусульманскими погребениями в позднесредневековый период.

К этому предположению первым пришел В. И. Марковин, исследовавший несколько погребений под крестообразными чуртами в ущелье р. Чанты-Аргун (Чечня) [3]. Им же описаны надгробные стелы, в том числе и антропоморфные, мусульманских кладбищ Дагестана [4]. Автор справедливо отмечает, что «несмотря на широкое распространение надгробий в виде стел по всему Востоку (имеются в виду и антропоморфные стелы.— *М. М.*), в том числе и у арабов, связывать появление этого вида памятников на Кавказе с исламом нет оснований. Вероучение мусульман

---

[2] *П. П. Щеблыкин.* Архитектура древних ингушских святилищ. Изв. Ингушского НИИ, вып. 2—3. Владикавказ, 1930, стр. 441, 442; *А. И. Шамилев.* К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей. Изв. Чечено-Ингушского НИИИЯЛ, т. III, 1. Грозный, 1963, стр. 84—86; *А. А. Исламов.* К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна. Там же, стр. 13; *М. М. Базоркин.* Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964, стр. 37—42; *Х. А. Хизриев.* Отражение религиозных верований и орнаментального искусства на надмогильных памятниках. Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, стр. 54.

[3] *В. И. Марковин.* Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 274—278.

[4] *В. И. Марковин.* Дагестанские резные стелы. Сообщ. ГМИНВ, 5, 1972, стр. 23—41; *его же.* Дорогами и тропами Дагестана. М., 1974, стр. 36, 51, 136—141.

запрещало украшение могил, установку на них стелообразных камней»[5].

В 1973—1975 гг. первый отряд археологической экспедиции Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы главное внимание в своей работе уделил изучению раннемусульманских погребальных памятников края. В предгорной и горных зонах Чечни и Ингушетии было исследовано 19 могильников, на которых встречены разнообразные стелы, в том числе плоские крестообразные надгробия[6] (рис. 1, 2). Предпринятое впервые в Чечено-Ингушетии изучение и датировка отдельных видов чуртов и кладбищ в целом наряду с исследованием отдельных

Рис. 2. Антропоморфные стелы могильников Чечено-Ингушетии: *а* — у с. Кезеной, *б* — у с. Гачалк, *в* — у с. Хой

погребений под плитами в форме креста значительно расширяют круг источников, позволяющих проследить хронологическое видоизменение плос-

[5] *В. И. Марковин.* Дагестанские резные стелы, стр. 24.

[6] Сейчас и дальше по тексту см.: *М. Б. Мужухоев.* Исследование средневековых погребальных и культовых памятников Чечено-Ингушетии. Археологические отчеты за 1973—1975 гг. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4975, стр. 1—31; р-1, № 5418, стр. 1—8, 20—24; р-1, № 5442, стр. 22—26. Исследованный могильник Гачалк находится на территории Дагестанской АССР, здесь издавна проживали вайнахи Ауховцы.

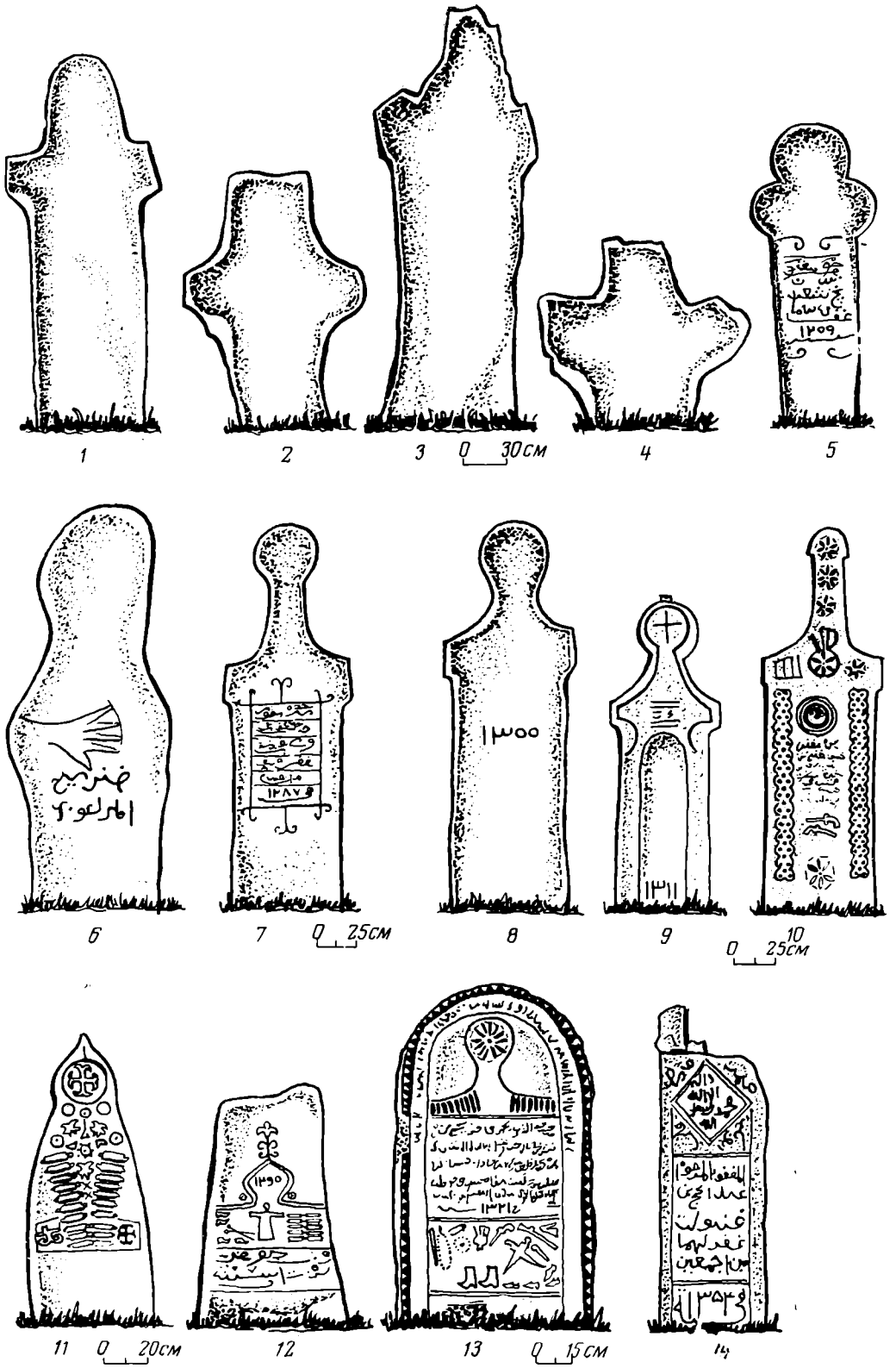


Рис. 3. Схема эволюции антропоморфных стел раннемусульманских могильников: *1—4* — стелы I типа; *5—9* — II типа; *10, 11* — III типа; *12—14* — IV типа

ких стел в эпоху позднего средневековья, и дают возможность построить эволюционно-типологический ряд каменных надгробий, и в том числе стел крестообразной формы (рис. 3). Мы сознательно ограничились шестью исследованными могильниками Восточной Чечни — Гачалкским, Кезеной-ским, Хойскими и Макажойскими. Пока только здесь встречены столь выразительные стелы, причем типы и видовое разнообразие надгробных плит прослеживаются и на каждом из могильников в отдельности. Тем не менее наши выводы подкрепляются материалами других аналогичных памятников Чечни и Ингушетии [7].

К первому типу мы относим надмогильные памятники крестообразной формы (рис. 3, *1—4*). Все стелы неплохо обработаны, имеют округлый или прямой ровный верх и четкие боковые выступы. Несмотря на сильную стилизацию, уже в этой группе стел усматривается антропоморфность. Так, боковые выступы находятся в верхней части плиты («плечи»). Особенно напоминают фигуру человека стелы, имеющие значительную высоту (*3*). Стелы первого типа не имеют каких-либо надписей и дат погребений.

Следующий, второй тип представлен надмогильными плитами, которые как бы продолжают развитие предшествующих и одновременно приобретают более выразительные антропоморфные черты (рис. 3, *5—9*). Верхняя часть плит становится округлой, появляется «шея», линии которой в отдельных случаях достаточно хорошо переданы в камне (*8*). Этот тип стел покрывается орнаментацией, арабскими письменами с датами погребений. Обращает на себя внимание стремление мастера подчеркнуть антропоморфность надгробий не только их общими очертаниями, но и изображением рук на плитах (*6*).

В третий тип включаем каменные чурты, представляющие последующий этап развития надмогильных памятников, когда они достигают как бы кульминационной точки, полного расцвета: яркая антропоморфность в сочетании с богатой смысловой орнаментацией позволяют впервые с определенностью говорить о мужском или женском характере изображений (рис. 3, *10, 11*). Так, высокая стела *10* зрительно впечатляет своей «стройностью», плавностью линий, узорами. На ней высечены газыри, пистолеты и узкогорлый сосуд. Очень красочная также сравнительно небольшая стела *11*, которая уже только одной внешней формой (миниатюрность, линии «головки» и «корпуса») как бы подчеркивает женскую принадлежность надгробия. На стеле выбиты двусторонние украшения праздничного девичьего платья и пояса.

Четвертый тип заключает развитие плоских антропоморфных стел. Наступает упадок форм, и эволюция завершается простой каменной плитой с прямым или округлым верхом, покрытой обильной арабской вязью с датами и частыми схематическими фигурками людей (рис. 3, *12—14*). На стеле *12* наряду с другими вещами выбиты ножницы, женские украшения, на чурте *13* — контур «головы» и «плечей», газыри, оружие и др. Иногда на ровный верх плиты ставился камень, который, согласно информации старожилов селений, являлся «головой» данного надгробия.

Правильность такого направления эволюции плоских надгробных стел находит подтверждение в очевидной взаимосвязанности типов между собой, увеличивающейся от типа к типу конкретизацией первоначально заложенной в стелы идеи антропоморфности.

В Чечено-Ингушетии были зафиксированы одиночные каменные стелы крестообразной формы, установленные в специальные углубления камней и на каменистом материке [8]. По своей форме они аналогичны опи-

[7] *М. Б. Мужухоев.* О крестообразных надгробных стелах Чечено-Ингушетии. Тезисы доклада на пятых Крупновских чтениях по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, стр. 118.

[8] *П. П. Щеблыкин.* Ук. соч., стр. 441; *М. М. Базоркин.* Ук. соч., стр. 37, рис. 24, 26.

Рис. 4. Антропоморфная стела и полуподземный склеп в окрестностях с. Карт

санным антропоморфным стелам мусульманских кладбищ (первого типа). Один из подобных памятников, расположенный в окрестностях средневекового башенного селения Карт, у самого подножия горы Цей-Лам (боковое ущелье р. Ассы), был нами обнаружен в 1974 г.[9]

Стела с округлым верхом и прямыми боковыми выступами (высота 1,75 *м*), без надписей и орнаментики, ориентирована широкими сторонами на восток и запад и примыкает к поперечной стене полуподземного склепа, который является одним из самых крупных в горной Ингушетии (рис. 4). Размеры камеры усыпальницы — 7,2×1,8×1,5 *м*; толщина стен 0,9 *м*. Датирующих вещей в склепе не обнаружено. Однако гробница по своим конструктивным деталям (размеры, крупные камни сухой кладки, свод) может быть отнесена к периоду, который предшествовал началу массового использования надземных склепов (до XIII—XIV вв.).

Расположенная рядом с языческой гробницей антропоморфная каменная стела не может рассматриваться как памятник христианства. Скорее всего она представляет собой памятник в честь погребенных в склепе.

Таким образом, антропоморфные памятники первого типа мусульманских могильников Чечено-Ингушетии имеют глубокие языческие корни. На каждом из исследованных могильников они, как правило, группируются в определенной, более старой части кладбища, время которой устанавливается благодаря попадающимся там же самым ранним погребениям с надгробиями, датированными надписями. Иногда раннемусульманские кладбища целиком состоят из недатированных стел. Они имеют каменные ограды без входов, что указывает на их давнюю заброшенность. Рядом с ними всегда имеются более крупные и поздние кладбища, имеющие входы и надгробные плиты с арабскими письменами и датами захоронений.

---

[9] *М. Б. Мужухоев.* Ук. отчет за 1974 г., стр. 17—19.

Очевидно, обычай выбивать на надгробных плитах арабские надписи и даты возник в Чечено-Ингушетии не сразу с проникновением сюда ислама. Судя по сохранившимся и дошедшим до нас датам, стелы второго типа относятся ко второй половине XVIII в. Самая ранняя установленная здесь дата на стеле *5* — 1209 год хиджры, что соответствует 1788 г.

Третий тип чуртов может быть датирован XIX в. На одной из приведенных стел (*10*) дата и часть надписи неразборчивы, однако оба надгробия отмечены на поздних по времени использования частях кладбищ, а соседние плиты имеют даты не позднее 1300 года хиджры.

Последний тип памятников замыкает хронологический ряд каменных надгробных стел и датируется концом XIX — началом XX в.

Таким образом, суммируя все изложенные данные, можно заключить, что позднесредневековые крестообразные надгробия не являются христианскими памятниками. Рассмотрение вариаций этих стел показывает, что они устойчиво воспринимались своими создателями как антропоморфные и таким образом отражали традицию, связанную с языческим мировоззрением, следы которого, по этнографическим данным, хорошо сохранились у вайнахов.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

ОБ ОДНОМ РИСУНКЕ РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Народные верования и обряды древней Руси представляют большой интерес для исследователей. Особое внимание привлекает такой своеобразный феномен, как «двоеверие» — синкретизм христианства и язычества [1]. Анализируя это сложное явление, следует иметь в виду, что его элементы в значительной мере были размежеваны: христианство доминировало в письменной литературе, монументальной живописи, языческие суеверия — в прикладной магии и гаданиях, отчасти в фольклоре и декоративном искусстве. Для языческих суеверий в отличие от мировых религий и вероисповеданий менее характерен дух нетерпимости и исключительности. В XI в. русские обращались к чужеземным волхвам [2]. В XVII в. протопоп Аввакум описывает камлание сибирского шамана для русских казаков [3]. Число примеров такого рода может быть умножено. Интересным памятником чужеземного (западноевропейского) влияния на суеверные обряды древней Руси является рисунок на одной из страниц рукописи Радзивилловской летописи (л. 228; рис. 1).

Миниатюры и рисунки на полях Радзивилловской летописи представляют собой богатейшую энциклопедию древнерусской жизни [4]. Подавляющее большинство приписок и пририсовок на полях Радзивилловской летописи относится ко времени создания рукописи или к первым десятилетиям после ее создания и датируется концом XV — началом XVI в. [5] Ряд миниатюр рукописи и в особенности пририсовок на полях несут следы влияния западных образцов [6].

---

[1] См., например: *Н. М. Гальковский.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916, т. I; *Б. А. Рыбаков.* Язычество и христианство в древней Руси. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 г. М., 1966.

[2] ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 77 (1071 г.).

[3] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1934, стр. 102.

[4] *А. В. Арциховский.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; *О. И. Подобедова.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.

[5] *А. А. Шахматов.* Описание рукописи. В кн.: Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, стр. 6—8; *Н. Кондаков.* О миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи. Там же, стр. 125.

[6] *Н. Кондаков.* Ук. соч., стр. 124; *В. И. Сизов.* Миниатюры Кенигсбергской летописи. ИОРЯС, т. X, кн. 1. СПб., 1905; *А. В. Арциховский.* Ук. соч., стр. 8.

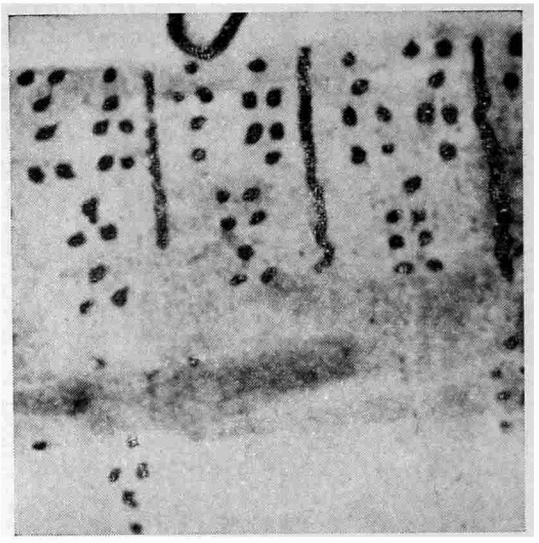


Рис. 1. Геомантический рисунок из рукописи Радзивилловской летописи

Рис. 1

Рис. 2. Иллюстрация из итальянского руководства по геомантии XVI в.

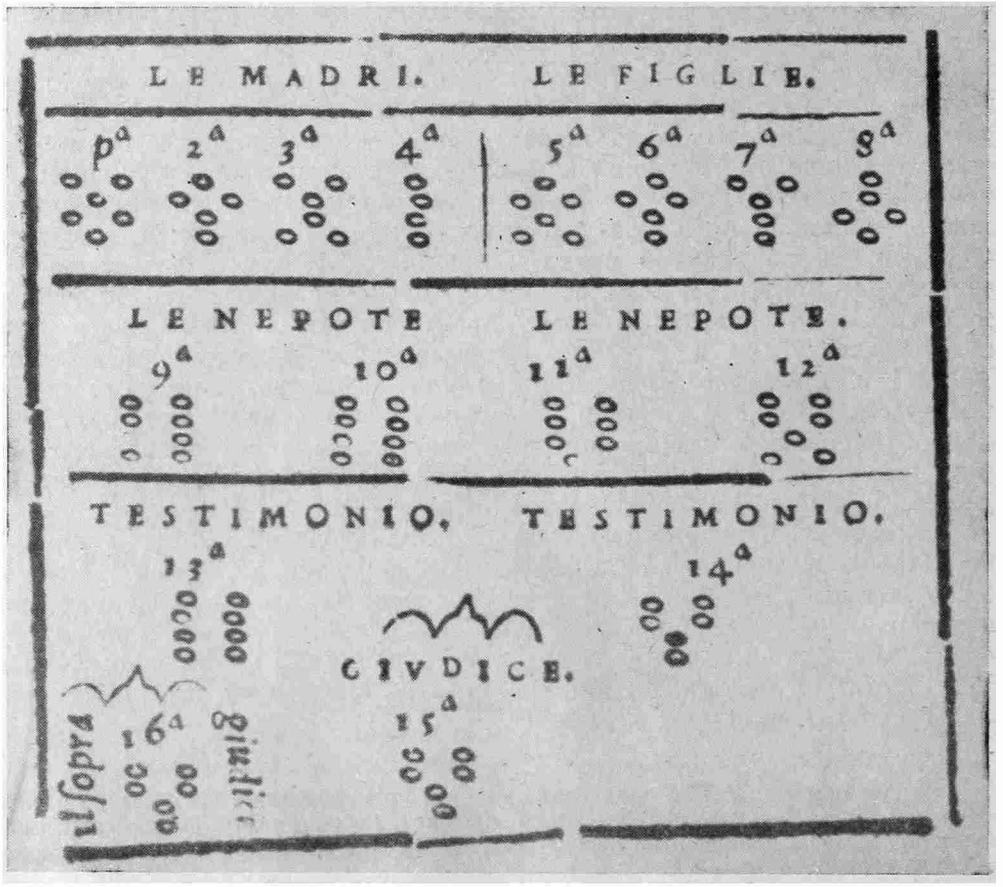


Рис. 2

Рисунок, интерпретации которого посвящена эта заметка, не подвергался анализу ни в исследовании миниатюр Радзивилловской летописи А. В. Арциховского, ни в работе О. И. Подобедовой.

В опубликованной в журнале «Советская археология» статье Р. А. Симонова этот рисунок рассматривается в качестве изображения, имею-

щего отношение к древнерусскому абаку или другому математическому инструменту, предшественнику современных счетов [7]. Р. А. Симонов также указывает, что рисунок, возможно, имеет связь с каким-то видом гадания. Последнее предположение может быть подтверждено точной аналогией из позднесредневековой гадательной практики (так называемая геомантия [8]), тогда как ассоциация с абаком представляется безусловной натяжкой.

Линии, разделяющие группы точек на указанном рисунке, заключают между собой несколько обособленных групп точек, что исключается для такого счетного инструмента. Все полностью сохранившиеся группы точек (рисунок частично утрачен в связи с подрезкой полей) состоят из четырех рядов, в каждом из которых имеются одна или две точки (т. е. два варианта, тогда как для абака, упомянутого Р. А. Симоновым, возможны варианты — 0, 1, 2, 3, 4 — итого 5).

Рисунок в Радзивилловской летописи представляет собой ряд геомантических фигур, часть из которых повторяется. Каждая такая фигура (а их всего может быть 16 вариантов — см. рис. 3) отличается не по количеству точек (что пытается обыграть Р. А. Симонов — в этом случае возможны всего 5 вариантов), а по их расположению, «рисунку». Каждая геомантическая фигура имела определенные значения, изменяющиеся в зависимости от ее положения среди других аналогичных фигур. Основная группа геомантических фигур состояла из двух рядов, в верхнем — 8 фигур, а в нижнем — 4 (итого 12), причем каждая фигура отождествлялась с одной из «небесных обителей» — астрологических «домов» (их также 12, каждый имел порядковый номер и носил название: I — *vita*, II — *lucrum*, III — *fratres*, IV — *parentes*, V — *filii*, VI — *valetudo*, VII — *nuptiae*, VIII — *mors*, IX — *peregrinationes*, X — *honores*, XI — *amici*, XII — *inimici* — дом рождения, богатства, братьев, родства, детей, здоровья, супружества, смерти, сострадания, достоинств, дружбы и вражды).

В начале геомантического гадания проставляются бессознательно, не считая, 16 рядов точек. Определив четность или нечетность числа точек каждого ряда, гадатель сводит эти данные в первые четыре фигуры (*le madri*), причем, например, четность первого ряда дает две точки в верхней строчке I фигуры, нечетность во втором ряду — одну точку в ее второй строчке и т. д. Следующие четыре фигуры (*le figlie*) выводятся из предыдущих. Попытка вывести четыре фигуры второго порядка из первых четырех фигур увенчалась успехом только тогда, когда автор этой заметки предположил нумерацию фигур справа налево. Фигуры третьего порядка (*le nepote*) образуются путем особого «сложения» I фигуры со II, III с IV и т. д. Для облегчения этой операции ряд фигур первого и второго порядков и был разделен вертикальными линиями, между которыми оказались фигуры, которые предстояло складывать. Результат «сложения» помещался посередине под двумя фигурами, из которых он выводился.

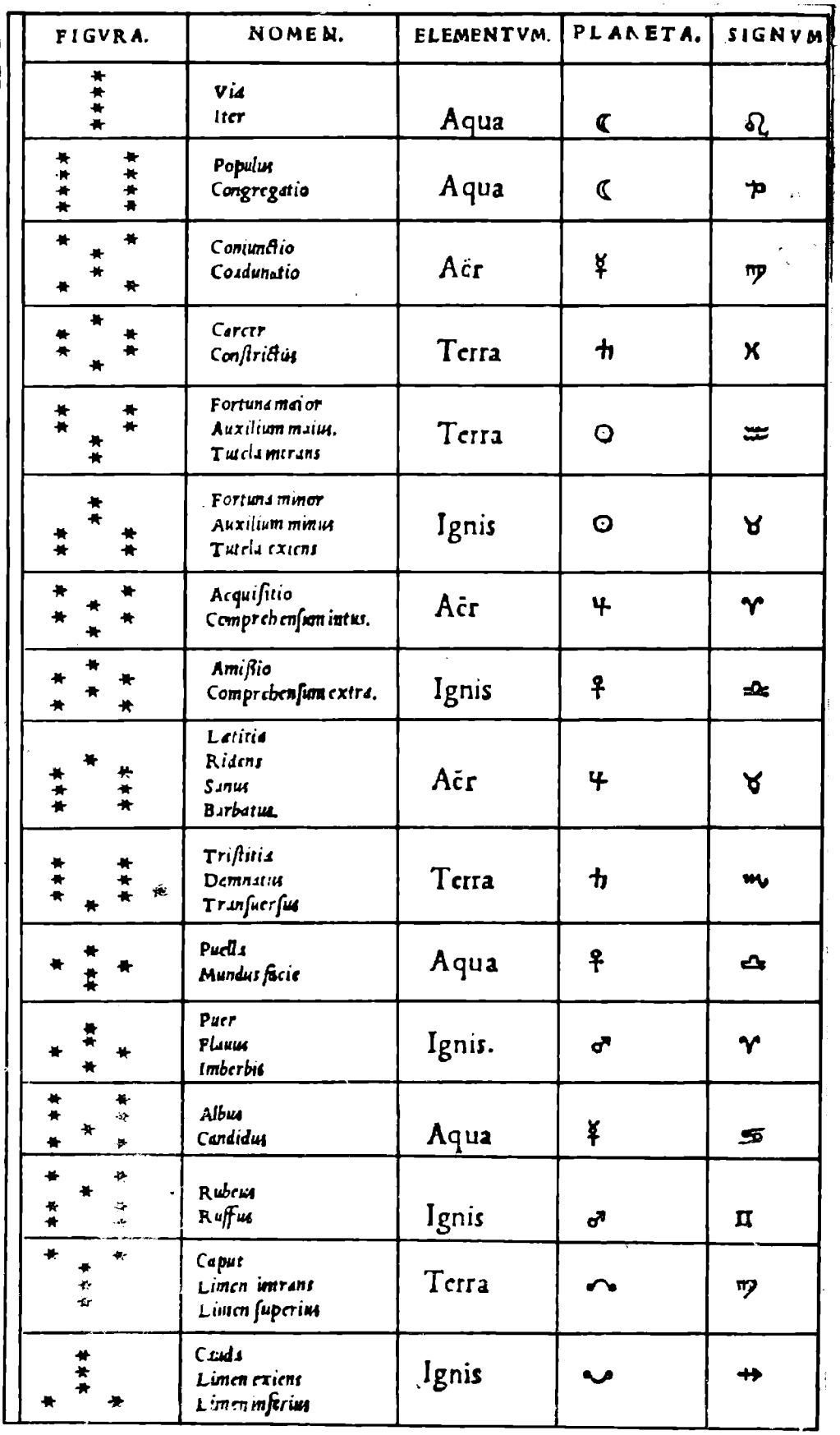
Рассматриваемый рисунок Радзивилловской летописи соответствует практике геомантии. Это становится вполне очевидным при его сравнении со схемой расположения геомантических фигур из печатного руководства середины XVI в. по этому виду гадания [9] (рис. 2).

С каким астрологическим домом отождествляется первая геомантическая фигура, определяется исходя из общего числа точек первоначального бессознательного «пунктирования». Поскольку эта стадия на страницах рукописи Радзивилловской летописи не отражена, смысл гадания остается неясным.

[7] *Р. А. Симонов.* О проблеме наглядно-инструментального счета в средневековой Руси. СА, 1975, 3, стр. 90 (схема 3).

[8] *А. Леманн.* Иллюстрированная история суеверий и волшебства. М., 1900, стр. 217—220; *E. A. Budge.* Amulets and Talismans. New York, 1968, p. 460—463.

[9] De la Geomantia dell'eccel. filosofo Gioanni Geber parte prima con una brevissima chiromantica phisionomia. Vinegia, MDLII, p. 4.



FIGVRA.	NOMEN.	ELEMENTVM.	PLANETA.	SIGNVM
	Via *Iter*	Aqua	☾	♌
	Populus *Congregatio*	Aqua	☾	♑
	Coniunctio *Coadunatio*	Aër	☿	♍
	Carcer *Constrictus*	Terra	♄	♐
	Fortuna maior *Auxilium maius.* *Tutela manens*	Terra	☉	♒
	Fortuna minor *Auxilium minus* *Tutela exiens*	Ignis	☉	♉
	Acquisitio *Comprehensum intus.*	Aër	♃	♈
	Amissio *Comprehensum extra.*	Ignis	♀	♎
	Latitia *Ridens* *Sanus* *Barbatus.*	Aër	♃	♉
	Tristitia *Demissus* *Transuersus*	Terra	♄	♏
	Puella *Mundus facie*	Aqua	♀	♋
	Puer *Flauus* *Imberbis*	Ignis.	♂	♈
	Albus *Candidus*	Aqua	☿	♓
	Rubeus *Ruffus*	Ignis	♂	♊
	Caput *Limen intrans* *Limen superius*	Terra	☊	♍
	Cauda *Limen exiens* *Limen inferius*	Ignis	☋	♑

Рис. 3. Значение геомантических фигур и их соответствие зодиакальным созвездиям и планетам по Агриппе Неттесгеймскому

Геомантия является примером «наукообразного» гадания, тесно связанного с астрологическими суевериями (рис. 3). Она упоминается в известном трактате Агриппы Неттесгеймского «О сокровенной философии» [10]. Геомантия упоминается также в «Молоте ведьм» (как вид гадания, сопровождающийся «явным призыванием демонов») [11] и у Рабле [12]. Известны также специализированные печатные руководства [13]. Единственное известное мне упоминание о распространении геомантии на Руси относится к XVIII в. Этим способом гадания увлекался известный мемуарист и деятель Вольного Экономического общества А. Т. Болотов [14], вообще склонный к высмеиванию суеверий.

Рассмотренный рисунок не единственное доказательство бытования общеевропейских суеверий на Руси. К тому же периоду относятся указания письменных источников о распространении на Руси астрологии [15] (первое описание составления гороскопа и даже специального прибора для этой операции в русских рукописях находится в списках «Александрии» [16], в той же книге описан ряд характерных магических приемов). На Руси занятия астрологией и чтением астрологических книг осуждалось, в частности, в индексах ложных книг [17] и в постановлениях Стоглавого собора (гл. 41, вопрос 17 и 22; гл. 93) [18]. Среди систем древнерусского тайнописания XVII в. известна буквально повторяющая распространенный у оккультистов шифр — «каббала девяти камер», использовавшийся на Западе в магических целях, в частности в виде лигатур, для составления колдовских «печатей духов» — каббалистических знаков [19].

Наличие в рукописи Радзивилловской летописи рисунка, связанного с заимствованным западноевропейским гаданием, перекликается с необычным обликом новгородского волхва на одной из миниатюр той же

---

[10] Henrici Cor. Agrippae ab Nettesheym De occulta philosophia libri tres. Parisiis, 1567, p. 278, 279.

[11] Malleus maleficarum. Fr. Jacobi Sprenger et Fr. Henrici Institoris; Inquisitorum. In: Malleorum quorundam maleficarum tam veterum quam recentiorum authorum, t. I. Francofurti. MDLXXXII, p. 35. Русск. перевод: *Г. Инститорис, Я. Шпренгер.* Молот ведьм. Л., 1932, стр. 156, 158.

[12] Les oeuvres de m. Francois Rabelais, docteur en medicine, contenans la vie, faits et dits heroiques de Gargantua et son filz Panurge, avec le pronostication Pantagruelin. Troye, 1556, v. II, p. 330; v. III, p. 129. Русск. перевод: *Ф. Рабле.* Гаргантюа и Пантагрюэль. Библиотека всемирной литературы, т. 35. М., 1973, стр. 226, 353.

[13] De la Geomantia...

[14] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. т. II. М.— Л., 1931, стр. 530. М. Н. Сперанский высказывал предположение, что геомантия была известна в древней Руси и связывал с этим гаданием упоминаемую в индексах книгу «Рафли» (*М. Н. Сперанский.* Из истории отреченных книг. Гадания по Псалтыри. СПб., 1899, стр. 59—75, 159—165). В том же издании опубликована сербская гадательная книга XVII в., в которой сочетаются принципы геомантии и библиомантии (Приложение, стр. 15—20). В процессе этого гадания, в отличие от рисунка Радзивилловской летописи, изображается лишь одна фигура («образ»), аналогичная геомантическим.

[15] *Н. А. Казакова, Я. С. Лурье.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.— Л., 1955, стр. 471, 481; *Н. М. Гальковский.* Ук. соч., стр. 185—188.

[16] *В. М. Истрин.* Александрия русских хронографов. СПб., 1893, стр. 8, 9, 133, 249.

[17] *А. Пыпин.* Исследования для объяснения статьи о ложных книгах. Летописи занятий Археографической комиссии за 1861 год. СПб., 1862, стр. 29—32, 42—44, 49, 53.

[18] Стоглав. Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинах. М., 1890, стр. 182 («и во аристотелевы врата и в рафли смотрят и по звездам и планитам гадают и смотрят дней и часов»), 188 («злые ереси, кто знает и держится: рафли, шестокрыл, вороногpай, астрономии, зодеи, алманах, звездочетьи, аристотель, аристотелевы врата и иные составы мудрости еретическия»), 388 («иже в получай (рок, фортуна) веруют и в родословие (гороскоп, γενεθλιαλογία), рекше в рожданица» (по азбуковникам — планета)

[19] *М. Н. Сперанский.* Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. Энциклопедия славянской филологии, вып. 4, *3.* Л., 1929, стр. 92—94, рис. 61, 62. Ср.: *А. Леманн.* Ук. соч., стр. 144, 145; *E. A. W. Budge.* Op. cit., p. 405; Henrici Cor. Agrippae..., p. 391—393.

рукописи (л. 106). Этот приверженец славянской языческой религии представлен в западноевропейской одежде [20]. Можно думать, что в представлении миниатюриста волхвы и колдовство были связаны с западноевропейской цивилизацией.

Кроме геомантического рисунка на л. 228 в рассматриваемой рукописи имеется еще одно изображение, связанное с гаданиями. Это сцена бросания жребия в связи с предполагаемым человеческим жертвоприношением (л. 46, об.). На миниатюре изображены игральные кости, причем отрок, на которого пал жребий, держит кость с шестью точками. По мнению Б. А. Рыбакова, кость, легшая таким образом, и определила судьбу отрока, а две другие изображенные на миниатюре игральные кости являются более благоприятными жребиями других участников ритуала [21]. Не отвергая такой, вполне вероятной, трактовки, можно предложить и несколько другую. По поздним русским рукописям XVII—XVIII вв. известны способы гадания, при которых бросались одновременно три кости, причем для каждой комбинации очков предлагаются толкования[22]. Если три кости, изображенные на рассматриваемой миниатюре, связаны с этим видом гадания, то комбинация очков (6, 5, 4) соответствует неблагоприятному предсказанию: «речи твои и мысли видятся тебе к веселию, а они вельми тяшки и противны, и гадание твое. во всем непотребно, и мысль твоя вельми тяшка; аще еси гадал о болезни — тяшка, едва восстати; а о пути — не добро ж; а недруга поберегись, и копает яму на тя» [23], вариант: «аще о болезни — велика, едва будеши жив; аще о пути — несть корысти; бойся недруга, под рукою стоит» [24]. Следует отметить, что в гадательных книгах, откуда происходят эти толкования, есть и более определенные предсказания гибели. Предлагаемая интерпретация изображения метания жребия посредством одновременного бросания трех игральных костей может таким образом рассматриваться лишь как гипотеза, вариант истолкования миниатюры.

---

[20] *В. И. Сизов.* Ук. соч., стр. 8.

[21] *Б. А. Рыбаков.* Древности Чернигова. МИА 11, 1949, стр. 43, примечание 85.

[22] *А. Н. Пыпин.* Ложные и отреченные книги русской старины. Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 3, СПб., 1862, стр. 161—166; *М. Н. Сперанский* Из истории отреченных книг, стр. 76—79. Ср.: *А. А. Бобринский.* Jeu d'amour. Французская гадательная книга XV в. СПб., 1886.

[23] *М. Н. Сперанский.* Из истории отреченных книг, стр. 79.

[24] *А. Н. Пыпин.* Ложные и отреченные книги..., стр. 161—162.

В. А. БУРОВ

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ НИЖНИХ ПРИДЕЛОВ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ XVI в.

В 1974 г. на страницах журнала «Советская археология» была напечатана статья В. И. Курлова «Преображенский собор Соловецкого монастыря XVI в.» [1]. В ней автор предлагает пересмотреть реконструкцию собора, сделанную в 1958 г. П. Н. Максимовым [2].

По реконструкции П. Н. Максимова, две нижние придельные церкви (Архангела Михаила и Зосимо-Савватиевская) располагаются в дья-

---

[1] *В. И. Курлов.* Преображенский собор Соловецкого монастыря XVI в. СА, 1974, 1.

[2] *П. Максимов* и *И. Свирский.* Новые материалы по древним зданиям Соловецкого монастыря. «Архитектурное наследство», 10, 1958.

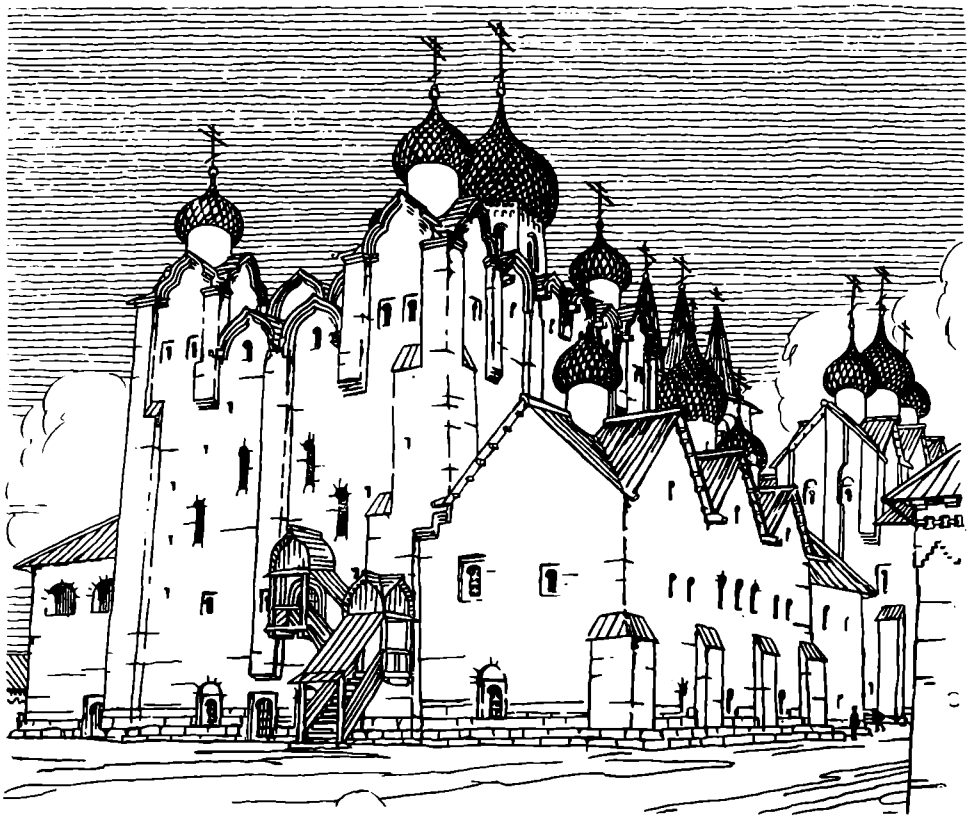


Рис. 1. Вид Преображенского собора с юго-восточной стороны. Реконструкция П. Н. Максимова

коннике и жертвеннике алтарной части Преображенского собора. Они имеют щипцовые кровли, увенчанные главками (рис. 1). В. И. Курлов с такой реконструкцией не согласен. Он считает, что эти приделы в XVI—XVII вв. находились не в алтарной части собора, а имели вид пристроек с южной и северной сторон последней, а также имели позакомарное покрытие (рис. 2, 3). При каждом приделе он восстанавливает звонницу.

В. И. Курлов пишет, что П. Н. Максимову «помешала недостаточная историческая и натурная изученность памятника». Читатель, таким образом, вправе ожидать, что новая реконструкция будет подтверждена многочисленными доводами — свидетельствами письменных и других источников, которые наконец внесут ясность в данный вопрос. Однако такие аргументы в статье отсутствуют.

Основной тезис об изначальном расположении нижних приделов к югу и северу от собора практически никак не аргументирован. Автор, видимо, считает, что приведенные им прориси миниатюры 1596—1599 гг. и иконы 1699 г. достаточно доказательны [3]. Однако на миниатюре и иконе нижние приделы изображены по-разному. На иконе 1699 г. они действительно выступают к северу и югу от собора, но на миниатюре видна лишь какая-то выступающая пристройка у Зосимо-Савватиевской церкви [4]. Среди других изображений XVI—XVII вв. Преображенского собора на одних придельные церкви Архангела Михаила и Зосимы и Савватия

[3] *В. И. Курлов.* Ук. соч., стр. 81, рис. 2, *А*, *Б*.

[4] Как в этом можно будет убедиться ниже, пристройка являлась папертью. К ней ведут ступени лестницы.

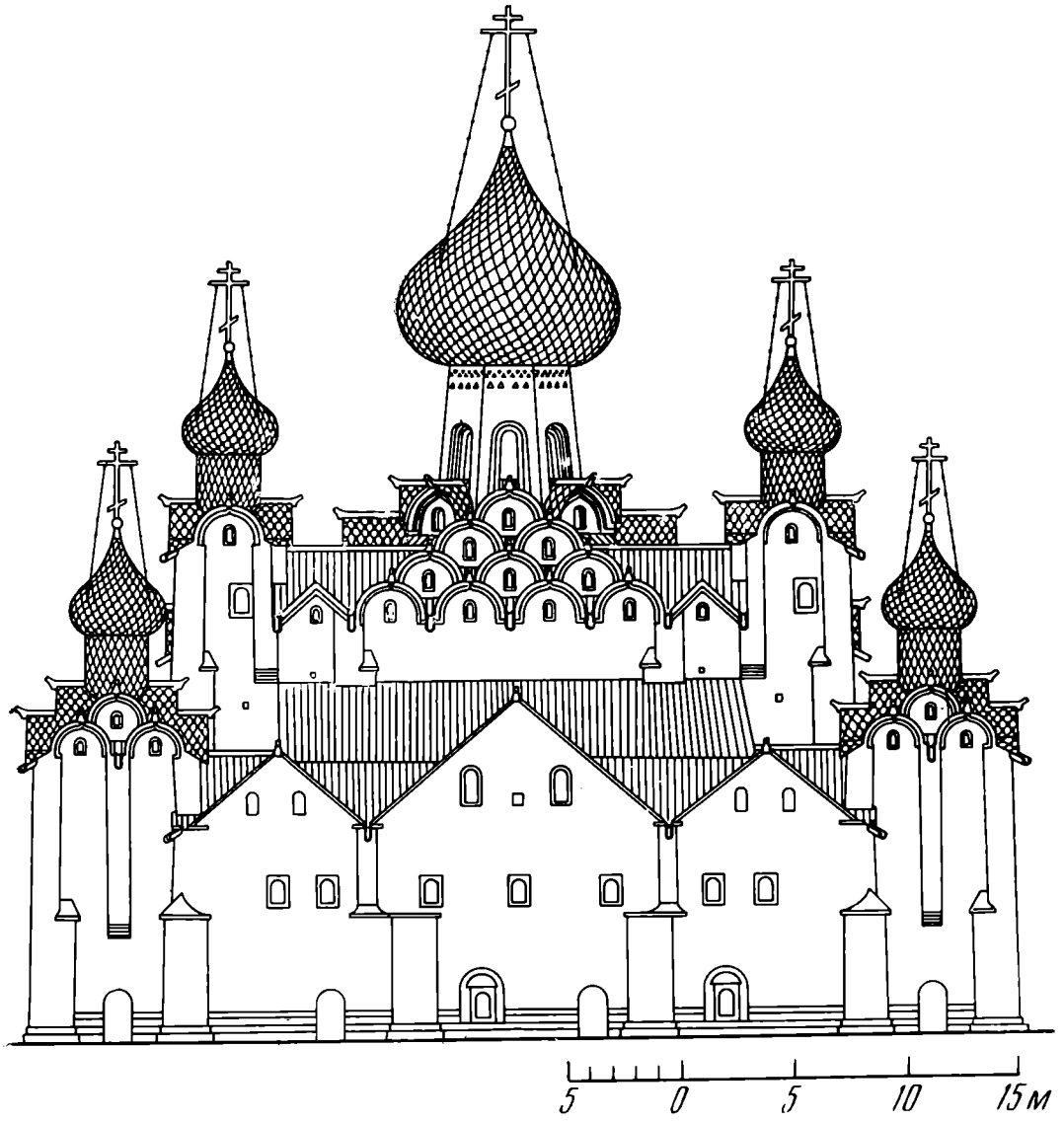


Рис. 2. Восточный фасад Преображенского собора. Реконструкция В. И. Курлова

представлены постройками, расположенными к югу и северу от собора [5], на других они отсутствуют [6]. Таким образом, изобразительный материал содержит противоречивую информацию о нижних приделах. Это противоречие, на наш взгляд, объясняет гравюра 1765 г.[7] На ней нижние приделы изображены к югу и северу от собора, что явно не соответствует

[5] См. икону 1699 г. В. Андреева (*М. С. Лебедянский.* Гравер Петровской эпохи Алексей Зубов. М., 1973, стр. 13).

[6] См. створку складня XVII в. (*М. Мильчик.* Архитектура в древнерусской живописи. В сб. «Декоративное искусство СССР», 1973, 2, стр. 13), икону второй половины XVI в. (*А. А. Федоров-Давыдов.* Русский пейзаж XVIII — начала XIX века. М., 1953, стр. 373, табл. 7, *а*), гравюры 1695 г. и конца XVII в. (*Д. А. Ровинский.* Русские народные картинки. Собрал и описал Д. А. Ровинский. Атлас, т. III. СПб., 1881, № 1455, 1459А).

[7] В. И. Курлов относит гравюру к 1712 г., так как по словам Д. А. Ровинского, опубликовавшего ее, Дмитрий Пастухов в 1765 г. скопировал гравюру А. Зубова 1712 г. Однако последняя неизвестна. Обычно гравер, даже если он и использовал чью-то работу, как правило, вносил свое. В таком случае работа А. Зубова могла послужить лишь подосновой. Вследствие этого нам приходится доверять дате гравюры, о которой говорит надпись в нижнем левом углу: «Штыховал на меди Дмитреи Пастухов 765» (см. *Д. А. Ровинский.* Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. СПб., 1884, № 6).

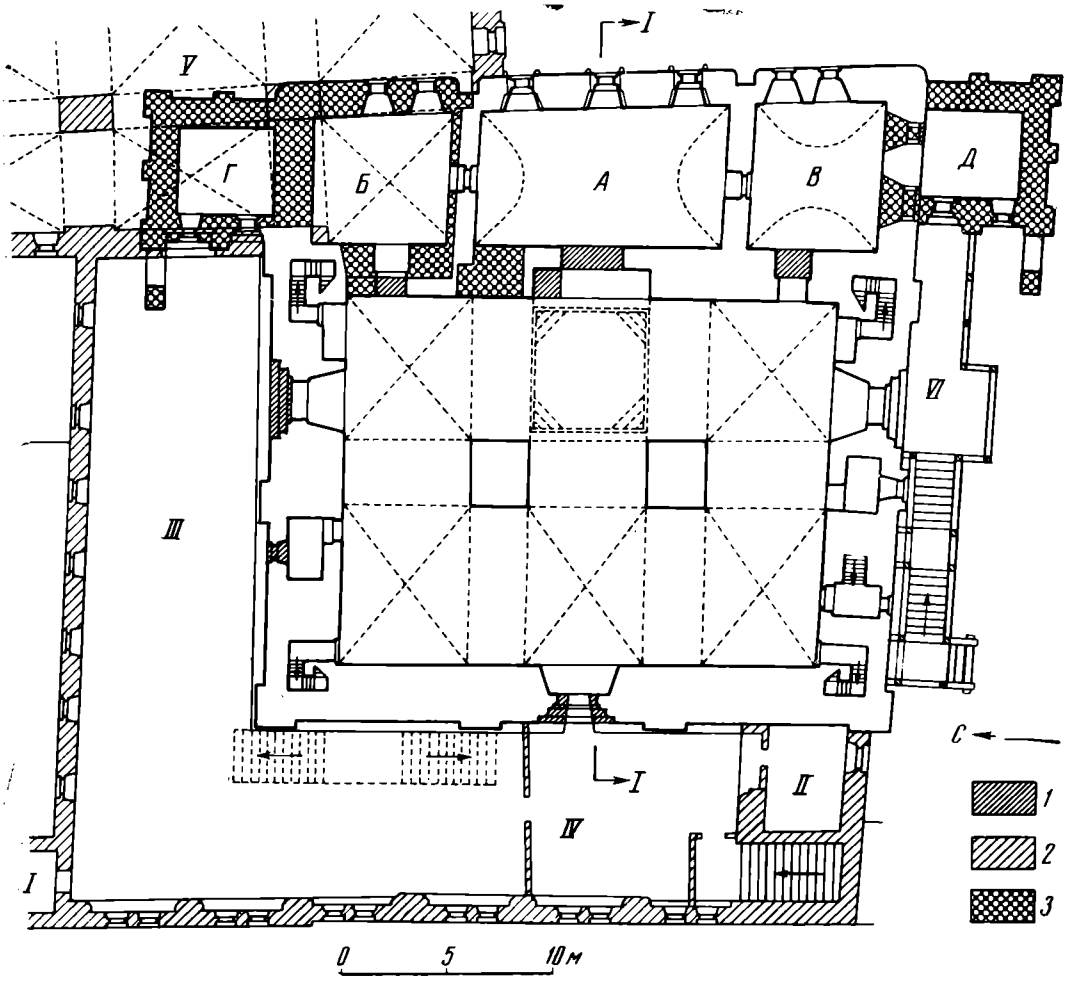


Рис. 3. План Преображенского собора. Реконструкция В. И. Курлова. *А* — алтарь; *Б* — жертвенник, с XVII в. придел Зосимы и Савватия, разобран в 1859 г., *В* — дьяконник, с XVII в. придел Михаила Архангела; *Г* — придел Зосимы и Савватия, с XVII в. притвор, с XVIII в. трапезная, разобран в 1859 г.; *Д* — придел Михаила Архангела, с XVII в. притвор, разобран в XVIII в. Пристройки: I — переходы 1602 г.; II — Книгохранительная палата 1602 г.; III — северная паперть 1795 г.; IV — западная паперть XIX в.; V — Троицкий Зосимо-Савватиевский собор 1859 г.; VI — реконструкция южной деревянной паперти XVI в.. *1* — закладки, *2* — пристройки, *3* — реконструкции

действительности 1765 г., поскольку на многочисленных более ранних гравюрах 1710, 1741—1761, 1744, 1748, 1762 гг.[8] Архангельская и Зосимо-Савватиевская церкви не показаны вовсе. Следовательно, изображение Преображенского собора с «вынесенными» к северу и югу нижними приделами не является достоверным отражением подлинных черт архитектуры памятника, а может рассматриваться как условность. Видимо, для художников XVII—XVIII вв., перед которыми стояла задача запечатлеть обитель Зосимы и Савватия, важно было наглядно показать все культовые постройки монастыря, в том числе ту, где покоились мощи этих святых. Осуществить замысел можно было путем отхода от передачи достоверного. А именно — «вынести» невидимые с западной стороны для взгляда художника нижние приделы, дав своеобразную развертку собора.

Гипотеза В. И. Курлова предполагает перенесение Архангельского и Зосимо-Савватиевского приделов внутрь храма и превращение диаконника и жертвенника собора в притворы. Время этого события приурочено

[8] *Д. А. Ровинский.* Виды Соловецкого монастыря, № 1—5.

В. И. Курловым к концу XVII в. по следующим соображениям. «В 1697 г. в соборе установлен иконостас, пожалованный Петром I, к этому времени скорее всего относится перемещение нижних приделов внутрь собора... во всяком случае, придел Михаила Архангела в 1701 г. был уже в дьяконнике, так как молния, проникшая через главу собора, повредила пол у входа в этот придел» [9]. Но из приведенных фактов следует только, что в 1701 г. южный придел располагался в дьяконнике [10]. Не объяснено также, чем было вызвано предполагаемое перемещение. Отметим, что оно не нашло отражения ни в Летописце Соловецком, ни в грамотах Соловецкого монастыря. Известно, что в случае освящения церкви или освящения перенесенного престола архиепископ должен был давать свое благословение в виде особой грамоты, скрепленной печатью. Такие грамоты для конца XVII—XVIII в. мы знаем по другим церквям — Филипповской, построенной в 1689 г.[11], и Благовещенской. В последней в 1745 г. вновь освящался престол, поколебавшийся во время тушения пожара [12]. Из других грамот следует, что монахи не могли починить даже кровли культовых зданий без подобного благословения [13]. Странно, что источники XVIII в. умалчивают о таком важном событии.

По мнению В. И. Курлова, в 70-х годах XVIII в. происходит разборка южного притвора (бывшего помещения Архангельской церкви), а вместе с ним примыкавших южной паперти и лестницы. Аргументы следующие: лестница с южной стороны показана на гравюре 1768 г., а на гравюре 1772 г. она уже отсутствует [14]. В сноске автор добавляет, что в описях 1787 и 1795 гг. «в приделе Михаила Архангела указано четыре окна вместо двух, что означает, что притвор (бывший придел) уже сломан» [15].

Однако лестница, о которой идет речь, не имела никакого отношения к так называемому «притвору». Она примыкала к западной паперти Преображенского собора, о чем свидетельствуют гравюры не только 1710, 1765, 1768, но и 1791 гг.[16], а также 1744 г.[17]. Что же касается двух окон в церкви Михаила Архангела, якобы существовавших до 70-х годов XVIII столетия, то данный факт В. И. Курлов не подкрепляет ни одним источником. Вместе с тем в отводной книге Соловецкого монастыря 1694 г. указаны не две, а «четыре окончины слюдных» [18]. Установить количество окон позволяет и опись 1705 г.: «В вышеписанных же соборной и предельной (имеется в виду Архангельский придел — *В. Б.*) церквах ж и во олтарях девятнадцать окон больших в них окончины слюдные в железе у тех окон решетки и затворы железные» [19]. Поскольку из книги 1694 г. нам известно, что в собственно соборной церк-

---

[9] *В. И. Курлов.* Ук. соч., стр. 82.

[10] Если придел Михаила Архангела в 1701 г. находился уже в дьяконнике, то как автор может соотнести это с изображением придела вне собора на гравюре Д. Пастухова «1712 г.» (наша дата 1765 г.)? Почему к югу от собора изображается придел с главкой, если он в это время, по В. И. Курлову, должен быть уже в дьяконнике? Данное противоречие еще раз подтверждает правоту нашего вывода, что изображение Архангельской и Зосимо-Савватиевской церквей вне собора не соответствует историческим фактам.

[11] Архив ГОПМК, ф. Соловецкий монастырь, ед. хр. 834.

[12] Там же, ед. хр. 785, л. 9.

[13] Там же, л. 11, 29.

[14] *В. И. Курлов.* Ук. соч., стр. 83.

[15] Там же, сноска 24.

[16] *Д. А. Ровинский.* Виды Соловецкого монастыря, № 1, 6, 7, 10.

[17] На гравюре 1744 г. братьев А. и И. Зубовых, которую приводит Д. А. Ровинский (№ 3), лестница не обозначена, так как оттиск сделан с подправленной доски (нанесены новые объекты — Филипповская церковь 1799 г., колокольня 1777 г.). Знакомство с подлинником говорит о том, что лестница на гравюре 1744 г. все же была (см. *М. С. Лебедянский.* Ук. соч., № 39—40).

[18] ЛОИИ, оп. 2, Коллекция актовых книг, ед. хр. 145, л. 131.

[19] Архив ГОПМК, ф. Соловецкий монастырь, ед. хр. 1240, л. 53 об.

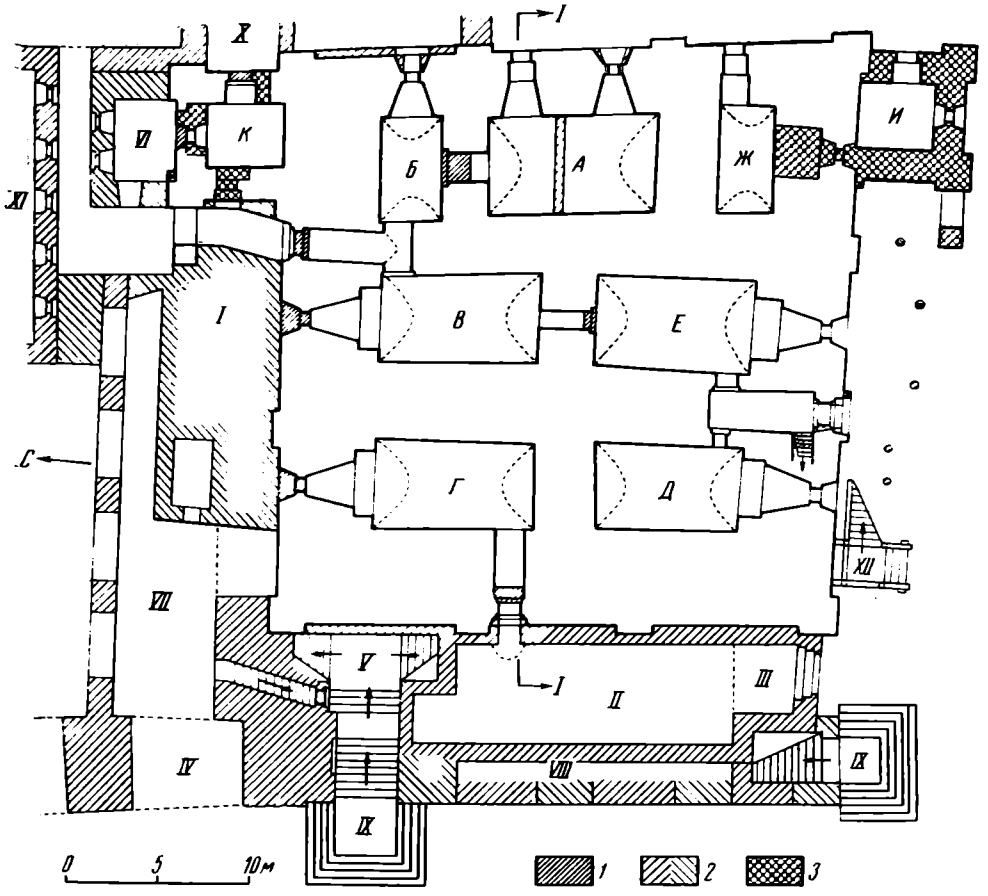


Рис. 4. План подклета Преображенского собора. Реконструкция В. И. Курлова. *А* — усыпальница Зосимы; в остальных помещениях погреба. Пристройки: *1* — подклет северной паперти (не обследован), усыпальница Филиппа с 1591 по 1645 г., свод 1755 г.; II — подклет западной паперти XVI в., свод 1755 г.; III — подклет Книгохранительной палаты 1602 г.; IV — переходы 1602 г., V — лестница, около 1744 г.; VI — усыпальница Иринарха 1753 г.; VII — расширение северной паперти в 1795 г., VIII — расширение западной паперти XIX в.; IX — крыльцо 1895 г.; X — подклет Троицкого Зосимо-Савватиевского собора 1859 г.; XI — церковь Германа 1859 г.; XII — реконструкция деревянной лестницы XVI в.. *1* — закладки, *2* — пристройки, *3* — реконструкции

ви было 12 окон, а в алтаре собора — 3 окна[20], то количество окон в Архангельском приделе установить не представляет труда: 19—12—3=4. Четыре окна имеется в настоящее время в помещении дьяконника. Это дает нам право утверждать, что дьяконник был изначально отведен под южный придел.

Результаты натурных исследований в приделе Михаила Архангела во время реставрационных работ 1974—1975 гг.[21] опровергают и другое предположение В. И. Курлова, согласно которому после разборки «притвора» в 1770-х годах в южной стене дьяконника были прибиты оконный и дверной проемы[22]. Здесь выявлены первоначальные арочные окна, растесанные в ходе позднейшей реконструкции.

В. И. Курлов реконструирует план подклета Преображенского собора XVI—XVIII вв. (рис. 4). Он насчитывает здесь девять помещений: А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, И, К. Сопоставим эти данные с описью 1761 г.: «Под

[20] ЛОИИ, оп. 2. Коллекция актовых книг, ед. хр. 145, л. 126 об.

[21] Обследование архитекторов ВПНРК О. Д. Савицкой и В. В. Сошина. См. архив ВПНРК, ед. хр. 88/671, 682. Приношу благодарность О. Д. Савицкой и В. В. Сошину за консультации и возможность ознакомиться с материалами.

[22] *В. И. Курлов.* Ук. соч., стр. 86.

ными церквами (имеется в виду соборными церквами.— *В. Б.*) погребов поземных для клажи монастырских припасов шесть, да две каменные ж полатки: в первой имеется гробница преподобнаго Зосимы игумена соловецкого чюдотворца, деже по преставлению погребен был, во второй гробница святителя и чюдотворца Филиппа митрополита московского идеже положены были его святые мощи по перенесению из Твери из Отроча монастыря в Соловецкий монастырь» [23]. Приведенные строки говорят о том, что в подклете было не девять, а восемь помещений — две палатки и шесть погребов. О том же сообщает и опись 1705 г.: «...да под соборною каменною Спасскою церковию шесть полат порожних кладовых с погребами» [24]. Таким образом, места для реконструируемого подклета Архангельской церкви, размещавшегося к югу от собора, не остается. Если бы он действительно существовал, то в описях было бы названо не шесть, а семь погребов [25].

Для выявления первоначального местонахождения Зосимо-Савватиевской церкви (которую В. И. Курлов располагает над подклетом К (рис. 4), определяющую роль должно сыграть уточнение расположения палатки митрополита Филиппа. В. И. Курлов считает, что она находилась под северной папертью Преображенского собора (рис. 4 — помещение 1). Однако описи монастыря свидетельствуют о том, что она находилась к югу от часовни Иринарха (помещение VI — рис. 4): «Подле ея (часовни Иринарха.— *В. Б.*) с южной стороны усыпальница святителя Филиппа» [26]. К югу от помещения VI на плане отмечен подклет К. Следовательно, в нем и был погребен Филипп. Соловецкий летописец сообщает под 1591 г. о погребении Филиппа «под папертью церкви преподобных отец Зосимы и Савватия» [27]. Если над подклетом К располагалась в 1591 г. не сама церковь Зосимы и Савватия, а ее паперть, то Зосимо-Савватиевский придел мог занимать только жертвенник Преображенского собора.

Что касается звонницы при нижних придельных церквах, то письменные источники знают существование лишь одной — при Зосимо-Савватиевской церкви на паперти [28]. Однако восстановить ее архитектурные формы на основе известных описаний невозможно. Докомпоновка Архангельского придела аналогичной постройкой только на основании чувства симметрии [29] не оправдана.

Говоря о завершении нижних придельных церквей, В. И. Курлов цитирует опись 1705 г.: «Соборная церковь... Преображения... каменная о пяти главах з закомарины, а с обою страну тоя церкви две церкви предельные. С южную страну предел собор Архистратига Божия Михаила, а с северную страну предельная церковь преподобных отец Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев, а в шиях четыре ж церкви предельных. Та церковь покрыта тесом, а главы и бочки и закомарины и на ту предельных церквах главы же и шии обиты чешуею древянною, на главах

---

[23] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 2, ед. хр. 826. Книга записная получаемым промемориям и сообщениям. Ведомость.

[24] Архив ГОПМК, ф. Соловецкий монастырь, ед. хр. 1240, л. 307 об.

[25] В описи 1705 г. говорится еще о двух палатах кладовых: «Да под тою ж соборною церковью две полаты кладовые а в них соли про монастырской обиход две тысячи пятьсот пятьдесят пуд» (л. 307 об). По-видимому, здесь идеть речь о помещениях под северным и западным подклетами.

[26] Архив ГОПМК, ф. Соловецкий монастырь, ед. хр. 1285, л. 271, ед. хр. 1282, л. 206 об.

[27] Досифей. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. М., 1833, стр. 44. См. также опись за 1782 г., где сказано, что Филипп был погребен «...под чудотворною папертью в усыпальнице» (архив ГОПМК, ф. Соловецкий монастырь, ед. хр. 1257а, л. 119 об).

[28] Текст документа приведен в статье В. И. Курлова (см. *В. И. Курлов*. Ук. соч., стр. 87).

[29] Там же.

кресты осмоконечные древянные ж обиты полишным железом, на них для крепости чепи железные...» [30]. Данная выдержка из документа 1705 г. не вполне точна. В источнике читаем: «Та церковь покрыта тесом, а главы и бочки и закомарины и на дву **предельных церквах** главы же и шии обиты чешуею древянною» [31]. Это существенно меняет смысл приведенной цитаты. Прочитаем открывок заново. В нем говорится о том, что собор имел пять глав «з закомарины». Имелось еще две придельные церкви, о покрытии их ничего не сообщается. Налицо противопоставление систем завершения верхних и нижних приделов. Далее это противопоставление мы встречаем и в другой фразе, уточненной нами: «Главы и бочки и закомарины (здесь, несомненно, говорится только о верхних церквах.— *В. Б*) и на дву предельных церквах (подразумеваются нижние приделы.— *В. Б*) главы же и шии обиты чешуею древянною». Таким образом, о нижних церквах говорится только то, что они имели крытые лемехом главы и барабаны, последние, по-видимому, были деревянными. Верхние приделы действительно имели позакомарное покрытие. Как выглядели кровли нижних приделов, это из описи 1705 г. установить нельзя. Но в натуре имеется щипцовое, несомненно древнее, завершение [32].

Таким образом, новый вариант реконструкции нижних приделов Преображенского собора Соловецкого монастыря XVI в., предложенный В. И. Курловым, представляется шагом назад по сравнению с более ранней реконструкцией П. Н. Максимова.

---

[30] Там же, стр. 89, 90.

[31] Сверено с подлинником. См. архив ГОПМК, ф. Соловецкий монастырь, ед. хр. 1240, л. 5, об.

[32] Пользуюсь случаем выразить благодарность сообщившему об этом архитектору П. Д. Барановскому, раскрывшему в 1920-х годах щипцы нижних приделов Преображенского собора.

Критика и библиография

В. И. Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974, 52 стр. с илл.

Эта небольшая по объему работа во многом заполняет пробел в наших знаниях о дольменах Северо-Западного Кавказа. Эти мегалитические сооружения, несмотря на свою известность, до сих пор относятся к числу наименее изученных памятников Кавказа, хотя эшерские дольмены и гробницы у станицы Новосвободной свидетельствуют о том, что дольменная культура в свое время играла важную роль.

В. И. Марковин подвел итоги своих интенсивных восьмилетних полевых исследований, обобщил материалы своих предшественников, изучавших мегалиты Северо-Западного Кавказа. Все это делает его работу весьма полезной для археологов, занимающихся культурами Кавказа эпохи бронзы и мегалитическими культурами. Она состоит из пяти глав и введения. В первой главе автор, исходя из предпосылки, что дольменные постройки связаны с древнейшими этапами в истории местного населения Западного Кавказа, считает, что эти памятники должны рассматриваться в его работе в связи с происхождением адыгов и абхазов. Во второй главе В. И. Марковин рассматривает типологию и относительную хронологию дольменов Западного Кавказа. Это, пожалуй, наиболее интересная, но и наиболее спорная глава в его работе.

В вопросах типологии автор следует за Л. И. Лавровым, который в свою очередь принял классификацию Е. Д. Фелицына [1], внеся в нее некоторые изменения: «составные» и «полудольмены» (по Е. Д. Фелицыну, пункты б и в) Л. И. Лавров объединил под общим названием «составные», а пункт д — «многогранные» и «круглые» дольмены разделил на два типа [2]. Этот перечень набора форм и строительных приемов Л. И. Лавров называет типами, хотя при выделении их он, как и Е. Д. Фелицын, пользовался поверхностным наблюдением. Этой же типологии с некоторыми изменениями придерживается и В. И. Марковин. Только девять выделенных Л. И. Лавровым типов он свел к четырем: плиточные, составные, корытообразные, дольмены-монолиты (стр. 6).

Вызывает сомнение объединение автором в один тип двухкамерных гробниц, исследованных Н. И. Веселовским у ст. Новосвободной, и плиточных дольменов. Обе раскопанные гробницы имеют по две камеры, и в каждой находились погребенные, тогда как у плиточных дольменов всегда одна погребальная камера. То, что у некоторых плиточных дольменов имеются дополнительные боковые плиты (стр. 7, рис. 2), является все же недостаточным основанием для того, чтобы считать эти дольмены вариантом новосвободненских гробниц. Конструктивно это совершенно различные типы, и промежуточных форм между ними нет.

Довольно трудно согласиться с В. И. Марковиным в том, что строители «составных дольменов» за образец брали постройки предыдущего типа, подражая им

[1] *Е. Д. Фелицын.* Западнокавказские дольмены. МАК, IX, 1904, стр. 14.

[2] *Л. И. Лавров.* Дольмены северо-западного Кавказа. Тр. Абх. ИИЯЛ, XXXI, 1960, стр. 102, 103, 110.

в пропорциях и во внешнем оформлении сооружений. Весьма трудно, взяв за образец плиточный дольмен — постройку, трапециевидную в плане и профиле, «скопировать» с него, например, многогранную, с шатровым перекрытием гробницу, раскопанную в 1869 г. Н. Каменевым на р. Фарс у ст. Новосвободной.

Автором, пожалуй, напрасно объединены в один тип собственно составные дольмены (плиточные дольмены, у которых одна сторона или более составлены больше чем из одной плиты) и подковообразные, круглые, многогранные гробницы. Не имея возможности здесь обосновать наше сомнение, выскажем лишь предположение, что три последние формы гробниц образуют свою типологическую ветвь, отличную от плиточных дольменов. Гораздо убедительнее представляется предложенное вслед за Л. И. Лавровым объяснение происхождения корытообразных дольменов и дольменов-монолитов. Эти два типа сооружений действительно «копировали» плиточные дольмены, вплоть до имитации пазов в стенках.

Далее В. И. Марковин впервые предлагает относительную хронологию плиточных дольменов, выделяя три стадии их развития. Для этого он берет один признак архитектуры дольменов — отношение ширины камеры в передней части к ее длине и затем к ширине задней части. Дольмены, у которых длина камеры превышает по величине размеры камеры в передней части (в пропорциях это будет такое отношение — 10 : 12 : 8/9/), В. М. Марковин объявляет ранними. И дальнейшее развитие дольменов идет в сторону уменьшения длины камеры и ширины задней плиты по отношению к ширине передней плиты (стр. 7). Остается неясным, почему это временно́е, а не любое другое различие. Пропорциональное отношение абхазских дольменов из поселка Кюр-Дере (с. Верхнее Эшери) никак не укладывается в раннюю группу. Эшерский дольмен 2 (по Б. А. Куфтину) обладает пропорциями 10 : 10 : 11, а дольмен 4—10 : 11 : 8 [3]. Заметим, что по абсолютной хронологии они вместе с гробницами ст. Новосвободной являются, по определению В. И. Марковина, самыми ранними (стр. 15) [4].

Осталось также неясным, на чем основывался автор, считая дольмен без отверстия у ст. Баговской и вообще дольмены без отверстий самыми ранними (стр. 7). Относительную хронологию по архитектуре дольменов следовало бы разработать на гораздо большем количестве выделяемых признаков, выбор которых должен был быть более обоснованным.

По проблеме абсолютной датировки мегалитических сооружений Северо-Западного Кавказа «от почти середины III тысячелетия до н. э. почти до конца II тысячелетия до н. э.» (стр. 16) хотелось бы выразить надежду, что в последующих работах В. И. Марковин предложит более узкую и дробную хронологию. Здесь необходимо отметить, что погребение, раскопанное Н. А. Захаровым у ст. Саратовской, не является дольменом [5]. Оно лишено всех признаков кавказких дольменов, для которых характерны: 1) трапециевидность в плане и продольно-поперечном сечении, 2) наличие отверстия, 3) подавляющее большинство дольменов являются наземными сооружениями. По тем же причинам нельзя считать дольменами и каменные ящики на горе Ахупач в Абхазии [6].

Не являются плиточными дольменами, как нами уже отмечалось, и гробницы у ст. Новосвободной. Следовательно, ссылка В. И. Марковина на гробницы ст. Новосвободной и каменный ящик у ст. Саратовской (стр. 15), как на наиболее ранние дольмены, содержащие, по мнению автора, наиболее ранний тип захоронений (одиночные, скорченные костяки, головой на юг или восток), нам не кажется убедительной. Подобные же захоронения в бесспорных дольменах (плиточных, корытообразных, дольменах-монолитах, составных без подковообразных, круглых, многогранных) нам не известны.

В третьей главе В. И. Марковин рассматривает различные гипотезы, накопившиеся за все время изучения дольменов. В. И. Марковиным убедительно опровер-

---

[3] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 198, 275, 277, 298.

[4] *В. И. Марковин.* Дольмены Западного Кавказа, СА, 1973, 1, стр. 20.

[5] *Н. А. Захаров.* Погребение мегалитического типа из предгорных районов Северного Кавказа. СА, III, 1937, стр. 227, 228.

[6] *Ю. Н. Воронов.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 37 (№ 247).

гнута гипотеза автохтонного происхождения дольменов на Кавказе (от пещер — через корытообразные дольмены — к плиточным), происхождение их от каменных ящиков (стр. 17—19). По поводу каменных ящиков заметим, что самые ранние из них на Северо-Западном Кавказе вряд ли появились позже дольменов. Так, что полностью отрицать возможность того, что они явились прототипами дольменов, как это делает автор (стр. 16), нельзя. Сошлемся на два примера: в одном погребении в каменном ящике на стоянке Скала близ пос. Каменномостского оказался сосуд, вполне типичный для майкопской культуры [7]; второе погребение — это уже упоминавшийся каменный ящик, раскопанный Н. А. Захаровым. Это все-таки ящик, а не дольмен еще и потому, что он углублен в землю [8], а это, по мнению В. И. Марковина, «служит существенным отличием одного вида памятника от другого» (стр. 17). Но это отличие все-таки не помешало ему отнести данный памятник в разряд дольменов (стр. 15). Стоянку Скала А. А. Формозов датирует новосвободненским временем [9], а погребальный комплекс, раскопанный Н. А. Захаровым, сам автор считает одним из наиболее ранних (стр. 15).

Вслед за О. М. Джапаридзе автор подвергает серьезной критике гипотезу Л. Н. Соловьева об участии малоазиатских племен кашков в формировании дольменной культуры и приходит к выводу, что истоки дольменной культуры нужно искать вне Кавказа (стр. 21—24).

Проведя в четвертой, наиболее обширной главе экскурс по мегалитам мира и сравнив их с мегалитами Северо-Западного Кавказа, В. И. Марковин заключает, что у дольменов Западного Кавказа наметились отдельные черты, которые связывают их с миром Средиземноморья (стр. 41). Эти черты регулярно подмечались еще со времен А. С. Уварова [10], и жаль, что автор не конкретизирует, мегалитам какого именно района Средиземноморья наиболее близки западнокавказские дольмены. Очень интересное предположение, что наиболее древние мегалитические памятники находят аналогии в Португалии (стр. 43), к сожалению, не было развито. Вызывает некоторые сомнения мысль автора о том, что пришельцы, прибыв по морю на Кавказ, не задерживались на побережье, а проникали через хребет на Северный Кавказ и уж там строили свои усыпальницы. Автор считает, что многогранная гробница у ст. Новосвободной была построена одной из первых (стр. 44). Но типологически он относит ее ко второму этапу строительства дольменов как составную (стр. 8).

В пятой главе, посвященной исторической обстановке появления дольменных памятников на Западном Кавказе и развитию местной дольменной культуры, В. И. Марковин совершенно справедливо пишет, что в рассматриваемую эпоху Западный Кавказ был заселен в Прикубанье племенами майкопской культуры, а побережье, судя по многочисленным находкам каменных мотыжек и по таким поселениям, как Очамчире, Гумистинское, Мачарское, Гуад-иху [11], также было достаточно заселено.

Строители дольменов, конечно же, пришли не на пустое место, но утверждение автора о том, что древнее население абхазской территории довольно быстро слилось со строителями дольменов, нам кажется преждевременным. В. И. Марковин пишет, что археологический материал не дает основания для других выводов, и не приводит ни одного аргумента в подтверждение своей точки зрения. Это и понятно. Дольменная культура на побережье представлена только погребальными памятниками, поселений пока не найдено, а материал из дольменов слишком малочислен и почти весь происходит из одного пункта — из с. Верхнее Эшери.

---

[7] *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 66.
[8] *Н. А. Захаров.* Ук. соч., стр. 227, 228.
[9] *А. А. Формозов.* Ук. соч., стр. 79.
[10] *А. С. Уваров.* Мегалитические памятники в России. Древности, т. VI, вып. 3. ТМАО, 1876, стр. 280—290.
[11] *Л. Н. Соловьев.* Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии, СМИА, т. I, 1939; *В. В. Бжания.* Древнейшая культура Абхазии. Автореф. канд. дис. М., 1966, стр. 14—17; *В. В. Бжания.* Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, 1966, 1; *М. М. Трапш.* Некоторые итоги археологического исследования Сухуми в 1951—1953 гг. СА, 23, 1955.

Описание исторической обстановки к северу от Главного Кавказского хребта, на наш взгляд, носит несколько декларативный характер (стр. 44—46). Гробницы ст. Новосвободной, насколько нам удалось показать выше, во-первых, типологически совершенно отличны от всех остальных дольменов и имеют, вероятно, иное происхождение. Следовательно, материал из них не может характеризовать дольменную культуру. Во-вторых, как ясно показал А. А. Формозов, эти гробницы связаны со средней группой памятников майкопской культуры — с поселениями Скала, Очажный грот, Ясенова поляна, верхние слои Мешоко [12]. В. И. Марковин совершенно бездоказательно, на наш взгляд, связывает эту группу памятников с дольменной культурой (стр. 44). Нальчикскую гробницу, раскопанную И. М. Чеченовым, нельзя считать восточным форпостом дольменной культуры (стр. 45), потому что ни типологически, ни по строительным приемам ее никак нельзя вывести из мегалитических сооружений Северо-Западного Кавказа. Многогранная гробница на р. Фарс, на которую как на близкую аналогию ссылается автор (стр. 45), на наш взгляд, в достаточной степени отлична от Нальчикской гробницы, и их можно считать совершенно разными типами. Генетическую связь между ними проследить невозможно: гробница на р. Фарс [13] многогранная в плане, с каменным полом, имеющим форму круга диаметром 3 *м*, в одной из боковых плит проделано квадратное отверстие, крыша коническая, а гробница, раскопанная И. М. Чеченовым [14], прямоугольная в плане, пол выложен галечником, отверстия нет, крыша плоская.

Последнюю, шестую главу своей работы автор посвящает проблеме увязки абхазо-адыгского этноса с мегалитическими сооружениями Северо-Западного Кавказа. Он отметил родство адыгских и абхазских языков и привел несколько точек зрения на родство абхазо-адыгской языковой группы с баскским языком. В частности, В. И. Марковин пишет, что «Н. Я. Марр, увлекаясь, находил, что язык басков... родственен абхазскому, мегрельскому, сванскому, лакскому, бацийским языкам, грузины вообще родственны баскам». Н. Я. Марр наметил и пути их продвижения, один из путей — через Малую Азию и острова Средиземного моря, что, по мнению В. И. Марковина, «совпадает с той картиной сопоставления дольменных памятников Западного Кавказа с дольменами мира по линии их сходства», которая дана в предыдущих главах. Кое-какое сходство, конечно, есть, потому все эти сооружения и называются мегалитами, но какой-либо «линии сходства» В. И. Марковину проследить все же не удалось. Есть лишь несколько разрозненных, несистематизированных, зачастую весьма отдаленных аналогий. Наконец, баскский язык схож также и с грузинским, но на территории собственно Грузии дольмены до сих пор не найдены. Для решения вопроса, являются ли абхазо-адыги потомками строителей дольменов, имеется по существу только два аргумента: первый, как совершенно справедливо отметил автор,— совпадение границ расселения абхазо-адыгских племен с ареалом дольменных могильников (стр. 49—50) и второй — по археологическим памятникам до сих пор не установлена существенная смена населения (стр. 48). Оба этих аргумента, при всей их важности, не могут быть признаны достаточными.

Что касается погребального обряда, то вторичные захоронения, которые зафиксированы в дольменах и у абхазов [15], имеют место в ту же эпоху, если не ранее, и не в дольменах [16] и принадлежность их к дольменной культуре весьма проблематична. По мнению автора, вторичные погребения появляются в дольменах на последнем этапе их строительства (стр. 15).

Вместо заключения хотелось бы присоединиться к словам В. И. Марковина: «Сейчас нужны самые неотложные меры для охраны дольменов — памятников да-

---

[12] *А. А. Формозов.* Ук. соч., стр. 82, 83, табл. 2.

[13] *Т. Б. Попова.* Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, стр. 15, рис. 6.

[14] *И. М. Чеченов.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973, стр. 10—12, рис. 5—14.

[15] *Ш. Д. Инал-Ипа.* Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, стр. 33 сл.

[16] *Ю. Н. Воронов.* Ук. соч., стр. 17, № 13, стр. 18, № 23, 28, 33, 36; *Л. Н. Соловьев.* Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. ТАИ, 31, 1960.

лекого прошлого многих народов Кавказа. Их надо сохранить. Это — всеобщая задача» (стр. 52). И от себя добавим: нужен свод источников по пока еще кое-где относительно целым мегалитическим сооружениям.

А. Д. Резепкин

D. A. Amyx, Patricia Lawrence. Archaic Corinthian Pottery and the Anapoga Well. Corinth. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. v. VII, p. II. Princeton, New Jersey, 1975.

Американские археологи уже в течение 80 лет ведут раскопки древнего Коринфа. Их материалы детально публикуются в томах серии Corinth, издающихся с 1930 г. Американской школой классических древностей в Афинах. В основе каждого тома (или полутома) серии лежит материал определенного археологического объекта (Акрокоринф, агора, Гончарный квартал, Северный некрополь) или определенный вид археологических памятников, происходящих из разных комплексов (скульптура, архитектурные терракоты, надписи и т. д.). Седьмой том серии Corinth посвящен керамике, одной из наиболее интересных и важных отраслей коринфского художественного ремесла [1]. Как известно, в архаический период Коринф был ведущим центром развития вазовой живописи, причем коринфский стиль оказал сильное влияние на художественную керамику Аттики, Беотии, Спарты и родо-понийских центров. История коринфской вазописи была детально разработана в монографии Х. Пэйна [2], незаменимой при изучении искусства Коринфа. Однако бо́льшая часть ваз, включенных в каталог книги Пэйна, найдена за пределами Коринфа, как и почти все известные шедевры коринфской вазописи. Поэтому каждая крупная публикация керамики, найденной в самом Коринфе, вызывает естественный интерес.

Первая книга VII тома серии Corinth вышла в 1943 г. Она достаточно хорошо известна специалистам и широко используется при изучении архаической керамики. Книга была посвящена геометрической и ориентализирующей керамике, найденной в различных частях Коринфа. Автор книги, известный специалист по средиземноморской археологии С. Вейнберг, собрал в ней материалы из раскопок Коринфа с 1896 по 1939 г. (не включены вазы из Гончарного квартала и Северного некрополя, описанные впоследствии в специальных публикациях) [3]. Работу Вейнберга отличает четкость построения глав, простота и ясность изложения материала. Керамика сгруппирована в хронологическом порядке; каждая глава соответствует определенному периоду развития стиля от протогеометрического до позднекоринфского. За описанием находок следует подробное резюме, в котором обобщены наблюдения автора по технологии керамического производства определенного периода, дается характеристика основных форм сосудов и особенностей орнаментации. Там же кратко охарактеризована проблема хронологии, приведены данные о керамическом экспорте. Книга завершается главой, в которой подытоживаются материалы предыдущих глав работы. Впервые после книги Пэйна Вейнберг дает здесь очерк истории коринфского керамического производства, прослеживает развитие форм и стиля от X до середины VI в. до н. э. Автор анализирует керамику как источник истории Коринфа, позволяющий судить о характере поселения, динамике развития производства, торговых и культурных связях. Особенно ценны выводы Вейнберга, касающиеся керамики геометрического периода, не столь полно охарактеризованной в работах Пэйна. Анализ форм и стиля этой керамики, содержащийся также в более ранней статье Вейн-

[1] Первая часть седьмого тома серии Corinth вышла более 20 лет назад: *Saul S. Weinberg.* The Geometric and Orientalizing Pottery. Cambridge, Mass., 1943. Третья часть седьмого тома, вышедшая в 1975 г., посвящена эллинистической керамике. Автору настоящей рецензии она была недоступна.

[2] *H. Payne.* Necrocorinthia. Oxford, 1931.

[3] Corinth. v. XIII. The North Cemetery, by C. W. Blegen, H. Palmer, R. S. Young. Princeton, New Jersey, 1964 (см. нашу рецензию в СА, 1968, 3, стр. 284—288).

берга [4], позволяет яснее проследить эволюцию коринфской вазописи от геометрического к архаическому (протокоринфскому) стилю и уточнить ее хронологию (стр. 33) [5]. Найденные в Коринфе сосуды и фрагменты керамики позволили автору книги сделать ценные наблюдения о живучести геометрических традиций в стиле росписи «субгеометрических» сосудов VII в. до н. э. Хотя в книге Вейнберга собран сравнительно небольшой материал (в каталог включено 379 номеров) и со времени ее публикации прошло более 30 лет, эта работа до сих пор сохраняет свое основополагающее значение при изучении керамического производства Коринфа.

Вторая книга VII тома серии Corinth, вышедшая в 1975 г., в первом своем разделе «Архаическая коринфская керамика» является логическим продолжением первой части тома. В нее включены относящиеся к VIII — VI вв. до н. э. керамические находки из раскопок в Коринфе, проводившихся до 1962 г. (в том числе и ряд материалов старых раскопок, не учтенных Вейнбергом). Автор этого раздела, крупнейший знаток коринфской вазописи Д. Э. Эмикс, провел скрупулезную работу по отождествлению неопубликованых ваз и фрагментов, упомянутых в книге Пэйна, с экспонатами, хранящимися в музее Коринфа. Эмиксом были также отождествлены многие из керамических материалов из раскопок Коринфа, упомянутые и атрибутированные в статье Т. Дж. Данбэбина и М. Робертсона [6] и в монографии Дж. Л. Бенсона [7]. В отличие от книги Вейнберга, которая является обобщающим историко-археологическим исследованием, работа Эмикса имеет более узкий, атрибутивный характер. Изучив керамические находки в Коринфе, исследователь выделил 75 вазовых мастеров и стилистических групп, которые распределяются по времени от последней четверти VIII до середины VI в. до н. э. (автор привлек и критически пересмотрел в своей работе атрибуции, сделанные в более раннее время Пэйном, Данбэбином, Робертсоном и Бенсоном).

Вводная часть к каталогу керамики содержит наблюдения, касающиеся характера коринфского керамического производства, подтверждающиеся материалами из Северного некрополя. В истории Коринфа известны периоды, когда вазы изготовлялись преимущественно на экспорт (стр. 11). Вследствие этого среди находок не представлены образцы протокоринфской миниатюристической полихромной вазописи, а также монументальные сосуды фигурного стиля второй четверти VI в. до н. э.

Каталог включает 220 ваз и фрагментов коринфской керамики (стр. 12—60). Автор детально описывает каждую находку и настолько, насколько это возможно дает ей убедительную атрибуцию. В каталоге содержатся наблюдения, касающиеся стиля хорошо известных коринфских вазовых мастеров — мастера алабастра из Палермо 489 [8], мастера Чешуек, группы арибаллов со Львами, группы с Воинами и т. д. Значительный раздел каталога посвящен мастеру Патр, произведения которого относятся к среднекоринфскому и позднекоринфскому I периодам и в подавляющем большинстве найдены в Коринфе (стр. 38—40); Эмикс приводит список, включающий 51 работу этого вазописца. Кроме того он определяет ряд раннекоринфских мастеров — Ла Троб, Гаваны, Лоуви, среднекоринфскую группу Либингхауз, мастера вазы Коринф MP-6 (к работе последнего близок по стилю килик из Одесского археологического музея А-26728) и т. д. Материал, опубликованный Эмиксом, существенно обогащает наше представление о формах ваз, распространенных на месте их производства, а также о стиле их росписи; отдельные образцы росписей

---

[4] *S. Weinberg.* What is protocorinthian geometric ware? AJA, 1941, v. 45, I, p. 31—44.

[5] Вейнберг снизил предложенную Пэйном дату начала раннепротокоринфского периода. Новая датировка (725 г. до н. э.) является общепринятой.

[6] *T. J. Dunbabin and M. Robertson.* Some Protocorinthian vasepainters. BSA, 48, 1953, p. 172—181.

[7] *J. L. Benson.* Die Geschichte der korinthischen Vasen. Basel, 1953.

[8] *С. П. Борисковская.* Группа раннекоринфских алабастров ориентализирующего стиля в Эрмитаже. Сб. «Художественная культура и археология античного мира». М., 1976, стр. 59. Принимая во внимание замечания Эмикса (стр. 18), можно полагать, что эрмитажный алабастр Б. 2050 относится не к произведениям мастера, а к его кругу.

привлекают внимание своей необычностью (стр. 40, 41). Интересно, что в самом Коринфе большей частью зафиксированы находки произведений ориентализирующего стиля. По всей вероятности, вазы фигурного стиля изготовлялись преимущественно для экспорта в другие центры.

Во второй раздел новой книги VII тома Corinth включены находки, составлявшие заполнение колодца, раскопанного в 1962 г. в Анаплоге, на западной окраине Коринфа. В отличие от первой части, где издается керамика из случайных, часто слабо документированных раскопок, здесь публикуется материал из недавних работ на закрытом комплексе. Колодец вырыт не ранее первых десятилетий VII в. до н. э. и окончательно засыпан около середины VI в. до н. э. Данные по его стратиграфии позволили проследить изменение характера и плотности заполнения на разных глубинах (общая глубина колодца 24,85 *м*). Помимо фрагментов художественной и грубой нерасписной керамики, на глубине 10,65—11,75 *м* в колодце обнаружена свалка керамического брака, происходящего, видимо, из близлежащих гончарных мастерских (стр. 69). Находки из этих слоев расширяют представление о характере керамического производства, о вазописцах и гончарах, которые изготовляли сосуды, предназначенные для использования на месте.

Керамика составляет основную массу всех находок в колодце. Описание ее и других немногочисленных материалов (терракот, изделий из металла) составлено П. Лоуренс, известным археологом и специалистом в области коринфской вазописи. Значительную часть своей работы она посвятила изучению эволюции форм коринфских ваз (стр. 70—83). Находки в колодце Анаплоги позволяют детализировать, а в ряде случаев внести изменения в схемы развития таких форм сосудов, как ойнохоя (в том числе коринфского типа — стр. 78), килики, скифосы и др., известные по монографии Пэйна. Материалы колодца способствуют уточнению датировок некоторых форм ваз (килики, кратеры); например, кратеры без пластин над ручками, конические ойнохои и другие типы сосудов, которые раньше считались характерными для раннего времени (VII в. до н. э.), представлены здесь и в слое, относящемся к позднекоринфскому периоду.

Находки в колодце Анаплоги обогащают наши представления о творчестве коринфских вазовых мастеров. Многие вазы настолько самобытны по стилю, что их пока невозможно включить в группы, знакомые по старым атрибуциям. Некоторые находки позволили Лоуренс выявить ряд новых, ранее неизвестных вазописцев раннего и среднекоринфского периодов (мастера Пенихрос, Мати, Анаплоги и др.— стр. 83 — 87). Отдельные сосуды связываются автором с уже известными вазописцами. Например, два фрагментированных арибалла Лоуренс приписывает среднекоринфскому мастеру Оттерло (стр. 105), круг работ которого был недавно определен Бенсоном и Эмиксом. Один из сосудов (An 29, табл. 74, 105) сходен по стилю трактовки растительного комплекса с арибаллом из Эрмитажа, ранее включенным в группу произведений этого вазописца [9]. Как и в первом разделе книги, в работе Лоуренс опубликовано значительное число своеобразных по стилю росписи ваз, точная атрибуция которых вызывает затруднения. Интересна ойнохоя 121 (стр. 122) с изображением пиршества комастов, исполненным в грубом, небрежном, по-своему выразительном стиле. В подобном стиле специализировались некоторые среднекоринфские мастера, украшавшие вазы сюжетными композициями; можно назвать мастера арибалла из Тарквинии с комастами, манеру росписи которого А. Зеберг убедительно сопоставляет с группой сосудов с изображением культовых женских процессий [10], а также уже упоминавшиеся нами в этой связи пиксиды из Музея изобразительных искусств в Будапеште и Эрмитажа (на последнем изображена, как нам представляется, гибель Трои) [11].

Значительное место в каталоге находок из колодца Анаплоги (всего 356 номеров) занимает грубая, нерасписная керамика, происходящая из гончарных мастерских, находящихся в этом районе Коринфа. Ее находки дают возможность проследить развитие керамических форм с начала VII до середины VI в. до н. э. Лоуренс

[9] *С. П. Борисковская.* Коринфский ориентализирующий арибалл первой четверти VI в. до н. э. Сообщ. ГЭ, 37, 1973, стр. 40.

[10] *A. Seeberg.* Corinthian Komos Vases. London, 1971, p. 63, 65.

[11] *S. P. Boriskovskaya.* Cnomon. Bd. 46. München, 1974, S. 731.

детально описывает технологию изготовления нерасписных сосудов, прослеживает временну́ю последовательность их типов (стр. 91—95).

Среди материалов колодца встречаются также вотивные сосуды и изделия, подобные найденным в архаических святилищах Греции (Перахора), светильники и типичные коринфские терракоты, аналогичные статуэткам, происходящим из раскопок Гончарного квартала (стр. 160—167).

Оба раздела книги обильно проиллюстрированы таблицами с фотографиями и прорисовками росписей ваз, в таблицы и в текст включены рисунки профилей сосудов. Работу над материалом книги облегчают продуманно составленные указатели. К сожалению, отсутствуют чертежи разрезов колодца Анаплоги. Они позволили бы яснее представить его стратиграфию и избавить текст от излишних, слишком подробных разъяснений. В целом новая работа американских археологов, вводящая в научный оборот обширный неизданный материал, окажет несомненную помощь в исследовании античных памятников Средиземноморья и Причерноморья.

С. П. Борисковская

И. П. Русанова. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, «Наука», 215 с., 72 рис., 15 карт

В 1973 г. в серии «Сводов археологических источников» вышла книга И. П. Русановой «Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом». В ней в компактной форме обобщены материалы из многолетних полевых исследований автора в бассейне Припяти. И. П. Русанова скрупулезно и методично обработала громадный материал (около 200 памятников) и уже в этой первой книге о ранних славянах выделила энтографические черты культуры, связанные с культурой Древней Руси.

В основу рецензируемой книги легли данные о материальной культуре славян, многочисленные поселения которых VI—VII вв. разбросаны по берегам рек Центральной, Южной и Восточной Европы. Описание материальной культуры — задача, на первый взгляд, не сложная. Однако, здесь археологи-славяноведы сталкиваются с весьма существенной, представляющейся многим исследователям непреодолимой, трудностью. Дело в том, что материальная культура славян, вернее то, что попадает в руки археологов, очень невыразительно. Основным, массовым материалом на раскапываемых поселениях являются обломки лепных кухонных горшков. Превратить их в датирующий и этнически определяющий признак стало главной целью И. П. Русановой.

Книга написана с определенных, четко выраженных и единых методических позиций. В основу исследования положена подробная и опять-таки единая для всей славянской культуры типология керамики. Как всякое истинное и краеугольное для данной отрасли науки открытие, типология, предложенная И. П. Русановой, предельно проста. С поразительным трудолюбием, она смогла обработать, обмерить, высчитать пропорции, построить десятки координационных графиков сотен сосудов, как относящихся к изучаемому ею периоду, так и выходящему за его пределы. При чтении книги И. П. Русановой становится ясным, что только этот путь обработки материала единственно правильный и единственно результативный. Благодаря ему она смогла не только обработать свой материал с бассейна Припяти, но и заново пересмотреть материалы (по музейным коллекциям и изданиям) с большого количества памятников культуры так называемого пражского типа, расположенных на территории Чехословакии, Польши, ГДР, Нижнего Подунавья и сравнить их с несколькими синхронными соседними культурами.

Помимо керамического материала в рецензируемой книге привлекаются и другие источники, характеризующие славянскую культуру VI—VII вв. Однако эти источники — типы поселений, жилищ, печей, по мнению И. П. Русановой, не несут столь важной информации, как керамика, поскольку «вылепленная в домаш-

них условиях посуда отражает не только своеобразие культуры в целом, но и местные особенности, и хронологические перемены...» (стр. 10).

В соответствии с задачей, которую И. П. Русанова поставила перед собой — дать полную характеристику культуры пражского типа, она разделила книгу на главы по географическому принципу. Три первые главы посвящены пражской и синхронным с нею культурам на территории нашей страны, остальные — последовательно памятникам, расположенным в пределах Чехословакии, ГДР, Польши, Румынии. Объясняется это обстоятельство тем, что автор нередко рассматривает в качестве памятников пражского типа поселения и могильники, иначе датированные и интерпретированные учеными других стран. Поэтому большое значение приобретает имеющаяся в каждой главе историографическая часть, посвященная развитию исследований культуры пражского типа в каждой стране, где найдены памятники этой культуры.

Книга открывается разделом, посвященным той части культуры пражского типа, которая в основном исследована многолетними разведками и раскопками автора. Долгое время они назывались культурой типа Корчак. В эту главу вошли в обобщенном виде материалы, отраженные в Своде, вышедшем в 1973 г. С особенной тщательностью разработан в этом разделе керамический материал, поскольку выработанная здесь типология легла в основу всей дальнейшей работы. Варианты посуды, выделенные И. П. Русановой, и их соотношение с датированными закрытыми комплексами позволило ей построить строго аргументированную хронологическую шкалу керамики, а по ней датировать все известные в настоящее время раскопанные памятники типа Корчак. При этом хронологический охват материала значительно шире указанного в названии книги — начиная с V и кончая началом X в. В результате этой работы И. П. Русанова смогла датировать почти каждый комплекс на раскопанных поселениях с точностью до полстолетия, а это значит «расслоить» планы поселений и проследить разрастание их по времени. В свою очередь благодаря этому впервые получило археологическое обоснование представление о существовании у славян VI—VII вв. небольших семейных общин и о перерастании их в последующие столетия в сельские общины, продолжавшие свое существование и в Киевской Руси.

Благодаря стройной и вместе с тем достаточно жесткой хронологии удалось проследить эволюцию культуры от V в. до образования древнерусского государства. Генетическая связь памятников, рассматриваемых в книге, с древнерусскими не подлежит сомнению. Значительно слабее нащупываются связи раннеславянских памятников днепровского правобережья с более ранними культурами, в частности с черняховской, поэтому в этой главе И. П. Русанова ограничивается замечанием, что к рассмотрению проблемы происхождения славянской культуры можно переходить лишь после исследования этой культуры на всей территории ее распространения.

В следующем разделе автор со своих методических позиций рассматривает синхронную Корчаку культуру верховий Днепра — культуру Тушемля-Колочин, поскольку некоторые советские археологи считают ее славянской. Со свойственной ей обстоятельностью И. П. Русанова, на мой взгляд, убедительно обосновывает неправомерность и поверхностность этой точки зрения и противопоставляет ей свою, основанную на тщательной обработке материала. Различия между славянской культурой и культурой Тушемля-Колочин оказываются настолько разительными, что, думается, вопрос о славянской принадлежности последней будет в ближайшее время снят с повестки дня.

Ознакомив читателя с северными и северо-восточными соседями славян, И. П. Русанова обращается на юг — в степные и лесостепные районы Поднепровья и Поднестровья, к так называемой пеньковской культуре. Поскольку вокруг памятников этой культуры также ведутся жаркие споры, как правило по поводу ее этнической принадлежности, вмешательство И. П. Русановой в эту дискуссию представляется не только естественным, но и необходимым. Как и в предыдущих главах, И. П. Русанова прежде всего строит типологическую схему керамики и распределяет ее на корреляционном графике. Различия пропорций славянских и пеньковских сосудов несомненно являются важнейшим свидетельством значительных раз-

личий в традициях этих культур. Сравнительное выяснение пропорций пеньковской и черняховской керамики, наоборот, дает интересную картину преемственной зависимости первой культуры от второй. Этот весьма убедительно подкрепленный фактами вывод противопоставляется мнению П. Н. Третьякова о связях Пеньковки с культурой Тушемля-Колочин. Несомненные связи некоторых типов пеньковской посуды со славянской керамикой VIII и VIII—IX вв. И. П. Русанова объясняет продвижением славян в лесостепь, на территорию пеньковцев и постепенной славянизацией пеньковского населения. Естественно, что И. П. Русанова, рассматривая все культуры только в плане их принадлежности к славянскому этносу или, вернее, их связи с культурой пражского типа, не дает полной характеристики культурам, которые, по ее мнению, этой связи не обнаруживают. Читатель не найдет в данной главе подробного описания пеньковских памятников и широкого обобщения материалов с них. И. П. Русанова уверенно говорит и пишет только о том, что сама изучила, использовав собственную полевую и кабинетную методику. Это, с одной стороны, вызывает уверенность в правомерности ее выводов. С другой стороны, слабая изученность тюрко-иранского компонента пеньковской культуры, ошибки или недоговоренность в некоторых деталях (например, спорность проведенной на рис. 38 западной границы черняховской культуры), отсутствие широковещательных и далеко идущих выводов об этой культуре, к которым по другим работам уже привык читатель, может создать впечатление о недостаточной осведомленности автора относительно вопросов, связанных с культурой лесостепи третьей четверти I тысячелетия н. э. Однако в основе этой кажущейся неуверенности лежит строгий подход к источникам, который дал нам, наконец, возможность хотя бы судить о правомерности сделанных по этим источникам выводов. До сих пор мы могли просто принимать или отрицать высказываемые гипотезы, имея для этого столько же оснований, сколько их авторы. В целом глава о пеньковской культуре написана «перспективно»: в ней, помимо предложенного и обоснованного решения о проникновении славянского компонента в лесостепь, поставлено столько проблем и вопросов, что становится очевидным необходимость организации большой, прежде всего полевой, работы по выяснению и исследованию этих проблем в ближайшее десятилетие.

Глава о славянской культуре в Чехословакии начинается с историографического введения. Затем И. П. Русанова переходит к характеристике керамики, рассматривая ее со своих методических позиций. Оказывается, что пропорции основной массы рассматриваемых сосудов соответствуют пропорциям керамики типа Корчак. Датировка различных вариантов этой посуды также совпадает. Последовательно знакомя читателя с остальными признаками культуры пражского типа и отмечая их общность с «корчаком», И. П. Русанова приходит к выводу о том, что единство славянской культуры на территории нашей страны и Чехословакии длится примерно столетие (вторая половина VI — первая половина VII в.), далее оно нарушается на территории Чехословакии значительными инородными примесями (германцы, авары), тогда как в пределах нашей страны эта культура развивается «последовательно, без существенных изменений и сильно ощутимых внешних влияний» (стр. 136).

Блестяще написана глава о памятниках культуры пражского типа в междуречье Эльбы, Заале, Одры (в пределах ГДР). Благодаря тщательным полевым исследованиям немецких археологов и полной публикации данных этих исследований они вполне доступны ученым, занимающимся той же тематикой в других странах. И. П. Русанова, рассмотрев материалы с одного из классических и полностью раскопанных славянских поселений Дассау-Мозигкау (раскопки Б. Крюгера) и сравнив их со своими материалами, убедительно передатировала памятник, установила новую планировку поселения, его постепенное разрастание в стороны, что также перекликается с традициями, известными в Корчаке. Интересно, что на территории ГДР славянская керамика датируется немного позднее, чем на территориях других регионов распространения этой культуры. Несколько немецких археологов, и в том числе такой крупный специалист по славянским древностям, каким является И. Херрманн, увлекшись сопоставлением письменных свидетельств о славянских племенах, обитавших на Эльбе и Одере, с археологическими данными,

выделили несколько групп славянской керамики, которые, по их мнению, соответствуют этим племенам. И. П. Русанова, опять-таки исходя из установленной ею хронологической шкалы славянской керамики, показала, что эти группы имеют не локальные, а хронологические различия. Таковы, в частности, фельдбергская и торновская группы, керамика которых относится соответственно к VIII—X и к концу VII—IX вв. Таким образом, ее отличия от керамики пражского типа вполне объяснимы. Сравнивать эту керамику мы можем только с синхронной посудой славян, обитавших на других территориях, и то, очевидно, не всю. В поздней славянской керамике Висло-Одерского междуречья появляется много германских черт и примесей. В целом же, согласно И. П. Русановой, разделение единой славянской культуры на локальные варианты началось со второй половины VII в., и именно с этого времени начинают выявляться на территории ГДР и других стран различные культурные группы. Разобравшись со своих методических позиций в материалах, происходящих из славянских поселений на территории ГДР, И. П. Русанова переходит к анализу польских памятников. И здесь она обнаружила в работах археологов довольно значительную хронологическую путаницу, происходящую вследствие того, что польские археологи, как, впрочем, и многие археологи Советского Союза, датируют поселения в целом, а не по комплексам. При этом свою хронологию они основывают на датировке шпор, предложенной И. Жаком. Датировки последнего часто бывают неверны или слишком узки. Тем не менее, если дата Жака подтверждает их представление о дате памятника, польские исследователи охотно принимают ее. Отсюда проистекают и самые неожиданные выводы: например, нередко керамика, характерная для VIII—IX вв. и подправленная на гончарном кругу, относится к VI и даже V вв., из чего делается неоправданный вывод о том, что гончарный круг не исчезал в Польше с римского времени. На самом деле оказывается, что просто памятник датирован суммарно, не расчленен на хронологические периоды, материал с него перемешан. Только в последние годы появились в Польше исследователи, признающие, что на этой территории есть памятники, характеризующиеся исключительно лепной пражской керамикой. В результате работы с польскими материалами (в основном по изданиям) И. П. Русановой удалось разделить на периоды несколько многослойных памятников и дать также «многослойную» карту распространения раннеславянских памятников на территории Польши. Весьма существенным представляется вывод И. П. Русановой о типологической и хронологической близости славянских памятников Польши с памятниками типа Корчак. С другой стороны, более поздние памятники на территории Польши (VIII—IX вв.) несут на себе следы балтских и германских влияний. К сожалению, польские археологи до сих пор еще не раскопали достаточного для сравнений количества раннеславянских жилищ, поэтому выводы И. П. Русановой основываются, как правило, на керамическом материале. В целом проведенная И. П. Русановой обработка материалов с территории ГДР и Польши помогла ей свести эти материалы к единой эволюционно-хронологической схеме, предложенной в первой главе рецензируемой книги.

Вопрос о хронологии славянских памятников на Среднем и Нижнем Дунае является сложным и дискуссионным. По письменным источникам известно, что вторжения славян на Балканский полуостров, в Византийскую империю начинается с VI в., а с конца этого века и далее, в VII в., славяне начинают здесь расселяться. Памятников с ранней культурой пражского типа в Подунавье немного. При этом следует помнить, что если на территории Румынии попадаются поселения с пражской керамикой VI в., то южнее Дуная, например в Болгарии, самые ранние славянские поселения и могильники относятся к VII в., и только с VIII—IX вв. славянская культура распространяется в Подунавье очень широко. Глава о раннеславянских памятниках Нижнего Подунавья, несмотря на ее очевидную проблемность,— самая краткая в книге. Видимо, автор сознательно свел ее к сухой характеристике только бесспорно славянских материалов, перечислению находок раннепражской керамики и погребений. Между тем жизнь различных средневековых народов клокотала в Подунавье как в громадном кочевническом котле. Создавались новые государства, складывались новые экономические отношения, новые религии и, наконец, новые народы со своеобразным антропологическим обликом. Все это, естест-

венно, не нашло отражения в книге, посвященной распространению славянской культуры, славянских этнографических черт в Европе. История народов Дунайского бассейна в эпоху раннего средневековья несомненно заслуживает отдельной большой монографии. Все же приходится пожалеть, что И. П. Русанова по существу совсем не затронула вопросов сложения народов, в этногенезе которых славяне принимали самое активное участие. Необходимость этого была тем более очевидна, что существует мнение о разнообразии славянских культур, особенно ярко подтверждающееся материалами Подунавья, где славяне постоянно общались с многими народами, иногда не оставившими после себя никакого археологически ощутимого наследия, кроме следов влияния на славянскую культуру. Разнообразие славянских «культур» возникало именно вследствие посторонних наслоений на единый и долгое время остававшийся монолитным славянский культурный субстрат.

Книга посвящена тому периоду в истории славян (VI—VII вв.), когда они, расселившись на огромных пространствах, создали единую культуру с четко выраженными этнографическими признаками, лаконично обрисованными автором в заключающей главе монографии. Важнейшими из них являются горшки со строго выдержанными пропорциями, полуземлянки с печами-каменками и небольшие некрополи, состоящие из трупосожжений в урнах. Остальные выделенные ею особенности можно квалифицировать как дополнительные, имеющие определенное значение только в сочетании с основными: небольшие открытые поселения, отсутствие металлических украшений, земледельческая экономика, патриархально-общинный строй. Все эти, и основные и второстепенные, особенности культуры встречаются на всей территории распространения культуры, названной И. П. Русановой культурой пражского типа. До нее о существовании этой культуры лишь мимоходом говорилось в литературе о славянах, но никто не занимался доказательством факта ее существования, хотя наряду с представлением о единстве культуры пражского типа и ее принадлежности славянам известно множество высказываний и теорий относительно этой культуры, трактующих ее по-другому. Из них самыми распространенными и популярными являются теории о существовании множества ранних и синхронных славянских культур и теория, вообще отрицающая пражскую культуру (признающая всего лишь наличие в славянских культурах наряду с прочими горшков пражского типа).

После выхода в свет рецензируемой книги вряд ли можно сомневаться в том, что на определенном этапе своего развития, а именно в VI—VII вв. (а на территории Польши и СССР — с V в.), славянская культура, характеризующаяся четко выраженными признаками, была распространена на огромной территории, в центральной части Европы (см. карту — рис. 75). Это, как справедливо указывает И. П. Русанова, вполне согласуется с данными лингвистики: Ф. П. Филин писал еще в 1962 г., что славянское языковое единство сохраняется до VI—VII вв. В дальнейшем начинается выделение отдельных славянских языков. Этот интереснейший процесс распада единства общеславянской культуры также прекрасно продемонстрирован в книге И. П. Русановой. Как уже говорилось, процессы распада и образования новых культур хуже прослеживаются в Подунавье, где они осложнялись постоянным притоком кочевников. Генетические связи общеславянской культуры с позднесредневековыми культурами всех славянских государств, в том числе и Руси, несомненны и вряд ли кем-либо оспариваются.

Значительно труднее для исследователя-археолога бывает проследить истоки культуры, ее происхождение. Объясняется это тем, что археолог отмечает только вполне сложившиеся, повсеместно выявляемые особенности, остающиеся в земле на века и тысячелетия. Первоначальные, часто зыбкие, едва намечающиеся и изменчивые черты остаются пока, при самой тщательной методике, неуловимыми. Это относится ко всем известным нам сейчас культурам, в том числе и синхронным изучаемой в этой монографии, например к известной и богатой салтово-маяцкой культуре, расцветшей к середине VIII в., охватившей почти все степи и лесостепи от Волги до Дуная. В то же время, исследуя ее памятники, мы не можем и сейчас найти в бурном кочевом море, бушевавшем в степях с середины V до середины VIII в., ее истоков. Очевидно, истоки земледельческой культуры найти легче, поскольку, несмотря на частные передвижения, на расширение или сужение

земель, занятых определенным этносом, население все же оставалось в каком-то определенном регионе. Большое значение для археологов приобретают при решении подобных вопросов данные других наук, особенно лингвистики.

Разработка проблем этногенеза по археологическим данным — огромная кажущаяся пока неподъемной тема. По-видимому, над ней следует продолжать работать по той же методике, с помощью которой И. П. Русанова доказала существование славянской культуры пражского типа.

Кое-какие наметки этой будущей работы И. П. Русанова уже набросала в этой книге. Сравнительные графики сосудов пражского типа с пшеворскими свидетельствуют о близости и даже идентичности последних со славянскими. Интересно, что горшки, близкие славянским, известны и в некоторых черняховских памятниках. Таким образом, методика, предложенная И. П. Русановой, подводит, как мне представляется, наконец, к решению одного из самых тяжелых в археологии вопросов — об этнической принадлежности пшеворской и черняховской культур. В заключительной главе И. П. Русанова попыталась проникнуть в еще более отдаленные от исследуемой ею культуры времена и нашла горшки «пражских» пропорций в подклешевой культуре. Намечаемая ею, таким образом, прародина славян совпадает с выводами Ф. П. Филина. В данном случае лингвистика и археология не расходятся, а наоборот, подкрепляют друг друга. Дальнейшие изыскания, направленные в глубь веков, еще впереди. Читатели будут с нетерпением ждать следующей книги И. П. Русановой.

Думается, что монография И. П. Русановой знаменует собой поворотный этап в развитии археологического славяноведения. Великолепная, методически совершенная обработка материалов, продемонстрированная исследователем, сухость построений и даже некоторая нарочитая сжатость выводов делают эту книгу трудной для чтения. Ее нужно не читать, а работать над ней. Только в этом случае откроется та характерная для И. П. Русановой ясность и логичность мысли, безупречность доказательств, уничтожающая беспощадность критических замечаний и своеобразная красота ее лапидарного стиля. Благодаря этим качествам монография станет настольной книгой археологов и еще долгое время будет привлекать их настойчивое внимание.

С. А. Плетнева

Хроника

V КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Махачкала, 1975)

12—14 марта 1975 г. в Махачкале состоялась конференция по археологии Северного Кавказа, посвященная памяти видного кавказоведа Е. И. Крупнова. В работе конференции приняли участие представители научной общественности Москвы (Института археологии АН СССР и Государственного Исторического музея), Ленинграда (Государственного университета им. А. А. Жданова), Дагестанской, Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской АССР, вузов Краснодарского и Ставропольского краев, а также Грузинской ССР (научно-исследовательских институтов, вузов и музеев). Было заслушано и обсуждено более 50 докладов по различным проблемам первобытной и средневековой археологии Северного Кавказа, сообщения о новейших археологических открытиях на территории региона.

В последнее время внимание ученых привлекают к себе различные проблемы истории раннеземледельческих культур, в том числе на территории Дагестана. Эта культура в Дагестане представлена памятниками, расположенными в окрестностях селений Гапшима, В. Лабко и в урочище Гинчи, к той же культуре относятся отдельные наскальные изображения Харитани-I. М. Г. Гаджиев (Махачкала) в своем докладе высказал мысль о возникновении дагестанской раннеземледельческой культуры на местной основе под сильным влиянием закавказско-переднеазиатского мира, выражавшемся не только в культурных контактах, но и в проникновении хурритоязычных племен с Ближнего Востока. В. М. Котович (Махачкала) проанализировала наскальные изображения человеческих фигур с поднятыми вверх руками, одетых в конусообразные клетчатые юбки из Харитани-I. По ее мнению, дагестанские изображения передают образ женского божества плодородия, культ которого возник в Дагестане под переднеазиатским влиянием (Чатал-Гуйук и др).

Одним из актуальных вопросов археологии Кавказа является хронология. В связи с этим большой интерес представляет доклад М. Г. Гаджиева(Махачкала), посвященный разработке проблемы происхождения и хронологии топоров кабардино-пятигорского типа. Относительной и абсолютной датировке памятников дольменной культуры Западного Кавказа был посвящен доклад В. И. Марковина (Москва).

Остродискуссионным оказался вопрос о культурно-историческом отпределении намятников горной Чечни эпохи средней и поздней бронзы, а также раннего железа. М. Х. Ошаев (Грозный) в своем докладе выдвинул тезис о культурной близости памятников предгорных районов Восточной Чечни и горного Дагестана середины II тысячелетия до н. э. В. И. Козенкова (Москва), проанализировав разные точки зрения на восточный вариант кобанской культуры, отстаивала традиционные взгляды. Как свидетельство распространения восточного варианта кобанской культуры на территорию северного и северо-западного Дагестана рассматривал находку в Ногайском районе Дагестана кобанского топора А. Р. Магомедов (Махачкала).

С. М. Магомедов (Махачкала) в своем докладе, сопоставив микропримеси бронзолитейных изделий Дагестана и сопредельных территорий эпохи ранней и средней бронзы, сделал вывод об отличии химического состава дагестанских изделий от изделий северокавказской и майкопской культур и их близости к изделиям из Азербайджана.

Характеристике некоторых видов оружия ранней бронзы из Дагестана был посвящен доклад Р. Н. Мирзоева (Махачкала).

Результатам работ на новостроечных работах в Кабардино-Балкарии были посвящены доклады И. М. Чеченова, В. М. Батчаева и Р. Ж. Бетрозова (Нальчик).

Родиной железоделательного производства в археологической литературе традиционно считается Кавказ или Ближний Восток. В последнее время этот взгляд стал оспариваться, появились аргументы о зарождении железоделательного производства в тех районах, где условия для развития бронзолитейного производства были неблагоприятными. В. Г. Котович (Махачкала), исходя из факта знакомства древнего мастера с металлургическим железом в процессе плавки бронзы, высказал мысль о том, что переход к производству железа связан с достижениями в бронзо-

литейном производстве, а потребности экономики (отсутствие медных рудных залежей) играли в этом процессе второстепенную роль.

Доклад С. А. Дударева (Грозный) был посвящен характеристике находок сибирско-казахского облика конца II — первой половины I тысячелетия до н. э. в районе Пятигорья и Терека и выяснению причины их появления здесь.

В. Б. Ковалевская (Москва), анализируя грузинскую летопись «Картлис цховреба», ко многим сведениям которой до последнего времени относились в научных кругах с большими сомнениями, указала на правдоподобность сообщения летописи о проникновении «Каспийским морем и Курой» в район современного Мцхета 28 «скифских домов». Предметам декоративного и прикладного искусства Дагестана эпохи раннего железа, отражающим влияние скифо-сибирского звериного стиля, был посвящен доклад М. М. Маммаева (Махачкала).

Ряд докладов был посвящен проблеме сарматизации культур районов Северного Кавказа. По мнению Н. В. Анфимова (Краснодар), во второй половине I в. до н. э.— в I в. н. э. в пределы расселения меотов — оседлого земледельческого населения Прикубанья — вклиниваются кочевые сираки. Последние оказывают на культуру местного населения сильное влияние, но меотская культура сохраняет свою первоначальную основу и язык, и лишь проникновение в Закубанье кочевых аланских племен приводит к вытеснению оседлых земледельцев. Б. М. Керефов (Нальчик) выделил в развитии материальной культуры Кабардино-Балкарии IV в. до н. э.— III в. н. э. периоды: 1) взаимовлияния местной и пришлой сарматской (IV—III вв. до н. э.— I в. н. э.) и 2) господствующего влияния пришлой культуры (I—III вв. н. э.), отмечая обособленное и независимое развитие культуры племен горной зоны.

В своем докладе В. А. Петренко (Грозный) предпринял попытку отнести начало сарматизации материальной культуры Чечено-Ингушетии по материалам Ханкальского городища, которое он относит к албанским племенам гаргарейцев, к IV—III вв. до н. э. Эта точка зрения вызвала ряд серьезных возражений.

В. П. Дзагурова (Махачкала) на основании находок в Шаракунской долине (Сулейманстальский район ДАССР) монет Антиоха IV Эпифана, позолоченных бус, а также данных отчета Патрокла доказывала, что на территории Каспия и Кавказа селевкиды преследовали свои интересы. В докладе О. М. Давудова (Махачкала) затрагивались спорные вопросы истории Восточного Кавказа — о северных границах кавказской Албании и локализации отдельных ее племен на его территории.

М. Х. Багаев (Грозный) ознакомил слушателей с итогами раскопок могильника рубежа I тысячелетия до н. э.— начала I тысячелетия н. э. с погребениями в виде каменных гробниц, расположенного на окраине с. Галайты (на границе ЧИАССР и ДАССР).

Ряд докладов был посвящен этногенезу тюркских племен на Северном Кавказе и этническому определению подкурганных катакомбных погребений. М. П. Абрамова (Москва) остановилась на классификации подкурганных катакомбных погребений Центрального Предкавказья, разделив их на группы, относящиеся к I в. до н. э.— I в. н. э. и ко II—III вв. н. э. Последнюю она генетически связывает с аланскими погребальными комплексами IV—XI—XII вв. н. э. Подкурганные катакомбные сооружения, расположенные в Прикаспийском Дагестане в междуречье Рубаса и Гюльгеричай, а также южнее пос. Дагестанские Огни, В. Г. Котович (Махачкала) приписывает аланским племенам маскутов, а катакомбные погребения средней части Прикаспийского Дагестана — гуннским племенам, предположительно савиров. Катакомбные погребения Верхнечирюртовского могильника он считает савирскими, а грунтовые могилы — булгарскими. С племенами, входившими в состав Хазарского каганата, связывает М. Г. Магомедов (Махачкала) бытовые и погребальные памятники, расположенные в Терско-Сулакском междуречье. В. Б. Ковалевская (Москва) выделяет в материалах Северного Кавказа VI—VIII вв. болгарские элементы.

А. В. Гадло (Ленинград) на основе сопоставления памятников VII—IX вв. Ставропольской возвышенности и южностепного варианта салтово-маяцкой культуры, вслед за М. И. Артамоновым, делает вывод о миграции болгарского или протоболгарского тюркоязычного этноса в горные районы в начале X в.

Х. Х. Биджиев (Черкесск) высказал мысль о раннем проникновении тюркского этнического элемента на территорию Карачаево-Черкессии наряду с аланским где-то с I в. н. э. В частности, он и С. Байчаров (Черкесск) выдвинули гипотезу о тюркоязычности ас-ов (аз-ов).

Х. Х. Биджиев и А. А. Гадло (Черкесск, Ленинград) сообщили об исследованиях 1974 г. на Хумаринском городище Карачаево-Черкесии.

Доклад А. К. Амброза (Москва) был посвящен передатировке Верхнечирюртовского могильника, хронологически определенного им в рамках конца VII — первой половины VIII в. Классификация и хронология некоторых украшений раннесредневекового могильника Мокрая Балка были темой доклада Г. Е. Афанасьева (Пятигорск). А. П. Рунич (Пятигорск) приводил ценные сведения о датировке подземных и наземных склепов из Пятигорья.

Х. М. Маммаев (Грозный) проанализировал погребальные памятники Ичкерии (ЧИАССР), отметил их генетическую связь, с одной стороны, с местными памятниками предшествующего времени, а с другой — с синхронными памятниками горного Дагестана. Топографии раннесредневековых городищ горного Дагестана, часть из

которых имеет двучленную, часть трехчленную структуру, был посвящен доклад А. И. Абакарова (Махачкала). А. А. Кудрявцев (Махачкала) остановился на сырцовых и каменных фортификационных сооружениях раннесредневекового Дербента, указав время их возникновения.

Ряд докладов на конференции был посвящен распространению христианства на Кавказе. В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) охарактеризовал церкви Верхнеджулатского городища (СОАССР), датировал их первой половиной XIV в. и сделал вывод о строительстве церквей пленными татарскими мастерами по заказу католических миссионеров, центры деятельности которых в XIV в. располагались на территории Северного Кавказа, в частности в Дагестане. М. Н. Ложкиным (Краснодарский край) были приведены сведения о картографированных им христианских памятниках Западного Кавказа VI—XIII вв. Г. Г. Гамбашидзе (Тбилиси) остановился на текстах псалтырей, происходящих из Грузии и найденных в Ингушетии, свидетельствующих о проникновении в IX—X вв. на Северный Кавказ грузинской культуры, в частности грузинской графики.

А. Х. Нагоев и Б. М. Керефов (Нальчик) сообщили об итогах археологического исследования кабардинских курганов XIV—XVIII вв. у селений Лечинкай и Шалушка, а Р. Г. Джатиев (Цхинвали) — о находке сарматской стелы с изображением вестника смерти — всадника, усаживающегося на коня с правой стороны.

Итогам исследования оборонительных комплексов (галуанов жилых и боевых башен), склепов, бытовых и культовых сооружений XVII—XVIII вв. в зоне строительства Зарамагской ГЭС в Двалети (верховья р. Ардон) был посвящен доклад В. К. Тменова (Орджоникидзе). Р. А. Даутова (Грозный) проанализировала пещерные погребения горной Чечено-Ингушетии позднего средневековья, их погребальный инвентарь и генетически связала их с аланскими погребальными комплексами. Доклад М. Б. Мужухоева (Грозный) был посвящен классификации, относительной датировке и определению назначения крестообразных надгробных стел Чечено-Ингушетии. Он же в соавторстве с Р. А. Арсланукаевым (Грозный) сделал доклад о назначении средневековых сигнально-сторожевых и сигнальных башен Чечено-Ингушетии. А. Р. Шихсаидову (Махачкала) удалось установить, что изготовление котлов в Кубачах (Дагестан) был профессиональным занятием, передававшимся по наследству из поколения в поколение, в частности, на основании анализа четырех котлов прослежены четыре поколения мастеров.

Участники пятых Крупновских чтений приняли резолюцию, рассматривающую целесообразность проведения региональных Крупновских чтений в городах Северного Кавказа ежегодно или раз в два года с приглашением заинтересованных специалистов из разных союзных республик.

Было принято также обращение к Отделению исторических наук АН СССР и Института археологии АН СССР с просьбой содействовать организации и курировать проведение Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа, связав их с планами научных мероприятий, проводимых отделением и институтом. Был также учрежден организационный комитет в составе акад. Б. А. Рыбакова (почетного председателя), В. А. Кузнецова (председателя), И. М. Чеченова (зам. председателя), Н. В. Анфимова, Х. Х. Биджиева, В. И. Козенковой, В. Г. Котовича, В. И. Марковина, М. Б. Мужухоева.

О. М. Давудов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ — Сб. «Археологические исследования в Молдавии»
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АО — Сб. «Археологические открытия». Москва
АП — Археолгічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник. Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
БИАМ — Бахчисарайский историко-археологический музей
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ВИАВ — Воронежский историко-архивный вестник
ВПНРК — Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат. Москва
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ВФ — Вопросы филологии
ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГОМПК — Государственная Оружейная палата Московского Кремля
ДГС — Древности Геродотовой Скифии
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб.
ЗРАО — Записки русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук СССР
ИКОГО — Известия Крымского отделения Географического общества СССР. Симферополь
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии (при Казанском университете). Казань
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КАЭ — Куйбышевская археологическая экспедиция
КГПИ — Кустанайский государственный педагогический институт
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва
КФАН СССР — Казанский филиал Академии наук СССР
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МИА ЮЗ — Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев
МИСО — Материалы по изучению Смоленской области, Смоленск
МКА — Материальная культура Азербайджана
МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
НЕПХ — Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964; 1973
НМИДК — Новочеркасский музей истории Донского казачества
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СД — Сб. «Скифские древности». Киев, 1973
СМ — Сб. «Скифский мир». Киев, 1975
СМИА — Сборник материалов по истории Абхазии. Сухуми
ТАИ — Труды Абхазского Института истории, языка и литературы. Сухуми
ТАЭ — Татарская археологическая экспедиция
ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ГЭ— Труды Государственного Эрмитажа
Тр. ОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры. Гос. Эрмитаж
ТРКМ — Тувинский республиканский краеведческий музей. Кызыл
ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва

ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УІЖ — Український історичний журнал. Київ
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. ун-та
ХИФО — Харьковское историко-филологическое общество
ХИМ — Харьковский исторический музей
ХСб. — Херсонесский сборник
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
AAH — Acta Archaelogica Academiae Scientiarum Hungaricae' Budapest
ABC— Acta Baltico-Slavica Białostok
AÉ — Archaeologiai Értesitö
AuF — Ausgrabungen und Funde
AJA— American Journal of Archaelogy
AMCIA — Actas Memorias del Congreso Internacional de Americanistas.
AOASH — Acta Orientalia Academiae Sientiarum Hungaricae. Budapest
AR — Arheologické rozhledy
BHMG — Bulletin of the Historical Metallurgy Group
BSA — The Annual of the British School at Athens. London
CIWP — Carnegie Institute of Washington Publication. Wachington
EAZ — Ethnografisch Archäologische Zeitschrift. Berlin
ECM — Estudios de Cultura Maya. México
IOSPE — V. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
Materiale — Materiale şi cercetari de arheologie
PH — Przeglad historyczny
PPM — Papers of the Peabody Museum. Cambridge-Mass.
PrzA — Przeglad Archeologiczne
PZ — Prähistorische Zeitschrift. Berlin
RB — Rocznik Białostocki. Białystok
SCIVA — Studii si cercetări de istorie veche şi archeologie
SSS — Słownik starozytnósci słowianskich. Wroclaw — Warszawa — Kraków — Gdańsk
WA — World Archaeology. London
VmMK — Veszprem megyei Muzeumok Kozleményei

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

за 1977 год

	№	Стр.
Советская археология в год 60-летия Великого Октября (В. А. Башилов, В. В. Волков)	4	5
А. И. Айбабин. Салтовские поясные наборы из Крыма	1	225
В. П. Алексеев. С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Проблемы этнической истории Беринговоморья. Эквенский могильник. М., 1975.	2	256
Л. В. Алексеев. О древнем Смоленске (К проблеме происхождения, начальной истории и топографии)	1	83
В. А. Алёкшин, Н. А. Боковенко. Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана» (Ленинград, 1975)	3	318
Б. Л. Альтшуллер. Бесстолпные храмы XIV века в Коломне	4	156
Х. А. Амирханов, П. У. Аутлев. Из исследований верхнепалеолитических индустрий Прикубанья (Инвентарь слоя 2 Губского навеса № 1)	3	143
М. В. Андреева. К вопросу о южных связях майкопской культуры	1	39
И. И. Артеменко. Археологические исследования в Украинской ССР	4	12
И. А. Бабаев. Исследования общественного здания второй половины I в. до н. э.— I в. н. э. на городище Кабала	4	217
М. Х. Багаев. Галайтинский клад VI—VII вв. н. э.	2	238
О. Н. Бадер. Доклады археологов на IV Международном конгрессе финноугроведов в Будапеште, 1975 г.	1	312
О. Н. Бадер, И. С. Чумаков. Мустьерское местонахождение Эль-Кдейр в Сирийской пустыне	2	135
К. М. Байпаков. О локализации позднесредневековых городов Казахстана	2	201
И. А. Баранов. Средневековая литейная форма из Старого Крыма	2	242
В. Н. Белицер. Мордовские сюлгамы	2	193
Р. Бишони. Неопубликованные находки из Анау, хранящиеся в музее Пибоди (США)	2	152
А. А. Бобринский, О. Н. Мельниковская. Гончарный круг у населения юхновской культуры	2	172
Н. А. Боковенко. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе	4	228
С. П. Борисковская. Д. А. Амух, P. Lawrence. Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well. Corinth, v. VII, p. II. Princeton New Jersey, 1975	4	318
П. И. Борисковский. Археология во Вьетнаме в наши дни	4	183
В. В. Борисова. Бронзовая статуэтка коня из Херсонеса	2	232
И. Б. Брашинский. A. Wąsowicz. Olbia et son territoire. L'aménagement de l'espace (Centre de recherches d'histoire ancienne. Vol. 13. Annales littéraires de l'Universite de Besançon, 168). Paris, 1975	3	300
Ю. В. Буйнов. О погребальном обряде племен бондарихинской культуры	4	208
В. А. Буров. Печати при новгородском Наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XIV в.	1	104
В. А. Буров. К вопросу о реконструкции нижних приделов Преображенского собора Соловецкого монастыря XVI в.	4	306
А. Д. Варганов. Еще раз о Суздальском соборе	2	249
А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов, Л. Д. Сулержицкий. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов	4	267
В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев. Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия)	1	276
Ю. Н. Воронов. К изучению керамического производства Диоскуриады	2	162

	№	Стр.
Л. Л. Галкьн. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья	3	189
В. Ф. Генинг. Проблема происхождения венгров (IV Международный конгресс финноугроведов в Будапеште, 1975 г.)	1	317
В. Ф. Генинг. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен	4	53
В. С. Горбунов. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы	1	149
Н. Г. Горбунова. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования)	3	107
Ю. С. Гришин. О бескерамических неолитических стоянках в Забайкалье	4	275
В. И. Гуляев. Города майя	4	74
Ф. Д. Гуревич. A. Nowakowski. Górne Pobuże w wiekach VIII—XI. Lódz, 1972	1	296
М. Ф. Гурин. Исследования древних железных изделий на микрозонде	3	287
О. М. Давудов. V Крупновские чтения (Махачкала, 1975)	4	327
Г. В. Длужневская. Некоторые особенности наземных сооружений курганов Саянского каньона р. Енисей (могильник Хадынных II)	3	275
М. А. Дэвлет. К столетию Минусинского музея	1	305
В. И. Дьяков, О. В. Дьякова. Древнее поселение на мысе Страшном в Приморье	2	222
В. Л. Егоров. География городов Золотой Орды	1	114
А. М. Ждановский. Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской	1	289
А. П. Журавлев. К изучению энеолита Карелии	3	267
Зарубежные рецензии на советские археологические издания	1	303
Ю. Н. Захарук. О понятии «факт» в археологической науке	4	30
В. А. Иванов. Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища	1	292
М. А. Итина. Проблемы археологии Хорезма. К 40-летию Хорезмской экспедиции	4	41
М. К. Кадырбаев. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана	3	204
Е. П. Казаков. Новый ананьинский могильник в низовьях р. Камы	3	197
М. И. Карагодин. Новые находки бронзового века в Шелаево (р. Оскол)	2	229
М. К. Каргер. Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке	1	240
Л. С. Клейн. И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975	3	309
Л. Г. Колесникова. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса	2	87
В. А. Кореняко, А. В. Найденко. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край)	3	230
В. Г. Котович. Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе	3	69
Д. А. Крайнов, Н. А. Хотинский. Верхневолжская ранненеолитическая культура	3	42
М. М. Крымина. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья	3	249
А. В. Куза. Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.)	3	121
Е. Е. Кузьмина. В. П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975	2	261
С. В. Кузьминых. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии	2	20
С. В. Кузьминых. О химическом составе металла Соколовского могильника	4	279
В. А. Кучкин. К изучению текста новгородской берестяной грамоты 138	4	292
Л. Р. Кызласов. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры	2	69
А. М. Лесков. А. М. Хазанов. Социальная история скифов. М., 1975	3	291
П. Д. Либеров. О хронологии абашевской культуры	2	43
И. И. Лобода. Раскопки могильника Озерное III в 1963—1965 гг.	4	236
В. Н. Логвин. Новый памятник каменного века Кустанайской области	4	270
О. Д. Лордкипанидзе. Археология Грузии. Новейшие открытия, проблемы, перспективы	3	5
М. Мамбетуллаев. Рельефное изображение всадника на керамической фляге из Хумбуз-Тепе	3	278
В. М. Массон. Алтын-Депе в эпоху энеолита	3	164

	№	Стр.
Ю. П. Матвеев, А. Т. Синюк. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону	1	139
А. Е. Матюхин. Опыты по использованию чопперов и чоппингов в качестве рубящих орудий	1	258
И. Н. Медведская. Могильник Кайтарие — новый памятник раннежелезного века Ирана	1	169
Международный коллоквиум по проблемам археологии Ирана и Средней Азии	3	322
О. Н. Мельниковская. Находка греческого веретена в памятниках юхновской культуры	3	283
Т. Менчинская, Э. Ш. Кудаев. Наскальные рисунки в Центральных Кызылкумах	4	283
Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев. Древнейшая металлургия Месопотамии	3	54
Т. В. Мирошина. Об одном типе скифских головных уборов	3	79
Ю. А. Морозов. Новые сведения о заселении Приуралья срубными племенами	1	162
А. А. Моруженко, В. А. Косиков. Курганы у с. Городное	1	281
М. Г. Мошкова, К. Ф. Смирнов. В. П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975	2	265
М. Г. Мошкова, И. Р. Пичикян. «Эйрене» — 1976. XIV Международная конференция античников социалистических стран	3	325
М. Б. Мужухоев. Антропоморфные надгробные стелы мусульманских кладбищ Чечено-Ингушетии	4	295
Д. Л. Мусхелишвили. К вопросу о распространении красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху (по материалам Ховлегора)	3	213
В. Л. Нейдинг. Фигуративная стадия развития изобразительного искусства верхнего палеолита и его эстетический критерий	2	121
А. Л. Никитин. Неолитическое поселение Плещеево IV	1	268
В. С. Ольховский. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье	4	108
В. Б. Перхавко. Вопросы раннесредневековой истории Белоруссии (VI—IX вв. н. э.) в польской археологической литературе последних лет (1960—1975 гг.)	4	146
П. Э. Песонен. О двух древних поселениях в низовье р. Нива	1	126
В. Т. Петрин. К вопросу о дате Аракаевской писаницы на р. Уфе	2	246
Н. Ф. Петрова. Каменный топор из Саратовского музея	1	275
В. Н. Пилипко. Женские культовые статуэтки с берегов Амударьи	1	187
К. Н. Пицхелаури. Памятники второй половины I тысячелетия до н. э. на территории Кахетии	3	221
И. Р. Пичикян. Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья (Всесоюзная научная конференция в Тбилиси, 1975 г.)	1	309
С. А. Плетнева. Конференция по археологии «праболгар» (Болгария, г. Шумен)	2	283
С. А. Плетнева. И. П. Русанова. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976	4	321
М. Н. Погребова. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточном Закавказье в доскифскую эпоху	2	55
В. Г. Пуцко. Стародавній Київ. Київ, 1975	2	274
П. А. Раппопорт. «Старая кафедра» в окрестностях Владимира — Волынского	4	253
А. Д. Резепкин. В. И. Марковин. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974	4	314
А. И. Романчук. Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе	2	181
Э. В. Ртвеладзе. Несколько древнеегипетских предметов из Северной Бактрии	2	235
А. П. Рунич. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины	1	248
И. П. Савовский. Раннесарматское погребение в Запорожской области	3	282
Е. А. Савостина. Римские имена в ономастике Северного Причерноморья	4	129
В. И. Сарианиди. Памятники монументальной архитектуры Бактрии	1	203
В. И. Сарианиди, Н. Н. Терехова, Е. Н. Черных. О ранней металлургии и металлообработке древней Бактрии	2	35
В. В. Седов. Международный симпозиум «Археология и организация окружающей среды» (ГДР, 1975 г.)	2	281
Ю. Б. Сериков. К вопросу о функциональном назначении так называемых каменных дисков	2	210
Н. Н. Скакун. Экспериментально-трасологические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла (по материалам Алтындепе и Теккем-депе)	1	264

	№	Стр.
С. А. Скорый. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма	1	280
А. С. Скрипкин. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений)	2	100
А. С. Скрипкин, В. И. Мамонтов. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов	4	285
К. А. Смирнов. Новые данные о почитании топора древними славянами	3	289
Г. И. Смирнова. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре)	4	94
А. Д. Столяр. Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья	3	24
Э. А. Сымонович. Стеклянная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры	1	176
С. И. Татаринов. Новое каменное изваяние из Донецкой области	3	281
С. И. Татаринов. О горно-металлургическом центре эпохи бронзы в Донбассе	4	192
Д. Я. Телегин. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита Юга Украины	2	5
Х. Тодорова, Н. В. Рындина, Е. Н. Черных. Энеолитический металл из Голямо Делчево (Болгария)	1	15
Иштван Торма. Археологическая Топография Венгрии	4	174
В. П. Третьяков. Поселение Бологое II в Калининской области	2	215
М. В. Фехнер. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в древней Руси	3	130
А. А. Формозов. О критике источников в археологии	1	5
А. С. Фролов, А. Н. Сорокин, М. Г. Жилин. Первые памятники мезолита в Мещере	2	142
Л. Г. Хрушкова. Рельефная плита с изображением птиц из Цебельды	1	75
А. В. Чернецов. Об одном рисунке Радзивилловской летописи	4	301
В. И. Шляхова. Серебряный сосуд из с. Юлдус (Курганская область)	4	287
Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. А. Солнцев. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период)	1	57
Ю. Л. Щапова. О химическом составе древнего стекла	3	95
А. А. Щепинский. Раковинные кучи на энеолитических стоянках Крыма	1	27
От Отдела полевых исследований	1	325
Михаил Константинович Каргер	3	333
Татьяна Николаевна Книпович	1	322
Петр Николаевич Третьяков	1	323

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/VII-1977 г. Т-16825 Подписано к печати 4/X-1977 г. Тираж 3225 экз.

Зак. 2611 Формат бумаги 70×108 1/16 Усл. печ. л. 29,4 Бум. л. 10 1/2 Уч.-изд. л 31,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

С 1978 года в журнале «Советская археология» введен принятый в издательстве «Наука» порядок оформления библиографии.

I. Книги

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, с. 150.
2. Там же, с. 160.
3. Lacy A. D. Greek pottery in the bronze age. London, 1967; Montelius O. Kulturgeschichte Schwedens. Leipzig, 1906. idem. Die tipologische Methode. Stockholm, 1903.
4. Lacy A. D. Op. cit., p. 12.

II. Журналы и продолжающиеся издания (Труды, Ученые записки, Известия, Сообщения и т. п.)

1. Белицер В. Н. Мордовские сюлгамы.— СА, 1977, № 2, с. 193; Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора.— МИА, 1960, № 83, с. 75 сл.; Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге.— КСИА АН СССР, 1963, № 96.
2. Каргер М. К. Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском.— Уч. зап. ЛГУ, № 252. Серия истории искусств, вып. 29, 1958; Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
3. Kutscher G. Nordperuanische Keramik,— MA, Bd. 1 1954. Abb. 80; Boul M. L'Art prehistorique dans les Pyrenees. Nouvell decouvert.— L'Anthropologue, 1923, t. 33, № 4, p. 441.

III. Сборники

1. Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В сб.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 3; Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы.— Там же, с. 152.
2. Perkins A. The Relative Chronology of Mesopotamia.— In: Relative Chronologies in Old world Archaeology. Chicago, 1965, p. 145.

IV. Рецензии

Черных Е. Н. Рец.: Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.— СА, 1976, № 3; Glasser G. Rec.: Новгородова Э. Л. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.— In: East and West. Roma, 1973, vol. 23, № 1—2, p. 204, 205.

V. Авторефераты диссертаций

Арутюнян Н. В. Биайнили (Урарту). Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1968; Аскаров А. Низовья Зеровшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1962.

VI. Архивные материалы

а) диссертации
Титов В. С. Неолит Греции (периодизация и хронология). Канд. дис. М., 1966. Архив ИА АН СССР, р—2, № 1959, с. 40.

б) отчеты
Петренко В. П. Отчет о раскопках в Старой Ладоге и ее окрестностях в 1972 г. Архив ИА АН СССР, р—1, № 4876.

в) отчеты за разные годы одного автора
Крушкол С. Ю. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р—1, № 4264, погр. 2, 4; 1970 г. р—1, № 4310, погр. 23; 1972 г. р—1, № 4859.

г) повторная ссылка на отчет
Крушкол С. Ю. Ук. отчет за 1970 г., с. 20.

VII Повторное упоминание работ одного автора

1. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964; его же. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, 1958, № 64, с. 290.
2. Смирнов К. Ф. Меотский могильник..., с. 20.
3. Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 10.

VIII. Оформление сборников типа АО, АИУ, АИМ, ОАК

АО — 1969, М., 1970
АИУ — 1970, Киев, 1972
АИМ — 1968, Кишинев, 1970
ОАК за 1900 г. СПб., 1901, с. 42.

Сноски печатаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается **постатейная** (сквозная). Сноски печатаются через два интервала (как и текст статьи).

При ссылках на иностранную литературу том (выпуск), страницу, рисунок, таблицу следует давать на языке оригинала.

Редакция просит авторов **строго** соблюдать правила оформления статей, тщательно готовить все материалы, направляемые в редакцию, уделив особое внимание точному цитированию иностранной литературы.

Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.